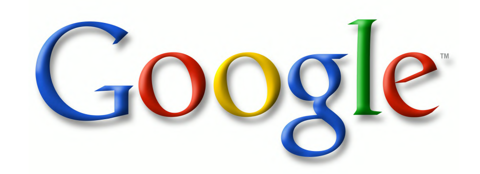


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

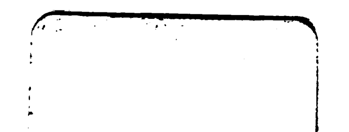
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

IV
77 4.

XI
8

Digitized by Google

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА

С҄Ъ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Я. ГРОТА.

2е АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

(БЕЗЪ РИСУНКОВЪ.)

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

СЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ

КЪ ПЕРВЫМЪ ЧЕТЫРЕМЪ ТОМАМЪ.

DERZHAVIN,
"SOCHINENIIA"

"4"

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1874.

Digitized by Google

Slav 4263.1.3

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
APR 29 1936

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, Декабрь 1874 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно съ нашею программою, этотъ томъ содержитъ въ себѣ драматическія сочиненія Державина. Изъ нихъ шесть— *Евпраксія*, *Грозный*, *Дурочка умнѣе умныхъ*, *Рудокопы*, *Атабалибо* и *Батмендій* (послѣднія двѣ неконченныя) — изданы въ первый разъ Академіею наукъ. Только заглавія нѣкоторыхъ изъ названныхъ пьесъ были извѣстны частью изъ Записокъ самого поэта, частью изъ свидѣтельствъ его современниковъ, особенно Жихарева, Аксакова и В. Панаева. Высказанныя этими лицами сужденія о его трагедіяхъ могутъ быть теперь повѣрены. Каково бы ни было художественное достоинство драматическихъ его произведеній, въ нихъ заключается несомнѣнный историческій интересъ не только по связи ихъ съ другими литературными явленіями эпохи, по ихъ значенію для полной характиристики Державина, но и по встрѣчающимся здѣсь, какъ и въ прочихъ его сочиненіяхъ, примѣненіямъ къ современнымъ обстоятельствамъ. Кромѣ того, однѣ изъ его театральныхъ пьесъ представляютъ мѣста, проникнутыя лирическимъ одушевленіемъ, въ другихъ видно замѣчательное знакомство съ русскими нравами, съ бытомъ разныхъ состояній и народнымъ языкомъ.

Дѣятельность Державина въ области драматической поэзіи началась еще въ прошломъ столѣтіи. Первые *прологи* его относятся ко времени его управленія Тамбовской губерніей (1786—1788). Въ 1790-хъ годахъ онъ предпринялъ оперу *Батмендій*; въ 1804 написано имъ большое сочиненіе *Добрыня*, родъ оперы, а вслѣдъ за тѣмъ «героическое представленіе» *Пожарскій*. Вскорѣ принялся онъ и за трагедіи вслѣдствіе соревнованія, возбужденнаго въ немъ успѣхомъ Озерова, и въ 1806 году написалъ *Ирода и Маріамну* съ посвященіемъ этой пьесы Россійской Академіи. Съ тѣхъ поръ онъ, въ послѣдніе десять лѣтъ жизни, не переставалъ съ изумительною дѣятельностію сочинять и переводить трагедіи, комедіи, оперы. Кромѣ авторскаго честолюбія, имъ руководило при этомъ желаніе дѣйствовать посредствомъ сцены на общество.

Digitized by Google

Въ особенности считалъ онъ оперу важнымъ для этого средствомъ. «Она, мнѣ кажется», замѣчено въ его *Разсужденіи о лирической поэзіи*, «перечень, или сокращеніе всего зримаго міра. Скажу бо-«лѣе: она есть живое царство поэзіи; образчикъ (идеалъ), или «тѣнь того удовольствія, которое ни оку не видится, ни уху не «слышится, ни на сердце не всходитъ, по крайней мѣрѣ просто-«людиму.... Касательно же моральной ея цѣли, то чтȯ препят-«ствуетъ возвести ее на ту же степень достоинства и уваженія, въ «коемъ была греческая трагедія? — Извѣстно, что въ Аѳинахъ «театръ былъ политическое учрежденіе. Имъ Греція поддержи-«вала долгое время великодушныя чувствованія своего народа, «превосходство ея надъ варварами доказывающія... Нигдѣ не «можно лучше и пристойнѣе воспѣвать высокія сильныя оды, пре-«провожденныя арфою въ безсмертную память героевъ отечества «и въ славу добрыхъ государей, какъ въ оперѣ на театрѣ. Екате-«рина Великая знала это совершенно. Мы видѣли и слышали, ка-«кое дѣйствіе имѣло героическое музыкальное представленіе, со-«чиненное ею въ военное время подъ названіемъ *Олегъ*, въ кото-«рой одна строфа изъ 16-й оды Ломоносова была воспѣваема:

«Необходимая судьба
«Во всѣ народы положила,
«Дабы военная труба
«Унылыхъ къ бодрости будила».

«... У насъ изъ славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсень, «древнихъ и народныхъ, писанныхъ и собранныхъ гг. Поповымъ, «Чулковымъ, Ключаревымъ и проч. въ такъ называемыхъ книгахъ: «Досугахъ, Славянскихъ сказкахъ и пѣсенникахъ, много заим-«ствовать можно чудесныхъ происшествій. Сочинитель оперъ и «трагикъ могутъ одно и то же содержаніе обработывать, пред-«ставляя знаменитыя дѣйствія, запутанныя противоборющимися «страстями, которыя оканчиваются какими-либо поразительными «развязками торжественныхъ или плачевныхъ приключеній». (*Соч. Держ.* т. VII).

Эти строки могутъ служить ключемъ къ объясненію всей дѣятельности Державина на поприщѣ драмы. Уже въ первыхъ его сочиненіяхъ этого рода замѣтно съ одной стороны такое пониманіе искуства, съ другой дѣйствіе примѣра, поданнаго царственною писательницей. Позднѣе подъ этимъ же двойствен-

Digitized by Google

нымъ вліяніемъ произошли трагедіи: *Евпраксія* и *Темный* и опера *Грозный*. Занимаясь теоріей разныхъ родовъ поэзіи, Державинъ, какъ лирикъ, естественно примкнулъ къ тѣмъ эстетикамъ, которые въ оперѣ видѣли вѣнецъ искуства. Имя Метастазія сохраняло еще все свое обаяніе, и неудивительно, что престарѣлый поэтъ, стремясь къ славѣ драматическаго писателя, вздумалъ между прочимъ переводить оперы тогдашняго свѣтила всѣхъ европейскихъ театровъ.

Въ концѣ записокъ Державина, останавливающихся на 1812-мъ годѣ, упомянуты драматическія сочиненія, написанныя или переведенныя имъ послѣ выхода его въ отставку. Тѣ изъ нихъ, которыя никогда не были изданы, отыскались въ его рукописяхъ, доставленныхъ намъ сперва Л. Л. Львовымъ, а потомъ Д. В. Полѣновымъ и В. С. Корсаковымъ. Нѣкоторыя оказались въ двухъ и даже трехъ разныхъ спискахъ, которые, разумѣется, потребовали сличенія между собою и выбора текста по правиламъ, неразъ уже заявленнымъ въ нашемъ изданіи. Прежде-напечатанныя пьесы также исправлены и дополнены нами по рукописямъ; въ такомъ возстановленіи нуждалась всего болѣе трагедія *Темный*, изданная въ 1852 году съ произвольными измѣненіями и пропусками. Въ тетрадяхъ, писанныхъ то собственной рукой Державина, то писарскимъ почеркомъ, но съ частыми своеручными его поправками, нашлись и такія пьесы, о которыхъ въ его Запискахъ не упомянуто и которыя, слѣдовательно, либо возникли уже послѣ 1812 года, либо по давности своего происхожденія были забыты авторомъ. Такъ напечатанная въ настоящемъ томѣ неконченная опера *Батмендій* относится еще къ прошлому столѣтію; къ позднѣйшимъ же трудамъ его принадлежатъ: оригинальная трагедія *Атабалибо, или разрушеніе Перуанской имперіи* (также неконченная) и переводныя оперы: *Титъ*, *Ѳемистоклъ*, *Эсѳирь*. Первыя двѣ заимствованы изъ Метастазія; непосредственный источникъ послѣдней трудно опредѣлить съ точностью. Еще прежде этихъ трехъ пьесъ Державинъ перевелъ трагедіи: *Федру* Расина и *Зельмиру* Де-Беллуа, которыя обѣ названы въ его Запискахъ. Указанная имъ тутъ же комическая опера есть, безъ сомнѣнія, пьеса *Рудокопы*, издаваемая нами теперь, равно какъ и *Дурочка умнѣе умныхъ*, названная имъ въ Запискахъ «бездѣльною» (т. е. шуточною) оперой. Затѣмъ изъ упомянутыхъ имъ здѣсь драматическихъ трудовъ его не нашлось въ рукописяхъ

Digitized by Google

только одного, именно «бездѣльной» же оперы *Женская дружба*. Къ числу прежде извѣстныхъ сочиненій его принадлежитъ еще маленькая пьеска: *Кутерма отъ Кондратьевъ*, при оцѣнкѣ которой не надобно забывать, что это комедія-шутка, написанная имъ для дѣтей.

Что касается до переведенныхъ или заимствованныхъ имъ пьесъ, то мы не сочли нужнымъ печатать ихъ цѣликомъ. Драматическіе переводы прежняго писателя могли бы только въ такомъ случаѣ имѣть право на вниманіе наше, еслибъ отличались, по крайней мѣрѣ, отдѣлкою въ языкѣ и стихѣ; но Державинъ, ни по образованію, ни по роду своего таланта, не въ состояніи былъ придать переводамъ своимъ этого достоинства, тѣмъ болѣе что не могъ изучать въ подлинникѣ избранныхъ имъ италіянскихъ и французскихъ образцовъ и долженъ былъ переводить ихъ по подстрочнымъ переложеніямъ, сдѣланнымъ ему пріятелями или родными. Извѣстно, что *Федру* перевела для него такимъ образомъ его племянница, покойная Елис. Ник. Львова; въ такомъ же дословномъ переводѣ (кажется Сем. Вас. Капниста) сохранилась въ бумагахъ Державина опера Метастазія *Аттилій Регулъ*. Этотъ послѣдній переводъ остался однакожъ безъ дальнѣйшей обработки.

По этимъ соображеніямъ мы рѣшились представить читателямъ только отрывки изъ переводныхъ пьесъ Державина. Извлеченіе изъ *Федры*, какъ напечатанное еще при жизни его, помѣщено въ самомъ текстѣ этого тома. Сцены изъ остальныхъ переводовъ отнесены въ Приложенія, гдѣ дано мѣсто и началу оперы *Счастливый горбунъ*, задуманной Державинымъ въ подражаніе одной изъ повѣстей Карамзина.

По многочисленности и разнообразію содержащихся въ нашемъ изданіи сочиненій и примѣчаній къ нимъ, необходимо было пособіе для облегченія читателю справокъ. Съ этою цѣлью и составленъ прилагаемый въ самомъ концѣ настоящаго тома подробный Указатель къ первымъ четыремъ томамъ сочиненій Державина.

Я. Гротъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА IV.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ: Стр.

Digitized by Google

ТОРЖЕСТВО

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

ОТПРАВЛЕННОЕ ВЪ ТАМБОВѢ ГУБЕРНАТОРОМЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ

ВЪ ЕГО ДОМѢ

1786 года 28 іюня.

ОСОБЫ,

СОСТАВЛЯВШІЯ КАДРИЛЬ И ХОРЫ

(большею частію дѣти).

Хоръ.

Яковъ Ивановичъ Беклемишевъ.
Лаврентій Семеновичъ Журавченко.
Иванъ Петровичъ Ивановъ.
Анна Николаевна, Прасковья Николаевна, Надежда Николаевна — Свѣчины.
Княжна Катерина Ивановна Давыдова.

Кадриль.

Иванъ Михайловичъ Ушаковъ.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Надежда Матвѣевна Булдакова.
Михайла Николаевичъ Кормилицынъ.
Катерина Степановна Беклемишева.
Николай Дмитріевичъ Хвощинскій.
Фіона Ивановна Комсина.
Николай Степановичъ Беклемишевъ.
Софья Дмитріевна Хвощинская.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Борисъ Дмитріевичъ Хвощинскій.
Елена Николаевна Охлебинина.
Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
Анна Никитишна Салькова.
Романъ Ѳедоровичъ фонъ-Мелинъ.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
Катерина Прохоровна Ерина.
Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Каролина Ѳедоровна фонъ-Мелина.

Стихи въ хорѣ соображены были съ музыкою г-на Паизіэлло *).

ТОРЖЕСТВО

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II [1].

Въ древнія времена въ Аѳинахъ былъ обычай составлять торжество богинѣ Минервѣ, страну Аттическую покровительство-

---

* Извѣстный италіянскій композиторъ, род. 1741, ум. 1816; въ 1776 г. былъ онъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь провелъ девять лѣтъ.

Digitized by Google

вавшей. Оно установлено было для поощренія къ добродѣтели и отправлялось слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи въ храмѣ жертвъ, главный жрецъ выводилъ на народную площадь сонмъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя одежды, украшенныя цвѣтами. Во время шествія они пѣли стихи, подобные нижеслѣдующимъ, въ честь ихъ покровительницы. По пришествіи же на мѣсто, хорегъ показывалъ имъ того мужа, который болѣе всѣхъ изъ зрителей отличалъ себя заслугами отечеству и благодѣяніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ останавлялись. Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благотворенію въ древности. Потомъ начинались пляски.

Подражая сему древнему аѳинейскому обыкновенію, тамбовское благородное общество, торжествуя день восшествія на престолъ ея величества, составило кадриль изъ благородныхъ обоего пола дѣтей, которыя, будучи одѣты въ бѣлое греческое платье и украшены цвѣточными перевязями, подъ предводительствомъ хорега, представлявшаго жреца, вышли изъ представленнаго въ концѣ галлереи храма. Во время шествія ихъ слышно было пѣніе слѣдующаго хора:

ХОРЪ.

ГИМНЪ БОГИНѢ.

Премудрая Аѳина!
Всещедро божество!
Ты намъ покровъ едина,
Ты наше торжество.

Благоволи пробавить
Щедроту къ намъ свою[2],
Почтить того, прославить,
Кто только лишь твою
Одну святую волю
И твой законъ хранитъ,
Счастливитъ смертныхъ долю,
Не мститъ, благотворитъ
И по путямъ лишь чести
Влечетъ къ себѣ сердца.
Достоинъ не изъ лести
Тотъ славы и вѣнца.

Digitized by Google

По окончаніи онаго, дѣти, подошедъ къ главнокомандующему въ губерніи[3], поднесли ему: юноша — вѣнецъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвица — корзину цвѣтовъ, съ слѣдующимъ краткимъ привѣтствіемъ:

ЮНОША.

«За оказанныя благодѣянія здѣшнему обществу подносимъ искренніе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія».

«Позволь, да радость нашу изъявимъ мы плясками и играми.»

По данному начальникомъ знаку начался балъ, въ продолженіе котораго горѣла въ городѣ по разнымъ публичнымъ мѣстамъ иллюминація, озаряя нижеслѣдующія картины:

I.

Солнце въ полномъ свѣтѣ, посреди котораго вензеловое имя Екатерины Вторыя освѣщало лучами своими полсвѣта, на которомъ сидящіе орлы съ пламенными сердцами поднимали крылья, дабы воспарить къ сему благотворному свѣтилу.

НАДПИСЬ:

Твой свѣтъ насъ воскриляетъ.

II.

Геркулесъ, въ груди котораго вензеловое имя Екатерины Вторыя, облеченный во львиную кожу, стоитъ, облокотясь на свою палицу, попирая ногами гидру. Леопарды и медвѣди убѣгаютъ, а младенцы, играя вокругъ его, разсыпаютъ цвѣты.

НАДПИСЬ:

Тебя мы не боимся.

III.

Аполлонъ выѣзжаетъ на горизонтъ въ обыкновенной своей колесницѣ, запряженной четырьмя огненными конями. Отъ колесъ его повсюду разливаются розовые лучи. Мраки исчезаютъ. Пришествію его радуется природа. Лебеди и прочіе пернатыя машутъ крылами и прославляютъ его пришествіе.

НАДПИСЬ:

Торжествуемъ приходъ своего благотворителя.

---

[1] Написано въ Тамбовѣ, гдѣ Державинъ съ начала весны 1786 года былъ губернаторомъ (правителемъ намѣстничества). Это описаніе придуманнаго имъ празднества было первоначально напечатано 1788 г. въ

Digitized by Google

Тамбовѣ (мал. 8-я д. л.) въ вольной типографіи. Впослѣдствіи текстъ былъ нѣсколько измѣненъ при помѣщеніи его въ изданіи 1808 (ч. IV, I).

[2] Этотъ стихъ былъ пропущенъ въ изданіи 1808 г.

[3] Ивану Васильевичу Гудовичу, намѣстнику рязанскому и тамбовскому, остававшемуся въ этой должности съ апрѣля 1785 по первые мѣсяцы 1789 года. Праздникъ былъ устроенъ, какъ говоритъ Державинъ, въ честь генералъ-губернатора, посѣтившаго лѣтомъ Тамбовъ. Гудовичъ род. 1741, ум. 1821 г. Подробнѣе о немъ въ *Запискахъ* Державина.

Digitized by Google

ПРОЛОГЪ,

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ МУЗЫКОЮ,

НА

ОТКРЫТІЕ ВЪ ТАМБОВѢ ТЕАТРА И НАРОДНАГО УЧИЛИЩА,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ БЛАГОРОДНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

НА ТЕАТРѢ ВЪ ДОМѢ ГУБЕРНАТОРА ДЕРЖАВИНА

1786 ГОДА 24 НОЯБРЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Пустынникъ.......... Яковъ Ивановичъ Бекленишевъ.
Геній.................. Дѣвица Анна Матвѣевна Бибикова.
Мельпомена........... Дѣвица Марья Григорьевна Орлова.
Талія.................. Дѣвица Марья Дементьевна Чичерина.
Дѣти.................. Александръ Антоновичъ Аничковъ.
Мальчики съ рѣчьми.. Николай Дмитріевичъ Хвощинскій.
Николай Степановичъ Беклемишевъ.
Александръ Николаевичъ Свѣчинъ.
Борисъ Дмитріевичъ Хвощинскій.
Корнилій Андреевичъ Ниловъ.
Сергѣй Николаевичъ Охлебининъ.
Романъ Өедоровичъ фонъ-Мелинъ.
Викторъ Ивановичъ Комсинъ.
Александръ Петровичъ Чевелевъ.
Дѣвицы безъ рѣчей.. Надежда Матвѣевна Булдакова.
Фіона Ивановна Комсина.
Софья Дмитріевна Хвощинская.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Елена Николаевна Охлебинина.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Анна Никитишна Салькова.
Елисавета Өедоровна Мокшѣева.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Катерина Степановна Беклемишева.
Музыка................ Первый хоръ г-на Журавченка.
Второй хоръ г-на Раупаха.
Декораціи и платье... Г-на Барзантія.

Digitized by Google

ПРОЛОГЪ

НА ОТКРЫТІЕ ВЪ ТАМБОВѢ ТЕАТРА И НАРОДНАГО УЧИЛИЩА[1].

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которыхъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтръ клонитъ деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти разнаго состоянія отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. По укрощеніи бури выходитъ Пустынникъ, украшенный сѣдинами, съ сѣкирою въ рукахъ.

ПУСТЫННИКЪ[2].

О дикій, темный лѣсъ[3], но въ дикости прекрасный,
Стихіевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!
Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ;
Но станетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистить ихъ? — Ахъ, нѣтъ! конечно нѣтъ!
По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе кто за мною идутъ въ слѣдъ...
(*Рубитъ сучья, которые, упадая, открываютъ просѣкъ.*)
Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;
Исполнилъ я мой долгъ: — дорога къ свѣту есть.

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляетъ на проложенной Пустынникомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ, но оныя тотчасъ закатываются; восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце[4], которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или Духъ просвѣщенія, слетаетъ на облакѣ, держа одною рукою учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска.

ГЕНІЙ.

(*Сошедши съ облака, удивляется красотѣ и величеству свѣтила.*)

Краса вселенныя, утѣха, радость, честь,
Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣй,
Великолѣпнѣе, отраднѣе, щедрѣй?
Достойно ты того, чтобъ я съ круговъ эѳира
Слетѣлъ и обозрѣлъ величество твое.

Digitized by Google

Оно божественно! Все чувствіе мое
Несмѣтныхъ благъ твоихъ плѣненно красотою:
Я восхищенъ тобою!
И если мой небесный, чистый жаръ,
Усердіе и чувства благородны
Тебѣ угодны:
Въ благопріятный даръ
Прими его.
Отъ свѣта твоего
Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,
Я приложу старанье,
И лѣсъ сей просвѣтить готовъ.
(*Беретъ изъ облака учебную доску, вѣшаетъ на дерево и возглашаетъ*:)
Внимай меня, кто бъ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачъ, подвластный и свободный,
И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный!
Послушайте! себѣ желаетъ кто добра,
Дражайшаго стократъ и злата и сребра,
Котораго никакъ не похищаютъ воры,
Не подкопаетъ тать: не медля, будьте скоры,
Спѣшите всѣ ко мнѣ богатство пріобрѣсть[5].
Я чувствовать учу прямую честь,
Я разумъ знаньемъ наполняю;
Просите у меня: все дать я обѣщаю,
Что́ можетъ честь
Принесть
И сердце воспалить къ поступкамъ благонравнымъ[6]!
Приди, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ главнымъ.

МАЛЬЧИКЪ.

(*Выскоча изъ пещеры, кричитъ*:)

Я!

ГЕНІЙ.

(*Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ*:)

Учись начальству быть послушнымъ прежде самъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Потщуся быть послушнымъ.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ быть почтенъ, имѣть великій санъ?

(*Другой мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ*:)

Я!

Digitized by Google

ГЕНІЙ.

(*Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:*)

Такъ будь великодушнымъ,
Учись быть всѣмъ слугой [в].

МАЛЬЧИКЪ.

Урокъ исполню твой.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ пріобрѣсть себѣ богатство, славу?

(*Третій мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ:*)

Я!

ГЕНІЙ.

Трудись!

МАЛЬЧИКЪ.

Послѣдую сему уставу.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ добрымъ быть и честнымъ гражданиномъ,
Любезнѣйшимъ отцомъ, послушнымъ, кроткимъ сыномъ,
Супругомъ ласковымъ [г], сосѣдомъ не сварливымъ,
Судьею справедливымъ,
Единымъ словомъ: кто, кто хочетъ быть счастливымъ?

(*Тутъ множество мальчиковъ изъ пещеръ бѣгутъ съ распростертыми руками и кричатъ:*)

Я! я! я! я!

ГЕНІЙ.

(*Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:*)

Учитесь и трудитесь!

МАЛЬЧИКИ.

(*Всѣ вдругъ.*)

Будемъ!
Твоихъ совѣтовъ не забудемъ.

(*Во все сіе явленіе музыка, подобно раздающемуся эху, отзывается возглашеніемъ Генія и отвѣтами мальчиковъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАЛІЯ И МЕЛЬПОМЕНА.

МЕЛЬПОМЕНА.

Въ семъ лѣсѣ, гдѣ дика, сурова такъ природа,
Я слышу гласъ народа. —
Учиться здѣсь повелѣваютъ!

Digitized by Google

ТАЛІЯ.

(*Глядя на доску.*)

И грамотѣ здѣсь знаютъ.

МЕЛЬПОМЕНА.

Здѣсь пишутъ, кажется, и могутъ мыслить.

ТАЛІЯ.

Не можно ли ихъ намъ, сестра, къ себѣ причислить
И краю здѣшнему услугу показать?
Мы будемъ представлять.

МЕЛЬПОМЕНА.

И то возможетъ статься.

ТАЛІЯ.

Пойдемъ же попытаться. —
Я вижу впереди учителя съ дѣтьми.
Наука можетъ быть межъ здѣшними людьми
Пріятна и любима.

(*Подходитъ къ Генію.*)

МЕЛЬПОМЕНА.

Мы странницы, пришли изъ Греціи, изъ Рима;
Насъ тамъ любили всѣ.
Я добродѣтель ободряла.

ТАЛІЯ.

А я порокъ пересмѣхала.

МЕЛЬПОМЕНА.

(*Къ Генію.*)

Дерзаемъ вопросить: здѣсь нельзя ль остаться намъ?

ТАЛІЯ.

И нашъ воздвигнуть храмъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

(*Въ сіе время, какъ Геній разговариваетъ съ Музами, дѣти снимаютъ съ дерева учебную доску и уходятъ съ нею въ пещеры.*)

ГЕНІЙ.

Дражайшія сестры! друзья мои почтенны!
Бывъ должностью моей столь много упражненный,
Я не примѣтилъ васъ. Но васъ ли вижу я?
Облегчена теперь обязанность моя.
Какое счастье! о странницы любезны!
Вы ксати, кстати здѣсь, пренужны, преполезны;

Digitized by Google

Вы нынѣ будете мнѣ помощью съ небесъ:
Сей лѣсъ
Былъ множество вѣковъ ужасно помраченнымъ,
Неочищеннымъ [5],
Подобно хаосу стоялъ,
Стихіевъ бурями стеналъ;
Но нѣкогда вертепъ сей дикій
Пустынникъ ревностный, могущій и великій
Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ
Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ,
По коей свѣтъ,
Спомоществуемый лучами трехъ планетъ [6],
Боролся съ мракомъ сопротивнымъ;
И лѣсъ
Поднесь
Едва лишь освѣщеннымъ былъ,
Иль только просвѣщеннымъ слылъ;
Но наконецъ сіе великое свѣтило,
Взошедъ на высоту небесъ,
Свой лучезарный блескъ спустило
На этотъ лѣсъ:
Отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Отъ тихихъ до сердитыхъ [7],
Бѣгутъ толпы угрюмыхъ тучъ;
Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,
Въ норахъ, почти совсѣмъ забытыхъ,
Сверкаетъ свѣтозарный лучъ!
Препоны нѣтъ ему нигдѣ;
Вездѣ
Все движется, живетъ, растетъ и расцвѣтаетъ,
Все животворный огнь вкушаетъ, ощущаетъ;
Кремень преобращается въ алмазъ [8],
И испущаетъ все благодаренья гласъ!
Блистаніемъ его и я здѣсь пребываю:
Ему служу,
Разсадникъ свѣта развожу,
Лучи къ простымъ деревьямъ прививаю. —
Ступайте! время вамъ
Здѣсь вашъ воздвигнуть храмъ.

Digitized by Google

Ступайте! голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ внятенъ,
Оберегатель правъ[9] здѣсь вамъ благопріятенъ.
Ты, Мельпомена, намъ доброты возвѣщай
И подвизаться въ нихъ героевъ поощряй;
А ты намъ, Талія, шпынствомъ твоимъ искуснымъ
Пересмѣхай порокъ и дѣлай его гнуснымъ.
Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы:
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ,
И просвѣщенію, наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь. Примите у меня
Орудіе свое.

(*Вынимая изъ облака, подаетъ Мельпоменѣ кинжалъ.*)

МЕЛЬПОМЕНА.

Велѣніе твое
Храня,
Я все противное законамъ, правдѣ, чести,
Любви къ отечеству и вѣрности къ царю,
Все то, что̀ по слѣдамъ пойдетъ коварства, лести,
И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты, прю,
Не пощадя себя, на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

ГЕНІЙ.

(*Вынимая изъ облака маску, подаетъ Таліи.*)

Вотъ, Талія, тебѣ личина и твоя.

ТАЛІЯ.

Я знаю, должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись, я, какъ будто не нарочно,
Все то, что̀ скаредно и гнусно и порочно,
И такъ и сякъ ни въ комъ никакъ не потерплю.
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю.
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,
Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,
Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,
Кащеевъ, гордецовъ,
И пьяницъ и мотовъ,

Digitized by Google

Господъ немилосердыхъ
И мудрецовъ безвѣрныхъ
На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ.
Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ
Я смѣло покажу.
Ослины уши я иному присажу,
И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться,
Плевать на нихъ, мерзить, освистывать, ругаться;
А буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ; —
Будь баринъ, будь слуга, но будетъ мнѣ любезенъ[*].

ГЕНІЙ.

Не сомнѣваюсь я, нелестные друзья!
Не тщетна кажется надежда въ васъ моя.
Исполня вы свой долгъ, мой подвигъ подкрѣпите,
И лучшимъ образомъ сей лѣсъ вы просвѣтите.
Но прежде намъ сего пристойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту путь
И столь въ немъ расширилъ любезну свѣтозарность:
Намъ должно торжествомъ принесть тѣмъ благодарность.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лѣсъ исчезаетъ. Театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колоннадою, въ концѣ которой виденъ храмъ просвѣщенія, по сторонамъ коего два обелиска съ сіяющими медаліонами. Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тускломъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензеловое имя Петра I. Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ, представляетъ вензеловое имя Екатерины II. — Хоры пѣвчихъ. Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь и становятся отъ обелисковъ вдоль по колоннадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ; Талія и Мельпомена — на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторону.

ГЕНІЙ.

(*Обращаясь къ первому обелиску.*)

Начнемъ!
И прежде пѣснь тому мы воспоемъ,
Кто въ свѣтъ
Намъ показалъ здѣсь слѣдъ.

Digitized by Google

ХОРЪ.

(*Тихо, безъ музыки.*)

Ко скипетру рожденны руки
Онъ въ трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ[10]!

(*По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго.*)

ГЕНІЙ.

(*Обратясь ко второму обелиску.*)

Теперь мы возгласимъ то славное свѣтило,
Что̀ вящшіе лучи на край сей ниспустило.

ХОРЪ.

(*Громогласно съ музыкою.*)

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлой красотой твоей!
Сіяй, утѣха, радость свѣта,
Для вѣчной славы нашихъ дней!
Сіяй, несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная Екатерина!

(*По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами второй обелискъ.*)

ТАЛІЯ.

Начну я отправлять мою теперь же должность,
И вамъ комедію представлю: *Такъ и должно*[11].

[а] ... ко мнѣ нетлѣнно благо пріобрѣсть (1789).
[б] Снабжаю сердце я навыкомъ благонравнымъ (Этотъ стихъ стоялъ передъ стихомъ, начинающимся словами: «Просите у меня»).
[в] Праведнымъ и всѣмъ слугой.
[г] Супругомъ рȁдостнымъ...
[д] Хоть баринъ, хоть слуга, тотъ будетъ...

---

[1] Одною изъ первыхъ заботъ Державина по пріѣздѣ въ Тамбовъ было распространеніе въ обществѣ образованія и людскости: при дѣятельномъ участіи въ томъ жены его, въ домѣ ихъ устроены были танцовальные и другіе уроки для дворянскихъ дѣтей, а также театральныя представленія (томъ III, стр. 606 и 607). Открытіе въ Тамбовѣ народнаго училища описано довольно подробно въ *Запискахъ* Державина.

Прологъ этотъ напечатанъ былъ тогда же отдѣльно въ Тамбовѣ, а потомъ, 1789 г., въ XXX ч. *Россійскаго Θеатра*, подъ заглавіемъ: *Прологъ*

Digitized by Google

на открытіе въ Тамбовѣ народнаго училища. Представленъ и проч. Отдѣльный оттискъ Пролога изъ этого изданія (стр. 245—264) полученъ нами отъ Г. Н. Геннади. Въ изд. 1808 г., см. ч. IV, II. Въ послѣднемъ изданіи замѣчены нами нѣкоторые пропуски и измѣненія. Такъ въ первоначальномъ изданіи, послѣ исчисленія дѣйствующихъ лицъ, подъ словомъ *Музыка* о второмъ хорѣ прибавлено: «Изъ оперы *Альцеста*: Гласъ славы проницаяй вселенну». За тѣмъ сказано тамъ еще слѣдующее:

«Исполненіе — дѣвицы Анны Николаевны Свѣчиной.

«Музыканты — служители Николая Ивановича Свѣчина.

«Пѣвчіе — Аѳанасья Михайловича Сатина.

«Живопись — служителей Андрея Михайловича Нилова и дѣвицы Катерины Юрьевны Сабуровой.

«Изобрѣтеніе декорацій, театральнаго украшенія и платья — г. Барзантія, служащаго машинистомъ въ тамбовскомъ намѣстничествѣ».

[2] Аллегорическое отношеніе къ Петру Великому.

[3] Этими словами означается здѣсь тогдашнее мало образованное тамбовское общество.

[4] Подъ солнцемъ разумѣется здѣсь Екатерина II.

[5] Въ первоначальныхъ изданіяхъ послѣ этого слова былъ еще стихъ: Не просвѣщеннымъ.

[6] Трехъ императрицъ: Анны, Елизаветы и Екатерины.

[7] Отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Каспійскаго до Балтійскаго. Въ первоначальныхъ изданіяхъ *Пролога* было тутъ примѣчаніе: «Мореходцами почитается Варяжское море за опаснѣйшее».

[8] Намекъ на однодворца Захарьина, сказавшаго рѣчь при открытіи въ Тамбовѣ народнаго училища (томъ III, стр. 265 и 606). Въ первоначальныхъ изданіяхъ *Пролога* объяснено тутъ самимъ Державинымъ: «Однодворецъ въ рѣчи своей назвалъ себя сѣрымъ камнемъ, испущающимъ сильныя искры».

[9] Намѣстникъ.

[10] Эти стихи взяты изъ пѣсни Державина *Петру Великому*, см. томъ I, стр. 18.

[11] Комедія Веревкина, избранная для перваго представленія, какъ сочиненіе бывшаго начальника Державина въ казанской гимназіи и притомъ какъ пьеса, направленная противъ подьячихъ и крючкотворцевъ, какихъ тогда много было въ Тамбовѣ (томъ III, 606 и 607).

Digitized by Google

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО

НА

БРАЧНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢЕВИЧА И КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ НИКИТИШНЫ ВЯЗЕМСКИХЪ,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ НЕВЗНАЧАЙ

СЕМЕЙСТВОМЪ АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА ВАСИЛЬЕВА

ВЪ СЕЛѢ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ, ВЪ САДУ,

1791 года 18 іюля.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Флора..... Катерина }
Помона.... Марья } Алексѣевны Васильевы, малолѣтныя дѣвицы.

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО

ВЪ ЧЕСТЬ КНЯЗЯ А. А. ВЯЗЕМСКАГО[1].

Зрѣлище представляетъ въ саду бесѣдку и въ ней сидящихъ хозяина съ хозяйкою, украшенныхъ лѣтами, почестями и добродѣтелями, окруженныхъ ихъ семействомъ. Къ нимъ входятъ, въ убранствѣ Флоры и Помоны, двѣ младыя дѣвицы съ корзинами, одна неся цвѣты, а другая плоды.

ФЛОРА.

И мы въ сіи мѣста,
Почтенная чета!
Среди семьи твоей
Пришли сораздѣлить
Пріятный праздникъ сей
И въ сельскихъ пѣсняхъ возгласить
Тебя, почтенный мужъ!
Тебя, почтенная супруга!

Digitized by Google

Сколь счастлива семья сія, сія округа,
Познайте то въ восторгѣ нашихъ душъ.

ПОМОНА.

Взгляните вы на всѣхъ здѣсь взоры:
Во всѣхъ течетъ здѣсь ваша кровь;
Внемлите тамъ поющихъ хоры:
Они поютъ вашъ бракъ, любовь.

ХОРЪ I[2].

(*Вдали.*)

Да царствуетъ веселье здѣсь,
Утѣхи, радость, восхищенье!
Любовь, твое воспламененье,
Твой даръ мы торжествуемъ днесь.
О нѣжные супруги!
Се вашихъ день прохладъ,
Се вамъ здѣсь предстоятъ
Любезны ваши дѣти, други
И чада вашихъ чадъ.

ФЛОРА.

За вашу къ намъ любовь, за милость, за труды,
О счастьи нашемъ попеченья
Я въ даръ сіи цвѣты....

ПОМОНА.

А я сіи плоды

(*Обѣ вмѣстѣ.*)

ХОРЪ.

Подносимъ вамъ во знакъ почтенья;
Примите ихъ отъ насъ, отъ искреннихъ сердецъ,
Сего семейства мать, и ты, его отецъ!

(*Ставятъ передъ ними корзинки.*)

ХОРЪ II.

Мы васъ всѣ любимъ сердечно,
Милы намъ, милы вы вѣчно,
Наши плѣнили сердца;
Видимъ въ васъ мать и отца.
Будьте счастливы и здравы,
Полны утѣхи и славы!
Всякій намъ съ вами есть край

Digitized by Google

Радость, блаженство и рай,
Рай, рай, рай!

ФЛОРА.

Любезная сестра! подъ симъ совосклицаньемъ
Почтимъ сей день своимъ невиннымъ мы плясаньемъ.

ХОРЪ III.

О чета почтенна рода!
Для того тебѣ природа
Бытіе дала,
Чтобъ была его хвала!
Мы твои усердны чада,
Просимъ небо, чтобъ досада
Васъ не знала никогда;
Печаль отъ Васъ бы удалилась,
Надежда, радость водворилась
Въ почтенный домъ вашъ навсегда:
Да мы, среди утѣхъ, забавы,
Среди довольствъ, блаженства, славы,
Жить будемъ вѣчно безъ вреда.

По окончаніи хора, Флора и Помона берутъ другъ друга за руки и начинаютъ польскій танецъ; прочіе жъ молодые люди почтеннаго сего семейства встаютъ съ мѣстъ своихъ и попарно слѣдуютъ за ними. Потомъ Флора и Помона подходятъ къ хозяевамъ, въ честь которыхъ празднество сіе было, и цѣлуютъ ихъ руки. Подражая сему, и другіе дѣлаютъ имъ пристойные знаки почтенія, и тѣмъ оканчивается сіе родственное празднество.

---

[1] Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій былъ начальникомъ Державина съ 1777 по 1784 годъ (см. томъ III, стр. 263). Хотя поэтъ и оставилъ сенатскую службу по неудовольствіямъ съ нимъ (томъ I, стр. 296), однакожъ сохранилъ добрыя отношенія къ его дому. Упомянутый въ подробномъ заглавіи этого пролога А. И. Васильевъ былъ сослуживцемъ Державину по сенату (о немъ въ томѣ II, стр. 421 и 422). О селѣ Александровскомъ, гдѣ происходило представленіе, см. томъ III, стр. 264.

Въ первоначальной рукописи заглавіе пьесы было слѣдующее: «Семейное празднество въ радостное воспоминовеніе брачнаго сочетанія е. с. князя *и проч.*, представленное почитателемъ ихъ добродѣтелей и блюстителемъ вѣчной къ нимъ благодарности, А. И. Васильевымъ съ его фамиліею» и проч. Младшая изъ участвовавшихъ въ представленіи дѣ-

Digitized by Google

вицъ была крестницей Державина и впослѣдствіи вышла замужъ за В. В. Орлова-Денисова (томъ II, стр. 421).

Напеч. въ изд. 1808 г., ч. IV, IV.

[2] Здѣсь въ рукописи подстрочное примѣчаніе: «Хоровъ сихъ музыка, съ перемѣною словъ, взята, перваго изъ оперы *Лорета*, втораго — изъ оперы *Добрый солдатъ* (Хераскова), третьяго — изъ торжественныхъ хоровъ г. Козловскаго» (ср. томъ III, стр. 608).

Digitized by Google

ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ

НА

РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ЛЮБВИ,

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

1799.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любовь. | Дѣвы.
Жрецы. | Народъ.
Юноши.

Дѣйствіе происходитъ въ Сѣверѣ.

ПРОЛОГЪ НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ЛЮБВИ[1].

Театръ представляетъ на разсвѣтѣ лѣсъ, покрытый инеемъ. Въ срединѣ лѣса купа дубовъ, подъ которыми семь жрецовъ сидятъ въ бѣломъ одѣяніи. Предъ ними алтарь. Вдали видны каменныя скалы съ висящими съ нихъ оледенѣлыми источниками. Музыка соображается съ дикой, замерзлой природой, сливаясь съ шумомъ вѣтра.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(*Тихій, унылый, безъ музыки, изъ теноровъ и басовъ составленный.*)

Долго ль, инеемъ покрытый,
Будетъ сей ужасенъ лѣсъ?
Свѣтлы дни уже забыты,
Видимъ въ стужѣ гнѣвъ небесъ!

ЖРЕЦЪ.

(*Теноромъ поющій, приступая къ алтарю, поставляетъ предъ нимъ жертвенный треножникъ, покрытый бѣлымъ полотномъ.*)

Съ первымъ бы цвѣткомъ явиться
Къ намъ должна была весна;
Но земля безплодна зрится,
Холодомъ умерщвлена[2].

ВТОРОЙ ЖРЕЦЪ.

(*Старшій, басомъ поющій, снимаетъ съ треножника покрывало.*)

Часто покрываетъ мглою
Блески своего чела,

Digitized by Google

Чтобъ съ сугубой красотою
Послѣ возсіять могла.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Съ музыкою, возставъ и приближаясь къ алтарю.)

Принесемъ же мы моленье
Благодѣтельнымъ богамъ,
Чтобъ твое произреченье
Скоро совершилось намъ.

ТРИ ЖРЕЦА.

(Старшій и два младшіе, съ музыкою.)

Боги! наши голоса
Да коснутся неба свода!
Озарите небеса,
И воскреснетъ вся природа!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Безъ музыки.)

Чада! чада! къ намъ идите
И мольбы соедините.

(Показывается народъ, юноші и дѣвицы.)

ХОРЪ ОБЩІЙ.

(Съ музыкою.)

(Народъ, жрецы, юноши и дѣвицы.)

О небо! преклонись къ моленьямъ
Ты сокрушенныхъ нашихъ душъ.
Весна, приди — и дуновеньемъ
Оковы мразныя разрушь!
Вели дыхать благоуханьямъ,
Вели раскинуться цвѣтамъ,
Да мы щедротъ ея даяньемъ
Здѣсь жертвы принесемъ богамъ.

(Подъ симъ хоромъ хороводъ дѣвицъ и юношей составляютъ вкругъ алтаря и жертвеннаго треножника медленный священный танецъ. Между тѣмъ старшій жрецъ возжигаетъ на треножникѣ огонь. Хоръ прерывается слышимымъ вдали троекратнымъ гуломъ грома, при каждомъ коего отголоскѣ пламя на треножникѣ вспыхиваетъ, и хоръ, возобновляясь трикраты, постепенно и тихо умолкаетъ.)

ТРИ ЖРЕЦА.

Смягчилося стремленье
Холодныхъ бурь и стужъ:
Услышано моленье
Усердныхъ вашихъ душъ.

Digitized by Google

ХОРЪ.
(*Народа, юношей и дѣвицъ.*)

Услышаны мольбы сердечны,
Молитва наша принята!
О боги праведны и вѣчны!
Обрадуйте сіи мѣста.
Надежда, утѣшай, драгая!
Приди скорѣй, весна златая!

(*Сей народный хоръ пересѣкается сильнымъ громовымъ ударомъ. Театръ постепенно освѣщается, сходятъ облака и закрываютъ часть лѣса; а сцена мало по малу перемѣняется въ весеннія явленія.*)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Оживитесь, пошвы льдисты,
Распуститеся, цвѣтки,
Да сплетемъ изъ васъ душисты
Милымъ и себѣ вѣнки.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Раздѣлитеся, зелены,
Намъ на подвиги, луга,
Чтобъ бросать огонь военный
Мы учились на врага.

(*Въ сіе время спускаются облака ниже по глубинѣ театра и составляютъ изъ себя группу.*)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Поспѣваетъ наша дань
Дѣвамъ юнымъ и прекраснымъ.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Ужъ открылося на брань
Поле юношамъ безстрашнымъ.

(*Сіи хоры одинъ послѣ другаго повторяются.*)

ОБЩІЙ ХОРЪ.
(*Изъ юношей и дѣвъ.*)

Всѣ утѣхи обѣщаетъ
Сердцу радостна весна;
Но еще не оставляетъ
Нѣкихъ намъ блаженствъ она.

(*Тутъ указываетъ народъ на сгущенную группу облаковъ и приближается къ ней вмѣстѣ съ жрецами.*)

ХОРЪ НАРОДА И ЖРЕЦОВЪ.
(*Фуга.*)

Что̀ за явленье
Снисходитъ съ небесъ?

Digitized by Google

Странно видѣнье
Рѣдкихъ чудесъ!

(Нижняя часть густыхъ облаковъ, садясь на землю, раздвигается и появляется изъ нея розовый кустъ.)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Весна открылась красотою,
Сплетемъ вѣнки себѣ мы вновь.

(Подбѣгаютъ къ кусту рвать цвѣты: въ немъ показывается Любовь въ видѣ младенца. Въ сіе мгновеніе разрѣшаются замерзлыя воды, текутъ водопады, лѣсъ и земля покрываются цвѣтами.)

ХОРЪ.

(Изъ народа, жрецовъ, юношей и дѣвицъ.)

Мы видимъ, съ юною весною
Родилась нѣжная Любовь.

(Дѣвицы поднимаютъ на рукахъ Любовь и несутъ ее, при повтореніи сего хора, на алтарь, украшенный тогда же цвѣтами, на которомъ и поставляютъ.)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Лишь взглянетъ только, всиламенитъ
Намъ къ мужеству сердца.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Въ насъ пламенну любовь родитъ
Улыбкою лица.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

О твердая любовь! златая
Всего народа цѣпь сердецъ!
Прославимъ, праздникъ составляя,
Въ тебѣ залогъ благихъ небесъ.

ЮНОШИ И ДѢВИЦЫ.

(Выступя на средину театра и обращаяся къ Любви.)

Сладкая души отрада!
Тяжесть золотыхъ оковъ!
Твоего едина взгляда
Ищемъ, жаждемъ мы, Любовь!

ДѢВИЦА.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милый мой, однимъ тобой,
И ты любишь, — все прекрасно,
Все прелестно предо мной.

ЮНОША.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милая, одной тобой,

Digitized by Google

И ты любишь, — я безстрашно
За тебя иду на бой.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ И ДѢВИЦЪ.

Обладай, Любовь, ты нами!
Обладай, взаимна страсть!
Царствуй, царствуй надъ сердцами:
Всѣмъ твоя пріятна власть.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

(*Поднося Любви розовый вѣнокъ.*)

Весенни мы приносимъ дары,
Да розой жизнь твоя цвѣтетъ!

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

(*Поднося лавровый вѣнокъ.*)

А мы тебѣ подносимъ лавры,
Да удивится славѣ свѣтъ!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(*Поднося вѣнокъ дубовый.*)

Явися, общихъ благъ содѣтель,
Народа радость и краса!
Любя святую добродѣтель,
Преклонь на насъ ты небеса.

(*Весь народъ повторяетъ послѣдніе два стиха жрецовъ.*)

(*Сей хоръ сопровождается трубами и литаврами, подъ которымъ корифеи производятъ пляски и на посохахъ, увѣшанныхъ цвѣточными плетеницами, составляютъ около алтаря подобіе храма Съ небесъ спускаются къ Любви трофеи, въ которыхъ видны лукъ, колчанъ и пламенникъ. Она надѣваетъ на себя колчанъ, беретъ лукъ и пламенникъ, который въ рукахъ ея зажигается. Имъ она касается трофеевъ, между которыми освѣщается вензеловое имя новорожденныя. Жрецы подносятъ къ Любви жертвенный треножникъ, на которомъ она пламенникомъ своимъ зажигаетъ ароматъ. На алтарѣ является огненная надпись:*)

«Блаженство, счастье водворится,
И именемъ ея весь Сѣверъ озарится».

(*Сей стихъ воспѣвается всеобщимъ хоромъ и дѣйствіе тѣмъ кончится, что всѣ съ колѣнопреклоненіемъ поклоняются Любви.*)

---

[1] «Сей прологъ былъ сочиненъ на случай разрѣшенія отъ бремени государыни великой княгини Елисаветы Алексѣевны великою княжною Маріею Александровною, по соображенію тогдашняго времени и обстоятельствъ: но какъ отъ автора двору представленъ не былъ, то и не игранъ». Д. — Изъ *Объясненій* поэта видно, какой смыслъ имѣютъ здѣсь слова: «по соображенію тогдашняго времени и обстоятельствъ». Это

Digitized by Google

значитъ, что въ основаніе своей аллегоріи онъ принялъ тогдашнюю холодную весну и примѣнилъ ее къ суровому характеру императора Павла. Ср. томъ II. стр. 231 и 232. О рожденіи великой княжны въ маѣ мѣсяцѣ 1799 г. см. томъ II, стр. 160, стихотвореніе *Рожденіе Любви.*

Напеч. въ изд. 1808 г., ч. IV, v.

[2] Въ началѣ 1799 г. была необыкновенно суровая зима; ср. томъ III, стр. 608 и 260.

Digitized by Google

ПРОЛОГЪ

НА

РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА,

ПОЧЕРПНУТЫЙ

ИЗЪ ДРЕВНЯГО ВАРЯГО-РУССКАГО БАСНОСЛОВІЯ,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

1799.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рюрикъ, великій князь новгородскій, родоначальникъ монарховъ русскихъ, происшедшій отъ сѣвернаго бога Одина.

Эдвинда, его супруга.

Зничъ, или Май.

Зимцерла, или Весна, его супруга.

Лель, или Купидонъ, ихъ сынъ.

Валки, небесныя дѣвы, или Граціи.

Жрецы, богослужители } первые отличаются на главахъ вѣнцами.
Барды, пѣснопѣвцы }

Дажъ-богъ, духъ, покровитель Сѣвера.

Огняны, } духи, повелѣвающіе стихіями, то есть: Саламандры, Сильфы, Наяды и Гномы.
Вѣтряны, }
Моряны, }
Земляны, }

Богъ Одинъ и прочіе } пирующіе въ Валкалѣ, }
Боги и герои сѣверные, } или въ раѣ храбрыхъ, }
Лагоды, или Зефиры, } безъ рѣчей.
Кикиморы, или Мечты, }
Русалки, или Нимфы рѣчныя. }

Дѣйствіе въ Старой Ладогѣ, на мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Рюриковъ.

Digitized by Google

ПРОЛОГЪ НА РОЖДЕНІЕ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА[1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лунную ночь и рощу на берегу рѣки Волхова. Нѣсколько купъ старыхъ дубовъ. Въ ближайшей изъ нихъ виситъ съ огнемъ лампада. Нѣсколько скамей и арфъ. Сквозь шумъ пороговъ и бушующаго лѣса слышны изрѣдка звуки арфъ. Музыка соображается видимымъ предметамъ. Со стороны выходятъ барды, не менѣе пяти.

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Бурлива нощь!

ВТОРОЙ.

А вѣтръ часъ отъ часу крѣпчаетъ.

ТРЕТІЙ.

Луна сквозь тучъ едва на Волховѣ сверкаетъ,
И слышенъ громъ вдали.

(*Луна покрывается облаками и близится громъ.*)

ПЕРВЫЙ.

Во кущу поспѣшимъ
Утреневать богамъ.

(*Въ сіе время спускается на облакѣ Дажъ-богъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Дажъ-богъ.

ДАЖЪ-БОГЪ.

(*Не видя жрецовъ.*)

О роща, гдѣ Одинъ
И Рюрикъ сѣверный съ Эдвиндой воспѣваемъ!
Жилище бардовъ, край, богами соблюдаемъ!
Какую радостну тебѣ я вѣсть принесъ!
Судьбы провозвѣщу тебѣ благихъ небесъ.

БАРДЫ.

(*Въ сторонѣ, между собою.*)

Ахъ! что такое, что? кто сшелъ со облаковъ?

ДАЖЪ-БОГЪ.

(*Не усматривая ихъ.*)

АРІЯ.

Духъ вѣсть радостна волнуетъ,
Въ сердце льется живо кровь;

Digitized by Google

Мною богъ предзнаменуетъ
Сѣверу свою любовь:
Веселись, страна блаженна,
Озаренна небомъ днесь!

(Гроза умножается.)

Молнія въ ночи блистаетъ, —
Это знакъ щедротъ боговъ;
Громъ на Западъ ударяетъ, —
Это гнѣвъ на злыхъ умовъ:
Трепещи, страна мятежна!
Казнь тебѣ летитъ съ небесъ[2].

(Страшно громъ ударяетъ, и роща молніей вся освѣщается, какъ пожаромъ.)

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Увы! знать, гнѣвъ боговъ!

ВТОРОЙ.

О милосердый духъ! и роща вся пылаетъ.

ДАЖЪ-БОГЪ.

Не бойтесь! небо вамъ блаженство предвѣщаетъ.
Я Дажъ-богъ, я вашъ другъ, я не предвѣстникъ бѣдъ.
Пускай Перунъ тамъ гидръ стрѣлами грома бьетъ:
Я вамъ Одиново принесъ благословенье.
Внимайте: онъ вчера, низведъ съ Валкала зрѣнье,
Окинулъ взглядомъ міръ; зря въ Западѣ раздоръ,
На Сѣверѣ покой, склонилъ съ улыбкой взоръ
И повелѣлъ боговъ позвать на пированье.
Усладъ[3] исполнилъ вмигъ всесильно приказанье.
Всѣ боги собрались, и въ дружной чашѣ медъ,
Какъ золото, блисталъ розъ на ланитахъ цвѣтъ.
Глава боговъ сосудъ изъ злата и порфира
Велѣлъ себѣ подать, гдѣ жребьи крылись міра.
Онъ крышку снялъ, и всѣхъ прекраснѣйшей изъ Валкъ
Веселымъ маніемъ очей онъ подалъ знакъ.
Дѣвица розову десницу простираетъ
И нитокъ клубъ златыхъ изъ урны вынимаетъ.
Разматываетъ клубъ, по воздуху летитъ,
И свитокъ на помостъ вдругъ падаетъ священный,
Печатью огненной совнѣ запечатлѣнный.
Богъ-царь открылъ печать, внутрь свитка письмена!
Въ молчаньи чтутъ, и вдругъ, — счастливы племена

Народовъ сѣверныхъ! — всѣ боги восклицаютъ:
«Потомство Рюрика, какъ онъ подобно самъ,
«Войною нанесетъ страхъ Сены берегамъ;
«Весь Сѣверъ съединитъ въ подсолнечну едину,
«Поклонятся всѣ въ немъ всесильному Одину:
«Героевъ тьма, царей, сольетъ свою съ нимъ кровь,
«Отъ Мая и Весны произойдетъ Любовь». —
Такъ боги въ свиткѣ чли, и всѣ единодушно,
Что время Сѣверу грядетъ благополучно,
Велѣли мнѣ предречь младенца рождество:
Устройте жъ жертвы вы, устройте торжество,
Идите спѣшно въ храмъ.....

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

О благотворный духъ!
О покровитель нашъ! Но чей повѣритъ слухъ
Такому божескихъ судебъ предъизреченью
И твоему предъ насъ толь чудному явленью?

ВТОРОЙ.

Родится отрокъ ли, иль красна дѣва намъ?

ДАЖЪ-БОГЪ.

О смертны слабые! не мнѣ, — такъ симъ древамъ
Повѣрьте, и звѣздѣ сей, блещущей надъ вами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Показывается межъ облаковъ сѣверная звѣзда. На дубахъ огненныя надписи: *Отрокъ*. Дажъ-богъ на облакѣ тихо возносится. Барды падаютъ на колѣна и съ умиленіемъ поютъ.

ДУЭТЪ.

Духъ добрый, свѣтлый, лучезарный!
Мы вѣруемъ тебѣ.
Виждь наши души благодарны,
Внемли ты сей мольбѣ
И вознеси ее въ чертоги,
Гдѣ вѣчно торжествуютъ боги.

ТРЕТІЙ БАРДЪ.

Нашъ долгъ провозвѣстить, что̀ сдѣлалося съ нами.

(*Входятъ въ кущу, принимаются за арфы и составляютъ съ повтореніемъ оныхъ общій хоръ, смотря съ восторгомъ на звѣзду.*)

ХОРЪ.

Внемлите, всѣ народы свѣта!

Digitized by Google

Одиновъ растворенъ чертогъ,
Благословляетъ Сѣверъ богъ,
Сіяетъ новая планета!

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Теперь мы поспѣшимъ въ Одиновъ храмъ
И жертву принесемъ съ жрецами тамъ богамъ.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ царство Сѣвера. Дремучій лѣсъ, покрытый инеемъ, посреди коего готическій серебряный чертогъ и тронъ. На возвышеніи онаго сидятъ Рюрикъ и Эдвинда. Ниже предъ ними виситъ колыбель подъ туманомъ. Ее качаютъ сѣдые Мразы и Океаны. Съ небесъ, подобно лѣстницѣ, къ трону облака. На нихъ видны Мечты и Зефиры, помавающіе на колыбель крылами. Съ самаго верха слышны голоса четырехъ Валкъ.

КВАРТЕТЪ.

(Тихо.)

Спи, дитя, ты спи, любезно,
Въ буряхъ, мразахъ возрастай:
Мужество тебѣ полезно,
Нѣгу, роскошь презирай.
Ты рожденъ на свѣтъ судьбою
Ради царскаго вѣнца,
Въ нуждахъ дай примѣръ собою,
Правдой покори сердца.

РЮРИКЪ.

Военны зрѣлища вы, сны, ему мечтайте,
Мечами о мечи въ слухъ тихо ударяйте;
Пускай онъ въ юности привыкнетъ видѣть брань
И поражать, какъ я.

*(**Мечты**, сошедъ съ облаковъ, въ балетѣ сѣкутся мечами и представляютъ разныя военныя дѣйствія.)*

ЭДВИНДА.

А вы, Зефиры, дань
Играніемъ ему и рѣзвостью платите.
Порфирородныхъ долгъ — не брань одна, внушите:
Имъ надлежитъ еще изящнѣйшая часть, —
Быть кроткими, какъ я.

*(**Зефиры** сходятъ съ облаковъ и въ другомъ балетѣ представляютъ разныя дѣйствія милосердія и щедротъ; потомъ совокупно съ мечтами составляютъ веселый танецъ.)*

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Огняны, Вѣтряны, Моряны и Земляны, предводительствуемые подъ великолѣпнымъ маршемъ Дажъ-богомъ, приносятъ съ собою въ разныхъ сосудахъ новорожденному дары.

ДАЖЪ-БОГЪ.

Надъ всѣмъ имущій власть,
Богъ неба и земли и всей Господь вселенной,
И боги прочіе изъ вѣчности священной
Прислали отроку дары.

ОГНЯНЪ.

Со мною огнь и громъ,
Духъ мужественный, мечъ, тулъ стрѣлъ, шеломъ.

РЮРИКЪ.

Къ защитѣ нужный даръ.

(*Помаваетъ, и духи кладутъ дары предъ трономъ.*)

ВѢТРЯНЪ.

Со мной красу прелестну
Лица, пріятности и чистоту небесну.

ЭДВИНДА.

Любезный всѣмъ!

(*То же по мановенію дѣлаютъ.*)

МОРЯНЪ.

Со мной — рождаемы въ моряхъ
Кораллы и жемчугъ, и счастье на водахъ.

(*То же.*)

ЗЕМЛЯНЪ.

Со мною прислано обиліе, убранство,
И злато и сребро, несмѣтное богатство,
Которое творитъ блаженство на земли,
И все, чѣмъ смертные блистали гдѣ, цвѣли.

(*То же.*)

ДАЖЪ-БОГЪ.

А мнѣ ему еще къ тому всѣхъ благъ Содѣтель
Во грудь вдохнуть велѣлъ небесну добродѣтель.

(*Подходитъ къ колыбели и дуетъ на младенца.*)

РЮРИКЪ.

О, коль прекрасный даръ!

ЭДВИНДА.

Прекраснѣйшій изъ всѣхъ!

Digitized by Google

ДАЖЪ-БОГЪ.

Въ единомъ дарѣ семъ несчетны тьмы утѣхъ.

ВСЕОБЩІЙ ХОРЪ.

Ты, добродѣтель, всему красота,
Дщерь ты небесъ!
Солнце и свѣта ты лѣпота,
Краше ты звѣздъ!
Отроку въ перси юны и нѣжны
Чаще дыхай,
Въ сердце страхъ Божій, мысли смиренны
Въ душу вливай.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ зеленый священный холмъ; на немъ въ отверзтой ротондѣ преизящный храмъ, а предъ ними лугъ, окруженный рощами. Рюрикъ и Эдвинда сидятъ въ сторонѣ подъ балдахиномъ на полукружномъ тронѣ. Жрецы и барды внутрь храма предъ алтаремъ, на которомъ горитъ благоуханный огнь. Надъ храмомъ въ свѣтлыхъ облакахъ виденъ Валкалъ, гдѣ по срединѣ во всемъ оружіи стоитъ богъ Одинъ; а по обѣ стороны его другіе сѣверные боги, герои и Валки. Дажъ-богъ внизу у трона Рюрикова.

ДУЭТЪ ЖРЕЦОВЪ И ВАЛКЪ,
повторяемый бардами на арфахъ.

ЖРЕЦЫ.

Се жертва непорочна,
Горитъ чистѣйшій огнь;
Изображаетъ точно
Душъ нашихъ пламень онъ.

(Имъ отвѣтствуютъ, какъ эхо, съ Валкала двѣ Валки.)

ВАЛКИ.

Какъ розъ благоуханье,
Восходитъ къ нему дымъ:
Такъ душъ сихъ изліянье
Взнеслось къ мѣстамъ святымъ.

ЖРЕЦЫ.

Услышь, услышь моленье
И нашихъ гласъ похвалъ;
Исполнь благоволенье,
Которо обѣщалъ.

Digitized by Google

ВАЛКИ.

Услышано моленье,
Пѣснь ваша принята;
Боговъ благоволенье
Вамъ: Май, Любовь, Весна.

ОБЩІЙ ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ И ВАЛКЪ.

(*Громогласно.*)

Услышано моленье,
Пѣснь наша принята;
Небесъ благоволенье
Грядетъ въ сіи мѣста.

ДАЖЪ-БОГЪ.

О, какъ я радуюсь! какъ духомъ веселюся!
Молитва принята! Дождуся я, дождуся,
Когда сюда слетятъ младыя божества
Въ сіяньи ихъ лучей, во славѣ торжества.

СТАРШІЙ ЖРЕЦЪ.

(*Въ священномъ восторгѣ предъ алтаремъ.*)

Я вижу отроча неслыханно, чудесно,
И тѣломъ и душой божественно, прелестно!
Печатью въ вѣчности онъ былъ запечатлѣнъ,
Во знакъ, что рѣдкій даръ имъ въ свѣтъ произведенъ.
Что съ клуба въ бездну нить тянулася златая,
То знаменье, что жизнь продлится дорогая;
Что благовонная изъ урны вышла мгла,
То пользой осѣнятъ весь міръ его дѣла,
И словомъ, будетъ онъ великъ между царями.
Уже растетъ!

МЛАДШІЙ.

Но будто пѣнный холмъ встаетъ между цвѣтовъ.
Его священное названье: Лель, Любовь!

СТАРШІЙ.

Его родитель Зничъ. Такъ свѣтлъ, какъ Май лучами.

МЛАДШІЙ.

Зимцерла мать его, — Весна, заря красами!

РЮРИКЪ.

Ужъ вижу обоихъ я ихъ небесъ въ лучахъ!

ЭДВИНДА.

Летятъ, любезные, на легкихъ облакахъ!

Digitized by Google

ДАЖЪ-БОГЪ.

Летятъ, всѣмъ милые, прекрасные, младые!
Летятъ сюда отецъ и мать и сынъ съ высотъ:
Какое множество въ сихъ божествахъ красотъ!

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Восторгъ нашъ умъ плѣнитъ,
Вся млѣетъ кровь:
Весна и Май летитъ,
При нихъ Любовь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, и на свѣтломъ облакѣ являются

ЗНИЧЪ, ЗИМЦЕРЛА И ЛЕЛЬ.

(*Поютъ.*)

ТРІО.

По вашему прошенью
Съ небесъ летимъ,
Боговъ по мановенью
Природу обновимъ.

ЗНИЧЪ.

Я васъ лучами
Потщуся просвѣтить,
Наукъ вѣнцами
И счастьемъ надѣлить.

ЗИМЦЕРЛА.

А я цвѣтами
Потщуся расцвѣтить,
Златыми днями,
Блаженствомъ наградить.

ЛЕЛЬ.

А я стрѣлами
Потщуся уязвить:
Владѣть сердцами,
Любя, любимымъ быть.

(*Мечутъ на землю цвѣты и золотыя стрѣлы.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Множество Зефировъ и Нимфъ, выбѣгая изъ рощей, подбираютъ цвѣты и стрѣлы: одни прикалываютъ ихъ къ груди, другіе втыкаютъ за поясъ. Въ концѣ составляютъ торжественный балетъ. Рюрикъ и Эдвинда смотрятъ съ трона, жрецы и барды изъ храма; Зничъ, Зимцерла и Лель съ облаковъ, а Дажъ-богъ близъ трона.

РЮРИКЪ И ЭДВИНДА.

(*По окончаніи балета, подошедъ къ облаку.*)

РЮРИКЪ.

Сойдите, милые, боговъ по повелѣнью.

(*Въ сіе время въ Валкалѣ богъ Одинъ и прочіе боги и герои сѣверные звучатъ въ щиты, показывая тѣмъ свое согласіе.*)

ЭДВИНДА.

Утѣшьте нашъ народъ.

Digitized by Google

ЗНИЧЪ.

Я ихъ соизволенью
Покорствую всегда.

ЗИМЦЕРЛА.

Сойду.

ЛЕЛЬ.

И я сейчасъ.

(*Облака осѣдаютъ на землю.*)

ЖРЕЦЫ.

Уже священный щитъ готовъ тебѣ у насъ.

(*Барды берутъ изъ храма щитъ, а изъ рукъ Знича и Зимцерлы—Леля, котораго ставятъ на щитъ и несутъ на тронъ, на коемъ сидящіе Рюрикъ, Эдвинда, Зничъ и Зимцерла принимаютъ его на свои руки.*)

ДАЖЪ-БОГЪ.

Се отрокъ, мною вамъ, о барды! предреченный:
Воскликнемъ гимнъ ему торжественный, священный!

ХОРЪ.

(*Общій на театрѣ и въ Валкалѣ.*)

О юноша! о плодъ прекрасный!
Намъ купно съ розами родясь,
Какъ утренней зари блескъ ясный,
Какъ нѣжна лилія, смѣясь,
Расти, дитя, Зимцерлы въ лонѣ
И Знича подъ златымъ щитомъ;
Блистай на Рюриковомъ тронѣ,
Нашъ юный Лель, какъ лучъ, лицомъ!

---

[1] «Сей прологъ, какъ и первый, сочиненъ въ одно время, на случай разрѣшенія отъ бремени великимъ княземъ». Д. — Источники понятій Державина о древнемъ славянскомъ и норманскомъ баснословіи были уже показаны, см. томъ II, стр. 168, и томъ III, стр. 83 и 137. Почти всѣ находящіяся въ этомъ *Прологѣ* миѳологическія имена встрѣчались намъ уже и въ стихотвореніяхъ Державина. О *Дажъ-богѣ* см. томъ II, стр. 457. Различное правописаніе этого имени (*Дажбогъ* и *Дажъ-богъ*) удержано нами согласно съ подлиннымъ текстомъ. Супруга Рюрика является подъ именемъ Эдвинды и въ сочиненіи Екатерины: *Историческое представленіе изъ жизни Рюрика.* Свѣдѣнія о происхожденіи и родствѣ этого князя почерпнуты императрицею и Державинымъ изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, повторяющихъ съ разными видоизмѣненіями и дополненіями свидѣтельство Іоакимовой лѣтописи. Уже у Татищева (*Ист. Росс.*, кн. I, ч. 2, стр. 556) читаемъ: «Гостомыслъ имѣлъ четыре сына и три дочери: сыновья померли, не оставя сына, а отъ дочери средней, бывшей за

Digitized by Google

королемъ финскимъ, родился сынъ Рюрикъ»... «Рюрикъ пришелъ изъ Финляндіи въ 862. Имѣлъ жену *Енвинду*, королевну урманскую» и проч. Въ Іоакимовой же лѣтописи (*Ист. Росс.*, кн. I, ч. I, стр. 34) сказано: «Имѣлъ Рюрикъ нѣсколько женъ, но паче всѣхъ любляше *Ефанду*, дочерь князя урманскаго». Сходныя показанія находимъ въ составленной по повелѣнію Екатерины II *Выписи хронологической изъ исторіи русской* * и въ собственномъ ея *Родословникѣ князей* (*Зап. касательно росс. ист.*, ч. V), также въ *Зерцалѣ россійскихъ государей* Мальгина (Спб. 1789. 1792 и 1794).

[2] Тогда императоръ Павелъ послалъ Суворова противъ Французовъ Д.

[3] Усладъ, по объясненію нашихъ старинныхъ миѳологовъ, — богъ пиршествъ и роскоши (см. М. Попова *Описаніе древняго славенскаго языческаго баснословія*. Спб. 1768 г., стр. 45).

---

* Тамъ о средней дочери прибавлено: «Умила за финскимъ королемъ Людбратомъ, отъ нея Рюрикъ, Синавъ и Труворъ; меньшая за княземъ славянскимъ и отъ нея князь Вадимъ». Объ упомянутой *Выписи хронологической* см. *Сборникъ Отд. р. яз. и сл.*, т. I, стр. III и IX.

Digitized by Google

ДОБРЫНЯ,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СЪ МУЗЫКОЮ,

въ пяти дѣйствіяхъ.

1804.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Владиміръ, великій князь кіевскій.
Силоумъ, первый его бояринъ.
Добрыня, богатырь новгородскій, сродникъ Владиміра.
Прелѣпа, княжна изборская, невѣста Владимірова.
Змѣй Горыничъ, Змѣуланъ Змѣуланычъ, Тугаринъ Тугаринычъ, — царь и чародѣй болгарскій.
Способа, наперсница Прелѣпы.
Торопъ, конюшій Добрынинъ.
Добрада, жрица и волшебница холмогорская.
Сребробрады, бояре Владиміровы, составляющіе верховную Думу.
Жрецы, изъ нихъ главный только съ рѣчьми.
Сотникъ, начальникъ стражи вратъ градскихъ.
Часовой на башнѣ.
Два вѣстника.
Герольдъ.
Бирючъ, герольдъ татарскій.
Дворъ Владиміровъ, — рынды, или пажи, боярышни, или дѣвицы, живущія въ княжескомъ теремѣ. Вѣдьма. Войски — русскія, татарскія. Народъ. — Всѣ безъ рѣчей, а только составляютъ хоры.

Дѣйствіе въ столичномъ городѣ Кіевѣ, при окончаніи идолопоклонства.

Въ экземплярѣ изданія 1808 г., принадлежавшемъ Державину, находится здѣсь примѣчаніе, написанное карандашемъ, вѣроятно, подъ диктовку его, рукою Елис. Ник. Львовой: «Всѣ дѣйствія взяты частію изъ исторіи, частію изъ сказокъ и народныхъ пѣсней».

Digitized by Google

ДОБРЫНЯ[1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ въ утреннемъ мракѣ при рѣкѣ Днѣпрѣ городъ Кіевъ. На стражевой башнѣ часовой; вблизи, въ кустарникѣ, лежитъ градская стража, а вдали шатры.

ЯВЛЕНІЕ I.

Добрыня и Торопъ.

ТОРОПЪ.

На княжескомъ лугу, въ зеленомъ лукоморьѣ,
Добрыня, твоего пустилъ гулять коня.

ДОБРЫНЯ.

Спасибо Торопу! утѣшилъ ты меня.

ТОРОПЪ.

Да тамъ же, на раздольѣ,
Какой-то страшный чортъ, знать витязь, князь татарскій,
Къ намъ подсосѣдилъ свой шатеръ.

ДОБРЫНЯ.

Хотя бы напримѣръ
И царь чипчатскій:
Какая въ томъ бѣда?

ТОРОПЪ.

Однакожъ вѣдь Орда
Не шутитъ иногда.

ДОБРЫНЯ.

Не бойсь!

(*По воздуху летитъ огненный змѣй.*)

ТОРОПЪ.

Ай, змѣй! ай, змѣй по воздуху летитъ!
И слышь, какъ искрами оретъ, свиститъ, шумитъ.

ДОБРЫНЯ.

Стой-знай, и не страшися.
Три раза молвь: аминь, аминь[2], разсыпься!

(*Поютъ въ два голоса.*)

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, разсыпься!
Боюся я его!

Digitized by Google

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,
Не будетъ ничего.

ТОРОПЪ.

Вѣдь этакіе змѣи
Тьмы дѣлаютъ проказъ.

ДОБРЫНЯ.

То басни и затѣи
И глупыхъ бабъ разсказъ.

ТОРОПЪ.

Влетаютъ въ домы, въ башни,
Пролазятъ и сквозь стѣнъ.

ДОБРЫНЯ.

Любовныя то шашни,
Дѣвъ выдумки и женъ.

ТОРОПЪ.

Цѣлуютъ и милуютъ
Украдкой и во снѣ.

ДОБРЫНЯ.

Старухи такъ толкуютъ,
И вздоръ, повѣрь въ томъ мнѣ.

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, разсыпься!
Боюся я его!

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,
Не будетъ ничего.
И мы межъ тѣмъ, какъ здѣсь встаетъ заря златая,
Природу освѣщая,
Хоть полюбуемся, на городъ глядя сей.

(*Восходитъ солнце.*)

Какой восторгъ очей!

ТОРОПЪ.

Ужъ подлинно сказать! — Вѣдь это Кіевъ?

ДОБРЫНЯ.

Да, —
Во всей подсолнечной межъ городовъ звѣзда.

(*Поетъ одинъ.*)

Ахъ! столица это солнышка

Digitized by Google

Святославича, князя русскаго,
Ахъ! того ли Володиміра!
Сколько башень бѣлокаменныхъ!
Сколько златоверхихъ теремовъ!
Словно жаръ они въ печи горятъ.

ТОРОПЪ.

И впрямь, смотри, какъ тамъ отъ терема прекрасна
Поверхъ Днѣпра струя что свѣчка блещетъ ясна.

ДОБРЫНЯ.

Не въ семъ ли теремѣ, что краше въ свѣтѣ нѣтъ,
Моя возлюбленна живетъ?

ТОРОПЪ.

Твоя возлюбленна? — Ба, рыцарь мой любимый,
Желѣзный, каменный, никѣмъ непобѣдимый!
Свое ли говоришь мнѣ ты?

ДОБРЫНЯ.

Увы, Прелѣпы красоты...

ТОРОПЪ.

Ну, вотъ тебѣ и сказка!
А тамъ, хоть объ закладъ, не мудрена развязка:
Влюбился молодецъ
Въ владычицу сердецъ!

(*Поетъ одинъ, передразнивая.*)

У ней очи соколиныя,
У ней брови соболиныя,
Поступь тихая, павлиная,
Грудь высока, лебединая:
Не такъ ли, какъ во всемъ красавицѣ быть должно?
Какъ въ солнце, на нее, слышь, посмотрѣть не можно.

ДОБРЫНЯ.

Ты шутишь, Торопъ, мной.

ТОРОПЪ.

Да гдѣ же, разскажи, когда въ нее влюбился?
Мы тридевять земель проѣхали съ тобой;
А ты чрезъ три года мнѣ въ этомъ изъяснился.

ДОБРЫНЯ.

Завѣдала одна то молодецка грудь.
Но слушай, если такъ, — лишь скроменъ будь, —
Я тайну всю тебѣ открою,

Digitized by Google

Чѣмъ столь себя я безпокою.
Мнѣ помощь, вѣрный другъ, теперь твоя нужна:
Прелѣпа милая, изборская княжна,
Влюбленною въ меня была еще измлада,
И словомъ, съ той поры, какъ мудрая Добрада [3]
Во капищѣ боговъ, во Холмоградѣ, насъ
Воспитывала съ нею вмѣстѣ,
Не выпускаючи ее изъ страстныхъ глазъ,
Вздыхаю я о ней, какъ о моей невѣстѣ.
Средь пиршествъ, средь боевъ, средь рыцарскихъ тревогъ,
Средь женскихъ прелестей заняться я не могъ
Никѣмъ другимъ, какъ ей. Вездѣ искали очи
Ее средь свѣтла дня, средь темной ночи;
Ее одну люблю, храню въ душѣ моей.
А днесь, о боги!
Колико мнѣ явилися вы строги!
Я слышу, что она въ столицѣ сей.

ТОРОПЪ.

Такъ сильно, знать, тебя кручина обуяла,
О милый рыцарь мой! Да дѣло-то, ну, въ чемъ?

(Звукъ слышенъ рога, и тогда же упадаетъ стрѣла предъ башнею.)

ЧАСОВОЙ.

(На башнѣ.)

Къ ружью! стрѣла упала.

(Стража становится въ порядокъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и сотникъ.

СОТНИКЪ.

Ахти! еще и съ ярлыкомъ!
Иль бусурманска нѣка сила
Откуда привалила,
И богатырь какой
Нахлынулъ къ намъ съ грозой?
Да чтожъ? вѣдь Русскіе не кажутъ тыла,
Намъ не знакомиться съ войной.
Пойду я къ князю со стрѣлою,
А вы здѣсь безъ меня управьтеся съ зарею.

(Уходитъ.)

Digitized by Google

(На башнѣ слышны бубны и съ сиповками тихое пѣніе; стража, снявъ шапки, преклоняетъ копья.)

ХОРЪ.

О Хорсъ[4]! Перунъ! О Лель! О Лада!
Храните князя, стѣны града;
И тихій какъ зари восходъ,
Да русскій такъ цвѣтетъ народъ!

ДОБРЫНЯ.

Врата ужъ града отворились!

ТОРОПЪ.

И люди, посмотри, какъ въ нихъ зашевелились!

ДОБРЫНЯ.

Великій князь идетъ, пойдемъ:
Иль нѣтъ, останься здѣсь съ собраньемъ ты придворнымъ,
Развѣдай о княжнѣ, развѣдай обо всемъ;
Я жъ, скрывшись до поры, пребуду незнакомымъ.

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

А! а! чтобъ отгадать, не тратя много словъ,
Я вижу, для чего вильнулъ соколъ въ столицу:
Ну, сирѣчь, поймать подъ небомъ тамъ синицу.
Да что̀ бы ни было, я съ нимъ на все готовъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Владиміръ съ княжескимъ жезломъ въ рукахъ, сопровождаемый Силоумомъ и придворными.

ВЛАДИМІРЪ.

Кто такъ на русскіе предѣлы
Дерзаетъ смѣло наступать,
Метать на нихъ враждебны стрѣлы
И браннымъ рогомъ возбуждать
Отъ сна владыку полвселенной? —
Или не знаетъ онъ, невѣрной,
Какъ страшенъ русскій князь, какъ силенъ, знаменитъ?
И можетъ ли онъ чьихъ въ брань вызововъ бояться?
Война Россіянамъ — лишь случай прославляться.
Взойди скорѣе ты на башню, Силоумъ!
И въ сребряный ударь тамъ дѣдовъ звучный щитъ,
Да потрясетъ его сердца и души шумъ,
Въ странахъ раздавшися полсвѣта!

Digitized by Google

СИЛОУМЪ.

Усердіемъ къ тебѣ грудь русская согрѣта:
Исполнится сейчасъ Владиміра приказъ.
(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и два вѣстника.

ВѢСТНИКИ.
(*Оба вмѣстѣ.*)

Спасай и защищай, великій князь!

ПЕРВЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Татары все твое владѣнье разорили.

ВТОРОЙ ВѢСТНИКЪ.

Разграбили жилье, народы порубили.
(*Оба вмѣстѣ.*)
И головнею всю Россію покатили.

ВЛАДИМІРЪ.

О боги праведны! О злобный, строгій рокъ!
Для добраго царя какъ сей урокъ жестокъ!
(*Стоитъ въ задумчивости.*)

ХОРЪ ПРИДВОРНЫХЪ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духа нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту . . .
(*Слышенъ звукъ щита.*)

ВЛАДИМІРЪ.

Но ежели на брань идти мнѣ неизбѣжно
И проливать народа кровь, —
Не должно ли сперва размыслить намъ прилежно:
Начать войну велитъ къ отечеству ль любовь?
Пожду, что̀ скажетъ Дума мнѣ?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Силоумъ и Сребробрады.

СИЛОУМЪ.

Щитъ прогремѣлъ твоей странѣ.

Digitized by Google

СРЕБРОБРАДЫ.

Предъ свѣтлое лицо явились Сребробрады:
Что̀ повелитъ великій князь?

ВЛАДИМІРЪ.

Отечества сыны, щиты, столпы, ограды!
Совѣта я прошу у васъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Мы рады.

ВЛАДИМІРЪ.

По мѣстамъ!

(Сребробрады становятся въ полциркуля. Владиміръ, сперва на правой, потомъ на лѣвой рукѣ, шепчетъ на ухо близъ себя стоящимъ и, отходя, говоритъ:)

Я время вамъ
Даю на размышленье.

(Сребробрады тихо совѣтуются между собою).

ХОРЪ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духу нѣту?
Вели,—пойдемъ, покажемъ свѣту...

СИЛОУМЪ.

(Сребробрадамъ.)

Князь ждетъ рѣшенья.

СРЕБРОБРАДЫ.

Сердца царей въ рукѣ боговъ.

СИЛОУМЪ.

(Будто про себя.)

Не рубятъ, не казнятъ пословъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Хотите вы принять посольство отъ злодѣя?

СРЕБРОБРАДЫ.

Мы, тако разумѣя...

(Кланяются.)

СИЛОУМЪ.

Глаголъ твой намъ законъ святой:
Всѣ соглашаются съ тобой.

ВЛАДИМІРЪ.

Велите жъ мнѣ принесть скорѣе лукъ и стрѣлы.

Digitized by Google

СИЛОУМЪ.

(*Отходя.*)

Велико дѣло есть совѣты подавать,
Но болѣе того умѣть ихъ принимать.

ВЛАДИМІРЪ.

Я вашимъ разумомъ спасу мои предѣлы,
И, безъ сомнѣнія, совѣтъ вашъ будетъ благъ;
Онъ поданъ ревностью, къ отечеству любовью,
И вѣрно не въ однихъ исполнится словахъ:
Не придетъ больше врагъ багриться русской кровью.

ХОРЪ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духа нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Силоумъ въ великолѣпномъ послѣдованіи народа. За нимъ рынды на богатыхъ подушкахъ несутъ въ налучьѣ лукъ, а въ тулѣ стрѣлы, изъ коихъ къ одной привязанъ ярлыкъ.

СИЛОУМЪ.

Насилу шестеро мы лукъ напрягли твой,
Что прадѣдъ натягалъ одинъ твой, самъ собой.

ВЛАДИМІРЪ.

Къ чему же съ пышностью такою,
Притомъ съ народною толпою?
Я блеска не терплю.

СИЛОУМЪ.

Затѣмъ, что я тебя люблю.

(*Тихо.*)

Народъ души твоей никакъ не постигаетъ,
На внѣшность смотритъ онъ, по оной уважаетъ,
И повинуется охотнѣе тому,
Неравнымъ зрится кто ему.

ВЛАДИМІРЪ.

Куда пустить стрѣлу: налѣво иль направо?

Digitized by Google

СРЕБРОБРАДЫ.

(*Кланяются.*)

Царь судитъ здраво.

СИЛОУМЪ.

(*Указывая.*)

Шатры раскинуты, мнѣ мнится, тамъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, впрямь

ВЛАДИМІРЪ.

(*Спуская стрѣлу.*)

Счастливый путь!

ТОРОПЪ.

(*Выскоча изъ народа въ сторону.*)

Ужъ какъ
Воструха загремѣла,
Запѣла, засвистѣла
И прямо къ небу полетѣла!

СИЛОУМЪ.

(*Къ народу.*)

Счастливый это знакъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Знать, дѣло наше право.

(*Уходитъ, и всѣ за нимъ.*)

ХОРЪ НАРОДА.

Стрѣла запѣла, засвистѣла,
И прямо къ небу полетѣла:
Такъ дѣло наше право;
Царь судитъ здраво,
Здраво, здраво,
Право, право!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ готическій златоверхій княжны Прелѣпы теремъ, окнами и лѣстницею на берегъ рѣки Днѣпра. Противъ него съ другой стороны площадь, на коей для зрителей ложи, а между ними мостъ чрезъ рѣку, вновь устроенный.

ЯВЛЕНІЕ I.

СПОСОБА.

(*Одна.*)

И мостъ готовъ! — Такъ, знать, великолѣпный

Digitized by Google

Назначенъ въѣздъ. Но что здѣсь не видать Прелѣпы
Въ ея прогулки часъ?

ПРЕЛѢПА.

(Въ теремѣ подъ окошкомъ поетъ, сопровождая голосъ свой арфою.)

О отрада дней мучительныхъ!
Въ скукѣ, въ грусти облегченье мнѣ!
Образъ мыслей восхитительныхъ,
Гдѣ ты? гдѣ ты? во какой странѣ?

Посреди ли лѣса шумнаго?
Посреди ли степи знойной ты?
Посреди ли моря бурнаго?
Гдѣ твои сокрылись красоты?

Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;
Въ душу страстно вспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу [5].

СПОСОБА.

Что за унылый тонъ?
И пѣсенки такой причина бы какая?
А! вотъ она сама.

(Прелѣпа сходитъ по лѣстницѣ, а Способа устраняется.)

ПРЕЛѢПА.

О сонъ! о страшный сонъ!
Мечта ужасная, толь лютая, толь злая!
Казалось, Змѣй его сглотилъ! — Я трепещу!
Добрады только щитъ...

СПОСОБА.

(Подходя къ Прелѣпѣ.)

Давно тебя ищу
Я, милая княжна! — Но что ты такъ уныла?

ПРЕЛѢПА.

Какая радость мнѣ?

СПОСОБА.

Какъ! развѣ ты забыла
О счастіи своемъ?

ПРЕЛѢПА.

Какомъ?

СПОСОБА.

Ну, что невѣста ты владѣтеля такаго,

Digitized by Google

Монарха русскаго, прекраснаго, младаго,
Который славою, сіяньемъ окруженъ,
Предметъ вздыханія прелестныхъ многихъ женъ;
О комъ ни написать,
Ни разсказать
Нельзя красиво;
А ты на все сіе такъ смотришь горделиво!

ПРЕЛѢПА.

Да кто тебѣ сказалъ, чтобы невѣстой я
Изъ всѣхъ моихъ подругъ ему ужъ нареченна...

СПОСОБА.

Изрядно, коль теперь усердная моя
И вѣрная тебѣ такъ служба заплаченна!
Притворствуй, лицемѣрь, лукавь, скрывай, княжна,
О томъ, что вѣдаетъ ужъ вся сія страна.

ПРЕЛѢПА.

Ахъ! нѣтъ, Способа, нѣтъ! толь скромностію злою
Не упрекай меня.

СПОСОБА.

Да князь помолвилъ вѣдь съ тобою?

ПРЕЛѢПА.

Никакъ.

СПОСОБА.

Да городъ весь....

ПРЕЛѢПА.

Напрасно до тебя дошла толь лжива вѣсть.

СПОСОБА.

Гласъ Божій говоритъ, коль говоритъ столица.

ПРЕЛѢПА.

Не знаю ничего.

СПОСОБА.

Послушай же меня
Ты, юная дѣвица!
Скажу, не льстя тебѣ и не маня,
О чемъ всѣ знаютъ совершенно:
Твоею красотой княжое сердце плѣнно.

ПРЕЛѢПА.

Способа, ты меня въ томъ хочешь увѣрять,
О чемъ, мнѣ кажется, нельзя тебѣ и знать.

Digitized by Google

СПОСОБА.

(*Разсердяся, поетъ.*)

Знаю, знаю я неложно:
Льзя ль наперсницамъ не знать,
Что̀ имъ надобно и должно
И что̀ можетъ составлять
Ихъ госпожъ въ любви успѣхи,
Тайны, радости, утѣхи?

Знаю, знаю я неложно:
Льзя ль наперсницамъ не знать,
Что̀ имъ надобно и должно
И что̀ можетъ исполнять
Ихъ госпожъ сердецъ желанья,
Вздохи, грезы, ожиданья?

Знаю, знаю, я неложно:
Льзя ль наперсницамъ не знать?

ПРЕЛѢПА.

Коль знаешь, такъ скажи пожалуй, какъ?
Какимъ то образомъ, какой судьбою
Я стала у тебя невѣстою княжою?

СПОСОБА.

Послушай же, вотъ такъ:
По волѣ какъ его здѣсь собраны дѣвицы,
Въ супруги чтобъ ему краснѣйшую понять,
Къ великолѣпью сей родитель твой столицы
Позволилъ и тебѣ въ ихъ платьѣ предстать.
Ужъ годъ прошелъ, какъ ты въ кругу сего собранья
Оспориваешь всѣхъ достоинства, княжна!
Хоть потемняются предъ солнцемъ звѣздъ сіянья,
Но часто безъ друзей и прелесть не сильна;
А для того, чтобъ нравъ твой оказать и душу
И внутренню красу съ наружной согласить,
Старалась я склонить наперсницу Малушу,
Чтобъ чрезъ нее тебя предъ княземъ отличить.
Достигла до того: она мнѣ другомъ стала
И, возведя къ себѣ ночныхъ сидѣльницъ въ ликъ,
Ни въ чемъ передо мной себя ужъ не скрывала,
Свободный даже входъ отверзла и въ тайникъ,

Digitized by Google

Отколь нерѣдко мы на садъ смотрѣли чудный,
На васъ, прекрасныхъ дѣвъ! — Я вижу какъ теперь,
Въ одну тишайшу ночь, въ блистательный часъ лунный,
Съ наперсницей отверзъ въ повалушу князь дверь
И, тихо проходя ряды красавицъ нѣжныхъ,
Смотрѣлъ, ихъ обходя, въ глубокомъ спящихъ снѣ;
Но свѣтъ луны какъ палъ на верхъ возглавій снѣжныхъ
И ясно освѣтилъ ихъ лица въ тишинѣ, —
Какія красоты во мракѣ возблистали!
Румянецъ на щекахъ, казалося, горѣлъ,
Лилеи на грудяхъ сквозь тонку ткань блистали.
Великій князь, смотря на нихъ, оцѣпенѣлъ,
И долго онъ, стоя въ безмолвьи, колебался:
Не зналъ, которую которой предпочесть;
Замѣтя жъ между ихъ, что ангелъ улыбался
И, руки вверхъ взмахнувъ, хотѣлъ какъ бы летѣть,
Онъ взялъ одну изъ нихъ и, въ жилки голубыя
Увидя розову текущу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ устамъ, чтя признаки благіе.
«Въ сей дѣвѣ», возгласилъ: «живетъ моя любовь!» —
Сказалъ и взоръ возвелъ на всшедшую зарницу:
«О Лада, мать утѣхъ! такъ ты своимъ лучемъ
Мнѣ показала всѣхъ краснѣйшую дѣвицу, —
Благодарю тебя». — И вышелъ тотчасъ вонъ
Изъ спальни крадучись и тихими стопами;
Малушѣ повелѣлъ предъ всѣми отличать
Тебя почтеніемъ, уборами, столами;
Жемчугомъ, серебромъ и златомъ осыпать.
И я сама съ тѣхъ поръ богаче содержуся:
Ну послѣ ты сего что̀ скажешь мнѣ теперь?

ПРЕЛѢПА.

Увы!

СПОСОБА.

Пожалуй, хоть еще не вѣрь.

ПРЕЛѢПА.

Тревожуся, мятуся!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Тороп ъ.

(*Который, пришедъ тихо, весь слышалъ разговоръ Способы.*)

ТОРОПЪ.

Я вашей милости, царевна, поклоняюсь.

ПРЕЛѢПА.

Кто ты? о чемъ?

ТОРОПЪ.

Я Торопъ называюсь;
И вотъ о томъ
Я даже до лица земнаго...
(*Кланяется въ землю.*)

ПРЕЛѢПА.

О чемъ, о чемъ?
И мнѣ?

ТОРОПЪ.

Отъ рыцаря младаго.

СПОСОБА.

Да кто ты, говорятъ: зачѣмъ? и отъ какого
Ты рыцаря сюда къ кому пришелъ?

ТОРОПЪ.

Я конюхъ богатырскій,
И вотъ пришелъ...
(*Въ сторону.*)
Какъ бишь?... Захряснуло въ умѣ.
(*Потираетъ лобъ.*)

ПРЕЛѢПА.

Начто жъ ко мнѣ?...

ТОРОПЪ.

Поклонъ отдать здѣсь низкій
(*Кланяется.*)
Пресвѣтлому лицу царевны молодой
И у нея спросить: не любъ ли рыцарь мой?

СПОСОБА.

Начто?

ТОРОПЪ.

Въ прислугахъ быть у ней, или въ посылкахъ.

ПРЕЛѢПА.

Не нужно.

СПОСОБА.

Слышь, слуга не надобенъ такой.

ПРЕЛѢПА.

Явися къ князю ты.

СПОСОБА.

А кто же рыцарь твой?

ТОРОПЪ.

Кто рыцарь мой? —
Онъ невидимкой сталъ.

ПРЕЛѢПА И СПОСОБА.

(*Смѣются.*)

Вотъ толкъ какой!

СПОСОБА.

Изволь, пожалуй, ты съ нимъ скоро разойтиться.

(*Слышится вдали маршъ войскъ.*)

ПРЕЛѢПА.

Однако мнѣ пора пойти принарядиться,
Чу! войски ужъ идутъ для встрѣтенья посла.

(*Уходитъ.*)

ТОРОПЪ.

(*Подступя къ Способѣ.*)

Я саду вашему не могъ не удивляться:
Куда бы хорошо, какъ бы въ него...

СПОСОБА.

Кого?

ТОРОПЪ.

Меня

СПОСОБА.

(*Съ насмѣшкою.*)

Козла?

ТОРОПЪ.

(*Пріосамяся.*)

Эй, барска барыня! изволишь насмѣхаться,
Не выслушавъ, не знавъ, въ чемъ дѣло состоитъ.

СПОСОБА.

Ба! конюхъ балагуръ совсѣмъ другой взялъ видъ.

ТОРОПЪ.

Прости, сударыня!...

СПОСОБА.

Годится ль разговоры
Подслушивать другихъ? Чѣмъ оправдаться тутъ?

Digitized by Google

ТОРОПЪ.

Мнѣ праведны твои, боярыня, укоры;
Повинну голову не рубятъ, не сѣкутъ:
Я присланъ рыцаремъ съ тобою объясниться
И помощи твоей намъ дружеской просить.

СПОСОБА.

(*Про себя.*)

Другая пѣсенка.

(*Въ слухъ.*)

Я чѣмъ могу служить?

ТОРОПЪ.

По обстоятельствамъ: мой рыцарь безыменный
Желаетъ разговоръ имѣть уединенный
Съ Прелѣпой, и меня прислалъ онъ для того,
Чтобъ попросить на то согласья твоего.

СПОСОБА.

Начтò же тайныя съ дѣвицами свиданья?

ТОРОПЪ.

О нуждѣ, можетъ быть, поговорить...

СПОСОБА.

Какой?

ТОРОПЪ.

Не знаю.

СПОСОБА.

(*Про себя.*)

А, постой!
Не отъ того ль у насъ смятенья, воздыханья?
Изрядно, господинъ конюшій! Мы пойдемъ
Отселѣ въ мой теремъ,
И тамъ поговоримъ мы обо всемъ подробно:
Ты видишь, здѣсь теперь народно.

(*Указываетъ на входящія войска, и оба уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Войска русскія и татарскія, въ сопровожденіи народа, переходятъ чрезъ мостъ, каждое подъ своимъ знаменемъ и своимъ маршемъ, и становятся въ порядокъ другъ противъ друга. Въ ложахъ зрители, между коими и Прелѣпа. На русскихъ знаменахъ летящій орелъ держитъ пукъ громовыхъ стрѣлъ, а на татарскихъ крылатый змѣй свѣтящуюся луну.

ХОРЪ РУССКИХЪ.

Ступай, россійская дружина,

Digitized by Google

Куда твой князь и честь велитъ.
Перунъ и молнія орлина
Вездѣ вослѣдъ тебѣ летитъ:
Ступай! ура, ура!

ХОРЪ ТАТАРЪ.

Гайда[6], татарская станица,
Куда твой ханъ и месть велитъ.
Несмѣтной силы вереница,
На васъ Магметъ, Луна глядитъ:
Гайда! алла, алла!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ продолженіе хоровъ великій князь верхомъ на конѣ, окруженный богатырями, въ многочисленномъ провожаніи двора и народа, въ числѣ котораго и Торопъ, а потомъ Тугаринъ, въ личинѣ крокодила, на двухъ крылатыхъ треглавыхъ змѣяхъ, выѣхавъ на колесницѣ, останавливаются у моста и, сошедъ съ коня и колесницы, каждый становится передъ своимъ войскомъ.

ТУГАРИНЪ.

РЕЧИТАТИВЪ.

Царь Казанскій,
Астраханскій,
Чипчатской Золотой Орды
Всемощный повелитель,
Другъ солнцевъ, братъ луны и зять звѣзды,
Блистающей съ востока,
Сынъ Магомета, всѣхъ сильнѣйшаго пророка,
Священныхъ алкорана словъ
Благоговѣйный исполнитель,
Ближайшій родственникъ ословъ
Абубекировыхъ, престрашный чародѣй,
Горынычъ Змѣй,
Надъ всей вселенной князь князей
Россійскому князьку повелѣваетъ
И исполненья ожидаетъ:
Чтобъ онъ ему
Сейчасъ въ его гаремъ
Прекрасную княжну
Прелѣпу возвратилъ

Digitized by Google

И золотой
Казной
Безсчетно надѣлилъ,
На что онъ и ея согласіе имѣетъ.
Но воспротивиться Владиміръ коль посмѣетъ,
То Русь всю истребитъ огнемъ онъ и мечемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Великій русскій князь угрозы столь нелѣпы,
Не сходныя ни съ чѣмъ,
Умѣетъ презирать;
Но было съ Змѣемъ чтобъ согласіе Прелѣпы,
Ты чѣмъ то можешь доказать?

ТУГАРИНЪ.

Спроси ее о томъ: она не отречется.

ВЛАДИМІРЪ.

Отъ клеветы такой весь духъ во мнѣ мятется;
Но пусть придетъ княжна! — Скажи ей, Силоумъ.

СИЛОУМЪ.

Велѣньемъ таковымъ грудь нѣжная пронзится,
(Слышно взвизгиваніе.)
И вотъ ужъ слышу въ ложѣ шумъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Но что же дѣлать мнѣ? Ей нечего страшиться;
Открыть я долженъ ложь и дерзость наказать.
(Силоумъ отходитъ.)

ТУГАРИНЪ.

Казнь можетъ сила лишь одна опредѣлять.

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ, правосудіе.

ТУГАРИНЪ.

Ты можешь забавлять
Себя и свой народъ пріятной сей мечтою.
Коль раздавить тебя могу одной рукою,
То истина твоя, права, законъ святой
Ничто, какъ только бредъ пустой.

ВЛАДИМІРЪ.

Безстрашный, твердый духъ и разумъ просвѣщенной
Противное тому являли всякій разъ.

Digitized by Google

ТУГАРИНЪ.

О, нѣтъ! Агарянъ родъ вѣкъ будетъ бичъ вселенной.

ВЛАДИМІРЪ.

Покажетъ время то.....

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Прелѣпа, Способа и Силоумъ.

СИЛОУМЪ.

Исполненъ твой приказъ.

ПРЕЛѢПА.

Я здѣсь.

ВЛАДИМІРЪ.

Скажи, княжна, рѣши мое сумнѣнье:
Посолъ сей предлагалъ тебѣ со Змѣемъ бракъ?
И будто есть твое на то соизволенье?

ПРЕЛѢПА.

Отвѣтствуетъ тебѣ мой огорченный згакъ;
Услыша твой приказъ, осталась чуть живою.

ТУГАРИНЪ.

Пускай она одна поговоритъ со мною.
(*Беретъ Прелѣпу за руку къ сторонѣ.*)
Слухъ о Горынычѣ, какъ страшный громъ, гремитъ;
Онъ звѣзды красотой и славой солнце тмитъ:
Я бракъ тебѣ, княжна, съ царемъ симъ предлагаю.

ПРЕЛѢПА.

Плѣнись, кто хочетъ имъ, а я его не знаю.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ, вѣроломная! должна его знать ты,
Прочти: вотъ хартія, и чьи на ней черты?

ПРЕЛѢПА.

(*Про себя.*)
Ахъ! что это? мои!

ТУГАРИНЪ.

Ты то ко мнѣ писала!
Я не чудовище.
(*Снимаетъ съ себя личину и поетъ окончаніе той аріи, которую пѣла Прелѣпа въ теремѣ.*)
«Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;

Digitized by Google

Въ душу, страстью вспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.»
Почто же лишь теперь меня ты не узнала,
Столь пламенно свою являя прежде страсть?

ПРЕЛѢПА.

(Съ удивленіемъ.)

Ты выдумалъ сію толь злую мнѣ напасть!

СПОСОБА.

Сама ты въ теремѣ такую пѣсню пѣла.

ПРЕЛѢПА.

(Съ досадою.)

Такъ что же изъ того? Я пѣть ее хотѣла;
Отчетомъ никому я въ чувствахъ не должна.
Боянова то пѣснь, извѣстна всѣмъ она.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ, тѣмъ, коварная, ты не отговоришься:
Ты принадлежишь мнѣ, и съ хищникомъ простишься.

(Схватываетъ ее и хочетъ увести.)

ПРЕЛѢПА.

О варваръ!

(Бросается къ Способѣ.)

СПОСОБА.

Ахъ! спаси, спаси, великій князь!
От лютаго толь змѣя
Спаси скорѣе насъ!

ВЛАДИМІРЪ.

(Бросается съ мечемъ.)

Я дерзость накажу злодѣя!

(Въ сіе время Прелѣпа и Способа уходятъ.)

ТУГАРИНЪ.

И я мои права умѣю защитить!

(Про себя.)

Я силой отниму, когда не могъ прельстить.

ВЛАДИМІРЪ.

Россіяне!

ТУГАРИНЪ.

Агаряне!

(Оба сіи войска устремляютъ другъ на друга свои копья, а Владиміръ и Горынычъ замахиваются мечами.)

СИЛОУМЪ.

(Ставъ между ними.)

Столь скороспѣшная должна ль смущать васъ ссора?

Digitized by Google

ТРІО.

СИЛОУМЪ.

На что такъ горячиться,
Сердиться и браниться?
Сыскать бы лишь вину,
И объявить войну.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ честь велитъ рѣшиться
Отъ Змѣя борониться,
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Чтобы спасти княжну.

ТУГАРИНЪ.

Мой духъ во мнѣ ярится,
Хоть съ свѣтомъ радъ сразиться!
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Хочу имѣть княжну.

ВСѢ.

Войну, войну, войну!

СИЛОУМЪ.

Войну! — Но токмо лишь, по силѣ договора,
Когда, гдѣ, какъ и кѣмъ начать,
Условье должно вамъ другъ другу дать.

ВЛАДИМІРЪ.

Я радъ договориться.

ТУГАРИНЪ.

Знакъ трусости! — Да пусть. Вѣдь силой бой рѣшится.

(*Они кладутъ мечи въ ножны, а войски — копья на плечо.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владиміръ и Тугаринъ даютъ знакъ. Конь верховой, богатыри и колесница удаляются; а на мѣстѣ ихъ по прежнему полукружіемъ смыкаются русскія и татарскія войска, по срединѣ коихъ, между Владиміромъ и Горынычемъ, Силоумъ предлагаетъ договоръ, котораго окончательныя слова музыка повторяетъ речитативомъ.

СИЛОУМЪ.

«Избрать вамъ рыцарей сперва между собою
«И имъ велѣть вступить единоборствомъ въ бой.

Digitized by Google

ВЛАДИМІРЪ.
«Изрядно.
ТУГАРИНЪ.
«Ну, ладно.
СИЛОУМЪ.
«Коль рыцарей такихъ не можетъ отыскаться,
«То князю самъ-на-самъ съ Горынычемъ сражаться.
ВЛАДИМІРЪ.
«Мечомъ!
ТУГАРИНЪ.
«Не спорю и о томъ[a].
СИЛОУМЪ.
«Въ сраженьи коль князья ослабѣвать начнуть,
«А кровію своей вражды не пресѣкутъ:
«Тогда ужъ войскамъ ихъ другъ на друга полками
«Идти стѣной
«На рукопашный бой.
ВЛАДИМІРЪ.
«Пусть честь свою князья защитятъ прежде сами.
ТУГАРИНЪ.
«Что нужды въ томъ, хотя чужими головами!
СИЛОУМЪ.
«И съ побѣжденныхъ дань, кто побѣдитъ, возьметъ.
ВЛАДИМІРЪ.
«Не отягчивъ народъ.
ТУГАРИНЪ.
«Нѣтъ, нѣтъ, пусть грабитъ все своими всякъ руками:
«И князь съ княжною самъ,
«И все его владѣнье
«Подъ рабственное мнѣ сейчасъ плѣненье
«Повергнется къ моимъ стопамъ.
ВЛАДИМІРЪ.
«Коль иго страшное! — Но всѣ твои мечты,
«Быть можетъ, что пройдутъ, когда падешь самъ ты.
ТУГАРИНЪ.
«Паду, когда мой взоръ тма скроетъ ночи вѣчной.
СИЛОУМЪ.
«Но рѣдко у князей обѣтъ чистосердечной
«Бывалъ въ такихъ дѣлахъ, а видомъ лишь однимъ.

Digitized by Google

ВЛАДИМІРЪ И ТУГАРИНЪ.

(*Вмѣстѣ.*)

«Мы клятву въ томъ дадимъ.

(*Владиміръ и Тугаринъ, ставъ каждый на колѣни предъ своими знаменами.*)

ВЛАДИМІРЪ.

«Перуна свѣтъ!

ТУГАРИНЪ.

«О Магометъ!

ВЛАДИМІРЪ.

«Услышьте насъ!

ТУГАРИНЪ.

«Въ сей страшный часъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Мы клясться смѣемъ.

ТУГАРИНЪ.

«Я этимъ змѣемъ!

ВЛАДИМІРЪ.

«Я симъ орломъ!

(*Оба вдругъ.*)

«И вѣрно слово мы даемъ!

СИЛОУМЪ.

«А если клятвы вамъ не удержать случится?

ВЛАДИМІРЪ.

«Перунъ пусть погасится!

ТУГАРИНЪ.

«Померкнетъ пусть луна!

ОБА.

(*Вставая вмѣстѣ.*)

«И ввергнетъ въ плѣнъ сія преступника война.» —

(*При сихъ словахъ на знамѣ русскомъ изъ пучка перуновъ пышетъ пламя, а на знамѣ татарскомъ луна блѣднѣетъ.*)

ВЛАДИМІРЪ.

Чтò вижу я!

ТУГАРИНЪ.

Я весь отъ ужаса трясуся!

ВЛАДИМІРЪ.

Я вашей помощи, о небеса! ищу:
Ужъ не предвѣстье ль то?

ТУГАРИНЪ.

Ничѣмъ не устрашуся!
Пусть адъ и небеса противъ меня: — отмщу!
(*Уходитъ, а за нимъ и Владиміръ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Оба войска становятся въ прежній порядокъ другъ противъ друга. Герольдъ и Бирючъ съ трубами, имѣя на высокихъ стягахъ, русскій шапку, а татарскій чалму, которыми вертятъ одинъ за другимъ, и трубя, возглашаютъ.

БИРЮЧЪ.

Услышьте, орды всѣ татарски!
Чипчатскій князь на край славянскій
Трубитъ трубой,
Идетъ войной.

ГЕРОЛЬДЪ.

Услышьте, Россы и Славяна!
Князь кіевскій на Змѣулана
Трубитъ трубой,
Идетъ войной.

(*Оба войска подъ своими маршами уходятъ, и раздается отъ нихъ издали глухой гулъ.*)
(*Отъ русскихъ.*)
Ура! ура!
(*Отъ татарскихъ.*)
Алла! алла!

ТОРОПЪ.

(*Давъ уйти войскамъ и народу.*)
Тьфу пропасть! кое-какъ насилу провалили:
Какую кашу заварили!
Ужъ подлинно сказать, что кутерьма:
Придетъ рехнуться всѣмъ съ ума.
Отверзты тысячамъ войной я вижу гробы;
Но здѣсь ужъ не видать Способы.
О Невидимкѣ съ ней еще бъ потолковать,
И ей ширинку бъ мнѣ, вотъ эту, показать:
Въ ней скрыта капля водъ рѣки священна Буга.
Но какъ бы не пришло и съ ней мнѣ очень туго;
Вѣдь два соперника съ моимъ-то соколомъ:
Великій князь да Змѣй съ зубастымъ страшнымъ ртомъ.
Слышь, оба молодцы, хотя бъ куда, такъ хваты!

Digitized by Google

Притомъ же объ одной красоткѣ спорятъ вдругъ;
А ты межъ ихъ, какъ бѣсъ, перебѣгай палаты.
Нѣтъ, право, съ ужасу дрожитъ во мнѣ мой духъ.

(*Поетъ.*)

Я дрожу, боюсь, робѣю,
Какъ въ тиски бы не попасть.
Змѣй и князь! — Страшна ихъ власть!
Гладокъ въ царски входъ чертоги,
Верхъ завиденъ ихъ крыльца;
Но лишь поскользнутся ноги,
Вмигъ спровадятъ молодца.

Но какъ бы ни было, хоть пасть, хоть спотыкаться,
Къ Способѣ нужно мнѣ съ шириночкой пробраться.
Не вѣритъ безъ того разсказамъ никакимъ,
Хоть, правда, я мигнулъ ужъ ей глазкомъ однимъ.
Да вотъ она и здѣсь!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Торопъ и Способа.

СПОСОБА.

Конюшій мой безцѣнной!
Ты не видалъ ли здѣсь той грамотки бездѣльной,
Которую княжнѣ Тугаринычъ....

ТОРОПЪ.

Онъ взялъ.

СПОСОБА.

Къ себѣ?

ТОРОПЪ.

Да, да, онъ взялъ.

СПОСОБА.

Заподлинно? — Меня о томъ княжна просила,
Чтобы узнать.

ТОРОПЪ.

Срази меня Перуна сила!
А что развѣ?...

СПОСОБА.

Нѣтъ, такъ.

ТОРОПЪ.

А я ширинку ту,
О коей говорилъ, принесъ во увѣренье.

СПОСОБА.

Подай!

(*Смотря.*)

Что̀ вижу я? — Бѣсовскую мечту!
Повѣрь-ка на часокъ княжнѣ на разсмотрѣнье.

ТОРОПЪ.

Нѣтъ, милый свѣтикъ мой,
Съ одной я головой!

СПОСОБА.

Что, развѣ тайна тутъ скрывается какая?

ТОРОПЪ.

Ну, кѣмъ подарена, такъ та, ее узная...

СПОСОБА.

Такъ чтожъ? — Не просите ль и сами вы о томъ?

ТОРОПЪ.

Да рыцарь хочетъ самъ предстать своимъ лицомъ:
То мнѣ, отдавъ тебѣ ширинку эту,
Повѣсить вывѣской ужъ Невидимку свѣту.

СПОСОБА.

Знать, хочется вамъ насъ обѣихъ оплести:
Поди жъ, коль такъ, гуляй; мнѣ недосугъ, — прости!

ТОРОПЪ.

Ахъ, милая моя сударушка, Способа!
Минуточку постой и выслушай одна:
Мы можемъ сдѣлаться съ тобой счастливы оба.
Прелѣпа въ рыцаря, какъ видно, влюблена:
Куда бы хорошо и мнѣ съ нимъ пріютиться
На тепло гнѣздышко!....

СПОСОБА.

А какъ?

ТОРОПЪ.

Ну, какъ? — жениться.

СПОСОБА.

На комъ?

ТОРОПЪ.

На комъ же, лапочка,
Когда не на тебѣ, моя косаточка?

СПОСОБА.

(*Смѣется*).

И впрямь?

Digitized by Google

ТОРОПЪ.

Божусь тебѣ, что страстная любовь
Давно уже мою зажгла къ тебѣ всю кровь.

СПОСОБА.

(*Грозя пальцемъ.*)

Ну, хорошо! — Смотри!

(*Уходитъ.*)

ТОРОПЪ.

(*Оборотясь, догоняетъ.*)

ДУЭТЪ.

Нѣтъ, постой, постой, косатка!
Лель махнулъ ужъ намъ крыломъ;
Не уйдешь ты безъ задатка:
Поцѣлуй, такъ и съ концомъ.

СПОСОБА.

Что за дерзкая ухватка,
Смѣть приступомъ брать въ полонъ!
Тутъ нужна еще догадка:
Ну, побей-ка мнѣ челомъ.

ТОРОПЪ.

Радъ я, свѣтикъ, поклоняться,

(*Кланяется.*)

Милости твоей просить:
Полюбить меня и взяться
Господину пособить.

СПОСОБА.

Такъ-то, лучше приласкаться,
То могу и услужить:
Только должно обѣщаться
Намъ другъ друга вѣкъ любить.

ОБА ВМѢСТѢ.

Хорошо! — о томъ ни слова:
Лель махнулъ ужъ намъ крыломъ.
Я готовъ — и я готова
Жить съ голубкой — съ голубкомъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ теремъ княжны Прелѣпы. Она сидитъ на софѣ въ задумчивости, перебираетъ перстами струны арфы, которыя издаютъ меланхолическіе аккорды.

ПРЕЛѢПА.

Какія странныя сегодня приключенья
Во снѣ я видѣла! — Пожралъ Добрыню змѣй!
Безвѣстный богатырь идетъ мнѣ въ услуженье!
Бояна пѣснь пропѣлъ чипчатскій чародѣй!
Отколь онъ взялъ ее? — Никакъ не понимаю.
И князь!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Прелѣпа и Владиміръ.

ВЛАДИМІРЪ.

Невеселу Прелѣпу я встрѣчаю!
Да и нельзя не такъ. — Столь дерзостный злодѣй
Осмѣлился смутить покой души твоей.

ПРЕЛѢПА.

Благодарю, мой князь, за нѣжное участье.

ВЛАДИМІРЪ.

Ахъ! здравіе твое, княжна, спокойство, счастье, —
Первѣйши должности на сердцѣ у меня.

ПРЕЛѢПА.

Не стою милостей, ихъ для меня такъ много!

ВЛАДИМІРЪ.

Почтенье и любовь къ тебѣ въ душѣ храня,
Мятуся, зря тебя расположенну строго;
Взгляни на зракъ ты мой, и изъ него прочти,
Какъ властвуешь ты мной...

ПРЕЛѢПА.

Кто? — я?

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ, ты.

(*Поетъ.*)

Владычица души плѣненной!
Царица сердца моего!
Познай любовію возжженной

Вздохъ узника днесь твоего!
Познай, что я тобою страстенъ,
Твоей сраженный красотой;
Познай, что я въ себѣ невластенъ,
И ты одна владѣешь мной!

ПРЕЛѢПА.

Къ чему, о государь! въ толь изреченьяхъ страстныхъ
Ты обращаешься со мной?
Имѣешь тысячу ты въ теремѣ прекрасныхъ,
Которымъ можешь ты открыть сей пламень твой.
Изборска жъ князя дочь...

ВЛАДИМІРЪ.

Хотя бъ и всей вселенной
Царица ты была, невѣстой обрученной
Монарху русскому не низко быть тебѣ.

ПРЕЛѢПА.

Невѣстою?

ВЛАДИМІРЪ.

Сей день!

ПРЕЛѢПА.

Увы!

ВЛАДИМІРЪ.

Что за вздыханья,
Позволилъ коль тебѣ
Отецъ твой для избранья
Быть въ теремѣ моемъ? И ты тогда себѣ
Не чла сего обиднымъ.

ПРЕЛѢПА.

Велика честь!
Позволь себя назвать, Владиміръ, непостижнымъ:
Ты страстную любовь являешь, а не лесть;
Но съ Змѣемъ ты меня на доску свелъ одну,
Злодѣйскому его повѣря сплетенью...

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ обожатель твой, я признаю вину;
Какъ царь, имѣю я причину къ извиненью:
Чтò бы сказалъ тогда народъ, подвластный мнѣ,
Когда бъ, не объяснясь съ врагомъ, далъ знакъ къ войнѣ?
Не справедливо ли бъ меня винили въ страсти,

Что ради я тебя Россію ввергъ въ напасти?
Пусть виненъ предъ тобой, но я исполнилъ долгъ;
Ты жъ нѣжности сама отъ изверга терпѣла.

ПРЕЛѢПА.

Что онъ ту жъ пѣсню пѣлъ, я кою прежде пѣла?...

ВЛАДИМІРЪ.

Она извѣстна мнѣ. — Но что же мой предлогъ?
Ужель въ возлюбленной какой успѣхъ имѣетъ?
Могу ли льститься я!

ПРЕЛѢПА.

Владимiръ столь владѣть собой умѣетъ
И знаетъ, что...

(*Поютъ.*)

ПРЕЛѢПА.

Любить насильно невозможно,
Нельзя намъ сердцу повелѣть
Владѣть собой, терпѣть.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ воздыхать мнѣ должно
И тщетной страстію горѣть,
Горѣть, — и умереть.

(*Оба вмѣстѣ.*)

ПРЕЛѢПА.

Владѣть собой, терпѣть.

ВЛАДИМІРЪ.

Горѣть и умереть!
Терпѣть, жестокая, ты мнѣ велишь,
Безвременно меня терзаешь и мертвишь:
Смягчися, зря мое несносное мученье!

(*Цѣлуетъ страстно ея руку.*)

ПРЕЛѢПА.

Къ чему такое, князь, предъ дѣвой униженье?
Терпѣніе всему дать можетъ оборотъ.

ВЛАДИМІРЪ.

О всѣхъ собраніе пріятностей, красотъ!
Любовь величества и титлъ не разбираетъ:
Законъ ея царя съ пастушкою равняетъ. —
Но вижу я, княжна, обширный разумъ твой
И правильно твое о страсти разсужденье:
Ты хочешь, чтобъ, войну иль поединокъ мой

Digitized by Google

Окончивъ, ожидалъ я твоего рѣшенья.
Сего ль желаешь ты?

ПРЕЛѢПА.

Моей тутъ воли нѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ.

О! съ сей надеждою пріятно и терпѣть.

(*Еще цѣлуетъ ея руку.*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Способа.

СПОСОБА.

Доноситъ Силоумъ о рыцарскомъ собраньѣ.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ, я ихъ повелѣлъ собрать,
Чтобъ силы испытать
Во рыцарскихъ играхъ и сдѣлать бы избранье
Храбрѣйшаго изъ нихъ въ единоборный бой.
Сей избранный, княжна, украсится тобой.

ПРЕЛѢПА.

Отличная мнѣ честь.

(*Взявшись за руки, уходятъ.*)

СПОСОБА.

(*Одна.*)

Пожалуй, раскручинься,
Разрюмься, распузырься,
И дѣвку вѣтрену раздумай, разгадай!
И вида, давича, Гориныча страшилась,
Потомъ опять смягчилась;
И вотъ о пѣснѣ той его поди-узнай!
Быть съ Невидимкою боялась на свиданьѣ,
А о ширинкѣ знать желаетъ: кто? зачѣмъ?
Отъ князя въ обморокъ, и тутъ же на собранье
Съ нимъ рыцарей спѣшимъ, и руку подаемъ! —
Итакъ, тутъ разбери-поди любовь прямую;
Влѣзь въ сердце и узнай, кто милъ и кто постылъ?
Да нѣтъ, хитрянушка, я тотчасъ растолкую
Наединѣ съ тобой, мнѣ только бъ случай былъ.

(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Театръ перемѣняется и представляетъ великолѣпный дворецъ княжескій, украшенный балкономъ и колоннами, противъ котораго амфитеатръ для зрѣлища гимнастическихъ игръ, а вдали по перспективѣ ипподромъ для конскаго ристанія. Въ срединѣ высокій столбъ. Все отдѣляется отъ двора княжескаго золотою рѣшеткою, въ срединѣ которой золотыя гербовыя ворота. По сторонамъ ихъ двѣ скамьи; на нихъ садятся нѣсколько пришедшихъ богатырей. Владиміръ, Прелѣпа, теремныя дѣвицы на балконѣ, а народъ въ амфитеатрѣ.

Силоумъ, Добрыня, Торопъ и Бирючъ.

(*Изъ нихъ Добрыня закрытъ шлемомъ.*)

СИЛОУМЪ.

(*Богатырямъ.*)

Вотъ, братцы-молодцы, вамъ витязь безымянной!
На широкъ дворъ взлетѣлъ какъ ясный онъ соколъ;
Кормилъ коня пшеномъ, поилъ сытой медвяной
И, привязавъ его къ столбу, къ кольцу златому,
Во гридню княжеску, не доложась, вошолъ:
Порадуйтесь, друзья, вы удальцу такому!
Князь силы вамъ своей велѣлъ съ нимъ попытать.

(*Богатыри, пошатавъ головами, приподнялись съ мѣстъ, сняли шапки, поклонились и опять сѣли.*)

ДОБРЫНЯ.

(*Не открывая шлема.*)

Знать, мѣсто надобно здѣсь самому сыскать.

(*Съ послѣднимъ словомъ пришедши къ концу одной скамьи, присѣлъ и подвинулся, отъ чего сидящіе на ней богатыри попадали, а съ другой вскочили упавшихъ поднимать.*)

СИЛОУМЪ.

Самъ видно у себя!

(*Уходитъ.*)

ТОРОПЪ.

(*Съ насмѣшкою въ сторону.*)

Съ похмелья повалились.

(*Уходитъ.*)

ГЕРОЛЬДЪ.

(*Протрубя.*)

По волѣ княжеской, пространный свѣтъ, внемли!
Здѣсь игры рыцарски открылись
Удалымъ молодцамъ россійскія земли.
Ступайте, подвизайтесь,
Проворство, силу показать.

Digitized by Google

Славнѣйшаго изъ васъ старайтесь
Вы въ витязя избрать.

(Рѣшетка золотая растворяется на обѣ стороны, и Герольдъ[7] въ отдаленности театра становится у столба богатырскаго, откуда всякій разъ даетъ знать трубой объ окончаніи какого-либо рыцарскаго подвига.)

ХОРЪ БОГАТЫРЕЙ.

Не сизы соколы по поднебесью,
Не бѣлы кречеты подъ облаки,
Богатыри слетались русскіе
Къ великому князю ко Владиміру,
Ко владыкѣ всероссійскому,
Чтобъ потѣшиться молодечествомъ,
Позабавить бы удальствомъ его.
Что одинъ изъ нихъ всѣхъ проворнѣе,
Всѣхъ проворнѣе, всѣхъ могучѣе:
Гдѣ онъ ступитъ, — тутъ земля дрожитъ;
Гдѣ рукой махнетъ, — тутъ и улица.
Что возговоритъ богатырскій кругъ:
Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Въ продолженіе сего хора богатыри, взадъ и впередъ расхаживая, показываютъ, что снимаютъ съ себя тяжелые доспѣхи, а между тѣмъ непримѣтно уходятъ за кулисы: на мѣсто жъ ихъ вступивъ, танцовщики, изъ коихъ одинъ въ закрытомъ шлемѣ, танцуютъ балетъ, въ которомъ представляютъ разныя гимнастическія игры, какъ-то: борьбу, кулачный бой, бѣганье и проч. Потомъ вдали видно на ипподромѣ ристаніе на коняхъ верхами и въ колесницахъ, машинами представляемое; гдѣ летаютъ по воздуху деревья и каменья, слышно ржаніе коней, звукъ мечей, трескъ преломленныхъ копій и тому подобное. По окончаніи жъ игръ, танцовщики и представляющій закрытаго рыцаря уходятъ, а на мѣсто ихъ паки являются богатыри, изъ коихъ герольдъ, выводя на сцену Добрыню, закрытаго шлемомъ, говоритъ богатырямъ.)

ГЕРОЛЬДЪ.

Закрытый витязь сей пойдетъ въ единоборство,
Отличную явилъ онъ силу и проворство:
На воздухѣ стрѣлу другою разсѣкалъ,
Въ пятьсотъ пудъ палицу за облако металъ,
Рвалъ холмы и дубы съ корней одной рукою.

ХОРЪ БОГАТЫРЕЙ.

(Три раза повторяетъ послѣдній стихъ.)

Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Добрыня кланяется.)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

Владиміръ съ Прелѣпою и всѣми дѣвицами теремными сходятъ съ балкона. Дѣвицы въ рукахъ своихъ имѣютъ копья, щиты, мечи, луки, стрѣлы и прочіе легкіе доспѣхи воинскіе, между которыми входятъ и хористы.

ВЛАДИМІРЪ.

Преславны витязи! пусть всякій самъ собою
Здѣсь милую себѣ подругу изберетъ,
И отъ нея свое оружіе возьметъ.
А ты, моя княжна, героя безымянна
Грудь богатырскую укрась отличьемъ симъ.

(Взявъ у Силоума съ золотаго блюда гривну, или медаль, подаетъ Прелѣпѣ.)

ПРЕЛѢПА.

(Надѣвая оную на Добрыню, ставшаго на колѣни.)

Какъ блещетъ злато здѣсь, и слава такъ желанна
Твоя да возблеститъ, о витязь знаменитъ!

ДОБРЫНЯ.

Счастливъ, когда судьба мнѣ долгъ велитъ свершить,
И съ должной честію предъ князя возвращуся!

ВЛАДИМІРЪ.

(Ударя Добрыню по плечу мечемъ.)

Я вѣрю, что тобой ни въ чемъ не постыжуся:
Будь рыцаремъ моимъ!

(Владиміръ, Прелѣпа и Добрыня уходятъ, богатыри паки удаляются; а на мѣсто ихъ танцовщики и танцовщицы въ продолженіе нижеслѣдующаго хора представляютъ другой балетъ, въ коемъ дѣвицы раздаютъ оружіе рыцарямъ.)

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

Разрѣзвились, разыгрались
Красны дѣвицы въ кругу,
Какъ на грозну брань сбирались
Русски молодцы врагу.
Будемъ, дѣвушки, рѣзвѣе, —
Говорили межъ собой, —
Чтобъ отважнѣе, храбрѣе
Наши милые шли въ бой;
Чтобы славу заслужили,
Ставъ отечеству сыны,
И счастливѣе бъ мы жили,
Чѣмъ безъ славы, безъ войны;
Въ изарбатахъ [8] бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ,

Digitized by Google

Ленты золоты носили
И жемчуги на главахъ;
Мы бы чванились собою,
Намъ бы кланялся народъ.
Нѣтъ вѣдь славы, кромѣ бою,
И богатства и красотъ.

(*По окончаніи балета, уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Театръ перемѣняется и представляетъ въ ночи небольшую часть сада съ каскадами, освѣщеннаго луною, которой лучъ, отражаясь отъ крышки золотой терема Прелѣпы, падаетъ на водоскаты. Въ тѣни видны мрачные переходы и потаенная лѣстница.

Прелѣпа и Спосоьа.

ПРЕЛѢПА.

Доколѣ витязя и прочія дружины
Князь въ бой не отпустилъ, поговоримъ съ тобой.

СПОСОБА.

Не лучше ль намъ идти подъ свислыхъ древъ вершины?
А здѣсь ужъ слишкомъ мы освѣщены луной.

ПРЕЛѢПА.

И здѣсь не видно насъ. — Что мнѣ о пѣснѣ скажешь?

СПОСОБА.

Унесъ съ собою Змѣй.

ПРЕЛѢПА.

О Невидимкѣ чтó ты знаешь?

СПОСОБА.

Я знаю только то, что витязь безымянной
На играхъ превзошелъ всѣхъ силой несказанной,
Иныхъ изъ сѣделъ выбилъ вонъ.

ПРЕЛѢПА.

Но кто же онъ?

СПОСОБА.

Старалась я узнать то по твоимъ желаньямъ,
Но отъ конюшаго, со всѣмъ моимъ стараньемъ,
Я не добилась ничего,
Окромѣ лишь того,
Что похваляется ширинкою онъ тою,
Что сказывала я.

Digitized by Google

ПРЕЛѢПА.

Какъ?

СПОСОБА.

Съ именемъ твоимъ, и вышита тобою.

ПРЕЛѢПА.

Какъ, съ именемъ! Нельзя ль его сюда скорѣй?

СПОСОБА.

А со Владиміромъ въ помолвкѣ-то своей
Вы вѣрно ужъ сошлись? — А мнѣ ты и ни слова!

ПРЕЛѢПА.

Да, говорили мы. — А рыцаря...

СПОСОБА.

Какого?

ПРЕЛѢПА.

Ну, Невидимку-то.

СПОСОБА.

Ужъ ночь...

ПРЕЛѢПА.

Но при лунѣ.

СПОСОБА.

Ахъ, милая княжна! что говоришь ты мнѣ?
Коли узнаетъ князь! — И какъ это возможно?

ПРЕЛѢПА.

Изъ любопытства лишь.

СПОСОБА.

Нельзя, неосторожно.

ПРЕЛѢПА.

Теперя ночь.

СПОСОБА.

Поди ты прочь!

ПРЕЛѢПА.

Способа, милый другъ! подай душѣ отраду,
Я только одного его желаю взгляду.

СПОСОБА.

Ахъ! Лада надъ тобой! — Ужъ я тебя не знаю.
То князь въ умѣ, то змѣй, то потаенный другъ!

ПРЕЛѢПА.

Нѣтъ больше силъ моихъ, волнуется весь духъ!
Я предъ тобой себя ужъ больше не скрываю:

Digitized by Google

Горыныча боюсь и вида не терплю,
Со многими въ княжомъ нельзя быть сердцѣ вмѣстѣ;
Съ издѣтства самаго Добрыню я люблю,
И рокъ судилъ ему во мнѣ лишь быть невѣстѣ.
Вотъ тайна вся. — Теперь иди скорѣй за нимъ.

СПОСОБА.

Какіе ужасы! какія повелѣнья!
А если кто меня въ пути увидитъ съ нимъ?

ПРЕЛѢПА.

Когда душа чиста, то нѣтъ тутъ преступленья,
Поди!

СПОСОБА.

Ахъ, милая! что дѣлать мнѣ съ тобой?
Желаю и боюсь.

(*Подумавъ про себя.*)

Съ нимъ Торопъ будетъ мой.

(*Уходитъ.*)

ПРЕЛѢПА.

Я отдалась любви, послала за Добрыней;
Но безымянный сей быть можетъ и не онъ.
То можетъ быть обманъ, подобно какъ змѣиной:
Не даромъ ужасалъ меня сей ночи сонъ.

(*Слышно въ той сторонѣ, гдѣ Тугариновъ шатеръ, по Днѣпру хохочущее эхо отъ птицъ, а на теремѣ стонъ филина.*)

(*Поетъ.*)

Чу! кто-то тамъ въ лугахъ хохочетъ,
На кровлѣ слышу чудный стонъ.
Знать, чародѣй прельстить насъ хочетъ,
А здѣсь меня пужаетъ онъ.
Мятусь, дрожу, изнемогаю!
Чтò будетъ съ бѣдною со мной?
Къ тебѣ, Добрада, прибѣгаю:
Покрой меня твоей рукой!
Покрой! — и отжени всѣ страсти,
Мечты, волшебства и напасти.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Земля разверзается. Выходитъ Добрада въ бѣломъ жреческомъ одѣяніи, на подобіе тѣни, и въ то же время на другой сторонѣ съ потаенной лѣстницы сходятъ закрытые также бѣлыми покрывалами: Способа, Торопъ и Добрыня, съ опущеннымъ на лицѣ забраломъ.

ДОБРАДА.

Услышана твоя молитва мною:
Не бойся, будь тверда душою.
(*Исчезаетъ.*)

ПРЕЛѢПА.

Что вижу я? Ахъ! вкругъ меня мечты.
(*Увидя Способу.*)
Иль это ты?
Ужъ возвратилася, Способа?

СПОСОБА.

Конюшій съ рыцаремъ пришли со мною оба;
Мы такъ закрылись, чтобъ никто насъ не узналъ.

ТОРОПЪ.

(*Ощупывая деревья руками.*)
Глаза мои еще тмы, ужаса полны.

СПОСОБА.

На кровлѣ филинъ тамъ уныло завывалъ.

ТОРОПЪ.

Въ лугахъ русалки хохотали.

СПОСОБА.

Мы отъ роду такой боязни не видали.

ДОБРЫНЯ.

Но здѣсь ужъ блещетъ свѣтъ луны!

СПОСОБА.

(*Прелѣпѣ, представляя Добрыню.*)
Вотъ богатырь, княжна, безвѣстной, безымянной.

ПРЕЛѢПА.

Плѣненна славой несказанной;
Хотѣла бъ я его въ лицо узрѣть.

ДОБРЫНЯ.

Большимъ бы счастіемъ почелъ и я ту честь;
Но мнѣ до времени быть нужно сокровеннымъ.

СПОСОБА.

Не межъ народомъ ты, сударь, обыкновеннымъ.

Digitized by Google

ПРЕЛѢПА.

Мы можемъ скромны быть.

ТОРОПЪ.

(*Въ сторону*).

Вѣрнѣе нѣтъ сего отъ женщинъ обѣщанья.

ДОБРЫНЯ.

Прекрасныя княжны исполнить чтобъ желанья,
Я принужденъ себя открыть.

(*Снимаетъ шлемъ.*)

ПРЕЛѢПА.

Добрыня! это ты! тебя ли вижу я?
Какъ счастлива теперь судьба моя!

(*Съ восторгомъ обнимаются.*)

Какимъ тò образомъ, любезный мой, случилось?

ДОБРЫНЯ.

Знать, небо надъ моимъ страданіемъ смягчилось.
Разставшися съ тобой, оставя Холмоградъ,
Проѣхалъ я моря, лѣса, пустыни, горы,
Побилъ невѣрныхъ тьмы, богатырей напоры
Ужасны отразилъ и, возвратясь назадъ,
Заѣхалъ посмотрѣть Владиміровъ дворъ славной,
Помѣрить силъ моихъ со рыцарьми его;
Но къ горести моей услышалъ насказанной,
Что въ теремѣ ты здѣсь.

ПРЕЛѢПА.

Ужъ годъ какъ у него.

ДОБРЫНЯ.

Невѣстой обрученной?

ПРЕЛѢПА.

Сей день назначенъ былъ; но помѣшалъ невѣрной
Тугаринъ, богатырь.

ДОБРЫНЯ.

Увы! и онъ, я слышу, бракъ
Тебѣ съ собою предлагаетъ.

ПРЕЛѢПА.

Да, онъ того желаетъ.

ДОБРЫНЯ.

И съ наглостью притомъ неслыханною?

ПРЕЛѢПА.

Такъ.

Digitized by Google

ДОБРЫНЯ.
Чудовище! злой Змѣй!

ПРЕЛѢПА.
Но какъ же, дерзновенье
Такое слышавъ, ты его не отвратилъ?

ДОБРЫНЯ.
Представь себѣ, княжна, мое ты положенье!
Совмѣстникъ мнѣ мой князь, и могъ тебѣ быть милъ:
То какъ я, безъ заслугъ, безъ нова увѣренья
Въ твоей ко мнѣ любви, себя могъ объявить?

ПРЕЛѢПА.
Возмогъ ли хоть на часъ во мнѣ ты усомниться,
Чтобы могла въ кого другаго я влюбиться?

ДОБРЫНЯ.
Благоволи Перунъ лишь славой осѣнить,
Тогда явлюся я тебя уже достойнымъ.

ПРЕЛѢПА.
Какая польза въ томъ? Ужели князь спокойнымъ
Зрѣть будетъ окомъ на тебя?
Онъ въ славѣ, въ торжествѣ твоемъ, меня любя,
Не возжелаетъ ли имѣть своей женою?
Ахъ, горе мнѣ тогда! ахъ, горе и тебѣ!

ДОБРЫНЯ.
Я покорюсь судьбѣ.
Но, бывъ съ заслугами и бывъ любимъ тобою,
На бракъ я больше правъ, чѣмъ князь, могу имѣть;
А паче, если князь правдивъ, великодушенъ...

ПРЕЛѢПА.
Иди же, мой герой, со славой умереть!

ДОБРЫНЯ.
Во всемъ тебѣ, моя любезная, послушенъ.

ДУЭТЪ[9].

ПРЕЛѢПА.
Ко мнѣ ты страстью тлѣешь?

ДОБРЫНЯ.
Да, я горю тобой.

ПРЕЛѢПА.
Ты жизнь во мнѣ имѣешь?

Digitized by Google

ДОБРЫНЯ.

Я живъ твоей душой.

ПРЕЛѢПА.

Вся мысль твоя мной плѣнна?

ДОБРЫНЯ.

Въ тебѣ моя вселенна

(*Оба вдругъ.*)

И всѣ утѣхи глазъ.
Я, зря тебя, прельщаюсь
И такъ же восхищаюсь,
Какъ въ самый первый разъ!

ПРЕЛѢПА.

О коль сладка любовь!

ДОБРЫНЯ.

Небесный то восторгъ души!

СПОСОБА.

А ты, мой Торопъ, что задумчивъ такъ втиши?

ТОРОПЪ.

Жду, лапочка, какъ ты умильно вздернешь бровь!

ДОБРЫНЯ.

(*Поетъ.*)

Коль въ томъ твоя забава,
Чтобъ быть всегда со мной:
То счастіе и слава
Мнѣ зрѣть на образъ твой;
Тобою заниматься,
Тобою любоваться,
Мнѣ нѣтъ блаженствъ иныхъ.
Цари пусть веселятся;
Но смѣютъ ли равняться
Со мной въ сіяньи ихъ?

ПРЕЛѢПА.

(*Поетъ.*)

Порфирою одѣта,
Не вознесусь собой;
На всѣ державы свѣта
Не промѣнюсь тобой.
Тобою утѣшаюсь,
Горжусь и величаюсь:

Digitized by Google

Твое мнѣ сердце тронъ;
Всѣ пышности земныя
Молвы лишь все пустыя
И грубый сердцу звонъ.

СПОСОБА.

А мы вѣдь такъ съ тобой не прогоняемъ скуку.

ТОРОПЪ.

И впрямь, красавица: такъ дай же мнѣ ты руку.
Куда игла, пускай идетъ туда и нить;
Влюбился господинъ и я давай любить.

(*Даютъ другъ другу руку.*)

ДОБРЫНЯ.

Но полночь ужъ теперь; мнѣ въ храмѣ помолиться,
Откланяться съ дворомъ и съ братьями проститься.

ПРЕЛѢПА.

Прости, любезный мой, и возвратися здравъ
Въ объятіе любви моей, на лоно чести.

ДОБРЫНЯ.

Прости!

ТОРОПЪ.

(*Способѣ.*)

Прости и ты, милѣй мнѣ солнца ставъ.

СПОСОБА.

Прости, мой суженый! Пришпорь къ своей невѣстѣ.

(*Хотятъ уйти; но возвратясь, обнимаются попарно и поютъ въ четыре голоса.*)

ДОБРЫНЯ.

Небесно наслажденье...

ТОРОПЪ.

Съ любезной вмѣстѣ жить!

ПРЕЛѢПА.

Несносное мученье...

СПОСОБА.

Въ разлукѣ съ милымъ быть.

(*Вмѣстѣ.*)

Я адъ тамъ ощущаю,
Гдѣ безъ тебя бываю,
Томлюся всей душой;
Но гдѣ тебя видаю,
Ласкаю, обнимаю,

Digitized by Google

Прижму къ груди своей:
Тамъ рай души моей!

(*Въ сіе время Вѣдьма, съѣхавъ по лунному лучу, кувыркаясь, перебѣгаетъ чрезъ театръ въ бѣломъ платьѣ, съ растрепанными волосами, отъ чего всѣ врозь разбѣгаются, кромѣ Добрыни, который, не торопясь, надѣваетъ шлемъ и уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ обширную овальную, внизу съ большими продолговатыми, а вверху съ круглыми окнами, освѣщенную многими лампадами повалушу. Вокругъ стѣнъ виденъ съ балюстрадомъ помостъ съ постелями, которыя покрыты червлеными покрывалами съ золотою бахрамою: при концѣ каждой на табуретахъ сидятъ дѣвицы (между коими и Прелѣпа) съ пряслицами, обвитыми кудельками багрянаго шелка, который они прядутъ. Сквозь нижнія окна вдали видны градскія стѣны, а изъ верхнихъ выглядываютъ нянюшки и мамушки. При окончаніи нижеслѣдующаго хора входитъ Владиміръ съ рындами и придворными.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

(*Безъ музыки.*)

Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь,
Наше солнышко Владиміръ князь похаживаетъ;
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ посматриваетъ;
Что у ласточки,
У касаточки,
Алу бѣлу грудь, сизы крылья потрогиваетъ.
Парчевой кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,
Золоту казну и соболи показываетъ;
Веселымъ лицомъ,
Въ обинякъ словцомъ
Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.
Не мани насъ, князь!
Не гадай насъ, князь!
Красно солнышко! ему боярышни возговорятъ.
Не златой казнѣ,
Но твоей красѣ
Очи и сердца свои давно всѣ продали.

Digitized by Google

Ты взгляни на насъ,
Ты вздохни хоть разъ,
Дай въ залогъ перстень любой тебѣ, ту выбери.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ рано, милыя! а вы ужъ на работѣ?

ПРЕЛѢПА.

Ты въ безпокойствѣ, князь: то мы, чтобы не спать,
Прядемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Пріятно все по собственной охотѣ;
Однакожъ красотамъ себя такъ изнурять!...

ПРЕЛѢПА.

Мы князю нашему готовимъ багряницу.

ВЛАДИМІРЪ.

Цѣнить онъ знаетъ трудъ. — Я думаю, зарницу
Во всемъ сіяніи увидимъ скоро мы...

ПРЕЛѢПА.

(Смотря въ окошко.)

Уже рѣдѣютъ мрака тьмы.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Способа.

СПОСОБА.

(Входитъ съ поспѣшностью.)

Я зрѣла съ терема: прошла лишь ночь тѣней,
Съ противныхъ пыль сторонъ столбомъ вдругъ поднялася,
Земля пустила стонъ отъ топота коней,
Ужасна трескотня по лѣсу раздалася;
Вкругъ холмы крякнули, звукъ съ латъ богатырей;
А вѣтромъ только мгла немного отлетѣла,
И взоръ могъ различить вдали лицо съ лицомъ,
Я Змѣя страшнаго лежащаго узрѣла;
Нашъ рыцарь на конѣ летитъ къ нему съ копьемъ.

ПРЕЛѢПА И ВСѢ ДѢВИЦЫ.

(Вставъ съ мѣстъ своихъ.)

Способа! правда ль то?

ВЛАДИМІРЪ.

Не такъ ли показалось?

Digitized by Google

СПОСОБА.

Ахъ, милостивый князь! все вкругъ восколебалось!
Крутится предо мной еще теперя пыль.
Поздравить смѣю васъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Быть можетъ, что и былъ.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

(*Поднося на золотомъ блюдѣ приготовленный вѣнецъ изъ розъ.*)

Съ побѣдой поздравляемъ,
И, нѣжныхъ въ знакъ сердецъ,
Поднесть тебѣ дерзаемъ
Сей изъ цвѣтовъ вѣнецъ:
Любуйся, восхищайся!
Побѣдой утѣшайся!

ВЛАДИМІРЪ.

Велика честь сія; но оной я не стою:
Она принадлежитъ достойному герою.
Вамъ побѣдителю сей должно даръ поднесть.
При всемъ томъ невѣрна еще сія и вѣсть:
Способинымъ словамъ не худо подтвержденье.

СПОСОБА.

Нѣтъ, красно солнышко, ни малаго сумнѣнья;
Сама я видѣла.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Торопъ.

ТОРОПЪ.

(*Въ безпамятствѣ вбѣгая, поетъ, бѣгая туда и сюда.*)

Братцы, бѣда!
Судари, бѣда!
Знайте, разбиты мы въ прахъ.

(*Плачетъ.*)

Ахъ! ахъ! ахъ!
Братцы, бѣда!
Судари, бѣда!
Рыцарь мой бѣдный въ когтяхъ.

(*Плачетъ.*)

Digitized by Google

Ахъ! ахъ! ахъ!
Братцы, бѣда!
Судари, бѣда!
Знайте, разбиты мы въ прахъ.
Ахъ! ахъ! ахъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Что? Какъ?

ТОРОПЪ.

Такъ, такъ,
Бѣда всѣмъ намъ:
За мною по пятамъ,
Какъ буря за плечьми, валитъ въ градски ворота
Татарска конница и безъ числа пѣхота.
Мы всѣ разбиты въ прахъ.
У Змѣулана ужъ и рыцарь мой въ когтяхъ.

ПРЕЛѢПА.

Возможно ли?

ТОРОПЪ.

Ахъ, такъ.

СПОСОБА.

Ты не ряхнулся ли?

(*Поютъ въ два голоса.*)

ТОРОПЪ.

Нѣтъ, ты ряхнулась.

СПОСОБА.

(*Съ сердцемъ.*)

Ряхнулся ты ума.

ТОРОПЪ.

Бѣда стряхнулась.

СПОСОБА.

Тугаринъ палъ, я видѣла сама.

ТОРОПЪ.

Упалъ, да вдругъ очнулся.

СПОСОБА.

Да что же въ томъ вреда?

ТОРОПЪ.

Онъ змѣемъ обернулся.

(*Оба.*)

Бѣда! ахти, бѣда!

Digitized by Google

ВЛАДИМІРЪ.
(*Торопу.*)
Да разскажи яснѣй
О страстной вѣсти сей.

ТОРОПЪ.
Слышь: палъ съ коня, какъ снопъ; но змѣемъ очутился
Крылатымъ, въ воздухѣ взвившись подъ облака.
Тутъ вдругъ изъ челюстей, какъ огненна рѣка,
На рыцаря главу внизъ искры покатились,
Покрылся дымомъ шлемъ, вкругъ перья воспламенились:
Мой витязь вѣрно бы подъ дьявольщиной палъ,
Когда бъ не нѣкая отъ шлема крѣпка сила,
Какъ вѣтръ, невидимо огня не относила;
А помощь свыше онъ какъ только лишь узналъ,
Оправился и лукъ напрягъ съ двумя стрѣлами,
Пустилъ въ Горыныча и крылья вдругъ подсѣкъ.
Свернулся змѣй клубкомъ передъ его ногами,
И человѣческимъ такъ голосомъ прорекъ:
«Ты гой еси, удалъ младъ богатырь могучій!
Пришелъ мой смертный часъ: напой водой текучей!»
Мой рыцарь добръ вельми; разжалившись надъ нимъ,
Стальной шлемъ снялъ съ главы, на лугъ ширинку кинулъ
И почерпнуть пошелъ воды текучей имъ...
Тугаринъ, засвистя, засадну силу двинулъ
И войскомъ вмигъ какъ лѣсъ вкругъ рыцаря обнесъ:
Отрѣзалъ съ тылу, взялъ въ оковы, въ плѣнъ помчалъ.
Я блюлъ его коня, онъ чуть меня унесъ;
А наши, исполошась, всѣ порознь поскакали.

ВЛАДИМІРЪ.
Ты сказку выдумалъ.

ТОРОПЪ.
Ахъ, нѣтъ! вотъ-тѣ божусь.
(*Указывая на Спосóбу.*)

СПОСОБА.
(*Сторонясь.*)
Что шлешься на меня? — Ты первый, видно, трусъ.
(*Одумавшись.*)
Но, ахъ! вѣдь пѣтухомъ здѣсь курица кричала.

ТОРОПЪ.
(*Плачетъ.*)
Сорока жъ развѣ здѣсь въ ночи не щекотала?

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и вѣстникъ.

ВѢСТНИКЪ.

Надежа-государь! орда осѣла градъ:
Предмѣстья рубятъ и палятъ.

(Въ сіе время слышна по городу тревога, и виденъ въ окна дымъ, а на стѣнахъ люди.)

ВЛАДИМІРЪ.

Вели, чтобъ воинства на стѣны шли градскія.
Я буду самъ сейчасъ. — Вотъ случаи какіе!
Князь — кормщикъ корабля, — жди вѣтровъ перемѣнъ:
Но покажу примѣръ я моему народу,
Что управлять могу рулемъ и въ непогоду.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Силоумъ.

ВЛАДИМІРЪ.

А! кстати, Силоумъ, ты здѣсь! на вѣроломство
Я самъ теперь иду; храни ты градъ, чертогъ, княжну.

СИЛОУМЪ.

Потщуся утишить печаль и безпокойство,
И въ градѣ сохраню порядокъ, тишину.

(Владиміръ уходитъ, а за нимъ Вѣстникъ, Способа, Торопъ и всѣ дѣвицы.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прелѣпа и Силоумъ.

ПРЕЛѢПА.

Какой насъ жребій ждетъ по бранной неудачѣ?
Стенать подъ узами и умереть во плачѣ!

СИЛОУМЪ.

Не сокрушай себя безвременно, княжна!
Войнѣ Владиміръ дастъ счастливо окончанье;
Онъ тамъ: надежда есть.

ПРЕЛѢПА.

Какъ суетна она!
Надеженъ рыцарь былъ, и лестно ожиданье;
Но что? — И побѣдивъ, онъ самъ сталъ погубленъ.

СИЛОУМЪ.

Онъ живъ.

Digitized by Google

ПРЕЛѢПА.

Пріятнѣй смерть, чѣмъ варварскихъ рукъ плѣнъ.
(*Поютъ въ два голоса.*)
Премѣненъ сей и скученъ свѣтъ:
Онъ мечтъ лишь горестныхъ собранье,
Темница узъ, жилище бѣдъ,
Мигъ радостей, вѣкъ ожиданья;
Сегодня счастливы быть мнимся,
А завтра въ безднѣ золъ явимся.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и сотникъ.

СОТНИКЪ.

(*Съ чалмой въ рукахъ.*)

Великій князь, какъ вѣтръ съ полей сдуваетъ прахъ,
Отъ града отразилъ такъ бусурмански силы;
Змѣй дрогнулъ отъ него, тьмы тылъ оборотили;
Мечемъ онъ чудеса въ ихъ показалъ полкахъ.
Прислалъ къ тебѣ чалму (знать, съ тайною какою),
Котору самъ онъ сшибъ со Змѣя булавою.

СИЛОУМЪ.

(*Вынувъ изъ чалмы пѣсню съ ширинкою и разсмотрѣвъ, показываетъ княжнѣ.*)

Рука это твоя?

ПРЕЛѢПА.

(*Съ радостію.*)

Моя!

СИЛОУМЪ.

Теперя я пойду для срѣтенья княжова.
(*Уходитъ и съ нимъ Сотникъ.*)

ПРЕЛѢПА.

(*Одна въ задумчивости.*)

Что, премѣнясь, ушелъ отъ одного онъ слова?
Ужъ нѣтъ ли вновь еще несчастія какого?
Но ждать еще какихъ мнѣ бѣдъ?
(*Съ отчаяніемъ.*)
Свершился, знать, ударъ ужъ рока злаго!
Добрыни болѣе на свѣтѣ нѣтъ!
Въ чалмѣ Горыныча ширинку полонили,
И пѣсню въ ней же принесли.

Digitized by Google

Убитъ онъ: такъ, убитъ! Свирѣпые сразили
Мою грудь молніей и сердце все сожгли.

(Поетъ.)

Разверзися, земля, скорѣй,
И адская, зіяй, утроба!
Добрыня! царь души моей!
Тебя ль я зрю во мракѣ гроба?
Мнѣ гласъ твой слышится, тѣнь зрится:
Иду съ тобой соединиться!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ великолѣпный княжескій чертогъ, преддверіемъ храму служащій и отдѣленный отъ храма обширною аркою, которая задернута завѣсою. Придворные, Сребр족рады и Силоумъ уготованы на срѣтеніе Владиміра и торжество побѣды.

СИЛОУМЪ.

(Съ чалмой, Сребробрадамъ.)

Побѣду надъ врагомъ и счастія премѣну
Намъ возвѣстилъ великій князь:
Но чрезъ чалму сію узнаете измѣну,
Которая, я мню, что удивитъ и васъ,
Коль скажемъ, наши кѣмъ ничтожились совѣты.

СРЕБРОБРАДЫ.

Хвала, хвала богамъ, разрушившимъ навѣты!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Владиміръ съ Рындами.

ВЛАДИМІРЪ.

(Во всеоружіи.)

Исполнилъ я мой долгъ.

(Отдаетъ щитъ, шлемъ и копье Рындамъ. Всѣ ему кланяются съ благоговѣніемъ.)

СИЛОУМЪ.

Прислалъ на разсмотрѣнье
Ширинку ты съ письмомъ, въ чалмѣ сокрыту сей:
Прелѣпа сдѣлала о нихъ рѣшенье.

ВЛАДИМІРЪ.

Какое? Знать хочу.

Digitized by Google

СИЛОУМЪ.

Что принадлежатъ ей.

ВЛАДИМІРЪ.

Съ чего?...

СИЛОУМЪ.

Та шита ей, то писано самою.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ ставишь ты ее виною;
Но въ чемъ преступница она?

СИЛОУМЪ.

Вина ея не такъ темна:
Къ врагу она писала
И слѣдственно войну на князя поднимала.

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣна, государь!

ВЛАДИМІРЪ.

Страшитесь, старцы, такъ
Невинность клеветать столь зло, неосторожно;
Княжна измѣнница! Какъ быть тому возможно?

СИЛОУМЪ.

Ее въ томъ обличилъ и даже робкій зракъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(*Съ печальнымъ видомъ.*)

Не вѣрю.

(*Подумавъ.*)

Но я — князь: пристрастье не у мѣста,
И чужды должны быть мнѣ жалость, вздохи, стонъ;
Равно преступница, раба ль то, иль невѣста.
Подъ безпристрастнымъ лишь царемъ незыблемъ тронъ;
Хотя бы дочь была, сестра или супруга:
У праведныхъ царей нѣтъ ни родни, ни друга.
Друзья[10]! изслѣдуйте и донесите мнѣ.

(*Хочетъ уйти.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Торопъ и Добрыня съ открытымъ лицомъ, вошедъ тихо, слушаютъ разговоръ Владиміровъ съ его совѣтниками; и потомъ въ другія двери вступаетъ Прелѣпа съ Способою.

ПРЕЛѢПА.

(*Увидя Добрыню, изъ печальной вдругъ показывается радостною, и про себя.*)

Живъ!...

ВЛАДИМІРЪ.
(Примѣтя Добрыню.)
Какъ! отколь ко мнѣ
Вдругъ сродникъ мой драгой, Добрыня, могъ явиться?
ДОБРЫНЯ.
Позволь, о государь, въ томъ послѣ объясниться.
Кто здѣсь измѣнникомъ?
ВЛАДИМІРЪ.
(Печально, не видя Прелѣпы.)
Съ Тугаринымъ княжны
Изборскія Прелѣпы
Сношенья найдены.
ДОБРЫНЯ.
Ужъ ли то правда?
(Подумавъ.)
Нѣтъ!
Нѣтъ, сплетни то нелѣпы:
Ширинку съ пѣсней, чтоль?
СРЕБРОБРАДЫ.
Ея руки, въ его чалмѣ.
ДОБРЫНЯ.
Вы заблуждаетесь, о судіи, во тмѣ.
Послушай, государь, сей тайны разрѣшенье:
То вещи всѣ мои; отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Въ знакъ дружбы нѣжныя, любви во увѣренье,
Невѣстой были мнѣ моей подарены;
То нашихъ клятвъ залоги.
ВЛАДИМІРЪ.
Какъ, гдѣ и отъ кого?
ДОБРЫНЯ.
(Указывая на Прелѣпу.)
Отъ сей княжны.
ВЛАДИМІРЪ.
(Обращаясь къ ней.)
Ты здѣсь, княжна?
ПРЕЛѢПА.
И сей обѣтъ
Внимали сами боги;
Я съ именемъ его обручена кольцомъ.

Digitized by Google

ВЛАДИМІРЪ.

Когда, при комъ?

ДОБРЫНЯ.

Средь храма предъ жрецомъ.

ПРЕЛѢПА.

Въ училищѣ Добрады.

ВЛАДИМІРЪ.

Вотъ новый мнѣ ударъ! вотъ нѣжности награды!
Ахъ! для чего жъ сію любовь,
Княжна, ты предо мной такъ хитро сокрывала?

ПРЕЛѢПА.

Я времени искала.

СИЛОУМЪ.

(*Въ сторону.*)

Нѣтъ, хитрость; баснями не кормятъ соловья.

(*Добрынѣ.*)

А какъ въ чалму онѣ къ Тугарину попали?

ДОБРЫНЯ.

Безвѣстный рыцарь — я,
Сражался съ Змѣемъ я,
Съ коня его сбилъ я;
Но послѣ такъ случилось,
Что пѣснь съ ширинкою коварствомъ очутилась
У моего врага.

ВЛАДИМІРЪ.

Вы видите теперь, какъ истина нага!

СРЕБРОБРАДЫ.

Еще сомнительно.

ВЛАДИМІРЪ.

Но въ чемъ же тутъ сомнѣнье?

СРЕБРОБРАДЫ.

Не чрезъ наборы[11] словъ...

СИЛОУМЪ.

Но чрезъ свидѣтелей быть должно увѣренье.
Кто зналъ училище, залоги ихъ, любовь?

ПРЕЛѢПА.

Добрада знала все...

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(*Вдругъ.*)

А развѣ мы вчерась не знали вашей страсти?

Digitized by Google

ТОРОПЪ.

(Показывая на Способу.)

Не я ль за ней ходилъ?

СПОСОБА.

(Указывая на Добрыню.)

Не я ль его
Вводила въ садъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Довольно мнѣ сего.

СИЛОУМЪ.

Довольно истинѣ и правосудной власти,
Чтобъ ихъ съ виновными въ одинъ поставить рядъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, такъ!

СИЛОУМЪ.

Бывъ воиномъ столь славнымъ, знаменитымъ,
Зачѣмъ Добрыня былъ сокрытымъ,
И ночью въ княжескій чертогъ
Способою вводился тайно?
И какъ конюшій могъ
Съ нимъ вмѣстѣ быть? — Все что-то чрезвычайно!
Но, бывъ безъ памяти въ нее влюбленъ,
Преступницу спасти лишь ищетъ онъ
И сказку выдумалъ нелѣпу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Судить Прелѣпу!

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ гнѣвомъ.)

Не будьте скоры такъ другихъ на обвиненье,
Подумайте еще...

(Отворотясь, подходитъ къ Добрынѣ и говоритъ съ нимъ тихо.)

ТОРОПЪ.

(Въ сторону.)

(Поетъ.)

Не хотятъ здѣсь правды вѣдать,
И приходитъ намъ бѣда:
Одному царю что̀ дѣлать,
Гдѣ проказятъ господа?
Какъ дружатъ, такъ пса оправятъ,

Digitized by Google

Правъ! напишутъ въ три пера.
А налягутъ, — вмигъ задавятъ
И слона, какъ комара.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Сотникъ и Тугаринъ съ перевязанною головою, поддерживаемый Бирючемъ и воинами.

СОТНИКЪ.

Тугаринъ ко вратамъ во плѣнѣ приведенъ;
Ты воинству во градъ велишь ли возвратиться?

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ! взятъ злодѣй мой въ плѣнъ?

СОТНИКЪ.

(Указываетъ на Тугарина.)

Онъ тамъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Тотчасъ расположиться
Вели по городу полкамъ;
Но разскажи подробнѣй, какъ
Плѣненіе сіе случилось?

СОТНИКЪ.

Надежа-государь! я слышалъ такъ:
Какъ полчище тобой
Срацыновъ отразилось,
Тугаринычъ утекъ съ открытой головой
И, въ таборъ свой вбѣжавъ, со ужасомъ узрѣлъ,
Что рыцарь сей,
(Указывая на Добрыню.)
въ плѣну прервавъ свои оковы,
Схватя свой мечъ, бѣжалъ, летѣлъ
Ему на встрѣчу;
Тьмы силъ вокругъ прыжки не преграждали львовы,
И головы въ чалмахъ, какъ птицъ мелькавъ стада,
Открыли путь ему чрезъ преужасну сѣчу
Добраться до врага.
Онъ на него напалъ
И, не смотря, что Змѣй былъ на конѣ высокомъ,
Со ухомъ жабръ ему отсѣкъ единымъ скокомъ

Digitized by Google

И, выбивъ изъ сѣдла, на землю бросивъ, взялъ
Во плѣнъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Какая вѣсть! Добрыня!... чѣмъ заслугу
Твою тебѣ я заплачу?

ДОБРЫНЯ.

Исполнивъ должное, награды не ищу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Дай правосудіе!

СИЛОУМЪ.

И недругу и другу!

ВЛАДИМІРЪ.

О! что за судъ еще? — Тугаринъ налицо:
Вся тайна намъ теперь открыта стала.

ТУГАРИНЪ.

(*Въ сторону, скрыпя зубами.*)

О! я имъ отомщу.

ВЛАДИМІРЪ.

(*Тугарину.*)

Писала ли къ тебѣ княжна?

ТУГАРИНЪ.

Писала.

ВЛАДИМІРЪ.

О боги!

СРЕБРОБРАДЫ.

Мстители!

ПРЕЛѢПА.

Проклятый лжецъ!

ТУГАРИНЪ.

Докажетъ истину мое у ней кольцо,
Чтò съ именемъ моимъ я далъ ей въ обрученье.

ДОБРЫНЯ.

Чтò слышу я!

ПРЕЛѢПА.

(*Тугарину.*)

Тебѣ?

СИЛОУМЪ.

Вотъ дѣлу и конецъ!

Digitized by Google

ВЛАДИМІРЪ.
(Съ печальнымъ удивленіемъ.)
Итакъ кольцо сіе намъ сдѣлаетъ рѣшенье.
Прикажешь ли, княжна, сюда его принесть?

ПРЕЛѢПА.
Напротивъ не скажу ни слова.
Кольцо то сдѣлаетъ мнѣ честь;
Я имъ изобличить Тугарина готова.

ВЛАДИМІРЪ.
Способа! Силоумъ!
(Даетъ имъ знакъ, чтобъ шли.)

ПРЕЛѢПА.
Тамъ въ досканцѣ и есть,
Когда не вѣрите моимъ вы стонамъ.

СИЛОУМЪ.
Какъ эту сѣть расплесть?

ВЛАДИМІРЪ.
(Съ огорченіемъ.)
Судите по законамъ.
(Уходитъ, и всѣ за нимъ, кромѣ нижеслѣдующихъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Торопъ, Добрыня и Прелѣпа.

ДОБРЫНЯ.
Какое выйдетъ намъ рѣшенье?

ПРЕЛѢПА.
Вотъ добродѣтели плоды!

ТОРОПЪ.
И вотъ къ служивымъ уваженье!

ПРЕЛѢПА.
Любезный мой! твои всѣ отъ меня бѣды;
Но зрятъ мою невинность боги.
Ширинку съ пѣснію, любви моей залоги,
Я ввѣрила тебѣ; кольцо же съ именемъ твоимъ
Хранится въ терему въ ларцѣ съ кольцомъ моимъ.

ДОБРЫНЯ.
Я вѣрю, милая!

ПРЕЛѢПА.
Не сомнѣвайся, другъ сердечный,
Въ любви моей къ тебѣ безмѣрной, безконечной.

ДОБРЫНЯ.

Нѣтъ, нѣтъ; умру, тебя любя!

ПРЕЛѢПА.

Какая днесь насъ ждетъ судьба?

ДОБРЫНЯ.

Какая бъ ни случилась!

ПРЕЛѢПА.

Лишь только бъ я съ тобой не разлучилась.

ТОРОПЪ.

Широки бороды, ума палата
У праведныхъ судей!

ПРЕЛѢПА.

Такъ несомнительна и клеветѣ отплата.

ДОБРЫНЯ.

Отъ божества, а не людей.

(*Поетъ.*)

Знай, зависть человѣковъ, злоба
На правду любятъ посягать;
Гоня ее до двери гроба,
Народъ, судей, царей мутятъ.
Но грудь невинная спокойно
Межъ змѣй вокругъ шипящихъ спитъ;
Горѣ возвышенной подобно,
Смѣясь, на яры волны зритъ.

ТОРОПЪ.

Да на кого же такъ надѣяться, бодриться,
Коль не оправитъ судъ насъ?

ДОБРЫНЯ.

На себя.

ТОРОПЪ.

Лишь одного?

ДОБРЫНЯ.

Невинность подъ щитомъ всегда небеснымъ зрится.

ПРЕЛѢПА.

И не боится никого.

ТОРОПЪ.

Подъ щитъ такой и я, пожалуй, радъ укрыться.

(*Въ сторону.*)

А правду коль сказать, то такъ и сякъ

Digitized by Google

На сердцѣ кутермится;
Но съ ними не храбриться
Нельзя никакъ.
(*Поютъ въ три голоса.*)
Невинность наша намъ отрада,
Она намъ мужество даритъ;
Она надежда и отрада,
И твердъ на ней и вѣры щитъ.
Что̀ бъ съ нами въ свѣтѣ семъ ни стало,
Должны, благодаря, терпѣть;
Хоть небо бы на насъ упало,
Мы равнодушно встрѣтимъ смерть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Завѣса въ аркѣ поднимается и представляетъ внутренность храма, наполненнаго кумирами, въ глубинѣ котораго на постепенномъ полукружномъ возвышеніи, въ срединѣ, на облакѣ, богъ Перунъ съ поднятымъ въ обѣихъ рукахъ громомъ, нагнувшись, смотритъ внизъ. При подножіи его на первой ступени царскій тронъ, а внизу въ прямой линіи алтарь съ возжженнымъ пламенемъ. Съ самаго верху по обѣимъ сторонамъ по ступенямъ вдоль храма полуциркулемъ же стоятъ кумиры прочихъ боговъ. Между ними на гранитныхъ постаментахъ (изъ коихъ нѣсколько порожнихъ) видны русскія и иноплеменныя * знамена. Изъ нихъ первыя на вышинѣ, а послѣднія на низу. Предъ знаменами на каждомъ постаментѣ сидятъ орлы, поднявшіе крылья нѣсколько вверхъ и держащіе въ когтяхъ своихъ на цѣпяхъ серебряные щиты съ именами городовъ русскихъ и знамена народовъ чужеземныхъ, кои они стрегутъ подъ надзоромъ боговъ. На алтарѣ свитокъ бумаги, вокругъ его жрецы. На сценѣ Сребрбрады, Герольдъ, Силоумъ и Владиміръ; а въ сторонѣ, какъ и прежде, съ перевязанною головою, поддерживаемый Бирючемъ и воинами, Тугаринъ.

ВЛАДИМІРЪ.
(*Печально.*)

Свершился ль судъ?

СРЕБРОБРАДЫ.

Свершенъ.

ЖРЕЦЫ.
(*Указывая на алтарь.*)

Се здѣсь опредѣленье.

---

* **Имена народовъ полуденныхъ должны быть выставлены на щитахъ тѣ, которыми обладалъ Владиміръ и которые нынѣ подъ другими державами находятся. Д.**

ВЛАДИМІРЪ.

Открыли ль новыя какія преступленья?

СИЛОУМЪ.

Открыта ихъ вина, и нѣтъ ужъ въ томъ сомнѣнья.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ!

СИЛОУМЪ.

Самое кольцо, княжна на кое слалась,
Со именемъ его

(Указывая на Горыныча.)

во досканцѣ сыскалось,
Во теремѣ у ней.

(Показываетъ кольцо.)

ТУГАРИНЪ.

Она давно была любовницей моей.

ВЛАДИМІРЪ.

(Смотря на кольцо съ удивленіемъ.)

Льзя ль было ожидать сей хитрости въ Прелѣпѣ?

СИЛОУМЪ.

Змѣя, рожденная въ вертепѣ!

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣнница!

ВЛАДИМІРЪ.

Но судъ сей чѣмъ же заключенъ?

СИЛОУМЪ.

Какъ должно, такъ свершенъ;
Тебѣ лишь подписать.

ВЛАДИМІРЪ.

(Жрецу, указывая на опредѣленіе, лежащее на алтарѣ.)

Подай!

(Читаетъ.)

«Княжну предъ алтаремъ заклать
«И съ ней сообщниковъ. . .» — Неправедно рѣшенье!

(Бросаетъ опредѣленіе.)

Хотите исполнять?

(Въ сіе время вдалекѣ слышится тихій громъ.)

ЖРЕЦЪ.

Се неба изреченье!

СРЕБРОБРАДЫ.

Знать, утвержденъ нашъ судъ.

Digitized by Google

ВЛАДИМІРЪ.

(*Съ горестію.*)

Быть такъ!

(*Падаетъ въ обморокъ на руки къ придворнымъ.*)

СИЛОУМЪ.

(*Герольду.*)

Дай знакъ.

(*Герольдъ трубитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добрыня, Прелѣпа, Торопъ и Способа вводятся подъ стражею въ преддверіе храма, окованные цѣпями, изъ коихъ Прелѣпа въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами.

СИЛОУМЪ.

Вамъ казнь присуждена.

ТОРОПЪ.

Ахти!

СПОСОБА.

Онъ бусурманъ!
Не обморочилъ ли меня какой дурманъ?
Не принесла ли я кольцо не то, другое.

СИЛОУМЪ.

О, пустое.

ЖРЕЦЪ.

Покайтеся!

СИЛОУМЪ.

Вамъ часъ дается на прощанье,
Не примется отъ васъ пустое оправданье.

(*Отступаетъ со жрецомъ въ глубину театра.*)

ПРЕЛѢПА И ДОБРЫНЯ.

(*Обнимаясь.*)

ДУЭТЪ[12].

Неизбѣжнымъ уже рокомъ
Разстаешься ты со мной;
Во стенаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой;
Обливаяся слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами,
Сердцемъ говорю: прости!

Digitized by Google

ДОБРЫНЯ.

Прости, любезная, нѣжнѣйшая супруга!
Моимъ ты сердцемъ такъ давно наречена

ПРЕЛѢПА.

Прости, драгой супругъ!
Душа моя съ твоей давно сопряжена.

ДОБРЫНЯ.

Увидимъ ли еще съ тобою другъ мы друга?

ПРЕЛѢПА.

Соединится ль нашъ невинный въ небѣ духъ?

ТОРОПЪ.

Въ чужомъ пиру и намъ достанется, Способа!

СПОСОБА.

Пришла бѣда на нихъ, приди на весь нашъ родъ.

ТОРОПЪ.

Коль сдѣлалось ужъ такъ, для добрыхъ сихъ господъ,
Пойдемъ мы имъ служить, хотя въ срединѣ гроба.

(*Поютъ попарно въ четыре голоса.*)

Руки, грудь, уста и очи
Лобызаю у тебя;
Нѣту силы, нѣту мочи
Отдѣлиться отъ тебя:
Лобызаю, умираю,
Тебѣ душу отдаю;
Иль изъ устъ твоихъ желаю
Душу взять съ собой твою.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Герольдъ даетъ знакъ трубою, и начинается печальная процессія при звукѣ унылаго марша. Главный Жрецъ и его товарищи, съ возжженными факелами, берутъ изъ преддверія Прелѣпу и прочихъ осужденныхъ, и ведутъ во внутренность храма и, съ пѣніемъ обводя нѣсколько разъ вкругъ алтаря, ставятъ ихъ на колѣна по обѣимъ сторонамъ онаго.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(*Тихими басами безъ музыки.*)

Внемли, печальная Прелѣпа,
Какъ смерти гласъ тебя зоветъ;
Скрыпъ слушай адскаго заклепа,
Который въ мракъ тебя запретъ.

Digitized by Google

Законы правосудья строги
Пролить васъ осудили кровь;
Но будутъ милосерды боги,
Невинна ваша коль любовь.

ЖРЕЦЪ.

(*Наклоня голову Прелѣпы и занося ножъ.*)

Благоволи, Перунъ!

(*При послѣднемъ словѣ Жреца ударяетъ страшный громъ, молнія освѣщаетъ храмъ, ножъ изъ рукъ Жреца и оковы съ осужденныхъ упадаютъ. Они встаютъ на ноги. Владиміръ освобождается отъ обморока; на облакахъ является Добрада.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе и Добрада.

ДОБРАДА.

РЕЧИТАТИВЪ.

Постой, о дерзновенный!
Не лей невинну кровь!
Судья лишь заблужденный
Караетъ за любовь.
Но чтобъ невинность вамъ святую
Умѣть съ злодѣйствомъ различить,
На совѣсть должно прежде злую
Свою вамъ взоръ вашъ обратить.

(*Съ симъ словомъ показываются на грудяхъ Тупарина, Сребробрадовъ и Силоума огненныя надписи, у перваго:* злодѣй; *а у прочихъ у каждаго:* пристрастенъ.)

ВЛАДИМІРЪ.

О небо справедливо!

ТОРОПЪ.

Ахти! какое диво!

СПОСОБА.

О, если бы у всѣхъ людей
Такія окна въ сердце были!

ТОРОПЪ.

(*Въ сторону.*)

Такъ матъ бы для судей.

ДОБРЫНЯ.

А благо для царей.

ДОБРАДА.

(*Сошедши съ облака, которое улетаетъ.*)

Въ судѣ вы вашемъ погрѣшили;

Digitized by Google

Я развяжу вамъ узелъ сей,
И злыхъ разсыплю мракъ страстей:
Тугаринъ варваръ, чародѣй,
По славѣ о красѣ влюбившійся въ Прелѣпу,
Мысль забралъ въ голову нелѣпу,
Чтобъ, какъ то ни было, ее себѣ достать,
А встрѣтясь случаемъ среди пустыни,
Похитилъ пѣсню онъ у спящаго Добрыни,
Назвалъ ее письмомъ, и съ онымъ приступать
Онъ сталъ къ Владиміру съ извѣстною грозою,
Прелѣпу требуя себѣ въ жены.
Но и ее прельстить чтобъ хитростію злою,
Онъ змѣемъ къ ней леталъ, мечталъ ей страшны сны,
Что будто бы сглотилъ Добрыню онъ живаго,
И жениха въ себѣ представилъ ей другаго.
Потомъ, у воинства чтобъ бодрость всю отнять
И суевѣріемъ бояръ поколебать,
Онъ къ разнымъ прибѣгалъ коварствамъ, чародѣйствамъ:
На кровлѣ филиномъ въ полуночи стоналъ,
Русалкою въ лугахъ, сорокой щекоталъ
И сжегъ бы, погубилъ такимъ бѣсовскимъ дѣйствомъ
Во Змѣѣ огненномъ Добрыню наконецъ,
Коль данная бъ ему мной въ талисманѣ сила,
Во шлемѣ скрытая, огня не отвратила.
Когда же не успѣлъ и тѣмъ хитрецъ,
Употребилъ еще обманъ и вѣроломство:
Засадой скрытою отрѣзалъ ваше войско
И, вѣдьму подкупя, перемѣнилъ кольцо.
Я съ кровли сбросила вечоръ ее въ досадѣ,
Но открываю здѣсь ему и вамъ въ лицо
Всѣ мерзости его, къ достойнѣйшей наградѣ.

(Съ симъ словомъ прикасается жезломъ къ Тугарину, у котораго изъ-за пазухи выпадаетъ кольцо.)

СИЛОУМЪ.

(Поднявъ оное и разсмотря въ немъ надпись, читаетъ.)

Добрыни даръ Прелѣпѣ!

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ восторгомъ.)

Добрыни даръ?

Digitized by Google

СИЛОУМЪ.
(*Печально.*)
Такъ, ахъ!

ВЛАДИМІРЪ.
Вотъ, честные судьи, вы правду чли въ поклепѣ.
Сколь осторожнымъ быть вамъ надлежитъ въ судахъ!

СРЕБРОБРАДЫ.
(*Протягивая шею.*)
Взноси ударъ!

СПОСОБА.
(*Торопу.*)
И головы бояръ, вотъ видишь, пошатнулись.

ТОРОПЪ.
(*Способѣ.*)
Ну, какъ же быть, мой другъ, всей варею споткнулись.

ПРЕЛѢПА.
О чудеса чудесъ!

ДОБРЫНЯ.
Судъ праведенъ небесъ!

ДОБРАДА.
Родителями мнѣ Прелѣпа и Добрыня
Съ издѣтства ввѣрены: то ихъ покину ль нынѣ?

ДОБРЫНЯ, ПРЕЛѢПА, ТОРОПЪ И СПОСОБА.
(*Поютъ.*)
О великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Намъ утѣха и отрада!
Токъ отерла нашихъ слезъ.
Какъ тебѣ мы благодарны!
Но пролей лучъ свѣтлозарный
На влюбленныя сердца
И ущедрь насъ до конца!

СИЛОУМЪ.
Мы чувствуемъ вину и наше преступленье.

СРЕБРОБРАДЫ.
(*Кланяясь.*)
И просимъ о прощеньѣ.
(*Поютъ.*)
О великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Ты невинности награда,

Digitized by Google

Нашихъ зеркало очесъ!
Смилосердися надъ нами
И избавь насъ отъ стыда:
Не клейми ты такъ лучами
Наши груди никогда.

ТУГАРИНЪ.

(*Съ звѣрскимъ видомъ.*)

Я чувствую, огонь мое все сердце жжетъ;
Но скоро, скоро онъ потухнетъ и пройдетъ:
Досада, месть его и злоба задушаетъ.

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(*Поютъ.*)

О великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Намъ утѣха и отрада!
Токъ отерла нашихъ слезъ.
Но прорѣжь въ грудяхъ окошки
У вельможъ и у судей,
Чтобъ въ ягнячьихъ кожахъ кошки
Близко не жили царей.

ДОБРАДА.

Не отъ волшебницъ, а царей зависитъ
Творить счастливыми людей:
Кто хочетъ благо ихъ возвысить,
Владыка прежде будь тотъ собственныхъ страстей.

ВЛАДИМІРЪ.

Добрада! но и царь такой же человѣкъ.

ДОБРАДА.

Великій это князь россійскій мнѣ изрекъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! я слабостьми себя не извиняю,
Коль сродника подвергъ, невѣсту я подъ судъ:
Нарушить истины законовъ не дерзаю,
И боги отъ меня пускай мой тронъ возьмутъ!
Ужъ не въ моей теперь Прелѣпа больше власти:
Поди ты отъ меня, съ опасной красотой!
Но что̀ я говорю? — Лишусь нѣжнѣйшей страсти,
Она въ душѣ моей: — нѣтъ, нѣтъ, княжна, постой!
Я плѣнникъ! — Но я кто? — Великій князь россійскій!

Digitized by Google

Полсвѣта можетъ ли ужъ мнѣ послушнымъ быть,
Когда владѣютъ мной самимъ желанья низки?
Могущъ лишь только тотъ, себя кто побѣдитъ.
Добрыня и княжна! хоть вами я страдаю,
Но быть во князѣ вамъ хочу теперь отцомъ:
Подайте руки мнѣ, я васъ сочетаваю!

(Соединяетъ ихъ руки.)

Царь счастливъ, гдѣ краса и храбрость подъ вѣнцомъ!

ДОБРЫНЯ И ПРЕЛѢПА.

(Упадая на колѣни и цѣлуя его руки.)

Великая душа! — великій государь!

ВЛАДИМІРЪ.

(Оборотясь къ Торопу и Способѣ.)

И вѣрныхъ также слугъ да наградитъ мой даръ!

(Къ судьямъ.)

Прощаю я и васъ, судьи несправедливы.

(Всѣ они упадаютъ на колѣни.)

(Къ Тугарину.)

Тугаринычъ! и ты не плѣнникъ больше мой!

ТУГАРИНЪ.

Отъ слабости такой сраженъ мой духъ кичливый:
Скорѣе, адъ, меня отъ милосердья скрой!

(Срываетъ съ головы перевязку и упадаетъ на руки поддерживающихъ его Бирюча и воиновъ, которые уносятъ его за кулисы.)

ХОРЪ ВСЕОБЩІЙ.

(на колѣняхъ.)

И побѣдитель всей вселенной
Не столь великъ, какъ тотъ герой,
Кто силою своей душевной
Побѣду снищетъ надъ собой,
И кто достоинства умѣетъ
Подвластныхъ зрѣть и отличать, —
Великодушію довлѣетъ
Себя съ безсмертными равнять.

ВЛАДИМІРЪ.

Возстаньте! — честь сія Добрынина и слава!
Се воинство ему безсмертну пѣснь поетъ!

(Слышно пѣніе входящихъ въ городъ войскъ.)

ХОРЪ ДРЕВНІЙ РУССКІЙ.

Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный, могучъ богатырь,

Digitized by Google

Добрыня-то, братцы, Никитьевичъ,
Да ѣдетъ съ нимъ его Торопъ слуга,
И сражается онъ съ Тугаринымъ;
У Тугарина, собаки, крылья бумажныя:
Леталъ онъ, собака, по поднебесью,
И палъ онъ, собака, на сыру землю.

ЯВЛЕНІЕ X.

Отрядъ войскъ вноситъ въ храмъ знамена русскія и бунчуки татарскіе, изъ коихъ первыя ставятъ въ порожнихъ постаментахъ на полукружномъ возвышеніи, а послѣдніе внизу, вдоль храма, позади сидящихъ на нихъ орловъ, и помѣстя ихъ, уходятъ.

ТОРОПЪ.

Гдѣ есть Добрыни, та пресчастлива держава:
Межъ ними добрый царь, какъ маковъ цвѣтъ, цвѣтетъ.

СПОСОБА.

Какъ соты съ молокомъ народъ весь услаждаютъ,
Гдѣ благу общему всѣмъ служатъ животомъ.

ТОРОПЪ.

Чрезъ нихъ поля и города блистаютъ.

ПРЕЛѢПА.

Ихъ должность точно въ томъ...

ДОБРЫНЯ.

Чтобъ жить и умереть съ царемъ.

ДОБРАДА.

(*Сперва важно, а потомъ съ пророческимъ изступленіемъ.*)

Въ примѣрномъ для царей твоемъ, князь, дѣлѣ этомъ
Рѣшенъ двухъ жребій царствъ: Россія возрастаетъ:
Верхъ надъ Измаиломъ[13] современемъ возьметъ,
Великодушіе ея управитъ свѣтомъ.
Я вижу въ будущемъ: великій нѣкій Богъ
Воздвигъ на Сѣверѣ свой храмъ, алтарь, чертогъ;
Страна сія Его лучами озарилась,
Нечестья, суевѣрствъ, волшебствъ исчезла тма;
Свѣтъ, истина въ царяхъ и людяхъ водворилась,
Россіянъ славою вселенная полна!
Такъ, вижу я сіе, вѣкъ зрю грядущихъ благъ,
Дрожитъ нашъ сонмъ боговъ: Владиміръ! ты въ лучахъ!

Digitized by Google

Что сбудется сіе, то бракъ вы торжествуйте
И славу вашу вамъ симъ днемъ предзнаменуйте.

(*Машетъ жезломъ, спускается облако, на которомъ она улетаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI [14].

Владиміръ садится на тронъ; жрецы становятся по обѣ стороны алтаря; Сребробрады, Силоумъ, герольдъ и дворъ по обѣ стороны трона на второй ступени, теремныя дѣвицы съ златыми въ рукахъ цитрами занимають мѣсто на третьей; на четвертой богатыри съ позлащенными на головахъ шлемами, а на грудяхъ щитами и съ палицами въ рукахъ, на которыя опираются. Прелѣпа, Добрыня, Торопъ и Способа непримѣтно удаляются съ театра, а на мѣсто ихъ, въ лицѣ ихъ и поѣзжанъ, юношей и дѣвъ народныхъ, выходятъ фигуранты въ богатыхъ одеждахъ и танцуютъ балетъ, въ которомъ представляется Добрынина свадьба по древнимъ русскимъ обрядамъ, то есть: 1) женихъ и невѣста въ великолѣпномъ послѣдованіи входятъ во храмъ, идутъ на тронъ и цѣлуютъ руку у великаго князя; 2) сошедши оттуда, садятся на своихъ мѣстахъ; конюшій и наперсница становятся за ними, и тогда же усыпаютъ путь ихъ хмелемъ: 3) обмахиваютъ ихъ соболями; 4) чешутъ волосы гребнемъ; 5) подносятъ имъ на золотыхъ блюдахъ и въ золотыхъ крынахъ съ патокой коровай и кашу; что̀ все совершается подъ особливыми хорами, или свадебными пѣснями, которыя слѣдуютъ ниже.

ХОРЪ I.

(*Когда Добрыня и Прелѣпа всходятъ ко Владиміру на тронъ принимать отъ него отеческое благословеніе.*)

Катилося зерно по бархату,
Еще ли то зерно бурмицкое,
Прикатилося зерно ко яхонту:
Крупенъ жемчугъ, яхонтъ свѣтится.
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Хорошъ Добрыня со Прелѣпою.

ХОРЪ II.

(*Когда женихъ и невѣста сходятъ съ трона, чтобы сѣсть на своихъ мѣстахъ, и путь ихъ усыпается хмелемъ.*)

Вьется, вьется хмель золотой
Около тычинки серебряной;
Идетъ, идетъ князь молодой
Объ руку княгини возлюбленной.
Сыпьте, сыпьте хмель на пути,
Весело бъ имъ жизнь провести.

ХОРЪ III.

(*Когда ихъ обмахиваютъ соболями.*)

Не тихіе вѣтры попархиваютъ,
Не солнечный жаръ и зной холодятъ;

Digitized by Google

Но черные соболи помахиваютъ,
Нѣгу, богатство, довольство сулятъ.
Ой люли, сулятъ
Князьямъ молодымъ:
Ой люли, сулятъ
Жить счастливо имъ.

ХОРЪ IV.

(*Когда ихъ чешутъ гребнемъ, расплетая у невѣсты косу и надѣвая на нее кичку.*)

Гребень бѣлый чешетъ голову,
Кудри златы, косы черныя;
Такъ-то время строитъ участи,
Разумъ людямъ даетъ почести,
Ой Леля! ой Ладо! почести
И дружбу и согласіе
Во всемъ благопоспѣшіе.

ХОРЪ V.

(*Когда ихъ кормятъ короваемъ и кашею, и поятъ сытою.*)

Какъ патока златистая,
Бѣлоярово пшено съ сытой,
Жизнь спокойна ваша чистая
Такъ сладко потечетъ струей;
А мы на пиру здѣсь, на свадебкѣ,
Пожелаемъ всего добраго,
Здоровья вамъ и добрыхъ дней.

ХОРЪ VI.

(*Владиміру.*)

И воскликнемъ въ громкой радости:
Слава царю доброму,
Кроткому, великодушному:
Отличаетъ добродѣтели!
Слава ему, слава, слава!

[a] Хоть лбомъ (Поправка, сдѣланная карандашемъ въ экземплярѣ Державина).

---

[1] На происхожденіе этой пьесы могло имѣть вліяніе, кромѣ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній Екатерины II, одно сочиненіе Н. А. Львова (ум. 1803), напечатанное вскорѣ послѣ смерти его, именно въ томъ самомъ 1804 году, когда написанъ *Добрыня* Державина. Это сочиненіе Львова называлось «1-я глава богатырской поэмы *Добрыня*» (томъ I, стр. 367). Замѣтимъ сверхъ того, что другой пріятель Державина, из-

вѣстный любитель русскихъ древностей и въ то же время мистикъ, Θ. П. Ключаревъ напечаталъ въ 1779 г. трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ и въ стихахъ подъ заглавіемъ *Владиміръ Великій*, а въ 1804 г. издалъ *Древнія русскія стихотворенія* (томъ III, стр. 92). Крыловъ въ 1807 г. написалъ волшебную оперу *Илья Муромецъ;* значитъ, сочиненія этого рода были во вкусѣ времени.

Любопытно, что поэтъ въ трехъ мѣстахъ *Добрыни* употребилъ написанныя имъ еще въ молодости любовныя пѣсни (см. ниже частныя примѣчанія). Лицо *Торопа* взято изъ *Сказки о Горѣ-Богатырѣ Косометовичѣ*, напечатанной въ 1789 г. вмѣстѣ съ комическою оперою Екатерины II *Горе-Богатырь*, гдѣ также является *Торопъ*, щитоносецъ главнаго героя; то же имя встрѣчается и въ сказкахъ Чулкова (изд. 1780, ч. 1, стр. 110).

[2] «Слово сіе и у язычниковъ, какъ прежде, такъ и нынѣ, употребляется» Д. — Оставляя на Державинѣ отвѣтственность за это замѣчаніе, прибавимъ съ своей стороны, что выраженіе: «Аминь, аминь, разсыпься» есть извѣстное въ народѣ заклинаніе противъ нечистой силы. Въ романѣ Загоскина *Юрій Милославскій*, при исканіи клада одно лицо говоритъ: «Я много разъ слыхалъ, что безъ досужаго человѣка кладъ никому въ руки не дается; какъ не успѣешь сказать: *аминь, аминь разсыпься*, такъ и ступай искать его въ другомъ мѣстѣ».

[3] Имя сказочной волшебницы, см. т. II, стр. 455. — *Холмоградъ* — скандинавскій Holmgård: о смѣшеніи славянскихъ древностей съ скандинавскими въ искуственныхъ сказкахъ прошлаго столѣтія см. т. III, стр. 137. Холмоградъ (Колмоградъ) часто упоминается въ сказочныхъ сборникахъ прошлаго столѣтія. По словамъ Татищева, Колмоградъ «для нѣкоей святости на всемъ Сѣверѣ былъ почитанъ, и для моленія въ оной нарочно короли сѣверные пріѣзжали. Мѣста онаго, гдѣ былъ точно, не сказано; но по обстоятельствамъ вѣроятно при рѣкѣ Мстѣ, нынѣ село Бронницы, гдѣ природный высокій холмъ, что въ язычествѣ за великую святость почитали» (*Исторія россійская*, кн. I, ч. 2, стр. 375). Въ исландскихъ сагахъ подъ именемъ богатаго и обширнаго Holmgård разумѣется, можетъ быть, Новгородъ.

[4] Хорсъ, по объясненію Державина, — славянскій Марсъ.

[5] Это одна изъ тѣхъ пѣсенъ, о которыхъ упомянуто выше, въ примѣч. 1. Здѣсь находимъ только вторую половину редакціи; вотъ и первая половина ея, заимствуемая нами изъ рукописи 1776 года:

Я лишась судьбой любезнаго,
Съ нимъ утѣхъ, весельевъ, радости,
Средп вѣка безполезнаго
Я не рада моей младости.
Пролетай ты, время быстрое,
Быстротой стократъ скорѣйшею;
Помрачись ты, небо чистое,
Темнотой въ глазахъ густѣйшею.
Мнѣ равно жить безъ любезнаго
Что во свѣтѣ, что въ пустынной тмѣ;
Безъ него, мигъ вѣка слезнаго —

Digitized by Google

Лѣтъ страшнѣй мнѣ тысячи въ умѣ.
Ты, отрада дней мучительныхъ, и проч.

Послѣдніе два стиха пѣсни имѣли сперва такую форму:

Тебя въ душу распаленную —
Возвратись, любезный! — заключу.

[6] *Гайда* — татарское слово, очень употребительное на Волгѣ въ смыслѣ: поди, пойдемъ. Впрочемъ оно встрѣчается также у Чеховъ и у Сербовъ. Ср. въ областномъ словарѣ *айда.*

[7] Въ изданіи 1808 г. употреблено тутъ слово *бирючъ*, но въ спискѣ опечатокъ, помѣщенномъ въ Русск. Вѣстникѣ (1809, № 5), поправлено *герольдъ.*

[8] Собственно *зарбафъ*, персидское слово, то же что парча, золотная или серебряная ткань съ узорами шелковыми, серебряными и золотыми (П. Савваитова *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей* и проч., стр. 173). Изъ этой дорогой ткани дѣлались съ 1666 г. нарядныя одежды (П. Строева *Указатель* къ *Выходамъ Государей* и проч., стр. 30). Изъ нашихъ лексикографовъ одинъ Рейфъ принялъ въ свой словарь слово *изарбатъ*; въ словарѣ академіи показано только *зарбавъ.*

[9] Какъ этотъ дуэтъ, такъ и тѣ стихи, которые ниже въ этомъ явленіи поются, взяты опять изъ пѣсни, написанной Державинымъ еще въ молодости и занесенной въ самую старую его тетрадь; но тамъ она вовсе не имѣла еще разговорной формы.

[10] Въ экземплярѣ Державина слово *друзья* зачеркнуто и вмѣсто его карандашемъ написано: князья.

[11] Въ экземплярѣ Державина слово *наборы* замѣнено словомъ собранье.

[12] И этотъ дуетъ составленъ изъ прежде написанной пѣсни Державина; она помѣщена, подъ заглавіемъ *Разлука*, въ томѣ I нашего изданія, стр. 16, гдѣ однакожъ текстъ ея нѣсколько отличается отъ принятаго поэтомъ въ настоящей пьесѣ.

[13] «Т. е. надъ Татарами». Д.

[14] Въ собственномъ экземплярѣ Державина передъ этимъ явленіемъ означено карандашемъ: *Конецъ.* Слова же: Явленіе XI зачеркнуты и замѣнены заглавіемъ: *Принадлежащій къ оперѣ балетъ.*

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ,

или

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

въ четырехъ дѣйствіяхъ,

СЪ ХОРАМИ И РЕЧИТАТИВАМИ.

1806.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Нужнымъ почитаю предувѣдомить, что, желая посредствомъ театра оживить въ памяти любезнаго отечества моего то знаменитое героическое происшествіе, въ которомъ всѣ состоянія его соучаствовали и, стяжавъ себѣ безсмертную честь и славу, показали истинную великость духа Россіянъ, каковую въ нынѣшнія времена въ подобномъ случаѣ нѣкоторые народы и ихъ вожди напрасно, кажется, себѣ присвояютъ, — взялъ я характеры дѣйствующихъ лицъ (дабы тѣмъ зрѣлище удостовѣрительнѣе казалось) изъ самыхъ дѣяній, бытописаніями и преданіями намъ свидѣтельствуемыхъ. Любопытный благоволитъ прочесть *Ядро Россійской Исторіи* и прочія лѣтописи: то увидитъ, правильно ли мною извлечены изъ самыхъ дѣлъ характеры. Поистинѣ, когда Пожарскій, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время принялъ на себя главное предводительство собраннаго войска; не поступилъ по тогдашнимъ обычаямъ жестоко со злодѣями, на убійство его покушавшимися; не прельстился богатствомъ бояръ, изъ осажденной Москвы имъ выпущенныхъ; не обходился съ плѣнниками сурово, какъ другіе, которые ихъ имѣніе ограбили, а самихъ лишили жизни; не принялъ короны, отъ народа ему поднесенной, какъ нѣкоторые иностранные писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возложилъ ее на наслѣдника по крови царской, учредя монархическое правленіе: то не былъ ли онъ герой высшей степени, человѣкъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало исторія представляетъ и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабо-

Digitized by Google

сти, не побѣдя которыхъ, никто великимъ почитаться не можетъ?— Когда Трубецкой не былъ съ нимъ въ союзѣ, не содержалъ въ должномъ порядкѣ войскъ своихъ, такъ что запрещено было имъ сообщаться съ его станомъ, не далъ въ нужныхъ случаяхъ Пожарскому помощи, не удалилъ отъ себя явнаго злодѣя Заруцкаго: то чему приписать сіе, какъ не скрытымъ видамъ самолюбія, зависти и желанія властвовать надъ всѣми; каковымъ страстямъ нерѣдко подвержены бываютъ самые знаменитые, славные, однако не великіе люди, которыхъ довольно исторія и настоящія времена намъ показываютъ?—Когда Мининъ, изъ пламенной ревности къ своему отечеству, для избавленія его отъ ига иноплеменныхъ, принесъ на жертву все свое имущество, подви́гъ примѣромъ своимъ къ тому же народъ, присовѣтовавъ ему и въ вожди себѣ избрать Пожарскаго: то какъ его иначе представить, какъ не горячаго, твердаго духа человѣкомъ, достойнымъ во всѣ времена почтенія и удивленія? — Когда Аврамій Палицынъ, употребя себя на увѣщеваніе народа къ ополченію чрезъ многія письма, отважился лично на опасности, уговаривая къ помощи Пожарскому взбунтовавшихся казаковъ и не употребилъ во зло сокровищъ, монастырями ему ввѣренныхъ: то какъ не признать въ немъ преподобнаго, святаго мужа, достойнаго прославленія въ потомствѣ?—Напротивъ того, когда Заруцкій, попускавшій казакамъ своимъ явные грабежи и разбои, не былъ не токмо усерднымъ содѣйствователемъ ни Трубецкому, ни Пожарскому, но, совокупясь тайно съ Мариною и женясь потомъ на ней, наносилъ вредъ государству, такъ что даже сообщники его и по немъ, въ отмщеніе смерти его, разоряли Низовыя страны: то какъ не описать его самыми мрачными красками, какъ злѣйшаго врага и измѣнника? — Наконецъ, когда Марина, послѣ содержанія ея въ Ярославлѣ подъ присмотромъ, бывъ безвредно освобождена, прибѣгала еще къ разнымъ проискамъ, признавая нѣсколькихъ самозванцевъ Лжедимитріемъ, мужемъ своимъ, имѣла съ ними любовныя обращенія и, добиваясь всѣми мѣрами престола, переѣзжала изъ мѣста въ мѣсто, переодѣваясь иногда въ мужское воинское платье и садясь на коня, пускалась въ опасности: то какъ не изобразить въ ней предпріимчивую, властолюбивую, хитрую прелестницу и чародѣйку, каковою и преданіе ее называетъ? Словомъ: всѣ сіи характеры и прочихъ лицъ, упоминаемыхъ косвенно въ монологахъ, взялъ я, ничего къ нимъ не прибавляя, точно изъ исторіи; а по свободѣ поэзіи вымыслилъ только нѣкоторыя вводныя происшествія, какъ-то: пожаръ, любовныя увеселенія и прочія для связи и пріятности зрѣлища. Но всѣ однако событія, въ разныхъ мѣстахъ и временахъ случившіяся, по правиламъ драматическимъ привелъ я въ одну точку зрѣнія; а дабы торжественное

Digitized by Google

сіе дѣяніе, воспричинствовавшее благоденствіе Имперіи и донынѣ существующее, не было зрѣлищемъ скучнымъ и мрачнымъ, подобно трагедіи: то украсилъ я его великолѣпіемъ, свойственнымъ операмъ [1], придавъ ему разныя декораціи, музыку, танцы и даже виды самаго волшебства. Но чтобъ съ другой стороны оно не потеряло въ семъ блескѣ принадлежащей ему героической важности и силы, то нѣкоторымъ лицамъ далъ я довольно трогательные и пространные монологи, но избавилъ однако ихъ вовсе отъ пѣнія и плясокъ, имъ неприличныхъ, предоставя то единственно статистамъ только въ балетѣ, хорахъ и речитативахъ. Когда таковаго рода зрѣлище пріобрѣтетъ благоволеніе публики, то останусь довольнымъ, что трудъ мой не былъ тщетнымъ: впрочемъ не думаю я, чтобы кто изъ соотечественниковъ и потомковъ тѣхъ народовъ и лицъ, которые въ семъ происшествіи соучаствовали, нашелся тѣмъ недовольнымъ, что не въ такомъ свѣтѣ кто-либо изъ нихъ представленъ, какъ бы ему желалось. А ежели бы и сіе случилось: то предоставляю всякому судить о томъ, какъ угодно, вѣдая, что эпическія и драматическія поэмы (разумѣется трагедіи) удобнѣе составляются изъ временъ самыхъ отдаленныхъ, героическихъ и баснословныхъ, въ темнотѣ коихъ свободнѣе сокрывается анахронизмъ [2], блистаетъ чудесность и усыпляется личность. Но когда предметъ взятъ почти изъ новой исторіи или близко намъ современной: то хотя первыя и не совсѣмъ инымъ покажутся правдоподобными, но отъ послѣдняго никоимъ образомъ избѣжать не возможно; а потому и не извиняюсь я какими-либо пространными разсужденіями, коихъ бы достаточно къ оправданію принести было можно, но довольствуюсь только припомнить слѣдующій стихъ г-на Ломоносова:

«Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради васъ пою, для правды...» [3]

---

[1] Высокое мнѣніе Державина объ оперѣ и разграниченіе ея съ трагедіею см. въ предпослѣднемъ отдѣлѣ его *Разсужденія о лирической поэзіи*, въ VII т. нашего изданія.

[2] Въ текстѣ изданія 1808 г.: *акронизмъ*, слово, принятое нами за опечатку. Въ рукописи пьеса не сохранилась.

[3] Изъ I-й пѣсни поэмы *Петръ Великій* (*Соч.* Ломон., Смирд. изд., т. I, стр. 319).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Пожарскій, Князь Трубецкой, } вожди русскіе.
Мининъ, купецъ нижегородскій и казначей войска Пожарскаго.
Марина, жена Лжедимитрія, чародѣйка.
Заруцкій, казачій гетманъ, союзникъ войска Трубецкаго.

Digitized by Google

Аврамій Палицынъ, келарь Троицкой Лавры, въ видѣ простолюдина.
Послы польскіе.
Дума бояръ.
Межаковъ, есаулъ Заруцкаго.
Жены } боярскія.
Дѣти }
Гражданки.
Жильцы московскіе, дворяне, гости и стряпчіе.
Прислужники и
Прислужницы Маринины въ видѣ охотниковъ, амуровъ и проч.
Трубачъ.
Гонецъ,
Войски, русскія и польскія.
Казаки.
Народъ.

Всѣ безъ рѣчей, а составляются только изъ нихъ хоры, речитативы и балеты.

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Москвы и въ Кремлѣ.

ПОЖАРСКІЙ [1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ, при захожденіи солнца, Москву со стороны Петровскихъ воротъ; вдали дымъ и изрѣдка слышны пушечные выстрѣлы отъ осады Трубецкаго; вблизи въ дубравѣ станъ Пожарскаго; воины сидятъ кругами и варятъ кашу.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ ПЕРВАГО КРУГА.

Ядры пусть летятъ ревучи,
Воютъ вѣтры, черны тучи,
Молньи блещутъ средь громовъ;
Смѣло идемъ на враговъ.

ВСѢ КРУГИ ВООБЩЕ.

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ,
За отечество помремъ.

ХОРЪ ВТОРАГО КРУГА.

Злобно пусть враги ярятся
За стѣнами защищаться:
Не трепещетъ русска грудь,
Намъ на стѣны веселъ путь.

ВСѢ КРУГИ ВООБЩЕ.

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ,
За отечество помремъ.

Digitized by Google

ХОРЪ ТРЕТЬЯГО КРУГА.

Пусть измѣнники бунтуютъ,
Скиптры хищникамъ даруютъ:
Вѣрны мы своимъ царямъ,
Кровь свою несемъ имъ въ дань.

ВСѢ КРУГИ ВООБЩЕ.

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ,
За отечество помремъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

召 Мининъ и Палицынъ.

(Хоры умолкаютъ; воины снимаютъ съ сошекъ котлы, тушатъ огни и уходятъ въ шатры.)

ПАЛИЦЫНЪ.

По многимъ граматамъ, мной посланнымъ, созывнымъ,
И съ Лавры вѣющимъ въ счастливый знакъ вѣтрамъ,
Сыны отечества! въ отпору сопротивнымъ
Съ Пожарскимъ Минина къ престольнымъ симъ стѣнамъ
Я жду давно. Но вы...

МИНИНЪ.

Различныя препоны:
Хоткѣвичъ, насъ вчерась объѣхавъ тьмою толпъ,
Пресѣкъ-было пути.

ПАЛИЦЫНЪ.

Я вѣрю, и законы,
Вамъ Думой данные, препнули бъ быстрость стопъ,
Коль трона бъ, алтаря краеугольный камень
Согласенъ съ ними былъ[2].

МИНИНЪ.

Кто удержать насъ могъ?
Любви къ отечеству безмѣренъ Русскихъ пламень;
Мы въ жертву жизнь несемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чрезъ патріарха Богъ.

МИНИНЪ.

Но мы спасать престолъ и вѣру устремились:
То Гермогену ли противу насъ возстать?

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Но вы бъ его анаѳемъ устрашились.

Digitized by Google

МИНИНЪ.

Анаѳемы его! — За что̀ насъ проклинать?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ, гладомъ, жаждою и муками терзаемъ,
Былъ нудимъ отъ бояръ вамъ написать о томъ,
Чтобъ вы не шли къ Москвѣ.

МИНИНЪ.

Но мы Москву спасаемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ нужды, говорятъ, вамъ въ подвигѣ такомъ.

МИНИНЪ.

А какъ, и почему?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ужъ Дума къ Владиславу
Отправила пословъ. — Не знали развѣ вы?

МИНИНЪ.

Зачѣмъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чтобъ взялъ себѣ онъ Русскую державу.

МИНИНЪ.

Избави, Господи, отъ чуждой насъ главы!
И на измѣну ту нашъ пастырь согласился?
И намъ къ Москвѣ нейти?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ даже и поднесь
Съ отъѣзда моего терпѣлъ, страдалъ, крѣпился.

МИНИНЪ.

О добрый пастырь душъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Я въ сей одеждѣ здѣсь [8]
Нарочно кроюся давно ужъ потаенно,
Чтобы увѣдомить о всемъ подробно васъ,
И какъ противъ враговъ вамъ весть себя надежно.
Но вождь вашъ — ты?

МИНИНЪ.

Я? нѣтъ! Пожарскій, храбрый князь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Гдѣ же онъ?

Digitized by Google

МИНИНЪ.

Тамъ въ таборѣ, иль такъ я полагаю,
Не озираетъ ли онъ Трубецкаго станъ
И положенье мѣстъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Сего не понимаю,
Зачѣмъ бы Трубецкой къ вамъ не явился самъ.

МИНИНЪ.

Чтожъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чудный это вождь! Ему быть должно раду
Прибытью вашему, и съ лаской встрѣтить васъ.

МИНИНЪ.

А развѣ чувствуетъ какую онъ досаду?

ПАЛИЦЫНЪ.

Я не скажу того; но нѣкій тайный гласъ
Здѣсь носится, что онъ Пожарскаго не любитъ:
Быть можетъ, слухъ пустой, иль зависть иногда —
Ты знаешь, что вождей она нерѣдко губитъ.

МИНИНЪ.

Великихъ прямо душъ толь низка страсть чужда.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но можно же сказать за тайну между нами,
Что властолюбіе и первенство чиновъ
Вертѣло и вертитъ большими головами.

МИНИНЪ.

Стеречься должно намъ, изъ сихъ я вижу словъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не худо. Да и твой каковъ начальникъ свойствомъ?
Тожъ не подверженъ ли онъ слабостямъ какимъ?

МИНИНЪ.

Наполненъ честностью и истиннымъ геройствомъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Да сила Божія всегда пребудетъ съ нимъ!
Однако, говорятъ, что будто онъ женами
Бываетъ уловленъ, ихъ нѣжностьми плѣнясь.
Всего опаснѣе сражаться съ красотами!
Марининыхъ волшебствъ, прелестныхъ силу глазъ,
Я мню, ты вѣдаешь по всенародну слуху,

Digitized by Google

Что, обольстя собой Отрепьева она,
Поджогу хитростьми коварному вливъ духу,
Взнеслась съ нимъ на престолъ, какъ изъ-за тучъ луна,
Да и по немъ еще доднесь не унываетъ;
Но многихъ лжецарей, подъ именемъ его,
Назвавшися женой, вновь скиптра досягаетъ.
Тушинскаго на дняхъ, въ Коломнѣ, своего
Хоть успокоила, но тайными путями
Въѣзжаетъ и въ Москву, всѣхъ ссоритъ и мутитъ
Бояръ своей красой. Сегодня съ Поляками,
А завтра съ Русскими вновь брачиться манитъ;
По рощамъ, по садамъ ліетъ свой ядъ зловидной.
Заруцкій весь ея, — и словомъ: въ хитростяхъ
Со златосребряной сверкающей ехидной
Віющейся она похожа во цвѣтахъ.
Самъ ею Трубецкой, какъ очарованъ, ходитъ;
Обрывшись въ таборѣ, хотя и стыдъ несетъ
Но войскъ своихъ на брань нимало не готовитъ,
Стоитъ, не дѣйствуетъ: его какъ будто нѣтъ.
И о твоемъ вождѣ, тобой толь восхваленномъ,
Злорѣчный до моихъ достигнулъ слухъ ушей:
Что кто-то зрѣлъ его во образѣ смятенномъ
Отъ взгляда одного Марининыхъ очей.

МИНИНЪ.

Все можетъ быть, но гдѣ ему въ нее влюбиться?
Въ деревнѣ на одрѣ онъ съ годъ лежалъ отъ ранъ,
И я всегда съ нимъ былъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Мнѣ должно согласиться,
Коль такъ ты говоришь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Пожарскій съ нѣсколькими нижними чиновниками.

ПОЖАРСКІЙ.

(*Чиновникамъ.*)

Обвесть вкругъ цѣпью станъ,
И безъ меня ни кто бъ!...

(*Чиновники кланяются и уходятъ.*)

Digitized by Google

МИНИНЪ.
(*Палицыну.*)
Вотъ воинствъ предводитель.
(*Пожарскому.*)
Отецъ Аврамій здѣсь.

ПОЖАРСКІЙ.
Ахъ, преподобный другъ!
Позволь себя обнять.

ПАЛИЦЫНЪ.
Почтенный повелитель!
Безмѣрной радостью объятъ теперь мой духъ,
Что ты вождемъ у насъ.

ПОЖАРСКІЙ.
А я и не примѣтилъ,
Что на себя ты взялъ простонародный видъ:
Здоровъ ли ты, отецъ?

ПАЛИЦЫНЪ.
Нарочно такъ васъ встрѣтилъ,
Что злоба по пятамъ вездѣ меня слѣдитъ;
Но Богъ хранитъ еще.

МИНИНЪ.
Онъ вѣрнымъ щитъ отъ мести.

ПОЖАРСКІЙ.
Чтò дѣлаютъ въ Москвѣ? и какъ нашъ Гермогенъ?

МИНИНЪ.
Не такъ-то, говорятъ, тамъ радостныя вѣсти:
Злѣ пастырь страждетъ сей отъ чадъ своихъ измѣнъ,
Томится муками, и силятся бояра,
Чтобы прещенье онъ послалъ свое на насъ.

ПОЖАРСКІЙ.
Чтобъ намъ нейти къ Москвѣ?

МИНИНЪ.
Какъ громы, клятва яра
Ужасна воинству.

ПОЖАРСКІЙ.
Ужели клятвы гласъ
Отецъ произнесетъ?

МИНИНЪ.
Дай силъ ему Создатель
Мученье снесть!

Digitized by Google

ПАЛИЦЫНЪ.

Лишенъ онъ наконецъ жезла,
Взведенъ на лобное, и самъ его терзатель
Не можетъ причинить ему ужъ больше зла.
Всевышней силою боль плоти побѣждая,
Какъ діамантъ, стенетъ подъ молотами твердъ;
А о напастяхъ лишь отечества вздыхая,
Онъ молитъ за враговъ; дрожимъ мы: милосердъ,
Онъ, вѣрно, не снесетъ того позора града,
Какъ старцы и вдовы съ дѣтьми къ нему на стогнъ
Придутъ, возопіютъ, что въ немъ одномъ отрада,
Спасенье ихъ и жизнь. Разжалобится онъ,
И чтобъ избавить ихъ отъ тягостныя дани,
Страданія и мукъ, онъ васъ остановитъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Ужели злы на всѣхъ и всѣхъ губятъ тираны?

ПАЛИЦЫНЪ.

О паствѣ что своей усердно пастырь бдитъ,
Нарочно вкругъ него народъ весь собираютъ,
Полъ, возрастъ не щадятъ, таскаютъ изъ домовъ:
Въ слезахъ весь градъ.

МИНИНЪ.

Святынь и санъ не почитаютъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

И тѣ ограблены отъ хищныхъ сихъ волковъ.
Порфира царская и мантья іерарша,
Клейноды, утвари безъ перлъ въ грязи лежатъ;
Въ чертогахъ, въ алтаряхъ кони, и не монарша
Столица днесь Москва, но дебрь звѣрей, засадъ,
Гдѣ жалости, стыда и людскости не знаютъ,
Но женъ и дѣвъ влекутъ на всенародный срамъ,
А вожди, стоя вкругъ, въ ладоши ударяютъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Но что̀ же дѣлаютъ бояра русски тамъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Сквозь пальцы зрятъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Какъ! какъ! Или погасло чувство
Въ нихъ человѣчества, къ отечеству любви?

Digitized by Google

Быть можно плѣнникомъ, но не сносить распутство.
Зрѣть Россу Россовъ стыдъ! Пожарскій, не живи!

МИНИНЪ.

Закрой свой, Мининъ, зракъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Се неба наказанье!

ПОЖАРСКІЙ.

Знать, обезумѣли! Какая польза въ томъ,
Чтобъ зрѣть отечество въ толикомъ поруганьѣ?
Не лучше ль умереть, чѣмъ подлымъ быть рабомъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Корыстолюбца духъ, собою зараженна,
Народной гордости и благородства чуждъ;
Златая цѣпь, ему тираномъ наложенна,
Милѣй всего, и для своихъ онъ нуждъ,
Для низкихъ прихотей какъ червь въ пыли влачится.
Онъ, не заботяся, въ объятьѣ нѣги спитъ:
Вотъ пагубныхъ вельможъ живое описанье
И изъясненье ихъ къ отечеству любви!
Хотя Россія вся теперь въ тоскѣ, въ стенаньѣ,
Погружена въ слезахъ, обагрена въ крови;
Но дремлетъ сонмъ бояръ, не зритъ на честь и славу,
А богатѣть на счетъ лишь обща мнитъ вреда.
За вотчинами шлютъ, за златомъ къ Владиславу
И бьютъ ему челомъ безъ всякаго стыда,
Чтобъ имъ награду далъ за бунтъ и за измѣну.

ПОЖАРСКІЙ.

Чтожъ онъ?

МИНИНЪ.

Я мню, онъ радъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Измѣна хоть мила,
Измѣнникъ нетерпимъ. Но онъ не казнь въ замѣну, —
Имъ обѣщаетъ все.

МИНИНЪ.

Москва бъ его была.

ПОЖАРСКІЙ.

О подлыя сердца! льзя ль чтить въ васъ благородство,
Коль пьете своего отечества вы кровь?

Digitized by Google

Но въ Русскихъ есть еще душъ нѣкихъ превосходство,
Которыхъ къ истинѣ животворитъ любовь.

(*Въ сторону.*)

Хотя, къ несчастью, они и рѣдко видны.

ПАЛИЦЫНЪ.

Въ тебѣ подпору, князь, одномъ Россія зритъ.

МИНИНЪ.

Надежда ты!

ПОЖАРСКІЙ.

Хвалы излишнія обидны.
Что̀ сдѣлать я могу? — Одинъ скуделенъ щитъ.
Но властью ваша коль любовь меня почтила,
И продолжите вы ее: готовъ, друзья,
При вашихъ знаменахъ стоять, поколь есть сила.

МИНИНЪ.

Пролью въ виду твоемъ мою всю кровь и я.

ПАЛИЦЫНЪ.

Ступайте! Богъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и князь Трубецкой съ нѣсколькими воинами.

МИНИНЪ.

(*Тихо Пожарскому.*)

Смотри, будь съ нимъ ты остороженъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Хоть медленно, но вы пришли. Безмѣрно радъ.

ПОЖАРСКІЙ.

И мы: скорѣйшій намъ походъ былъ невозможенъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Во ожиданьи васъ я осадилъ ужъ градъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Препятства многія...

МИНИНЪ.

На жизнь даже ехидны
Дерзали.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чью?

МИНИНЪ.

(*Указывая на Пожарскаго.*)

Его.

Digitized by Google

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ такъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Въ толпѣ ножомъ.

МИНИНЪ.

Невидимо его спасъ Промыслъ непостижный.

ТРУБЕЦКОЙ.

А умыслъ чей?

ПОЖАРСКІЙ.

Еще не спрошены о томъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ же мѣръ не брать къ спасенью вашей жизни,
И о сообщникахъ не поспѣшить узнать?

ПОЖАРСКІЙ.

О безопасности долгъ прежде бдѣть отчизны.

МИНИНЪ.

Подъ стражей крѣпкой я велѣлъ ихъ содержать.

ТРУБЕЦКОЙ.

Я очень радъ, и... что меня вы подкрѣпили.

ПАЛИЦЫНЪ.

Князь, у тебя своихъ есть силъ...

ТРУБЕЦКОЙ.

На обоихъ
Когда бы войскъ полки мы днесь совокупили,
На приступъ бы пошли. — Надежнѣй мочь въ однихъ
Рукахъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Копечно такъ

МИНИНЪ.

Своихъ ведемъ мы сами.

ТРУБЕЦКОЙ.
(*Смотря на Минина.*)

Кто сей простолюдимъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Почтенный Мининъ тотъ,
Нижегородскій гость, что щедрыми руками
Принесъ богатства въ даръ и возбудилъ народъ
Къ спасенію Москвы.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сокровище небесно
Дабы себѣ обрѣсть.

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

Безсмертія вѣнцы.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ доблести примѣръ! вотъ дѣло славно, честно,
И благородство чѣмъ должны стяжать купцы!
Отличный гражданинъ! прости, что недовольно
Почтилъ тебя, узря теперь я въ первый разъ.

(*Въ сторону.*)

Горячая глава!

МИНИНЪ.

Незнаніе не больно.
Я, можетъ быть, тебя самъ огорчилъ чѣмъ, князь?

(*Слышенъ гласъ трубы.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и польскій трубачъ, держащій въ одной рукѣ трубу, а въ другой письмо.

(*Приводится съ завязанными глазами воинами Пожарскаго.*)

ПОЖАРСКІЙ.

Кто тамъ? Трубачъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

(*Принимаетъ письмо, а трубача тотчасъ воины уводятъ назадъ.*)

Съ письмомъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Чьимъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

(*Посмотря на надпись.*)

Вижу, Гермогена.

ПОЖАРСКІЙ.

О чемъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Прочти: знать, слезъ Москвы не могъ стерпѣть.

МИНИНЪ.

Неужто намъ претитъ спасать Москву отъ плѣна?

ТРУБЕЦКОЙ.

И мужу праведну страшна бываетъ смерть.

ПОЖАРСКІЙ.

(*Когда онъ развертываетъ письмо, то выпадаетъ изъ онаго маленькая записочка. Читаетъ:*)

«Растерзанъ, изнуренъ, палачъ надъ головою

Digitized by Google

Занесъ уже топоръ! Народъ весь вопіетъ,
Налегъ синклитъ бояръ! — Я слабою рукою,
Но гласомъ пастырскимъ прещу: да проклятъ тотъ,
Кто шагъ къ Москвѣ...»

МИНИНЪ.

Ахти!

ПОЖАРСКІЙ.

Увы!

ТРУБЕЦКОЙ.

Велѣнье слезно!

ПАЛИЦЫНЪ.

Тяжелъ народный стонъ! Такъ добръ былъ, пастырь, ты!
Прости теперь уже, отечество любезно!
Но что за письмецо?

(*Поднимаетъ.*)

Его же то черты,
И мелко, мелко такъ, что я не разбираю.

(*Отдаетъ Пожарскому.*)

ПОЖАРСКІЙ.

(*Читаетъ.*)

«Благословенъ грядый отечество спасать!
Дерзайте! — Съ вами Богъ! — Спокойно умираю.»

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ голосъ пастырскій! Онъ клятву намъ послать
Былъ долженъ изъ-подъ мукъ.

МИНИНЪ.

Онъ не живъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Славенъ въ роды!

ПОЖАРСКІЙ.

Завиденъ жребій тѣхъ и посреди оковъ,
Кто такъ прекрасно свой долгъ отдаетъ природы!
И казнію пролить за вѣру сладко кровь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Намъ должно лишь теперь о томъ распорядиться,
На приступъ какъ идти.

ПОЖАРСКІЙ.

Сзовемъ къ тому совѣтъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Тутъ дѣло больше въ томъ, чтобъ войскамъ съединиться.

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

Пусть такъ.

МИНИНЪ.

(*Трубецкому.*)

Нѣтъ! я сказалъ, что Мининъ не пойдетъ
Безъ общаго на то согласія съ народомъ;
Казна его.

ПАЛИЦЫНЪ.

Постой, подумай, не сердись;
Согласіе вождей на брань передъ походомъ
Порука торжества. — Послушай, и рѣшись
Идти въ совѣтъ. Ты тамъ свои причины скажешь.

МИНИНЪ.

Не медлить бы.

ПОЖАРСКІЙ.

Хотя къ себѣ попросимъ въ станъ.

МИНИНЪ.

(*Пожарскому.*)

Къ тебѣ идти? — Иду.

ТРУБЕЦКОЙ.

Куда, къ кому прикажешь;
Я только воинамъ моимъ приказъ отдамъ.

(*Приказываетъ на ухо воинамъ. Пожарскій, Палицынъ и Мининъ, а потомъ и воины уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТРУБЕЦКОЙ.

(*Оставшись одинъ, въ размышленіи, посмотрѣвъ за ними вслѣдъ.*)

Породой, саномъ я Пожарскаго знатнѣе
И старѣй лѣтами: — мнѣ ль съ нимъ быть наравнѣ?
Подъ нимъ же службу несть еще того страннѣе;
А Мининъ, да и онъ, не подчинятся мнѣ
И исполнять моихъ намѣреній не станутъ:
Такъ нѣтъ надежды мнѣ достичь моей мѣты.
А громы общіе хотя на градъ и грянутъ,
Но войскъ я не глава: такъ вздоръ мои мечты.

(*Увидя стражу.*)

А, стража! — Да, тамъ ждутъ.

(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ представляетъ ночь. Подъ предводительствомъ сотника выходитъ отрядъ воиновъ, и часовыми занимаетъ притины около лагеря. Изъ остальныхъ учреждается стража, которая оружіе ставитъ въ пирамиду.

СИГНАЛЪ ЧАСОВЫХЪ.
(*Вдали за палатками.*)
РЕЧИТАТИВЪ.

Внимай,
Смѣкай;
Блюдись,
Крѣпись;
Терпи,
Не спи;
Богъ нашъ
Всѣхъ стражъ.

ХОРЪ СТРАЖИ.

Тѣни мелькаютъ,
Звѣзды сверкаютъ,
Царствуетъ ночь;
Сонъ! отъ насъ прочь
Бѣги ко врагамъ:
Не нуженъ ты намъ;
Не нуженъ, — не дремлемъ,
Но долгу лишь внемлемъ
И крѣпко стоимъ,
Во браняхъ крѣпимъ
Мы вѣрностью грудь,
И слава нашъ путь.

(***Послѣ сего хора слышны на башнѣ городской куранты. Бьетъ часъ ночи, и стража идетъ для смѣны часовыхъ.***)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ въ тѣни ночной Москву со стороны Хорошевскихъ луговъ. Острогъ Трубецкаго, обнесенный валомъ, палисадникомъ и рогатками, окружаетъ часть Бѣлаго города. На башняхъ сквозь окна мелькаютъ огни. На бойницахъ часовые, пищали, туры и прочія осадныя орудія. Въ сторонѣ роща.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАРУЦКІЙ.
(*Одинъ, растворивши рогатку.*)

Ужъ время бъ возвратиться.
Но онъ, мнѣ кажется, и помощи не радъ;

Digitized by Google

Боярствомъ думаетъ своимъ превозноситься,
И какъ бы только всѣхъ подъ власть свою прибрать;
А тамъ хоть и въ цари. — Но нѣтъ, мой князь надменный,
Не проведешь меня. На царской вышинѣ
Я быть хочу и самъ. — Да чьи жъ къ ней толь священны,
Какъ не мои, права? — Марина руку мнѣ
И сердце отдала. По Дмитріи жъ другому
Кому тронъ, какъ не ей? — Угомоню бояръ:
Такъ не ломаться ужъ со мною Трубецкому.

ЯВЛЕНІЕ II.

Заруцкій и Трубецкой, съ воинами.

ТРУБЕЦКОЙ.

Меня ждешь?

ЗАРУЦКІЙ.

Ночь!

ТРУБЕЦКОЙ.

Держалъ военна спора жаръ.

ЗАРУЦКІЙ.

Что положили вы?

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты, напримѣръ, что чаешь?

ЗАРУЦКІЙ.

Я? — Ничего.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Такъ. — Союзныхъ войскъ совѣтъ
Всегда ничто.

ТРУБЕЦКОЙ.

Едва ль не дѣльно разсуждаешь;
Всякъ хочетъ быть большой, своихъ всякъ ищетъ мѣтъ.

ЗАРУЦКІЙ.

И такъ у васъ раздоръ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Да. Казначей, въ упрямствѣ,
Сверкая взорами и бердышемъ тряся,
И слышать о моемъ не хочетъ онъ начальствѣ.

Digitized by Google

ЗАРУЦКІЙ.

Уговорить бы кто-нибудь его взялся.
Чтожъ такъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Онъ говоритъ: народъ-де въ управленье
Все воинство свое, сребра и злата тьму,
Ради московскаго и всей Руси спасенья,
Пожарскому во власть повѣрилъ одному:
Такъ кромѣ онъ его...

ЗАРУЦКІЙ.

А тотъ не отрицаетъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Напротивъ, кажется, сему отличью радъ;
Превозношеніе въ очахъ его блистаетъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Пядень укоротить...

ТРУБЕЦКОЙ.

Что ты? — Да не мрачатъ
Такія мысли насъ! И такъ подозрѣваютъ,
На жизнь его открытъ какой-то будто ковъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Кого жъ въ злодѣйствѣ семъ, не насъ ли обвиняютъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Схватили, говорятъ, твоихъ двухъ казаковъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Напраслина, поклепъ.

(*Въ сторону.*)

Какая неудача!
Нѣтъ, князь, далеко такъ не распростру я зла;
Но стыдъ и пагуба!... Боязнь полезнѣй плача.
Не худо, какъ бы спѣсь немного убыла!

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Пусть они одни на городъ наступаютъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но положилъ совѣтъ двухъ воинствъ приступъ вдругъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Мы подождемъ.

Digitized by Google

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіе измѣною признають.

ЗАРУЦКІЙ.

Никакъ: лишь не съ одной страны идти, а съ двухъ.
Въ примѣръ: съ Петровки онъ, намъ съ Яузы пуститься.
Его тамъ отобьютъ: ты не видалъ, — назадъ.
Что дѣлать? хоть Литва тѣмъ сильно ободрится,
Но подчиниться онъ тебѣ ужъ будетъ радъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И впрямь, совѣтъ твой здравъ. Для блага общей цѣли
И хитрость иногда позволена вождямъ.
Тѣмъ паче, мысль сію въ совѣтѣ мы имѣли,
Чтобъ войски раздѣлить по разнымъ намъ мѣстамъ.
Пожарскій нынѣ же увидится со мною:
Мы съ нимъ поговоримъ; а ты?...

ЗАРУЦКІЙ.

Покоенъ будь.
Какъ нужно, такъ моихъ я приготовлю къ бою.

(*Трубецкой уходитъ; а онъ, вслѣдъ ему грозя булавою:*)

Не долго пыжиться такъ барска будетъ грудь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Марина въ польскомъ воинскомъ платьѣ, крадется близъ палисадника, неся въ рукахъ узелъ и ракету.

МАРИНА.

(*Тихо.*)

Тутъ кто-то есть.

ЗАРУЦКІЙ.

(*Не видя ее.*)

Ужъ часъ, а нѣтъ еще царицы.

МАРИНА.

(*Тихо же.*)

Боюся, чтобы какъ на стражу не найти.
Онъ, чтоль?

(*Ударяетъ въ огниво кремнемъ.*)

ЗАРУЦКІЙ.

Тамъ, кажется, огня блестятъ крупицы:
Такъ это, знать, она.

(*Также высѣкаетъ огонь.*)

Digitized by Google

МАРИНА.

(*Тихо.*)

Заруцкій! это ты?

ЗАРУЦКІЙ.

(*Съ отверзтыми объятіями бросается.*

Царица! здѣсь тебя давно я ожидаю.
Но въ пору самую могла бы въ тмѣ такой
Ты съ Трубецкимъ сойтись, по этому случаю,
Что только онъ теперь здѣсь говорилъ со мной.

МАРИНА.

Какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Шелъ отъ воеводъ, на помощь къ намъ пришедшихъ,
Пожарскій съ войскомъ вѣдь...

МАРИНА.

И Мининъ, слышно, тутъ.
Но по анаѳемахъ, отъ церкви прогремѣвшихъ,
Ужель они еще пойдутъ къ Москвѣ?

ЗАРУЦКІЙ.

Идутъ.

МАРИНА.

Твои жъ посланники нашли ль надежно средство?

ЗАРУЦКІЙ.

Подъ стражей ужъ сидятъ.

МАРИНА.

Что слышу я, мой другъ!
Мы какъ же отвратимъ толь близкое намъ бѣдство?

ЗАРУЦКІЙ.

Не знаю.

МАРИНА.

О бѣда!

ЗАРУЦКІЙ.

Любоначальства духъ
Свой пламенникъ возжегъ межъ нашими вождями;
Всякъ хочетъ властвовать: такъ я стрѣлу пустилъ,
И Трубецкой ужъ ей...

МАРИНА.

Что ты? — Онъ недругъ съ нами.

ЗАРУЦКІЙ.

Не такъ, чтобы совсѣмъ...

Digitized by Google

МАРИНА.

Чтобъ Русскій измѣнилъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ этого сказать о немъ не можно;
Но мудрость состоитъ людей искусныхъ въ томъ:
Враговъ своихъ завесть такъ въ сѣти осторожно,
Чтобъ не могли они и мысль имѣть о томъ.
Я въ Трубецкомъ узналъ презлое самовластье,
И вмигъ измѣнитъ онъ, не думавъ измѣнять.

МАРИНА.

О мудрый человѣкъ! того ты стоишь счастья,
Чтобъ, руку взявъ мою, на тронѣ возсѣдать.

ЗАРУЦКІЙ.

Намъ остается взять теперь такія мѣры,
Чтобы еще какихъ не встрѣтилось невзгодъ.

МАРИНА.

Я Русскихъ не страшусь ни храбрости, ни вѣры;
А дѣло въ томъ теперь, чтобъ удержать ихъ ходъ,
Доколѣ къ намъ сюда Желтовскій[4] не приспѣетъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Гдѣ жъ онъ?

МАРИНА.

Подъ Вязьмой ужъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Да, труденъ переломъ,
Коль патріаршій громъ въ нихъ ужаса не сѣетъ,
Тобой исторгнутый.

МАРИНА.

А красота съ умомъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Они всего сильнѣй!

МАРИНА.

Послушай же, вотъ средства:

(Указывая на ракету.)

Коль лучъ ея блеснетъ надъ градомъ въ облакахъ,
Возстанетъ тамъ пожаръ. Съ сего мы будто бѣдства
Съ толпою женъ къ вождямъ прибѣгнемъ во слезахъ;
Пожарскаго смягчимъ и будемъ домогаться,
Чтобъ къ дѣтямъ ихъ и къ нимъ онъ жалость возымѣлъ,

Digitized by Google

И гладомъ, духотой въ осадѣ истребляться
Не допустилъ сихъ жертвъ, а выпустить велѣлъ.
Намъ, кромѣ жалости, сіе тѣмъ нужно паче,
Чтобъ духа воиновъ ихъ стонъ не отнималъ,
И плѣнный бы народъ, толпой бродящій въ плачѣ,
Самимъ намъ нужный хлѣбъ, какъ червь, не поѣдалъ.
Къ тому жъ ты вѣдаешь, что собрано богатство:
Такъ этимъ случаемъ мы вывеземъ сей кладъ,
Покудова разбой, грабежъ и святотатство
Его не растащатъ, какъ городъ будетъ взятъ.
Иль къ Русскимъ не пойдетъ условіемъ на сдачу?
Главнѣе же всего мнѣ хочется взглянуть
На юнаго вождя. — Ты разрѣшишь задачу.

ЗАРУЦКІЙ.

А! симъ остановишь. — Меня лишь не забудь.

МАРИНА.

Не бойся! нá, возьми завязанну личину
И платье женское. Сейчасъ въ нихъ нарядись,
Чтобы не быть ничѣмъ похожу на мужчину,
И въ этомъ образѣ опять ко мнѣ явись.

ЗАРУЦКІЙ.

Начто?

МАРИНА.

Одной идти въ чужой мнѣ станъ не можно,
А въ видѣ мужескомъ тебя тамъ знаютъ всѣ.

ЗАРУЦКІЙ.

Царица! женщиной быть воину не должно:
Избавь!

МАРИНА.

Такъ надобно.

ЗАРУЦКІЙ.

Противиться ль красѣ?

(*Беретъ ракету и узелъ.*)

МАРИНА.

(*Показываетъ на ракету.*)

И ты пусти ее съ средины рощи этой.
Московски жители пускай на блескъ глядятъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Сейчасъ.

(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРИНА.

(*Одна.*)

Мнѣ прежнею порфирой быть одѣтой,
Я вижу, трудности ужасны предстоятъ;
Но духу бодрому нѣтъ терна для короны,
Нѣтъ невозможности для возвращенья царствъ.
Кто честолюбія хоть разъ позналъ законы,
Открыто поприще тому для всѣхъ коварствъ.
Что нужды, Трубецкой, Желтовскій полномочной,
Пожарскій, Владиславъ, Заруцкій ли какой?
Мужчины всѣ равны для женщины роскошной,
Кого ни озаритъ блескъ солнечный собой, —
Лишь цѣли бы достичь. Но идутъ... Удалюся.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Пожарскій, Мининъ, Палицынъ и нѣсколько воиновъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Здѣсь, вѣрные друзья, немного отдохнуть;
Я слово съ Трубецкимъ, и тотчасъ возвращуся.

(*Уходитъ съ воинами.*)

МИНИНЪ.

(*Вслѣдъ.*)

Но не замедли же.

ПАЛИЦЫНЪ.

Совѣта не забудь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніе, кромѣ Пожарскаго.

МИНИНЪ.

Ты жилъ въ Москвѣ, отецъ! Повѣждь, отколь крамолы
Произошли у насъ, что льютъ такъ нашу кровь?

ПАЛИЦЫНЪ.

Отъ окружающихъ бояръ царей престолы.
Какъ Грозный Іоаннъ нисшелъ во смертный ровъ,
На тронѣ по себѣ оставя скорбна сына,

Digitized by Google

Коварный Годуновъ, его супруги братъ,
Прельщенный симъ родствомъ и блескомъ знатна чина,
Смѣлъ возжи царскія въ злодѣйски руки взять
И, сладкой упоясь отравой высшей власти,
О скипетрѣ мечтать надменной сталъ душей.
Рѣшился, и въ своей пребеззаконной страсти
Царя съ наслѣдникомъ угрызъ, какъ лютый змѣй;
А послѣ ихъ тотчасъ, сестры черезъ лукавство,
Чрезъ казнь вельможъ, дары, войскъ подкупъ, лесть вездѣ,
Всеобщимъ яко бы избраньемъ сѣлъ на царство.
Но гнусныя дѣла чтобъ въ мутной скрыть водѣ
И сдѣлаться царемъ любезнѣйшимъ народу,
Онъ началъ послаблять господствующу власть
И черни попустилъ съ земель сбродить свободу;
Ввелъ откупы, мыты, развратъ, ко пьянству страсть;
Позволилъ грабежи, кощунства на святыню,
Соблазны чуждыхъ странъ въ престольный внѣдрилъ градъ,
Ихъ стражей окружилъ палатъ своихъ гордыню:
Какъ хищники коронъ, то жъ злы цари творятъ,
Не знавъ, что хитрыя и пагубны толь средства
Балуютъ, тлятъ народъ, и сѣмя всѣмъ бѣдамъ.
Такъ здѣсь и сдѣлалось: неправедны наслѣдства,
Невинныхъ слезы, кровь взнеслись лишь къ небесамъ,
Всталъ громъ изъ безднъ страстей, стрясъ предразсудковъ камень;
А ярый, буйный волъ, въ тмѣ спящій подъ ярмомъ,
Вдругъ съ привязи спущенъ. Тотъ бросилъ всюду пламень,
А тотъ рогами вмигъ все испровергъ вверхъ дномъ.
Тогда, тиранъ царемъ лишь новый появился,
Всѣ прочь отъ стараго; онъ съ сыномъ встрѣтилъ смерть.
Разстрига палъ чрезъ бунтъ. Вслѣдъ Шуйскій воцарился:
Бывъ тонкій царедворъ, слабъ царски бармы несть,
Блистая на низу, на высотѣ затмился. —
И кратко: тьма царей, чрезъ ковъ Поляковъ тотъ,
Сей чрезъ своихъ, какъ волкъ, вскочить въ чертогъ стремился;
Рвутъ плоть, льютъ нашу кровь.

МИНИНЪ.

Вотъ властолюбья плодъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Тамъ царь уже не царь, гдѣ разъ прервутъ ихъ возжи.

Digitized by Google

МИНИНЪ.

Вѣка пройдутъ въ войнахъ, тронъ троны погребетъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Отъ ухищренія единаго вельможи!

МИНИНЪ.

О горе намъ!

(Увидя блеснувшую ракету.)

Но что? звѣзда съ небесъ падетъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Всевышней силою денница въ мракъ валится:
Да нашихъ супостатъ затмится счастье такъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Пожарскій съ воинами.

ПОЖАРСКІЙ.

Съ различныхъ чтобъ сторонъ на городъ устремиться,
Мы передумали.

МИНИНЪ.

Съ своею силой всякъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Да.

МИНИНЪ.

Нѣтъ ли тутъ какихъ недружескихъ затѣевъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

А развѣ нужно быть по разнымъ вамъ мѣстамъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Мы силы раздѣлимъ чрезъ то своихъ злодѣевъ.

МИНИНЪ.

(Усмотря пожаръ въ Москвѣ.)

Ахъ! что это? — Пожаръ!

ПОЖАРСКІЙ.

Пресильный!

ПАЛИЦЫНЪ.

Казнь врагамъ.

(Въ сіе время слышится въ рощѣ откликъ разныхъ голосовъ.)

ПОЖАРСКІЙ.

Пойдемъ, пора!

(Хочетъ идти.)

Но что?

(Останавливается.)

Digitized by Google

РЕЧИТАТИВЪ.

(Разныхъ голосовъ, слышныхъ въ рощѣ.)

Здѣсь лѣсъ.
Мы здѣсь,
Туда,
Сюда,
Чтобъ намъ
Къ врагамъ
Не пасть
Бы въ пасть.

МИНИНЪ.

Будь остороженъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Марина и Заруцкій, первая въ мужскомъ платьѣ, какъ была́, а второй въ женскомъ и въ маскѣ, съ нѣсколькими гражданками изъ рощи выбѣгаютъ.

ХОРЪ ГРАЖДАНОКЪ.

Ай! помогите,
Бѣдныхъ спасите:
Губитъ пожаръ;
Домы, строенье,
Пищу, имѣнье
Пламень пожралъ.
Ай! помогите,
Бѣдныхъ спасите!

ПОЖАРСКІЙ.

Да что́ вы за люди?

МИНИНЪ.

Откуда?

ПАЛИЦЫНЪ.

И къ кому?

ПОЖАРСКІЙ.

Въ такомъ отчаяньи! И чѣмъ мы вамъ поможемъ?

МИНИНЪ.

Москва не наша вѣдь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Притомъ въ нощную тму.

ЗАРУЦКІЙ.

Вы можете помочь.

Digitized by Google

МАРИНА.

Вы добры, милосердны
И любите спасать.

МИНИНЪ.

Какъ? чѣмъ?

ПОЖАРСКІЙ.

Скажите намъ.

МАРИНА.

Вы видите пожаръ: анбары наши хлѣбны
Горятъ, сгорѣли ужъ; нѣтъ пищи и дѣтямъ.
Приходимъ подъ покровъ къ мужамъ толь благороднымъ
О милости просить.

ПОЖАРСКІЙ.

Какой?

МАРИНА.

Невинныхъ сихъ
И прочихъ бѣдныхъ спасть, позволивъ быть свободнымъ,
Изъ града и съ дѣтьми

ЗАРУЦКІЙ.

Спасть отъ напастей злыхъ.

МАРИНА.

(Указывая на Заруцкаго.)

Вотъ здѣсь моя жена, гражданки вотъ другія:
Ахъ, сжальтесь!

(Про себя.)

Какъ хорошъ! и, можетъ быть, влюбленъ!

ЗАРУЦКІЙ.

Отрите токъ съ очей, отъ сердца скорби злыя!

МИНИНЪ.

Я худо вѣрю вамъ.

ПОЖАРСКІЙ.

(Глядя на плачущихъ гражданокъ.)

Прекрасныхъ слезы женъ
Какъ стрѣлы въ сердце мнѣ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чего себѣ хотите,
Творите то другимъ.

МИНИНЪ.

Да, такъ въ заповѣдяхъ.

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

Все сдѣлаю для васъ; скорѣе лишь пришлите
Отъ Думы къ намъ пословъ: я женъ, дѣтей не врагъ.

ХОРЪ ГРАЖДАНОКЪ.

О, какъ великодушны
Россійскія сердца!
Всѣмъ доблестямъ послушны,
Подобіе Творца!
Сколь въ браняхъ храбры, тверды,
Столь къ бѣднымъ милосерды,
Склонны къ добру душой.
Такъ всякъ изъ нихъ герой!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ на Трехъ Горахъ густую еловую рощу. Сквозь просѣки видны: на лѣвой рукѣ вдали Москва, на правой поля съ жатвою и деревня; а посреди Москва-рѣка и чрезъ нее прямо къ зáмку Маринину мостъ. Все сіе освѣщено луною.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пожарскій и Трубецкой ходятъ между деревьями въ задумчивости, не видя другъ друга, и появляются порознь.

ПОЖАРСКІЙ.

Какое сходство! Съ кѣмъ? Придумать не умѣю.
Разительны красы, пріятный, нѣжный взоръ,
Какъ дѣва юная! И коль представить смѣю,
То видѣлъ, видѣлъ я сихъ прелестей соборъ!
Но гдѣ? Не тамъ ли?—Да, какъ въ пышной колесницѣ
На сребробліещущихъ осми она коняхъ
Невѣстой ѣхала Лжедмитрія къ столицѣ.
Не братъ ли то ея? — Иль не сама ли, ахъ!
Съ тѣхъ поръ живущая въ мечтахъ моихъ Марина?
Я тѣло излѣчилъ, но духа раны — нѣтъ.
Не для меня ее произвела судьбина;
Но царствуя она въ душѣ моей живетъ.
Хоть съ брани я тогда безъ чувствъ былъ извлеченнымъ,
Всесильный взглядъ ея остался во умѣ;
Я помню только то, что ей былъ побѣжденнымъ;
Въ ней божество мое! — Но гдѣ? въ какой я тмѣ?

(*Уходитъ за деревья.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

ТРУБЕЦКОЙ.

(*Выходя съ другой стороны.*)

А гдѣ же мой гетманъ? — Ко мнѣ не возвратился.
Мнѣ надобно ему нашъ планъ тотъ сообщить,
Что съ разныхъ мѣстъ идти Пожарскій согласился
Для приступа къ Москвѣ: то онъ бы поступить
Готовъ былъ по тому. Ужель тѣмъ на измѣну
Отчизны посягнемъ? — Нѣтъ, нѣтъ; а только бъ намъ
Унизить Минина съ Пожарскимъ рать надменну.
Соревнованіе простительно вождямъ:
Не смѣетъ надъ другимъ искать кто превосходства,
Вѣкъ черепахой ползть тотъ будетъ предъ орломъ.
Лишь честолюбіе знакъ вѣрный благородства.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тотъ же и Заруцкій.

ТРУБЕЦКОЙ.

(*Увидя Заруцкаго.*)

А! ты, Заруцкій, здѣсь со мной въ лѣсу одномъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Такъ, здѣсь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Отколь и какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Не скрою по знакомству:
Съ Мариною. Пришелъ ей планъ нашъ сообщить,
Гдѣ бъ укрѣпить имъ градъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ? Это къ вѣроломству
Уже толь явный шагъ!

ЗАРУЦКІЙ.

Но иначе отбить
Войскъ ревностныхъ приступъ какъ отъ защиты слабой?
Какъ безъ лукавства здѣсь кому поверхность взять?

ТРУБЕЦКОЙ.

О! это много ужъ.

Digitized by Google

ЗАРУЦКІЙ.

Мечтательной отрадой,
Безъ вѣрныхъ, сильныхъ мѣръ, смѣшно себя ласкать.
Какое важное въ томъ будетъ преступленье,
Что ихъ оттонятъ прочь? — Отечество спасать
Не остаемся ль мы со войскомъ въ подкрѣплёнье?
Я бъ думалъ сверхъ того нарочно завлекать
Противоборника въ такое положенье,
Чтобъ онъ разнѣжился, разслабъ и отдалъ власть
Тебѣ свою бы самъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ?

ЗАРУЦКІЙ.

Чрезъ обольщенье.

ТРУБЕЦКОЙ.

Чрезъ что?

ЗАРУЦКІЙ.

Чрезъ страсть любви.

ТРУБЕЦКОЙ.
(*Усмѣхаясь.*)

И впрямь, коль навязать
На шею изъ цвѣтовъ цѣпь страшному герою:
Не наша бы тогда, его была вина.

ЗАРУЦКІЙ.

Не безпокойся жъ, князь: все сдѣлано то мною;
Волшебствъ царицы здѣсь наполнена страна;
Пожарскій заведенъ мечтами въ рощу эту,
И въ разныхъ помыслахъ въ ней бродитъ,
(*Улыбаясь.*)
какъ и ты.

ТРУБЕЦКОЙ.
(*Въ смятеніи.*)

Какъ я?

ЗАРУЦКІЙ.

Не бойся, князь! Хотя бъ и ты ту жъ мѣту
Имѣлъ, какую я, то стрѣлы красоты
Ужъ не для нашихъ лѣтъ. Мы въ силахъ остеречься;
А пылкій юноша впадетъ какъ въ эту сѣть,
Не скоро отъ любви захочетъ онъ отречься;
Тогда . . .

Digitized by Google

ТРУБЕЦКОЙ.

О хитрый мужъ! благодарить силъ нѣтъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Все знаешь ты теперь: какъ я пойду къ Маринѣ,
Чтобъ прелести свои и чары всѣхъ заразъ,
Какъ тонкіе силки, разставила бы нынѣ.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТРУБЕЦКОЙ.

(*Одинъ.*)

Лукавый человѣкъ! Онъ обольщаетъ насъ.
Пожарскій хоть мнѣ врагъ, хоть мнѣ во всемъ соперникъ,
Но благороденъ онъ; а этотъ аспидъ злой,
Подъ видомъ мнѣ услугъ, есть истинный измѣнникъ;
Коварства полонъ онъ и презираемъ мной!
Не худо бъ было мнѣ царицыно посредство;
Замысловатъ въ ней умъ, ея прелестенъ зракъ.

(*Уходитъ за деревья.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЖАРСКІЙ.

(*Опять является.*)

Дорогу потерялъ. — Или какое бѣдство
Приготовляетъ рокъ? Тѣнь лунна, блѣдный мракъ,
Трескъ — ходятъ по пятамъ, и дебрей сплетенье
Вокругъ меня вездѣ. Но что со мной ни будь,
Для добродѣтели, Россіи для спасенья,
Нигдѣ сія ничѣмъ не устрашится грудь.
Возстань противъ меня вся тартара утроба:
Подъ вѣры, вѣрности и правоты щитомъ
Иду, не устрашась, и въ самую сѣнь гроба!
Москву освобожду, и вся награда въ томъ!
Да и какого жъ ждать возмездія мнѣболѣ?
Когда бъ я только могъ отечество спасти,
Природнаго царя увидѣть на престолѣ,
И вѣру и законъ и Россовъ вознести
На прежню высоту величія и славы:

Digitized by Google

О верхъ желанія, край подвигамъ моимъ!
Отечество! когда твой духъ днесь слабъ и нравы,
А мнѣ любезенъ прахъ, пріятенъ твой и дымъ[5]:
То съ чѣмъ сравняю я ту радость, восхищенье,
Какъ если вкругъ себя увижу свой народъ
И въ лаврахъ средь торжествъ и пальмъ во отѣненьѣ?
Благъ смертнымъ выше сихъ и небо не даетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Пожарскій и Трубецкой.

(*Встрѣчаются.*)

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ, юный вождь! ты здѣсь?

ПОЖАРСКІЙ.

Чтобъ сну не предаваться,
Одумать жребій нашъ во предстоящій день,
Пришелъ сюда одинъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вождямъ уединяться
И мыслить надобно.

ПОЖАРСКІЙ.

Сквозь лѣсъ и нощи тѣнь
Луна, своимъ лучемъ поверхъ воды сверкая,
Увеселяла мой вдали сіяньемъ взоръ,
Симъ славу нашихъ дѣлъ въ потомствѣ представляя,
Я, такъ задумавшись, сюда зашелъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сихъ горъ
И бора мрачна тѣнь лежала предо мною,
Какъ съ Хорошевскихъ я пошелъ сюда жъ луговъ.
Храмъ вѣчности вдали, покрытый страшной тмою,
Представился мнѣ въ нихъ. Ахъ! въ морѣ семъ гробовъ,
Я рекъ, потонетъ все. — Сей блескъ луча златаго,
Какъ наши всѣ дѣла и слава, — всѣ помремъ.
Лишь наше счастье днесь...

ПОЖАРСКІЙ.

Нѣтъ счастья намъ инаго,
Какъ общее; и сшедъ со славой въ гробъ, живемъ.

Digitized by Google

ТРУБЕЦКОЙ.

Вождь юный! ты еще во всемъ не искусился.
Знай: слава съ счастьемъ, царствъ лишь вольныхъ входитъ въ кругъ:
Рабъ подъ владыкой — рабъ, хотя бъ и отличился;
Способность, умъ — ничто, и сильный дремлетъ духъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Свѣтлѣйшихъ предковъ сынъ, монархами сіявшихъ!
Какая чернота твой разумъ нынѣ тмитъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Нѣтъ, такъ я говорю. Когда бъ что предпріявшихъ
Насъ ожидалъ успѣхъ; но какъ уже синклитъ
На царство пригласилъ изъ Польши Владислава,
То тщетно прилагать Москвы къ свободѣ трудъ;
А напротивъ того и скипетръ и держава
Отъ нашихъ рукъ ему съ покорностью дойдутъ,
И упадемъ предъ нимъ, какъ дворъ весь раболѣпный;
Щедроты отъ него мы многи пожнемъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Предъ вихремъ дубъ падетъ скорѣе многолѣтный,
Предъ чужероднымъ чѣмъ сей юный Россъ царемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Кумиръ коль нуженъ, всякъ равенъ для поклоненья.

ПОЖАРСКІЙ.

Отцовъ моихъ отцу колѣно лишь склоню.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но Карла самъ ты звалъ отъ Готѳовъ[6] для правленья:
То Шведъ, или Полякъ равенъ для русскихъ, мню.

ПОЖАРСКІЙ.

Безгрѣшное сіе употребя коварство,
Россію я спасалъ другихъ племенъ враждой,
Не думая отдать нимало Шведу царство.
Мнѣ всякій тотъ кумиръ, кто не почтенъ душой.

ТРУБЕЦКОЙ.

Кумиръ мой первый — я; отчизна мнѣ, гдѣ благо.
О юноша! сбирай съ трудовъ и счастья плодъ!
Безпечнымъ о себѣ пространство міра наго,
Раскаянье назадъ дней прошлыхъ не ведетъ.

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

Гдѣ жъ честность, вѣра, князь! Гдѣ слава, добродѣтель?

ТРУБЕЦКОЙ.

Все въ насъ. Жить для себя.

(*Отворачивается.*)

ПОЖАРСКІЙ.

Прекрасный образъ думъ!

(*Въ сторону.*)

Такъ деревомъ гнилымъ бываетъ идолъ свѣтелъ.

(*Слышны по лѣсу зовъ рога, лай псовъ и порсканье охотниковъ.*)

РЕЧИТАТИВЪ.

(*Въ рощѣ.*)

Ступай!
Сзывай
Съ лѣсовъ
Всѣхъ псовъ
На край.
Ай, ай!

ПОЖАРСКІЙ.

Чтò слышу?—Не рога ль, лай псовъ, охоты шумъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Не время, кажется, охотой забавляться.

ПОЖАРСКІЙ.

Подъ лунный развѣ блескъ, шутя...

ТРУБЕЦКОЙ.

Быть можетъ, впрямь,
Что царедворцы здѣсь съ царицей веселятся,
Въ звѣринцѣ, въ домѣ семъ, она своимъ друзьямъ
Веселье, говорятъ, вседневно вымышляетъ;
Въ различныхъ рѣзвостяхъ проводитъ часто ночь,
И тѣша всѣхъ, сама въ любви и нѣгѣ таетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Показывается по Москвѣ-рѣкѣ яхта, разноцвѣтными фонарями расцвѣченная, подъ польскимъ маршемъ, которая пристаетъ къ берегу по той сторонѣ моста; и Марина, съ факелами, въ свитѣ мужчинъ и женщинъ, въ охотничьемъ платьѣ, сходитъ съ нея; а Заруцкій со стороны къ ней присоединяется.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ видно такъ, она!

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

Не удалится ль прочь?

ТРУБЕЦКОЙ.

Почто жъ? — Бояра къ ней московски пріѣзжаютъ.
Кто что̀ ни говори, а звѣзды средь небесъ,
Которыя хотя минуту поблистаютъ,
Ужъ замѣчательны.

ПОЖАРСКІЙ.

Пусть такъ.

(*Про себя.*)

Ея ль очесъ
Свирѣпая стрѣла мнѣ сердце поразила?

(*Трубецкому, глядя на Заруцкаго.*)

Но кто же Русскій тамъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Товарищъ это мой,
Казачій атаманъ.

ПОЖАРСКІЙ.

(*Взглянувъ на подходящую Марину, про себя.*)

Она меня плѣнила!

(*Хочетъ уйти.*)

МАРИНА.

Куда сей отъ меня бѣжитъ младой герой?

(*Трубецкому.*)

Повѣдай, князь, ему ты нашей Польши нравы:
Во храбрости своей сумниться тотъ велитъ,
Кто отъ красотъ себѣ не снискиваетъ славы.
Безспорно, мужество въ сраженіяхъ васъ льститъ;
Не меньше жъ надобно и между женъ геройство,
Чтобы умѣть своимъ повелѣвать страстямъ.
Притомъ блаженныхъ душъ веселіе есть свойство;
Есть часъ прискорбія, есть часъ отрады намъ;
Потѣшьтеся; — а тамъ Кремля летѣть на стѣны
Я не препятствую: платите долгу дань.

ТРУБЕЦКОЙ.

Извѣстенъ намъ твой нравъ привѣтливый и нѣжный;

(*Указывая на Пожарскаго.*)

Но сей, царица, вождь за кознь сочтетъ пріязнь.

ПОЖАРСКІЙ.

Я? Нѣтъ.

Digitized by Google

ЗАРУЦКІЙ.

Порукой въ томъ моею головою.

ТРУБЕЦКОЙ.

Здѣсь не нужна она.

ПОЖАРСКІЙ.

Царица побѣждать
Гдѣ можетъ всѣхъ сердца умомъ и красотою...

МАРИНА.

Коль эта истина...

ПОЖАРСКІЙ.

Не можно тамъ ласкать,
Гдѣ обожаютъ всѣ.

МАРИНА.

Весьма вамъ благодарна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Позвольте жъ съ вами намъ утѣхи раздѣлить.

МАРИНА.

Со удовольствіемъ.

(*Громогласно.*)

Будь роща лучезарна!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Съ симъ словомъ роща и зáмокъ освѣщаются, изъ коихъ послѣдній, подобно транспаранту, сквозь сіяетъ; по срединѣ рощи ели и сосны исчезаютъ, а появляется тутъ въ сторонѣ софа. По оставшимся деревьямъ кругомъ сидятъ Амуры съ колчанами. Съ крыльца дома сходятъ Сильфы, Сильфиды, Нимфы, Сатиры и прочіе духи, которые въ балетѣ представляютъ увеселеніе Армиды съ Ринальдомъ.

ХОРЪ СИЛЬФОВЪ И ПРОЧИХЪ.

Здѣсь храмъ любви и утѣшенья,
Суетъ забвенья и заботъ:
Вкушай, о смертный! наслажденья,
Доколѣ жизнь твоя цвѣтетъ.
Оглянешься, и нѣтъ ужъ цвѣта;
Довольствуйся твоимъ часомъ.

ПОЖАРСКІЙ.

(*Про себя.*)

Какихъ красотъ соборъ!

ЗАРУЦКІЙ.

(*Къ Маринѣ.*)

Царица утомить
Могла себя, пробывъ весь вечеръ на охотѣ.

Digitized by Google

МАРИНА.

Мы сядемъ лучше сей забавы посмотрѣть.

ТРУБЕЦКОЙ.

Когда угодно то...

ПОЖАРСКІЙ.

Богининой щедротѣ.

(*Марина, взявъ Пожарскаго и Трубецкаго за руки, садится съ ними на софу, обращаяся къ тому и другому ласками своими; а Заруцкій въ сторонѣ показываетъ ревность.*)

ЗАРУЦКІЙ.

(*Въ сторону*).

Ужъ слишкомъ ласково, нѣтъ больше силъ терпѣть!

МАРИНА.

(*По окончаніи балета вставъ.*)

Вотъ древни витязи, искавшіе тожъ славы
Во браняхъ, какъ и вы, такъ провели ихъ дни;
Но если тѣшили подобны ихъ забавы,
Не забывали, мню, и яствъ притомъ они.

(*Взявъ ихъ по прежнему, уводитъ въ зáмокъ подъ польскимъ маршемъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Роща становится по прежнему. Освѣщеніе и всѣ являвшіяся существа исчезаютъ, а токмо сіяетъ вдали зáмокъ и слышна музыка. Палицынъ показывается изъ-за деревъ съ трубою въ рукахъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(*Одинъ.*)

И здѣсь его ужъ нѣтъ. Но, чу! гремитъ музыка,
Ликуетъ юность средь забавъ своихъ, пріятствъ;
Полки въ слезахъ, а вождь между прелестницъ лика:
О роскошь! о развратъ! Сколь пало вами царствъ.

(*Уходитъ паки въ рощу.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЗАРУЦКІЙ.

(*Выбѣгая съ безпокойствомъ.*)

Мнѣ показалося, какъ будто кто здѣсь крался:
Не соглядатай ли какой ужъ насъ слѣдитъ?
Пожарскій божествомъ своимъ очаровался,
И Трубецкой въ глаза ей безъ ума глядитъ;
Источница пріятствъ и милаго коварства,

Digitized by Google

Марина вдругъ на нихъ надѣть умѣла цѣпь;
Лежать у ногъ ея. — Но что-то блескъ боярства
Ей очень нравится. Прелестница! Я слѣпъ,
Но мнѣ коль предпочтешь своей ты ихъ любовью:
Свирѣпствомъ, местью желчь всклокочетъ какъ смола,
По селамъ брошу огнь, улью Москву всю кровью,
Усѣю трупами я степь, и вѣчна мгла
Вослѣдъ измѣнѣ сей, вослѣдъ убійству злому,
Покроетъ всѣ мѣста. — Но ужъ изъ тмы восшелъ
Свѣтъ солнечный: пора идти мнѣ къ Трубецкому,
Взять въ станъ его съ собой.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Театръ перемѣняется и представляетъ, при восходѣ солнечномъ, въ узорочномъ саду каменную пещеру, близъ которой шумитъ водометъ. На дерновой скамьѣ спитъ Пожарскій. Въ головахъ съ цитрою сидитъ Марина; Нимфы подъ деревьями дремлютъ; двѣ же изъ нихъ тонкою бѣлою кисеею, простертою надъ Пожарскимъ, помавая, защищаютъ его отъ яркихъ лучей солнечныхъ.

ДВѢ НИМФЫ

(*Тихо, сопровождаясь цитрою Марины, поютъ.*)

Солнце, лучи
Тихо мечи;
Дуй чуть, Зефиръ,
Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь, средь цвѣтовъ,
Царствуй, Любовь!

ПАЛИЦЫНЪ.

(*Глядя на Пожарскаго изъ-за деревъ вдалекѣ.*)

Виновница всѣхъ золъ!
Бѣсъ въ свѣтломъ ангелѣ! Какъ обольстить столь можно!
Въ Иродіадинъ садъ его ты скрыла свой.
Вотъ сихъ-то лютыхъ стрѣлъ мужамъ бояться должно;
Отъ женскихъ прелестей палъ не одинъ герой.

(*Трубитъ въ трубу, Пожарскій во снѣ вздрагиваетъ.*)

НИМФЫ.

(*Повторяютъ.*)

Солнце, лучи
Тихо мечи;

Digitized by Google

Дуй чуть, Зефиръ,
Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь, средь цвѣтовъ,
Царствуй, Любовь!

(Палицынъ трубитъ еще. Пожарскій пробуждается, а Нимфы сбѣгаются къ Маринѣ.)

ПОЖАРСКІЙ.

Я слышу гласъ трубы, и солнце такъ высоко!
Но гдѣ товарищи? — Ахъ, ихъ со мной ужъ нѣтъ!

МАРИНА.

Тебѣ мечтаетъ слухъ, обманываетъ око;
А день едва насталъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Трубитъ третій разъ и выходитъ на сцену.)

Отечество зоветъ!

ПОЖАРСКІЙ.

(Бросаясь къ нему.)

Аврамій! это ты?

(Закрывая глаза.)

Несносная укора!

(Убѣгаетъ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Вслѣдъ его.)

Такъ путы разорвавъ, летитъ къ звѣздамъ орелъ.

(Уходитъ за Пожарскимъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Марина и Нимфы.

МАРИНА.

Не могъ снесть моего, о малодушный, взора,
И духу мнѣ сказать *прости* онъ не имѣлъ.
Увы!

ХОРЪ НИМФЪ.

(Вслѣдъ Пожарскому.)

Остановися на минуту,
Младой, прекраснѣйшій герой!
Уйми царицы скорбь ты люту,
Отри токъ слезъ твоей рукой.
Быть можно ль такъ неблагодарнымъ,

Digitized by Google

Мертвить за нѣжность, за любовь?
О красота! очамъ печальнымъ
Блескъ возврати скорѣй свой вновь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ Кремль между Троицкою и Боровицкою башнями съ наружности. Изъ Москвы выѣзжаетъ, съ одной стороны, обозъ осажденныхъ русскихъ бояръ и польскихъ вельможъ, съ ихъ женами, дѣтьми и богатствомъ, подъ предводительствомъ двухъ польскихъ пословъ. Марина, въ числѣ ихъ, покрыта бѣлою кисейною фатою. Съ другой стороны, войско Пожарскаго подъ ружьемъ, подъ командою Минина, съ бердышемъ стоящаго. Въ сторонѣ подъ деревомъ большой камень.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ ЖЕНЪ И ДѢТЕЙ.

Великодушный мужъ! тронися
Невинныхъ женъ, дѣтей мольбой;
На слезы наши преклонися,
Будь нашъ покровъ, отецъ, герой;
Пусти изъ облежима града;
Отъ смерти насъ спаси и глада.

МИНИНЪ.

Нѣтъ, безъ вождя я васъ пустить не смѣю.

1-Й ПОСОЛЪ.

Намъ дозволеніе объявлено его.

МИНИНЪ.

Могло то быть.

2-Й ПОСОЛЪ.

Будь благъ, какъ Богъ.

МИНИНЪ.

Не разумѣю.

1-Й ПОСОЛЪ.

Да слава возблеститъ всѣмъ сердца твоего

2-Й ПОСОЛЪ.

Почтенье воздаетъ такимъ вождямъ вселенна,
Чьи нѣжны чувствія и мужественъ чей духъ.

1-Й ПОСОЛЪ.

И чья душа, къ врагамъ на милость обращенна...

МАРИНА.

Чтитъ юность и красы.

Digitized by Google

МИНИНЪ.
(*Отворачивается.*)
Къ такимъ я баснямъ глухъ.
Я не привыкъ, и лесть всегда презрѣнна мной.
Довольно, я сказалъ: безъ вождя не пущу.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Пожарскій и Палицынъ.

МИНИНЪ.
(*Увидя Пожарскаго*).
Гдѣ сынъ отечества, намъ избранный главою?
ПОЖАРСКІЙ.
Онъ здѣсь! — Сейчасъ его тебѣ я возвращу;
Къ побѣдѣ надъ собой признанье шагъ.
МИНИНЪ.
Дай, Боже!
ПОЖАРСКІЙ.
Что надобно тебѣ?
ПАЛИЦЫНЪ.
Единый гласъ трубы
Духъ пылкій, юну кровь потрясъ утѣхъ на ложѣ.
МИНИНЪ.
(*Про себя.*)
Но лучше бъ тамъ не быть.
(*Къ Пожарскому.*)
Мнѣ что на ихъ мольбы?
ПОЖАРСКІЙ.
Ужъ это рѣшено.
МИНИНЪ.
Но градъ симъ защищаться
Получитъ больше силъ.
ПАЛИЦЫНЪ.
Слабѣетъ духъ отъ женъ.
ПОЖАРСКІЙ.
Мы не пришли сюда со слабыми сражаться.
Чѣмъ грознѣе враги, тѣмъ намъ славнѣи ихъ плѣнъ.
МИНИНЪ.
Сокровище везутъ.

Digitized by Google

ПОСЛЫ.

Мы жертвуемъ казною.

ПОЖАРСКІЙ.

Разбойникамъ, звѣрямъ добычей лестенъ ловъ.
Я не хочу богатствъ: пускай везутъ собою;
Неправедное — прахъ.

МИНИНЪ.

(*Къ Палицыну.*)

Онъ милуетъ враговъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Великодушіе за зло не признается.

ХОРЪ ТѢХЪ ЖЕ.

Прямой герой не жаденъ къ злату,
Его богатство умъ и духъ;
Прими въ сердцахъ ты нашу плату,
Враговъ великодушный другъ!

МАРИНА.

(*Раскрывая фату, тихо.*)

Неблагодарнѣйшій! — И, не простясь, ушолъ!
Минуту на себя хоть дай мнѣ наглядѣться.
Вотъ та рука, взойдешь которой на престолъ.

ПОЖАРСКІЙ.

(*Увидя ее, содрогается, про себя.*)

О сила прелестей!

(*Колеблясь.*)

Увы, изнемогаю!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и гонецъ, съ письмомъ Палицыну.

ПАЛИЦЫНЪ.

(*Читаетъ.*)

«Изъ Вязьмы третій день пошелъ въ Московскій край
«Съ Желтовскимъ Владиславъ... Я васъ увѣдомляю.»
Вотъ вѣсть!

МИНИНЪ.

Напасть!

МАРИНА.

(*Тихо Пожарскому.*)

Они мои друзья...

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

(Выхватя мечъ, къ войску.)

Ступай!

(Войски ударяютъ походъ и подъ слѣдующимъ маршемъ движутся въ одну, а обозъ въ другую сторону.)

ХОРЪ ВОЙСКЪ.

Кипи въ сердцахъ россійскихъ кровь,
Ступайте, вѣры, чести чада!
Зоветъ къ отечеству любовь
Престольнаго въ защиту града;
Природна ввесть царя въ чертогъ,
Святыню въ храмы, блескъ престолу,
Смирить въ землѣ раздоръ, крамолу —
Ступайте, Россы: съ вами Богъ!

(Всѣ съ войсками уходятъ, кромѣ Марины и Палицына.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марина и Палицынъ.

МАРИНА.

Жестокій, варваръ, тигръ, никѣмъ неумолимый!
Ни малой страстію ко мнѣ онъ не горѣлъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Къ чему, царица, гнѣвъ твой толь неукротимый?
Зачѣмъ ты здѣсь? — Желай, чтобъ онъ успѣхъ имѣлъ,
Когда любимъ тобой.

МАРИНА.

О старче, мнѣ зловредный!
Такъ ты-то у меня исторгъ его изъ рукъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На правый путь.

МАРИНА.

Но какъ же льститься, дерзновенный!
Чтобъ мой послѣ сего къ нему былъ склоненъ духъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ты любишь ли его?

МАРИНА.

Пусть такъ. — Но что порфиру
Онъ днесь надѣнетъ мнѣ, сѣдымъ твоимъ челомъ
Ты мнѣ клянись.

Digitized by Google

ПАЛИЦЫНЪ.

Не вѣмъ.

МАРИНА.

Такъ знай: всему я міру
Владычица, и мнѣ послушны молньи, громъ.

(Сдергиваетъ съ себя фату, машетъ и убѣгаетъ, отъ чего поднимается вѣтеръ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Вслѣдъ ея.)

Ахъ, сгинь, треклятая!

ЯВЛЕНІЕ V.

Палицынъ и Мининъ, а за послѣднимъ нѣсколько воиновъ несутъ желѣзный сундукъ и кису.

МИНИНЪ.

Полкъ вражій опрокинулъ
Пожарскій, будто левъ, взбѣжавъ съ мечемъ на валъ;
Но зря, что градскій вождь въ тылъ конницу всю двинулъ,
Мнѣ казаками ихъ отрѣзать приказалъ.
Да воръ Заруцкій намъ ихъ въ помощь не пускаетъ,
Сказавъ, что онъ безъ мзды не дастъ своихъ полковъ;
И Трубецкой чего, не знаю, поджидаетъ,
Стоитъ, не движется. — О горе! знать, что ковъ
Какой у нихъ на насъ. Провѣдай, преподобный;
Тебя послушаютъ: сходи, уговори;
Вотъ я казну принесъ: казаки къ злату склонны.

ПАЛИЦЫНЪ.

И мнѣ сокровища свои монастыри
Съ усердьемъ ввѣрили на случаи несчастны:
Коль мало вамъ казны, возьми къ себѣ ты ихъ.

МИНИНЪ.

Коль мы съ тобой душой и сердцемъ такъ согласны,
То ссыплемъ вмѣстѣ кладъ мы и богатствъ своихъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Сдвигаетъ подъ деревомъ лежащій камень и вынимаетъ большую церковную кружку.)

Корвана[7] церкви здѣсь.

МИНИНЪ.

Угодно ли то небу?
Когда ее возьмемъ, не согрѣшимъ ли симъ?

Digitized by Google

ПАЛИЦЫНЪ.

На крайню ежели народную потребу
Ее мы праведно и свято обратимъ:
Пріятнѣй Богу то, чѣмъ ѳиміамъ курится.

(Мининъ, вынимая мѣшокъ съ червонцами, а Палицынъ жемчугъ, ссыпаютъ въ кису; остальное же и кружку заперши въ сундукъ, уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Заруцкій, съ нѣсколькими казаками, съ поспѣшностію выбѣгаетъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Тутъ Мининъ казначей и съ нимъ сѣдой старикъ
Съ народною казной навѣрно должны крыться:
Ищите! — И отъ нихъ, платежъ какъ ни великъ,
Кто взять изъ васъ дерзнетъ, умреть на мѣстѣ казни.

(Грозя булавою.)

Ищите, и ко мнѣ представьте ихъ сейчасъ!

(Казаки уходятъ съ поспѣшностію, а онъ въ ярости.)

О! еслибъ святости въ личинѣ и пріязни
Попался мнѣ ханжа!

(Глядитъ вдаль.)

Когда не лжетъ мой глазъ,
Казаки врозь бѣгутъ: знать, взятъ кто ихъ толпою.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Съ другой стороны пробѣгаетъ чрезъ театръ, предводительствуя казачьею дружиною, Межаковъ, изъ средины которой, въ трепетѣ, задыхаясь, выходитъ Палицынъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Одинъ.)

Отъ ищущаго здѣсь врага души моей
Невидимой покрытъ Господней я рукою:
Намъ сила Божія всегда людской вѣрнѣй.
Надежда наша въ Немъ. — Послалъ намъ Межакова:
Онъ скрылъ меня.

(Слышна вдали буря и гроза)

Но что за бурный слышу ревъ?
Неужель чары то царицы, духа злаго?
Или за бисеры церковны неба гнѣвъ?

(Становясь на колѣни, вздымаетъ руки къ небу.)

О Боже силъ! Тебѣ стихіи всѣ покорны,

Digitized by Google

Простри Свой свыше перстъ, да сей ужасный громъ
И молньи ниспадутъ на вражій сонмъ злотворный,
И возблеститъ Москва златымъ своимъ челомъ!

(Увидя Трубецкаго, встаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тотъ же; Трубецкой и Заруцкій бѣгутъ другъ за другомъ, сражаяся одинъ мечемъ, а другой булавою, въ преслѣдованіи воиновъ и казаковъ, сражающихся же; изъ коихъ первый, выбивая у втораго изъ рукъ его булаву, схватываетъ за воротъ и повергаетъ на землю. Казаки разбѣгаются.

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣй! Такъ это ты, изъ столь друзей мнѣ близкихъ,
Который тайною засадой казаков̀ъ
Смялъ Минина въ расплохъ, и мнѣ въ долинахъ низкихъ
Разставилъ-было свой бездѣльническій ковъ?
Я на тебя давно смотрѣлъ; но русскимъ царствомъ
Съ Пожарскимъ чрезъ вражду тебѣ не завладѣть.
Скажи всю истину: зачѣмъ съ такимъ нахальствомъ
Меня съ опричными ты вкругъ сталъ объѣзжать?

(Замахиваясь мечемъ.)

Скажи мнѣ, извергъ! Смерть въ рукѣ моей готова.

ЗАРУЦКІЙ.

(Сѣвши.)

Чт̀о знать желаешь ты? Коль ты того не зналъ,
Спроси то у себя или у Годунова.

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ замыслъ свой куда онъ простирать дерзалъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

(Заминая рѣчь.)

Такъ и Пожарскаго заводчикъ ты убійства?

ЗАРУЦКІЙ.

(Потупя глаза въ землю.)

Хотя бъ...

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣйствомъ симъ готовилъ казнь себѣ.

(Въ сторону.)

Подъ стражу съ плѣнными!

(Воины, поднявъ Заруцкаго, уводятъ.)

Digitized by Google

ПАЛИЦЫНЪ.

(*Вслѣдъ его.*)

О демонъ кровопійства!

(*Трубецкому.*)

Но живъ ли Мининъ нашъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Благодаря судьбѣ,
Онъ бердышемъ своимъ, какъ межъ цвѣтовъ косою,
Блисталъ, косилъ главы и ужасъ несъ врагамъ.
Но подъ мостъ было онъ незапною толпою
Едва не сверженъ былъ, какъ я... Да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Мининъ.

МИНИНЪ.

О князь! скажи скорѣй, чѣмъ конченъ бой твой зѣльной?
Я за тебя дрожалъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты видишь, я здоровъ.
Но городъ что?

МИНИНЪ.

Какъ понтъ во бурѣ пребезмѣрной
Кипитъ, валы летятъ противъ другихъ валовъ.
Пойдемъ и подкрѣпимъ.

(*Уходятъ. Молнія и громъ отчасу умножаются. Между ударами слышна пальба, гласъ тревожный трубъ и барабановъ, и напослѣдокъ клики воинства; а знамена по стѣнѣ движутся туда и сюда.*)

РЕЧИТАТИВЪ ВОЙСКЪ.

(*За кулисами.*)

Трясется гора,
Колеблются стѣны:
Сюда всѣ знамены.
Сюда всѣ! ура!
Ра, ра, ра, ра...

ПАЛИЦЫНЪ.

О Боже! дай побѣду.

(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ X.

Сильный ударяетъ громъ, и часть стѣны кремлевской отъ Троицкихъ воротъ съ угломъ до Москвы-рѣки разваливается. Театръ представляетъ во внутренности Ивановской площади налѣво Красное крыльцо и Успенскій соборъ, направо Архангельскій; а посреди прямо колокольню Ивана Великаго. Предъ ней круглый столъ, накрытый червленымъ бархатомъ съ золотою бахрамою. На немъ на златыхъ блюдахъ регаліи царскія. Вкругъ его сидитъ Дума бояръ. По стѣнамъ зданій на скамьяхъ сидятъ Жильцы московскіе, какъ-то: Дворяне, Стряпчіе и Гости торговые; на башнѣ и по кровлямъ народъ. Марина, въ царской одеждѣ, подъ багрянымъ покрываломъ, скрывается между вельможъ на Красномъ крыльцѣ. На сценѣ по обѣ стороны стола Пожарскій, Трубецкой, Палицынъ и Мининъ, а Заруцкій въ сторонѣ въ цѣпяхъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Благодарю Творца: Москва свобождена.

ТРУБЕЦКОЙ.

Врагъ прогнанъ изъ Кремля.

МИНИНЪ.

Ужъ нѣтъ его и слѣду.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но безъ главы теперь отечества страна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіяющій синклитъ! Сонмъ царственна совѣта!
Днесь нужно намъ рѣшить: какой правленья родъ
Удобнѣй можетъ быть для блага полусвѣта?
Примѣры многіе вселенная даетъ.
Римъ славно чрезъ сенатъ владѣлъ надъ всей вселенной:
Не сближиться ли намъ къ правленію сему?

ПОЖАРСКІЙ.

Въ ограду отъ толпы мятежной, разъяренной,
И тамо часто власть ввѣрялась одному.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не токмо въ бурну нощь, какъ съ ревомъ страшны волны
Восходятъ до небесъ, и безднъ падутъ во мглу,
Но плавать по морю въ дни ясны и покойны,
Единъ искусный вождь потребенъ кораблю.

ТРУБЕЦКОЙ.

Такъ изберемъ царя.

МИНИНЪ.

Съ согласія народа.

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

И я...

ТРУБЕЦКОЙ.

(*Громогласно къ народу.*)

Внемли, народъ! Царя вамъ, иль вельможъ?

НАРОДЪ.

РЕЧИТАТИВЪ.

Не надобно барь:
Да царствуетъ царь!

ХОРЪ.

Да царствуетъ царь!
Царь, царь, царь!

ПАЛИЦЫНЪ.

Кого же изберемъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Заслуги и порода
Кому на то даютъ все право.

ПОЖАРСКІЙ.

Мыслю то жъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

(*Пожарскому.*)

Поистинѣ, намъ всѣ и недруги и други
Должны отдать ту честь, что въ рядъ другихъ нейдутъ
Ни роды наши, князь, ни къ отчеству заслуги;
А паче о себѣ дерзну напомянуть,
Что еслибъ дружбой я гетманскіе обманы
Не вызналъ, не проникъ всѣхъ тайнъ его пути
И не изрылъ подъ нимъ самимъ глубокой ямы,
Погибнуть бы намъ всѣмъ, Россію не спасти.
Тебя я искушалъ и градъ держалъ въ осадѣ.

ПОЖАРСКІЙ.

Радъ честь тебѣ воздать.

ПАЛИЦЫНЪ.

(*Пожарскому.*)

Тутъ воля не твоя.

МИНИНЪ.

(*Палицыну.*)

Да нѣтъ.

(*Трубецкому.*)

Ты спасъ мнѣ жизнь; но не прими къ досадѣ,
Ясневельможный князь! не соглашуся я,

Digitized by Google

Чтобъ быть царемъ у насъ тебѣ или другому,
Безъ выбора отъ всѣхъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

(*Съ досадою*)

По слову твоему
Я рекъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(*Народу.*)

Народъ! Царемъ Россіи быть кому
Изъ двухъ, Пожарскому, иль князю Трубецкому?

ДУМА И НАРОДЪ.

(*За кулисами*)

РЕЧИТАТИВЪ.

Пожарскій намъ любъ,
Пожарскій намъ любъ.

ХОРЪ НАРОДА.

(*Съ трубами.*)

О любо! всѣмъ любо!
Воскликни гласъ трубъ!
Воскликни сугубо:
Пожарскій намъ любъ!

(*召Мининъ и Палицынъ, взявъ на блюдахъ регаліи, подносятъ Пожарскому.*)

ПАЛИЦЫНЪ.

Прими жъ, избранный мужъ, довлѣющи клейноды

МИНИНЪ.

Достоинствамъ твоимъ, и буди намъ главой.

МАРИНА.

(*Вдругъ сшедши съ Краснаго крыльца и спустя порфиру на плеча.*)

Прими во власть свою безчисленны народы
И сердце нѣжное ты съ тою красотой,
Тобою что страстна, и ты въ кого влюбился,
И коя ужъ давно царица сей странѣ.

ПОЖАРСКІЙ.

(*Въ смятеніи, помолчавъ.*)

Съ престола для тебя сойти бы я рѣшился;
А на престолъ взойти неправдой — низко мнѣ,

МАРИНА.

(*Съ яростію.*)

Гордецъ!

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

(*Поклонясь на всѣ стороны.*)

Россіяне! за даръ вашъ толь усердный
Позвольте мнѣ вамъ рѣчь признательну простерть:
За подвиги мои, вамъ въ жертву принесенны,
Какихъ желалъ я благъ? — Покой въ Россіи зрѣть.
Взявъ утвари сіи, тѣхъ благъ лишусь и славы;
Узря на мнѣ ихъ блескъ, народъ и ликъ бояръ,
Имѣющій на то важнѣй, быть можетъ, правы,
Не ощутитъ ли вдругъ въ душѣ своей тотъ жаръ,
Чтò зависть въ насъ родитъ? — Возникнутъ вновь крамолы;
Я, усмиряя ихъ, могу тираномъ стать,
На чтò не соглашусь вселенной за престолы.
Съ потачкою жъ страстей тронъ бурный управлять,
Могу ль я сократить хищенья длинны руки,
Ввесть скорый, правый судъ, спокоить шатки дни?
Законы безъ грозы — безстрашнымъ эха звуки;
Примѣры хоть прошли, но памятны они.
Лжедмитрій, какъ мячемъ, игралъ въ крови державой;
А Шуйскій только взялъ, въ тѣни ея исчезъ.
Не можетъ трона тать владѣть спокойно славой;
Великъ онъ, или малъ, но все онъ гнѣвъ небесъ,
Которыя ему иль поздно, или рано
По правосудію навѣрно отомстятъ;
И въ пасмурной душѣ нѣтъ мира у тирана, —
Тревога, злоба, грусть, безпрестанный адъ.
Онъ козни новыя всечасно вымышляетъ,
Чтобъ скрыть свой мрачный нравъ иль тѣмъ, или другимъ:
Сегодня лавровъ онъ, а завтра пальмъ желаетъ,
Курился чтобъ предъ нимъ подлѣйшей лести дымъ.
Законы жъ русскіе, обычай, власть ли Бога
Повергли съ дѣтства насъ владычеству царей, —
Чтимъ Божій въ нихъ законъ, за храмъ ихъ блескъ чертога:
Коснется ль въ ихъ вѣнцѣ чело мое лучей,
И облекусь ли въ ихъ священну я порфиру?
Нѣтъ! нѣтъ! Наслѣдникъ лишь одинъ по крови имъ
Спокойство можетъ дать и возвратить насъ къ миру.
Добръ, мудръ, безъ зависти — и всѣми будетъ чтимъ;
Бояре ближніе, усердны общу благу,

Digitized by Google

Единодушіемъ безстрашно подкрѣпятъ,
Представятъ грудь ему въ своихъ совѣтахъ нагу
И въ самыхъ слабостяхъ великимъ учинятъ.

МИНИНЪ И ПАЛИЦЫНЪ.

(*Полагая регаліи на столъ.*)

Но гдѣ жъ наслѣдникъ есть?

ПОЖАРСКІЙ.

Не можно ль Михаилу
Романову взойти на праотчій престолъ
По женскому родству?

ТРУБЕЦКОЙ.

Въ дни смутны не подъ силу
Ему полсвѣта скиптръ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Жизнь въ страхѣ Божьемъ велъ

ТРУБЕЦКОЙ.

Онъ младъ, неопытенъ!

МИНИНЪ.

Душою чуждъ лукавства,
Благъ сердцемъ, справедливъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Премудръ его отецъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Я лучше быть хочу слуга самодержавства,
Чѣмъ съ мрачной совѣстью носить его вѣнецъ.

МАРИНА.

Нелѣпый умъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

Великъ, когда совѣтъ сей можетъ
Тирану быть уздой, а парусомъ царю.

МИНИНЪ.

На стогнъ къ народу онъ свой взоръ и слухъ приложитъ,
И изъ ковчега взявъ, разсмотритъ самъ всѣхъ прю[8].

ПАЛИЦЫНЪ.

И истинѣ къ себѣ не воспретитъ приходу,
Хотя бъ и въ рубищѣ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И будетъ образцомъ
Совѣтъ его бояръ всѣхъ доблестей народу.

Digitized by Google

ПОЖАРСКІЙ.

А онъ ихъ всѣхъ главой, владыкой и отцомъ.

ДУМА И НАРОДЪ.

РЕЧИТАТИВЪ.

Михайлу вѣнецъ!
Михайлу вѣнецъ!

ХОРЪ НАРОДА.

(*Съ трубами.*)

Михайлу вѣнецъ!
Онъ будетъ царь сердецъ,
Владыко и отецъ:
Михайлу вѣнецъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Сомнѣнья нѣтъ: себя родъ праведный возвыситъ,
Прославится подъ нимъ россійская страна.

ЗАРУЦКІЙ.

(*Маринѣ, потрясая цѣпьми.*)

Не отъ волшебствъ твоихъ, знать, быть царемъ зависитъ.

МАРИНА.

У ада, у меня, у твоего ума
Еще есть способы, — пойдемъ!

(*Съ Заруцкаго цѣпи спадаютъ, и они уходятъ.*)

ТРУБЕЦКОЙ.

На казнь!

(*Войски бросаются вслѣдъ за Заруцкимъ.*)

ПОЖАРСКІЙ.

Оставимъ
Избранному царю сей судъ и долгъ свершить.

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ праведнѣй сего, и тѣмъ законъ мы славимъ,
Когда мы и врагамъ не хощемъ сами мстить.
Пойдемъ теперь во храмъ усерднѣйшей мольбою
Хвалу Творцу воздать, что спасъ насъ отъ коварствъ.
Надъ властолюбіемъ, надъ златомъ, надъ красою
Побѣда выше есть, чѣмъ покоренье царствъ!

ХОРЪ ОБЩІЙ.

О слава! возвѣсти вселенной,
На удивленіе вѣкамъ,
Духъ Росса бранной и усердной,

Digitized by Google

Благоговѣющій къ царямъ.
Онъ храбростью, умомъ, богатствомъ
И благочестіемъ прямымъ,
Не устрашась всѣхъ золъ препятствомъ,
Скиптръ возвратилъ царямъ своимъ;
И подъ наслѣдственнымъ жезломъ
Всѣ царства счастьемъ превышаетъ,
Какъ кедръ до неба досязаетъ:
Благословенъ Романовъ домъ!

---

[1] Объ особенномъ сочувствіи Державина къ Пожарскому мы говорили уже въ I-мъ томѣ (стр. 235) по поводу оды *На Коварство французскаго возмущенія и въ честь князя Пожарскаго*; въ III-мъ (ст. 369 — 373.) помѣстили мы планъ задуманной имъ поэмы *Пожарскій* и начало первой пѣсни ея. Эту тему разрабатывали и другіе: въ концѣ прошлаго столѣтія однодворецъ Захарьинъ, авторъ *Арфаксада*, написалъ также поэму *Пожарскій*, а въ началѣ нынѣшняго, черезъ годъ послѣ Державина, Крюковской издалъ свою извѣстную трагедію; не упоминаемъ о прочихъ трудахъ по тому же предмету.

Напечат. въ изд. 1808 г., ч. IV, VIII. См. *Объясненія* Д. въ томѣ III, стр. 609.

[2] «Дума бояръ дала-было повелѣніе Пожарскому не ходить къ Москвѣ, но патріархъ Гермогенъ не согласился съ нею и пострадалъ». Д.

[3] Въ простой одеждѣ, потому что на русской сценѣ не позволено представлять монаховъ въ ихъ одѣяніи. Д.

[4] Неправильное, но въ народѣ употреблявшееся произношеніе имени *Жолкѣвскій*.

[5] Ср. извѣстный стихъ: «И дымъ отечества мнѣ сладокъ и пріятенъ» въ пьесѣ: *Арфа* (томъ II, стр. 118).

[6] Здѣсь въ первый разъ Державинъ, по примѣру Ломоносова, употребляетъ имя *Готѳовъ* вмѣсто Шведовъ; ср. томъ I, стр. 113.

[7] *Корвана* (евр.) — церковное казнохранилище.

[8] См. *Объясненія* Державина, томъ III, стр. 610.

Digitized by Google

КУТЕРЬМА ОТЪ КОНДРАТЬЕВЪ.

ДѢТСКАЯ КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СЪ ХОРАМИ.

1806.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Миловидова, гостья, сестра хозяйки.
Колдунья, старуха въ маскѣ.
Варенька, Вѣренька, Пашенька, — малолѣтныя дочери г-жи Миловидовой.
1-й Кондратій, камердинеръ, 2-й Кондратій, садовникъ, 3-й Кондратій, музыкантъ, — служители.
Өедосья, служанка дому.

Дѣйствіе въ сельцѣ Званкѣ.

КУТЕРЬМА ОТЪ КОНДРАТЬЕВЪ[1].

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ гостиную комнату; столъ съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Миловидова въ покоевомъ платьѣ, и волосы у нея нѣсколько смяты. Варенька, Вѣренька и Пашенька, обнявшись между собою, выходятъ за нею.

МИЛОВИДОВА.

(*Смотря на часы.*)

Почти четыре часа, — позаспались немного. Ну поскорѣе, дѣти, напьемся чаю: мнѣ недосугъ. Сестра бѣдная давича за столомъ позахворала. У ней мужъ именинникъ: будутъ на вечеръ гости; а коли ей полегче станетъ, то будетъ ужинъ и балъ; итакъ она поручила мнѣ за себя похозяйничать. Надобно кое-что приказать изготовить для праздника.

(*Разливаетъ чай.*)

Digitized by Google

ВАРЕНЬКА.

Ахъ, праздникъ, маменька! — Какъ же я рада!

ВѢРЕНЬКА.

Ахъ, праздникъ, праздникъ! То-то потанцуемъ!

ПАШЕНЬКА.

Попрыгаемъ, попляшемъ!

ВѢРЕНЬКА.

По-цыгански, по-русски.

ВАРЕНЬКА.

Казачка, вальсенъ.

ПАШЕНЬКА.

(*Подбодрившись.*)

И савоярку.

ВСѢ ТРИ ВМѢСТѢ.

Какъ намъ весело!

(*Прыгаютъ и бьютъ въ ладоши.*)

МИЛОВИДОВА.

Тише, тише! не разбудите тетеньку.

ВСѢ ТРИ.

(*Бросаясь къ матери и цѣлуя у ней руку.*)

Какъ же быть, милая маменька? Намъ весело, очень весело!

(*Продолжаютъ прыгать.*)

МИЛОВИДОВА.

Дурочки! успѣете навеселиться; веселье хорошо во-время.— Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла.

ВѢРЕНЬКА.

Какъ, рано?

ВАРЕНЬКА.

Что за пташечка?

ПАШЕНЬКА.

Какая кошечка?—Мы не дадимъ ей съѣсть птички.

МИЛОВИДОВА.

Глупенькія! Это пословица, и научаетъ насъ ничему прежде времени не радоваться.

ВАРЕНЬКА.

Для чего жъ? — Дяденька сегодня имениникъ.

МИЛОВИДОВА.

Но тетенька нездорова.

ВѢРЕНЬКА.

Боже, сохрани!

Digitized by Google

ПАШЕНЬКА.

Да мы, слава Богу, здоровы: для чего жъ намъ не веселиться?

МИЛОВИДОВА.

(*Крестя ихъ.*)

Господь съ вами! Веселитесь, друзья мои: я этого сердечно вамъ желаю; но надобно быть сострадательнымъ: когда кто боленъ, то тутъ веселье не у мѣста.

ВАРЕНЬКА.

Да вы сказали, что дяденька именинникъ.

ВѢРЕНЬКА.

Что гости будутъ.

ПАШЕНЬКА.

Что сегодня праздникъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, друзья мои, это все правда; однакожъ я сказала, когда сестрѣ будетъ полегче; и дополнить надо: когда дядя дозволитъ.

ВАРЕНЬКА.

Для чего жъ?

МИЛОВИДОВА.

Онъ также недомогаетъ.

ВАРЕНЬКА.

А чѣмъ?

МИЛОВИДОВА.

По большой части неосторожностью.

ПАШЕНЬКА.

Да вѣдь онъ былъ за столомъ.

МИЛОВИДОВА.

То-то и худо: тутъ-то и надобна осторожность. — Но я съ вами заговорилась. Варенька! вели послать ко мнѣ, мой другъ, поскорѣе Кондратьевъ: камердинера, садовника и музыканта.

ВАРЕНЬКА.

Кондратьевъ, маменька?

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Миловидова, Вѣренька и Пашенька.

ПАШЕНЬКА.

Что такое, милая маменька, за неосторожность? И какъ быть отъ того больну? — Я этого не понимаю.

Digitized by Google

МИЛОВИДОВА.

Ой ты, вострушка! обо всемъ любопытствуешь.

ВѢРЕНЬКА.

А особливо за столомъ?

ПАШЕНЬКА.

Гдѣ ничего нѣтъ, какъ только блюды, чашки, рюмки, стаканы.

МИЛОВИДОВА.

Они-то и кусаются. Изъ нихъ неосторожно покушаешь, разгорячишься, простудишься...

ВѢРЕНЬКА И ПАШЕНЬКА.

Ха, ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Что вы, дурочки? чему смѣетесь?

ВѢРЕНЬКА.

Какъ, маменька, не смѣяться? Мочи нѣтъ. Ха, ха, ха!

ПАШЕНЬКА.

Блюды не кусаются, — и какъ простужаться, разгорячаться? — Ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Эй тише, рѣзвухи! Дядю и тетку безпокоите.

ВѢРЕНЬКА.

Да вы шутите надъ нами

МИЛОВИДОВА.

Какъ шучу?

ПАШЕНЬКА.

Когда насъ кусали блюды?

ВѢРЕНЬКА.

Когда мы разгорячались и простужались?

МИЛОВИДОВА.

Для того, что еще ваши лѣта не тѣ, какъ дядины; да за вами пристально смотрятъ, наблюдаютъ, васъ журятъ.

ПАШЕНЬКА.

Да развѣ вы съ тетенькой не наблюдаете за дяденькой?

МИЛОВИДОВА.

Такъ, другъ мой; но онъ говоритъ, что вѣкъ свой изжилъ, что подъ опекой ни у кого быть не хочетъ: то что̀ съ нимъ дѣлать? А вы еще молоды, и съ вами управиться можно.

ВѢРЕНЬКА.

Мы, милая маменька, изъ вашей воли не выступаемъ.

Digitized by Google

МИЛОВИДОВА.

Я очень довольна, сердечные друзья мои, что вы себя хорошо ведете.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Варенька.

ВАРЕНЬКА.

Кондратьи пришли.

МИЛОВИДОВА.

Позови ихъ ко мнѣ. — Нѣтъ, постой; неодѣтою принять ихъ дурно: чужіе наемные люди. Подите и прикажите имъ, чтб я вамъ скажу, и пусть сюда придутъ: я послѣ посмотрю, чтб они сдѣлали.

ВАРЕНЬКА.

Извольте, маменька.

ВѢРЕНЬКА.

Мы все исполнимъ, чтб вы прикажете.

ПАШЕНЬКА.

Точь-въ-точь, ни единаго словечка не упустимъ.

МИЛОВИДОВА.

Хорошо: станьте рядомъ.

(*Становятся.*)

ВАРЕНЬКА.

(*Вытянувшись по-солдатски.*)

Вотъ и строй готовъ.

МИЛОВИДОВА.

Ты все проказничаешь; но тутъ шутки не у мѣста, гдѣ приказываютъ: вниманіе первый знакъ повиновенія.

ВСѢ ВДРУГЪ.

Да приказывайте жъ, маменька: мы слушаемъ.

МИЛОВИДОВА.

(*Про себя.*)

Какъ бы мнѣ не проступиться! Старикъ любитъ все попышнѣе, пожирнѣе и пошумнѣе, а сестра — поскромнѣе, попростѣе и почистосердечнѣе. Не угоди имъ: она нахохлится, а онъ тотчасъ на отрѣзъ брякнетъ: «Спасибо, милостивыя государыни, поддоброхотали!» — Этого-то мнѣ слышать и не хочется; я ихъ, право, обоихъ люблю. — Но хорошо, слушайте. (*Приказываетъ дѣтямъ.*) Ты, Варенька, скажи первому Кондратью, камердинеру,

Digitized by Google

который, за отсутствіемъ управителя, надзираетъ за кухнею: чтобъ приготовилъ между прочимъ *куръ съ шампиньйонами;* дяденька это блюдо любитъ.—Ты, Вѣренька, второму Кондратью, садовнику, вели припасти *вязъ съ повилицей.* Дубу и лавра здѣсь нѣтъ; неравно намъ вздумается отставному служивому поднести, по древнимъ обычаямъ, свойственный ему вѣнокъ. — А ты, Пашенька, скажи третьему Кондратью, музыканту, чтобъ онъ приготовилъ для огромности хоровъ *рогъ съ барабаномъ.* Смотрите же, не забудьте, а я пойду одѣваться.

(*Уходитъ, и тогда же два служителя выносятъ чайный приборъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ противныя двери входитъ Кондратій, камердинеръ.

ВАРЕНЬКА.

Ты Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Кондратій.

ВАРЕНЬКА.

Кондратій первый?

КОНДРАТІЙ.

Какъ нѣтъ здѣсь другаго, такъ первый.

ВАРЕНЬКА.

Маменька тебѣ приказала, чтобъ ты между прочими блюдами велѣлъ изготовить куръ съ шампиньйонами.

КОНДРАТІЙ.

Хорошо, сударыня.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотчасъ за нимъ входитъ Кондратій, музыкантъ.

ВѢРЕНЬКА.

Ты второй Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Послѣ вышедшаго отсюда второй.

ВѢРЕНЬКА.

(*Принявъ его за садовника.*)

Приготовь для праздника вязъ съ повилицей.

КОНДРАТІЙ.

Вязъ съ повилицей![2]—На что это?

Digitized by Google

ВѢРЕНЬКА.

Не твое это дѣло.

КОНДРАТІЙ.

Слушаю.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

За нимъ тотчасъ входитъ Кондратій, садовникъ.

ПАШЕНЬКА.

Ты третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ.
(*Садовникъ.*)

Послѣ двоихъ я третій.

ПАШЕНЬКА.
(*Принявъ его за музыканта.*)

Чтобъ былъ готовъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Ахти! кротовъ чтоли отпуживать? Но у насъ ихъ нѣтъ[3].

ПАШЕНЬКА.

Чтó велятъ, то и дѣлай.

КОНДРАТІЙ.

Быть такъ, когда господа приказываютъ.

(*Уходитъ.*)

ВАРЕНЬКА И ВСѢ.
(*Вслѣдъ ему кричатъ.*)

Постой, постой, Кондратій! Когда изготовите, то приходите всѣ сюда и покажите маменькѣ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Миловидова.

МИЛОВИДОВА.

Вы все-таки не унимаетесь шумѣть, чтó вамъ ни говори. (*Осматривается въ зеркало.*) Вотъ я и принарядилась. — Хорошо ли?

ВСѢ.
(*Около ея прыгаютъ, бьютъ въ ладоши.*)

Хорошо, маменька, очень хорошо. Кабы мы большія были такія!

Digitized by Google

МИЛОВИДОВА.

Не тужите, вырастете; будьте только умны. Но пора и вамъ одѣваться: вечеръ на дворѣ; того и смотри, что гости нагрянутъ.

(*Дѣти уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛОВИДОВА.

(*Одна.*)

Умненькія, миленькія дѣвочки! Хоть свое рожденіе, но какъ не похвалить? — Да здѣсь, полно, никого нѣтъ; я бы при людяхъ этого не сказала; а то насмѣшники тотчасъ разнесутъ, просвищутъ, что будто я ихъ балую.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Миловидова и Ѳедосья.

МИЛОВИДОВА.

Что, ты, Ѳеша?

ѲЕДОСЬЯ.

Кондратьи пришли, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

Пусть ихъ войдутъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ X.

Три Кондратья, держащіе въ рукахъ: 1-й, туръ (или парикъ) и свернутое бѣлье; 2-й, горшокъ тюльпановъ, окладенный мохомъ; 3-й, басъ со скрыпкою.

МИЛОВИДОВА.

Приготовили ли вы, друзья мои, чтó вамъ приказывали дѣти?

КОНДРАТЬИ.

(*Всѣ трое вдругъ.*)

Все готово, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

(*Къ Кондратью, камердинеру.*)

Гдѣ жъ?

КОНДРАТІЙ.

Вотъ здѣсь.

МИЛОВИДОВА.

Да чтó это?

Digitized by Google

КОНДРАТІЙ.

Туръ съ панталонами.

(*Кладетъ на столъ.*)

МИЛОВИДОВА.

Какъ? тебѣ приказывали куръ съ шампиньйонами.

КОНДРАТІЙ.

Мнѣ такъ послышалось.

МИЛОВИДОВА.

Какой вздоръ! (*Къ Кондратью, садовнику.*) У тебя что?

КОНДРАТІЙ.

Мохъ съ тюльпаномъ.

(*Ставитъ на столъ.*)

МИЛОВИДОВА.

Какая чепуха! Тебѣ приказанъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Я не музыкантъ.

МИЛОВИДОВА.

(*Къ Кондратью, музыканту.*)

У тебя чтó? — Вязъ съ повилицей?

КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ! — Басъ со скрыпицей.

(*Кладетъ на столъ.*)

МИЛОВИДОВА.

Ха, ха, ха, ха! Сумасшедшіе! Откуда вамъ въ голову вошла такая нелѣпица?

КОНДРАТЬИ ВСѢ ТРОЕ.

Намъ барышни такъ приказали.

МИЛОВИДОВА.

Не можетъ быть. Позови сюда, Ѳедосьюшка, барышень.

(*Ѳедосья уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, кромѣ Ѳедосьи.

МИЛОВИДОВА.

Не вѣрю, не вѣрю, чтобъ барышни вамъ такой сумбуръ приказали. Я имъ на носъ нарубила, кому чтó приказать.

КОНДРАТІЙ 1-Й.

Я крѣпокъ на ухо, и приготовилъ по своей должности, чтó баринъ всякій день носитъ.

Digitized by Google

КОНДРАТІЙ 2-Й И 3-Й.

А мы точка въ точку то сдѣлали, что́ намъ велѣно.

МИЛОВИДОВА.

(*Сердито.*)

Что за безтолковщина? — Вотъ каково тамъ, гдѣ много Кондратьевъ! Смѣхъ отъ нихъ и горе! Тому прикажи, того спроси, и увидишь хоть Кондратья, да не Кондратья: Ѳедотъ, да не тотъ; одинъ на другаго сваливаетъ. Тфу, какая пропасть! Да вѣдь барышни васъ видѣли?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Видѣли.

МИЛОВИДОВА.

И сами съ вами говорили?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Говорили.

МИЛОВИДОВА.

И такъ онѣ что-нибудь вамъ приказывали?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Для чего жъ вы не то сдѣлали, что́ вамъ приказывали?

КОНДРАТІЙ 1-Й.

Отъ того, какъ я ужъ сказалъ...

КОНДРАТІЙ 2-Й.

Мы позамялись-было.

МИЛОВИДОВА.

Да чтожъ?

КОНДРАТІЙ 3-Й.

Но господамъ мало ли какія нескладицы въ голову приходятъ: то мы и исполнили.

МИЛОВИДОВА.

Да вотъ и дѣти идутъ: посмотримъ, кто изъ васъ правъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Варенька, Вѣренька, и Пашенька, въ нарядныхъ платьяхъ и Ѳедосья.

ВАРЕНЬКА.

Чего изволите, маменька?

Digitized by Google

МИЛОВИДОВА.

Что вы, проказницы, начудесили? Вертушки, вѣтреницы! — А я васъ еще хвалила.

ВѢРЕНЬКА.

Мы ничего не сдѣлали дурнаго.

ПАШЕНЬКА.

Кромѣ того, чтó вы приказали.

МИЛОВИДОВА.

Какъ, ничего? Спросите ихъ сами, что они надѣлали. То ли вы приказывали?

ВАРЕНЬКА.

(*Къ Кондратью, камердинеру.*)

Я тебѣ приказала приготовить куръ съ шампиньйонами.

1-Й КОНДРАТІЙ.

Мнѣ послышалось: туръ съ панталонами.

ВѢРЕНЬКА.

(*Къ Кондратью, садовнику.*)

Тебѣ я велѣла вязъ съ повилицей.

2-Й КОНТРАТІЙ.

Нѣтъ, басъ со скрыпицей.

ПАШЕНЬКА.

(*Къ Кондратью, музыканту.*)

Тебѣ рогъ съ барабаномъ.

3-Й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, мохъ съ тюльпаномъ.

МИЛОВИДОВА.

(*Кондратьямъ.*)

Какая чертовщина! — Да кто изъ васъ первый, кто второй и кто третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

(*Камердинеръ.*)

Я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ.

(*Садовникъ.*)

Нѣтъ: ты первый Кондратій по дому, а по мастерству я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ.

(*Музыкантъ.*)

Нѣтъ: ты второй Кондратій по дому, а я первый былъ у барышень.

Digitized by Google

МИЛОВИДОВА.

Смотри, пожалуй, разбери между ими: кто у нихъ первый и кто послѣдній, и кто кому приказывалъ; найди виноватаго, найди тутъ толкъ! Но, истину сказать, я сама не права. По склонности къ дѣтямъ, по лѣности моей, приказала имъ сдѣлать распоряженіе: вотъ и вышелъ болтунъ. Ахъ! да я ли первая, я ли послѣдняя? — У насъ на Руси въ дворянскихъ домахъ, по безчисленной сволочи людей, по барской изнѣженности господъ, нерѣдко случаются такія суматохи; а особливо, гдѣ много Кондратьевъ. Но какъ же быть? Свое все мило. — Чтожъ вы молчите? Дайте мнѣ виноватаго.

(Дѣти и Кондратьи спорятъ, сердятся, толкаютъ другъ друга, гоняютъ, бѣгая по комнатѣ; мужчины же шляпами замахиваются и поютъ.)

ХОРЪ.

КОНДРАТІЙ.

(Камердинеръ.)

Я первый Кондратій,
Мой туръ съ панталоны.

ВАРЕНЬКА.

Не могъ ты поняти, —
Твой куръ съ шампиньйоны.

КОНДРАТІЙ.

(Садовникъ.)

Второй я Кондратій.
Мой вязъ съ повилицей.

ВѢРЕНЬКА.

Нѣтъ, очень не кстати:
Твой басъ со скрыпицей.

КОНДРАТІЙ.

(Музыкантъ.)

Я третій Кондратій,
Мой рогъ съ барабаномъ.

ПАШЕНЬКА.

Не долженъ ты лгати, —
Твой мохъ со тюльпаномъ.

БАРЫШНИ И КОНДРАТЬИ.

(Всѣ вообще.)

Мой туръ съ панталоны,
Туръ, туръ, туръ.
Нѣтъ! куръ съ шампиньйоны,
Куръ, куръ, куръ.

Digitized by Google

Мой вязъ съ повилицей,
Вязъ, вязъ, вязъ.
Нѣтъ! басъ со скрыпицей,
Басъ, басъ, басъ.
Мой рогъ съ барабаномъ,
Рогъ, рогъ, рогъ.
Нѣтъ, мохъ со тюльпаномъ,
Мохъ, мохъ, мохъ.

МИЛОВИДОВА.

Да долго ль вамъ орать и спорить? Сумасшедшіе! бѣшеные! Перестаньте, перестаньте, а не то я васъ всѣхъ уйму.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Колдунья (старуха въ черномъ платьѣ, сгорбившись, подъ маскою, съ посохомъ въ рукахъ). Увидя ее, всѣ умолкаютъ.

КОЛДУНЬЯ.

Что за кутерьма? Что за жидовская школа? И слыхомъ не слыхано, видомъ не видано эдакаго садому. Господа наши живутъ тихо и смирно, ни колыхнутъ, ни шелохнутъ; а вы заварили такую кашу!

МИЛОВИДОВА.

Добро пожаловать, старушка! Ты, конечно, ворожеюшка? Угадай-ка, милая моя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ? — Одни говорили, а другіе слушали; но не то надѣлали. Ужъ никакъ, право, не спроста! — Перепутались такъ, что голова, право, вкругъ идетъ.

КОЛДУНЬЯ.

(*Оглядывая всѣхъ съ головы до ногъ.*)

О милыя мои! не безъ лихихъ людей. Похимостили, проклятые; завязали глазоньки, отняли красное солнышко. Правда, нынѣ много такихъ причинъ. Видно, напущено. Всякій приказывать гораздъ, а исполнять никто. Но можно пособить этому. Я помаракую. Подите ко мнѣ, Кондратьюшки, и вы, любезныя дѣтушки, поближе. Я уже слѣпа, (*Надѣвая очки*) худо вижу. (*Шепчетъ въ платокъ.*) Вотъ на! Безпорядица, безпорядица, мать моя! По дѣтскимъ приказамъ не въ очередь, не кстати, не благословясь, не свои, а чужія дѣла, по пересказамъ, по переговорамъ, нѣсколько Кондратьевъ, не знавъ, кто первый, кто послѣдній, въ угожденіе при-

Digitized by Google

хотей вашей милости, должны были исполнить; а ты, мой свѣтъ, сама за ними не посмотрѣла: то чего тутъ добра ждать? Всталъ дымъ коромысломъ, и вся эта кутерьма отъ Кондратьевъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, бабушка, ты правду говоришь: я виновата. Какъ же быть? Но досаднѣе всего, что праздникъ не въ праздникъ. Хозяинъ разгорячится, хозяйка перетрусится; вмѣсто удовольствія выйдетъ непріятность.

КОЛДУНЬЯ.

(*Сбрасывая съ себя черное платье и маску, открывается хозяйкою дома.*)

Нѣтъ, любезная сестрица и милыя мои дѣтушки! (*Всѣхъ ихъ цѣлуя.*) Вы непріятности мнѣ никакой не сдѣлали. Все къ празднику готово. Я иногда слыхала, что вы роптали на безпрестанные мои хлопоты по хозяйству, и винили меня за то, что я очень заботлива: то чтобъ доказать вамъ того необходимость и оправдать себя передъ вами, я вымыслила эту шутку и, притворясь больною, сыграла комедію, чтобы вы сами видѣли: что *не свой глазъ, не любой кусъ.* — Кутерьма отъ Кондратьевъ!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Дома въ устройствѣ,
Духа въ спокойствѣ
Все счастье лежитъ.
Милы прохлады,
Гости гдѣ рады
Поѣсть и попить:
Оставя дѣлъ вздоры,
Попрыгать подъ хоры,
Въ деревнѣ пожить.

---

[1] У Державина были въ услуженіи три Кондратья: камердинеръ, садовникъ и музыкантъ. Замѣшательство, иногда происходившее отъ того, внушило автору эту дѣтскую комедію-шутку. Она была написана имъ на Званкѣ и тамъ же представлена племянницами его, дѣвицами Львовыми, которыя пріѣхали туда погостить по случаю его именинъ (13 іюля). Въ *Объясненіяхъ* своихъ (томъ III, стр. 610) Державинъ говоритъ, что *Кутерьма* возбудила въ Петербургѣ толки, потому что въ Кондратьяхъ видѣли намекъ на тогдашнихъ министровъ, которые «не знали своихъ должностей и кто изъ нихъ первый».

Эта пьеса любопытна въ біографическомъ отношеніи, какъ эпизодъ изъ домашняго быта Державиныхъ, посреди котораго шуточнымъ обра-

Digitized by Google

зомъ очерчены какъ самъ поэтъ съ нѣкоторыми изъ своихъ привычекъ, такъ и вторая жена его. Подъ Миловидовой надобно разумѣть сестру ея, Марью Алексѣевну Львову; дочери послѣдней, кромѣ старшей, Елисаветы, являются на сценѣ подъ настоящими именами своими (см. томъ II, стр. 289). Варенька была ихъ родственница, Бакунина, жившая также въ домѣ Державина (см. тамъ же, стр. 113 и 115).

Напеч. въ изд. 1808, ч. IV, ix.

[2] Въ экземплярѣ, принадлежавшемъ Державину, эти слова зачеркнуты.

[3] Въ экземплярѣ Державина вся эта строчка зачеркнута, и вмѣсто нея написано карандашемъ: «Для чего это?»

Digitized by Google

ИРОДЪ И МАРІАМНА,

ТРАГЕДІЯ

въ пяти дѣйствіяхъ.

1807.

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ [1].

Угодно было сему почтенному сословію [2] предложить въ Вѣдомостяхъ о сочиненіи трагедіи. Многія были представлены, изъ коихъ одна и увѣнчана награжденіемъ. Но я не съ тѣмъ, чтобъ состязаться съ изящными талантами, или получить награду, а единственно, чтобъ исполнить волю академіи, рѣшившись испытать силъ своихъ въ семъ родѣ стихотворства, которымъ я никогда не занимался, сочинилъ трагедію, при семъ прилагаемую, подъ названіемъ *Иродъ и Маріамна*, посвящая онуую россійскому Парнассу.

Сочинитель.

[1] Съ 1805 г. Россійская академія чрезъ Вѣдомости приглашала писателей къ сочиненію похвальныхъ словъ и другихъ сочиненій. По этому поводу кто-то послѣ перваго же объявленія о такихъ задачахъ, за которыя назначались въ награду медали, доставилъ въ академію 500 руб. для выдачи тому, кто напишетъ трагедію въ 5 дѣйствіяхъ. Вслѣдствіе того академія въ засѣданіи 15 декабря 1806 года положила объявить въ газетахъ между прочимъ задачу: «Сочинить трагедію россійскими стихами», съ назначеніемъ за удовлетворительное рѣшеніе ея пожертвованной неизвѣстнымъ лицомъ суммы.

Этотъ-то вызовъ подалъ и Державину поводъ приняться за настоящую трагедію, но онъ не представилъ ее на конкурсъ; когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что премія присуждена Хераскову за трагедію *Зореида и Ростиславъ* *, то Державинъ рѣшился посвятить свой трудъ академіи.

* Въ торжественномъ собраніи 17 декабря 1807 г.; но какъ Херасковъ вскорѣ по представленіи въ академію своей трагедіи умеръ, то награду положено было отправить къ вдовѣ его въ Москву; г-жа Хераскова, по желанію покойнаго мужа своего, предоставила деньги въ распоряженіе академіи

Digitized by Google

Съ этимъ посвященіемъ трагедія его и явилась особою книжкой. Въ протоколѣ россійской академіи 22 мая 1809 года записано, что отъ Державина получено одиннадцать экземпляровъ этого изданія и что одинъ изъ нихъ «оставленъ для академической библіотеки, а прочіе, по желанію сочинителя, розданы нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ гг. членовъ». За приношеніе, принятое «съ особеннымъ удовольствіемъ», положено было благодарить автора письмомъ. Полевой, въ *Очеркахъ русской литературы* (ч. I, стр. 29), совершенно ошибочно говоритъ, будто Державинъ «предсталъ къ состязанію», но академія «отвергла его трагедію... Державинъ не выдержалъ, напечаталъ отвергнутую трагедію и — объявилъ при томъ свое имя».

Въ *Объясненіяхъ* своихъ онъ сознается, что къ вступленію на поприще трагическаго писателя побудило его соревнованіе съ Озеровымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что первымъ сочиненіемъ его въ этомъ родѣ была трагедія *Иродъ и Маріамна.* Онъ ее сообщалъ въ рукописи знаменитому Дмитревскому и извѣстному своимъ остроуміемъ А. С. Хвостову, — какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ къ послѣднему (томъ III, стр. 321, 325):

Мои такъ мысли, какъ пилой,
Пилишь вокругъ твоей хулой,
Гоня моей *Еврейки* взрачной
Съ лица веснушекъ облакъ мрачной,
О коихъ рекъ Дмитревскій намъ,
Что то порокъ прекрасныхъ драмъ...
Такъ идетъ *Иродъ съ Маріамной*
Мой въ свѣтъ подъ блескомъ чертъ твоихъ,
И волосъ не падетъ на нихъ.

Въ февралѣ 1809 года онъ сбирался послать эту трагедію къ И. И. Дмитріеву въ Москву (см. его переписку съ Дмитріевымъ). Изъ *Воспоминаній* Аксакова извѣстно, что она была играна и на театрѣ *, о чемъ предположеніе высказывается уже въ посланіи къ Хвостову. Въ томъ же 1809 году она была напечатана отдѣльно (въ небольшую осмушку, 98 страницъ, въ С-петербургѣ, въ Морской типографіи) съ именемъ автора. Незадолго передъ смертью своею Державинъ поручилъ секретарю Россійской академіи Соколову печатаніе 6-й части своихъ сочиненій,

---

(*Спбург. Вѣд.* 1808 г., № 1). Любопытно, что въ рукописи новая трагедія называлась: *Раздѣленная Россія, или Зореида и Ростиславъ*, но при напечатаніи ея Россійская академія, по предложенію своего президента, Нартова, опредѣлила исключить первую половину заглавія, безъ объясненія впрочемъ причины такой перемѣны (Проток. 7 авг. 1809). Вскорѣ послѣ того (28 авг.) Нартовъ предлагалъ измѣнить нѣкоторые стихи на стр. 52; однакожъ это было единогласно отвергнуто.

* Разсказывая о своемъ чтеніи вслухъ этой трагедіи передъ авторомъ, Аксаковъ приводитъ между прочимъ слова Державина: «Вы вѣрно читали или слышали на театрѣ *Ирода и Маріамну*» (*Сем. Хроника и Восп.* М. 1856, стр. 378—380). Въ *Лѣтописи русскаго театра*, Арапова (Спб. 1861, стр. 128), сказано также, что изъ пьесъ Державина одна эта была поставлена на сцену.

Digitized by Google

которая и начата была *Иродомъ и Маріамной*, но осталась неоконченною (ср. томъ III, стр. III). Потомъ трагедія эта была перепечатана въ Глазуновскомъ и въ позднѣйшихъ Смирдинскихъ изданіяхъ сочиненій Державина. Она сохранилась и въ чистой рукописи (писарской руки) съ помѣтою цензора Яценкова 30 сентября 1810 года.

[2] Въ то время и еще долго послѣ *сословіе* неправильно употреблялось въ смыслѣ общества или корпораціи. Въ этомъ значеніи оно очень часто встрѣчается и въ протоколахъ Россійской академіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Желая показать опытъ ничтожныхъ моихъ способностей въ драматическомъ искусствѣ, избралъ я, по мнѣнію моему, удобнѣйшій къ тому отрывокъ изъ древней исторіи, оставленной намъ Іосифомъ Флавіемъ, писателемъ о войнѣ іудейской, въ которомъ описываетъ онъ жизнь царя Ирода и его супруги такимъ образомъ, что могутъ они въ самыхъ твердыхъ душахъ произвесть сожалѣніе и ужасъ. Волтеръ сіе самое событіе обработывалъ въ трагедіи своей, названной имъ *Маріамною*. Онъ представилъ Ирода, кажется мнѣ, со стороны только ревности къ его супругѣ, а Маріамну со стороны привязанности къ ея дѣтямъ. Первая, по возвращеніи супруга изъ Рима, боясь суроваго его нрава, соглашается отъ него уѣхать подъ покровительство Августа съ княземъ Согемомъ, любовникомъ Соломіи, сестры Ирода. Сія жестокая душа, мстя за то, оклеветываетъ ее въ любви къ Согему предъ Иродомъ. Онъ изъ ревности приказываетъ умертвить свою супругу; но послѣ, узнавъ ея невинность, раскаивается и сходитъ съ ума. Самый сей знаменитый писатель, при первомъ изданіи помянутой своей трагедіи, въ предисловіи говоритъ, что содержаніе сіе, дабы представить его болѣе трагическимъ, требуетъ обширнѣйшаго поля, чѣмъ описанныя имъ только ревность мужа и сварливость жены по домашнимъ ихъ ссорамъ. Онъ объясняетъ, что съ одной стороны государь, названный народомъ своимъ великимъ, влюбленный страстно въ прекраснѣйшую жену въ свѣтѣ, терзаемый къ ней ревностію, борющійся между добродѣтелями и злодѣяніями, мучимый по минувшимъ и настоящимъ жестокостямъ своею совѣстію, преходящій быстро и безпрестанно отъ любви къ ненависти, а отъ ненависти къ любви, подстрекаемый честолюбіемъ сестры и хитростію министровъ; а съ другой стороны царица, его супруга, находящаяся въ жестокомъ положеніи, что при всей добродѣтели, красотѣ и славѣ, видитъ супруга своего безпрестанно къ ней ревнующаго, самыхъ ближайшихъ ея родственниковъ пре-

Digitized by Google

данныхъ имъ смерти, и при всемъ томъ долженствующая любить его, образуютъ въ себѣ важнѣйшіе предметы къ трагическому представленію и къ большему писателей подвигу. Я таковое славнаго сего трагика примѣчаніе взявъ въ соображеніе, покусился, слѣдуя его совѣту, распространить мое поприще, сколько силъ моихъ и способностей достало; но не изъ однихъ моихъ вымысловъ, а большею частію изъ самой исторіи, которую читатели ежели благоволятъ прочесть, то увидятъ, что не токмо дѣйствующія лица (кромѣ Кады), но и мимоходомъ упоминаемыя также происшествія и даже нѣкоторыя мысли взяты оттуда. Впрочемъ, жестокія кровожаждущія выраженія, а также и восточный слогъ употребилъ я нарочно, дабы сколько возможно ближе и изобразительнѣе представить характеръ еврейскаго народа, изъ коего суть всѣ почти дѣйствующія лица. Погрѣшилъ бы, кажется, и былъ бы подверженъ справедливому осужденію художниковъ благоразумныхъ, ежели бы Палестинцевъ заставилъ я изъясняться чувствами и оборотами Французовъ. Главное правило писателей — слѣдовать природѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иродъ, царь іудейскій, простаго идумейскаго происхожденія.
Маріамна, его супруга, изъ царскаго поколѣнія Іудина, или Асмонеевъ.
Соломія, сестра его, названная Антипатру матерь.
Антипатръ, сынъ его отъ первой жены Дорисы; намѣстникъ Іерусалима.
Александръ, } дѣти его малолѣтныя отъ Маріамны, 12-ти
Аристовулъ, } и 11-ти лѣтъ.
Архелай, внукъ его, воспитанный въ Римѣ.
Соверн ъ, сродникъ Маріамны, наперсникъ Иродовъ, приставъ у нея и у дѣтей.
Варръ, проконсулъ римскій.
Када, наперсница Маріамны.
Юда, виночерпій.
Юноши и дѣвы, составляющіе хоры.
Сендаринъ, или Сангедринъ, сенатъ іудейскій, }
Придворные, } безъ рѣчей
Воины римскіе и еврейскіе, }

Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ, во дворцѣ Ирода.

Digitized by Google

ИРОДЪ И МАРІАМНА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Притворъ чертоговъ царскихъ, изъ аркъ коего виденъ городъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломія и Антипатръ.

СОЛОМІЯ.

Какъ, Антипатръ, ты здѣсь? Вы прибыли изъ Рима?
А гдѣ же царь, мой братъ?

АНТИПАТРЪ.

Толпа необозрима
Гражданъ, стѣснивъ его среди градскихъ воротъ,
Препятствуетъ идти. Онъ, радостный народъ
Зря вкругъ себя, стоитъ, внимаетъ плесковъ грому.
Я о прибытіи его свѣтлѣйшу дому
Далъ Маріамнѣ вѣсть, устроилъ въѣзда чинъ,
И се пришелъ къ тебѣ.

СОЛОМІЯ.

Народа плескъ! — О сынъ!
И Маріамнѣ вѣсть! Такое изреченье
Кинжалъ во сердце мнѣ. Ахъ! прежде бъ порученье
Какъ совершилъ мое, спѣшилъ ты мнѣ сказать,
Увеселяютъ ли такъ дѣти нѣжну мать.
Знавъ Соломію, ты, презрѣнну Маріамной,
Дерзнулъ ее ласкать мнѣ вѣстью нежеланной.
Но по внушеніямъ что сдѣлалъ ты моимъ
И письмамъ, посланнымъ недавно къ тебѣ въ Римъ?

АНТИПАТРЪ.

Чтó можно было, — все.

СОЛОМІЯ.

Но какъ же могъ явиться
Тиранъ обратно здѣсь? Сему не можно бъ сбыться,
Когда бъ ты въ дѣйствіе совѣтъ мой произвелъ
И хитростью къ мѣтѣ назначенной дошелъ.
Ужели подтверждать должна тебѣ я снова,
Что онъ хотя мой братъ, но изверга столь злаго
Не можетъ болѣе сносить уже народъ;
Что долгъ твой истребить весь Асмонеевъ родъ;

Digitized by Google

Что быть счастливою не можетъ Палестина,
Поколь отцу его подобна властелина
Дѣлами, именемъ, со мной въ тебѣ не зритъ.
Намъ къ цѣли сей дойти былъ не обманчивъ видъ.
Я, управляя здѣсь имъ порученнымъ царствомъ,
Щедротой, милостью и сладкихъ словъ коварствомъ
Умѣла чернь, вельможъ въ свою вовлечь такъ сѣть,
Что мнила всѣхъ сердца въ рукѣ своей имѣть;
А доведя всѣ тѣ злодѣйствія до Рима,
Какими отъ него страна сія томима,
Въ тѣ дни, какъ ужъ его, Антоній, другъ и богъ,
Ниспадшій съ высоты, помочь ему не могъ,
Какъ Августъ, всѣмъ друзьямъ Антонія мстя злобно,
И Ироду былъ врагъ: во время толь удобно
Могла ль я жребія себѣ такого ждать,
Чтобъ Маріамнѣ вновь рабынею мнѣ стать?

АНТИПАТРЪ.

Знать, рокъ такъ положилъ.

СОЛОМІЯ.

Вотще винить судьбину:
Добра и зла въ себѣ содержимъ мы причину.
Нѣтъ, еслибъ болѣе ты ревности имѣлъ, —
Препятства бы самой судьбы преодолѣлъ.
Но ты не чувствуешь къ отечеству любови,
Не тщишься унимать его потоковъ крови,
И дѣда снисканный достоинствомъ вѣнецъ
Не хочешь, чтобъ взложилъ твой на тебя отецъ;
Но младшимъ братіямъ даришь его въ наслѣдство.
Не трогаетъ тебя, знать, и мое ужъ бѣдство,
Что съ Селіемъ меня онъ разлучилъ драгимъ
И Маріамнинымъ насмѣшкамъ предалъ злымъ?
Но какъ же Антипатръ, ахъ! какъ сіе случилось,
Что сердце Августа ко Ироду смягчилось
И паки нашъ онъ царь?

АНТИПАТРЪ.

Зри опытъ въ немъ ума
И духа твердаго — и удивись сама;
Потомъ скажи ты мнѣ, чтó дѣлать было можно.
Иной бы размышлять сталъ прежде осторожно,

Digitized by Google

Какъ къ повелителю вселенной подступить,
Какъ гнѣвъ того къ себѣ на милость преклонить,
Предъ трономъ коего патриціевъ соборы,
Сѣдой сенатъ царей, вкругъ ликторскіе взоры,
Блестя съ сѣкирами, какъ молніи горятъ;
Предъ коимъ узники въ вѣнцахъ у ногъ лежатъ?
Но Иродъ, не смотря на все сіе, свободно
Предсталъ предъ сонмомъ симъ — и важно, благородно,
Какъ вѣнценосецъ самъ, такъ цезарю сказалъ:
«Познай, въ Антоніи я друга потерялъ.
«Угодно такъ судьбѣ. — Но вѣрь, не мною стало,
«Что верхъ твое надъ нимъ оружье одержало.
«Отъ Клеопатры нѣгъ совѣтъ мой былъ отстать
«И вновь отважно весть на бой ея всю рать,
«Чтобъ твой оспорить лавръ противъ и рока злаго;
«На помощь грудь ему сія была готова.
«Я думалъ, нашъ союзъ и истинная честь
«Велѣли мнѣ себя противъ тебя такъ весть;
«Но какъ онъ пренебрегъ сей вѣрный опытъ дружбы,
«То право далъ искать и у тебя мнѣ службы.
«Угодна ли она? — Прими меня въ покровъ:
«Я раздѣлить съ тобой добро и зло готовъ.
«Всѣ пользы сохраню твои и въ Палестинѣ,
«Какъ для Антонія я ихъ хранилъ понынѣ;
«Сбиралъ богатство тамъ, могущихъ низилъ часть;
«Но тѣмъ поддерживалъ я только Рима власть.»
Такъ рекъ. — И послѣ столь великаго признанья
Тьму привезенныхъ въ даръ сокровищей блистанья
Онъ въ Капитоліи, какъ бездны звѣздъ открылъ:
Октавія умомъ, Римъ златомъ побѣдилъ.

СОЛОМІЯ.

О дерзостный хитрецъ! — Но что жъ по письмамъ тайнымъ?

АНТИПАТРЪ.

Развратный Римъ не счелъ то чудомъ чрезвычайнымъ,
Супругу что въ любви супруга невѣрна.
Но чтобъ была въ кого царица влюблена,
Не вѣрилъ я и самъ. Однако же искусно
Въ знатнѣйшихъ я домахъ пересказалъ изустно,
За тайну между женъ разсѣялъ подъ рукой,

Digitized by Google

Что мой отецъ не такъ счастливъ второй женой;
Что ты, ее храня отъ общества дурнаго,
Страдалицей сама должна быть нрава злаго.
И въ семъ-то я успѣлъ. — До Ирода сей слухъ
Едва достигъ, смутилъ надменный, скрытый духъ.
Однажды, возвратясь съ любовныхъ игръ позора,
Вздыхалъ и, на меня бросая стрѣлы взора,
Пытливо онъ спросилъ: не знаю ль я чего,
Происходящаго въ семействѣ у него?
Я — какъ бываетъ тó съ придворными нерѣдко —
Внималъ его словамъ и молча цѣлилъ мѣтко,
Въ котору сердца часть пустить ему стрѣлу;
Примѣтя жъ взоръ его, какъ огнь блестящъ сквозь мглу,
Отъ ревности къ своей супругѣ несравненной,
Съ улыбкой, хитрою въ полслова рѣчью темной
Раздулъ пожаръ. Когда жъ твой съ перлами ковчегъ
Чрезъ Акму къ Юліи принесъ, то средь утѣхъ
Она, однажды съ нимъ занявшись Маріамной,
Рекла, что красоты сей образъ зрѣла славной
Въ вещахъ Антонія у Августа въ рукахъ.
Какъ громъ, слова сіи его расшибли въ прахъ;
Какъ разума съ тѣхъ поръ неистово лишенный,
Въ молчаньи Рима онъ спѣшилъ оставить стѣны;
Но на пути открылъ терзанія свои.
Днесь восшипятъ въ сердцахъ супруговъ сихъ зміи.

СОЛОМІЯ.

Удаченъ подвигъ твой, довольна я тобою: —
Здѣсь можемъ довершить. Пускай себя собою
Ревнующій духъ рветъ.

(*Слышны трубы.*)

Я слышу трубный гласъ.
Будь скроменъ и поди, съ дворомъ соединясь.
Я встрѣчу здѣсь царя.

(*Антипатръ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

СОЛОМІЯ.

(*Одна.*)

Такъ много мнѣ послушенъ!
А я боялася, что онъ неравнодушенъ

Digitized by Google

Къ соперницѣ моей. Но и на сей конецъ
Мой вымыслъ былъ бы вдругъ ударъ для двухъ сердецъ:
Тому по ревности, сему по неудачѣ.
Да еслибъ весь Сіонъ погрязъ въ крови и плачѣ,
Что въ томъ? — а только бы мнѣ Антипатра ввесть,
Какъ соучастника, свершить желанну месть!
А тамъ, — о, вѣрно такъ! такими лишь путями
Изъ мглы кометы вдругъ блистаютъ со звѣздами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Иродъ и **Антипатръ** съ одной стороны входятъ въ великолѣпномъ послѣдованіи римскихъ знаменоносцевъ и ликторовъ подъ хоромъ юношей; а съ другой съ придворными **Маріамна**, **Александръ**, **Аристовулъ**, **Соверъ**, **Юда** и **Када**, съ хоромъ дѣвъ, встрѣчая царя въ томъ же притворѣ. **Соломія** къ нимъ присоединяется. Юноши и дѣвы держатъ въ рукахъ оливныя и пальмовыя вѣтви.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Воскликните, врата Солима!
Плещи руками, Іорданъ:
Грядетъ четверовластникъ Рима,
Владыка палестинскихъ странъ;
Грядетъ мужъ равный Соломону.
Играй, Эсѳирь! ликуй, Агарь!
Великолѣпье храму, дому
Ведетъ съ собою славы царь.

ХОРЪ ЦАРИЦЫ.

Какъ роза юна горъ средь лона
Ждетъ майскія къ себѣ росы,
Царица нѣжная средь трона
Такъ ждетъ царя лобзать красы.

ХОРЪ ЦАРЯ.

Какъ горликъ съ высоты небесной
На горлицу глядитъ въ тѣни:
Супруги образъ такъ прелестной
Желалъ царь зрѣть разлуки въ дни.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Воскликните, врата Солима!
Плещи руками, Іорданъ:
Пришелъ четверовластникъ Рима,
Владыка палестинскихъ странъ;

Пришелъ мужъ равный Соломону.
Играй, Эсѳирь! ликуй, Агарь!
Великолѣпье храму, дому
Привелъ съ собою славы царь.

ИРОДЪ.

О, какъ я восхищенъ и сердцемъ и душой,
Что вижу здравыхъ васъ, любезнѣйшихъ, со мной!

(*Обнимая, цѣлуетъ Маріамну, Соломію и дѣтей.*)

МАРІАМНА.

Стократно счастлива, утѣшна я, блаженна,
Что предъ собою зрю супруга возвращенна.
Отсутственъ отъ меня и удаленъ ты былъ,
Но изъ души моей на мигъ не исходилъ.

ИРОДЪ.

Пріятно, мило мнѣ, любезная супруга,
Коль прежняго во мнѣ и ты находишь друга.

МАРІАМНА.

Какъ, друга прежняго? — Когда тобой дышу,
То почему твое сомнѣніе ношу?

ИРОДЪ.

О? вѣрю, вѣрю я, ни въ чемъ не сомнѣваюсь:
На сладость лестныхъ словъ, какъ прежде, полагаюсь.

МАРІАМНА.

Но не слова одни, ты видишь вздохи, взглядъ,
Что я въ тебѣ одномъ моихъ ищу отрадъ,
Что я страданья всѣ разлуки забываю,
И сердцемъ и душой любя, тебя встрѣчаю.
Ты видишь...

СОЛОМІЯ.

(*Перебивая рѣчь.*)

Видишь ты, любезный братъ, какъ дворъ
Весь на тебя стремитъ съ восторгомъ жадный взоръ;
Но наше искренно ль тебя теперь лобзанье,
Узнаешь лично самъ въ твоемъ здѣсь пребываньѣ.

ИРОДЪ.

(*Съ пріязнію.*)

Я цѣну дружескихъ твоихъ всѣхъ знаю словъ:
Съ тобою въ насъ течетъ одноутробна кровь,
И разлученіе тебя не прохладило,
Но паче опытомъ союзъ нашъ утвердило.

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ.
(Обнимая у Ирода колѣна.)
Какъ счастливы твоихъ лобзаньемъ мы колѣнъ!

АРИСТОБУЛЪ.
Какъ радостны, что къ намъ родитель возвращенъ

МАРІАМНА.
(Съ нѣжностію.)
Блаженство паки намъ!...

ИРОДЪ.
(Посмотря на нее съ подозрѣніемъ, къ прочимъ.)
Великъ Господь въ Сіонѣ!
Въ первосвященничей и царской я коронѣ
Столицей міра днесь, какъ прежде, отличенъ;
Какъ былъ Антоніемъ, такъ Августомъ почтенъ;
Сенатъ и весь народъ могуществення Рима
Союзника во мнѣ того неколебима
И друга вѣрнаго опять себѣ призналъ,
Который въ браняхъ съ нимъ враговъ его сражалъ,
Кѣмъ Галлъ и Пароъ и Грекъ, Аравы, Сиріяны
И Цельты съ Мидяны, съ Египтяны попраны,
И словомъ, Римлянамъ кто столь стяжалъ побѣдъ,
Колико на себѣ сія грудь ранъ несетъ.
Въ награду за сіе свою являя дружбу,
Повѣрили они мнѣ ихъ орловъ на службу,
Которыхъ быстрый громъ поможетъ скоро мнѣ
Іону съ Товіемъ увидѣть въ тишинѣ.
Съ Евфратомъ Іорданъ, глаголъ мой внявъ со трона,
Съ бреговъ ихъ смоютъ прахъ оставшій Антигона.
Одинъ я странъ сихъ царь, симъ градомъ овладѣвъ;
И горе, горе тѣмъ,
(Взглядывая сурово на Маріамну.)
кто мой возбудитъ гнѣвъ.

МАРІАМНА.
Винятъ одни дѣла.

ИРОДЪ.
И мыслью ополчиться
Кто на меня дерзнетъ, то съ смертью обручится.
Народамъ покажу въ владычествѣ моемъ,
Какъ имъ благоговѣть надлежитъ предъ царемъ;
Какъ слово, взоръ его разить ихъ можетъ грозно.

Digitized by Google

Преступнымъ предо мной раскаяніе поздно,
И словомъ, кто мою потрясть предприметъ власть,
Тѣхъ горестна, бѣдна и смертоносна часть:
Кровавыхъ рѣкъ слѣды за ними псы полижутъ,
И домочадцы устъ своихъ къ нимъ не приближутъ;
Развѣю самый прахъ!

СОЛОМІЯ.

Гнѣвъ правды царской строгъ.

МАРІАМНА.

Царь мудрый праведенъ и милосердъ, какъ Богъ.

ИРОДЪ.

Потщусь представить я величье Бога въ славѣ
Судомъ и милостью въ подвластной мнѣ державѣ.
Коснется Онъ горамъ, — и горы кроетъ дымъ:
Такъ на враговъ сверкну и я мечемъ своимъ.
Посмотритъ Онъ на долъ, — и долъ въ цвѣтахъ пестрится:
Такъ на моихъ друзьяхъ щедрота просвѣтится.
Пребудетъ скиптръ мой жезлъ неумолимъ для злыхъ,
А осѣненіемъ смиренныхъ и благихъ.
Исполню я во всемъ законы Моисея
Въ сынахъ Вахидовыхъ, въ сынахъ и Асмонея:
За око — око я, за зубъ исторгну зубъ.
Внемли мнѣ, Антипатръ: заутра съ гласомъ трубъ
Вели въ украшенномъ изящнѣй Соломона
Мной храмѣ огнь возгнесть, и жертвъ среди амвона,
Да всесожженіемъ святая во святыхъ
Горѣ, какъ дымъ съ кадилъ, взойдетъ вздохъ чувствъ моихъ
Къ Отцу моихъ отцовъ, ко Богу Авраама:
Сердечный жаръ Ему пріятнѣй ѳиміама.
Открой народу всѣхъ сокровищей корванъ,
Разсыпь предъ сонмъ вельможъ и злато и ливанъ.
Но праздникъ чтобъ сей былъ днемъ свѣтлымъ, днемъ правдивымъ,
Вкругъ стѣнъ градскихъ воздвигнь кресты въ позоръ кичливымъ,
Да распнутся на нихъ. — Главъ буйныхъ не терплю.
Не пощажу и тѣхъ, которыхъ я люблю.

(*Грозно взглянувъ на Маріамну, уходитъ, а за нимъ и прочіе, кромѣ Антипатра и Соверна.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Антипатръ и Совернъ.

СОВЕРНЪ.

Царь принялъ холодно привѣтствіе царицы
И гнѣвно, отходя, къ ней обращалъ зѣницы.

АНТИПАТРЪ.

Услужники двора сквозь сердце могутъ зрѣть.
Улыбка, слово, взглядъ имъ царскій — жизнь, иль смерть.
Такъ, тонкій царедворъ, пловецъ въ морской пучинѣ,
Близъ берега плыветъ, и волнъ плыветъ въ срединѣ;
Умѣетъ парусомъ попутный вѣтръ ловить,
Путями разными до пристани дойтить.
Чтó мнѣ ты возвѣстишь о встрѣчѣ сей холодной?

СОВЕРНЪ.

Какъ знать?

АНТИПАТРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! скажи.

СОВЕРНЪ.

Въ душѣ сей честной, скромной
Открыто все тебѣ. Увѣрить не могу;
А въ томъ, чтó знаю я, конечно, не солгу.
Единый изъ пѣвцовъ, искуснѣйшій въ музыкѣ,
Пѣвалъ нерѣдко съ ней духовны пѣсни въ ликѣ.

АНТИПАТРЪ.

И въ Римѣ былъ сей слухъ. — Но царь какъ отъ тебя
Отчету спроситъ въ томъ, царицу столь любя,
Чтó скажешь ты тогда? Иль онъ внушенъ тобою?

СОВЕРНЪ.

Нѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Не хочу жъ я быть сей спутанъ новизною;
А дѣлайте, чтó вамъ вашъ тонкій умъ велитъ;
Но вѣдай, ревностью гнѣвъ яростнѣй кипитъ.
О дѣти бѣдныя! несчастна Маріамна!
Какъ душу, васъ люблю; но ваша жизнь печальна.
Совернъ, брегись сихъ тучъ!

(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

СОВЕРНЪ.

(*Одинъ.*)

Чтó сдѣлалъ я? Напасть!
О пагубна къ вѣстямъ и пересказамъ страсть!
Но если свѣдалъ царь вселенныя въ столицѣ,
Что я предатель былъ и тайнъ его царицѣ:
Куда сокроюсь я? чья защититъ пріязнь?
Неизбѣжима мнѣ позорна, люта казнь!

(*Подумавъ.*)

Но тонкимъ ли я быть вельможей не умѣю?
О хитрость! я къ тебѣ днесь обратиться смѣю.

(*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренніе чертоги царицы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маріамна и Када,

МАРІАМНА.

Хоть радуетъ меня супружескій пріѣздъ,
Но грусть какая-то уныло сердце ѣстъ.
Ужъ не еще ли чтó сплетаетъ Соломія?
Чего ждать отъ жены столь гордыя, столь злыя?
Когда власть царскую должна съ себя сложить,
На мнѣ уронъ вѣнца не думаетъ ли мстить?
Препнувъ съ царемъ мнѣ рѣчь изъ тайныя досады,
Бросая на меня презрительные взгляды,
Дала мнѣ чувствовать всю ненависть свою;
А мой супругъ ласкалъ презорщицу мою!
Увы! чтó сдѣлалось? — Не вѣдаешь ли, Када,
Причины ты сему?

КАДА.

По общу слуху града,
До Юліи дошла отселѣ будто вѣсть,
Мрачащая твою предъ нею дружбу, честь.

МАРІАМНА.

Предъ Юліею честь мою? — Не понимаю.

Digitized by Google

КАДА.

Какой-то образъ твой въ даръ цезарю...

МАРІАМНА.

Не знаю!

КАДА.

И безъ супруга здѣсь въ забавахъ ты жила.

МАРІАМНА.

О! нестрашна сія ужъ для меня хула.
Отъ Соломіи баснь сія, знать, происходитъ.

КАДА.

Не менѣе она царя на гнѣвъ наводитъ.

МАРІАМНА.

Не дивно, и легко сіе возможетъ быть:
Крутой, горячій нравъ не трудно возмутить.
Ты знаешь Иродомъ владѣющія страсти:
Привязанъ женъ къ красѣ и блеску царской власти,
Кипитъ и рвется въ немъ къ нимъ ревностію духъ;
Наперсница сама и самый лучшій другъ
Противѣютъ ему, изъ сердца вонъ женутся,
Коль скоро слабостямъ симъ нѣжнымъ прикоснутся.
Опасенъ первый гнѣвъ.

КАДА.

Не разъ онъ гроба дверь
Невиннымъ отверзалъ. — И милъ тебѣ сей звѣрь?

МАРІАМНА.

Не сокрушай меня такимъ напоминаньемъ.

КАДА.

Нельзя и не мерзить гнуснѣйшимъ злодѣяньемъ.

МАРІАМНА.

Молчи! не намъ судить дѣянія царей.
Ихъ участь связана съ блаженствомъ ихъ людей:
Пускай ихъ судитъ Богъ; а мы, благоговѣя,
Пороки, страсти ихъ оплачемъ, сожалѣя.
Ты въ томъ свидѣтель мнѣ, я въ горестяхъ какихъ
Извѣстья лютыя сама печалей злыхъ,
Близъ гроба будучи, не разъ переносила,
Какъ смерть насильственна моихъ родныхъ косила:
Ирканъ, мой добрый дѣдъ, изъ Пароовъ возвратясь,
Несчастно кончилъ вѣкъ, въ темницѣ глазъ лишась;

Священнаго сего защита бывъ Солима,
Мой дядя, Антигонъ, позорно палъ средь Рима;
Мой братъ, Аристобулъ, цвѣтъ истый, образъ мой,
Въ купальнѣ задушенъ подкупленной толпой;
О матери моей сама ты мнѣ сказала,
Что съ кровію свой духъ отъ яду изліяла.
Но что мнѣ исчислять бѣды минувшихъ лѣтъ,
Когда и днесь...

КАДА.

Ужель Соверпъ новѣйшій вредъ
Какой тебѣ еще предвозвѣщаетъ нынѣ?
Въ смущеніи его я зрѣла наединѣ.
О тайнѣ, въ робости, какой-то онъ твердитъ.

МАРІАМНА.

А можетъ быть, о томъ, раскаявшись, грустить,
Что имъ открыто мнѣ двукратное велѣнье
Царево — умертвить меня здѣсь въ заточеньѣ,
Когда бы отъ него Римъ отнялъ царску власть,
Чтобъ мнѣ къ Антонію иль къ Августу не впасть...

КАДА.

Въ блестящій плѣнъ? — Страшась...

МАРІАМНА.

Се возблагодаренье
За дружбу, за любовь, за скиптра приношенье.
Какой же впредь судьбы должна себѣ я ждать?

(*Плачетъ.*)

КАДА.

Такъ что жъ ты думаешь теперь начать?

МАРІАМНА.

Страдать.

КАДА.

Иль средствъ ужъ нѣтъ спастись?

МАРІАМНА.

Ихъ тьма, и предъ очами!
На тронѣ, на одрѣ тиранъ межъ палачами;
Но промыслъ Вышняго помазанныхъ блюдетъ,
И царство Онъ кому восхощетъ, тѣмъ даетъ;
Я волю чту Его, законамъ покоряюсь,
И на мою одну невинность полагаюсь.

Digitized by Google

КАДА.

Скажи ты лучше, что твоя слѣпая страсть
Ревнивцу надъ тобой даетъ такую власть.

МАРІАМНА.

Ахъ! можетъ быть, и такъ, любезнѣйшая Када;
Но сердцу нѣжному какая бы отрада
На свѣтѣ быть могла безъ дружбы, безъ любви?
Я ей живу одной, — она въ моей крови.
Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ къ великимъ дарованьямъ
Супруга пріучась, къ пріятностямъ, къ познаньямъ,
Къ геройскимъ качествамъ, къ побѣдамъ, торжествамъ,
Къ нему, — и страсть сію не предпочту ль страстямъ
Я всѣмъ? — И ревность та, онъ въ гнѣвъ отъ коей входитъ,
Не отъ любви ль ко мнѣ единой происходитъ?
И самый страшный мечъ, кровь милую чтó льетъ,
Намъ ненавистенъ ли, коль цѣлость царствъ блюдетъ?
Благословлю я зло, творимое для правды.

КАДА.

Тиранствамъ Ирода ты дѣлаешь пощады,
И мнится мнѣ, сама участница ты золъ.

МАРІАМНА.

Нѣтъ! гнусенъ кровію облитый мнѣ престолъ.
Рѣшилась: мѣдное царя я сердце трону,
Иль съ радостью пойду ко Авраамлю лону.
Се слава въ чемъ моя, — и мнѣ помощникъ Богъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Маріамна, Совернъ, Александръ и Аристобулъ (изъ коихъ дѣти съ плачемъ входятъ; Када удаляется.)

АЛЕКСАНДРЪ.

Любезнѣйшая мать! оставя нашъ чертогъ,
Мы раздѣлить пришли съ тобою огорченье,
Что у родителя ты въ неблаговоленьѣ.

АРИСТОБУЛЪ.

Не можемъ мы унять текущихъ слезъ изъ глазъ.

МАРІАМНА.

Не плачьте, милые: Богъ милостивъ до насъ.
Невинности страдать Онъ въ бѣдствѣ не оставитъ:
Надѣйтесь на Него, отъ всѣхъ Онъ золъ избавитъ.

Digitized by Google

Но кто же вамъ внушилъ, что царь суровъ ко мнѣ?
Напротивъ, благъ, какъ былъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Молва по всей странѣ...

АРИСТОБУЛЪ.

Весь шепчетъ дворъ, весь градъ о той вѣщаетъ правдѣ,
Что въ крайней на тебя родитель нашъ досадѣ.

МАРІАМНА.

Не вѣрьте. Слышу плескъ прибытію царя.

СОВЕРНЪ.

(*Указывая на дѣтей.*)

Усердіемъ къ тебѣ и къ симъ птенцамъ горя,
Хощу тебѣ внушить я вѣсти небезважны.

(*Въ сторону.*)

Замкну ей симъ уста — моей не вынесть тайны.

МАРІАМНА.

Чтó хочешь ты сказать?

СОВЕРНЪ.

(*Въ полголоса.*)

Хоть веселится чернь,
Но скоро радость ту затмитъ печали тѣнь.
Гласъ мудрыхъ книжниковъ не тако разсуждаетъ,
Какъ Иродъ говоритъ, какъ площадь подтверждаетъ:
Онъ проповѣдуетъ, что милости намъ льетъ;
Но милости ли то? — послѣдній хлѣбъ беретъ.
Онъ разумомъ своимъ и мужествомъ кичится;
А наша кровь въ войнахъ не престаетъ струиться.
Онъ возвѣщаетъ, что союзникъ съ нами Римъ;
Но купленъ сей союзъ не золотомъ чужимъ.
Онъ хвалится, что другъ мемфійской былъ царицы;
Но не талантами ль съ Давидовой гробницы?
Онъ благочестія примѣръ подать мнитъ намъ;
Но Богу онъ боговъ тогда исправилъ храмъ,
Какъ велелѣпные воздвигъ ужъ обелиски
Антонью, Августу, и жертвенникъ пиѳійскій,
И олимпійскихъ игръ возобновляя съѣздъ,
Вкругъ мраморомъ облекъ тьмы градовъ чуждыхъ мѣстъ,
Театровъ, пристаней, бань, стогновъ, водоводовъ,
И съ кровью содранныхъ съ отечества доходовъ

Digitized by Google

Разсыпалъ тьмами тьмы на роскоши дѣла,
Чтобъ лишь въ язычникахъ неслась о немъ хвала:
Боговъ, чудовищъ ихъ, внесъ даже въ домъ свой нынѣ.
Ахъ! симъ ли славиться владыкой Палестинѣ?

МАРІАМНА.

Рабъ долженъ ли давать царю толь мрачный видъ?

СОВЕРНЪ.

(*Возвыся голосъ и бія себя въ грудь.*)

Кровь Асмонеева, усердье говоритъ.

МАРІАМНА.

Но кто же былъ щитомъ ея у Месаиды?
Чье мужество и чьи всепрозорливы виды
Отъ плѣна насъ Парѳянъ блистательно спасли,
И самого тебя на санъ сей вознесли?
Неблагодарнѣйшій!

СОВЕРНЪ.

(*Съ жаромъ.*)

Отечества подпора,
Сей самый санъ велитъ.

МАРІАМНА.

Отъ моего вмигъ взора
Исчезъ бы клеветникъ; но чту въ тебѣ мой родъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Када.

КАДА.

Царь возвѣстить велѣлъ къ царицѣ свой приходъ.

МАРІАМНА.

(*Къ дѣтямъ.*)

Друзья, градскихъ забавъ подите зрѣть къ народу.
Оставьте мнѣ съ отцомъ поговорить свободу.

(*Про себя.*)

О, еслибы снискать опять его любовь!

СОВЕРНЪ.

(*Отходя съ дѣтьми въ сторону.*)

Удержится теперь отъ откровенныхъ словъ.

(*Соверн, Александръ, Аристобулъ и Када уходятъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Иродъ и Маріамна.

ИРОДЪ.

(*Встрѣчаясь съ Соверномъ, указываетъ на комнату.*)

Останься здѣсь, Севернъ.

(*Оборотясь къ Маріамнѣ.*)

Не скорбь ли ужъ какая,
Что такъ ты смущена, супруга дорогая?

МАРІАМНА.

Нѣтъ.

ИРОДЪ.

Что жъ?

МАРІАМНА.

Тринадцать лѣтъ, дражайшій мой супругъ[4],
Какъ страстнымъ пламенемъ къ тебѣ возжженъ мой духъ;
Тринадцать лѣтъ, какъ я съ тобою сопряженна
И всякій часъ тобой, какъ въ первый разъ, плѣненна.
Но что мнѣ изъяснять любви сей давность лѣтъ?
Не съ самыхъ ли тѣхъ поръ, какъ я познала свѣтъ,
Какъ изъ пеленъ моихъ во цвѣтѣ дѣвъ явилась,
Въ супруги я тебѣ судьбой опредѣлилась?
Такъ, вѣрь ты, вѣрь сему: едва я стала жить,
Ужъ мнѣ назначено судьбой тебя любить;
Лишь чувства нѣжныя во мнѣ вскрываться стали,
Желанія мои лишь счастія взалкали, —
Ужъ нѣкій тайный гласъ въ груди моей вѣщалъ,
Любовникомъ тебя, супругомъ называлъ.
Не знала я тебя, но я тебя искала;
Не зрѣла я тебя, но зрѣть тебя желала.
Вообразя красы вселенныя мечтой,
Средь дня подъ тѣнью древъ, средь нощи подъ луной,
Въ чертогахъ, во садахъ, гдѣ воды съ горъ катятся,
Съ Авессаломомъ духъ летѣлъ мой повстрѣчаться,
Вирсавію ему, Сусанну чтобъ явить
И взоръ твой на меня незапно обратить.
Ахъ! такъ, средь пышности и роскоши азійской,
Египетскихъ искусствъ и нѣги ассирійской,
Въ толпѣ блистающей поклонниковъ отца,
Гдѣ въ плѣнъ брала князей, вождей влекла сердца,
И цѣпь безчувствіемъ я на царей метала,

Digitized by Google

Тебя мнѣ одного судьба не представляла;
Не доставало мнѣ лишь въ сердцѣ искры той,
Которая бъ весь духъ воспламенила мой;
Ни чьи достоинства, къ прельщенію удобны,
Съ предметомъ мысленнымъ мнѣ не казались сходны.
Но ты предсталъ лишь мнѣ, — и се, какъ нѣкій богъ,
Единымъ взглядомъ мнѣ всѣ чувствія возжогъ;
Супруга моего, котораго искала,
Въ рѣчахъ твоихъ, въ чертахъ, въ поступкахъ я узнала,
И сердце трепетомъ вѣщало мнѣ: се онъ!
Не воспротивился ни санъ, ни родъ, ни тронъ,
Ни власть родителей всесильной сей судьбинѣ:
Ты руку взялъ мою, — она твоя понынѣ.
О, какъ я счастлива!

ИРОДЪ.

(*Умягченно.*)

И я счастливъ тобой...

МАРІАМНА.

Я мыслю, всѣмъ женамъ завиденъ жребій мой.
Мнѣ кажется, глядитъ вся на меня вселенна,
Что вознеслась я такъ, что такъ тобой блаженна!
Въ улыбкѣ, въ радости, въ восторгѣ внѣ себя,
Не насыщаяся смотрѣньемъ на тебя,
Мечтаю иногда, противъ тебя сѣдяща
И взоръ мой на тебя и душу всю стремяща,
Что еслибъ не было положено судьбой
Быть сопряженною на вѣчность мнѣ съ тобой,
Чело бы я твое вѣнцомъ не увѣнчала,
Порфирою моей раменъ не украшала,
И ты на низкой бы степени исчезалъ,
Но личнымъ только бы достоинствомъ блисталъ;
А я бы, знавъ тебя, твой умъ и сердце знала,
Но страстью не къ тебѣ, къ другому воспылала:
Какихъ бы благъ тогда лишила я себя,
Вообразя, что я живу не для тебя!
Презрѣнною себѣ самой бы я казалась,
Что именемъ твоимъ гордиться отказалась.
Но ты теперь мой царь, мой купно и супругъ,
И все что́ мило мнѣ, и все что свято, вдругъ.

Digitized by Google

О! соберитесь всѣхъ красотъ лучи блестящи,
Какъ солнце на моряхъ зари златогорящи,
Но вы предъ мной ничто; а титло мнѣ, вѣнецъ,
Что ты любовникъ мой, другъ, царь, супругъ, отецъ...

ИРОДЪ.

О, какъ возносишь ты меня теперь хвалами,
Но обливаешься и горькими слезами!
Ласкаешь и крушишь, — что́ сдѣлалось тебѣ?
Скажи.

МАРІАМНА.

(*Бросаясь къ нему на шею, съ плачемъ.*)

Ахъ! возврати меня, мой другъ, себѣ.

ИРОДЪ.

(*Обнимая.*)

Я, Маріамна, твой, тебя я лобызаю.

(*Цѣлуетъ.*)

Твой! если ты моя!

МАРІАМНА.

Увы! не довѣряю.

ИРОДЪ.

Откройся, изъяснись.

МАРІАМНА.

Зачѣмъ, ахъ! мнѣ твой взоръ
Въ собраньи днесь явилъ холодность и презоръ?
Симъ самымъ я тебя ужъ мню быть отлученна.

ИРОДЪ.

Да не мрачитъ тебя такая мысль смущенна,
Когда не изгнанъ я изъ сердца твоего.

МАРІАМНА.

Тебя изъ существа исторгнуть моего,
Которымъ я живу, которымъ я сгараю,
Кто бъ могъ, того себѣ вообразить не знаю.

ИРОДЪ.

Такъ прежняго себѣ могу блаженства ждать?

МАРІАМНА.

Ахъ! нужно ли сіе вновь клятвой подтверждать,
Когда я грудь твою слезами печатлѣю?

ИРОДЪ.

(*Обнимая нѣжно.*)

Спокойся, я уже сомнѣнья не имѣю.

Digitized by Google

МАРІАМНА.

Небесна Ангеловъ румяна радость какъ
У Сарры и Агарь осіявала зракъ,
Такъ, нѣжный мой супругъ, тобой я восхищенна,
Днесь по разлукѣ злой счастлива и блаженна!

ИРОДЪ.

Въ Италъи, въ Греціи, въ Иберьи красныхъ женъ
Я пренебрегъ любовь, всегда нося твой плѣнъ,
И отъ владыкъ земныхъ столь сильнаго народу
Лишь вольность получилъ, то сердце и свободу
Къ тебѣ опять принесъ.

МАРІАМНА.

По прежнему любить?

ИРОДЪ.

Что жъ можетъ сладостнѣй сего союза быть?

МАРІАМНА.

Но въ блескѣ солнечномъ не видны ль черны пятны?

ИРОДЪ.

(*Въ смущеніи.*)

Какой вопросъ? — Есть. Нѣтъ, они невѣроятны.
Ахъ! что́ ты чрезъ сіе мнѣ мыслила сказать?
Или по нѣжностямъ чѣмъ хочешь упрекать?
Я признаюсь тебѣ, что въ Римѣ слухи злые
Едва не прервали тѣ цѣпи золотыя,
Которы вяжутъ насъ. Я мнилъ, ты невѣрна,
И лютыхъ мукъ съ тѣхъ поръ душа моя полна.

МАРІАМНА.

Какъ быть то возмогло? — Ужель ты не стыдился
Подозрѣвать меня къ кому, и омрачился
До крайности такой? Ахъ! надъ собой коль далъ
Поверхность царь рабу, — раба онъ ниже сталъ.
Но я до низости сойти сей неспособна;
Супруга я царю, и — я царю подобна

ИРОДЪ.

Такъ благородно ты союзъ и честь храня,
Стыдишь твоимъ умомъ и чувствами меня.
Я виненъ предъ тобой.

(*Цѣлуетъ руку.*)

Digitized by Google

МАРІАМНА.

Передо мной? — Ахъ, нѣтъ!
Кто любитъ, тотъ обидъ на сердце не беретъ.
Я даже въ томъ тебя, мой другъ, не упрекаю,
Въ чемъ оправданья нѣтъ, — молчу и забываю.

ИРОДЪ.

(*Съ замѣшательствомъ въ сторону.*)

Такъ тайна, знать, моя уже извѣстна ей!

(*Оправясь, бросается на колѣна, держа ее за руку.*)

Не вѣрь ты никому, а вѣрь любви моей.

МАРІАМНА.

(*Поднимая его.*)

Ахъ! можно ль на твоихъ словахъ не увѣряться,
Супругъ возлюбленный!...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Соломія, съ стремительнымъ бѣшенствомъ.

СОЛОМІЯ.

Царю такъ унижаться!
Не стыдно ль, государь, что властелинъ, изъ стѣнъ
Пріѣхавъ Рима днесь, женѣ повергся въ плѣнъ?
Давно Совернъ тамъ ждетъ и прочи власти царства.
Ты все забылъ!

ИРОДЪ.

(*Въ неудовольствіи.*)

Вели войти.

СОЛОМІЯ.

(*Съ злобною усмѣшкою взглянувъ на Маріамну.*)

Иль есть препятства?

ИРОДЪ.

(*Къ Маріамнѣ съ нѣжностію.*)

Оставь меня теперь.

МАРІАМНА.

(*Обнимаясь съ Иродомъ.*)

Взаимная любовь,
Хранитель-ангелъ нашъ, да будетъ мой покровъ.

(*Проходя мимо Соломіи, въ сторону.*)

Ехидна такъ въ цвѣтахъ бываетъ ухищренна.

Digitized by Google

ИРОДЪ.

(*Соломіи.*)

Изыдь, сестра, и ты.

СОЛОМІЯ.

(*Уходя съ досадою, про себя.*)

Пожри васъ всѣхъ геенна!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Иродъ и Совернъ.

ИРОДЪ.

(*Съ злобою.*)

Измѣнникъ царскихъ тайнъ, рабъ гнусный, низкій льстецъ,
Какъ ты осмѣлился отравой быть сердецъ
Супруговъ, нѣжною толь страстью сопряженныхъ,
И сталъ предатель думъ, тебѣ мной порученныхъ?
Вѣщай и трепещи!

(*Замахиваясь кинжаломъ.*)

СОВЕРНЪ.

(*Открывая грудь съ твердостію.*)

Пронзай, о государь!
Но прежде выслушай твою послѣдню тварь.

ИРОДЪ.

Чтó скажешь, не внушилъ моей глубокой тайны
Ты вѣроломностью во уши Маріамны?

СОВЕРНЪ.

(*Упадши на колѣна.*)

Я думалъ, нѣтъ вины.

ИРОДЪ.

Какъ, нѣтъ?

СОВЕРНЪ.

Чтобъ спасть тебя,
Ласкательно во всемъ я ей открылъ себя,
Дабы чрезъ то извлечь взаимну откровенность.
Се здѣсь прочти. — И зри ея къ себѣ ты вѣрность.

(*Подаетъ изъ-за пазухи хартію.*)

ИРОДЪ.

(*Читаетъ.*)

«Я въ царску ложницу введу.»

(*Съ злобою.*)

Когда? кого?

Digitized by Google

СОВЕРНЪ.

(*Прерывчиво съ трепетомъ.*)

Пѣвца, — въ отсутствіе твое...

ИРОДЪ.

(*Посмотря, бросаетъ хартію съ бѣшенствомъ.*)

Чтó злѣй сего?
Царицына рука! о стыдъ! о Маріамна!
Скорпіи можетъ ли болѣзненнѣй быть рана?
Бывалъ ли молніей такъ холмъ свирѣпо жженъ,
Какъ лютой я твоей измѣной пораженъ?

(*Отворя дверь.*)

Намѣстникъ, Антипатръ! скорѣй войди сюды.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Антипатръ, съ ужасомъ вбѣгаетъ.

АНТИПАТРЪ.

Какія, государь, грозятъ тебѣ бѣды?

ИРОДЪ.

Ужаснѣй для меня быть можно ль приключенью!

(*Указываетъ на хартію.*)

Внявъ, сынъ, родительску жестоку оскорбленью,
Скорѣе поспѣши мою обиду мстить,
Лютѣйшей смертію преступника казнить.

(*Поднимая хартію, Антипатръ и Совернъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ИРОДЪ.

(*Одинъ.*)

Се, сколько рѣчь ея обманчива и злобна,
Что къ низостямъ она постыднымъ неспособна!
Се изъ прекрасныхъ устъ какъ сладкій капалъ ядъ,
Что не примѣтенъ былъ ея мнѣ и развратъ!
Кого же предпочла она мнѣ вѣроломно?
Что и судить того съ собою мнѣ позорно.
Но въ чемъ же виненъ онъ, коль завлеченъ женой?
Ахъ! гдѣ и кто бывалъ не пораженъ красой?
Кто въ случаѣ такомъ не преступалъ границы?
Нѣтъ! мысль злодѣйство ужъ — о прелестяхъ царицы!
Да совершится казнь, и я узрю потомъ,
Какой и на кого еще мнѣ бросить громъ.

(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Садъ царскій съ изображеніемъ сфинксовъ, крокодиловъ, львовъ и прочихъ животныхъ, между которыми нѣсколько кумировъ боговъ языческихъ; изъ первыхъ бьютъ водоскаты и водометы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломія и Антипатръ.

АНТИПАТРЪ.

Сейчасъ отъ цезаря съ безвѣстнымъ повелѣньемъ
Къ намъ прибылъ Архелай и съ крайнимъ поспѣшеньемъ.

СОЛОМІЯ.

Чтó бъ значило сіе? Не къ нашимъ ли бѣдамъ?

АНТИПАТРЪ.

Намъ нужно мѣры взять приличны временамъ.

СОЛОМІЯ.

(*Подумавъ.*)

Безбѣденъ скрытъ ударъ, стороннею рукою...

АНТИПАТРЪ.

Правдиво; то не кознь, кто дѣйствуетъ собою.

СОЛОМІЯ.

Втай должно пагубу царицѣ нанести.

АНТИПАТРЪ.

Чтобы самимъ спастись.

СОЛОМІЯ.

Пусть скажетъ лишь *прости*,
Мечтая быть къ себѣ супруга страстна, нѣжна,
И съ словомъ симъ однимъ ей смерть ужъ неизбѣжна.

АНТИПАТРЪ.

Я слышу пѣніе.

(*Слышится вдали нижеслѣдующій хоръ.*)

СОЛОМІЯ.

Къ прохладѣ, знать, идутъ
Царица въ садъ, иль царь. Иди, свершай свой трудъ.

(*Удаляются за деревья въ разныя стороны; но Антипатръ, остановясь, смотритъ вслѣдъ Соломіи.*)

АНТИПАТРЪ.

Такъ мною занята, что и глядитъ ужъ страстно;
Иль матерня любовь? — Нѣтъ! мщенье то ужасно
Къ враждебной ей красѣ, котору зря горю.

(*Смотря на входящую Маріамну.*)

На чтó жъ рѣшусь? Взять скиптръ — обѣихъ покорю.

(*Скрывается.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Маріамна и Када.

ХОРЪ.

Цвѣты, благоухайте;
Древа, несите плодъ;
Зефиры, повѣвайте;
Блестя шуми, скатъ водъ:
Се идетъ голубица,
Прекрасная царица,
Любовію горя,
Въ объятія царя.
Да въ виноградъ свой внидетъ
Желанный ею царь,
Лобзанія пріиметъ,
Какъ отъ весеннихъ зарь
Дыханье ароматно.
Да склабятся пріятно,
Какъ съ сладкаго сота
Червленныя уста.

МАРІАМНА.

Уныло пѣніе душѣ моей природно.
Музыка тихая льетъ сладость въ сердце томно.
Въ спокойствіи себя подобномъ вижу я,
Какъ токъ, по бурѣ, спитъ при гласѣ соловья.
Я примирилася. Тоска духъ не тревожитъ.
Супружняя любовь вездѣ мнѣ радость множитъ.

КАДА.

Желаю зрѣть тебя въ блаженствѣ я такомъ,
Когда возможно то при нравѣ толь крутомъ
Супруга и царя.

МАРІАМНА.

Сколь пылокъ онъ, столь нѣженъ;
Въ минуту строгъ и благъ онъ и врагамъ прибѣженъ.

КАДА.

Нравъ сносенъ можетъ быть сей у простыхъ людей.
Но мысль и дѣйства вдругъ суть часто злы царей,
А паче вкругъ кого совѣтники такіе,
Какъ злѣйшая змѣя, коварна Соломія;
Погрязнувъ, кажется, со Антипатромъ въ страсть,

Digitized by Google

Пронырствуетъ, себѣ присвоивая власть.
Не тщетно въ нощь сію мнѣ зрѣлся сонъ ужасный,
Что будто, съ нимъ она цвѣты тебѣ прекрасны
Разсыпавъ подъ стопы, кровавою рукой
На Ирода хитонъ надѣла золотой,
Въ раздранной бывъ сама одеждѣ, гнусной, черной,
И будто градъ течетъ къ царю волной смятенной,
А онъ къ нему съ лицомъ смѣющимся идетъ.

МАРІАМНА.

Какъ суевѣрна ты! — Счастливъ владѣтель тотъ,
Котораго толпа народа окружаетъ.

КАДА.

Напротивъ, страшный сонъ меня сей наклоняетъ
Къ предчувствамъ нѣкакимъ печальнѣйшимъ и злымъ.
И се ужъ къ намъ бѣгутъ.

МАРІАМНА.

Се знакъ: нашъ царь любимъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Александръ и Аристобулъ, выбѣгая изъ толпы народа, остановившагося за воротами сада.

АЛЕКСАНДРЪ.

(*Трепеща.*)

О ужасъ! о позоръ!

АРИСТОБУЛЪ.

(*Тоже.*)

О злѣйшее свирѣпство!

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ.

(*Оба вдругъ.*)

Любезнѣйшая мать!

МАРІАМНА.

(*Обнимая ихъ.*)

Чтó сдѣлалось? — Иль бѣдство
Какое вамъ грозитъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Пѣвецъ изящный тотъ,
Въ чертогахъ у тебя нерѣдко чтó поетъ...

АРИСТОБУЛЪ.

На древѣ пригвожденъ, по волѣ царской власти,

Digitized by Google

И тьмою острыхъ стрѣлъ разсѣченъ въ мелки части;
Жизнь съ сердцемъ у него изъ груди извлекли.
Слова и на тебя позорныя рекли.

КАДА.

Какъ?

МАРІАМНА.

Кто?

АЛЕКСАНДРЪ.

Злой Антипатръ.

МАРІАМНА.

Онъ.

АРИСТОБУЛЪ.

Такъ звѣроподобно!

МАРІАМНА.

Невинность погубить столь люто, столь безбожно!..
Чудовище! Но какъ сіе случилось зло?
Спокоенъ Иродъ былъ. Но гдѣ же не могло
Коварство съ клеветой къ своей достигнуть мѣтѣ?
О добродѣтель! какъ страдаешь ты на свѣтѣ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Убійца жертву самъ при казни сожалѣлъ.

АРИСТОБУЛЪ.

И намъ являлъ, что спасть съ тобой и насъ хотѣлъ.

МАРІАМНА.

А вы враждебныя, таинственны такія
Внушенія внимать осмѣлилися злыя
Противъ державнаго родителя, царя,
И матери своей?

АЛЕКСАНДРЪ.

Какъ съ братомъ говоря...

МАРІАМНА.

Такъ, Антипатръ вамъ братъ; но...

АЛЕКСАНДРЪ.

Дружбы зримъ въ немъ пламень.

МАРІАМНА.

Коварный, хитрый другъ — подводный, скрытый камень!
Какой онъ можетъ вамъ благой подать совѣтъ,
А развѣ въ сѣть свою какую васъ ведетъ.
На вашъ престолъ его вся цѣль и ухищренья.

Digitized by Google

О дѣти юныя! страшитесь наущенья
Противъ родителей, кто бъ что ни говорилъ.

КАДА.

(*Въ сторону.*)

Не неусерденъ, мню, разсказъ[a] Соверновъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Иродъ и Архелай, который, при входѣ въ садъ увидя Маріамну, возвращается; дѣти и Када удаляются.

ИРОДЪ.

(*Оглянувшись на Архелая.*)

Вамъ, Архелай, дастъ знать часъ Антипатръ съ Соверномъ...

(*Подходя къ Маріамнѣ.*)

О уваженіи Октавія отмѣнномъ,
Я мню, ты слышала?

МАРІАМНА.

Благодарю за честь.

ИРОДЪ.

И для меня сія весьма пріятна вѣсть.
Но на лицѣ твоемъ печаль я обрѣтаю
И, вмѣсто радости, зрю грусть, — не понимаю,
Тревожусь безъ причинъ, тебя смущенну зря,
Неужто смерть пѣвца?...

МАРІАМНА.

Жизнь, смерть — въ рукѣ царя.
Поставленъ укрощать народа онъ строптивость.
Но, Иродъ! если царь творитъ несправедливость, —
Есть надъ царями Царь, сей Царь царей есть Богъ,
Котораго перунъ крушитъ гордынь ихъ рогъ.
О, если Онъ бросать его на насъ возстанетъ,
За слезы и за кровь Юдеи не достанетъ.
Ахъ! трепещи, мой другъ, прогнѣвать ты Его!

ИРОДЪ.

Какія бы сего укора твоего
Причины важныя мнѣ были, Маріамна?
Ничтожна рабища кровь казнью проліянна
Не стоитъ словъ твоихъ.

МАРІАМНА.

Иль рабъ не человѣкъ?
О мой любезнѣйшій! еще ль твой славный вѣкъ

Digitized by Google

Ты тьмить не престаешь такимъ поспѣшнымъ гнѣвомъ?
Еще ли мало былъ за то разимъ ты небомъ?
Не смѣю защищать; но смѣю говорить:
Царь долженъ миловать; законъ, — судя, казнить.

ИРОДЪ.

Я думалъ, кротостью покрыта наша ссора;
Но ты еще винишь, зачѣмъ безъ приговора
Казненъ мой дерзкій врагъ. Такъ знай: цѣленье ранъ
Владыкъ принадлежитъ къ числу глубокихъ тайнъ.
Открытое суда въ семъ случаѣ рѣшенье
Монаршу было бы величью униженье.
Симъ все тебѣ сказалъ, безмолвствуй, понимай, —
И трепещи меня...

МАРІАМНА.

Когда винна, карай!
Но прежде объяви мое ты преступленье.

ИРОДЪ.

Не обличенна ль ты во царскомъ оскорбленьѣ?
Пѣвецъ былъ не вводимъ во ложницу мою?
Сейчасъ велю терзать измѣнницу свою.
Возьми, прочти свою сама ты здѣсь невѣрность,
И казни жди своей.

(*Бросаетъ хартію.*)

МАРІАМНА.

(*Поднявъ и прочтя равнодушно.*)

Какая легковѣрность!
Не Соломона ль пѣснь прибрачная сія,
Которую, твоей невѣстою бывъ я,
Своею для тебя рукой переписала
И предъ тобой неразъ въ любви своей пѣвала,
Какъ нѣжна горлица съ высотъ во знойный день
Сзываетъ горлика къ себѣ древесъ подъ тѣнь?
Я пѣла пѣснь сію съ тобою и въ разлукѣ,
Въ моей тебя всегда воображая скукѣ,
И повторялъ ее подъ арфой часто мнѣ
Пѣвецъ тотъ въ ликѣ дѣвъ. Сіе ли днесь къ винѣ
Моей передъ тобой причислить ты желаешь
И безпорочну жизнь въ порочную вмѣняешь?

Digitized by Google

ИРОДЪ.

(*Съ удивленіемъ.*)

Ты права, можетъ быть. Однакожъ общій слухъ
Мнѣ вѣроятностью колеблетъ сильно духъ.
Почто бы и сію знать безъ меня забаву
И въ сердце мнѣ вливать толь страшную отраву?
О Маріамна! мнѣ колико ты мила,
Измѣнницею бы несноснѣе была.
Красы и прелести, безцѣнны сердца узы,
Перемѣнились бы въ страшилища Медузы.

МАРІАМНА.

Льстецы малѣйшихъ чувствъ въ насъ склонности блюдутъ.
Какихъ они цѣпей твердѣйшихъ не прервутъ?

ИРОДЪ.

Начто жъ и подавать пронырствамъ ихъ причины
И двигать тайныя души моей пружины?
Ты знаешь, я ревнивъ.

МАРІАМНА.

О нѣжный мой супругъ!
Приди, облобызай, сладчайшій сердца другъ!
Открытое твое признаніе такое
Мнѣ счастіемъ творитъ несчастье даже злое.
Чтó дѣлать, коль сія тобой владѣетъ страсть?
Но, ахъ! любящихся и въ ней завидна часть,
Не бурѣ коль она, а вѣтерку подобно,
Животворя огонь, не задушаетъ злобно
Въ сгарающихъ сердцахъ.

ИРОДЪ.

(*Нѣжно.*)

Такъ любишь ты меня?

МАРІАМНА.

Дай руку и коснись ей въ сердцѣ семъ огня;
Измѣрь вздыханія, исчисль его біенье
И, нѣжныхъ чувствъ моихъ вообразя волненье,
Познай, что нѣтъ сильнѣй моей къ тебѣ любви.

ИРОДЪ.

Ты вѐсь мятешь мой умъ, жизнь гасишь во крови.
Не знаю, чтó начать; борюся я съ собою.
Виновна ты... Ахъ, нѣтъ! — я виненъ предъ тобою.

Digitized by Google

Простишь ли ты меня, коль буду я просить,
Или презрѣніемъ захочешь отомстить?
Рѣши мою судьбу.

(*Бросается на шею и обнимаетъ ее со слезами.*)

МАРІАМНА.

Желаніе прощенья
Отъ горькихъ слезъ меня возноситъ въ восхищенья.
Природа вкругъ меня беретъ эдемскій видъ,
Пресвѣтлый Ангелъ мнѣ въ супругѣ предстоитъ.
Безсмертными его плѣненна красотами,
Дышу блаженствомъ я, ношуся небесами!
Не будь лишь ты таковъ, какъ передъ симъ мнѣ рекъ,
Что недостоинъ быть судимымъ человѣкъ,
Подозрѣваемый царя во оскор´леньѣ.
Нѣтъ, другъ мой! гордое такое изреченье,
Презрѣнье Вышнему, что ты, Его судомъ
Не уважая, мнишь собою быть царемъ.
Повѣрь, что сила всѣхъ владыкъ, вельможъ коварства,
Надежда на себя — не сберегаютъ царства,
Когда Всевышняя рука ихъ не хранитъ.

ИРОДЪ.

Святая истина твоя меня разитъ.
Отнынѣ никого не огорчу я гнѣвомъ.

МАРІАМНА.

(*Увидя идущаго Антипатра.*)

Да утвердишься въ томъ ты милосердымъ небомъ!
Да будетъ за меня порукою оно,
И непорочность лишь свидѣтельство одно!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ИРОДЪ.

(*Одинъ, не видя Антипатра, изъ стороны вышедшаго.*)

Чтó можетъ говорить святѣе добродѣтель?
Ея невинности я самъ теперь свидѣтель,
Но сердце царское подобно той мѣтѣ,
Блестящей въ очи всѣмъ на горней высотѣ,
Котору тучи стрѣлъ отвсюду поражаютъ:

Digitized by Google

Такъ доблесть и моей супруги помрачаютъ.

(*Оглядывается.*)

Какъ, Антипатръ, ты здѣсь?

АНТИПАТРЪ.

Лишь ляжетъ солнце въ понтъ, —
Предстанетъ Архелай.

ИРОДЪ.

Мое на горизонтъ
Взошло ужъ изъ-за тучъ. — О сынъ! остерегайся
И на молву людей отнюдь не полагайся.
Мнѣ Маріамнина невинность такъ видна,
Какъ на небѣ въ нощи блестающа луна.

АНТИПАТРЪ.

Царь рекъ...

ИРОДЪ.

То истина, и вѣрь.

АНТИПАТРЪ.

Благоговѣю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Юда, держащій въ одной рукѣ кубокъ, а въ другой мѣшокъ со златомъ; вышедъ вдругъ изъ лѣсу, упадаетъ на колѣна.

ЮДА.

Живъ Юды Богъ! живъ царь! Ихъ рабъ, представить смѣю:
Здѣсь злато, а здѣсь ядъ. — Царицыны они,
Чтобы пресѣчь твои ей ненавистны дни.

ИРОДЪ.

На жизнь мою тебѣ прислала Маріамна?
Вострепещи, злодѣй! — Ложь, кознь то несказанна!

ЮДА.

Всевышній сердце зритъ!

ИРОДЪ.

(*Съ ужасомъ отступаетъ.*)

Ужели такъ сія
Сирена, сладостный свой гласъ въ мой слухъ лія,
Въ ласкательствахъ своихъ была преухищренна,
Что не проникъ я ихъ? О хитрость безпримѣрна!
Скорѣе, Антипатръ, сіе мнѣ испытай.
Или теперь тутъ адъ, гдѣ зрѣлъ сейчасъ я рай?

Digitized by Google

Какъ бѣденъ, жалокъ царь въ злодѣйскомъ здѣшнемъ мірѣ!
Вьютъ гнѣзда у него скорпіи и въ порфирѣ:
Вблизи они, вдали, вездѣ расположены,
Ползутъ, льютъ ядъ. — Ахъ! чтó лукавой злѣй жены?

(*Къ Антипатру.*)

Иди, пускай весь градъ умретъ во истязаньѣ!

(*Антипатръ съ Юдою хотятъ уйти.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Соломія, съ поспѣшностію изъ-за деревьевъ выбѣгаетъ.

СОЛОМІЯ.

Твое ль, любезный братъ, толь страшно восклицанье
Я слышала, древесъ сидя въ тѣни густой?
Чтó сдѣлалось тебѣ? Ахъ! чтó? вѣщай!

ИРОДЪ.

(*Юдѣ.*)

Постой!
Скажи ты ей, отколь, кому и чтó въ прохладу
Въ семъ кубкѣ приносилъ?...

ЮДА.

Отъ Маріамны яду.
Когда возжаждетъ царь, велѣла мнѣ подать.

СОЛОМІЯ.

О демонъ злой въ лучахъ! Прости, что такъ назвать
Супругу я твою, любезный братъ, посмѣла.
Союзъ вашъ святъ; но тѣмъ сказать лишь я хотѣла,
Что ты дороже мнѣ.

ИРОДЪ.

Погибъ весь разумъ мой!
Кто бы повѣрить могъ, что василискъ въ ней злой?
На чью привязанность и вѣрность полагаться,
Коль должно женъ своихъ мужьямъ остерегаться?
О я несчастнѣйшій! тяжка судьба моя!

(*Облокачивается на статую.*)

СОЛОМІЯ.

Хвала Всевышнему, спаслася жизнь твоя!
Хоть я оправдывать не смѣю Маріамну,
Но злобу такову отнесть къ ней несказанну

Digitized by Google

Поистинѣ сумнюсь. Почтенна и славна
По мужѣ лишь жена. Прахъ безъ тебя она.

ИРОДЪ.

Супруга своего измѣнница, убійца!

СОЛОМІЯ.

Не можетъ быть она свирѣпая столь львица.
Поколебаться ей лишь развѣ можно тѣмъ,
Въ благоволеніи коль цезарь бы своемъ
Ей на защиту знакъ явилъ своей десницы.

(Въ полголоса.)

Видъ нѣкій есть тому...

ИРОДЪ.

(Въ смятеніи.)

Какъ?

СОЛОМІЯ.

Всадники, возницы
Готовы тамъ, и чернь вкругъ собралась туда.
Мнѣ страненъ сталъ сей скопъ; а здравіе всегда
Какъ брата и царя всего мнѣ есть милѣе,
То я сквозь вѣтви древъ, въ виду тебя имѣя,
Все примѣчала здѣсь.

ИРОДЪ.

(Въ смятеніи Антипатру.)

Не ковъ ли ужъ какой,
Ты слышишь, Антипатръ, противъ меня то злой?

СОЛОМІЯ.

На возмутителей народнаго спокойства
Давно бы, государь, не кроткія ты свойства,
Но правосудіе и строгость обратилъ.

ИРОДЪ.

(Ободрясь.)

Сотру главы ехиднъ, лишь только бъ ихъ открылъ.

АНТИПАТРЪ.

Коль есть гдѣ заговоръ, то вождь я въ немъ верховный.
О! нѣтъ, родитель мой! Твой стражъ есть сынъ твой кровный;
Предъ симъ хотя понесъ я твой упрекъ и гнѣвъ,
Но не воздремлетъ сей тебя хранящій левъ.
Изслѣдую я все и пріиму всѣ мѣры.
Коль есть гдѣ скопища, найду и средь пещеры;

Digitized by Google

А чтобъ они никакъ укрыться не могли,
Вручи мнѣ только власть и маніемъ вели.

ИРОДЪ.

Се длань моя тебѣ; иди, твори чтó должно;
Но дѣломъ не считай, чтó по себѣ ничтожно;
А впрочемъ не смотри на возрастъ, санъ и полъ,
Имѣя лишь въ виду меня и мой престолъ.
Преслѣдуй всѣхъ, ищи и въ сендаринъ подъ стражу
Въ оковахъ привлеки. Я тамъ рѣшу, уважу,
Какъ самодержецъ, всѣхъ самъ лица и вины.

(Антипатръ и Юда уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Иродъ и Соломія.

СОЛОМІЯ.

Ужель сей точно бунтъ есть ковъ твоей жены?
О государь и братъ! берегись въ минуту злую.
Будь Идумеянинъ!

(Плачетъ.)

ИРОДЪ.

О небо!

(Въ смущеніи уходитъ.)

СОЛОМІЯ.

(Съ злобною радостію поглядѣвъ вслѣдъ его, къ зрителямъ.)

Торжествую!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Письмохранилище царское (кабинетъ); столъ, на которомъ множество папировъ въ свиткахъ и просто разметанныхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ИРОДЪ.

(Одинъ ходя въ задумчивости.)

Не утвержденъ ли я теперь сестрою въ томъ,
Что мнѣ готовится женою скрытый громъ?
Какъ я ни думаю, какъ я ни разсуждаю,
А Маріамну все виновной обрѣтаю.
Положимъ, что пѣвецъ и не былъ ей прельщенъ;
Но вмѣсто быть его не могъ ли самъ Севернъ?

Digitized by Google

И съ тѣмъ внушилъ мою онъ тайну ей верховну,
Чтобъ симъ предательствомъ войти къ ней въ связь любовну;
Но чтобъ сокрыть ему преступну страсть сію,
Вину онъ на пѣвца возвергъ и месть мою.
А чтобъ не вышла въ свѣтъ, то къ общу избавленью,
Чрезъ виночерпія прибѣгли къ отравленью.
Да и царицѣ толь отличнѣйшая честь
Въ письмѣ отъ цезаря зачѣмъ? Тутъ скрыта лесть;
Конечно, и лица ея изображенье
Затѣмъ въ Римъ послано въ богатомъ украшеньѣ,
И словомъ, вмѣстѣ все какъ то̀ соображу,
Отъ Соломіи что̀ я слышалъ, нахожу.
Въ смущеніи себя различномъ, непонятномъ,
Въ честолюбивомъ столь и съ подлостью развратномъ
Народѣ, Римъ каковъ, чего не можетъ быть?
Когда онъ, ни во что̀ супружній ставя стыдъ,
Для сластолюбія владыкъ роскошной власти,
Въ сенатѣ женъ своихъ опредѣлялъ для страсти:
То не пріѣхалъ ли и Архелай затѣмъ,
Чтобъ Маріамнѣ быть ко Августу вождемъ?
Ахъ! въ лабиринтѣ я коварствъ и козней темномъ
Подобенъ страннику въ распутіи подземномъ,
Который предъ собой звѣрей зритъ всюду зѣвъ;
Подземный ржущій огнь, со облакъ грома ревъ,
Бурь страшныхъ со сторонъ внимаетъ завыванье,
Распростирающихъ смертельно замерзанье;
И онъ, какъ каменный, въ тмѣ стоя, смерти ждетъ:
Се образъ чувствъ моихъ и вкругъ грозящихъ бѣдъ!
Причина жъ кто сему?—измѣнница коварна!
Сирена лютая! жена неблагодарна!...
Но я рѣшусь: пождемъ, что̀ скажетъ Архелай,
Что Юда подтвердитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Иродъ и Архелай.

АРХЕЛАЙ.

Монархъ! повелѣвай.
Я въ часъ къ тебѣ пришелъ, тобой опредѣленный.

Digitized by Google

ИРОДЪ.

Благодарю народъ, сенатъ, главу вселенны
За уваженіе присылкою тебя.
О Архелай! въ тебѣ я сродника любя,
Доволенъ искренно твоимъ межъ насъ посредствомъ.
Симъ Августъ мнѣ явилъ отличну честь привѣтствомъ
И далъ народамъ знать, что онъ мнѣ вѣрный другъ.
Но удивляюся, любезнѣйшій мой внукъ,
Теперь лишь я тому, что ты имъ былъ отправленъ
Въ тотъ самый день, когда и мною Тибръ оставленъ.
Съ тобою присланно письмо сіе гласитъ.

(*Показываетъ письмо.*)

АРХЕЛАЙ.

Тебѣ я посланъ въ слѣдъ.

ИРОДЪ.

Но какъ же не открытъ
Самимъ мнѣ Августомъ тотъ вихрь, для утишенья
Ты посланъ коего?

АРХЕЛАЙ.

Отъ Юльи извѣщенья
О томъ онъ получилъ въ тотъ самый только часъ,
Какъ ты оставилъ Римъ; то, чтобъ народный гласъ
Не предварилъ тебя, не ввергъ бы въ безпокойство,
Знавъ къ Маріамнѣ страсть твою и пылко свойство,
Велѣлъ мнѣ за тобой сколь можно поспѣшать,
И васъ съ супругою всемѣрно примирять,
Поколь онъ не сберетъ отсель всѣхъ въ Римъ писаній,
На домъ подавшихъ твой вину оклеветаній;
Собравши же, тотчасъ съ нарочнымъ ихъ пришлетъ,
Дабы тебѣ открыть въ злоумышленьяхъ свѣтъ.

ИРОДЪ.

О дружба рѣдкая! почти невѣроятна,
И много бъ мнѣ она была въ сей день пріятна,
Коль не открылся бы еще важнѣйшій вредъ
И умыслъ на меня. Внимай!

(*Указывая на вошедшаго Антипатра.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Антипатръ.

АНТИПАТРЪ.

Доносчикъ твердъ:
По страшнымъ мной ему чинимымъ истязаньямъ,
Послѣдуетъ своимъ онъ прежнимъ показаньямъ.

АРХЕЛАЙ.

Чтó сдѣлалось?

ИРОДЪ.

Языкъ не можетъ мой изречь.
(Антипатру.)
Повѣдай, Антипатръ.

АНТИПАТРЪ.

Жизнь царскую пресѣчь
Прислужника жена коварна подкупила.
Терзающа его тó совѣсть всѣмъ открыла.

АРХЕЛАЙ.

Не можетъ быть того.

ИРОДЪ.

Дивись, о юный другъ!
Какой и чрезъ кого ударъ разитъ мой духъ.

АНТИПАТРЪ.

Великая душа ничѣмъ не колебима,
И истина вездѣ въ своемъ ей блескѣ зрима.

АРХЕЛАЙ.

Но люди съ слабостьми.

АНТИПАТРЪ.

Себя кто не премогъ,
Не можетъ быть судья. Судья—тѣлесный богъ:
Въ его десницѣ мечъ.

ИРОДЪ.

(Уныло.)
Ты грудь разишь печальну.
Не строгость звать теперь мнѣ въ помощь...

АНТИПАТРЪ.

(Въ полголоса, съ коварною улыбкой.)
Маріамну.

ИРОДЪ.

(Съ гнѣвомъ.)
Коль такъ,—иди, зови.

Digitized by Google

АРХЕЛАЙ.

И какъ же обвинять
Возможно вамъ ее, когда предъ судъ не звать?

(*Антипатръ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Иродъ и Архелай.

ИРОДЪ.

Между любовію и живота спасеньемъ
Обуреваюсь я ужаснѣйшимъ волненьемъ.
За Маріамну мнѣ здѣсь сердце говоритъ;
Мнѣ жизнь мою беречь отечество велитъ;
Но помощи ни въ комъ, ты зришь, не обрѣтаю.
Какъ былie въ рѣкѣ, ношуся съ краю къ краю.

АРХЕЛАЙ.

Пристрастенъ, государь, кто въ дѣлѣ самъ чему,
Необходимъ совѣтъ и мудрому уму.

ИРОДЪ.

Гдѣ жъ тотъ совѣтъ?

АРХЕЛАЙ.

Я младъ еще сего къ рѣшенью.
Но по великаго сената разсужденью,
Царя есть первый долгъ, чтобы умѣть избрать
Совѣтниковъ себѣ и должности имъ дать.

ИРОДЪ.

Чтó на словахъ легко, не все на дѣлѣ можно:
Іюлій былъ мой врагъ; но Брута хвалятъ ложно.

АРХЕЛАЙ.

Довѣренность владыкъ родству не подлежитъ,
Ни сходству нравовъ, лѣтъ, ни кто умомъ блеститъ;
Но въ благочестіи воспитанному духу
И многимъ опытамъ по всенародну слуху.
Октавій ищущимъ не раздаетъ честей.
По пользамъ зритъ дѣла, а по дѣламъ людей.
Агриппа у него зачѣмъ въ чести толикой?
Агриппу Иродомъ, чтитъ Ирода Агриппой.

ИРОДЪ.

Но гдѣ же таковыхъ царямъ Агрипповъ взять?

Digitized by Google

АРХЕЛАЙ.

Со славой царствъ безъ нихъ не можно управлять.
Кто сколько бъ ни имѣлъ познаній, дарованій, —
Противу тысящей стремящихся желаній
Безумецъ мыслящій одинъ всѣмъ угодить.
Межъ неба и земли посредникъ долженъ быть,

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Маріамна, Соверпъ, Антипатръ и Соломія.

МАРІАМНА.

(*Важно.*)

Я слышу, новому внимаешь ты навѣту,
О Иродъ, что хочу тебя лишить я свѣту.
Страшна сія мнѣ казнь; но тò еще страшнѣй,
Что съ разумомъ твоимъ ты могъ повѣрить ей.
За истину сего столь низкаго коварства
Я отреклась бы въ дарь принять всѣ міра царства.
Но не намѣрена я оправдать себя
И ни о чемъ теперь я не прошу тебя.
Въ обидѣ таковой, пощадъ, твоей пріязни
Я ужаснулась бы лютѣйшей паче казни.
Но еслибъ льстилася какихъ себѣ отрадъ,
То чтобъ на жизнь мою одинъ ты бросилъ взглядъ
И, съ ней сравнивъ свою, не клеветою злобной,
А по дѣламъ самимъ нашелъ меня виновной.
Мой родъ и твой временъ еще не скрыла мгла:
Во прахѣ ползалъ ты, — царевна я была.
Когда Солимъ сей былъ Сосіемъ осажденнымъ,
Извѣстенъ ты мнѣ сталъ по подвигамъ военнымъ;
Но взяли какъ его, спасть плѣнныхъ ты притекъ
И, мечъ свой отвратя, Римлянамъ злобнымъ рекъ:
Что капли крови ты пролить единоземной
За обладаніе не хочешь всей вселенной:
То сердце ты мое толико тѣмъ возжогъ,
Что путь себѣ отверзъ въ него и въ мой чертогъ.
Достоинствамъ твоимъ я сдѣлала отлику,
Рукой сей сопричла тебя монарховъ лику.
Забылъ въ тебѣ народъ мой идумейску кровь,

Digitized by Google

Но какъ природному — явилъ свою любовь;
Извѣстенъ чрезъ него ты сдѣлался вселенной
И дружбой цезаря украсился почтенной.
Но какъ узрѣлъ себя на высотѣ честей,
Ты Богомъ избранныхъ презрѣлъ моихъ людей,
Совѣты позабылъ супружеской пріязни,
Безъ винъ и безъ суда сколь многихъ предалъ казни,
Разграбилъ, разорилъ мнѣ ближнихъ и родныхъ,
Презлобно уморилъ въ изгнаньяхъ, въ мукахъ злыхъ.
Но варварства ль счислять? — Они извѣстны свѣту.
Колѣна моего князей ужъ больше нѣту.
При всемъ томъ думала тебя я извинять,
Что цѣлость царства ты былъ долженъ поддержать.
И даже, какъ меня два раза въ заключеньи
Ты оставлялъ на смерть, — пребывъ тверда въ терпѣньи,
Приписывала все я ревности одной,
Что дорожилъ, любя, моей ты красотой...
Но нынѣ, ахъ! за все мое ты уваженье,
За дружбу, за любовь, за скромное терпѣнье
Считаешь коль меня своей убійцей злой:
Стократно я умру, чѣмъ царствовать съ тобой;
Сто разъ мнѣ лучше смерть, чѣмъ стонъ. — О я несчастна!
Почто казалася сперва ему прекрасна?
Почто любовь къ себѣ я въ немъ могла возжечь?
Безжалостно моимъ даетъ слезамъ онъ течь!

ИРОДЪ.

(*Съ принужденною холодностію.*)

Царей жизнь — жизнь есть царствъ, душа въ нихъ правосудья.

АНТИПАТРЪ.

(*Въ полголоса.*)

Царица! повинись.

МАРІАМНА.

(*Съ гнѣвомъ.*)

Въ чемъ? въ чемъ? — Иль что орудья
Вы съ Соломіею всему? О хитрый льстецъ!
Давно дѣтей моихъ манитъ тебя вѣнецъ,
И злобная душа

(*Указывая на Соломію.*)

съ тобой сія сдружилась,
Чтобъ рода моего и память истребилась.

Digitized by Google

Отъ васъ мои текутъ все скорби и бѣды.
Защита Августъ мнѣ!

АНТИПАТРЪ.

(*Пожавъ плечами.*)

Гдѣ царственны бразды?

ИРОДЪ.

(*Вспыльчиво.*)

Ты цезаремъ грозишь?

СОЛОМІЯ.

(*Упадая въ ноги со слезами.*)

Избавь меня отъ злаго
Ругательства и грозъ, мой братъ! — Мнѣ нѣтъ покрова.
У ней...

(*Указавъ на Соверна.*)

СОВЕРНЪ.

Она ни въ чемъ...

ИРОДЪ.

(*Соверну съ яростію.*)

И ты, ползуща тварь,
Сталъ другъ днесь ей, кому тобой твой преданъ царь!
О! вижу я твое все ухищренье нынѣ;
Такъ оправдайтесь вы всѣ вмѣстѣ въ сандаринѣ.

(*Антипатру.*)

Сбери его сейчасъ.

СОЛОМІЯ.

(*Вставъ съ плачемъ.*)

Довольно ты терпѣлъ.

ИРОДЪ.

(*Съ крикомъ.*)

Судъ! Судъ!

МАРІАМНА.

(*Съ твердостію.*)

Зерцало душъ судъ злыхъ и добрыхъ дѣлъ.
Я не боюсь его. Столь лютымъ восклицаньемъ
Льстецамъ бы ты грозилъ, чтобъ ихъ оклеветаньемъ
Невинность горькихъ слезъ на тронъ твой не лила:
Рѣчь гнѣва царскаго убивственна стрѣла.

ИРОДЪ.

Довольно читаны ужъ мнѣ тобой уроки,
И обольстительныхъ видалъ я слезъ потоки,
Довольно, — и теперь не вѣрю ничему.

Digitized by Google

МАРІАМНА.

Не мнѣ, мучитель, вѣрь, — народу вѣрь всему.

ИРОДЪ.

Обманчивъ гласъ его для мудра властелина.
По видамъ всякъ своимъ, — тотъ хочетъ сердца львина,
Тотъ агнчей кротости. Но царь зритъ на дѣла.

МАРІАМНА.

Какого жъ, гдѣ, скажи, виновница я зла?

ИРОДЪ.

На жизнь мою, на тронъ съ дѣтьми ты покушалась.

МАРІАМНА.

Такъ хочешь ли, чтобъ я дѣтьми и оправдалась?
(*Соверну.*)
Поди, ихъ призови.
(*Совернъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Иродъ, Маріамна, Соломія, Антипатръ и Архелай.

АРХЕЛАЙ.

Невинность лучшій есть
Свидѣтель истины.

МАРІАМНА.

Хоть внутренняя честь
И добродѣтели всѣхъ золъ превозможенье
Возносятъ смертнаго въ чинъ звѣздъ и обоженье,
Но очи царскія полны бываютъ тмы.
Гдѣ сѣтью пауковъ покрыты ихъ умы,
Гдѣ стѣны всѣ шипятъ враждой и клеветою,
Чтобъ только верхъ имъ взять надъ правдою святою,
Тамъ тщетно ожидать невинности вѣнца;
Не будутъ правыми и дѣти у отца;
Ни въ дружбѣ, ни въ любви не встрѣтится препятства,
Коль властолюбіе, корысть и святотатства
На пагубу идутъ противниковъ своихъ.
(*Увидя идущихъ дѣтей къ Ироду*).
Спроси при мнѣ ты самъ и зри невинность ихъ.

ИРОДЪ.

(*Съ яростію.*)
Такъ, хитрая жена, пронырствами твоими
Еще мнишь обладать ты чувствами моими.

Digitized by Google

Но знай, сколь ни горитъ къ тебѣ въ груди сей кровь,
Но побѣдить могу я и къ тебѣ любовь;
Не возвратишь своей ни воплемъ, ни слезами
Надъ мною власти ты. Судъ, судъ и надъ дѣтями!

(Уходитъ въ бѣшенствѣ съ Антипатромъ и Архелаемъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Маріамна, Соэмнъ, Александръ, Аристобулъ и Када.

МАРІАМНА.

(Къ дѣтямъ.)

Какихъ взаимныхъ чувствъ пріязни и любви
Не охлаждаетъ лесть и клевета! — Увы!
Я мнила вами здѣсь духъ умилить супруга,
И васъ къ стопамъ его, себя же къ сердцу друга,
А не царя, прижать; но онъ ушелъ отъ насъ.

(Обнимая, цѣлуетъ.)

Я не хочу стирать теперь слезъ съ вашихъ глазъ;
Нѣтъ! плачьте по отцѣ, что полюбилъ онъ злобу,
И плачьте вы по мнѣ, что я гонима къ гробу.
Ахъ! плачьте, сироты, что въ юность вашихъ лѣтъ
Рукою хищною вашъ померкаетъ свѣтъ;
Что вы лишаетесь наслѣдственнаго трона
И въ васъ мой гибнетъ родъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

(Обнимая Маріамну.)

Ахъ! твоего мы стона,
Любезнѣйшая мать, не можемъ перенесть.

АРИСТОБУЛЪ.

(Тоже обнимая.)

На что и царская безъ матери намъ честь?
Кто въ ней насъ ободритъ, совѣты дастъ благіе?

АЛЕКСАНДРЪ.

Кто — кромѣ матери столь нѣжныя, драгія?
Чтó жизнь намъ безъ тебя?

АРИСТОБУЛЪ.

Умремъ съ тобой и мы.

МАРІАМНА.

(Плачетъ.)

Не лейте болѣе печальной въ сердце тмы,
О чада милыя! надѣйтеся на Бога.

Digitized by Google

Предъ волею Его ничто судьбина строга.
Онъ можетъ прекратить жестокость нашихъ бѣдъ,
Вознесть отъ смерти въ жизнь, создать изъ мрака свѣтъ.
Пожду супруга здѣсь, — подите вы къ покою,
Облобызайте мать. Ахъ! можетъ быть, со мною
Вы не увидитесь.

(*Обнимая ихъ, цѣлуетъ и плачетъ.*)

АЛЕКСАНДРЪ.

Увы!

АРИСТОБУЛЪ.

Какъ рокъ нашъ строгъ!

МАРІАМНА.

(*Соверну и Кадѣ.*)

Послѣдуйте и вы за ними въ ихъ чертогъ.

(*Уходятъ, а на горизонтѣ видна луна сквозь окошки.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРІАМНА.

(*Одна, глядя имъ вслѣдъ.*)

Подобно Ангеламъ въ нѣжнѣйшемъ юность дѣтствѣ
Дремотой сладкою покоится и въ бѣдствѣ;
Но въ зрѣломъ возрастѣ весь вѣкъ нашъ, будто челнъ,
По безднамъ носится житейскихъ бурныхъ волнъ.
И къ дѣтямъ днесь любовь, къ супругу, столь святая,
Меня на части рветъ, какъ бы тигрица злая.
Къ однимъ влекусь какъ мать, къ другому какъ жена.
Въ потокѣ кедрскомъ такъ луна раздроблена,
Подъ осѣненіемъ вкругъ кипарисовъ темныхъ,
Колеблется отъ бурь средь тѣней страшныхъ, блѣдныхъ.
О Иродъ! сколько ты навлекъ мнѣ въ жизни золъ!
Не можетъ быть съ тобой пріятенъ и престолъ,
Не лестны мнѣ вѣнца и скиптра камни честны,
Лишь сердца твоего мнѣ вздохи были лестны.
Они мнѣ царство все, весь замѣняли свѣтъ;
Но, ахъ! ужъ для меня теперь ихъ больше нѣтъ.
Уже предчувствіе мятетъ меня сердечно,
Что скоро кончу жизнь тобой безчеловѣчно;
Но я тебя люблю. — О, гробы праотцовъ!
Мой восприимите прахъ, а духъ уже готовъ.

Digitized by Google

Такъ въ бездну вѣчности, какъ въ влагу силоамлю,
Низвергну бренну плоть, съ ней скорби всѣ оставлю,
Чтобъ жить невинности въ лучахъ.

(*Увидя вошедшаго Антипатра.*)

Мой врагъ пришелъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАРІАМНА И АНТИПАТРЪ.

АНТИПАТРЪ.

(*Подходя тихо.*)

Уединенную царицу здѣсь нашелъ
Въ безмолвной темнотѣ, задумчиву, печальну!
Ахъ! смѣю ль вопросить прекрасну Маріамну,
Услугой не могу ль какой...

МАРІАМНА.

Мнѣ нужды нѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Для отвращенія какихъ незапныхъ бѣдъ
Начальникъ града могъ тебѣ быть и полезенъ.

МАРІАМНА.

Отъ гнѣва царскаго хоть вѣкъ теперь мой слезенъ,
Но въ распрю между насъ входить не можетъ сынъ.

АНТИПАТРЪ.

Не оскорбляючи родительскихъ сѣдинъ,
Почтенная жена! я за тебя страдаю.

МАРІАМНА.

Стонъ для меня твой чуждъ.

АНТИПАТРЪ.

Невинность защищаю.
Не ты одна, а все отечество стенетъ.
Доколѣ намъ?..

МАРІАМНА.

Терпѣть, мой лучшій есть совѣтъ.

АНТИПАТРЪ.

Иль мужества въ женахъ не видѣла вселенна?
Юдиѳина рука сразила Олоферна.

МАРІАМНА.

(*Съ презрѣніемъ.*)

Не позабылъ ли ты, продерзостный, себя?

АНТИПАТРЪ.

Я? Нѣтъ.

МАРІАМНА.

(Грозно.)

Умолкни, тигръ!

АНТИПАТРЪ.

(Съ ласкою.)

Давно тебя любя,
На вѣчно мщеніе иль нѣжность посвящаю.

МАРІАМНА.

(Отходя къ двери Ирода.)

Прочь, извергъ, прочь!... Злодѣевъ презираю.

ЯВЛЕНІЕ X.

Соломія и Антипатръ.

СОЛОМІЯ.

(Встрѣтясь въ дверяхъ съ Маріамною.)

Братъ не велѣлъ тебя къ себѣ мнѣ допускать.
Покою хочетъ онъ.

(Маріамна, взглянувъ съ презрѣніемъ, уходитъ въ другую сторону.)

АНТИПАТРЪ.

(Съ торопливостію.)

Пришелъ тебѣ сказать:
Проконсулъ римскій, Варръ, пріѣхалъ съ полной мочью
Въ насъ распри разсудить. Прещу ему я ночью
Отверзть врата во градъ.

СОЛОМІЯ.

Спѣшить должно, спѣшить,
Чтобы грозящія напасти отвратить.
И я тебѣ скажу опасную намъ новость:
Сколь ни старалась я продлить въ душѣ суровость
Царя противъ жены; но онъ какъ тѣнь молчитъ
И, тихо слезы лья, показываетъ видъ,
Что онъ во всѣхъ ее винахъ уже прощаетъ,
Зоветъ къ себѣ иль ждетъ, иль къ ней идти мечтаетъ;
Иль чрезъ письмо себя ей хочетъ извинить.
На мигъ я отъ него не смѣла отходить,
Чтобъ какъ увидѣться не могъ онъ тайно съ нею,

Digitized by Google

Я двери заперла, приставя кустодею,
И навлекла ему на вѣжды тяжкій сонъ.
Онъ въ содроганьяхъ спитъ, пуская страшный стонъ.
Боюсь, чтобъ не вспрянулъ, не позвалъ Маріамну!
Бѣда, коль жертву мы оставимъ не закланну!

АНТИПАТРЪ.

Ужасныя теперь минуты предстоятъ.
Отважны мѣры вдругъ и быстры должно брать;
Повѣрься, не страшась, во всемъ ты сыну, другу.

СОЛОМІЯ.

(*Въ полголоса.*)

Мнѣ мало ихъ однихъ.

АНТИПАТРЪ.

Кому жъ еще?

СОЛОМІЯ.

(*Важно.*)

Супругу!

АНТИПАТРЪ.

(*Съ удивленіемъ.*)

Какъ?

СОЛОМІЯ.

Да, супруга зрѣть въ тебѣ я днесь желаю:
Въ порфирѣ иль гробу съ тобой себя вѣнчаю.

АНТИПАТРЪ.

Возможно ль то? Моя ты, Соломія, мать!

СОЛОМІЯ.

Оставь теперь свое притворство продолжать.
Не могъ не вѣдать ты, кто я, не знать той страсти,
Котора жжетъ меня и сердце рветъ на части.
Ахъ! что я изрекла? несчастная жена!
Но тайна изъ души уже извлечена.
Такъ, Антипатръ! познай, давно тобой я страстна
И только лишь тобой счастлива и несчастна;
Прошу тебя, молю, не мучь, не погуби:
Какъ я тебя люблю, такъ ты меня люби,
И сопрягаючись своей со мной душою,
Умремъ иль царствовать здѣсь будемъ мы съ тобою.

АНТИПАТРЪ.

Ужасный, страшный гласъ!

Digitized by Google

СОЛОМІЯ.

А для чего же я
Пеклася о тебѣ, и въ замыслахъ твоя
Помощница была, и скиптра домогалась?
Безъ соучастья бы я царствомъ не ссужалась.

АНТИПАТРЪ.

Но столь сродная съ тобой, столь близка кровь
Въ насъ душъ не съединитъ.

СОЛОМІЯ.

Соединитъ любовь.
Примѣры многіе въ народѣ нашемъ были.

АНТИПАТРЪ.

И лѣта ужъ меня съ тобою не сравнили.

СОЛОМІЯ.

Пять лѣтъ межъ насъ ничто.—Со мной ты вмѣстѣ взросъ.
Я только матери, ты имя сына несъ;
Но нѣжности мои вездѣ тебя искали,
Желанія твои вездѣ предупреждали.

АНТИПАТРЪ.

Чтó скажетъ весь народъ?—Гласъ предразсудковъ что?

СОЛОМІЯ.

Нѣтъ, Антипатръ! ты мнѣ скажи теперь не то;
А исповѣдай всю твою сердечну тайну,
Что страстенъ ты другой, что любишь Маріамну.
Не даромъ нощію зашли сюда съ ней вы,
Не даромъ ты обрекъ себя ея любви;
Поди же къ ней, поди, и обними прекрасну,
А я вамъ докажу любовь мою несчастну
Приличной жертвою: все брату разсказавъ,
Умру въ крови моей, васъ прежде растерзавъ.

(Уходитъ.)

АНТИПАТРЪ.

(Догнавъ.)

Постой, жестокая—иль мать, или супруга!
Что пользы погубить тебѣ толь вѣрна друга?
Постой!

(Выхватя мечъ съ намѣреніемъ ее поразить, но вдругъ удерживается.)

И какъ сей мечъ, блистая, вознесись
Межъ всѣхъ на свѣтѣ женъ, моею ставъ.

Digitized by Google

СОЛОМІЯ.

(Грозно.)

Клянись!

АНТИПАТРЪ.

Клянусь сей сталію и громомъ Аввадона,
Что все я сдѣлаю —

(Въ сторону).

для достиженья трона.

(Обнявшись, уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ сендаринъ, изъ коего въ арки, или большія окна, виденъ городъ, храмъ и кипарисная роща; тронъ подъ балдахиномъ о шести ступеняхъ, на седьмой кресла, столъ и на немъ регаліи царскія; на фронтонѣ трона скрижали; по сторонамъ его двѣнадцать львовъ, по числу двѣнадцати колѣнъ израильскихъ, т. е. на каждое по одному.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иродъ въ послѣдованіи раввиновъ и двора своего, покрытый печальнымъ вретищемъ и посыпанный по главѣ пепломъ, предшествуемый унылымъ хоромъ Левитовъ, въ продолженіе котораго слышенъ иногда громъ.

АНТИПАТРЪ.

(Съ обнаженнымъ мечемъ впереди.)

ХОРЪ ЛЕВИТОВЪ.

Грядетъ Господь и мщенье,
Какъ нощь средь черныхъ тучъ,
Какъ молньи — быстро зрѣнье,
Какъ громъ — въ десницѣ лучъ.

Онъ, обращаясь къ граду
Багрѣющимъ лицомъ,
Народамъ судитъ въ правду;
Какъ воскъ, Имъ таетъ холмъ.

Прахъ ногъ Его полижутъ
Нелюбящи Его;
На казнь себя приближутъ
Зло мнящи на Него.

Блаженъ, кого накажетъ
По милости Своей;
Блаженнѣе, кто скажетъ,
Что правъ предъ Нимъ душей.

Digitized by Google

ИРОДЪ.

(*Сѣдши на тронъ.*)

Соборъ Израиля, двѣнадцати колѣнъ,
Надъ коимъ царствовать я небомъ возведенъ,
О кровь Іаковля! народъ избранный Богомъ,
Имѣющій Его щедротъ себѣ залогомъ
Скрижали, скинію, сей градъ святой и храмъ,
Ліющій всюду свѣтъ, законы всѣмъ странамъ,
Изъ чреслъ чьихъ нѣкогда изыдетъ вождь великій,
Предъ кѣмъ поклонятся подсолнечной языки,
О Равви мудрости, маститыхъ старцевъ ликъ!
Доколѣ не пришелъ къ намъ оный день великъ,
О коемъ говорятъ Пророковъ древнихъ сѣни,
Что будемъ царствъ земныхъ на первой мы степени,
Вы знаете, какихъ не пренесли мы золъ
Отъ внѣшнихъ супостатъ, отъ внутреннихъ крамолъ,
Десятословіе когда небесъ забыли
И Бога Вышняго въ себѣ, въ кумирахъ чтили,
Первосвященники князей на санъ не зря,
Князья на нихъ, и всякъ мечталъ въ себѣ царя;
Гордыней, завистью, стяжаньемъ надымаясь,
Хотѣли властвовать, властямъ не покоряясь;
Народное добро изъ сердца истребя,
Оружье подняли противъ самихъ себя,
Пошли на брата братъ, семейство на семейство,
Отличьемъ славилось отличное злодѣйство.
Отъ жертвъ невинныхъ паръ Синая крылъ верхи,
Долины кровь влекли, холмилися грѣхи
И изнуренны такъ отъ собственныя злобы,
Просили рыть себѣ своихъ сосѣдей гробы.
Тотъ въ Антіохахъ щитъ, сей въ Птоломеяхъ зрѣлъ.
Пошли, — и предали отечество въ раздѣлъ.
На Ханаанъ тогда, звуча, легли желѣзы.
Сей въ Вавилонѣ лилъ, тотъ въ Македоньи слезы,
Покуда Антипатръ, великій мой отецъ,
Хоть Идумеянинъ, не пріобрѣлъ сердецъ
Въ довѣренность свою Иркана и супруги,
И бодро не престалъ имъ въ бѣдствѣ на услуги.
Онъ съ Римомъ свелъ союзъ, вождямъ его сталъ другъ

Digitized by Google

И къ браннымъ подвигамъ пріобучилъ мой духъ.
Тогда (по правдѣ мнѣ сказать предъ вами можно)
Еврейское лицо блеснуло, бывъ ничтожно.
Я Маккавеевъ духъ имъ влилъ, Квиритъ ввелъ строй
И агнецъ противъ льва пошелъ неробко въ бой.
Со Антигономъ къ намъ рой варваръ устремленный,
Какъ волны отъ скалы, отбѣгли съ шумомъ блѣдны.
Я спасъ сей градъ, сей храмъ исправилъ и вознесъ,
Изъ пепла жертвы огнь на алтарѣ воскресъ.
А чтобъ упрочить вамъ сей даръ, мнѣ свыше данной,
Дорису отлуча, сопрягся съ Маріамной,
И симъ мою слія со Асмонеемъ кровь,
Народа я всего снискалъ къ себѣ любовь;
Взаимныхъ чувствъ моихъ явя ему отплату,
Хотѣлъ сей скиптръ вручить моей супруги брату;
Но Римъ, для пользъ своихъ иной давъ дѣлу сгибъ,
Царемъ нарекъ меня, — Аристобулъ погибъ.
Подобныя съ тѣхъ поръ вражды и непріязни
Межъ сродниковъ моихъ заслуживали казни.
Но я, союзъ любви, царицы чтя совѣтъ,
Счастливѣе меня на свѣтѣ, думалъ, нѣтъ;
Блаженство все мое дѣля съ моимъ народомъ,
Усовершалъ его я выше каждымъ годомъ;
Далъ въ безопасность всѣмъ судъ правый, тишину,
На лонѣ мирныхъ дней приготовлялъ войну, —
Чтó зря, сосѣдственны цари простерли длани
И въ дружбѣ съ трепетомъ мнѣ предложили дани;
Вопль жалобъ на меня, достигшій предъ сенатъ,
Мой въ Седмихолміи единъ спокоилъ взглядъ;
Край Галилейскъ, Перей, Кесарью, Идумею
Единственной почли всѣ областью моею;
Эльфира быстрый токъ живымъ сталъ рубежомъ,
Въ Ерусалимѣ мой усредоточенъ домъ.
Чрезъ Тиръ, Родосъ, Сидонъ, степь Ѳивъ и понтъ Офира
Верблюды, корабли везутъ труды мнѣ міра;
Вкругъ трона моего — виссонъ, жемчугъ, смарагдъ.
Съ сей свѣтлой высоты мой видитъ бдящій взглядъ,
Какъ скатистый Эрмонъ и долъ Іоасафата,
Отъ стадъ пестрясь, садовъ, струятся въ нивахъ злата;

Digitized by Google

Внимаю зодчества въ градахъ, ваянья стукъ,
По селамъ, по домамъ музъ аѳинейскихъ звукъ.
И словомъ, обо мнѣ громка повсюду слава:
Великъ я, говорятъ. Но свѣтлая держава,
Столь блещущи дѣла спокойства не дарятъ!
Ехидны скрытыя грызетъ мнѣ сердце ядъ.
Взоръ вретищемъ моимъ печальнымъ закрываю
И, сильнымъ бывъ царемъ, какъ человѣкъ страдаю.
Жену, царицу вамъ...

(*Плачетъ, облокотясь на кресла, и закрывается вретищемъ.*)

АНТИПАТРЪ.

Не ты, законъ велитъ.

ИРОДЪ.

Увы! — я рабъ его. Вели, да предстоитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Антипатръ даетъ знакъ мечемъ, слышится печальный звукъ трубы. — Маріамна, Александръ и Аристобулъ съ растрепанными власами, окованные въ цѣпяхъ, вступаютъ въ сендаринъ, послѣдуемые молчащимъ хоромъ дѣвъ, Соверномъ, Кадою и Виночерпіемъ, изъ коихъ послѣдній изъявляетъ страдальческій видъ, неся кубокъ въ рукахъ. За ними стража еврейскихъ воиновъ.

ИРОДЪ.

(*Антипатру томнымъ голосомъ, облокотясь на кресла.*)

Вѣщай вины.

АНТИПАТРЪ.

Едва минувшей полунощи,
Изъ кипарисной сей луна вставъ черной рощи,
Бросала рдяный свѣтъ, сонмъ вспорхнулъ съ крикомъ птицъ;
Я, вставъ съ одра, узрѣлъ, коней и колесницъ
Въ безмолвьи тѣни шли ко стогну римска стана
Вдоль брега по водамъ блестяща Іордана.
Когорта римская ихъ прикрывала тылъ.
Я подозрѣнье взялъ, что нѣкій тайный былъ
Тутъ умыслъ, можетъ быть, и на главу вѣнчанну,
Пошелъ. Что жъ зрю?—дѣтей, Соверна, Маріамну
Въ одеждѣ спальной сей, какъ здѣсь они стоятъ,
Молили вратника, чтобъ выпустилъ за градъ.
Я ихъ подъ стражу взялъ. Сообщники подробно
Открыли все мнѣ ихъ намѣреніе злобно,

Что къ вождю цезаря стремилися подъ кровъ.
Измѣной я то счелъ, ввергъ въ тягость ихъ оковъ.
Тиронъ и Юкодомъ въ распросахъ показали,
Что, свергнувши тебя съ престола, замышляли
Въ Себастру заключить.

МАРІАМНА.

Ужель мнѣ отвѣчать
На гнусную столь ложь?

АЛЕКСАНДРЪ.

(*Съ плачемъ.*)

Хотѣли...

АРИСТОБУЛЪ.

(*Тоже.*)

Мы бѣжать?

МАРІАМНА.

Молчи! Гдѣ гнѣвенъ царь, тамъ правда злу подгнета:
Невинность нашихъ душъ дойдетъ до поздня свѣта,
И чтó намъ говорить, когда ужъ въ токахъ слезъ
Подъ бременемъ страждемъ мы звучащихъ сихъ железъ?

АНТИПАТРЪ.

Но не въ прикрытьи ль вы воинскомъ, въ колесницѣ
Привезены сюда?

ИРОДЪ.

(*Къ Маріамнѣ.*)

Судьба твоя въ десницѣ
Старѣйшинъ сихъ. О, даждь мнѣ небо силъ терпѣть!

(*Сендарину.*)

Вѣщайте рокъ ея.

(*Члены сендарина на дощечкахъ, воскомъ натертыхъ, пишутъ спицами приговоръ, и каждый, принося, кладетъ предъ регаліи на столъ, становясь по прежнему въ порядокъ подъ нижеслѣдующимъ хоромъ.*)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Суди, о Боже! прю,
И отъ клеветъ избави,
Премудрость даждь царю
И судъ его прослави,
Чтобъ хитрый человѣкъ,
Лукавый, злобный, льстивый,
Дѣла его правдивы
Не помрачилъ навѣкъ.

Digitized by Google

Ты, твердь моя и щитъ,
Почто меня отринулъ?
Когда мнѣ врагъ грозитъ,
Почто меня покинулъ?
Услышь мой скорбный вздохъ:
Къ Тебѣ я прибѣгаю,
Зри, плачу какъ, страдаю...
Спаси меня, мой Богъ!

ИРОДЪ.
(*Антипатру.*)
Прочти.

АНТИПАТРЪ.
(*Пересмотрѣвъ дощечки.*)
Судъ рекъ...

ИРОДЪ.
Что?

АНТИПАТРЪ.
(*Громогласно.*)
Смерть!

(*Маріамна съ словомъ симъ упадаетъ на колѣна.*)

ИРОДЪ.
Увы!

КАДА.
(*Воздѣвъ руки на небо.*)
О ужасъ!

АЛЕКСАНДРЪ И АРИСТОБУЛЪ.
(*Упадая на колѣна и простирая руки къ Ироду.*)
Ахъ, родитель!

СОВЕРНЪ.
Родъ несчастный!

МАРІАМНА.
(*Стоя на колѣнахъ и воздѣвая руки къ скрижалямъ.*)
Великій Господи! судьбы Твои всевластны:
Чтó хочешь, то твори съ рабою Ты своей;
Но въ сердцѣ зри моемъ, что я заповѣдей
Ни на черту Твоихъ святыхъ не преступила.
Виновна, что дѣтей, супруга я любила
Всѣхъ смертныхъ болѣе, и въ томъ Тебѣ винюсь.
Прости ту слабость мнѣ; но если разлучусь
Я съ ними, то исполнь меня своей Ты силой,
Чтобъ, бывъ невинною, я не была унылой

Digitized by Google

И мой пригробный стонъ чтобъ тѣхъ не всколебалъ,
Кто только на Тебя, о Боже! уповалъ.
Прости враговъ моихъ, да гнѣвъ Твой ихъ не срящетъ,
И царь отъ ихъ коварствъ золъ большихъ не обрящетъ.

(*Вставъ, къ дѣтямъ.*)

Простите, сироты! — Ахъ, обнимите мать
Благословеніе себѣ отъ ней принять,
И знайте: счастливы ль, несчастны ль вы судьбою,
Но да возлюбите вы Бога всей душою!

АЛЕКСАНДРЪ.

Какого безъ тебя намъ счастья въ свѣтѣ ждать?

АРИСТОБУЛЪ.

Съ тобой готовы мы и жить и умирать.

МАРІАМНА.

Въ родителѣ, въ царѣ, вы мать свою найдете.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Архелай, съ поспѣшностію входитъ.

АРХЕЛАЙ.

Не будь, о государь! предъ цесаремъ въ отвѣтѣ,
Что, съ Варромъ не дождавъ уликъ къ развязкѣ ссоръ,
Въ семьѣ твоей изрекъ ты скоро приговоръ.
Варръ прибылъ въ нощь сію, но слышно, предъ вратами
Удержанъ и теперь; чрезъ что между полками,
Которые внутри и за стѣной стоятъ,
Произошелъ мятежъ.

ИРОДЪ.

(*Антипатру.*)

Зачѣмъ былъ запертъ градъ
Проконсулу? — Поди! — Нѣтъ, стой, — ключъ Архелаю
Отдай.

(*Къ Архелаю.*)

Ты объяви вождю, что ожидаю.

(*Антипатръ отдаетъ ключъ Архелаю, а сей уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Архелая.

ИРОДЪ.

Да принесетъ онъ къ намъ пріятнѣйшую вѣсть,
Чтобъ я соблюлъ престолъ, законъ, любовь и честь.

Digitized by Google

АНТИПАТРЪ.

Царицѣ средства нѣтъ въ проступкѣ оправдаться,
Прощенья лишь просить.

АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТОБУЛЪ И КАДА.

(*Бросаясь предъ Маріамною на колѣна.*)

Проси!

МАРІАМНА.

(*Колеблясь и помолчавъ нѣсколько.*)

Уничижаться
И, безпорочной бывъ, покрыться ввѣкъ стыдомъ?
Се не совѣтъ друзей; но ярый неба громъ
Сильнѣе поразить меня ужъ не возможетъ;
Не страшны казни тѣмъ, порокъ чьихъ душъ не гложетъ.
Презрѣннѣй мнѣ блистать въ прощеньи при царѣ,
Чѣмъ быть невинною на нищенскомъ одрѣ.
Ахъ! не сіяніе священной діадимы,
Но добродѣтели въ лицѣ вѣнчанномъ чтимы.

АНТИПАТРЪ.

(*Притворно съ преклоненіемъ главы.*)

О царь! гордыню ей оставь сію, — прости!

(*За нимъ и сендаринъ преклоняется.*)

МАРІАМНА.

Нѣтъ, Иродъ! не могу сей милости снести.

(*При семъ словѣ встаютъ Када и дѣти.*)

Когда виновна я, да казнь меня караетъ;
Когда невинна, судъ меня да оправдаетъ.
Прощенье безъ суда лишь слабый царь даритъ;
Прощеньемъ по судѣ, какъ Богъ животворитъ.
Но отъ тебя сего не жду, не умоляю.
Порокъ пусть ползаетъ; а я предоставляю
Всевидцу въ слабостяхъ моихъ меня простить.
А сей твой судъ есть сонмъ тирану только льстить.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Соломія, вбѣгаетъ съ отчаяніемъ.

СОЛОМІЯ.

Ужасная, мой братъ, грозитъ тебѣ судьбина:
Колеблется твой тронъ, мятется Палестина.
Съ тобой и съ Варромъ днесь пришедшій легіонъ,

Digitized by Google

Смѣшавшись съ чернію, какъ сонмы бурныхъ волнъ,
Во ярости своей врата повергли града
И, волчьи какъ стада, остервенясь отъ глада,
Бѣгутъ по улицамъ, всѣхъ ловятъ, рвутъ, мертвятъ
И Маріамну взвесть на тронъ съ дѣтьми хотятъ,
Глася, что будто бы по цесарску велѣнью
Проконсулъ присланъ къ намъ сего ко исполненью.
Уже твоя никѣмъ не чтится больше власть,
Разграблена твоихъ сокровищъ знатна часть,
Кумиры божески, ваянія звѣрины
И позлащенныя подобія орлины,
На храмѣ, на дому взнесенны Риму въ честь,
Низверженны съ высотъ и сокрушенны въ персть.
Едва сюда могла пройти я сквозь народа.
Се Асмонеянъ какъ вѣрна тебѣ порода!
Весь дворъ твой окруженъ, во взорахъ пылъ сердецъ.

ИРОДЪ.

(Въ бѣшенствѣ вскакивая съ трона къ Маріамнѣ.)

Не льстись, измѣнница, похитить мой вѣнецъ.
Нѣтъ! прежде укажу дорогу къ мрачну аду.
Поди! и встрѣть меня твоихъ злодѣйствъ въ награду;
Тамъ торжествуй надъ мной побѣду ты свою.

(Антипатру, указывая на дѣтей и Маріамну.)

Въ Себастру ихъ; а ей мой кубокъ яду.

(Виночерпій подноситъ кубокъ.)

МАРІАМНА.

Пью!
Невинность никакой не вострепещетъ казни;

(Тутъ вдругъ, оборотясь, объемлетъ дѣтей.)

Но умертви и ихъ въ знакъ прежней мнѣ пріязни.

ИРОДЪ.

(Топая ногами.)

Нѣтъ, прочь!

МАРІАМНА.

Жестокій!

ИРОДЪ.

Прочь!

(Антипатръ даетъ знакъ воинамъ, которые разлекаютъ Маріамну отъ дѣтей.)

АЛЕКСАНДРЪ, АРИСТОБУЛЪ И КАДА.

(Съ воплемъ.)

Не разлучайте насъ!

Digitized by Google

МАРІАМНА.

Ахъ! дайте вдругъ намъ смерть. Увы!
(*Оглядываясь на дѣтей.*)
Лишаюсь васъ!

(*Воины уводятъ ихъ въ разныя стороны. Виночерпій съ кубкомъ уходитъ за Маріамною.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніе, Архелай и Варръ, сопровождаемые римскими воинами, а Соломія, при чтеніи свитка, тихо удаляется.

ВАРРЪ.

Народъ, сенатъ и вождь верховный мощна Рима,
Котораго рукой подсолнечна держима,
Царю Израиля желаетъ всякихъ благъ
И споспѣшенія во всѣхъ его дѣлахъ!
По дружбѣ съ нимъ твоей пріемля онъ участье
Въ враждѣ твоихъ родныхъ, прислалъ меня — согласье
И миръ въ васъ водворить.

ИРОДЪ.

Благодарю за трудъ
Тебя и цезаря. Въ моемъ народѣ чтутъ
За особливу честь сіе благоволенье;
Но мышлю, что мое семейное смятенье
Не стоило того, чтобъ онъ на насъ воззрѣлъ:
Вселенной брань иль міръ — есть цесаря удѣлъ.

ВАРРЪ.

Ты правъ; но и въ одной странѣ гражданъ разстройство
Бываетъ всѣхъ державъ на свѣтѣ безпокойство.

ИРОДЪ.

Опасности мнѣ нѣтъ.

ВАРРЪ.

Однакожъ никогда
Остереженіе не дѣлаетъ вреда.

ИРОДЪ.

(*Принимая отъ Варра свитокъ.*)

Отъ Августа?

ВАРРЪ.

Такъ. Сей, мнѣ отъ него врученный,
Откроетъ свитокъ ковъ противъ тебя враждебный.

Digitized by Google

Къ рабѣ Іюліи во свиткѣ семъ прочти
Ты сына своего, сестры своей черты,
И зри въ нихъ умыслы, и злость на Маріамну,
На юныхъ чадъ твоихъ, на власть твою державну;
И какъ чрезъ образъ сей

(*Показывая портретъ Маріамны.*)

хотѣли развратить
Іюлью съ Августомъ. Но онъ велѣлъ казнить
Уже сію рабу, вошедшу въ связь столь злостну.

ИРОДЪ.

Какую тайну мнѣ толь люту, толь поносну
Ты открываешь, Варръ? — Но чтобъ прельстить собой,
Ликъ Маріамна въ Римъ препровождала свой.

ВАРРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! — прочти.

ИРОДЪ.

(*Прочтя свитокъ, съ торопливостію Архелаю.*)

Бѣги, спѣши скорѣе,
Спасай, о Архелай! чего мнѣ нѣтъ милѣе,
Отъ смерти ты мою супругу и дѣтей,
Невинность ихъ признай, часъ дорогъ, страшенъ сей.

АРХЕЛАЙ.

Въ минуту, государь!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Архелая.

ИРОДЪ.

(*Въ ужасѣ и удивленіи.*)

Такъ ты, коварна Соломія!
Жестокая душа, чрезъ происки столь злые
Супруги и дѣтей клялась меня лишить?

(*Къ Антипатру.*)

И ты, искидокъ злой, съ ней могъ согласенъ быть,
О Антипатръ! на то, чтобъ зрѣть мое сверженье
Чрезъ Маріамнино со Августомъ сдруженье?
И чтобы въ столбъ меня Стратоновъ запереть,
Невинныхъ чадъ моихъ предать на тайну смерть,
И съ злой моей сестрой сѣсть на моемъ здѣсь тронѣ?

О адскій умыселъ, рожденный мрака въ лонѣ,
Внутрь бездны тартара, преступныхъ тайнъ въ тиши.
Чтожъ медлю казнями? Змія моей души,
Гдѣ, Соломія, ты?
(*Ищетъ глазами Соломію.*)
Сюда ее влеките,
И съ злобнымъ аспидомъ
(*Указывая на Антипатра.*)
цѣпьми ее свяжите.
Да пестрый ящеръ сей со черной жабой той,
Въ единъ согбенны клубъ, повергнутся предъ мной,
И мерзкая чета, мученьемъ разорванна,
Осклабитъ смерть мою, мертва коль Маріамна!

ВАРРЪ.
(*Римскимъ воинамъ.*)
За Соломіею!

ИРОДЪ.
(*Смотря на Антипатра и Соверна.*)
О подлыя сердца!
Туманы смрадные вкругъ царскаго вѣнца!
Какой умъ бдительный, какая прозорливость
Отъ васъ остережетъ гонимую невинность?
Когда коварство сѣть гдѣ на кого плететъ,
Безсильна мощь царя, — онъ жертвы не спасетъ;
Часъ къ пагубѣ найдутъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Када, расплаканная, а нѣсколько погодя, съ другой стороны Архелай и Юда въ печальномъ видѣ.

КАДА.
Почти ужъ бездыханна,
Услыша твой указъ, о Иродъ! Маріамна,
Что о невинности ея ты все узналъ,
Что жизнь ея спасти врачамъ ты приказалъ,
Рѣшилась вмигъ принять противна зелья яду,
И отъ терзанья лишь почувствовавъ отраду,
Веселый вкругъ себя на всѣхъ кидая взглядъ,
Вставала, силилась идти тебя обнять;
Но вдругъ свирѣпая вступаетъ Соломія,
Кинжалъ въ рукѣ держа, какъ угли, взоры злые

Digitized by Google

На Маріамнинъ одръ бросаючи, бѣжитъ,
Заноситъ остріе и ужъ почти разитъ;
Но я, ударъ сдержавъ ея, такъ отразила,
Что ста очами змѣй мнѣ взоры озарила
И пала предо мной, вонзя себѣ сталь въ грудь.
«Пусть такъ», рекла: «умру, но ты не позабудь,
«О Маріамна! коль останешься живою,
«Что я тебя съ пѣвцомъ покрыла клеветою;
«Что образъ твой къ вождямъ въ Римъ посылала съ тѣмъ,
«Да распалю къ тебѣ любовнымъ ихъ огнемъ;
«Оговорить тебя и Юдѣ я велѣла,
«И брата умертвя...» сказавъ то, заскрыпѣла
Зубами на меня, — и въ смѣхѣ рану зломъ
Руками разорвавъ, разсталась съ животомъ.
Багрова кровь текла изъ чреслъ ея рѣкою.
Царица въ слабости сей фуріею злою
Такъ устрашилася, что, бывъ едва жива,
Безчувственна, блѣдна лежала, какъ мертва;
Но лишь опомнилась, то о тебѣ мечтала,
Съ тобой какъ рѣчь вела, тебя какъ призывала,
Желая зрѣть дѣтей.

АРХЕЛАЙ.

(*Впадая въ рѣчь.*)

Увы! исчезъ ихъ слѣдъ.
Коринѳъ съ сообщники мнѣ подали извѣтъ,
Что Антипатрово свершая повелѣнье,
Едва ль ужъ ихъ живыхъ послали въ заточенье.

СОВЕРНЪ.

(*Повергшись на колѣна.*)

Я, я, къ прогулкѣ ихъ въ полнощь съ царицей въ садъ
Уговоря, хотѣлъ оставить съ ними градъ,
Чтобъ тѣмъ спасти себя отъ предстоящей казни.
Но какъ они, моей не слѣдуя пріязни,
Не захотѣли въ бѣгъ отважиться со мной,
То града сей глава,

(*Указывая на Антипатра.*)

военной вдругъ рукой
Схватя и посадя ихъ всѣхъ на колесницу,
Хотѣлъ усильно везть предмѣстья на границу

Digitized by Google

Проконсула во станъ; но вдругъ то отмѣня,
Не знаю почему, крамолой ихъ виня,
Привезъ предъ сандаринъ.

(*Антипатръ и Юда, повергшись на землю и стуча объ оную лбами.*)

АНТИПАТРЪ.

Я виненъ! — Мысли злыя
На смерть ихъ мнѣ дала...

ЮДА.

И злато Соломія.

АНТИПАТРЪ И ЮДА.

(*Вмѣстѣ.*)

Мы винны злу всему.

ИРОДЪ.

(*Съ страннымъ крикомъ.*)

Во узы въ Ерихонъ!
Разсѣкши въ части ихъ, сжечь мелкимъ въ прахъ огнемъ,
Да черный вранъ, не зря на кости ихъ, не вскрячетъ,
И лишь по мнѣ о нихъ Юдея вся восплачетъ.
Гробъ будетъ ихъ и мой за Маріамны смерть.

ВАРРЪ.

(*Къ римскимъ воинамъ.*)

Исполните приказъ.

(*Антипатръ, Совернъ и Юда схватываются воинами и, отягощаясь цѣпьми, уводятся вдаль театра.*)

КАДА.

Еще надежда есть.

ИРОДЪ.

(*Воздѣвъ руки на небо.*)

Будь милосердъ, мой Богъ!

ВАРРЪ.

Октавья повелѣнье:
Чтобъ у нея просить торжественно прощенье;
Когда жъ не такъ, престолъ оставить долженъ ты.

(*Када уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Кады.

ИРОДЪ.

Оставить даже свѣтъ я чту ужъ за мечты.
Чтó мнѣ величество, порфира и корона,

Digitized by Google

Коль буду жизнь влачить средь плача и средь стона?
Сознавъ мою вину внутрь совѣсти моей,
Спокойства получить я не могу безъ ней;
Я не могу дышать, зрѣть свѣтъ безъ Маріамны.
Всѣ жилы, мышцы всѣ я чувствую раздранны,
Слячена мой весь составъ, хладѣетъ, мерзнетъ кровь.
О! коль ты жестока, несчастная любовь!
Всевышній! посылалъ къ Давиду Ты Нафана
Изобличить въ грѣхѣ, — пошли... Нѣтъ! нѣтъ! тирана
И безъ уликъ я зрю въ самомъ уже себѣ.
Въ терзаніи моемъ мнѣ помощь лишь въ Тебѣ.
О, помоги, Творецъ! Сокровище безцѣнно,
Отъ самого меня самимъ мной похищенно,
Мнѣ въ нѣдро возврати;

(*Указывая на сердце.*)

хранилось тутъ оно!...

ЯВЛЕНІЕ X.

Маріамна приносится, лежащая въ креслахъ, сопровождаемая Кадою и прочими придворными.

ИРОДЪ.

(*Увидя издали.*)

Что за мечтаніе, недвижимо, блѣдно?
Чья тѣнь безчувственна, безгласна, бездыханна?
Се мертвая жена? Увы! се Маріамна!
Ты представляешься, о Ангелъ во плоти,
Мнѣ въ образѣ такомъ?

(*Упадши на колѣна, обнимаетъ.*)

Прости меня, прости!

МАРІАМНА.

(*Тихо.*)

Чей гласъ? — Супругъ мой, ты? Облобызай, — прощаю.
Но дѣти гдѣ?

КАДА.

(*Поддерживая, тихо.*)

Ихъ нѣтъ.

МАРІАМНА.

О Боже! у — ми — ра — ю.

(*Кончается.*)

Digitized by Google

КАДА.

(*Поддерживая Маріамну сзади кресель.*)

Ахъ!

ИРОДЪ.

(*Обнимая Маріамну.*)

Маріамна! ты безъ чувства, безъ огня,
Ты охладѣла вся, оставила меня!
Супруга нѣжная! злосчастна Маріамна!
Взгляни, услышь меня! О горесть несказанна!
Геенна внутрь палитъ, вкругъ всюду страшна мгла, —
Ужасная змія на грудь мою легла,
Рветъ лютый сердце звѣрь. Нѣтъ силъ, — ослабѣваю.

(*Упадаетъ на кресло и, очувствовавшись, въ сумасшествіи.*)

Гдѣ, Маріамна, гдѣ тебя я обрѣтаю?
Межъ чистыхъ свѣтлыхъ водъ, въ лугахъ между цвѣтовъ,
Межъ Ангеловъ, въ тѣни маврійскихъ рощъ дубовъ
Поешь съ пѣвцомъ, съ дѣтьми; эдемски слышу пѣсни,
Ма́нишь меня къ себѣ. Но путь претитъ мнѣ тѣсный!

(*Вскакиваетъ въ бѣшенствѣ*)

Нѣтъ! мрачныхъ предъ собой я вижу море волнъ,
На колесницѣ въ нихъ погрязнулъ Фараонъ;
Разверзтая земля пожрала Аввирона,
Гулъ слышу жалобна изъ преисподней стона;
Младенцевъ тысящи плывутъ ко мнѣ въ крови;
На блюдѣ голова въ неистовой любви
Творитъ упреки мнѣ и льетъ потоки кровны;
Несчетны остовы, толпы тѣней безмолвны
Съ окостенѣлыми очами вкругъ идутъ
И кровь свою мнѣ пить пригорщми подаютъ;
Побѣдъ моихъ трубы ревутъ мнѣ въ слухъ отвсюды,
Передо мной лежатъ и позади тѣлъ груды...
Раскаяніе рветъ, воображенье жжетъ...
Ужасный полкъ духовъ отрады не даетъ!...
Змѣистыхъ молній вкругъ стрѣлъ туча внизъ багрова
Летитъ, разитъ!

(*Закрываетъ голову руками.*)

Ахъ! гдѣ укроюсь? Нѣтъ покрова!

(*Бѣжитъ и упадаетъ къ Маріамнинымъ ногамъ.*)

АРХЕЛАЙ.

(*И всѣ вдругъ съ ужасомъ.*)

О Боже! Ахъ! онъ мертвъ!

Digitized by Google

ВАРРЪ.

Се блескъ великихъ дѣлъ!
Какъ трудно царствовать!
(*Къ Архелаю, подавая скиптръ.*)
Прими наслѣдный жезлъ.

АРХЕЛАЙ.

Я не возьму его безъ гласа ихъ,
(*Показывая на сендаринъ.*)
безъ Рима.
По зрѣлищѣ такомъ ужасна діадима!

[a] ... мию, упрекъ Соверновъ ... (Рукоп. 1810).

---

[4] Какъ тирада, начинающаяся этимъ стихомъ, такъ и слѣдующая, произносимая Маріамной, взяты, съ небольшими перемѣнами, изъ стихотворенія Державина, помѣщеннаго нами въ Томѣ III (стр. 261) подъ заглавіемъ: *Письмо къ супругу въ новый 1780 годъ.*

Digitized by Google

ЕВПРАКСІЯ.

ТРАГЕДІЯ

въ пяти дѣйствіяхъ.

1808.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Для поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ сей трагедіи, нужнымъ почитаю предварить читателей краткимъ историческимъ извѣстіемъ. Изъ самой древности, то есть, съ 967 года племена татарскія, извѣстныя подъ названіемъ Печенѣговъ, Половцевъ, Булгаръ, Мунгаловъ, Чипчаковъ, Торковъ, Агарянъ, Сарацынъ, Берендѣевъ и прочихъ, начали вторгаться незапными и явными нашествіями въ Россію, разорять и расхищать оную. Таковыя наши бѣдствія продолжались безпрерывно нѣсколько вѣковъ, пока мудрый и храбрый государь, царь Іоаннъ Васильевичъ, укротилъ ихъ дерзость, покоря скипетру своему царство Казанское и Астраханское, — или, основательнѣе сказать, покуда въ блистательную эпоху нашу Екатерина Великая не унизила гордости Порты Оттоманской, не изгнала изъ Крыма многочисленныхъ ордъ и не обуздала кавказскихъ, чѣмъ и даровала прочное и незыблемое спокойствіе отечеству нашему со стороны Азіи. Историки говорятъ, что въ теченіе почти семи вѣковъ предки наши были противъ сихъ варваровъ легковѣрны, нерачительны о своей безопасности и оплошны въ тишинѣ. Довольствовались одною обороною отъ ихъ набѣговъ, не помышляя о надежнѣйшемъ своемъ и потомства огражденіи. Нѣсколько разъ были обмануты то ложнымъ миромъ, то ухищреннымъ союзомъ, то тайными предательствами и измѣнами. Сіи злѣйшіе враги христіанства разсѣвали между князьями нашими распри и раздоры, домогаясь при всякомъ случаѣ истребить православную нашу вѣру и охладить любовь къ отечеству; а сіе все вообще раздирало, разслабляло и истощевало до крайности силы государства нашего. Словомъ: съ премѣннымъ счастіемъ Татары торжествовали надъ

Digitized by Google

нами болѣе коварствомъ, нежели храбростію. Но изъ всѣхъ ихъ пораженій замѣчательнѣйшія и для насъ пагубнѣйшія были въ 973 году при днѣстровскихъ порогахъ, гдѣ коварно печенѣжскимъ княземъ Куремъ, или Редиромъ * убитъ нашъ великій князь Святославъ, изъ черепа коего тиранъ сей сдѣлалъ чашу для своихъ пиршерствъ; — въ 1223 году при Калкѣ, гдѣ по перемиріи съ мунгальскимъ вождемъ Плоскиной и Мунгуломъ множество нашихъ великихъ князей, бывъ приглашенные на обѣдъ, подавлены досками, на которыхъ вѣроломцы сидящіе, приказавъ войски наши порубить, торжествовали свою побѣду. Наконецъ главнѣйшее и смертоноснѣйшее въ 1237 году нашествіе Батыево, которое повергло Россію совершенно подъ иго и рабство татарское, около трехъ сотъ лѣтъ тягостно, или съ нѣкоторымъ облегченіемъ до вышепомянутыхъ временъ царя Іоанна Васильевича продолжавшееся. Сіе послѣднее печальное происшествіе взялъ я въ содержаніе сего трагическаго представленія. Повѣствователи описываютъ оное такимъ образомъ: Батый, царь татарскій, потомокъ Чингисхановъ, съ безчисленными ордами, сколь ненасытными въ любостяжаніи, столь кровожаждущими въ истребленіи покоряющихся имъ, поплѣня на Востокѣ многія земли, устремился на области рязанскія и, дошедъ до предѣловъ Воронежа, остановился на рѣкѣ Узлѣ **. — Оттуда послалъ онъ грозное посольство къ князьямъ рязанскимъ Юрію и брату его Олегу Ингоревичамъ, прося себѣ дани, изъ всего ихъ имущества и народа обоего пола десятой доли. — Юрій отвѣтствовалъ, что онъ безъ совѣту всѣхъ князей россійскихъ учинить сего не можетъ. Вслѣдствіе сего тогда же отнесся къ нимъ обвѣстительнымъ увѣдомленіемъ. Великій князь володимірскій отрекся по своимъ видамъ отъ пособія, а прочіе ему подражали; итакъ пріѣхали на съѣздъ только братья Юрія, князья: Давыдъ муромскій, Всеволодъ пронскій, Глѣбъ коломенскій и Олегъ Красный. Они разсудили: прежде употребленія оружія испытать, не можно ли дарами вмѣсто крови утолить жажду ненасытимаго завоевателя. Послали къ нему князя Ѳеодора, сына князя Юрія, съ пребогатыми дарами, прося о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Тиранъ, лакомый къ наживѣ, принялъ дары благосклонно, а его ласково; но, бывъ распаленъ сластолюбіемъ, требовалъ себѣ въ гаремъ прекраснѣйшихъ дщерей или сестеръ княжескихъ, думая, что

* Мальгинъ говоритъ: «побѣдитель печенѣжскій, князь *Куресъ*, а по инымъ *Редиря*» и проч. (*Зерцало росс. государей*, Спб. 1794, стр. 76).

** Разночтенія этого имени по разнымъ лѣтописямъ см. у Арцыбышева, т. I., прим. 2232. Ихъ приводитъ и г. Соловьевъ, прибавляя: «Думаютъ слышать подобные звуки въ Сурскихъ притокахъ: Узѣ, Инзѣ, Инсарѣ, Пензѣ». (*Ист. Россіи*, т. III, М. 1853, прим. 274).

Digitized by Google

такъ же легко ихъ получить и изъ Россіи, какъ отъ многихъ порабощенныхъ имъ народовъ. Князь Ѳеодоръ отвѣтствовалъ, что законъ нашъ возбраняетъ бракосочетаніе съ невѣрными, тѣмъ паче гнусное наложничество. Прими, продолжалъ онъ, дары и будь доволенъ своими красотами. Но какъ въ то же время нѣкто изъ измѣнниковъ внушилъ Батыю, что князь Ѳеодоръ имѣетъ жену, прекраснѣйшую изъ всѣхъ княгинь россійскихъ, то онъ, паче воспылавъ любопытствомъ и вожделѣніемъ, просилъ сперва себѣ ласкою супругу его Евпраксію, потомъ сказалъ безстыдно, что она прелестна и принадлежитъ ему. Князь Ѳеодоръ съ презрительною и огорченною улыбкою отозвался: «Побѣди прежде Россію, умертви всѣхъ насъ, и тогда возьмешь женъ нашихъ». Хищникъ возъярился, далъ знакъ, и ту же минуту герой окончилъ жизнь свою подъ остріемъ мечей; а съ нимъ и многіе порублены. Симъ пролитіе россійскія крови начало свое воспріяло. Между тѣмъ великая княгиня Евпраксія въ отсутствіе супруга своего, имѣя единый залогъ любви его къ себѣ, въ младенчествѣ еще сущаго князя Іоанна Ѳеодоровича, утѣшалась имъ. Она, ожидая отца его и своего супруга, восходила часто въ вышній дворца своего теремъ и смотрѣла изъ отверзтаго окна на дорогу, откуда чаяла возвращенія любезнѣйшаго ей предмета. Предчувствія возмущали душу ея: въ молчаніи обливалася слезами, препровождая такимъ образомъ горестные дни своея съ нимъ разлуки. Взошедъ по обыкновенію своему въ одинъ день въ теремъ, имѣя на рукахъ сына, сѣла у окна и увидѣла ближащуюся пыль, а потомъ и ѣдущихъ всадниковъ. Хочетъ радоваться, но не находитъ того, кого желаетъ. Отчаяніе заступило мѣсто упованія. Покрывается лицо ея блѣдностію, трепещетъ и сидитъ неподвижно. Въ такомъ состояніи пріѣхавшіе ее находятъ. Когда жъ извѣстилась, что супруга ея уже нѣтъ на свѣтѣ, что увѣнчался онъ кровію, спасая честь ея; тогда по многимъ терзаніямъ, которыхъ изобразить не можно, выговорила, что она не достанется въ руки живая сластолюбцу, и вдругъ съ послѣднимъ словомъ: «простите!» такъ поспѣшно и съ младенцемъ выбросилась изъ окошка, что предстоящіе, не ожидая такого страшнаго дѣйствія, удержать ея не успѣли. Бѣгутъ на помощь, но находятъ и съ сыномъ сокрушенну уже и бездыханну. По кончинѣ сей героической четы былъ бой. Россіяне множествомъ побѣждены. Рязань Бурундаемъ, вождемъ Батыя, а Владимірѣ, Москва и многіе другіе грады имъ самимъ и прочими его вождями или въ пепелъ обращены, или до основанія разорены, а князья порублены.

Вотъ страшное и истинное событіе, могущее возбудить во всѣ времена въ чувствительныхъ сердцахъ ужасъ и сожалѣніе, которое мною въ сей трагедіи описано. Если отступлено нѣсколько отъ

Digitized by Google

подлинныхъ происшествій, то для приведенія токмо въ извѣстныя драматическія единства и прочія правила, сему роду сочиненій присвоенныя. Зрѣлищемъ симъ желалъ я напомянуть доблесть и непорочность нравовъ предковъ нашихъ обоего пола. Ежели они и были побѣждены, то не инымъ чѣмъ, какъ своимъ несогласіемъ. Поучительный примѣръ для потомства! Но поелику не измѣнили они ни вѣрѣ, ни отечеству, то симъ бѣдствіемъ своимъ дали намъ образъ, достойный подражанія, посѣя въ души позднихъ родовъ своихъ то мужество, которымъ въ послѣдствіи временъ истреблено царство Батыево, и развалины страшнаго его Касальгана, въ предѣлахъ астраханскихъ находящіяся, доказываютъ нынѣ только тщету несправедливыхъ завоеваній. Но еслибы предки наши отступились отъ вѣры, охладѣли въ любви къ отечеству и вѣрности къ государямъ, тогда уже Россія давно бы не была Россіею. Заключимъ изреченіемъ Соломона: Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юрій рязанскій,
Θеодоръ, сынъ его,
Олегъ муромскій,
Глѣбъ коломенскій,
Всеволодъ пронскій,
Давыдъ гороховскій,
} удѣльные князья русскіе.

Евпраксія, супруга Θеодора, съ младенцемъ, ихъ сыномъ.
Софія, наперсница ея и нянька сына.
Батый, царь татарскій.
Бурундай, наперсникъ его.
Вѣстникъ русскій.

Дружина посольства Батыева,
Бояре, боярыни и рынды княжескіе,
Воеводы и воины русскіе и татарскіе,
} безъ рѣчей.

Дѣйствіе въ Рязани.

ЕВПРАКСІЯ[1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ пространную оружейную княжескую палату въ готическомъ вкусѣ, украшенную по стѣнамъ воинскими щитами, доспѣхами и оружіемъ. — Сквозь длинныя овальныя окна, или арки, по перспективѣ видны переходы и лѣстница съ перилами въ теремъ Евпраксіинъ; въ глубинѣ театра, по сторонамъ, двери съ желѣзными рѣшетками въ по-

Digitized by Google

греба или выходы ведущія. Въ верхнемъ ярусѣ по обѣимъ сторонамъ тайникъ; въ нижнемъ посрединѣ круглый столъ, накрытый червленымъ бархатомъ, съ золотыми ряснами, трои двери, при коихъ на стражѣ рынды.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Юрій и прочіе князья сидятъ въ думѣ за столомъ; воеводы стоятъ около; Евпраксія въ тайникѣ.

ЮРІЙ.

Предсказанное мной сбывается днесь горе:
Чипчакскихъ ордъ течетъ на Русску землю море.
Отвсюду всякій день бѣгутъ ко мнѣ гонцы,
Что потопляются сосѣднихъ царствъ концы,
Что край покрытъ уже заволжскій и булгарскій
Отъ вторгшейся толпы безчисленной татарской.
Что рыщутъ на рубежъ и нашъ они, стремясь,
То кажетъ дымъ съ степей и пыль съ дорогъ крутясь;
Смердяща блѣдна мгла въ полудни кроетъ очи;
Какъ звѣзды, по лѣсамъ огни блестятъ средь ночи,
Съ пожаровъ заревы, видъ солнечный багровъ,
Печальныйврановъ крикъ, вой томный псовъ, волковъ
Въ уныніе народъ и ужасъ повергаютъ,
Предчувствія меня несносныя терзаютъ:
Какъ призракъ я брожу, не сплю ни ночь, ни день.
Санъ тягостенъ князей, скользка владыкъ степень!
Друзья и сродники, главы порфирородны!
Васъ созвалъ я къ себѣ, о Россы благородны!
Да слышу васъ совѣтъ, ка́къ въ случаѣ такомъ
Съ свирѣпымъ ратовать и сильнымъ намъ врагомъ
Или покорствовать смиренными главами!

ОЛЕГЪ.

Князь Юрья гласъ — законъ: да властвуетъ онъ нами;
Но посланны тобой въ Владиміръ, Тверь, Москву
Что́ принесли въ отвѣтъ?

ЮРІЙ.

Сердечную тоску.

ГЛѢБЪ.

Что̀ въ сихъ понять словахъ?

ВСЕВОЛОДЪ.

Открой яснѣй причину.

ДАВЫДЪ.

Увидимъ ли ихъ здѣсь?

Digitized by Google

ЮРІЙ.

Увидимъ золъ пучину:
Владимірской, тверской, московской и другихъ
Россійскихъ странъ князья въ мечтаніяхъ своихъ
И гордыхъ помыслахъ опасностей не чаютъ,
И войскъ на помощь намъ своихъ не ополчаютъ,
Нейдутъ въ союзъ сюда, враждуя межъ собой,
А можетъ быть теперь и внутренней войной.

ОЛЕГЪ.

Ужель насъ предаютъ?

ВСЕВОЛОДЪ.

Не защищаютъ вѣры?

ГЛѢБЪ.

Забыли честь?

ДАВЫДЪ.

Свой долгъ?

ЮРІЙ.

Никакъ; но паче мѣры
Надѣются на насъ, а иногда и мнятъ,
Что побѣдителей они ужъ побѣдятъ
И торжествомъ своимъ однихъ себя прославятъ,
Когда отечество отъ варваровъ избавятъ.

ОЛЕГЪ.

Но крѣпче стрѣлъ пучекъ, какъ чѣмъ стрѣла одна,
И осторожная надежнѣе война.

ЮРІЙ.

Такъ мудрость древняя насъ поучаетъ бранна.
Но самолюбья страсть буйна и самонравна:
Она въ себѣ одной геройство знаетъ чтить,
Иль славно умереть, иль славно побѣдить.
О храбрые князья и витязи россійски!
Быть могутъ чувства тѣ къ сердцамъ и вашимъ близки;
Но пылкость дерзкая и гордость никогда
Столь пользы не творятъ, сколь дѣлаютъ вреда.
Не чтитъ достоинствъ кто, другихъ не ищетъ дружбы,
Не жди себѣ и самъ ни помощи, ни службы.
Что въ другѣ я люблю, то и во мнѣ чти другъ,
И словомъ, нуженъ намъ теперь согласья духъ.

Digitized by Google

Иначе всѣмъ бѣда, отечество погубимъ.
Опора трона вы. Я старъ.

ВСѢ КНЯЗЬЯ.

(*Вдругъ.*)

Тебя мы любимъ.

ОЛЕГЪ.

Готовы головы за вѣру положить.

ГЛѢБЪ.

Престолу русскому...

ВСЕВОЛОДЪ.

Отечеству служить.

ДАВЫДЪ.

Вели, — исполнимъ все.

(*Слышенъ гласъ военнаго рога.*)

ЮРІЙ.

Ѳеодоръ! се звукъ рога.

(*Ѳеодоръ и нѣсколько воеводъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ Ѳеодора и ушедшихъ воеводъ.

ЮРІЙ.

Еще, знать, злая вѣсть. Надежда вся на Бога!
А володимірскій великій Россовъ князь,
Съ удѣльными князьми родства разруша связь,
Самодержавіе свое твердитъ вседневно
И о себѣ одномъ заботится всемѣрно. —
Унизя всѣхъ другихъ, и насъ мнитъ унижать,
Чтобъ одному бразды правленья въ руки взять.
Съ тѣхъ поръ какъ раздѣлилъ несчастно тронъ на части
Владиміръ межъ дѣтей, — единство нужно власти, —
Я первый жертвовалъ удѣломъ бы своимъ;
Но силой не хочу и самъ быть царь другимъ.
Раздоры пагубны трясутъ и твердо царство.
Въ нихъ пользы черплютъ лишь хищенье и коварство.
И Русская земля не будетъ ввѣкъ сильна,
Доколѣ бдѣть о ней не будетъ власть одна,
Но власть верховная лишь вѣры и законовъ,
А не безумныхъ чьихъ упрямствъ иль произволовъ,
Чтобы неправдою невинныхъ утѣснять,

Digitized by Google

Въ угодность сильному безсильныхъ изнурять.
Ахъ! сбудется ль сей сонъ, извѣстно только Богу.
Но въ днешнихъ бѣдствіяхъ, въ столь общую тревогу
О томъ ли мыслить намъ, о счастьи ли мечтать;
Но какъ бы общаго врага отъ насъ прогнать
И грудь всѣхъ въ щитъ единъ противъ его поставить.
Се долгъ и подвигъ, чѣмъ себя днесь Россамъ славить.
Но горе, горе намъ! Когда раздоръ въ князьяхъ,
Киченье и корысть свирѣпствуютъ въ вождяхъ,
Се лютый царствъ всѣхъ червь,—онъ внутрь ихъ сердце гложетъ,
А внѣшняя ничья насъ сила не преможетъ.
Не страшенъ намъ никто. — Захочетъ развѣ Богъ
Россію наказать.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Ѳеодоръ съ прежними воеводами.

ОЛЕГЪ.

Что́ возвѣстилъ намъ рогъ?

ѲЕОДОРЪ.

Извѣстья прежнія и больше тѣмъ печальны,
Что всѣ восточныя орды монгольски, дальны
Къ намъ двигнулись, идутъ во плѣнъ насъ всѣхъ повлечь,
Въ рукахъ у нихъ огонь и смертоносный мечъ.
Селенья стали ужъ и нивы пепелища,
Повсюду трупы, кровь, — звѣрямъ и птицамъ пища.
Тамъ вопитъ мать, жена, тамъ плачутъ сироты,
Тамъ блѣдна смерть, а тамъ пожоговъ черноты.
Но что мнѣ исчислять татарски звѣрства злыя!
Вслѣдъ нашего гонца посольство отъ Батыя
Пришедъ, уже стоитъ вблизи чертоговъ сихъ.
Оно сказало мнѣ, что съ тьмами силъ своихъ
Ордынскій оный царь съ Воронежа тридневно,
Какъ вихрь возставъ, бѣжитъ на край рязанскій гнѣвно,
Что сей день въ вечеру, иль завтра онъ съ зарей,
Коль не преклонимся, насъ вызоветъ на бой.
Посолъ желаетъ стать князей передъ собранье.

ЮРІЙ.

Исполнить ли, князья, посольское желанье?

Digitized by Google

ОЛЕГЪ

Народныя дѣла свершаются посломъ.

ГЛѢБЪ.

Долгъ выслушать его.

ВСЕВОЛОДЪ И ДАВЫДЪ.

(*Вмѣстѣ.*)

И мы согласны въ томъ.

(*Ѳеодоръ даетъ знакъ рындамъ, князья встаютъ; столъ уносится, кресла разставляются по стѣнамъ, растворяются двери.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Бурундай съ дружиною посольства, въ числѣ которой Батый въ видѣ князя крови, который въ продолженіе дѣйствія безпрестанно смотритъ на тайникъ.

БУРУНДАЙ.

Я вождь чипчакскихъ ордъ.
(*Указывая на Батыя.*)
Се страшна вѣтвь Батыя,
Царя подсолнечной, луча луны златыя,
Въ комъ Чингисханова ліется свѣтла кровь.
Отъ неисчетныхъ царствъ, полей, морей, холмовъ,
Отъ имени его являя знакъ пріязни,
Князьямъ россійскимъ мы приносимъ миръ иль казни;
Всесильный Богъ боговъ поработилъ весь свѣтъ
Сего царя мечу: ему противныхъ нѣтъ.
Всѣ, преклоня главы, прижали къ персямъ длани,
И вашего тожъ ждетъ покорства онъ и дани.
Падете передъ нимъ, — онъ взоромъ озаритъ.
Подымете чело, — онъ гнѣвомъ возгоритъ,
Блеснутъ его мечи на васъ, какъ молньи яры;
Какъ громы, поразятъ булавъ его удары.
Потонетъ Россовъ родъ въ крови и слезъ рѣкѣ,
Какъ передъ симъ въ бою недавно при Калкѣ:
Какъ нѣкогда Редиръ [2], мстя древле Святославу,
Мы вашимъ черепомъ пить будемъ нашу славу.

ЮРІЙ.

Гроза — безсилья знакъ; побѣда — Божій даръ,
И преждевременный посольства тщетенъ жаръ.
Скажите лучше намъ вы ханску точну волю,
Какую хощетъ дань?

Digitized by Google

БУРУНДАЙ.

Всего десяту долю:
Отъ злата, отъ одеждъ, отъ женъ и отъ мужей,
Воловьихъ, овчихъ стадъ, збруй ратныхъ и коней.
Обычай намъ велитъ, и вѣра и законы
И съ тѣхъ такъ дани брать, къ кому мы и не злобны.
Но съ царскихъ если ногъ сотрете прахъ челомъ,
Онъ можетъ, снизойдя, и облегчить васъ въ чемъ
Страшитесь показать ему вы мысли злыя.
Онъ дунетъ — и вы прахъ.

ЮРІЙ.

Мы не рабы Батыя
И презираемъ толь надменныхъ грозы словъ;
Но христіанску чтобъ не лить упорствомъ кровь,
Мы кратковременна себѣ желаемъ срока,
Да удаленные отъ вашего здѣсь ока,
Съ собой поговоримъ мы втайнѣ.

БУРУНДАЙ.

Говори.
И что́ разсудишь, то съ совѣтомъ ты твори;
Но царское исполнь некосненно велѣнье.

БАТЫЙ.

Часъ время можете на ваше взять сужденье,
Лишь не замедлите отвѣтственный дать знакъ.

(*Уходятъ со всѣмъ посольствомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Юрій, Ѳеодоръ, Олегъ, Глѣбъ, Всеволодъ, Давыдъ и воеводы.

ѲЕОДОРЪ.

(*Смотря вслѣдъ Батыя.*)

Посланника сего отмѣнно важенъ зракъ!

ЮРІЙ.

Вамъ предлежитъ, друзья, рѣшиться днесь со мною:
Просить ли миру намъ, готовиться ли къ бою?

ОЛЕГЪ.

О братья и друзья! Не видите ль, что Богъ
Чрезъ Сарацинскій родъ нашъ хощетъ низить рогъ?
Бываетъ, малаго бѣгутъ большія войски,

Digitized by Google

Но гдѣ благословитъ Онъ подвиги геройски.
А мы увѣрены ль въ Его покровѣ намъ,
Коль зримъ межъ насъ раздоръ, князья враги князьямъ?
Коль губимъ мы себя своею же виною,
То мы ль дерзнемъ спасать отечество собою?
Россійскихъ капля силъ, татарскихъ — океанъ:
То насъ ли защититъ нашъ слабый градъ, нашъ станъ?
Постыдно сдаться въ плѣнъ, стыднѣй быть ввѣкъ рабами;
Но неизбѣжно что, то рѣшено судьбами.
Пусть всѣ помремъ, но смерть достойна ль будетъ насъ?
Спасемъ ли нашихъ женъ, сотремъ ли плачь съ ихъ глазъ?
Отвергнемъ ли отъ рукъ народныхъ мы оковы,
Сбрежемъ ли алтари, обители Христовы?
Ахъ, нѣтъ! Погибнемъ всѣ, и старъ и малъ падетъ!
Почто жъ на явну смерть отваживать животъ?
Коль сильныхъ царствъ отпоръ не спасъ ужъ ихъ отъ кары,
То насъ въ единый мигъ потопчутъ въ прахъ Татары;
Всѣ вкругъ побѣждены, всѣ данники ужъ ихъ;
То много чести намъ, когда мы, силъ своихъ
Въ противоборствіе не выставя ко брани,
Какъ ихъ пріятели, простремъ къ нимъ мирны длани.

ГЛѢБЪ.

Но чтутъ ли тѣхъ пріязнь, чьихъ видятъ слабость силъ?

ВСЕВОЛОДЪ.

И презрѣть тѣхъ нельзя, не обращенъ чей тылъ.

ДАВЫДЪ.

Скорѣе смерть, чѣмъ тылъ; но если не съ мечами,
То встрѣтить должно ихъ однакожъ хоть съ дарами.

ОЛЕГЪ.

Не могутъ ихъ дары едины насытить.
Миръ, миръ совѣтую, хотя бы и купить.

ѲЕОДОРЪ.

Купить рѣшившись миръ, задатокъ дашь на рабство.

ОЛЕГЪ.

Неуважительно никое днесь препятство.

ЮРІЙ.

Отъ мира я не прочь и не страшусь войны;
Но выслушать совѣтъ мой, братья, вы должны:
Дабы избавиться намъ предстояща бѣдства,

Digitized by Google

Не хулю, князь Олегъ, и мирнаго я средства;
Но прежде времени вливать намъ въ души страхъ
И представлять себѣ Россію всю въ гробахъ, —
Великодушія княжова тутъ не зрится.

ѲЕОДОРЪ.

Извѣстенъ свѣту Россъ, — Россъ брани не боится.
Пріятнѣе намъ смерть, чѣмъ униженный миръ.
Да и къ чему мечтать, что рушится ужъ міръ?
Гдѣ скорби, тамъ и врачь. Отъ насъ сіе зависитъ,
Чтобъ души къ доблести и къ мужеству возвысить,
Соединить сердца во братскую любовь
И за отечество пролить до капли кровь.
Отъ слабости жъ своей какой намъ ждать отрады?
Пусть домы мы спасемъ, пускай спасемъ мы грады;
Но данниками быть Россіянамъ, въ плѣну,
И зрѣть поруганныхъ сестру, дочь, мать, жену,
И гробы праотцевъ и христіанску вѣру?
Нѣтъ! нѣтъ! И въ мысляхъ я боюсь сего примѣру.
Ахъ! лучше въ цвѣтѣ лѣтъ мнѣ днесь въ могилу лечь,
Чѣмъ въ бѣдствіяхъ такихъ мой спящимъ видѣть мечъ.
Родитель! государь! ты предъ собой зришь сына.
Пусть поразитъ его враждебная судьбина,
Останьтесь жить лишь вы.

(*Взглянувъ на всѣхъ князей.*)

ВСЕВОЛОДЪ.

Пусть всѣхъ насъ встрѣтитъ смерть.

ОЛЕГЪ.

На полѣ ратномъ мы всѣхъ будемъ храбрость зрѣть.

ЮРІЙ.

Чтобъ прекратить межъ насъ наималѣйшу свару,
Сберечь народа кровь, не подгнетать пожару,
Не охладить и душъ, я думаю полкамъ
Велѣть стать въ ратный строй и объявить посламъ,
Что отразить ихъ брань готовы мы войною
Иль честный міръ принять, но мужества рукою
Дать дружески дары, а не позорну дань. —
И съ симъ, князья, изъ васъ одинъ прострётъ имъ длань.

ОЛЕГЪ.

Сагласенъ. — И послать всѣхъ лучше можешь сына.

Digitized by Google

ѲЕОДОРЪ.

Готовъ на подвиги. — Счастливъ, коль грудь едина
Моя замѣнитъ васъ!

(*Даетъ знакъ.*)

Пускай погибну я.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Батый, Бурундай и посольская дружина.

ЮРІЙ.

(*Указывая на князей.*)

Не соглашаются на дань сію князья;
Отчизнѣ не хотятъ такого огорченья,
Такого грабежа, такого униженья.
Къ властителю орды самъ сынъ поѣдетъ мой,
Предложитъ миръ ему и даръ своей рукой.
Отвергнетъ онъ его, — и наша рать готова.
Се хану нашъ отвѣтъ. И болѣе ни слова.

БУРУНДАЙ.

Что дать упорны вы, то силою плеча
Мы нашего возьмемъ.

ѲЕОДОРЪ.

Со острія меча.

БУРУНДАЙ.

То сбудется; а вы покойтеся въ надеждѣ.

БАТЫЙ.

Однакоже отсель не выѣдемъ мы прежде,
Поколь не возьмемъ дань, иль посланный вашъ князь
Не вывезетъ другой Батыевъ къ намъ указъ.

ЮРІЙ.

Гостепріимство намъ, Россіянамъ, природно,
И вы по-дружески здѣсь можете свободно
Пробыть.

(*Уходитъ со всѣми князьями, а Евпраксія съ боярынями изъ тайника скрывается.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Батый и Бурундай.

БАТЫЙ.

(*Взглянувъ на тайникъ.*)

Сокрылася!

Digitized by Google

(*Бурундаю.*)

Ахъ! правъ ты, Бурундай:
Невиданна краса! Тулъ стрѣлъ зажги, бросай,
И сердце вдругъ мнѣ столь не можешь жечь и ранить,
Какъ Евпраксіинъ взоръ леталъ меня тиранить:
Не могъ я глазъ съ нея ни на черту спустить,
И какъ ни силился, не могъ не полюбить.
Ты зрѣлъ, какъ я стоялъ въ молчаніи глубокомъ
И на тайникъ ея парилъ орлинымъ окомъ.
Мнѣ очи и теперь и всѣ ея черты,
Какъ солнце, какъ луна блестятъ отъ высоты.
Всѣ райски прелести цвѣтутъ въ ея видѣньи
И отчасу въ моемъ растутъ воображеньи.
Я видѣлъ, вижу въ ней, чтó обѣщалъ Магметъ.
Увы! и въ небѣ дѣвъ ужъ ей подобныхъ нѣтъ.
Такъ, другъ мой, Бурундай! влюбленъ я безконечно.
Се искренно мое все таинство сердечно:
Съ тѣхъ поръ, какъ о ея ты мнѣ внушилъ красѣ,
Я все предпринималъ, испытывалъ я все,
Чтобы отъ странной сей любви себя избавить
И слабостью какой себя не обезславить.
Мнилъ гнать я иногда ее изъ сердца вонъ;
Но взоръ ея вездѣ ловилъ меня въ полонъ.
И такъ, чтобъ избѣжать свирѣпыя сей страсти,
Прибѣгнулъ наконецъ къ моей я сильной власти.
Довѣрья моего никакъ не снявъ съ тебя,
Я скрытно помѣстилъ въ посольствѣ семъ себя,
Чтобъ, любопытствуя о сей красѣ россійской,
Зрѣть самому, — а тамъ, по роскоши азійской,
По пресыщенью женъ, и къ ней охолодѣть,
Одинъ увидѣть разъ и больше не терпѣть.
Я зрѣлъ ее, — и ахъ! се прелесть несравненна!
Душа моя одной днесь Евпраксіей плѣнна.

БУРУНДАЙ.

Прости мнѣ, государь! что мимоходна рѣчь
О сей княгинѣ такъ могла твой духъ возжечь.
Плѣненъ, воспитанъ бывъ, я жилъ въ Москвѣ слугою;
Но громкихъ битвъ Татаръ воспламенясь молвою,
Перемѣня законъ, оставя русскій станъ,

Digitized by Google

Ушелъ я во орду и сталъ вновь музульманъ.
Ходилъ съ отцомъ твоимъ въ различные походы,
Обшелъ весь русскій край, князей всѣхъ видѣлъ роды,
И Евпраксію съ тѣхъ позналъ я самыхъ лѣтъ,
Какъ розу изъ пеленъ явившуюся въ свѣтъ.
Се что я сказывалъ; но послѣ пораженья
Россіянъ при Калкѣ, ея родныхъ лишенья
Не мнилъ ей быть въ живыхъ, а меньше цвѣсть красой;
Не мнилъ, чтобы Батый плѣнился сей женой.
Я думалъ, ты живешь срывать съ царей короны;
Но зрю, въ цѣпяхъ любви и ты шлешь жалки стоны.

БАТЫЙ.

Не упрекай меня: ты виненъ въ сей любви,
Ты распалилъ меня.

БУРУНДАЙ.

Коль такъ, то объяви,
Какой плодъ, государь, ты мнишь имѣть отъ страсти?
Иль только воздыхать?

БАТЫЙ.

Красавицу подъ властью.

БУРУНДАЙ.

Но какъ ее къ себѣ надѣешься привлечь?
Она Россіянка, супругъ ей князь.

БАТЫЙ.

(*Хватаясь за мечъ.*)

Сей мечъ
Дастъ право, Бурундай, мнѣ содружиться съ нею.
Повергну княжество, — княгиней овладѣю.

БУРУНДАЙ.

(*Указывая на оружія, висящія на стѣнѣ.*)

Но и Владиміровъ мечъ, государь, здѣсь зримъ:
Межъ Печенѣговъ онъ, какъ громъ, и нынѣ чтимъ.
Се Изяслава тулъ, копье се Ярослава;
Средь Половцевъ, Болгаръ цвѣтетъ поднесь ихъ слава.
Се Ольги скиптръ блеститъ: премудрая жена!
Вселенна ею вся была удивлена.
Привелъ я, государь, тебѣ сіи примѣры,
Чтобы на свой ты мечъ не бралъ излишни мѣры.
Россійскій храбръ народъ, въ бояхъ стѣна ихъ грудь,

Digitized by Google

За вѣру, за царя, какъ въ пиръ на брань идутъ.
Не полагайся жъ ты на случаи побѣдны:
Какъ часто вслѣдъ торжествъ струились рѣки слезны.
Напомяну тебѣ и про калкійскій бой:
Онъ вѣроломностью лишь выигранъ одной.
Да пусть возможешь ты и всю сразить Россію;
Но мнишь ли черезъ то достать ты Евпраксію?
Достанешь и плѣнишь, — но въ нѣжную ль любовь?
Ахъ, нѣтъ! Прольетъ она скорѣй свою всю кровь,
Чѣмъ обладать своей допуститъ красотою.
Мечъ не плѣнитъ сердецъ. — Не льстися сей мечтою.

БАТЫЙ.

Ты расхвалилъ ее, ты жъ споришь, — трепещи!
Я знаю дѣлать что, покорствуй и молчи.
О русской храбрости твоя хвала мнѣ тщетна.
Ихъ каменная грудь народамъ всѣмъ примѣтна;
Но сколь въ трудахъ тверды, сколь храбръ въ бояхъ ихъ духъ, —
Россъ кротокъ въ тишинѣ и въ дружбѣ вѣрный другъ[5].
Россіянъ побѣдить оружіемъ не можно,
А хитростью, — и я берусь за то не ложно:
Примѣры многіе я разсказать бы могъ.
И самый Святославъ погибъ въ стану въ расплохъ.
Пройдетъ лишь грозна брань[6], — веселіе ихъ свойство,
Безпечность стихія, пиры и хлѣбосольство.
Средь міра брань ковать у нихъ заботы нѣтъ[8].
Сколь кратъ незапно имъ нанесъ союзникъ вредъ[3]!
И жены ихъ равно сколь лицами прелестны,
Столь нравомъ и душой и поведеньемъ честны:
Хоть въ ихъ рукахъ сердца, но чтутъ мужей главой,
И въ счастьи и въ бѣдахъ живутъ одной душой;
Не непріятна же имъ честь и власть и слава,
И въ томъ имъ образецъ дщерь лѣпа Ярослава:
Прельстилъ ее въ свой бракъ далекоземный Галлъ[4], —
Я замыселъ ему подобный основалъ:
Умомъ или мечемъ царицу сдѣлать плѣнной,
Въ приданство Россовъ взять и потрясти вселенной;
За праотцемъ Батый съ сихъ поръ пойдетъ вослѣдъ,
Военны хитрости Аттилы переиметъ:
Онъ царства покорялъ не только лишь все кровью;

Digitized by Google

Но миромъ ложнымъ бралъ и дружбой и любовью, —
Тѣхъ ссорилъ межъ собой, тѣхъ златомъ закупалъ;
Тѣхъ усыпя въ цвѣтахъ, подъ мечъ свой подклонялъ;
Обѣтовъ разсыпалъ и лести громки звуки
И съ клятвой воздѣвалъ на небо хищны руки,
Тронъ предлагалъ тому, съ собою ложе сей,
Чтобъ пало все предъ нимъ, чтобъ былъ онъ царь царей.
Сей вѣрной, Бурундай, и я пойду стезею,
Чтобъ Евпраксіи быть на мигъ хотя моею.
Надеженъ на себя, — смягчу ея грозу.

БУРУНДАЙ.

Сей не приступенъ холмъ.

БАТЫЙ.

Я змѣемъ доползу.
Хоть сердцемъ я и тигръ, но агнцемъ притворюсь,
Въ алмазну грудь ея, какъ сладкій медъ, вольюсь.
Подамъ надежду тронъ, супруга, царство спасть,
И непримѣтно въ грудь вдохну къ себѣ ей страсть.
А ты извѣстными тебѣ бояръ связями,
Вдунь зависть между ихъ, раздоръ между князьями,
Неудовольствіе въ народѣ распростри,
И нужны свѣдѣнья намъ къ брани собери;
А я межъ тѣмъ потщусь предметъ мой зрѣть всечасно
И открывать ему во вздохахъ сердце страстно.

БУРУНДАЙ.

Дивлюся, государь, обширному уму
И съ трепетомъ пойду по слѣду твоему;
Но кто жъ Ѳеодора въ твоемъ восприметъ станѣ,
Когда останемся мы при своемъ здѣсь санѣ?

БАТЫЙ.

Меня царевичемъ здѣсь зрятъ, а не царемъ:
Незнаемъ здѣсь Батый ни ростомъ, ни лицомъ;
То братъ мой Тохтамышъ съ султанской булавою
Тамъ будетъ за меня ордынскихъ войскъ главою,
И купно съ нимъ Мунгулъ исправятъ все за насъ.
Я такъ велю.

БУРУНДАЙ.

Иди пить блескъ съ дражайшихъ глазъ;

Digitized by Google

А я исполню всѣ слова твои державны.
(*Батый идетъ, а Бурундай, посмотря въ слѣдъ.*)
Се, лестью лишь рабы царямъ бываютъ нравны.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Въ дверяхъ встрѣчается Ѳеодоръ и Евпраксія въ великолѣпномъ послѣдованіи бояръ; рынды несутъ на бархатныхъ подушкахъ лукъ, стрѣлы и златой ковшъ, а на блюдахъ серебряныхъ и золотыхъ поясъ и порфиру, онизанныя перлами.

ѲЕОДОРЪ.
(*Остановя Батыя.*)
Готовы въ нашъ мы путь,
(*Показывая на вещи.*)
и дары мы веземъ:
Се лукъ, чѣмъ бьемъ врага, се ковшъ, чѣмъ съ другомъ пьемъ.

ЕВПРАКСІЯ.
А я трудовъ моихъ сей поясъ и порфиру
Султану вашему въ знакъ дружбы шлю и миру.

БАТЫЙ.
(*Евпраксіи.*)
Любезно приметъ онъ, царица, оный даръ;
А паче, искрененъ когда твой дружбы жаръ,
И онъ утѣшился бъ какъ въ мрачну нощь звѣздою,
Коль былъ бы озаренъ твоею красотою.
Я одобряю даръ.

ѲЕОДОРЪ.
Цѣнимъ твою пріязнь.
(*Уходятъ.*)

БАТЫЙ.
(*Проводя ихъ глазами.*)
По жиламъ льется огнь, восторгъ и жизнь и казнь.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Евпраксія и Софія.

ЕВПРАКСІЯ.
Батыевъ родственникъ, живущій здѣсь въ посольствѣ,
Сей вождь и князь Татаръ лицомъ имъ схожъ въ суровствѣ,

Digitized by Google

Но въ обращеніи, а паче же со мной,
Онъ вѣжливѣй сто разъ, какъ чѣмъ посолъ другой.

СОФІЯ.

А тотъ учтивости боярамъ разсыпаетъ,
Даритъ князей и дворъ богатствомъ ослѣпляетъ,
Ко мнѣ хотѣлъ прислать какой-то даже даръ.

ЕВПРАКСІЯ.

Обычай таковой неслыханъ у Татаръ;
Надменіе у нихъ, суровость и угрозы
Суть средства лучшія: рвать съ корня нѣжны розы,
Сорвавъ ихъ, обонять. — Ты видѣла ихъ нравъ
При входѣ предъ князей?

СОФІЯ.

А можетъ быть, узнавъ
Великій Россовъ духъ и ихъ на брань рѣшимость,
За нужное почли смягчить и ихъ кичливость.
Я слышала: они возносятъ нашу мочь
И храбрость до небесъ; — и даже ѣхать прочь
Отъ насъ не думаютъ, покуда не смиримся
И дружбой къ нимъ навѣкъ своей не съединимся.
Ты, государыня, любезнѣе всѣхъ имъ.

ЕВПРАКСІЯ.

Какая въ томъ мнѣ честь? — но стыдъ очамъ моимъ.
Ахъ! нѣтъ, Софія, нѣтъ! похвалъ ихъ не желаю,
А скрытый нѣкій ядъ я въ нихъ подозрѣваю.
Но се онъ идетъ самъ, — уклонимся отсель.

(*Хотятъ уйти.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Батый.

БАТЫЙ.

(*Перехватывая дорогу.*)

Всѣмъ зрѣть позволено на солнца блескъ; но мнѣ ль
Единому оно, царица, запрещенно?
Для озаренья всѣхъ свѣтило то рожденно.
Хотя скрываетъ женъ обычай мусульманъ;
Но онъ ужъ не таковъ у русскихъ христіанъ.
Супругъ твой и отецъ коль миръ съ ордами строятъ,
Бесѣдою ль твоей меня не удостоятъ?

Digitized by Google

ЕВПРАКСІЯ.

Предъ ихъ лицомъ могу посла я принимать.
Иначе, — извини. . .

(*Хочетъ уйти.*)

БАТЫЙ.

(*Простерши руки.*)

Ахъ, нѣтъ! — одно сказать,
Царица, я тебѣ лишь слово здѣсь намѣренъ:
Когда Батыю даръ твой былъ не лицемѣренъ
И ты во мнѣ его пріязнію почтишь,
Величіемъ своимъ вселенну удивишь!
Владыка столькихъ царствъ, на тронѣ лучезарномъ
Чего не сдѣлалъ бы въ восторгѣ благодарномъ
Для той, которую возмнилъ бы обожать?

ЕВПРАКСІЯ.

Законъ и долгъ претятъ твою мнѣ рѣчь внимать.
Прости меня въ семъ, князь.

(*Идетъ.*)

СОФІЯ.

(*Про себя.*)

Какъ чуждъ онъ нашимъ нравамъ!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

БАТЫЙ.

(*Одинъ.*)

Ужели рабствовать и мнѣ любви уставамъ
И своенравіе переносить жены?
Нѣтъ, нѣтъ! Агаряне на то не рождены.
Кровь Чингисханова, Аттилова порода
Не терпятъ, чтобъ была въ гаремѣ ихъ свобода.
Мила мнѣ плѣнница, — люби и безъ любви.
Полнощи хладныя красавицы! и вы
Достойны сладости вкусить восточна рая.
О! скоро вкусите, коль правъ слухъ Бурундая.
Онъ сказывалъ, что бракъ не такъ у васъ ужъ святъ:
Освѣтитъ скоро васъ женолюбивый взглядъ.
Не сомнѣваюсь я въ сей вѣрной мнѣ удачѣ.
Женъ слезы суть роса, — ихъ солнце вмигъ сушитъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Батый и Бурундай.

БУРУНДАЙ.

(*Вбѣгаетъ.*)

Не въ пору, государь, не кстати здѣсь твой видъ.
Ѳеодоръ, возвратясь отъ Тохтамыша съ вѣстью,
А можетъ быть, съ какой твоей же скрытой лестью,
Смутилъ весь сонмъ князей. Они сюда въ соборъ
Стремятся на совѣтъ, потупя мрачный взоръ.
Пойдемъ отсель.

БАТЫЙ.

Пускай идутъ. — Мнѣ все извѣстно.

(*Уходятъ въ побочныя двери.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Юрій, Ѳеодоръ, Олегъ, Всеволодъ, Глѣбъ, Давыдъ съ боярами и воеводами.

ѲЕОДОРЪ.

Батый приближился и, градъ объявъ всемѣстно,
Великолѣпнымъ сталъ по берегу шатромъ.
Съ дарами я къ нему сквозь войско былъ ведомъ,
Имъ принятъ ласково и обнятъ дружелюбно.
Онъ царствъ описывалъ своихъ сіянье чудно;
О браняхъ, торжествахъ, о даняхъ говорилъ
И нечувствительно слова свои склонилъ
На землю русскую, на силу, на твердыню,
На нашу съ нимъ пріязнь, въ очахъ явя гордыню;
Потомъ, съ усмѣшкой мнѣ простря на рамо длань,
Сказалъ, что облегчитъ онъ данію Рязань,
Когда мы женъ ему прекрасныхъ, благородныхъ
Представимъ для утѣхъ въ習 сералѣ не зазорныхъ.
Я твердо возразилъ, что христіанъ законъ
И Россы не даютъ въ наложницы ихъ женъ.

ЮРІЙ.

Что жъ онъ?

ѲЕОДОРЪ.

Воззрѣвъ вокругъ съ суровостью азійской
Онъ на своихъ вождей, сказалъ: бѣды россійской

Digitized by Google

Сей хощетъ юноша. — А мнѣ онъ тутъ въ отвѣтъ
Промолвилъ только то: «Чту дней твоихъ я цвѣтъ.
«Поди — и мнѣ, собравъ всѣ мнѣнія княжія,
«Дай знать: война, иль миръ?»

ОЛЕГЪ.

Но дань что?

ѲЕОДОРЪ.

(*Потупя взоръ въ землю и ломая руки, тихо.*)

Евпраксія!

ЮРІЙ.

Чудовище! какихъ безцѣннѣе ты жертвъ
И гдѣ, когда алкалъ? О Боже мой! иль мертвъ
Перунъ твой праведный? Возстань скорѣй, возстани,
Грянь въ помощь намъ! — Князья! о сей столь важной дани
Намъ съ сыномъ не судить. Совѣтуйте одни.

ОЛЕГЪ.

Въ несчастнѣйшіе столь и стропотные дни!...

ГЛѢБЪ.

Когда отечество...

ВСЕВОЛОДЪ.

И всѣ мы погибаемъ!

ДАВЫДЪ.

Ко жертвѣ каковой мы страшной приступаемъ!

ОЛЕГЪ.

Повергнуть братнину неистовству жену!

ГЛѢБЪ.

И чрезъ позоръ такой желать быть спасену!

ВСЕВОЛОДЪ.

Но если средства нѣтъ народа чѣмъ избавить?

ОЛЕГЪ.

За отчество нельзя ничѣмъ себя безславить:
Для пользы общія, мню, преступленья нѣтъ.

ЮРІЙ.

Кто развѣ самъ собой всѣхъ хочетъ спасть отъ бѣдъ?

ѲЕОДОРЪ.

(*Съ жаромъ.*)

А вы приносите моею жертву кровью,
Моей спасаетесь и честью и любовью.
Кто власть на то вамъ далъ, отколь законъ такой?

Digitized by Google

ОЛЕГЪ.

Зависитъ жертва та отъ жертвы той самой.

ВСЕВОЛОДЪ.

Такъ должно вопросить...

ГЛѢБЪ.

О томъ намъ Евпраксію.

ДАВЫДЪ.

Рѣшится ли она спасти собой Россію?

ЮРІЙ.

(Уныло.)

Я звалъ ее сюда.

ѲЕОДОРЪ.

И ты, о отче мой!
Согласенъ въ томъ, чтобъ я расторгнутъ былъ съ женой?
Увы? захочетъ ли она меня оставить?
Россію ль погубить, меня ли обезславить?
О честь! о долгъ! ахъ! что̀ избрать? Какъ срамъ снести?
Родитель, нѣжности супружеской прости!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Евпраксія и Софія съ младенцемъ на рукахъ.

ЕВПРАКСІЯ.

(Вслушавшись въ послѣднюю рѣчь.)

О чемъ ты просишь, князь, родительска прощенья?
Иль ввергло въ гнѣвъ его твое къ намъ возвращенье?
Ты знаешь, дорогъ какъ мнѣ каждый взглядъ твой, вздохъ.
Ужель ты угодить ему чѣмъ не возмогъ?
Ужели раздражилъ ты чѣмъ сіе собранье?
Почто твой мраченъ взоръ, такъ тяжко воздыханье?
Скажи, драгой супругъ, ахъ! чѣмъ виновенъ ты?
Иль немощенъ ты сталъ, иль черныя мечты
Какія во ордѣ твой нѣжный духъ смутили?
Скажите мнѣ, князья, что такъ вы всѣ унылы?
Скажи, родитель мой,

(Цѣлуя у Юрія руку.)

скажи, не укрывай,
Что̀ съ вами сдѣлалось?

ЮРІЙ.

(Въ смущеніи съ горестію.)

Знать лучше не желай!

Digitized by Google

ОЛЕГЪ.

Россія отъ тебя великой проситъ жертвы.

ЕВПРАКСІЯ.

Сокровища мои? возьми.

ГЛѢБЪ.

Нѣтъ, мало.

ЕВПРАКСІЯ.

Мертвы
Зрѣть прелести мои? Иду и смерть я снесть.

ВСЕВОЛОДЪ.

Нѣтъ, больше.

ЕВПРАКСІЯ.

Что жъ еще?

ДАВЫДЪ.

Безцѣннѣй жизни.

ЮРІЙ.

(*Со вздохомъ.*)

Честь!

ЕВПРАКСІЯ.

(*Вздохнувъ съ ужасомъ.*)

Безчестья моего отечество желаетъ,
И вѣру и союзъ супружній постыжаетъ?
Но если доблестьми вселенная цвѣтетъ,
То у отечества ихъ правъ священнѣй нѣтъ.
И честь коль — Бога лучъ, духъ — неба вдохновенье:
То кто имѣетъ власть на наше униженье?
Кто хощетъ подлыхъ душъ? Страшусь и мысли сей!

ОЛЕГЪ.

Отечества раба ты тѣломъ и душей,
На волю небеса, не на дѣла взираютъ
И принужденныя паденья извиняютъ.
Ты не желай сама, но жертвой только будь.

ЕВПРАКСІЯ.

Но для кого жъ, въ какой я обрекаюсь путь?

ОЛЕГЪ.

Батый тебя зоветъ.

ДАВЫДЪ.

И мы всѣ умоляемъ.

(*Всѣ князья, кромѣ Юрія и Ѳеодора, кланяются ей до земли.*)

ОЛЕГЪ.

Спаси отечество, прахъ съ ногъ твоихъ стираемъ!

ЕВПРАКСІЯ.

Мнѣ спасть отечество, пожертвовавши честь?
Мнѣ совѣсть заглушить, внимая вашу лесть?
Ахъ, нѣтъ! не лесть, но долгъ. — Се слава несказанна!
Судьбою стала я на подвигъ сей избранна.
Престолъ я удержу, спасу законъ, народъ.
Въ святыню обратитъ мой стыдъ грядущій родъ,
Великой буду я! На васъ въ томъ полагаюсь...
Увы! не вѣрьте мнѣ, не вѣрьте, — отрекаюсь.
Когда бъ чудовищу какому обрекли,
Меня вы въ страшный зѣвъ предать его влекли,
Я лютой смерти сей никакъ бы не страшилась;
Но паче съ радостью бъ на муки всѣ стремилась.
Но вы меня къ тому кумиру шлете въ даръ,
Который мнѣ любви своей являетъ жаръ,
Который окруженъ невольницъ тьмой прекрасныхъ,
И ползаютъ предъ кѣмъ толпы царей подвластныхъ;
То кто не скажетъ, что сама прельстившись имъ,
Пронырствомъ я его въ себя влюбя своимъ,
На пышный одръ меня звать хитро научила,
И чтобъ супругу я коварно измѣнила?
А я клялась ему предъ Богомъ вѣрной быть:
То вѣроломною я какъ рѣшусь прослыть?
Какъ память по себѣ оставлю я презрѣнну,
И вольную сію заглажу чѣмъ измѣну?
Вы жъ сами скажете, что я хитра была,
Корысть супружеству, блескъ вѣрѣ предпочла.
Ахъ! дѣлайте со мной, что́ только вы хотите,
На части всю меня хотя вы изорвите,
Но отъ Өеодора не льститесь отдѣлить:
Мы двое съ нимъ клялись въ единомъ тѣлѣ жить.
Просите у него другую половину,
Иль двухъ отдайте насъ, а не меня едину.
Пускай тиранъ велитъ обѣихъ оковать;
Но во объятія меня ему не брать;
Положимъ руки мы другъ на друга мгновенно,
Коль обойдется онъ со мною дерзновенно.

Digitized by Google

Ахъ! такъ ли, мой драгой супругъ, я говорю?
Такой ли огнь въ тебѣ, которымъ я горю, —
Движеньемъ хоть очесъ, или твоей рукою
Дай знакъ, или вздохни любезной мнѣ душою:
Должна ли я себя на ону жертву несть,
Которой посрамлю мою съ твоею честь?
Иль лучше мы съ тобой отворимъ двери гроба
И за отчизну духъ пошлемъ на небо оба?
Иль приговоръ князей я совершу одна?

ОЛЕГЪ.

Не мужъ отечеству, одна жена нужна.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Өеодору.*)

Что жъ дѣлать мнѣ, скажи?

ӨЕОДОРЪ.

(*Трепещущимъ голосомъ.*)

Твой долгъ — самой рѣшиться.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Бросаясь къ нему съ плачемъ на шею.*)

Такъ ввѣкъ съ тобой мнѣ, мой другъ, не разлучиться.
Соединенны бывъ, однажды и умремъ.
Умри, какъ я умру въ объятіи твоемъ.

ӨЕОДОРЪ.

(*Прижимая къ груди съ рыданіемъ.*)

Умру, любезная, съ тобою, Евпраксія!
И не пожертвуетъ одну тебя Россія.

ВСЕВОЛОДЪ.

Өеодоръ!...

ГЛѢБЪ.

Чтó ты рекъ?

ДАВЫДЪ.

Отечество велитъ...

ОЛЕГЪ.

Но вспомни свой ты долгъ.

ӨЕОДОРЪ.

Мой долгъ не позабытъ;
А развѣ вы, князья, вы, вы, его забыли,
Что слабой женщиной спасти себя возмнили,
Что, не простря своихъ къ оружію вы рукъ,
Поработили свой до низости той духъ,

Digitized by Google

Что княжеску жену даете вмѣсто дани,
Дабы избѣгнуть вамъ отъ предстоящей брани?
О стыдъ! о срамъ! о всѣхъ временъ для насъ позоръ!
Какъ не мрачите вашъ пятномъ симъ, Россы, взоръ?
Что въ слѣдъ орлиный вы, какъ прежде, не парите,
А пресмыкаяся, во прахѣ ползть хотите?
О Россъ! воспрянь, воспомнь, чтó былъ, чтó нынѣ ты!
Звукъ славныхъ дѣлъ твоихъ промчался, какъ мечты;
Союзники тебѣ глумятся и сосѣды.
Гдѣ древнія твои гремящія побѣды?
Гдѣ доблестей твоихъ парящій въ мірѣ слухъ?
Гдѣ князи, гдѣ вожди, о Россы! гдѣ вашъ духъ?
Бывало, сильныя страны вы потрясали,
Сестръ греческихъ царей и вѣру присвояли.
На струги паруса вамъ шили изъ камки,
Купили златомъ миръ отъ вашей всѣ руки,
А нынѣ сами вы дотоль уничижились,
Что срамомъ покупать покой вы свой рѣшились!
Встань, Игорь! Ярополкъ! Олегъ и Святославъ!
И, души множества въ вашъ поздный родъ вдыхавъ,
Являйтесь намъ въ огняхъ на стогнахъ средь отчизны,
И жгите насъ, доколь не сгладимъ укоризны,
Что стали мы изъ львовъ стада днесь робкихъ сернъ.
О Ольга мудрая! лучь древнихъ царь временъ,
Владиміръ! отъ небесъ взгляните на Россію
И преклоненную ея возвысьте выю,
Чтобъ отъ оружья вновь дрожали всѣ ея.
А вы, коль въ брань идти робѣете, князья,
Благословенъ отцомъ,

(*Указывая на Юрія.*)

одинъ я ополчуся,
Одинъ съ полкомъ моимъ на смертный бой пущуся.
Мнѣ спутникъ будетъ мечь, мой сынъ, моя жена.

(*Указывая на младенца и Евпраксію.*)

ЕВПРАКСІЯ.

И кровью нашею земля обагрена,
Покрыта трупами пусть будетъ и костями,
А вы, поправши ихъ — и ставъ Татаръ рабами,
Живите въ подлости. Но скоро, скоро звукъ

Digitized by Google

Взгремитъ на васъ цѣпей, — и вы средь стоновъ, мукъ,
Горящихъ пажитей, пустынь, домовъ опальныхъ,
Чадъ вашихъ юныхъ, женъ увидите печальныхъ,
Не званыхъ съ лаской въ одръ, но нудимыхъ жезломъ;
Тогда вы вспомните горчайшихъ слезъ съ ручьемъ,
Что бывъ съ оружіемъ, сдались напрасно силѣ,
А мы, не зря сихъ бѣдъ, покой найдемъ въ могилѣ;
Но стонъ, но кровь...

ОЛЕГЪ.

Доколь, такъ распалясь?...

ВСЕВОЛОДЪ.

Избавь, князь Юрій, сей ты укоризны насъ!
Въ насъ духъ трепещетъ весь.

ГЛѢБЪ.

Не стало ужъ терпѣнья.

ДАВЫДЪ.

Будь нашъ судья!

ЮРІЙ.

Жены простите огорченья.
А мнѣ, коль васъ судить, я правду вамъ скажу,
Что русскихъ въ васъ князей едвали нахожу.
Пускай Батыя силъ стремленіе безмѣрно
И лютымъ звѣремъ симъ сожремся мы всемѣрно;
Но развѣ Россъ рожденъ лишь слабыхъ побѣждать?
Долгъ добродѣтели — и силу презирать?
Пусть послабленьемъ днесь мы вражескимъ спасемся;
Но впредь не вящше ли отъ нихъ мы угнетемся?
Пусть дружества они днесь знаки намъ даютъ;
Но не опаснѣй ли, какъ въ грудь змѣи вползутъ?
Хоть благоденствомъ днесь и миромъ насладимся;
Но если Бога мы и вѣры отщетимся
И цѣломудріе позволимъ постыдить:
То христіанами намъ можно ли ужъ слыть?
О братья и друзья! не оставляйте Бога:
Во промыслѣ Его къ спасенью царствъ дорога.
Въ судьбахъ Его лежитъ народовъ жизнь и смерть;
Съ надеждой на Него пріятно умереть,
Сладка смерть за Христа, къ отечеству съ любовью.

Digitized by Google

ОЛЕГЪ.

Кол вѣры это гласъ...

КНЯЗЬЯ.

Вѣнчаемся всѣ кровью!

ОЛЕГЪ.

(*Юрію.*)

Но только чтобъ твой сынъ велъ полкъ передовой.

ѲЕОДОРЪ.

(*Съ восторгомъ.*)

Иду безъ робости и предвожу на бой.

ВСЕВОЛОДЪ.

Мы вслѣдъ идемъ тебѣ...

ГЛѢБЪ.

Лишь на небѣ зарница...

ЮРІЙ.

Благослови вашъ путь Всевышняго десница!

(*Всѣ князья и воеводы уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Юрій, Ѳеодоръ, Евпраксія и Софія съ младенцемъ на рукахъ.

ЮРІЙ.

(*Къ Ѳеодору и Евпраксіи.*)

Блаженная чета! Сѣдинъ моихъ вѣнецъ!
Какъ вашей доблестью красуется отецъ!
Какъ милъ мнѣ вашъ восторгъ! Къ защитѣ чести, вѣры,
Какіе въ васъ я зрѣлъ

(*Указывая на младенца.*)

птенцу сему примѣры!
Достоинствъ русскихъ женъ зерцало и красотъ!
О Евпраксія! ты какой дашь Россамъ плодъ!
Супруги вѣрныя, неблазненныя нравы —
Основа тверда царствъ, порука прочной славы.
Пусть бѣдствіемъ какимъ пострараждетъ гдѣ народъ,
Но съ непорочностью онъ вѣчно не падетъ:
Въ чадъ матери вольютъ съ млекомъ ихъ добродѣтель.
Ихъ будетъ слово, взглядъ великихъ душъ содѣтель.
Надежда на тебя, о сынъ мой, не вотще,
Но помни, что ты младъ, — не опытенъ еще.

Digitized by Google

Осѣтитъ лесть тебя, внушитъ самоуправство.
Будь благъ, но справедливъ; премудръ, но безъ упрямства.
Часы опасности — часы великихъ душъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Воеводы съ отрядомъ воиновъ приносятъ княжеское знамя и шлемъ.

ЮРІЙ.

(*Отдавая Өеодору шлемъ.*)

Прими его и будь съ сихъ поръ вождь Россовъ, мужъ,
Блестящій честію, отечества стѣною.

(*Отдавая знамя.*)

Имѣй его въ бою всегда передъ собою,
Дай къ славѣ самъ примѣръ: умри иль побѣди!

ӨЕОДОРЪ.

(*Принимая знамя.*)

Какъ вождь — я съ нимъ вездѣ; какъ ратникъ — впереди
Пойду:

(*Къ воинамъ.*)

вы моего держитеся примѣра;
Россъ вѣрно побѣдитъ, коль въ немъ есть духъ и вѣра.
Боится ль тотъ чего, кто идетъ умереть?

ЮРІЙ.

Отчизну спасть славнѣй, чѣмъ свѣтомъ завладѣть.

ӨЕОДОРЪ.

(*Взявъ младенца, отдаетъ на руки Юрію, а съ Евпраксіею вмѣстѣ преклоняется къ его персямъ.*)

Благослови меня, родитель мой, ко брани,
И пріими сего въ свои младенца длани.
Взлелѣй его, взрасти въ надзорѣ ты своемъ
И въ царскомъ утверди подобіи твоемъ;
Влей въ душу Божій страхъ, премудрости начало,
Какъ ты, чтобъ доблестей былъ, правды онъ зерцало.
Будь матери покровъ, отрада ихъ сердецъ;
А если кончу дни, то будь и ихъ отецъ.
Не поддержу когда колеблему Россію,
Укрой сіе дитя, не дай въ плѣнъ Евпраксію,
И въ сиротствѣ прижми ко отчу сердцу ихъ.

Digitized by Google

ЮРІЙ.

(*Обнявъ всѣхъ, отираетъ слезы и всѣ плачутъ. Къ Өеодору.*)

О сынъ мой! утиши волненье чувствъ твоихъ.
Иди съ надеждою, — и возвратись со славой.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Ему же.*)

Не наполняй мнѣ грудь разлуки ты отравой.
Возьми меня, мой другъ, въ опасности съ собой:
Ты будешь болѣе, въ виду меня, герой.

ѲЕОДОРЪ.

Но въ сынѣ сираго тебѣ ль меня оставить?...

(*Слышны бубны.*)

Се бубновъ звукъ! Иду себя, тебя прославить.

(*Всѣ уходятъ; а онъ, возвратясь, обнимаетъ Евпраксію.*)

Ждетъ долгъ, — прости!

ЕВПРАКСІЯ.

(*Тожъ обнявъ его.*)

Прости, дражайшій мой супругъ!
Пей жизнь изъ устъ моихъ, возьми съ собой мой духъ,—
Коль оставляешь здѣсь меня уже по долгу.

ѲЕОДОРЪ.

Въ храненье предаю тебя побѣды Богу.

(*Скоропостижно уходитъ.*)

ЕВПРАКСІЯ.

(*Рыдая.*)

Увы!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Евпраксія и Батый, изъ коихъ первая рыдаетъ, а послѣдній изъ боковыхъ дверей подходитъ тихо.

БАТЫЙ.

Царица! ты возмущена войной?
Причина жъ кто сему? Съ такою красотой
И прелестьми, какъ ты, Батый бы не кичился;
Но самъ у ногъ твоихъ рабомъ бы очутился,
Когда бы ты ему преклонною была
И къ счастію его надежду подала.
Онъ пламенемъ къ тебѣ сгарая не зазорнымъ
И чрезъ меня тебѣ творя себя покорнымъ,

Digitized by Google

Любовь свою велѣлъ и сердце предложить.
Ахъ! можно ли къ царю царей суровой быть?

ЕВПРАКСІЯ.

Отколь столь дерзкія взялъ мысли твой владѣтель?
Князей супругамъ долгъ — любить лишь добродѣтель.
Какъ знаетъ онъ меня? Какъ могъ онъ полюбить?
Какъ въ тысячѣ рабынь и христіанкѣ быть
Невѣрнаго женой? Не множь мнѣ огорченье.

(*Продолжаетъ рыдать.*)

БАТЫЙ.

Розъ благовонныхъ цвѣтъ и звѣздно озаренье
Сокрытымъ можетъ ли и неизвѣстнымъ быть?
Какъ прелестямъ твоимъ всѣхъ смертныхъ не дивить?
Притомъ и на мужей коль взложено природой,
Чтобъ дань платить женамъ и жертвовать свободой:
То, зря на красоту, нельзя не воздыхать;
Царствъ побѣдителю должна принадлежать.

ЕВПРАКСІЯ.

Нѣтъ сластолюбію и власти насыщенья, —
Алкаютъ вновь побѣдъ. — Отвѣтъ тебѣ — презрѣнье.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

БАТЫЙ.

(*Одинъ.*)

Жестокая! о, какъ она меня разитъ
И властно мнѣ себѣ подвластнымъ быть велитъ!
Ужасную въ себѣ я чувствую тревогу!
Нашла меня плѣнить надежную дорогу!
Ахъ! если Бурундай не развратитъ князей,
И побѣдятъ они, — гдѣ блескъ главы моей?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На театрѣ мракъ. — Батый и Бурундай входятъ побочными дверьми.

БУРУНДАЙ.

Нечаянный успѣхъ нашелъ я порученьемъ
Твоимъ мнѣ, государь! Хоть вышли съ ополченьемъ

Digitized by Google

Россійскіе князья сію же нощь на бой;
Но непріязни духъ межъ ихъ посѣянъ мной.
Крамольствуютъ теперь, что властью облеченный
Θеодоръ сталъ главой, всѣмъ старшимъ предпочтенный,
И здѣсь подъ домъ ужъ вшелъ нашъ полкъ.

БАТЫЙ.

Но чтожъ еще?

БУРУНДАЙ.

Надѣюсь, чрезъ сіе, что трудъ нашъ не вотще.
А сверхъ того скажу, что ужъ не древни нравы
У нынѣшнихъ Славянъ, искавшихъ прежде славы,
Не пользу общую и княжеску беречь,
Но обращаетъ всякъ на свой прибытокъ рѣчь.
Безъ вѣры къ Божеству, къ отечеству безстрастны,
Законовъ не брегутъ, пронырства, подкупъ властны.
Искавъ прославиться, не дорожатъ умомъ
И, презря свой, горды ордынскимъ языкомъ:
На немъ бесѣдуютъ, забавятъ, размышляютъ;
Цвѣтъ половъ обоихъ пришельцы воспитаютъ.
И словомъ: думаешь, гдѣ русскихъ зрѣть бояръ,
Тамъ видишь поступью, одеждою Татаръ.
То при всеобщемъ ихъ столь нравственномъ развратѣ,
Не мню быть вѣрнымъ всѣмъ ихъ вождямъ и палатѣ;
Ужъ многіе изъ нихъ намъ преданы душой.

БАТЫЙ.

Достаточно твой умъ предметъ проникнулъ мой.
Завоеватель быть тотъ свѣта неудобенъ,
Кто только побѣждать на браняхъ рать способенъ;
Нерѣдко жнемъ мы лавръ удачей, не мечемъ,
Но царства покорять надежнѣе умомъ.
На покоренье то я взялъ свои ужъ мѣры:
Растлю обычай, нравъ, языкъ, законъ, духъ вѣры.
А если ты нашелъ сей край ужъ таковымъ,
Что внутрь порабощенъ народомъ онъ моимъ;
То не сумнюся я въ добычѣ мной предзримой:
Разрушится колоссъ, никѣмъ непоборимой.
Когда же то не такъ, вѣрь, Бурундай, мнѣ въ семъ:
Воитель самъ падетъ подъ плѣнничій яремъ.
Какъ въ морѣ быстрый токъ теряется теченьемъ,

Digitized by Google

Такъ будетъ поглощенъ Чипчакъ Москвы владѣньемъ.
Но солнце ужъ взошло
(*Слышенъ скрыпъ дверей.*)
и скрыпнула тамъ дверь:
Намъ подозрительно здѣсь быть въ сей часъ теперь.
(*Уходятъ въ тѣ же двери.*)

ЯВЛЕНIЕ II.

Евпраксiя и Софiя.

ЕВПРАКСIЯ.

Не знаю, отъ чего весь духъ мой унываетъ,
И грудь мою тоска несносна разрываетъ;
Не знаю, чтó меня смущаетъ и мятетъ
И ни на часъ душѣ покою не даетъ[5],
Вó снѣ, Софiя, все я вижу привидѣньи,
И даже на яву мечтаются мнѣ тѣни.
Хочу уснуть, — не сплю, проснусь, — и клонитъ сонъ.
Өеодоръ зрѣлся мнѣ въ гробницу положенъ;
Окровавленъ и блѣднъ, объятья простираетъ.
Вспрянувъ, ко сыну я бѣгу и трепещу,
Прижавъ его къ грудямъ, на теремъ мой лечу.
Зрю мертву тишину, простертую вкругъ града,
Лишь слышу клекоты вдали орловъ отъ глада,
Лишь сосны, вѣтрами бушуя подъ луной,
Тѣнями черными духъ ужасаютъ мой.
Но алый перстъ заря на воды лишь склонила
И лучъ съ оружiя она мнѣ отразила,
Въ безмолвьи зыблему увидѣла я рать,
Силъ нашихъ и Татаръ мой взоръ не могъ объять.
Тутъ вмигъ за ржанiемъ коней сверкнули блески,
Раздался стонъ въ землѣ, гулъ въ воздухѣ и трески:
Я видѣла, сквозь пыль скакалъ съ тѣхъ всадникъ мѣстъ.
Не отъ Өеодора ль привезъ какую вѣсть?

СОФIЯ.

Олегъ израненный въ сiе, какъ слышу, время
Разузданнымъ конемъ примчёнъ увязшiй въ стремя;
Онъ сказывалъ, супругъ твой здравъ и счастливъ бой.

ЕВПРАКСIЯ.

Не то, Софiя, духъ предвозвѣщаетъ мой;

Digitized by Google

Но съ терема какъ я чертоги пробѣгала,
Кого ни встрѣтила, кого ни вопрошала,
Никто ни слова мнѣ въ отраду не сказалъ;
Но всякъ со вздохами преклоншися стоялъ.
Погибъ Ѳеодоръ мой, убитъ супругъ мой, вѣрно!
О я несчастная!

(*Плачетъ.*)

СОФІЯ.

Крушишься ты безмѣрно,
Не знавъ еще о чемъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Юрій и вѣстникъ входятъ печально.

ЕВПРАКСІЯ.

Повѣдай, мой отецъ,
Не помрачился ль мой супружескій вѣнецъ,
И живъ ли сынъ твой?

ЮРІЙ.

(*Вздохнувъ.*)

Живъ.

ЕВПРАКСІЯ.

Но что же такъ ты скромно
Вѣщаешь, государь, и такъ вздохнулъ прискорбно?
Скажи, скажи скорѣй, Батый ли побѣжденъ,
Или Ѳеодоръ мой? Онъ здравъ иль нѣтъ?

ЮРІЙ.

(*Уныло.*)

Взятъ въ плѣнъ!

ЕВПРАКСІЯ.

(*Съ трепетомъ.*)

Какъ! мой супругъ въ плѣну? Живой врагамъ достался?
А мнѣ онъ побѣдить иль умереть поклялся.
О ты, несчастнѣйшій! Когда бъ на брани легъ,
Отраду ту хотя бъ душѣ моей сберегъ,
Что я осталась бы вдовой послѣ героя;
А нынѣ, въ мрачный гробъ постыдну жизнь сокроя,
Какой оставимъ слухъ и въ сей и въ поздный свѣтъ?
Увы!

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ.

Царица! сей славнѣе плѣнъ побѣдъ.

(*Къ Юрію.*)

Вѣщать мнѣ, государь, позволишь ли подробно?

ЮРІЙ.

(*Печально.*)

Вѣщай!

ЕВПРАКСІЯ.

(*Рыдая.*)

Рази!

ВѢСТНИКЪ.

Нашъ вождь младой прошелъ свободно
Татарскій ночью станъ, и гдѣ стокъ рѣкъ двухъ былъ,
На узкой сталъ стрѣлѣ, закрылъ судами тылъ;
Поставилъ строй, стѣсня веприной головою,
Князьямъ сказалъ мѣста.—Батый возсталъ съ зарею,
Пришелъ: отдай, вскричалъ, оружье мнѣ твое!—
Возьми, Ѳеодоръ рекъ, уставя копіе.
Съ симъ словомъ тучи стрѣлъ блескъ солнечный затмили.
Въ тѣни намъ легче бой; Богъ въ помощь! мы гласили,
И данъ къ сраженью знакъ.—Стонъ накровъ[6] восшумѣлъ,
Сиповки взвизгнули,—и Россъ воспламенѣлъ.
Какъ черная гроза, летя съ хребта ливанска,
На христіанску рать неслась такъ бусурманска;
Пришла, ударила въ передній полкъ челомъ;
Трескъ копій, звукъ мечей долъ повторилъ и холмъ;
Осклабилася смерть, возскрежетала зѣвомъ,
И въ среднемъ вмигъ полку, на крыльяхъ правомъ, лѣвомъ,
Токъ быстрыя потекъ кровавыя рѣки.
Какъ нивы злачныя, сѣкалися полки!
Отвсюду къ намъ Чипчакъ стремился ярой лавой;
Россъ честь пріобрѣталъ иль умиралъ со славой,
Не уступя земли ни шага подъ собой.
Но се, какъ вьющій пыль, вихрь бурный, громовой,
Мунгулъ со всадничей мунгальскою дружиной
Насъ ринулся прорвать, проѣхать строй срединой;
Но встрѣтилъ, какъ скалу, онъ твердую русску грудь.
Свирѣпый моря валъ былъ долженъ отпрыгнуть.
Ѳеодоръ, съ рындами на тылъ его налегшій,
Поверхъ главы съ мечемъ, какъ съ молніей, летѣвшій,

Врубился въ сердце ордъ и окруженъ самъ сталъ;
Но, не смотря на то, онъ все впередъ дерзалъ.
Тутъ воинства вокругъ стѣснились обоюдны
И Россы храбрости примѣръ явили чудный;
На копьяхъ чрезъ себя метали узденей:
Сквозь паръ, сквозь пыль, сквозь мракъ блескъ виденъ былъ мечей,
Валились съ плечъ главы, отъ туловищей руки,
Палъ всадникъ, палъ и конь; вопль, топотъ, стонъ, скрипъ, звуки
Отъ броней и отъ збруй летали вкругъ враговъ,
Отъ побѣждавшихъ какъ, и падшихъ такъ полковъ.
Лютообразенъ видъ являлся всей природы:
Ужасно зрѣлище, гдѣ ратуютъ народы!
Се, государыня, геройскихъ слава дѣлъ!
Позадь Ѳеодора лежали гряды тѣлъ.
Біющихъ въ грудь себя ужъ мы ордынцевъ зрѣли
И восклицать свою побѣду ужъ хотѣли;
Ужъ снялъ съ прекраснаго чела нашъ вождь шеломъ
И отирать хотѣлъ потъ, льющійся ручьемъ,
Какъ вдругъ разнесся слухъ, что дрогнулъ полкъ Олеговъ,
Что конь его унесъ, что Всеволодовъ, Глѣбовъ
Погрязъ въ рѣкахъ оплотъ, что сталъ открытъ нашъ тылъ,
Что кормчихъ и возницъ наемныхъ ковъ то былъ.
Тогда съ холмовъ и водъ насъ орды окружили,
Изъ самострѣловъ, пращъ градъ каменный пустили,
По шлемамъ, по щитамъ стальнымъ съ высотъ бія,
Гремяща по рядамъ бѣжала искръ струя!
Нашъ вождь отъ сей грозы нигдѣ не могъ ужъ скрыться:
Велѣлъ всѣмъ воинамъ подъ ихъ щиты склониться
И черепахой, скрывъ себя, тихонько ползть.
До стражи, гдѣ былъ въ градъ стрегомъ Давыдомъ мостъ,
Какъ змѣй чешуйчатый смыкаясь, потянулся
Подъ кровлею сей строй, и моста ужъ коснулся;
Но мостъ возжегся вдругъ и пламень путь пресѣкъ;
Коль небеса казнятъ, чтó можетъ человѣкъ?
Однакожъ нашъ герой и тѣмъ не устрашился;
Но сталъ ногой на щитъ и умереть рѣшился,
Какъ левъ, горя очьми, что встрѣтитъ, то мертвитъ.
Россіянъ храбрыхъ горсть тьма варваръ не страшитъ:

Digitized by Google

Свирѣпый Тахтамышъ богатырямъ въ кольчугахъ
Велѣлъ вдругъ млатами смѣсить насъ труповъ въ грудахъ.
Полкъ рыкнулъ исполинскъ, — всѣ пали, — вождь плѣненъ.

ЮРІЙ.

(*Утирая слезы.*)

О сынъ мой!

ЕВПРАКСІЯ.

(*Рыдая*)

О супругъ! погибъ ты отъ измѣнъ.

ВѢСТНИКЪ.

Князья безтрепетно, безстрашно тожъ сражались,
До сказаннаго мной несчастья въ бой метались,
А паче князь Олегъ, въ жару, какъ ярый волкъ,
Во всѣ опасности стремилъ свой храбрый полкъ.
Хотя израненъ былъ, не оставлялъ онъ бою,
Поколь стальны бразды не прервались съ уздою
И онъ съ ослабнувша сѣдла не палъ съ коня.
Сробѣли ратники, его убитымъ мня;
А прочіе князья, я думаю, спаслися,
Какъ мостъ огнемъ, суда водою пожралися.
Я посланъ былъ собрать на помощь ихъ вождю,
Какъ каменному онъ подверженъ былъ дождю;
Но ихъ ужъ не нашелъ, — орды лишь съ плѣномъ мчались.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Продолжая рыдать.*)

Супругъ мой во плѣну!

ЮРІЙ.

Всѣ храбрые остались
Вокругъ на мѣстѣ съ нимъ! Дивлюсь, какъ онъ въ живыхъ!
Еще къ намъ благъ Творецъ!

ЕВПРАКСІЯ.

Судебъ Его святыхъ
Прогнѣвать не дерзну. Но что въ томъ утѣшенья?
Супругъ мой во плѣну!

ВѢСТНИКЪ.

Московски ополченья,
Какъ слухъ разносится, не вдалекѣ идутъ.

ЮРІЙ.

О Боже! поспѣши.

Digitized by Google

ЕВПРАКСІЯ.

Ихъ тщетенъ будетъ трудъ.
Супругъ мой во плѣну!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Олегъ, Всеволодъ, Глѣбъ и Давыдъ, изъ коихъ первый раненъ, съ подвязанной рукой опирается на копье.

ОЛЕГЪ.

(*Юрію съ огорченіемъ.*)

Несчастіе презлое
Постигло насъ!

ВСЕВОЛОДЪ.

Уже извѣстенъ ты о боѣ?

ЮРІЙ.

Несчастливъ я, не вы. Мой сынъ былъ войскъ вождемъ.

ГЛѢБЪ.

Избрали мы его. Не виненъ онъ ни въ чемъ;
Геройское его насъ удивляло рвенье.

ЮРІЙ.

Онъ долгъ свой исполнялъ.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Рыдая.*)

А мнѣ хоть утѣшенье
Въ несносной горести собой онъ то принесъ,
Что сынъ отечества, что былъ онъ прямо Россъ,
Достойный мой супругъ, сынъ князя Юрья крови.

ЮРІЙ.

Достойна, дщерь моя, и ты его любови,
Въ тебѣ подобный духъ.

ОЛЕГЪ.

Виновны много въ томъ,
Что чужестранцамъ мы повѣрились во всемъ:
Они насъ предали.

ЮРІЙ.

Я виненъ въ снисхожденьѣ.
Возьмите отъ меня вы княжества правленье.

ОЛЕГЪ.

Нѣтъ!... добрый, кроткій князь!

Digitized by Google

ГЛѢБЪ И ДАВЫДЪ.
(*Вмѣстѣ*.

Владѣй.

ЕВПРАКСІЯ.

Виновна я,
Что страсть къ Ѳеодору горячая моя
И истинная честь ко брани васъ склонила.
Упрекомъ, просьбой васъ своей я погубила,
Но въ томъ не каюся, коль исполняла долгъ;
Войну внушили мнѣ любовь законъ и Богъ.
Вы не одну меня, женъ вашихъ защищали,
За благо общее вы души ваши клали.
Чтó въ томъ отечествѣ, гдѣ чести не блюдутъ?
Меня лишь въ совѣсти тѣ укоризны рвутъ,
Что я съ Ѳеодоромъ для сына разлучилась
И на опасности съ нимъ бранны не пустилась;
Что здѣсь въ покоѣ я, а онъ стенетъ средь узъ.
Я симъ въ душѣ моей, лишь симъ однимъ мятусь.
О мой отецъ! князья! о небо! помогите,
Съ супругомъ умереть меня вы отпустите.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Бурундай.

БУРУНДАЙ.
(*Надменно.*)

Какихъ, упорствомъ, вы виною стали бѣдъ!
Какой вы скажете Батыю днесь отвѣтъ?
Какой ему теперь вы угодите данью
За кровь пролитую? Еще ль его желанью
Своимъ упрямствомъ вы мечтаете претить
И, падши, у него прощенья не просить,
Отдавъ ему во власть
(*Указывая на Евпраксію.*)
царицу горделиву?
Еще ль подвергнете какому страшну диву,
Какому мщенью вы себя и свой народъ?
Опомнитесь, доколь мечь вновь не упадетъ
На ваши гордыя, тщевознесенны выи
И кровію всея не обагритъ Россіи.

Digitized by Google

Погибла ваша рать, вашъ вождь средь нашихъ рукъ.
На что жъ надѣетесь?

ОЛЕГЪ.

На нашъ народъ...

ВСЕВОЛОДЪ, ГЛѢБЪ И ДАВЫДЪ.

(*Вдругъ.*)

Нашъ духъ.

ЮРІЙ.

На Бога и свою надѣемся правдивость.
Безсиленъ угнетать вовѣкъ тиранъ невинность.
Россію можетъ лишь Россія побѣдить.

ВСЕВОЛОДЪ.

Измѣною впередъ вамъ насъ не поразить.

БУРУНДАЙ.

А я вамъ вѣрный плѣнъ и рабство предрекаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Батый.

БАТЫЙ.

Отъ имени я вамъ Батыя предлагаю
Размѣну плѣнниковъ и перемирья часъ
На погребенье тѣлъ. Онъ чтитъ отлично васъ
И ваше мужество толико уважаетъ,
Что честь сію отдать вамъ долгомъ поставляетъ.
Героевъ среди бѣдъ сіяетъ паче лучъ.

ЮРІЙ.

Щедрѣй чѣмъ властелинъ, тѣмъ болѣе могучъ;
Но плѣнныхъ нѣтъ у насъ.

БАТЫЙ.

О! сердцу есть драгія.

ЮРІЙ.

Но кто они? скажи.

БАТЫЙ.

(*Указывая на Евпраксію.*)

Сіи красы младыя,
Сей блескъ ланитъ и устъ, что въ сей царицѣ зрю,
Давно принадлежатъ великому царю.
Нѣтъ миру безъ нея, невмѣстно снисхожденье.

Digitized by Google

БУРУНДАЙ.

Но огнь, мечъ, смерть.

ЮРІЙ.

Не вы,—перстъ рока—царствъ рушенье.

ОЛЕГЪ.

Но Евпраксія шла сама къ супругу въ плѣнъ.

ЕВПРАКСІЯ.

Съ супругомъ умереть, а съ нимъ не на размѣнъ
Иду,—и пусть меня тиранъ вашъ ожидаетъ.

БАТЫЙ.

Тебя царь ждетъ одну, супруга свобождаетъ,
И самъ супругъ тебѣ претитъ къ себѣ идтить.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Съ досадою.*)

Какой свирѣпый звѣрь столь злобно уязвить
Меня бы могъ, какъ ты сей поражаешь вѣстью?
Надлежитъ изобрѣсть сей вымыселъ не честью,
Чтобы любезнѣйшій, дражайшій мой супругъ
На груди нѣжной сей не изліялъ свой духъ;
Чтобъ не хотѣлъ меня онъ болѣе и видѣть!
Ахъ! можно ли меня и столь его обидѣть?
Не вѣрю я сему. Се хитрой злобы ковъ.

БАТЫЙ.

А если принесу я знакъ намѣсто словъ?

ЕВПРАКСІЯ.

Какой знакъ принесешь? Чѣмъ лесть восторжествуетъ?
Ужель душа моя во мнѣ не существуетъ?
Ужель вѣрнѣйшій мой супругъ меня забылъ
И разлучить меня съ собою осудилъ?
О я несчастная! Коль вѣсть та справедлива,—
Сколь счастлива была, днесь столько несчастлива.
Ѳеодоръ мой меня уже не хочетъ зрѣть:
Почто же мнѣ и жить? ахъ! лучше умереть.

(*Къ Батыю.*)

Но покажи мнѣ знакъ, какимъ, какимъ я средствомъ
И неожиданнымъ толь поражаюсь бѣдствомъ?

БАТЫЙ.

Я принесу; но лишь паединѣ вручу.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Указывая на Юрія.*)

Коль дозволеніе отца я получу.

(*Взявъ за руку Батыя, со слезами.*)

Межъ тѣмъ молю: проси ты отъ меня Батыя,
Да узы облегчитъ Ѳеодора онъ злыя;
Да сохранитъ его здоровье и покой,
Не дастъ по отчествѣ замучиться тоской.
Хотя бы я ему была и не любезна,
Да не тягчитъ его у васъ неволя слезна.

БАТЫЙ.

(*Бурундаю тихо.*)

Тоской и прелестьми мой духъ она мятетъ.

(*Евпраксіи.*)

Исполню твой приказъ,

БУРУНДАЙ.

(*Князьямъ, грозя.*)

Не укосняйте миру.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Юрій, Евпраксія, Всеволодъ, Олегъ, Глѣбъ, Давыдъ и вѣстникъ.

ОЛЕГЪ.

Вслѣдъ столь кроваваго звѣроподобна пиру,
Который дорого и ханомъ заплаченъ,
Я мню, что намъ посломъ миръ лестно предложенъ,
Чтобъ силой вновь своей Чипчакъ возмогъ собраться
И воинствамъ въ Москвѣ чтобъ поводъ дать остаться.

(*Къ Вѣстнику.*)

Но ты сказалъ, что ужъ черниговскій, тверской
И сѣверски князья въ союзѣ межъ собой?

ВѢСТНИКЪ.

И мнятъ васъ подкрѣпить.

ВСЕВОЛОДЪ.

Вновь счастья испытаемъ.

ОЛЕГЪ.

Намъ стыдно, что себя въ позорѣ оставляемъ:
Хоть брани не желалъ, миролюбивъ я былъ;
Но пусть ужъ вытечетъ

(*Показывая на завязанную руку.*)

вся кровь моя изъ жилъ,

Digitized by Google

Лишь бы Θеодора изъ плѣна намъ избавить:
Къ чему капль нѣсколько для скорбныхъ дней оставить?

ЮРІЙ.

Таковъ миръ хищника, каковъ весенній ледъ:
Оприсъ кто на него, и въ бездну упадетъ.
Ввѣкъ побѣдитель другъ надежный не бываетъ.

ВСЕВОЛОДЪ.

Оставша наша рать духъ бодрый изъявляетъ.

ДАВЫДЪ.

Но еслибъ обойтись, не проливая кровь?

ГЛѢБЪ.

Чего не могъ нашъ мечъ, да снищетъ то любовь!

(*Князья уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Юрій и Евпраксія.

ЮРІЙ.

Любовь къ отечеству, ко мнѣ, къ супругу, къ вѣрѣ.
Ты въ рѣдкомъ, дщерь моя, явила днесь примѣрѣ;
Но сердцу юному неусмотрима лесть:
Знай, хитрость тонкія умѣетъ сѣти плесть:
Всегда она хвалой невинны души ловитъ
И къ злобному ея ихъ дѣйствію готовитъ;
То сердца берегись ей сгибы открывать,
А паче не спѣши чего ты обѣщать;
Воспомни, что тобой отечество спасаю,
Храню и честь твою, — съ посломъ рѣчь позволяю.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Съ плачемъ цѣлуя у него руку.*)

Пусть прежде свѣтъ изъ сихъ изсякнетъ томныхъ глазъ,
Чѣмъ позабуду я родительскій приказъ.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЮРІЙ.

(*Одинъ.*)

Какъ суетенъ сей міръ и въ случаяхъ превратенъ!
И оборотъ его какимъ умомъ понятенъ?
Вчерась я восходилъ, сегодня нисхожу;

Digitized by Google

Едва блеснулъ мнѣ день, уже во гробъ гляжу.
Давно ли низлагалъ и раздавалъ Россъ троны,
Владиміръ княжества, а Ярославъ законы?
Давно ли Россъ сіялъ, какъ солнца полный зракъ?
А нынѣ мракъ простертъ надъ нимъ, и кто жъ? Чипчакъ
Доводитъ иль довелъ до той ужъ насъ степени,
Что мы дрожимъ его и самой даже тѣни
И княжеску жену на жертву мыслимъ дать,
Дабы отъ грозъ его себя, отъ звѣрства спасть,
Не думая, что тѣмъ себя мы обезславимъ
И отъ опасностей грядущихъ не избавимъ.
Гдѣ жъ твой, Россія, умъ, гдѣ духъ неколебимъ?
Но смертнымъ, ахъ! чертежъ судебъ неизслѣдимъ.
Мы видимъ въ повѣстяхъ геройскіе примѣры,
Но идемъ ли имъ вслѣдъ? Беремъ ли лучши мѣры?
Нѣтъ, бродимъ какъ слѣпцы, то медлимъ, то спѣшимъ;
Чтó должно,—презрѣли; не должно чтó,—творимъ.
Увы! когда жъ на насъ сіе небесъ насланье,
И данъ отъ нихъ бичемъ Батый намъ въ наказанье;
То будь благословенъ, Правитель всѣхъ міровъ,
Держащій узелъ всѣхъ подсолнечныхъ концовъ!
Спасенье отъ Тебя пусть намъ и совершится,
Угодное Тебѣ съ Россіей да творится!
Но княжескій я долгъ исполню только въ томъ,
Чтобъ совѣсть мнѣ моя не пререкла ни въ чемъ;
А впрочемъ содрогай, иль упадай вселенна,
Лишь правда царская и честь будь не затмѣнна.

ЯВЛЕНІЕ X.

Вѣстникъ и Юрій.

ВѢСТНИКЪ.

Московскимъ воинствамъ Татары, государь,
Отрѣзываютъ путь.—И какъ крылата тварь,
Ордынска саранча вновь тучами стремится,
Уронъ дополня свой, вкругъ города ложится.

ЮРІЙ.

Скажи князьямъ,—и мнѣ вели дать шлемъ и мечъ:
На прагѣ власти, дней, мнѣ что ужъ жизнь беречь?

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Одна.*)

Игралище судьбы, рабыня на престолѣ,
Супруга княжеска, къ какой влекусь я долѣ?
Спасать отечество, а вѣры несть упрекъ,
Прервать любви союзъ, а весть въ распутствѣ вѣкъ!
Въ томъ пользу находить, чтó совѣсть отвергаетъ;
Тѣмъ разумъ обольщать, чтó сердце ужасаетъ!
Любить Ѳеодора, — тѣмъ жизнь его губить;
Мертвить Ѳеодора, — тѣмъ жизнь его продлить;
Долгъ долгомъ поборать и низлагать честь честью,
И распрю ту рѣшить моей, супруга ль смертью?
Ахъ! что же мнѣ избрать и что начать теперь?
Кому послѣдовать? — на чей смотрѣть примѣръ?
Внять общества ли гласъ, внушенью ли святыни,
Иль кликамъ роскоши, иль славѣ героини?
Одна другую страсть встрѣчаетъ и мятетъ,
И мысль одна другой взять верха не даетъ!
Зачѣмъ пришла сюда и что сказать мнѣ должно,
Какъ злобный знакъ какой представятъ мнѣ неложно?
Какими хитростьми прельстить меня хотятъ?
Ѳеодоровъ одинъ милѣй мнѣ свѣта взглядъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Батый и Евпраксія.

БАТЫЙ.

(*Съ притворнымъ дружескимъ трепетомъ.*)

Съ благоговѣніемъ царицы изволенье
И моего царя свершая повелѣнье,
Я Евпраксіею принесъ желанный знакъ;
Но трепетный тебя да предваритъ мой зракъ,
Что въ знакѣ скрыта семъ никѣмъ неожиданна
Повѣренная мнѣ Батыемъ страшна тайна,
Которую велѣлъ отъ всѣхъ онъ мнѣ сокрыть,
А изъ почтенія тебѣ лишь объявить,
Жалѣя, что узришь ты знаменье печально.

Digitized by Google

ЕВПРАКСІЯ.

Какое?

БАТЫЙ.

(*Показывая кольцо.*)

На сіе смотря кольцо вѣнчально,
Познаешь ли его?...

ЕВПРАКСІЯ.

(*Съ трепетнымъ удивленіемъ.*)

Откуда взялъ?... мое!

БАТЫЙ.

Пойми же изъ сего несчастье ты свое
И не мечтай, чтобъ былъ супругъ тебѣ твой вѣренъ.
Оставилъ онъ тебя, — сей знакъ нелицемѣренъ.
Ты сумнѣваешься? вѣрь, юная жена,
Что участь ужъ твоя теперь премѣнена.
Батый Өеодору изъ личныя отмѣны
Позволилъ входъ въ шатеръ, живутъ его гдѣ жены.
Красавицъ лишь въ соборъ вступилъ сей юный князь,
Отвсюду пораженъ былъ блескомъ ихъ заразъ,
И вмигъ онъ обратилъ свой взоръ и вздохи тайны
На образъ милыя Батыевой султаны,
Прелестнѣйшей изъ всѣхъ. — Султанъ примѣтилъ то;
Но, дерзость такову поставя ни во что,
Позволилъ хитростно внѣдрять имъ страсть взаимно:
При вѣтрѣ огнь въ младыхъ сердцахъ пылаетъ сильно;
Твой князь любовь свою султаншѣ въявь открылъ
И симъ ее кольцомъ обручнымъ подарилъ,
Давая знать чрезъ то, тебя что покидаетъ
И сердце что другой на вѣчность посвящаетъ.
Мой царь былъ симъ сраженъ, не вѣдавъ, чтó начать,
Но вспомня, что тебя рѣшился обожать,
Велѣлъ къ тебѣ довесть супружества измѣну,
И съ миромъ у князей просить размѣна плѣну: —
Өеодоръ плѣнникомъ себя Фатимы чтетъ;
Батый же плѣнникъ твой,—препятствъ къ размѣну нѣтъ.

ЕВПРАКСІЯ.

Какія странности и ужасы нелѣпы
Ты возвѣщаешь мнѣ, посолъ царя свирѣпый!
Какая гнусна ложь и мрачныхъ козней адъ!

Digitized by Google

Какой вливаешь мнѣ ты въ грудь смертельный ядъ!
Возможетъ ли то быть, чтобъ существо любезно,
Өеодоръ въ грудь вонзалъ мнѣ остріе желѣзно
И внутренность мою изрѣзалъ, изорвалъ
И лютымъ коршунамъ на растерзанье далъ?
Нѣтъ, нѣтъ! не вѣрю я толь злу необычайну
И презираю мнѣ тобой внушенну тайну.
Какъ статься то могло, чтобъ вѣрный мой супругъ,
Бывъ плѣнникъ и ко мнѣ перемѣнившись вдругъ,
Другую полюбилъ столь мрачно и безславно,
Что, и кольцо мое предавши обручально,
Онъ съ иновѣркою соединилъ себя,
Пристойность потерявъ и честность погубя?
Иль разума и чувствъ онъ всѣхъ уже лишился?
Когда бывало, гдѣ, чтобъ Россъ такъ посрамился
И клятвы чтобъ свои священны позабылъ,
Хотя бы въ челюстяхъ онъ самой смерти былъ?
Ахъ! знать, что жизни вы его уже лишили
И, перстень снявъ съ него, въ искусъ мнѣ обратили!
Скажи ты лучше мнѣ: ссѣкъ дни его палачъ,
И обрати мой стонъ, увы! въ надгробный плачъ.

БАТЫЙ.

А ежели онъ живъ, и лично бъ царь рѣшился
Тебѣ о томъ сказать, что онъ въ тебя влюбился
И обожатель самъ твоей сталъ красоты, —
Сему повѣрила бъ?

ЕВПРАКСІЯ.

(*Съ удивленіемъ.*)

Какъ? лично?

БАТЫЙ.

(*Ударяя себя въ грудь.*)

Я Батый,
Я повелитель ордъ. — Симъ окруженъ чертогомъ,
Даю себя тебѣ любви моей залогомъ.
Когда бы страсть моя не столь была сильна,
То въ жизни бъ ты моей днесь не была вольна;
Но се, я предъ тобой; ужъ санъ мой не скрывая
И сердцу твоему всего себя ввѣряя,
Пришелъ тебѣ сказать: люблю. — Се тайна въ чемъ.

Digitized by Google

ЕВПРАКСІЯ.

(*Съ ужасомъ.*)

Какъ, государь, ты могъ во образѣ такомъ
Притворномъ быть со мной? Притворствовать постыдно.
Проступкомъ назовутъ свиданіе невинно.
Опасность впрочемъ я, довѣренность цѣню
И тайну я твою, конечно, сохраню;
Но на супруга снесть не въ силахъ порицанье:
Измѣна мнѣ его несносное терзанье.

БАТЫЙ.

Когда бы клеветой его я порицалъ,
Одинъ бы предъ тебя отважно не предсталъ;
Заложникомъ себя тебѣ бъ не отдалъ въ руки
И гнѣвъ бы твой не снесъ, тягчайшій злой мнѣ муки;
Но только въ томъ тебѣ виновнымъ признаюсь,
Что, бывъ самъ здѣсь, велѣлъ я брату ввесть въ искусъ
Супруга твоего чрезъ льстивую султану,
Дабы познать къ тебѣ его горячность равну.
Позналъ. — Ахъ! тщетно ты ослѣплена такъ имъ:
Измѣнничья душа кольцомъ открыта симъ.

(*Показываетъ на кольцо.*)

Прости, что такъ сказать, любя тебя, дерзаю
И хитрость что мою усердьемъ извиняю.
Она мнѣ удалась, невѣрный мужъ открытъ.
Не стóитъ онъ тебя, Батый тобой горитъ.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Сурово.*)

Супруга моего такимъ чернить порокомъ?
О царь царей! клянись.

БАТЫЙ.

(*Воздѣвъ на небо руки.*)

Клянусь моимъ пророкомъ.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Съ отчаяніемъ.*)

Увы! несчастная, бѣднѣйшая жена,
Къ чему теперя ты, къ чему приведена?
Супругомъ презрѣнна, присуждена князьями
Посмѣшищемъ быть ввѣкъ межъ русскими женами!
Ѳеодоръ! ты сего мнѣ бѣдствія виной,
Ты сдѣлался, супругъ, предатель гнусный мой!

Digitized by Google

Дщерь княжеску, жену, вѣнчанну Россіянку
Не усумнился ты смѣнять на мусульманку;
Не устыдился родъ свой, вѣру, вѣрность, честь
Въ даръ сластолюбію гнуснѣйшему принесть!
Не ужаснулся клятвъ, предъ алтаремъ мнѣ данныхъ,
Забыть въ объятіяхъ красотъ иноплемянныхъ!
Ѳеодоръ! нѣжности, которыя ты мнѣ
Являлъ любви своей во сладостномъ огнѣ,
Въ восторгахъ новыхъ днесь преступно погружаешь,
Не тужишь обо мнѣ, не мыслишь, не вѣщаешь;
Пріятствъ и ласкъ ко мнѣ и вздоховъ не ліешь,
И ахъ! другую страсть изъ устъ другой ты пьешь!
Въ другихъ очахъ теперь свое блаженство видишь;
Меня жъ не любишь ты, не любишь, ненавидишь!
О, небо! что и жить безъ дружбы и любви?
Ѳеодоръ! пріиди и лучше умертви,
Чѣмъ безъ тебя страдать твоей женѣ несчастной.

БАТЫЙ.

Царицѣ юной столь, любезной и прекрасной,
Какъ, Евпраксія, ты, къ чему себя такой
Неразсудительной, безвременной тоской
Крушить по мужѣ толь тебѣ неблагодарномъ?
Сихъ прелестей твоихъ въ сіяньи лучезарномъ
Какъ сѣтовать тебѣ о комъ?

ЕВПРАКСІЯ.

Пускай бы онъ
На брани лучше палъ, не преступя законъ
И брачныхъ узъ, души не низя благородной:
Сноснѣй бы смерть его...

БАТЫЙ.

Я вижу ты свободной
Быть хочешь отъ него? велю сейчасъ...

ЕВПРАКСІЯ.

Ахъ, нѣтъ!
Батый, ахъ, нѣтъ! Пускай измѣнникъ мой живетъ
И вѣроломственной вкушаетъ сладость страсти.
Блюди его, храни, въ своей имѣя власти.
И любишь коль меня, меня тѣмъ одолжишь,
Коль мнѣ преступника любезна сохранишь.

Digitized by Google

БАТЫЙ.

Не только сохраню, но тронъ ему доставлю
И рабствовать предъ нимъ я всѣхъ князей заставлю.

ЕВПРАКСІЯ.

Не трона я прошу, свободы лишь ему.

БАТЫЙ.

Я бъ слѣдовалъ сейчасъ велѣнью твоему,
Когда бъ не видѣлъ въ немъ ужаснаго героя,
Опасна для меня и царствъ моихъ покоя;
Но сдѣлалъ бы и то, коль ты бъ залогъ была,
И ввѣкъ уже моей, а не его слыла.

ЕВПРАКСІЯ.

Давъ слово быть твоей, я измѣнила бъ вѣрѣ.

БАТЫЙ.

Къ какой же безъ сего ты мнишь рѣшиться мѣрѣ?
Я не сниму оковъ съ супруга твоего.

ЕВПРАКСІЯ.

Желала бъ умереть или узрѣть его,
Иль хоть позволь ему прислать мнѣ извѣщенье,
О участи моей въ письмѣ опредѣленье:
Почто я сдѣлалась ему постылой такъ?
Почто несносенъ сталъ ему мой взоръ и бракъ?

(Въ жару.)

Ѳеодоръ! будь со мной такъ откровенъ, какъ прежде:
Питаться ль о любви супружеской надеждѣ
И извинять ли мнѣ проступокъ твой, иль нѣтъ?
Иль ты ужъ холоденъ ко мнѣ, какъ вѣчный ледъ?
Ахъ! ежели и такъ, скажи мнѣ, не убойся,
Какъ счастливъ въ новой ты любви, — откройся:
Какъ чуждая тебѣ пріятна красота,
Вдыхаетъ ли такъ огнь, какъ я въ твои уста?
Глядитъ ли на твои съ восторгомъ тайнымъ взоры,
Чинитъ ли сладкіе за медленность укоры,
Какъ въ скукѣ безъ тебя, бывало, я грущу?
Ахъ! все мнѣ опиши, я все тебѣ прощу.
Прощу, мой другъ, прощу, хоть ты и лицемѣренъ;
Приму въ объятіе, лишь будь опять мнѣ вѣренъ.

БАТЫЙ.

Ѳеодора здѣсь нѣтъ, кого такъ улещать,

Digitized by Google

И тщетно страстью такъ къ невѣрному дышать.
На все тебѣ даю обѣтъ мой, Евпраксія.
Ахъ! вспомни, что тобой лишь держится Россія,
Что предъ тобой стоитъ послушный чтитель твой,
Могущій съ ней тебя сіяньемъ крыть иль тмой.
Послушайся, оставь развратнаго супруга
И избери меня себѣ въ достойна друга.

ЕВПРАКСІЯ.

Какъ, государь, такой ужасный мнѣ предлогъ,
Коль страстенъ мною ты, произнести возмогъ?
Супруга княжеска, рожденна русской кровью, —
И честь и бракъ претятъ мнѣ тлѣть къ тебѣ любовью.
И еслибъ не дала я слова тайны крыть,
Не должно бъ предъ собой тебя мнѣ и сносить.

БАТЫЙ.

По тронамъ я царей и по главамъ ступаю,
И я тебѣ союзъ съ собою предлагаю.
Что жъ вѣра тутъ, бракъ, честь, и въ чемъ препятства мнѣ?
Въ порабощенной мечь всему законъ странѣ.
Украшенну вѣнцомъ блестящимъ надъ вселенной
Злодѣйство самое есть доблестью священной.
Прошедшее ему бываетъ прощено;
А настоящее отъ всѣхъ дозволено, —
И женъ благословятъ законы отпущенье;
То наше будетъ въ чемъ съ тобой и преступленье?
Вѣнчальное кольцо другой твой отдалъ мужъ;
То разрѣшилъ онъ симъ союзъ ужъ нашихъ душъ.
А что рожденна ты отъ крови христіанской,
То не принудишься мной къ вѣрѣ музульманской.
Не брака я хочу, — тобою обладать;
Не должностью къ себѣ, — утѣхой привязать.

ЕВПРАКСІЯ.

Гражданскія права, духовны наши купно
Не позволяютъ намъ такъ мудрствовать распутно.

БАТЫЙ.

Законъ властителя — желаніе его,
Запретнаго ему нѣтъ въ свѣтѣ ничего.
Брось предразсудки всѣ, моей покорствуй волѣ,
И выше всѣхъ моихъ женъ сядешь на престолѣ.

Digitized by Google

Султаншею тебя главнѣйшей нареку
И все къ подножью ногъ твоихъ я привлеку.
Осыплю златомъ вкругъ, безцѣнностьми, богатствомъ;
Владѣй и управляй со мной ордынскимъ царствомъ.
Вообрази себя въ гаремѣ ты моемъ,
Уединенною со мной лицо съ лицомъ
Сѣдящу на коврахъ въ молчаніи глубокомъ,
Гдѣ тьмы соперницъ вкругъ, вдали завистнымъ окомъ
На счастіе твое вздыхаючи глядятъ
И маніе твоихъ очесъ творить хотятъ,
Ты жъ въ пурпурѣ, во мглѣ мастикъ благоуханныхъ,
Подъ тихимъ звономъ струнъ, бряцаніевъ тимпанныхъ,
Подъ осѣненіемъ купинъ цвѣтущихъ древъ,
При шумѣ свѣтлыхъ водъ, при пляскѣ ликовъ дѣвъ,
Утѣхою моихъ объятій упоенна,
Промолвишь слово мнѣ — и задрожитъ вселенна;
Колѣна преклоня, цари къ тебѣ придутъ
И милости мои тобой воспріимутъ;
Невидима никѣмъ, ты всѣми будешь чтима,
За разумъ, за красу, за благость возносима,
И словомъ, будешь ты земной блаженствомъ богъ.
Ахъ! что ты предпочтешь сему?

ЕВПРАКСІЯ.

Супружній вздохъ.
Описанныхъ тобой я благъ не понимаю;
Любовь супруга я ни съ чѣмъ не промѣняю.

БАТЫЙ.

Жестокая! хотя законъ нашъ женщинъ всѣхъ
Чтетъ токмо созданныхъ для мужескихъ утѣхъ;
Но если для тебя обычай презрю, вѣру,
И взять тебя одну приму въ супруги мѣру,
Что скажешь ты тогда? ахъ! брось хоть лестный взглядъ!

ЕВПРАКСІЯ.

(*Отвращаясь.*)

Ты музульманъ.

БАТЫЙ.

Законъ Батыю всякій святъ.
Ты не оставишь твой, я свой могу оставить.

Digitized by Google

ЕВПРАКСІЯ.

(*Съ удивленіемъ.*)

Не лучше ль, государь, тебѣ себя прославить
Великодушіемъ и злыхъ избѣгнуть бѣдъ,
Въ которы вводитъ страсть?

БАТЫЙ.

Нѣтъ, Евпраксія, нѣтъ!
Красотъ сокровищъ всѣхъ милѣй ты, несравненнѣй.

ЕВПРАКСІЯ.

Оставленно добро чѣмъ всѣхъ другихъ безцѣннѣй,
Тѣмъ больше, государь, оставившій его.

БАТЫЙ.

Польсти хотя мечтѣ ты сердца моего,
Что будешь ты моей, не будетъ какъ препятства;
Возвысь мой выше тронъ, расширь обширны царства,
Единымъ словомъ мнѣ позволивъ уповать.

ЕВПРАКСІЯ.

Коль быть бы то могло, то можешь развѣ ждать
Отъ мужа, отъ отца, князей моихъ собранья;
Прямыхъ же чувствъ моихъ увидишь основанья,
Когда Өеодоръ мнѣ письмо свое пришлетъ.

БАТЫЙ.

Благоволителенъ ко мнѣ князей совѣтъ,
И я согласья ихъ навѣрно ожидаю.

ЕВПРАКСІЯ.

Или они ужъ всѣ — я вѣрить не дерзаю, —
Безъ мужества вожди, безъ чувствія судьи!
О рокъ! окончь скорѣй удары мнѣ твои!
Разверзися, земля, и скрой меня ты тмою:
Тамъ ложе брачное, Батый, тебѣ со мною.

(*Убѣгаетъ съ рындами.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

БАТЫЙ.

(*Одинъ.*)

Неколебимая, прегордая жена!
Сколь твердъ во брани мужъ, столь въ вѣрности она.
Чрезъ хитрость войскъ его я пролилъ кровь рѣкою;
Но лестью овладѣть не могъ ея душою.

Digitized by Google

Что жъ дѣлать мнѣ теперь? Оставить ли любовь?
Взирать ли въ тишинѣ на торжество враговъ?
Начто мнѣ Россовъ тронъ? Начто мнѣ Евпраксія?
Но гордая моя стыдомъ поникнетъ выя,
Коль скоро отъ моихъ я мыслей отступлю;
Всякъ скажетъ, — побѣжденъ, презрѣнъ, хотя люблю.
Гдѣ жъ то величіе, что мнѣ дано льстецами?
Не привидѣнье ли предъ мудраго очами?
Успѣхи насъ одни иль славятъ, иль срамятъ,
Препятствъ побѣдами непобѣдимыхъ чтятъ.
Такъ! твердость—доблесть лишь, усилье—добродѣтель;
Великій духъ одинъ величія содѣтель.
Но кто же оный духъ? Я, я героевъ ликъ,
Скандеръ, Омаръ, Темиръ, Магметъ во мнѣ возникъ.
Мнѣ небомъ суждено идти въ ихъ грозны слѣды,
Убійствъ и сластолюбствъ распространить побѣды.
Не должно быть препонъ передъ моимъ лицомъ;
Въ долину гладкую скорѣй простреся холмъ.
Начерпать слезъ моря, насыпать адъ костями
Не сскучу, не вздохну, чѣмъ стать мнѣ въ рядъ съ царями.
Всѣхъ больше быть хочу, будь кровью міръ покрытъ!
Кто страшенъ больше всѣхъ, всѣхъ больше знаменитъ.

(*Ударя себя въ лобъ.*)

Сгрызите черви мозгъ, или достигну цѣли.

(*Молчитъ, закрывъ глаза руками.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Батый и Бурундай входитъ тихо.

БУРУНДАЙ.

(*Нѣсколько подождавъ, въ полголоса.*)

Какія мрачныя имъ мысли овладѣли,
Что такъ задумчиво, безмолвно онъ стоитъ?

БАТЫЙ.

(*Оглянувшись.*)

Кто много дѣлаетъ, тотъ мало говоритъ.
Ужель не видишь ты готовой Россамъ казни,
Висящей надъ главой ихъ въ заревахъ пріязни?
Опаснѣе мой миръ, другихъ чѣмъ грозна брань:

Digitized by Google

Въ часы его моя всѣхъ усыпляетъ длань.
Москву дѣлитъ корысть; тѣ медлятъ, тѣ стремятся,
Мои жъ орды подъ градъ сей вмигъ соединятся.

БУРУНДАЙ.

Я знаю, государь, орлиный твой полетъ
И что засаднымъ ты полкамъ велѣлъ въ твой слѣдъ
По манью твоему стремиться съ дерзновеньемъ,
И даже скрытымъ здѣсь...

(Указывая на полъ.)

БАТЫЙ.

Не оградясь предзрѣньемъ,
Къ царицѣ какъ я смѣлъ войти бъ безъ стражи сей?

БУРУНДАЙ.

Но можно ль вопросить мнѣ о любви твоей?

БАТЫЙ.

Ничто твоя гроза, ничто мои и лести:
Не хочетъ постыдить царица мужа чести;
И все, что лишь возмогъ исторгнуть отъ нея,
То, чтобъ въ письмѣ его принесъ согласье я.

БУРУНДАЙ.

И ты...

БАТЫЙ.

Я далъ обѣтъ.

БУРУНДАЙ.

Обѣтъ безъ исполненья?...

БАТЫЙ.

Средствъ много: ласки и — —

БУРУНДАЙ.

Неужли чрезъ мученья?
О государь! нѣтъ тѣхъ ужасныхъ въ свѣтѣ мукъ,
Которыхъ бы не снесъ Россіянъ твердый духъ;
Награды нѣтъ такой, равно и истязанья,
Извлечь бы чѣмъ изъ нихъ ихъ вѣры отрицанье,
Присяги и любви. — Ѳеодоръ пусть умретъ,
Мы пустимъ слухъ, — отъ ранъ. Твой трудъ симъ плодъ сберетъ.
Упорная жена теперь какъ ни гордится,
Но какъ она навѣкъ съ любезнымъ разлучится,
Невиннымъ чтя тебя, князей внуша совѣтъ,
Бывъ въ цвѣтѣ дней, тебя въ супруга изберетъ.

Digitized by Google

БАТЫЙ.

Совѣтъ твой прозорливъ и смѣлъ и благороденъ.
Отъ мертваго врага намъ запахъ благовоненъ.
Вели.

(*Отворотясь.*)

Какъ юныхъ розъ, чрезъ зимній смертный хладъ
Осклабится пусть мнѣ хоть такъ жены сей взглядъ.

БУРУНДАЙ.

Свершится твой приказъ.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

БАТЫЙ.

(*Одинъ.*)

Россіянъ одолѣнье
На браняхъ — верхъ мнѣ хвалъ; равно и вовлеченье
Ихъ добродѣтельной жены въ любовну страсть
Не меньше славно мнѣ, какъ крѣпкій городъ взять.
Двойной побѣдой сей, о! какъ я восхищаюсь,
Что скоро получить желанья приближаюсь!
Сей градъ плѣню; на одръ мой взыдетъ красота,
Багровый дождь и мракъ покроетъ здѣсь мѣста.
На чтожъ союзъ князей? Я мѣры взялъ другія:
Дивясь, пусть задрожатъ, а съ ними и Россія.
Когда падетъ предъ мной, рабыней ставъ моей,
О, сколько я пролью невѣрныхъ слезъ, кровей!
Блескъ свѣчъ на ихъ гробахъ какъ степь въ росѣ зардится, —
Батый симъ торжествомъ заранѣ веселится.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Юрій и Евпраксія (обнявшись, съ рыданіемъ входятъ и слышенъ отъ нихъ тихій прерывающійся стонъ).

ЮРІЙ.

(*Потомъ воздѣвъ руки къ небу.*)

О Творче! основалъ Ты сей премудро свѣтъ!
По персту Твоему всѣхъ кругъ міровъ идетъ;

Digitized by Google

Они прейдутъ, прейдутъ; а Ты пребудешь вѣченъ,
Твой блага океанъ и правды безконеченъ!
Хоть днесь Ты насъ казнишь, да будетъ власть Твоя.

(Опять обнимая.)

Умѣрь рыданіе, о мила дщерь моя!
Твой жалкій стонъ мое все сердце раздираетъ,
По мужѣ плачъ жены плачъ отчій умножаетъ.
Чтó дѣлать? — перестань и покорись судьбѣ;
Не возвратится мой ужъ сынъ, супругъ къ тебѣ.
Сноси безъ ропоту небесъ опредѣленье.
Отъ смерти всѣхъ дѣлитъ едино насъ мгновенье.
Ѳеодоръ кончилъ дни и мы должны умреть.
Коль совѣсть не страшна, страшна ль намъ будетъ смерть?
Когда мы соблюли свой долгъ по нашей силѣ,
Къ чему грустить, что кто пришелъ, идетъ къ могилѣ?
Я сына потерялъ, а ты вдаешься въ скорбь;
Симъ ближишь къ моему, ужъ близкому, свой гробъ.
Кто жъ очи мнѣ смежитъ, умаститъ въ персть сѣдину?
Отраду я въ тебѣ, надежду зрю едину.

(Сажаетъ ее на кресла; а она продолжаетъ рыдать и стенать.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Олегъ, Всеволодъ, Давыдъ и Глѣбъ съ поспѣшностію входятъ.

ОЛЕГЪ.

(Къ Юрію.)

Слухъ идетъ, государь, Ѳеодоръ кончилъ дни!

ПРОЧІЕ КНЯЗЬЯ.

И слышно, что отъ ранъ.

ЮРІЙ.

Онъ славы палъ въ тѣни, —
Благодарю Творца!

ОЛЕГЪ.

Всѣмъ Россамъ въ сокрушенье!

ВСЕВОЛОДЪ.

Я думалъ, небо къ намъ умѣрило прещенье,
И мы прогонимъ ордъ.

ГЛѢБЪ.

Пришла ль съ Москвы часть силъ?

Digitized by Google

ДАВЫДЪ.

Сразились бы сейчасъ...

ВСЕВОЛОДЪ.

Коль бы Θеодоръ жилъ.

ГЛѢБЪ.

Чтобъ свободить его.

ОЛЕГЪ.

Къ чему теперь сражаться?

ЮРІЙ.

Позвольте въ вашъ совѣтъ днесь больше мнѣ вмѣшаться;
Утратя сына, я пристрастія сталъ чуждъ.
Ужели для него и собственныхъ мы нуждъ
Всѣ ополчалися и лили кровь на боѣ?
Не для того ль, чтобъ быть отечеству въ покоѣ?
Чтобъ съ Евпраксіей всѣмъ стыда намъ не понесть
И защитить въ ея лицѣ женъ росскихъ честь?
Батый прислать хотѣлъ къ ней мужнино согласье;
Но видимъ ли его, а слышимъ лишь несчастье,
Что сынъ мой кончилъ вѣкъ. О храбрые князья!
Хоть мой составъ ужъ дряхлъ, но кровь кипитъ моя;
Коль должно снесть ударъ отъ случая жестока,
Погибнемъ съ честью мы безъ робости порока, —
Отчизнѣ быть щитомъ есть высочайша честь.
Неблагодарнымъ ей стыдъ Россовъ имя несть!
Пусть будемъ мы еще силъ стерты превосходствомъ,
Погубимъ нашу жизнь, не славу съ благородствомъ. —
Они за нами вслѣдъ въ безсмертіе пойдутъ
И память нашихъ битвъ достойно вознесутъ.
Оставимъ тѣмъ примѣръ грядущему потомству,
Чтобъ похитителей не довѣрять притворству,
Услугу ихъ и миръ и дружбу и любовь
Считать за сѣти намъ, за сокровенный ковъ
И можно ли ввѣрять тому предѣлы царства,
Кто въ дни коварствъ возникъ, вознесся чрезъ коварства?
Давно ль, Олегъ, ты самъ оставшу кровь мнилъ лить?
Причины нѣтъ тебѣ ту мысль перемѣнить.
Но, братья и друзья! прошедшія несчастья
Да научаютъ насъ беречься несогласья;
Младыхъ несвѣдущихъ въ совѣтъ свой не вмѣщать,

Иноплеменникамъ меча не поручать.
Они, прельщая насъ, соблазномъ сѣти ставятъ;
По виду — служатъ намъ; а по дѣламъ — лукавятъ;
И храбрости прямой безъ благочестья нѣтъ.
Умъ, вѣра, мужество днесь, завтра верхъ возьметъ;
Во брони облечась сихъ спутниковъ небесныхъ,
Противъ злосчастья Россъ будь бодръ въ надеждахъ лестныхъ,
И Богъ твой будетъ щитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Софія испуганная вбѣгаетъ.

СОФІЯ.

О зрѣлище! о страхъ!
Окровавленный трупъ Татары на щитахъ
Ѳеодора взнеся, царицы ввергли къ дверямъ,
Сказавъ, чтобъ погребла, иль снѣдью будетъ звѣрямъ.
За тайну вѣсть притомъ лазутчикъ мнѣ изрекъ,
Что видѣлъ онъ въ ордѣ, какъ князь окончилъ вѣкъ.
Писанья отъ него какого-то желали
И вѣры отступить терзаньемъ принуждали.
Но какъ отрекся онъ, то остріемъ мечей
По волѣ царской палъ. — Злой, лютой муки сей
Изображенъ на всемъ страдальцѣ образъ ясно.

ЮРІЙ.

О мой Творецъ!

ОЛЕГЪ.

О варварство ужасно!
Друзья!...

ВСЕВОЛОДЪ.

Месть.

ГЛѢБЪ.

Месть.

ДАВЫДЪ.

Война.

(*Всѣ, обнимая съ плачемъ другъ друга.*)

ЕВПРАКСІЯ.

(*Вскоча съ кресель въ изступленіи.*)

Подъ звѣрствомъ палачей
Батыемъ умерщвленъ предметъ души моей!

Digitized by Google

Какъ! злой тиранъ! ты блюсть его мнѣ обѣщался.
Се знакъ твоей любви, въ которой ты мнѣ клялся!
Увы! такъ нѣтъ тебя уже, Ѳеодоръ мой?
Любезнѣйшій супругъ! разстался ты со мной;
Разстался ты навѣкъ съ твоею Евпраксіей,
И, на груди твоей поддержанная выей,
Ужъ дланей я твоихъ не буду къ персямъ жать
И сладостей любви изъ устъ твоихъ вкушать!
Не будетъ на твоемъ ужъ лонѣ сынъ нашъ нѣжный
Играть и лепетать, — и грустный взоръ, мятежный
Родительскій подъ часъ усмѣшкой осклаблять!
Не будетъ нашъ супругъ, отецъ въ объятья брать,
Ни тихой ласкою, ни рѣчью справедливой
Крѣпить въ насъ кровныхъ узъ, сугубить вѣкъ счастливой!
Ты не увидишь ужъ никакъ своихъ сиротъ,
И не явишь о нихъ стараній и заботъ!
Ахъ! не увидишь насъ! прости, прости навѣки!
О горестная мысль! стремитесь, слезны рѣки,
И можете коль вы проникнуть ону тму,
Гдѣ духъ его теперь, — проникните къ нему,
И пламенной струей коснясь его, трóните,
Изъ крѣпка, смертна сна вновь къ жизни возбудите,
Да встанетъ онъ меня въ послѣдній разъ обнять,
Послѣднія мои лобзанья воспріять.
Но что я говорю? Мечты сіи пустыя.
Пойду облобызать вкругъ язвы кровавыя
Я сердца моего, — пойду...

(*Хочетъ уйти*)

ЮРІЙ И КНЯЗЬЯ.

(*Удерживая.*)

Зачѣмъ, зачѣмъ?

ОЛЕГЪ.

(*Софіи въ полголоса.*)

Поди и гробъ устрой; а мы сейчасъ придемъ.

(*Софія уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Софіи.

ЕВПРАКСІЯ.

Что держите меня? ахъ! дайте мнѣ свободу

Digitized by Google

Пригробный долгъ воздать супругу, князя роду.
Пустите вы меня проститься только съ нимъ.
И не препятствуйте страданіямъ моимъ:
Я только лишь предъ нимъ, упадши, поклонюся
И сердца хладнаго, остылыхъ устъ коснуся;
Обозрю раны всѣ, слезами умащу,
Чело мое съ его челомъ я совмѣщу,
Да мертвенность его въ меня тотчасъ вселится
И красота моя во гнусность обратится.
О красота, небесъ изящный смертнымъ даръ!
Ты, ты мнѣ нанесла жестокій сей ударъ.
Когда бы я... ахъ, нѣтъ! о Боже справедливый!
Почто открылъ мнѣ путь Ты къ доблести строптивый?
Ахъ! гдѣ награда ей, гдѣ Твой небесный судъ?

ЮРІЙ.

О дщерь моя! судьбы отчету не даютъ.
Чти Промыслъ и молись, коль насъ онъ наказуетъ
За наши злы дѣла.

ЕВПРАКСІЯ.

Но сердце, ахъ! тоскуетъ,
О отче мой!

(*Упадаетъ къ Юрію и, помолчавъ, въ изступленіи.*)

Зрю тѣнь! Өеодоръ предстоитъ!
И укоризны мнѣ жестокія творитъ,
Что въ чести и любви его я усумнилась.—
Правдиво надо мной, месть неба, ты открылась!
Виновна я, — Богъ правъ.

(*Упадаетъ паки къ Юрію на руки.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Батый въ пышной одеждѣ, имѣя спереди на чалмѣ перо изъ цапли, осыпанное алмазами, яко знакъ султанскаго достоинства, послѣдуемый Бурундаемъ и поѣздомъ посольства, которые, преклоня главы и положа на груди руки, за нимъ входятъ.

ЮРІЙ И КНЯЗЬЯ.

(*Вдругъ*).

Сей кто?

ЕВПРАКСІЯ.

(*Взглянувъ съ ужасомъ.*)

Батый предъ мной!

Digitized by Google

БАТЫЙ.

Сложа посла лицо, султанъ взялъ образъ свой.
Крушитель гордыхъ царствъ, даритель кроткимъ троновъ,
Тѣнь Божья, блескъ и громъ, противъ своихъ законовъ
Вамъ снисхожденіе Батый теперь даритъ,
На княжескій вашъ сонмъ щедроты окомъ зритъ.
Извѣстно вамъ давно мое ужъ предложенье,
Хочу знать вашу мысль и зрѣть его свершенье.
Прекрасной сей жены

(*Указывая на Евпраксію.*)

я требую руки...
Дымится кровь еще, гдѣ ваши спятъ полки.

ЮРІЙ.

Но не сидишь еще на русскомъ ты престолѣ.

ОЛЕГЪ.

Надменной таковой внимать намъ низко волѣ.

ВСЕВОЛОДЪ.

Хоть ты насъ побѣдилъ, но мы еще живемъ.

ГЛѢБЪ.

При насъ еще нашъ мечъ.

ДАВЫДЪ.

Славяны мы слывемъ.

БАТЫЙ.

Вы смѣете еще собою такъ кичиться!
Европа, Азія предъ мной челомъ ложится;
Отъ тихихъ моря волнъ, чрезъ горъ Рифейскихъ хребтъ,
За Донь, за Днѣпръ, за Бугъ, до Альпъ мой звукъ побѣдъ
И громъ въ подсолнечной Чипчаковъ раздается;
Оружіемъ моимъ Амуръ и Индъ трясется;
Кровавые по мнѣ вездѣ текутъ слѣды.
Кому невѣдомъ мечъ Златой моей Орды?
Велю, — и зданіевъ разрушатся громады,
Преобратятся въ пеплъ цвѣтущи ваши грады;
Реку, — и Россовъ слухъ съ лица земли слетитъ,
Ковылъ на ихъ поляхъ, какъ море, зарябитъ.

ЮРІЙ.

Что хвалишься въ твоей такъ буйно сильной злобѣ?
Коль беззаконіе кипитъ въ твоей утробѣ,
Коль царства ты потрясъ и грады разорилъ,

Digitized by Google

Коль храмы Божіи нечестьемъ осквернилъ,
Коль въ села внесъ боязнь, поля насѣялъ страхомъ
И всю грозишь истлить однимъ Россію махомъ,
Ты можешь совершить сихъ лютыхъ тьмы чудесъ;
Когда чудовищемъ ты созданъ отъ небесъ,
Когда не сытъ еще твоимъ ты честолюбьемъ,
Ты можешь новыхъ золъ содѣлаться орудьемъ;
Но мнишь ли, чтобъ чрезъ то ты быть великимъ могъ?
Обманываешься, — великъ единый Богъ.
А хочешь коль Его ты слѣдовать примѣру,
То кровожадну быть тебѣ не должно звѣрю,
Величье истиной надлежитъ измѣрять
И благостью Творцу себя уподоблять:
Не рушить, — созидать, не рвать, — а плесть цѣпь мира;
Быть благодѣтелемъ, — а не злодѣемъ міра.

ОЛЕГЪ.

Пускай ты и великъ и всѣхъ страшитъ твой слухъ;
Но ты не ужаснешь безстрашныхъ Россовъ духъ.
Не побѣдитель тотъ, кто живъ приходитъ съ бою;
Но кто на боѣ палъ съ неробкою душою.
Жизнь храбраго въ животъ безсмертія летитъ;
Кровавый прахъ его чрезъ вѣки лавръ родитъ.
Падемъ хоть мы, но мы падемъ покрыты славой,
Нашъ будетъ памятникъ могильный холмъ кровавый
И мимошедшимъ онъ всѣмъ станетъ вопіять,
Чтобы Батыевой породѣ отмщевать.

ВСЕВОЛОДЪ.

Подъ нимъ посѣянны возникнутъ наши зубы.

ГЛѢБЪ.

Взреветъ на немъ гулъ трубъ, какъ вѣтеръ дунетъ въ дубы.

ДАВЫДЪ.

Въ Татаръ вольется страхъ.

ЮРІЙ.

Но дашь коль намъ покой,
То станешь властвовать и Россовъ ты душой,
И будешь съ нами ты царей всѣхъ въ свѣтѣ болѣ.

БАТЫЙ.

(*Князьямъ.*)

Но если то въ моей, не меньше въ вашей волѣ.

Digitized by Google

(*Юрію.*)

Съ твоею дочерью когда я сопрягусь,
То будетъ вѣченъ нашъ и твердъ съ тобой союзъ.
Супругъ ея мнѣ самъ давалъ на то согласье;
Но, не исполня то, скончался на несчастье. —
Вдова теперь она, препятствъ къ союзу нѣтъ;
Всѣхъ вѣръ съ женами бракъ позволилъ Магометъ,
И вѣрѣ вашей, мню, то будетъ неотвратно.
Мнѣ сына твоего въ врагѣ жалѣть пріятно.

ЮРІЙ.

Я браковъ не рѣшу. — Спроси у ней ты самъ.

ОЛЕГЪ.

Не нужно путь казать къ любящимся сердцамъ.

ВСЕВОЛОДЪ.

(*Указывая на Батыя.*)

Коль правду рекъ, она сама въ томъ объяснится.

БАТЫЙ.

(*Подходя тихо къ Евпраксіи.*)

Могу ль, прекрасная, симъ, Евпраксія, льститься?
Супругъ твой кончилъ вѣкъ...

ЕВПРАКСІЯ.

(*Уныло.*)

Онъ въ сердцѣ живъ моемъ.

БАТЫЙ.

Ты... Онъ согласенъ былъ.

ЕВПРАКСІЯ.

Въ мечтаніи твоемъ.

БАТЫЙ.

(*Юрію.*)

Ты ей отецъ, — вели.

ЮРІЙ.

Любви моей достойна
И рода моего. Она умретъ спокойна; —
Ей славой смерть свою надлежитъ увѣнчать.
Чему, какъ доблести, отцу дщерь научать?

БАТЫЙ.

Но я не тратить словъ пришелъ, — любви къ рѣшенью.

(*Беретъ Евпраксію за руку и хочетъ увести.*)

Послѣдуй моему, царица, повелѣнью.

Digitized by Google

ЕВПРАКСІЯ.

(Отступя.)

Злодѣй!

ЮРІЙ.

Какъ смѣть!

ОЛЕГЪ.

Уйми продерзости твои!
Костьми мы ляжемъ съ ней.

(Всѣ князья, выхватя мечи.)

БАТЫЙ.

(Тоже вынимая мечъ и топнувъ ногой съ крикомъ.)

Вы плѣнники мои!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Съ послѣдними словами **Батыя** въ растворившіяся желѣзныя рѣшетки изъ подземныхъ выходовъ съ двухъ сторонъ выбѣгаютъ два отряда Батыевыхъ войскъ съ обнаженными мечами и, обезоруживъ въ дверяхъ стоящихъ рындъ, окружаютъ князей.

ЮРІЙ.

(Съ ужасомъ.)

Что зрю!

ОЛЕГЪ.

Предательство, измѣна и коварства!

ЕВПРАКСІЯ.

(Выступивъ мужественно.)

И сей-то побѣждалъ ты храбростію царства!

БАТЫЙ.

Теперя не о томъ идетъ межъ нами рѣчь.

(Показывая въ лѣвой рукѣ платокъ, а въ правой мечъ.)

Сей платъ — знакъ мира вамъ; войны — сей острый мечъ.
Отъ воли вашей всѣхъ зависитъ днесь судьбина.

(Бурундаю.)

А ты, бояръ сюда, женъ, Евпраксіи сына. —

(Бурундай уходитъ.)

Рѣшу всѣхъ вмигъ,

(Бурундаю вслѣдъ.)

вели на знакъ мой войскамъ зрѣть.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же кромѣ Бурундая.

БАТЫЙ.

(*Всѣмъ князьямъ, которые уныло вложили въ ножны свои мечи.*)

Чего хотите вы?

ЮРІЙ.

Сыскать погибшу честь.

БАТЫЙ.

(*Евпраксіи.*)

А ты, что изберешь, души моей тиранка?

ЕВПРАКСІЯ.

Смерть.

БАТЫЙ.

Нѣтъ, раба ты мнѣ.

ЕВПРАКСІЯ.

Царица, Россіянка.

БАТЫЙ.

Оставь строптивый нравъ, себя и ихъ спасай.

(*Указывая на князей.*)

Монарха сильнаго любовь не презирай.
Владыкъ величье въ томъ, чтобъ угождать ихъ волѣ;
То не вреди и ты своей счастливой долѣ.
Къ храненію вѣнца все знай предпринимать
И добродѣтели злодѣйствомъ замѣнять.
Не можетъ кто дерзнуть страстей на угожденья,
Не ожидай никакъ въ семъ свѣтѣ возвышенья,
И словомъ: хочетъ кто на высотѣ блистать,
Окромѣ тотъ себя все долженъ забывать,
Такъ, все; — а вѣрнымъ быть, немстящимъ, правосуднымъ
Въ несчастномъ времени — быть то же, что безумнымъ.

ЕВПРАКСІЯ.

Батый лишь можетъ такъ безбожно разсуждать;
А христіанскій долгъ: любить враговъ, прощать.
Се грудь моя, рази, будь смерти мнѣ содѣтель.
Но знай, что кровью цвѣсть сей будетъ добродѣтель,
И имя ввѣкъ мое украситъ россихъ женъ,
Что и въ вѣнцѣ былъ мной тиранъ пренебреженъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Бурундай, Софія, съ младенцемъ на рукахъ, бояре и боярыни подъ стражею Татаръ.

БАТЫЙ.

(*Окинувъ взоромъ вошедшихъ женъ и сына Евпраксіи.*)

Царица, торжествуй; ты всѣхъ сихъ женъ прекраснѣй,
И можно ли тебѣ ихъ сдѣлаться несчастнѣй?
Для сына твоего ты не слагай вѣнца,
Во мнѣ супруга зри, а онъ пусть зритъ отца.—
Отъ прелестей своихъ всего ты ожидая,
Обѣтованна мной не отрицайся рая.
Тобою быть хочу я одолженъ одной,
И сладко будетъ мнѣ мой тронъ дѣлить съ тобой;
Желаньямъ всѣмъ твоимъ и чувствамъ въ угожденье
Я рабъ твой, царь,—и ты, забывъ всѣ огорченья,
Спѣши изъ устъ моихъ пить огнь души моей.

ЕВПРАКСІЯ.

О пресмыкающій между цвѣтами змѣй!
Пестрѣясь въ чешуяхъ преливисто лучами
И на меня смотря умильными очами,
Ты нѣжно ошибомъ обнять мою мнишь грудь
И непримѣтно мнѣ твой смертный ядъ вдохнуть;
Но знай, извѣстны мнѣ стези твои коварны,
Глубоки предо мной твои открыты тайны:
Въ тотъ часъ, какъ ты клялся, все обѣщалъ, всѣмъ льстилъ,
Невиннаго ни въ чемъ ты князя мнѣ чернилъ,
Супруга моего тиранской предалъ смерти
И завести меня дерзалъ обманомъ въ сѣти,
На ложе гнусное въ союзъ себѣ привлечь,
Въ дни мрачные огни прибрачные возжечь.
Измѣной стеръ полки, нашъ тронъ плѣнилъ измѣной,
Коварно сыну быть сулишь отцу замѣной, —
И мнишь, что я не зрю весь черный замыслъ твой,
Что сластолюбію творишь меня рабой.
Нѣтъ! тщетно льстишься тѣмъ, —сего бѣжать не стыдно;
Не можетъ сердцу быть пріятно, чтó обидно. —
И какъ помыслить смѣлъ, страшилище! чтобъ ты
Прельстилъ пороками духъ доблей красоты?
Чтобъ надъ тобой моей искала я побѣды,

Digitized by Google

Чтобъ на твои смотря не содрогалась слѣды?
Представь себѣ ты самъ своихъ всю гнусность дѣлъ:
Что волей ты своей на гибель царствъ летѣлъ;
Пожралъ полей плоды, ввелъ въ домы скрежетъ глада,
Пустилъ пожарами на землю жупелъ ада; —
Сколь съ троновъ свергъ царей, сколь подлыхъ душъ возвелъ!
Ты крови напился, ты напитался тѣлъ;
А съ росской сопрящись задумалъ ты царицей!
Взгляни, Батый: се міръ облещется зарницей.
Страшиться долженъ тотъ, кто всѣмъ ужасенъ сталъ.
Не разъ случалося, и побѣдитель палъ.
Ударитъ рока часъ, вихрь сдунетъ грозны силы,
Громъ тронъ твой сокрушитъ, репей затмитъ унылый;
Россъ орды увлечетъ подъ звукомъ въ плѣнъ оковъ
Взбугрятъ ихъ тучи станъ безсчетныхъ тмы звѣрковъ [7],
Исчезнетъ племя, родъ и имя истребится,
Москва всѣхъ царствъ твоихъ столицей учинится;
И страшный Касальганъ [8] не будетъ больше градъ,
Кровавый твой въ немъ гробъ издастъ потомству смрадъ,
Какъ памятникъ золъ царствъ, какъ клятвъ всемірныхъ тризна.

БАТЫЙ.
(Съ яростію.)

Не разрывай меня гіенна костогрызна
И праведнымъ твоимъ упрекомъ не кори.
Когда гордишься ты, месть ярой страсти зри.
(Схватываетъ младенца за руку, замахиваясь на него мечемъ.)

СОФІЯ.
(Отведя мечь рукою.)

Прочь, тигръ!

ЮРІЙ.

О Боже!

ЖЕНЫ.
(Взвизгивая.)

Ахъ!

КНЯЗЬЯ.
(Бросаясь къ младенцу.)

Невинность пренесчастна!

БАТЫЙ.
(Воинамъ.)

Ордынцы!

(Князьямъ.)

Кто дерзнетъ?
(Воины уставляютъ на князей копья.)

ЮРІЙ.

(*Батыю, открывая грудь.*)

Пронзай меня.

ЕВПРАКСІЯ.

(*Увидя то, въ безпамятствѣ упадаетъ на руки къ Юрію.*)

Согласна!...

ЮРІЙ.

(*Съ ужасомъ.*)

О дщерь!

ОЛЕГЪ.

О ужасъ!

ПРОЧІЕ КНЯЗЬЯ.

Страхъ!

БАТЫЙ.

(*Обнимая Евпраксію.*)

Взглянь, солнце красоты!
Женъ перло, возблистай, тюльпанъ[9] мой, расцвѣти
Къ эдемской радости, на вѣчно услажденье,
Взносись, луна, на тронъ царямъ на поклоненье!
Будь свѣтъ очесъ, драгій вѣнецъ главы моей. —
Се знакъ тебѣ даю твоихъ блаженныхъ дней:
Проси полцарствія, — и дать я обѣщаю.

(*Бросаетъ на нее платокъ, а по знаку сему радостныя слышны звуки сиповокъ.*)

ЕВПРАКСІЯ.

(*Вставъ, нѣсколько помолчавъ и потупя глаза.*)

Коль милость предъ царемъ великимъ обрѣтаю,
Позволь, да въ теремѣ супруга я узрю,
Лобзаніемъ мой долгъ послѣдній сотворю;
И сей щедротою твоей младенецъ слезный

(*Указывая на сына.*)

Да врѣжетъ въ мысль свою отца черты любезны.

БАТЫЙ.

Поди, сокровище, и долгъ исполни твой,

(*Евпраксія уходитъ въ виду зрителей въ теремъ; а Батый продолжаетъ:*)

И пріиди ко мнѣ скорѣй въ шатеръ златой.
Какое чувствуетъ мой духъ теперь блаженство,
Что получилъ красотъ такихъ я совершенство!
Князья! Державы я другія покорю,
И васъ на тронахъ ихъ въ награду воцарю.
Теперь утѣшьтеся вы о своей потерѣ
И не препятствуйте моей великой мѣрѣ. —

Digitized by Google

На черномъ камнѣ въ нощь кто черна мравья зритъ,
Мнѣ повелѣлъ, да мечъ мой свѣтъ весь покоритъ.

(*По унылом молчаніи.*)

ОЛЕГЪ.

Коль волей шлибъ съ тобой мы царствамъ дать спокойство,
Достойно бъ было то россійскихъ душъ геройство.

ЕВПРАКСІЯ.

(*На переходахъ терема взявъ отъ Софіи младенца.*)

Послѣдній мой отдавъ супругу гробный долгъ
Любви моей къ нему и вѣрности въ залогъ,
Се даръ я приношу душѣ его безцѣнный,
Себя и сына съ нимъ вселяю въ міръ безбѣдный. —
Тиранъ! безсиленъ ты надъ русской красотой.
О Боже чистыхъ душъ! будь покровитель мой!
Самоубійство скрой, щедроты, свѣта бездна!
Спаси отечество, — прости, страна любезна!
Батый! приди и здѣсь бракъ торжествуй со мной!

(*Батый дѣлаетъ къ ней шагъ, а она съ младенцемъ падаетъ внизъ.*)[10]

СОФІЯ.

(*Возлѣ нея стоящая.*)

Увы!

(*Всѣ женщины рыдаютъ и бѣгутъ къ тѣлу.*)

БАТЫЙ.

(*Увидя паденіе, стоитъ неподвижно, потомъ въ бѣшенствѣ выхватя мечъ, по коему начинается тревога.*)

Несчастная! умри жъ весь градъ съ тобой!

(*Бѣжитъ и всѣ Татары за нимъ.*)

ВСЕВОЛОДЪ.

Умрешь, злодѣй, и ты!

ПРОЧІЕ КНЯЗЬЯ.

Среди кровава слѣда.

(*Выхватя мечи, бѣгутъ за нимъ, кромѣ Олега и Юрія, изъ коихъ послѣдній, сложа руки, смотритъ на небо въ безмолвіи; первый тихо идетъ за князьями; между тѣмъ слышна въ городѣ тревога, и виденъ пожаръ.*)

ЮРІЙ.

Творецъ!

(*Молчаніе.*)

ВѢСТНИКЪ.

(*Вбѣгаетъ съ поспѣшностью.*)

Съ Москвы пришли! — Батый палъ мертвъ!

[а] Надеженъ въ дружбѣ Россъ, въ несчастьи вѣрный другъ.
[б] Едва пройдетъ гроза . . .
[в] Колико кратъ нанесъ сосѣдъ имъ хищный вредъ (Другая рукопись).

Digitized by Google

[1] Первоначальнымъ источникомъ этой трагедіи служитъ слѣдующее мѣсто изъ *Сказанія о нашествіи Батыя на русскую землю:* «Услышавъ князь великій Георгій Ингоревичъ, что нѣтъ ему помощи отъ великаго князя Георгія Всеволодовича владимерскаго, и вскорѣ посла по братію свою, по князя Давида Ингоревича муромскаго и по князя Глѣба Ингоревича коломенскаго и по Всеволода пронскаго и по прочія князи и по князя Ольга Краснаго. И начаша совѣщавати, яко нечестиваго подобаетъ дары утоляти. И посла сына своего князя Өеодора Георгіевича къ нечестивому царю Батыю съ дары и съ великимъ моленіемъ, дабы не воевалъ рязанскія земли. Князь же Өеодоръ пріиде къ Батыю на Воронежъ съ дары и моленіемъ, дабы не воевалъ рязанскія земли: безбожный же царь Батый льстивъ и немилостивъ дары прія и охабися лестію, что не воевати рязанскія земли и ярясь и хвалясь воевати русскую землю. И нача просити у рязанскихъ князей дщерей и сестръ себѣ на ложе. И нѣкій отъ вельможъ рязанскихъ завистію насочи безбожному царю Батыю на князя Өеодора Георгіевича рязанскаго, яко имѣетъ у себя княгиню отъ царска рода, а лѣпотою красна зѣло. Царь же Батый лукавъ сый и немилосердъ, въ невѣріи своемъ поръваемъ и въ похоти плоти. И рече князю Өеодору Георгіевичу: *Даждь ми, княже, видѣти жены твоея красоты.* Благовѣрный же князь Өеодоръ посмѣявся и рече: Не подобно есть намъ Христіаномъ къ тебѣ нечестивому царю водити жены своя на блудъ; аще преодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши. Безбожный жъ царь Батый разъярився и повелѣ благовѣрнаго князя Өеодора Георгіевича убити вскорѣ и иныхъ многихъ. По нѣколицѣхъ же днехъ убіенія его, благовѣрная княгиня его Евпраксія стояше въ превысоцѣмь храмѣ своемъ и держащи на своихъ бѣлыхъ рукахъ любезное чадо свое, князя Ивана Өеодоровича Постника, и поглядающиласковаго и любимаго своего супруга благовѣрнаго князя Өеодора Георгіевича, да видитъ его въ радости, когда пріидетъ отъ нечестиваго царя Батыя. И абіе вмѣсто радости услыша таковыя смертоносныя глаголы, яко сожитель ея, благовѣрный князь Өеодоръ Георгіевичъ, любви ея ради и красоты, отъ Батыя убіенъ бысть. И абіе наполнися слезъ и горести, и ринуся изъ превысокаго храма своего и съ сыномъ своимъ, со княземъ Иваномъ, на среду земли и заразися до смерти.» * Это сказаніе приведено, въ сокращенномъ видѣ, и императрицею Екатериною въ одномъ примѣчаніи къ ея *Запискамъ касательно россійской исторіи*. Въ стихотвореніи 1810 г. *Добродѣтель* поэтъ говоритъ:

Царицы — вѣрныхъ женъ примѣры:
Вершитъ свой Евпраксія рокъ.
(Томъ III, стр. 45.)

Однимъ изъ поводовъ къ происхожденію этой пьесы могло быть приглашеніе Россійской академіи сочинить трагедію изъ отечественной исторіи, напечатанное въ началѣ 1808 года (*Спб. Вѣд.*, № 11). Изъ одного письма Державина къ Дмитріеву видно, что трагедія была написана уже

---

* *Русскій Временникъ*, М. 1790. Ч. I, стр. 93 (Перепечатано Сахаровымъ въ *Сказаніяхъ русскаго народа*, т. I).

Digitized by Google

въ февралѣ 1809: 15 числа онъ писалъ къ Ивану Ивановичу: «Если вамъ не наскучатъ мои бредни и захотите вы прочесть драматическія мои произведенія, то можете вы и Николай Михайловичъ (*Карамзинъ*) полюбопытствовать о томъ у В. И. Нелидова, которому я нынѣ послалъ трагедію мою *Евпраксію*, а чрезъ нѣсколько почтъ доставлю *Ирода и Маріамну*.»

По разсказу Жихарева, Державину очень хотѣлось видѣть *Евпраксію* на петербургской сценѣ, и онъ, чтобы заставить князя Шаховскаго принять пьесу, вызывался даже взять на себя издержки ея постановки. Шаховской, боясь неудачи, упорствовалъ, но наконецъ уступилъ убѣжденіямъ актера Дмитревскаго, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ трагедіи сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія и сокращенія. Державинъ соглашался на это; но Дмитревскій, опасаясь, что пьеса все-таки не будетъ имѣть успѣха на театрѣ, представилъ автору, что ему выгоднѣе поставить ее у себя дома, такъ какъ тогда декораціи и костюмы останутся въ его рукахъ. Державинъ, по словамъ Жихарева, принялъ совѣтъ (*Воспоминанія стараго театрала* въ *Отеч. Зап.* 1854, т. XCVI, стр. 105 и 106).

Любопытно сужденіе Евгенія Болховитинова объ этой трагедіи. Въ письмѣ къ Державину отъ 8 іюля 1809 года, изъ Вологды, онъ такъ выражался о ней: «Трагедію *Евпраксію* переписавши, возвращу вашему высокопр. съ моею благодарностію осенью. Монологи Евпраксіины весьма характерны, а патріотизмъ разлитъ по всей трагедіи разительнѣйшими чертами, которыя могутъ пристыдить насъ въ нынѣшнее время».

Евпраксія печатается здѣсь въ первый разъ, по рукописямъ.

Профессоръ здѣшней духовной академіи А. И. Чистовичъ доставилъ намъ рукопись трагедіи *Евпраксія*, въ предположеніи, не есть ли это пьеса Державина. Но по сравненіи ея съ трагедіею этого имени, сохранившеюся въ бумагахъ издаваемаго нами поэта, оказалось, что то совсѣмъ другое сочиненіе. Его полное заглавіе — «Евпраксія, или примѣръ супружеской вѣрности, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ». Къ сожалѣнію, нижняя половина обертки, на которой могло бы находиться имя автора, оторвана. Въ этой трагедіи неизвѣстнаго, писанной также шестистопными ямбами, слѣдующія главныя лица: Георгій, удѣльный князь рязанскій; Θеодоръ, сынъ его; Евпраксія, супруга Θеодора; Іоаннъ, трехлѣтній сынъ Θеодора; Батый, ханъ татарскій, и Темиръ, его любимецъ; остальныя лица — безыменныя. Пьеса открывается монологомъ Батыя въ ханской палаткѣ. Вотъ его слова:

«Ничто противиться моей не можетъ силѣ:
Враги Батыевы безмолвствуютъ въ могилѣ;
Народы робкіе, колѣна преклоня,
Вымаливаютъ жизнь за злато у меня.
Теперь я довершилъ побѣды Темучина,
Которыхъ не дала свершить ему кончина.
Онъ Ганга на брегу одной ногой стоялъ
И Бористена брегъ другою попиралъ;
А я съ мечемъ въ рукахъ проникнулъ въ груди Россовъ,
На сердце наступилъ полночныхъ сихъ колоссовъ» и т. д.

Digitized by Google

По наведеннымъ нами справкамъ, трагедія эта не напечатана; рукопись написана четко писарскимъ почеркомъ, мѣстами же исправлена рукою, вѣроятно, самого автора.

[2] Ср. выше стр. 249.

[3] Эти стихи показываютъ такое пониманіе русскаго національнаго характера, которое во времена Державина еще было ново: въ наши дни оно подтвердилось общественнымъ сознаніемъ, къ чему способствовали самыя событія. Ср. сказанное Державинымъ выше, стр. 248.

[4] Извѣстно, что дочь Ярослава, Анна, была въ замужествѣ за французскимъ королемъ Генрихомъ I.

[5] Эти четыре стиха были уже однажды приведены нами (см. томъ I, стр. 397): мы нашли ихъ отдѣльно на лоскуткѣ бумаги 1794 г. и приписали имъ особенное значеніе. Любопытно, что у Державина часто встрѣчается подобное употребленіе въ дѣло стиховъ, написанныхъ имъ за много лѣтъ до того: ср. выше стр. 46 и къ ней 5 прим. и 198 и къ ней 4 прим.

[6] *Накры* — бубны. См. томъ III, стр. 248.

[7] «Степи, на которыхъ кочевали орды, покрыты нынѣ маленькими холмиками, вырытыми сурками». Д.

[8] «Батыевъ столичный градъ». Д.

[9] «Тюльпанъ у азіатскихъ народовъ почитается за божественный, всѣхъ прекраснѣйшій цвѣтъ». Д.

[10] Напечатанное послѣ этого стиха зачеркнуто въ рукописи и замѣнено слѣдующимъ, рукой Державина написаннымъ, заключеніемъ:

БАТЫЙ.

Несчастная! умри жъ весь градъ съ тобой!

(Къ Татарамъ.)

За мной, друзья! свершимъ послѣдніе удары.

(Уходитъ съ Татарами въ одну сторону.)

ВѢСТНИКЪ.

(Съ другой, съ отрядомъ воиновъ.)

Полки съ Москвы пришли: сражаются Татары,
Вездѣ бѣгутъ отъ насъ.

ЮРІЙ.

(Воздѣвъ руки на небо.)

Что̀ слышу, о Творецъ!

ВСЕВОЛОДЪ.

(Князьямъ.)

Побѣды русскія пойдемъ вѣнчать конецъ
И да падетъ самъ врагъ среди кровава слѣда.

(Хочетъ идти.)

ВОИНЪ.

(Поспѣшно вбѣгая.)

Россія, торжествуй! Батый палъ мертвъ!

КНЯЗЬЯ.

(Съ восторгомъ.)

Побѣда!

(Во все послѣднее явленіе слышно въ сраженіи трескъ оружія.)

ТЕМНЫЙ.

ТРАГЕДІЯ

въ пяти дѣйствіяхъ.

1808.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Знающіе россійскую исторію въ трагедіи сей найдутъ нѣкоторыя несходства съ подлинными происшествіями. Хотя не почитается то въ драматическихъ сочиненіяхъ порокомъ, но напротивъ приписывается знатоками болѣе таланта романическимъ вымысламъ: я тому и не противорѣчу; но чту однако истину во всякомъ случаѣ священною. Мнѣ кажется, она убѣдительнѣе можетъ дѣйствовать на чувства читателей и зрителей. И потому напоминать исторію, а особливо отечественную, думаю, не безполезно. Выводить изъ ея мрака на зрѣлище порокъ и добродѣтель, — первый для возбужденія ужаса и отвращенія отъ него; а вторую для подражанія ей и состраданія о ея злополучіяхъ, — главная, кажется, обязанность драматическихъ писателей. Забавы однѣ, а паче примѣры развратовъ недостойны Мельпомены. Въ разсужденіи чего и почелъ я за нужное отличить, что̀ историческое и что̀ вымышленное, и сказать причины, что̀ меня побудило, отступя отъ перваго, употребить второе.

Великій князь володимерскій Василій Димитріевичъ, отходя отъ жизни, оставилъ по себѣ наслѣдникомъ сына своего, десятилѣтняго Василья Васильевича, который по ослѣпленіи названъ Темнымъ. До возрасту поручилъ его въ опеку матери, Софьѣ Александровнѣ, дочери литовскаго короля Витовта, и брату своему родному, князю Юрію Димитріевичу. Сей по нѣкоторомъ времени сталъ питомца своего притѣснять и завладѣлъ Москвою, въ которую тогда перенесена была столица. Изгнанный ушелъ въ Орду, подъ покро-

Digitized by Google

вительство хана Улумагмета. Князь Юрій позванъ на судъ. Каждая сторона изъ окружающихъ султана имѣла своихъ доброжелателей и защитниковъ. Превозмогалъ уже дядя. Но при Васильѣ Васильевичѣ находился нѣкій бояринъ, въ исторіи Дмитріевичемъ именованный. Сей, проворствомъ своимъ, или лучше, тонкою лестію, представя, что подъ правленіемъ малолѣтняго Россія будетъ какъ бы собственною отчиною повелителя ордъ, довелъ до того, что отдано преимущество предъ дядею племяннику. Юный князь, въ признательность за сію знаменитую заслугу, обѣщалъ дочь боярскую понять себѣ въ супругу. Но по возвратѣ въ Москву гордая Витовтовна, изъ любочестія, брака сего сыну не позволила. Дмитріевича сіе крайне раздражило. Онъ убѣжалъ и предался князю Юрію. Вспыхнуло междоусобіе. Князь Василій побѣжденъ, согнанъ съ престола; но, бывъ любимъ народомъ, паки возведенъ на оный. Софія, въ сіе время, для подкрѣпленія державы сына своего, сочетала его бракомъ съ дочерью тверскаго князя, Маріею Ярославною. При отправленіи свадебнаго торжества, увидя на одномъ изъ дѣтей князя Юрія старинный драгоцѣнный поясъ, похищенный нѣсколько лѣтъ назадъ изъ княжеской оружейницы, сорвала оный въ церкви всенародно. Неосторожный сей, или лучше, дерзкій поступокъ произвелъ между соперниками новую злѣйшую вражду и былъ причиною немаловременной кровопролитной войны, въ продолженіе которой князь Юрій Дмитріевичъ скончался; но дѣти его, а особливо Дмитрій Юрьевичъ Шемяка не оставлялъ мести и домогательства престола, на который мнилъ послѣ отца имѣть право. Тайными ухищреніями и предательствомъ съ Магметомъ вовлекъ въ войну Василія. Онъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и освобожденъ изъ Орды за тяжкій выкупъ. Шемяка во время сіе завладѣлъ празднымъ престоломъ, и когда братъ по возвращеніи безоружнымъ былъ на богомольѣ въ Троицкой Лаврѣ, то переметничествомъ Шиги тамъ захваченъ. Онъ было-укрылся въ церкви; но по добродушію своему откликнулся и вышелъ къ злодѣямъ своимъ самъ во уповаціи на Бога. Воины долгое время не смѣли нарушить благоговѣйной его молитвы; но наконецъ княземъ можайскимъ, союзникомъ Шемяки, взятъ и отвезенъ съ супругою его въ Москву въ темничное заключеніе, гдѣ и лишенъ зрѣнія. Оттуда привезенъ въ Угличъ и съ дѣтьми, которыя митрополитомъ изъ рукъ бояръ взяты съ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что похититель никакого зла имъ не сдѣлаетъ; но сей скоро отправилъ ихъ къ родителямъ въ заточеніе. Изъ Углича, боясь московскаго возмущенія, отправлены на Вологду; а Софія Витовтовна въ Чухлому. Оттуда уже любовію народа, стараніемъ и промысломъ боярина Реполова и прочихъ доброхотовъ убѣгши, мужествомъ юнаго сына

Digitized by Google

его Іоанна возведенъ паки на отеческій престолъ московскій. — Шемяка, ушедши въ Новгородъ, отравился ядомъ.

Вотъ истинное историческое содержаніе. Но дабы въ театральномъ представленіи лучше сохранить извѣстныя единства, сдѣлать узелъ любопытнѣйшимъ, ходъ естественнымъ, развязку нечаянною и поразительною, а вообще все дѣйствіе игривымъ, вѣроподобнымъ и трагическимъ, изобрѣлъ я мѣсто зрѣлища близъ Углича въ мрачной лѣсной пустынѣ между простыми сельскими строеніями, куда изъ Москвы войски и бояре въ нѣсколько часовъ прибыть, а убѣгшіе (также вымышленно) изъ темницы углицкой узники скоро скрываться могли за деревьями. Таковая сцена казалась мнѣ потому нужною, чтобъ дать болѣе удобностей къ нечаянностямъ, а паче не упустить изъ вида добродушія и надѣянья на Бога несчастнаго князя, когда онъ въ Лаврѣ изъ закрытія предался самъ въ руки своихъ злодѣевъ, чего бы въ иномъ какомъ мѣстѣ, по непозволенію у насъ представлять на театрѣ храмы христіанскіе, едва ли сдѣлать можно было. Сверхъ того, какъ таковое театральное украшеніе, сколько новое, столько необыкновенное, прилично землѣ русской, то и думаю, что оно будетъ не непріятно любителямъ отечества. Далѣе: причину раздора братьевъ (кромѣ состязанія о престолѣ, поелику они уже въ томъ прежде примирились), выдумалъ я тѣмъ сильнѣйшую, что придалъ поясу, отнятому у Шемяки, священное уваженіе, свойственное суевѣрію тогдашняго времени, также и любовь его къ Маріи, безъ чего бы характеры ихъ были не разительны, а разговоры холодны. Темному приписалъ кроткую христіанскую твердость, безъ чего бы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ слабый государь, не стоящій никакого сожалѣнія. Сына его Іоанна одушевилъ тою храбростію, а Юрія — слабостію, которыя имъ по бытописаніямъ принадлежали.

Впрочемъ, всѣ дѣйствующія лица суть не вымышленныя, а подлинно историческія и имѣютъ каждое приличныя имъ свойства. Софія, во упованіи на Витовта, что скоро спасена имъ будетъ, и въ злосчастіи надменна. Реполъ, другъ дома княжескаго, тонкій, но честный царедворъ. Багримъ, выѣхавшій съ Васильемъ Васильевичемъ изъ Орды и крещеный имъ, тотъ самый, что по преданіямъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Басенка, изображенъ яко ревностный его приверженецъ, который, убѣжавъ отъ Шемяки, не принялъ у него присяги и взбунтовалъ противъ его народъ. — Странныя воеводъ имена оставилъ подлинныя, дабы тѣмъ изъявить, что роды Славянъ тогда еще не угасли, и что театръ есть каѳедра добродѣтелей, а эшафотъ пороковъ. Галка адская называлась первая пушка, появившаяся въ Россіи съ Витовтомъ при осадѣ Порхова. Принятіе на эпитрахиль былъ духовный обрядъ, при

Digitized by Google

которомъ произнесенныхъ обѣтовъ и клятвъ никто преступить не дерзалъ. Весть коня подъ уздцы былъ политическій татарскій обрядъ, который ордынскіе ханы при поставленіи на царство россійскихъ князей, во изъявленіе подчиненности иногда и младшему избранному, старшимъ исполнять приказывали. Замѣчательные и странные сіи для нынѣшняго времени случаи введены мною въ монологи нарочно, чтобъ напамятовать ими древніе наши обычаи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Темный, великій князь россійскій Василій Васильевичъ.
Марія, супруга его.
Софія, мать его, глубокой старости.
Іоаннъ, 15-ти лѣтъ, } дѣти его.
Юрій, 10-ти лѣтъ, } дѣти его.
Шемяка, братъ его двоюродный.
Реполъ, } ближніе бояре Шемяки.
Шига, } ближніе бояре Шемяки.
Багримъ, пустынникъ, бывшій Темнаго бояринъ*.
Держава, сынъ его, 14-ти лѣтъ.
Стрига, Ощеря, Русалко, Руно, Бобръ, Ладья, Драница, } воеводы Шемяки.
Придворные и воины Темнаго и Шемяки, Народъ, Палачи, } безъ рѣчей.

Дѣйствіе близъ Углича, въ лѣсу.

ТЕМНЫЙ[1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ, на разсвѣтѣ дня, въ осеннее время, вдали нагорный берегъ рѣки Волги, скалы и пещеры каменныя, обросшія желтокраснымъ и зеленымъ мохомъ; — вблизи, подъ крутизною горъ, долину, окруженную дебрью густаго, поблеклаго лѣсу, покрытую изрѣдка снѣгомъ.—Сквозь просѣкъ по одной сторонѣ виденъ городъ Угличъ, церковь, колокольня и княжескій теремъ; съ другой небольшая хижина, близъ которой сверху

---

* *Багримъ* — татарское, *Басенокъ* — русское названіе. Д.

[1] Эта трагедія была уже написана въ серединѣ 1809, какъ видно изъ словъ письма Евгенія Болховитинова къ Державину отъ 8 іюля этого

Digitized by Google

одного холма падаетъ шумящій источникъ; овинъ, испускающій дымъ, скирдъ хлѣба и навѣсъ, открытый, съ соломой. — Посрединѣ бурею сломленный дубъ. — Вдоль пустыни дорога, покрытая порошею.

ЯВЛЕНІЕ I.

Темный и Марія ведетъ его отъ овина, оба въ изодранныхъ полукафтаньяхъ, опушенныхъ горностаями. — Она подъ фатою, а онъ, держа въ лѣвой рукѣ платокъ, закрываетъ имъ глаза свои, держась правою за ея плечо.

ТЕМНЫЙ.

Исторженны мои и потемненны очи
Ужъ боль отъ курева сносить лишились мочи.
На свѣжемъ воздухѣ не лучше ль будетъ мнѣ,
Мой милый другъ!

МАРІЯ.

(*Подводя его къ лежащему дубу, сажаетъ на оный.*)

Никто въ пустынной сей странѣ,
Въ безмолвномъ, мрачномъ семъ лѣсу, вокругъ стоящемъ,
Не зритъ, не слышитъ насъ. — На деревѣ лежащемъ

года. Послѣ приведенныхъ нами передъ *Евпраксіею* строкъ этого письма преосвященный прибавляетъ: «Желательно со временемъ прочитать и *Василія Темнаго*, трагедію». Вѣроятно, и на происхожденіе этой пьесы имѣлъ вліяніе указанный нами при предыдущей вызовъ Россійской академіи написать трагедію изъ отечественной исторіи. Къ выбору предмета могло содѣйствовать желаніе Державина вывести на сцену своего предка, мурзу Багрима, и сына его, Державу (см. *Объясненія*, т. III, стр. 475.)

Въ 1852 году, трагедія *Темный* была напечатана отдѣльно, въ числѣ 2500 экземпляровъ, въ Петербургѣ (въ типографіи Академіи наукъ, большая осмушка, 66 стр., кромѣ заглавнаго листа). Въ рукахъ издателя, г. Старчевскаго, находился, какъ видно по тексту, списокъ совершенно согласный съ оставшимся въ бумагахъ автора; но при печатаніи его, выпущены, по тогдашнимъ цензурнымъ требованіямъ, многіе стихи и сдѣланы нѣкоторыя перемѣны. Мы руководствовались, сверхъ означеннаго списка, еще подлинною рукописью этой трагедіи, принадлежащею здѣшней Публичной библіотекѣ*. Это первоначальная черновая редакція *Темнаго*, которую поэтъ впослѣдствіи значительно передѣлалъ и распространилъ. Вотъ почему мы не могли взять этой рукописи въ основаніе текста и пользовались ею только для рѣшенія сомнѣній, которыя встрѣчались намъ при передачѣ его.

Помѣщаемое нами передъ трагедіею предисловіе автора печатается здѣсь въ первый разъ.

* Она досталась библіотекѣ отъ извѣстнаго П. П. Дубровскаго, которому Державинъ подарилъ ее 11 января 1811 года вмѣстѣ съ другою рукописью своихъ сочиненій. См. томъ I, стр. XII.

Digitized by Google

Здѣсь можешь ты возсѣсть, доколь не прóйдетъ дымъ
Въ вертепѣ мрачномъ семъ.

(*Смотря на овинъ.*)

ТЕМНЫЙ.

Сколь дружествомъ твоимъ,
Супрýга нѣжная, о милая Марія,
Обязанъ много я средь участи мнѣ злыя!
Ты облегчаешь всю напасть мою собой.
Ахъ! для чего же свой оставила покой,
И бѣдственную жизнь влачишь со мной въ побѣгѣ?
Гонитель мой и братъ въ довольствіи и нѣгѣ,
Шемяка въ княжескомъ лелѣялъ бы тебя
Чертогѣ, еслибъ ты...

МАРІЯ.

Меня? Зачѣмъ?

ТЕМНЫЙ.

Любя.

МАРІЯ.

О юной ли его ко мнѣ ты помнишь страсти?
Ему я не нужна; твоей алкаетъ власти,
Тебя онъ и дѣтей намѣренъ погубить.

ТЕМНЫЙ.

Почто жъ ты жертвою желаешь съ нами быть?

МАРІЯ.

Какое произнесъ, драгой супрýгъ, ты слово!
Еще ль не вѣдаешь, что все тебѣ готова
Мое страдающе я сердце посвятить
И даже за тебя на люту смерть идтить?
Въ изгнаньи, въ бѣдности, въ рыданіи и стонѣ
Милѣй мнѣ быть съ тобой, чѣмъ съ хищникомъ на тронѣ..
Но еслибы и такъ, что братъ твой былъ мнѣ милъ,
То могъ ли возмечтать, чтобъ матерь отлучилъ
Легко онъ отъ дѣтей, ей милыхъ и любезныхъ?
Ахъ! чтó безцѣннѣе узъ родственныхъ, священныхъ?
Сули мнѣ благи всѣ, дай скиптры царствъ земныхъ:
На нихъ не премѣню тебя и чадъ моихъ.

ТЕМНЫЙ.

Но будетъ коль моей доволенъ онъ главою,
Не повреждая васъ?

Digitized by Google

МАРІЯ.

(Съ рыданіемъ бросается къ нему на грудь.)

Не разлучусь съ тобою!
Да и захочетъ ли онъ чадъ твоихъ терпѣть,
Коль мнитъ престоломъ ихъ наслѣднымъ завладѣть?

ТЕМНЫЙ.

Онъ ихъ усыновитъ тебѣ во уваженье.

МАРІЯ.

(Обнимая его съ плачемъ.)

Супругѣ должно жить супруга въ сбереженье.

ТЕМНЫЙ.

(Воздвѣвъ руки къ небу.)

О доблесть рѣдкая! О ангельска душа!
Противу чувствъ своихъ со мною бракъ сверша
Во угожденіе родительскія власти,
Не измѣняешь ты и въ бѣдственной мнѣ части;
Нейдешь прочь отъ меня, когда мой врагъ и братъ
Возможетъ взвесть тебя царицъ россійскихъ въ рядъ;
Не хочешь раздѣлить тебя съ любящимъ трона;
Но съ мужемъ изгнаннымъ, слѣпымъ, средь слезъ и стона
Ты хочешь жажду, гладъ и бѣдность претерпѣть
И самовольною напастью умереть.
О Боже! благъ Творецъ, источникъ наслажденья,
Ты смертнымъ добрыхъ женъ создалъ на вспоможенье!
Кто можетъ лучшій другъ быть въ свѣтѣ, какъ жена?
Въ несчастьи, въ счастьи участница она,
И вѣрной чѣмъ женѣ воздать за добродѣтель?

МАРІЯ.

(Взирая на небеса.)

Ты, Боже, будь ему моей любви свидѣтель?

(Увидя идущихъ дѣтей.)

Се дѣти къ намъ идутъ.

ТЕМНЫЙ.

Сыскали ль въ пищу чтó?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Іоаннъ и Юрій въ простомъ сѣромъ платьѣ, изъ коихъ на Юрьѣ нищенскій кошель.

ІОАННЪ.

(Съ огорченіемъ указывая на хижину.)

Куска намъ не ссудилъ въ сей хижинѣ никто,

Digitized by Google

И никого тамъ нѣтъ, — безмолвная пустыня.
Нашли единаго отшельничьяго сына;
Онъ, намъ чтобы помочь, пошелъ искать отца,
Сказавъ, что добрыя простыхъ селянъ сердца
И ихъ изъ жалости снабжають пропитаньемъ.
Совѣтовалъ и намъ кормиться подаяньемъ;
На брата вотъ кошель надѣлъ онъ съ плечъ своихъ,
И мнѣ хотѣлъ надѣть; но для дѣтей княжихъ
Позоренъ сей нарядъ.

(*Сбрасываетъ съ Юрія кошель.*)

ТЕМНЫЙ.

О божества земныя,
Которыхъ высится къ звѣздамъ надменна выя!
Разительный урокъ на мнѣ, на чадахъ сихъ
Вы видите теперь. — Во замыслахъ своихъ
На скипетръ опершись, блистаючи въ порфирѣ,
Не думайте, что вы безбѣдны въ здѣшнемъ мірѣ.
Подъ солнцемъ смертныхъ жизнь равно всѣхъ—персть и тма:
Порфира и кошель, чертоги и тюрьма
Быть могутъ жребій вашъ.

(*Къ Іоанну.*)

О сынъ! оставь киченье,
Покорствуй Промыслу, смирись въ благоговѣньѣ.
Противенъ гордымъ Богъ; шлетъ кроткимъ благодать.

МАРІЯ.

(*Обнимая дѣтей.*)

Не огорчай, мой другъ, такъ ихъ, а съ ними мать.
Не то болѣзненно, что съ трона сшедъ, мы нищи,
Но что ужъ третій день почти живемъ безъ пищи;
И въ Угличѣ уже терпѣли гладъ, а здѣсь...

ТЕМНЫЙ.

Богъ милостивъ.

ІОАННЪ.

(*Съ твердостію, тихо.*)

Умремъ.

ЮРІЙ.

(*Въ изнеможеніи схватясь за мать.*)

Нѣтъ силъ, ослабъ я весь.

МАРІЯ.

(*Смотря на всѣхъ умиленно.*)

О сердцу милыя! чтобъ васъ спасти отъ глада,

Digitized by Google

Я сердце бъ раздѣлить на части съ вами рада,
Коль только бы могла. — Творецъ мой, помоги!
(Къ Іоанну.)
Будь здѣсь ты, Іоаннъ, родителя береги.
Ты жъ, Юрій, къ нашему
(Указывая на овинъ.)
мнѣ слѣдуй логовищу:
Не сыщемъ ли въ крохахъ, оставшихся тамъ, пищу;
Къ тому жъ, небрежностью чтобъ нашъ послѣдній кровъ
Не истребилъ пожаръ, умѣримъ пламя дровъ.
(Темному, обнимая его.)
А ты, мой другъ, сноси сколь можно муку люту:
Я возвращусь къ тебѣ въ единую минуту
И раздѣлю съ тобой послѣдній жизни часъ,
Коль длань невидима здѣсь не покроетъ насъ.
(Обнимая его съ плачемъ, уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Іоаннъ и Темный.

ТЕМНЫЙ.

(Вслѣдъ Маріи.)

Какъ голосъ сладостенъ! какъ осязанье мило
Супруги нѣжныя! Но, ахъ! еще бъ мнѣ было
Милѣй оно стократъ, когда бы на устахъ
Улыбку зрѣлъ я, а розы на щекахъ.
Но ужъ сихъ радостей я нынѣ сталъ лишеннымъ.
О солнце! ввѣкъ тобой не буду освѣщеннымъ;
Не узрю звѣздъ, ни зарь, ни злаковъ, ни цвѣтовъ.
Темница мрачная — теченье мнѣ годовъ!
Подобенъ подо мной я дереву лежащу,
Сраженну бурею, плодовъ не приносящу.
Ахъ! нѣтъ, — оно еще полезнѣе меня:
Сижу на немъ, и мнѣ нужна подпора пня.
Къ чему жъ потребенъ я? — Увы! царей паденье —
Громады пышныя плачевно сокрушенье!
Исчезло съ трономъ все. — Когда бы не затмилъ
Страстьми мой умъ, Магметъ меня бы не плѣнилъ;
Въ честолюбиву сѣть не уловился бъ брату,
Когда бъ презрѣніемъ чинилъ льстецамъ отплату.
О сынъ! коль облечетъ Богъ въ санъ тебя царей,

Digitized by Google

Искусство царствовать познай изъ бурныхъ дней
И вѣрь, что, бѣдствія не испытавъ, владыки
Не могутъ мудры быть, ни славны, ни велики.

ІОАННЪ.

Съ благоговѣніемъ гласъ родшаго я чту,
И ежели когда на тронѣ процвѣту,
Слова, дѣла, бѣды, стонъ отчій не забуду;
Уроковъ доблести твоей достойнымъ буду.

(Увидя Багрима и Державу.)

Но кто-то между древъ, я вижу, къ намъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Темный прижимается ко пню, Іоаннъ устраняется за оный, Держава ведетъ подпирающагося посохомъ Багрима, который смиренною одеждою и большою сѣдою бородою изображаетъ пустынножителя.

ДЕРЖАВА.

(Указывая на дерево.)

Сказали дѣти, тутъ насъ будутъ ждать; но нѣтъ.

БАГРИМЪ.

Поближе подойдемъ.

(Усмотрѣвъ Темнаго.)

Зрю, кто-то мнѣ знакомый,
И чувствую, къ нему какъ-будто кѣмъ влекомый.
Но чтó же къ древу такъ прижался онъ отъ насъ,
И сидючи въ лѣсу не отверзаетъ глазъ?
Иль укрывается?

(Подошедъ поближе.)

Небесъ благословенье
Почтенну страннику. — Какое вспоможенье
Подать тебѣ могу?

ТЕМНЫЙ.

Кто ты, съ кѣмъ говорю?

БАГРИМЪ.

(Въ сторону тихо.)

Василья рѣчь. — Онъ слѣпъ!

(Вслухъ, съ восторгомъ.)

Тебя ли, князь мой, зрю?
Когда изъ памяти твоей не истребился,
Я былъ твой вѣрный рабъ, тебѣ быть преданъ тщился.

ТЕМНЫЙ.

Во участи теперь печальнѣйшей моей

Digitized by Google

Ласкаться не могу преданностью ни чьей:
Не токмо рабъ, и другъ несчастныхъ убѣгаетъ.
Однако вопрошу, со мною кто вѣщаетъ?

БАГРИМЪ.

Не познаешь меня?

ТЕМНЫЙ.

Ты голосомъ твоимъ
Мнѣ кажешься знакомъ. — Не вижу...

БАГРИМЪ.

Я Багримъ.

ТЕМНЫЙ.

Какъ? это ты, Багримъ, благій мой рабъ и вѣрный!
О Провидѣнье! коль пути Твои намъ темны!
Вельможа, коего въ безуміи изгналъ,
Въ злосчастны дни мои отрадою мнѣ сталъ.
Но ты ль другъ истины, не лестью ль соблажняюсь?

(*Осязая его.*)

О, нѣтъ! твой ростъ, твой станъ, съ тобою обнимаюсь.
Скажи скорѣй, какъ здѣсь, и кто еще съ тобой?

БАГРИМЪ.

Не бойся, государь: мой сынъ одинъ со мной.

(*Темный обнимаетъ Державу.*)

ТЕМНЫЙ.

И моего тебѣ во дружбу поручаю.

(*Іоаннъ является.*)

Скажи жъ, о чемъ прошу; но съ грустью вспоминаю,
Что мной ты изгнанъ былъ въ успѣхъ твоимъ врагамъ.

БАГРИМЪ.

Оставимъ то на судъ всезрящимъ небесамъ;
Но мнѣ коль, государь, явишь благоволенье,
То прежде, чѣмъ мое услышишь похожденье,

(*Вынимая изъ-за пазухи хлѣбъ.*)

Укругъ сей сыну ты вели скорѣй отнесть
Семейству твоему. — Томитъ, я слышу, смерть
Голодная его; а мой пусть на дорогу
Идетъ насъ сохранять.

ТЕМНЫЙ.

(*Іоанну съ прискорбіемъ.*)

Возьми: такъ, видно, Богу...

Digitized by Google

ІОАННЪ.

Мнѣ милостыню взять! мнѣ, отче мой! О рокъ!
Колико и къ царямъ бываешь ты жестокъ!

(Принимаетъ хлѣбъ и съ рыданіемъ уходитъ.)

БАГРИМЪ.

(Державѣ.)

А ты, мой сынъ, поди и, скрывшись древъ средь мрака,
Блюди, чтобъ не нашелъ внезапно насъ Шемяка.

(Держава уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Темный и Багримъ.

БАГРИМЪ.

Со времени, какъ ты, явивши мнѣ презоръ,
Безвинно огорчилъ, оставилъ я твой дворъ
И къ родинѣ моей съ семействомъ удалился,
И въ безызвѣстности пятнадцать лѣтъ я крылся.
Но какъ услышалъ, что низверженъ съ трона ты,
То вѣрности ли долгъ, ко славѣ ли мечты
Унылый, спящій духъ въ груди сей разбудили, —
Съ друзьями вновь тебя на тронъ мы взвесть возмнили.
Дарами, просьбами и чрезъ родныхъ союзъ
Кубанскихъ въ замыслъ свой уговорили мурзъ,
И подъ бунчугомъ ордъ, съ Касимомъ и Ягуномъ,
Какъ тучи понеслись на хищника съ перуномъ;
Но предварительно о всемъ чтобъ испытать,
Составить съ Русскими единодушно рать
И видѣть, въ комъ свою имѣешь ты надежду,
Я вздѣлъ пустынника, мой сынъ, бродягъ одежду,
И водворилися въ сосѣдней кельѣ сей,

(Указывая на хижину.)

Чтобъ въ Угличѣ намъ знать о участи твоей.
Я въ видѣ врачевства, онъ милостынь сбиранья,
Въ темницѣ съ вами втай искали мы свиданья,
Чтобы обдумать все, опредѣлить о всемъ;
Съ Москвой соединясь, надежнѣй бросить громъ.
Но нѣсколько ужъ дней какъ подъ рукой узнали,
Что въ нову ссылку васъ на Вологду послали;
Иные жъ, напротивъ, разсѣивали слухъ,
Что васъ насильственной подвергли смерти вдругъ

Digitized by Google

И скрытое вамъ всѣмъ свершили погребенье;
Но зрю, сберегло тебя всещедро Провидѣнье!
Благодарю его, ты живъ еще, мой князь.
(*Обнимаетъ его.*)
Но коимъ рокомъ злымъ ты могъ лишиться глазъ?

ТЕМНЫЙ.

Подозрѣвая братъ любовь ко мнѣ народа,
Что будетъ бѣдственна ему моя свобода,
Велѣлъ свершить сію надъ мною страшну злость,
Къ престолу путь затмить, глаза мои избость.
Ты знаешь, что въ Орду о нашемъ съ дядей правѣ
Къ Улумагметовой ходили мы расправѣ;
Что Дмитричъ, ближній мой бояринъ, черезъ лесть
На сторону мою султана зналъ привесть;
Что за важнѣйшу ту мнѣ вѣрную услугу
Я обѣщалъ себѣ взять дочь его въ супругу.
Но изъ Орды въ Москву когда пріѣхалъ вспять,
Свершить желанный бракъ мнѣ воспретила мать,
Дщерь горда Витовта, литовска властелина,
Гнушалася родства нецарственнаго чина.
Димитрича сіе повергло въ крайній стыдъ:
Онъ къ дядѣ убѣжалъ, да мнѣ обиду мститъ,
Выноситъ таинства, дыхаетъ возмущеньемъ
И идетъ на меня съ несчетнымъ ополченьемъ.
Москва ему ни въ чемъ не сдѣлала препонъ,
Я принужденнымъ сталъ оставить празднымъ тронъ.
Но ты какъ за меня вступился, и въ отвагѣ
Престола хищнику не приступилъ къ присягѣ,
Дѣдъ въ помощь Витовтъ мнѣ Литвы пришелъ съ мечомъ,
И Галки адской[2] зѣвъ рыгалъ на Порховъ громъ;
То врагъ мой, оробѣвъ, со мною примирился,
И вновь на дѣдичномъ я тронѣ воцарился.
Сіялъ межъ нами миръ; но духъ гнѣла бояръ
Крамола тайная, и мести крылся жаръ.
За дядю моего князь-Юрья тѣ вступались,
За Дмитревича дочь другіе огорчались;
А ты какъ за меня грозилъ моимъ врагамъ,
То правдою твоей и сталъ имъ нелюбъ самъ;

[2] Первая въ Россіи появившаяся пушка такъ называлась. Д.

Digitized by Google

Нерѣдко жъ, какъ вездѣ, то при дворахъ бываетъ,
Что хитрость отъ царей слугъ вѣрныхъ удаляетъ.
Увы! ты изгнанъ мной.

БАГРИМЪ.

Избравъ себѣ въ совѣтъ
Единожды мужей, довѣрье царь блюдетъ.

ТЕМНЫЙ.

Не оправдаюсь въ томъ; но ты суди по чести:
Какой когда монархъ не покорялся лести?
Какой и гдѣ герой и мудрый человѣкъ
Не падалъ отъ страстей?

БАГРИМЪ.

Я знаю, чтó ты рекъ;
Но дальше чтó, вѣщай!

ТЕМНЫЙ.

Сугубя власть державну,
Мнѣ мать назначила Марію Ярославну,
Тверскаго князя дочь. — Моя къ ней тлѣла кровь;
Но, слово давъ другой, скрывалъ мою любовь.
Межъ тѣмъ Шемяка, братъ, въ нее влюбился страстно
И сердце, ахъ! ея съ его было согласно.
Тутъ сильной ревностью мой возгорѣлся духъ,
Совмѣстникомъ сталъ братъ, враждебникомъ сталъ другъ.
Гордыней матери сей пламень подкрѣпился,
Съ породой княжеской я бракомъ съединился,
Съ Маріей вѣнчанъ былъ Маріи вопреки.
Братъ громомъ сталъ сраженъ, лишась ея руки;
Но сколько ни тяжка была ему обида,
Не смѣлъ враждебнаго показывать мнѣ вида,
Поколѣ пояса царица не нашла,
Похищенна у насъ, и въ гнѣвѣ не сняла
Съ Шемяки въ торжествѣ, позорно, предъ народомъ.
Симъ сталъ онъ вѣчный врагъ со всѣмъ своимъ мнѣ родомъ.

БАГРИМЪ.

Какой тотъ поясъ былъ, и какъ виной сталъ ссоръ?

ТЕМНЫЙ.

Ужель не вѣдалъ ты, что княжескій нашъ дворъ
Издревле сей чреслецъ имѣлъ во уваженьи?
Великой Ольгой онъ въ Византьи, при крещеньи,

Какъ вѣры принятъ былъ таинственный залогъ;
Россіи брань и миръ благословлялъ имъ Богъ.
Владиміръ и по немъ позднѣйшіе потомки
Дѣла чрезъ сей клейнодъ свершали въ свѣтѣ громки;
Ты вѣрь сему, иль нѣтъ, но чернь сему вся вѣритъ,
Успѣхи и вреды симъ препоясьемъ мѣритъ.
Безцѣнными вокругъ камнями обложенъ.
Въ сокровищницѣ былъ онъ княжеской храненъ;
Но лѣтъ ужъ нѣсколько похищенъ святотатно.
Софія, мать моя, взяла его обратно.

БАГРИМЪ.

О чудеса чудесъ! о странныхъ распрь примѣръ!

ТЕМНЫЙ.

Предразсужденья чтетъ святыней суевѣръ.
Но паче на вражду льстецы насъ поджигали:
Мы съ братомъ недруги непримиримы стали.
Онъ хитростно меня вовлекъ съ тѣмъ ханомъ въ брань,
Кой благодѣтельну въ Ордѣ простеръ мнѣ длань;
Разбитъ имъ былъ, плѣненъ и въ узахъ я влачился.
Князь Юрій между тѣмъ въ жизнь вѣчну преселился;
По немъ Шемяка сынъ наслѣдство воспріявъ,
Мститъ оскорбленну честь и ищетъ трона правъ.

БАГРИМЪ.

Но ты плѣненнымъ былъ и какъ же здѣсь явился?

ТЕМНЫЙ.

Я, окупъ обѣщавъ, въ Россію возвратился.
Но ухищренный братъ распространилъ молву,
Что далъ за отпускъ мой Татарамъ я Москву:
Снискалъ онъ тѣмъ себѣ всего народа склонность;
И въ Лаврѣ какъ мольбу я приносилъ за вольность,
Бывъ безоруженнымъ, можайскимъ княземъ взятъ
И брошенъ въ погреба рѣшетчатыхъ палатъ;
Мать въ Чухломѣ, жену со мною заключили,
И лютое на мнѣ то звѣрство совершили,
Которое ты зришь. Потомъ, въ недавни дни,
Во Угличъ изъ Москвы, и съ бѣдными дѣтьми,
Въ темницу ввергли насъ. Тутъ намъ дошло внушенье,
Что стражѣ данъ приказъ на наше удушенье;
Но въ ночь свобождены безвѣстной мы рукой.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Держава, прибѣгаетъ запыхавшись.

ДЕРЖАВА.

Изъ града ѣдетъ князь.

БАГРИМЪ.

Шемяка?

ТЕМНЫЙ.

Братъ мой злой!

ДЕРЖАВА.

Я видѣлъ, издали хоругвь его свѣтилась.

ТЕМНЫЙ.

Ахъ! еслибы съ дѣтьми, Марія, ты сокрылась!
(*Къ Багриму.*)
Спаси, спаси ты ихъ! — Пусть я умру, — лишь вы...

БАГРИМЪ.

Долгъ подданныхъ хранить вѣнчанныя главы.
(*Уводитъ Темнаго въ лѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Шемяка и Реполъ.

ШЕМЯКА.

Отъ соглядателей дошло мнѣ извѣщенье,
Что кроетъ узниковъ моихъ сихъ древъ сплетенье.
И вотъ напечатлѣнъ на снѣгѣ свѣжій слѣдъ:
Такъ, вѣрно, вѣрно, здѣсь князь сверженный живетъ.
Гумно, скалы, вкругъ дебрь и хижина чуть зрима
Удобны укрывать несчастіемъ гонима;
Но изъ-подъ стражи бѣгъ изъ тягостныхъ цѣпей
И ненайденіе во нѣсколько ихъ дней, —
Поистинѣ, — все то мнѣ, Реполъ, непонятно.
Приходитъ мнѣ на мысль, и это вѣроятно,
Что былъ подкупленнымъ тотъ воинъ, у кого
Каменья съ пояса видали моего,
Который у меня продерзкая царица
Со чреселъ сорвала.

РЕПОЛЪ.

Губителя десница
Врага того главу на лобномъ да пожнетъ;

Digitized by Google

Но какъ могло то быть, мой разумъ не пойметъ.
Припомни, государь, о случаѣ несчастномъ,
Какъ братъ, Василій, твой въ побоищѣ ужасномъ
При Нерлѣ былъ плѣненъ, какъ цѣпь съ него и крестъ,
Чтобъ усугубить скорбь царицъ, послалъ Магметъ
Въ Москву, на зрѣлище по стогнамъ всенародно;
И бѣдство не снеся они сіе позорно,
Какъ сквозь пожаръ и бунтъ пробравшись черни злой,
Уѣхали въ Ростовъ съ поспѣшностью такой,
Что даже не взяли съ собой и пропитанья,
Не токмо тѣхъ убранствъ, что въ торжествахъ блистанья;
То какъ же здѣсь, когда и кто у нихъ сіи
Могли въ темницѣ зрѣть безцѣнности твои?
Алмазы могутъ быть у воина другіе,
Подобные твоимъ.

ШЕМЯКА.
(Яростно.)
Неясности такія
Могли бъ меня смутить; но тѣмъ онѣ вѣрны,
Что узники сквозь вратъ тюрьмы пропущены.
Измѣна видима. — Кто стражъ былъ у темницы?
Кто мимо проходилъ, извѣстны ли всѣхъ лицы?
Ты долженъ отвѣчать!

РЕПОЛЪ.
Хранилась тишина
Вкругъ стражи, государь. Темницы у окна
Видали иногда мы нищаго младаго,
Ходящаго съ сумой.

ШЕМЯКА.
Не требую инаго,
Какъ только брата мнѣ съ семьею приведи.
Жди казни иль наградъ!

РЕПОЛЪ.
О государь, щади!
(Взглянувъ въ лѣсъ.)
Но я зрю юношу.

ШЕМЯКА.
(Въ смятеніи.)
Бѣги, лови, стремися.
(Реполъ съ поспѣшностію уходитъ.)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

ШЕМЯКА.

(*Одинъ.*)

Отнявъ у брата тронъ, сиди на немъ, крѣпися,
И трепещи всего, мнѣ совѣсть говоритъ.
Нѣтъ, предразсудокъ то мой робкій умъ мутитъ.
Ахъ! нѣтъ, я чувствую въ груди паленье духа, —
Стенанье братнино какъ громъ для братня слуха!
Но чтó ужъ сдѣлано, перемѣнить нельзя.
На холмѣ весело, хотя взойдешь скользя.
Средины ужъ тѣмъ нѣтъ, которымъ власть любезна;
Предметъ ихъ — вышина иль преисподня бездна.
Поднявшій на царя единожды свой мечъ
Повергнь влагалище въ воспламененну пещь.
Лишеннаго очесъ лишить и жизни должно:
Спокойно царствовать мнѣ безъ того не можно.
Но чтó съ Маріею и чтó творить съ дѣтьми?
О сердце! разными ты борешься страстьми;
Различныхъ жертва ты, душа моя, смятеній:
То смерти ихъ хощу, то ихъ страшусь и тѣни.
Но малодушенъ тотъ, кто парусъ распростретъ
На благопутный вѣтръ, — и брега не дойдетъ.
Великія дѣла свершаются усильемъ.
Начало смѣлое позоръ — кончать уныньемъ.
Хотя уже прошла моя къ Маріи страсть,
Но нужно пріобрѣсть надъ ней мнѣ прежню власть;
Иль Ярославъ, ея отецъ, столь князь могущій,
И прочихъ сонмъ князей, съ нимъ въ дружествѣ живущій,
Въ московскихъ воспретятъ блистать мнѣ теремахъ,
И замыслы мои преобратятъ во прахъ.

(*Стоитъ въ задумчивости.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Марія и Шемяка, изъ коихъ первая, не видя втораго, выходитъ тихо изъ лѣсу.

МАРІЯ.

(*Про себя.*)

Пусть, укрѣпившися хотя бѣднѣйшей пищей,
Уснетъ мой, нѣсколько, порфирородный нищій.

О Юрій! какъ ты слабъ... Но гдѣ же мой супругъ?
Гдѣ сынъ мой, Іоаннъ?... Увы! трепещетъ духъ!
Здѣсь ихъ не вижу я; куда они дѣвались?...
Ахъ! не злодѣемъ ли въ темницу вновь умчались!
Гдѣ, гдѣ они?

ШЕМЯКА.

(*Про себя.*)

Чтó зрю? какая то жена?
Но кто бы такова, что въ дебри сей одна,
И такъ задумчива, печально обуянна?

МАРІЯ.

(*Про себя.*)

Кто воинъ сей? Ахъ! зрю я нашего тирана.

(*Закрывается покрываломъ и убѣгаетъ.*)

ШЕМЯКА.

(*Догоняя.*)

Стой, стой! кто ты ни есть, повелѣваетъ князь.
Иль люта смерть тебя постигнетъ сей же часъ.

(*Схватываетъ и, ведя на сцену, сдергиваетъ покрывало.*)

Какое зрѣлище! тебя ли зрю, Марія?

МАРІЯ.

(*Трепеща.*)

Я, государь.

(*Въ сторону.*)

Увы! отъ участи мнѣ злыя
Ужъ скрыться не могу.

ШЕМЯКА.

О радость! о судьба!
Марія, вижу я въ рукахъ моихъ тебя!
Злодѣя ли въ тебѣ иль прежня вижу друга?
Мнѣ какъ тебя назвать?

МАРІЯ.

Я Темнаго супруга.

ШЕМЯКА.

Измѣнница моя, враждебника жена.
Но съ нимъ ты волею ль была сопряжена?
Законно ли тебя онъ взялъ въ свою супругу,
Давъ слово дочь понять боярину и другу?
Ты обручалась мнѣ: мнѣ ль быть измѣнену
И братню зрѣть въ тебѣ безропотно жену;

Digitized by Google

Когда ужъ ты моей внимала нѣжной страсти,
Готовясь предъ алтарь?

МАРІЯ.

Повиновалась власти.

ШЕМЯКА.

Какая власть могла спряженныя сердца
Любовью разорвать?

МАРІЯ.

Власть матери, отца.

ШЕМЯКА.

Нѣтъ, имъ тиранами дѣтей ихъ быть не должно;
Вину свою на нихъ ты возлагаешь ложно.
Кичливая свекровь съ тобой расторгла насъ:
Ты мнѣ принадлежишь.

МАРІЯ

Державна ль князя гласъ,
Чтобъ межъ супруговъ рвать взаимны цѣпи нѣжны?
Съ нимъ дѣти у меня.

ШЕМЯКА.

Но должны ль и царевны
Ихъ слову измѣнять?—Я чадъ твоихъ отецъ.

МАРІЯ.

Коль Витовтъ, Ярославъ намъ въ щитъ чрезъ нашъ вѣнецъ
Софіей избраны, — мнѣ милъ союзъ ихъ крови,
И польза общая священнѣе любови.
Царицъ россійскихъ страсть — блаженство царства ихъ.
Хотя кумиромъ былъ ты прежде чувствъ моихъ,
Но коль судьба меня съ другимъ соединила,
Я сердце нѣжное разсудку покорила,
И мѣста ужъ теперь въ немъ не имѣешь ты.

ШЕМЯКА.

Престань рабою быть безумной толь мечты.
Иди куда зоветъ и польза и природа:
Жить должно для себя, потомъ ужъ для народа.

МАРІЯ.

Такъ не воспитана, я нравовъ сихъ чужда:
Толь низки чувства внявъ, краснѣю отъ стыда.
Родителей моихъ мнѣ свято повелѣнье;
Верховнымъ благомъ чту къ супругу прилѣпленье.

Digitized by Google

ШЕМЯКА.

О милая жена! Коль чувствуешь въ себѣ
Хоть искру той любви, которую въ тебѣ
Горящую я зрѣлъ до нашего разстанья,
Жалѣй о мнѣ, жалѣй, и всѣ мои страданья
Внуши, чтó для тебя сносилъ съ тѣхъ самыхъ поръ,
Какъ брата предпочелъ мнѣ твой прелестный взоръ;
Какъ мой удѣльный скиптръ ты ни во чтò вмѣнила,
Съ великимъ княземъ тронъ московскій раздѣлила,
Какъ отняла моихъ мечтанье сладкихъ думъ
И клятвы пронеслись, какъ легкихъ вѣтровъ шумъ.
Съ тѣхъ поръ въ отечествѣ мнѣ воздухъ заразился,
Изъ нѣдръ его навѣкъ я убѣжать рѣшился,
И близко чтобъ не жить мнѣ милой красоты,
Чертоговъ трепеталъ, гдѣ обитала ты;
Въ присутствіи твоемъ съ душой не могъ собраться,
Взирая на тебя не могъ не обольщаться.
Но чтобъ мнѣ возвратить похищенный покой,
Поклялся самъ себѣ не видѣться съ тобой.
По дебрямъ, по степямъ и по ордамъ былъ странникъ,
Багрянородный Россъ скитался, какъ изгнанникъ.
Хоть мыслилъ о тебѣ, но мысль хотѣлъ ту скрыть;
Влюбившись разъ въ тебя, не могъ ужъ не любить.
Съ тѣхъ поръ въ душѣ моей живешь ты неисходно.

МАРІЯ.

Жалѣю, государь, что страстенъ ты безплодно.
Почто бы странствія еще не продолжать?

ШЕМЯКА.

Жестокая! могла ль мнѣ такъ ты отвѣчать?
Ужель отечество не обагренно кровью?
Ужель къ нему, къ тебѣ я не горю любовью?
Ужель о вашихъ я внимаючи бѣдахъ,
Возмогъ еще все жить безпечно во ордахъ,
Россію и тебя безъ помощи оставить
И васъ не поспѣшать отъ лютыхъ золъ избавить?

МАРІЯ.

Ты, госу́дарь, свою мнѣ доказалъ любовь:
Съ супругомъ и съ дѣтьми брожу среди лѣсовъ.

Digitized by Google

ШЕМЯКА.

О! нѣтъ, царица, нѣтъ! не я тому виною:
Когда несчастна ты, — несчастна ты судьбою,
И также своему супругу припиши,
Что царской не имѣлъ на тронѣ онъ души,
Но въ лѣность что, въ развратъ и въ роскошь погрузяся,
Шептаніемъ льстецовъ, не разумомъ водяся,
Сіяніе свое межъ чернію затмилъ,
Достоинство царя на тронѣ уронилъ;
Судъ правый, ратный строй, храмъ Божій забывая
И должности свои вельможамъ поручая,
Дотолѣ раздражилъ народъ противъ себя,
Что хоть служилъ ему, служилъ онъ не любя;
Когда жъ въ безчестное попалъ Татаръ плѣненье
И окупъ за свое отъ плѣна свобожденье
Безумно на гражданъ толь тяжкій наложилъ,
Что и Москвѣ самой платить не стало силъ,
Тогда отъ всѣхъ сердецъ навлекъ себѣ презрѣнье,
Изъ нѣдръ его исшло въ Россіи возмущенье,
И черную главу крамола подняла:
Ты зрѣла то сама, какъ кровь людей текла.
Спасти отечество и быть подпорой трона,
Синклитомъ на меня возложена корона:
Я не искалъ ея. Но гнѣвъ пройдетъ небесъ,
Санъ братъ свой возвратитъ.

МАРІЯ.

(*Вздохнувъ*)

Не возвратитъ очесъ.
И, ахъ! Шемяка, ты коликихъ бѣдъ виною
Отечеству и намъ! такъ всѣ они тобою
Безъ всякихъ нашихъ винъ на насъ навлечены
И очи братнины тобой помрачены.

ШЕМЯКА.

Клянусь, царица, мнѣ и въ мысль то не входило;
Но варварство сіе съ нимъ буйство совершило:
Боялась стража, чтобъ не скрылся отъ нея.

МАРІЯ.

И дѣти лишены свободы своея
Не властію твоей?

Digitized by Google

ШЕМЯКА.

Повѣрь, что въ охраненье
Я взялъ ихъ изъ Москвы во Угличъ подъ смотрѣнье,
Чтобъ лишь отъ бунта спасть.

МАРІЯ.

Сей милости дивлюсь,

(*Въ сторону.*)

Злодѣй!

ШЕМЯКА.

Но ты скажи: тобою чѣмъ винюсь?
Чѣмъ преступился я, Марія, предъ тобою?
Не тѣмъ ли, что твоей давно плѣненъ красою?

МАРІЯ.

Не красота уже, могила мнѣ удѣлъ!
Пріятностей моихъ, цвѣтъ юныхъ дней отцвѣлъ.

ШЕМЯКА.

Нѣтъ, прелесть для меня твоя не увядала;
Какъ прежде, такъ и днесь меня ты оковала.

МАРІЯ.

(*Съ ужасомъ.*)

Чего жъ желаешь ты?

ШЕМЯКА.

(*Страстно.*)

Ты только согласись
И руку мнѣ отдай.

МАРІЯ.

(*Съ негодованіемъ.*)

Шемяка! устыдись:
Я братнина жена, который чрезъ коварство
Твое лишь потерялъ отеческое царство;
То я ли въ бѣдствѣ семъ унижу столь себя,
Что, отъ него отставъ, жить буду для тебя?
И мысли сей страшусь.

ШЕМЯКА.

Братъ сверженъ со престола, —
На томъ престолѣ я. — Слѣпецъ, средь низка дола,
Противъ державныя какъ можетъ воли стать?
Насильственный твой бракъ мнѣ должно разорвать:
Противенъ вѣрѣ онъ. — Молвь слово, молвь, Марія,
И сей вѣнецъ...

Digitized by Google

МАРІЯ.

Не множъ тоски моей ты злыя,
Брось мысли наглыя, несходственны съ умомъ.
Имѣю мужа я, — чтó льстишь твоимъ вѣнцомъ?

ШЕМЯКА.

Но гдѣ же сей твой мужъ? твои гдѣ дѣти нынѣ?
Я мню, ужъ пожраны звѣрями въ сей пустынѣ;
И какъ ты здѣсь одна, когда въ темницѣ вы
Подъ стражей были всѣ?

МАРІЯ.

О горе мнѣ, увы!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Реполъ, Іоаннъ и Юрій, изъ коихъ послѣдніе, связанные, ведутся воинами.

РЕПОЛЪ.

(*Указывая на Іоанна.*)

Сей дерзкій юноша съ необычайнымъ смѣльствомъ,
Противясь мнѣ, грозилъ и удалялся бѣгствомъ;
Но схваченъ былъ отъ сихъ онъ воиновъ межъ древъ.
А сей самъ сдался въ плѣнъ, отъ страха оробѣвъ.

(*Указывая на Юрія.*)

МАРІЯ.

(*Съ ужасомъ, въ сторону.*)

О Боже! чтó я зрю?

ШЕМЯКА.

Чьи, Реполъ, такъ влекомы
Тобою юноши?

РЕПОЛЪ.

Не знаю, незнакомы.
По приказаніямъ поиманы твоимъ.

ШЕМЯКА.

Чтó бъ значило бродить въ лѣсу толь рано имъ?
Марія, знаешь ихъ?

МАРІЯ.

(*Съ трепетомъ.*)

По ихъ простой одеждѣ
Ты можешь самъ...

Digitized by Google

ШЕМЯКА.

(Іоанну.)

Кто вы?

ІОАННЪ.

(Безстрашно.)

Сними съ насъ узы прежде.

ШЕМЯКА.

(Обозрѣвъ его съ любопытствомъ, Реполу.)

Сними.

РЕПОЛЪ.

(Развязавъ обоихъ.)

Свободны вы.

ШЕМЯКА.

(Къ Іоанну.)

Жду, правду чтобъ ты рекъ.

(Въ сторону.)

Коль благороденъ видъ!

(Вслухъ.)

Кто ты?

ІОАННЪ.

Я человѣкъ.

ШЕМЯКА.

(Разсердясь.)

Какъ смѣлъ такъ отвѣчать? страшись, коль прогнѣвлюся,
Отродище невѣждъ!

(Къ Юрію.)

Хоть ты скажи.

ЮРІЙ.

(Трепеща.)

Страшуся!

ІОАННЪ.

Коль принуждаешь такъ, ввѣкъ не узнаешь насъ.

ШЕМЯКА.

Исчадья гнусныя! духъ извлеку изъ васъ...

ІОАННЪ.

Хотя по лѣтамъ младъ, но сердце я имѣю:
Грозъ не страшусь твоихъ!

ШЕМЯКА.

(Съ яростью.)

Весь гнѣвомъ пламенѣю!

Digitized by Google

МАРІЯ.

Къ чему гнѣвъ, государь, на бѣдныхъ поселянъ?
Какая надобность до ихъ тебѣ имянъ?
Отдай свободу имъ: ихъ грубое безстрашье
Тебѣ ли уважать?

ШЕМЯКА.

Марія! ты участье
Въ сихъ юношахъ берешь: — не зрю ль твоихъ въ нихъ чадъ?
Вѣщай, иль смерть...

(Замахивается на Іоанна мечемъ.)

ІОАННЪ.

(Подставя грудь.)

Рази!

ЮРІЙ.

(Хватаясь за мать.)

Увы!

МАРІЯ.

Ахъ! я ихъ мать.

(Упадаетъ въ обморокъ на дерево.)

ЮРІЙ.

Царица! мать! мертва?

ІОАННЪ.

И мы умремъ съ тобою.

(Оба бросаются на мать.)

ШЕМЯКА.

(Поспѣшно отступивъ.)

Чтó слышу я теперь? чтò вижу предъ собою?
Какой пронзилъ мое плачевный сердце гласъ?
Всю душу онъ мою, всю внутренность потрясъ!
Ахъ! на тебя ль мой мечъ, Марія, днесь подъемлю?
Твое ль стенаніе и чадъ твоихъ я внемлю?
Ты всѣхъ желаніевъ моихъ, Марія, край.
Шемяка! мысли зло; но зла не сотворяй.

(Воинамъ.)

Поспѣшно въ хижину ее вы отнесите,
Спокоить, врачевать всѣ средства воспримите.
А ты, о Реполъ! здѣсь вкругъ стражу разведи.
Не придетъ ли сюда князь Темный, жди, блюди.
Но къ сей царицѣ ты имѣй все снисхожденье.

(Воины несутъ Марію и Юрія на рукахъ, а Іоанна ведутъ подъ руки вслѣдъ ихъ.)

Digitized by Google

Я въ градѣ сдѣлаю о ней распоряженье.

(*Увидѣвъ Багрима.*)

Кто древній мужъ идетъ?

РЕПОЛЪ.

Не знаю, государь.

ШЕМЯКА.

Не славный ль здѣшній врачъ и примиритель сваръ,
Который въ кущѣ сей пустынной обитаетъ?

РЕПОЛЪ.

Ко времю онъ стопы свои къ намъ направляетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Шемяка, Реполъ и Багримъ.

ШЕМЯКА.

Кто ты, маститый мужъ, что здѣсь незапно зримъ?

БАГРИМЪ.

Обуреваньями житейскими носимъ,
Пустынникъ бѣдный я, въ сей хижинѣ живущій;
Оставя прелести, въ мятежномъ мірѣ сущи,
Трудами и постомъ мой усмиряю духъ.

ШЕМЯКА.

Твой умъ и врачевство здѣсь всѣмъ разноситъ слухъ.

БАГРИМЪ.

Не должно довѣрять одной молвѣ народной.

ШЕМЯКА.

То образъ твой явитъ смиренный, благородный.
Послушай, мой отецъ: я въ хижину твою
Отправилъ княжеску несчастную семью.
Спѣши скорѣй помочь Маріи Ярославнѣ,
Болѣзнью нѣкоей сраженной здѣсь недавнѣ,
И съ ней дѣтей ея возьми ты въ свой призоръ;
По излѣченьи же доставь на княжескъ дворъ.
За врачевство твое возмездье обѣщаю.
Оцѣнивать я трудъ и награждать слугъ знаю.

(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VI.

Реполъ, на сценѣ, а Багримъ, пошедши, невдалекѣ остановился и смотритъ вслѣдъ Шемяки.

РЕПОЛЪ.
(*Одинъ.*)
Какъ быстро къ жалости прешелъ отъ гнѣва онъ!
Подъ перемѣнчивымъ царемъ колеблемъ тронъ.
Царица духъ мой рветъ, гонимая судьбою!
Хотѣлъ дѣтей спасти; но стража шла за мною.
Тирану угождать злодѣйствомъ льзя однимъ;
Иль должно трепетать всечасно передъ нимъ.
Но что́ бы значило и отъ кого посланье,
(*Увидя стоящаго въ сторонѣ Багрима.*)
Вчерась мнѣ поданно, зовуще на свиданье?
И что́ здѣсь старецъ сталъ?...

БАГРИМЪ.
(*По удаленіи Шемяки, про себя.*)
Благопріятенъ часъ.
(*Подходя къ Реполу.*)
Посланье я писалъ. — Никто не зритъ здѣсь насъ:
Съ тобой наединѣ ищу переговора.

РЕПОЛЪ.
(*Съ удивленіемъ.*)
Какое сходствіе знакомаго мнѣ взора
Ты мнѣ въ лицѣ твоемъ, почтенный врачъ, явишь?
Ужъ не Багримъ ли ты?

БАГРИМЪ.
(*Бросаяся въ его объятія.*)
Ты правду говоришь.
Багрима въ сѣдинахъ днесь Реполу являю;
Но прежняго ль въ тебѣ я друга лобызаю?

РЕПОЛЪ.
Въ томъ не сумнись, я былъ и есмь твой другъ всегда!

БАГРИМЪ.
О, сколько счастливъ я!

РЕПОЛЪ.
Зачѣмъ и какъ сюда
Пріѣхалъ ты, Багримъ?
(*Обнимаетъ*)
Наставникъ мой любезный,
Отецъ, товарищъ, другъ!

Digitized by Google

БАГРИМЪ.

Во времена столь слезны
Пришелъ тебя просить спасть князя моего.

РЕПОЛЪ.

Василья, сверженца, изгнанника?

БАГРИМЪ.

Его.

РЕПОЛЪ.

Отъ коего ты былъ толь презрѣнъ по навѣтамъ,
Который не соблюлъ къ твоимъ почтенья лѣтамъ,
Который на тебя воздвигнулъ бѣдствій тьму?
Тому ты мнишь помочь?

БАГРИМЪ.

Я присягалъ ему.

РЕПОЛЪ.

Но если не соблюлъ онъ самъ своей присяги?
Безъ осторожности, безъ добльственной отваги
Свой не единожды оставя бѣгствомъ тронъ,
Во брани и въ миру терпѣлъ всегда уронъ?

БАГРИМЪ.

Онъ набоженъ, правдивъ, полнъ кроткихъ чувствъ, незлобенъ.

РЕПОЛЪ.

Чрезъ мѣру кроткій царь царемъ быть неспособенъ.
Пороки попустя, онъ доблестей былъ врагъ;
Заботливъ въ малостяхъ, медлителенъ въ дѣлахъ;
На старыхъ слабъ путяхъ, сбивался и на новыхъ;
Не воинъ, а въ крови багрился битвъ суровыхъ;
Душъ честныхъ не терпя, склонялъ свой слухъ къ льстецамъ;
Законы издая, не исполнялъ ихъ самъ,
И словомъ, добръ, уменъ, привѣтливъ, безпристрастенъ,
Предметъ былъ хвалъ и хулъ, — вездѣ, во всемъ несчастенъ.

БАГРИМЪ.

Измѣнники царей измѣнники суть царствъ,
И много словъ найдутъ къ прикрасѣ ихъ коварствъ.
Я мню, почтеннѣй жить смиренно въ низкой долѣ,
Чѣмъ безъ достоинствъ сѣсть усильно на престолѣ;
Пріятнѣй въ рубищѣ межъ черни исчезать,
Чѣмъ тронъ пронырствами у брата отнимать.
Се, защищаемый тобой каковъ Шемяка.

Digitized by Google

А добрый братъ его, Василій князь, безъ зрака,
Безъ помощи и тѣхъ, чей царь, отецъ былъ, другъ, —
И Реполъ врагъ его! — Исторгнь скорѣй мой духъ,
Иль истины въ лицѣ Багрима устыдися.

РЕПОЛЪ.

(*Обнимая его.*)

Не укоряй меня и съ другомъ обоймися.
Василью преданъ я, какъ былъ, такъ и теперь;
Но выслушай меня и сказанному вѣрь:
Отсутствіемъ твоимъ враги всторжествовали,
Надъ добрымъ княземъ верхъ, бразды правленья взяли.
Имъ было некому, опричь тебя, претить
Державныхъ братіевъ между собой мутить.
Разстроили родство, порядокъ и согласье,
Во всемъ было вездѣ срѣтаемо пристрастье,
Которо при тебѣ не смѣло взнесть чела, —
Корысть и ненависть во всѣ сердца вползла, —
И возревѣло все крамольною войною:
Къ Шемякѣ увлеченъ народной я толпою.

БАГРИМЪ.

Ужели правила не вѣдалъ ты сего,
Что для народа все, народомъ ничего?

РЕПОЛЪ.

Я вѣдалъ, но одинъ что̀ можетъ противъ многихъ?

БАГРИМЪ.

Не оправданье то въ очахъ законовъ строгихъ.
Не озираяся, на брань летитъ герой
И черепахи левъ не ползаетъ тропой.
Кто хочетъ быть царю, отечеству полезенъ,
И Богу и людямъ по правотѣ любезенъ, —
Не сильнымъ другъ и братъ, но слабыхъ жезлъ онъ душъ;
Не гибкій царедворъ, — думъ царскихъ честный мужъ.
Почто не возвышалъ ты гласъ свой справедливый,
Когда внималъ твой князь вельможъ совѣты лживы?

РЕПОЛЪ.

Въ совѣтахъ власть гнететъ всѣхъ умъ ярмомъ своимъ;
Другимъ тамъ мѣста нѣтъ, кто не согласенъ съ нимъ.
Что̀ хочешь, говори, ославишься безумнымъ,
Несноснымъ спорщикомъ, надмѣру велемудрымъ,

Digitized by Google

Не любящимъ другихъ познанья уважать,
А только на своемъ мечтаньи настоять.
Я былъ всегда готовъ взять сторону правдиву,
Коль видѣлъ бы себѣ опору въ комъ нелживу.
Василій слабъ былъ, добръ; Шемяка твердъ былъ, золъ,
Всѣхъ въ ужасъ онъ привелъ и взнесся на престолъ.

БАГРИМЪ.

О Боже! зри, сколь мужъ царямъ потребенъ твердый!
Они жъ къ угодникамъ своимъ лишь милосерды.
Но, Реполъ, если ты всю правду мнѣ сказалъ,
Другъ требуетъ, чтобъ ты невинность защищалъ;
Оставь Шемяку...

РЕПОЛЪ.

Какъ! ему послушны вои,
Всѣ славные вожди, всѣ сильные герои:
Ощеря, Стрига, Бобръ, Русалко и Ладья,
Драница и Руно. — Кто жъ мнѣ помощникъ?

БАГРИМЪ.

Я
И правосудный Богъ, въ сердцахъ живущій вѣрныхъ,
Къ царямъ усердіемъ Россіянъ воспаленныхъ.
Онъ молнію и громъ во буряхъ понесетъ
И горстью нашихъ силъ тьмы вражьи поженетъ.
Дай руку и пойдемъ.

РЕПОЛЪ.

(*Подавая руку.*)

Вожди коль будутъ склонны.

БАГРИМЪ.

Законнаго царя щитъ — души благородны.
Но се я зрю, мой сынъ изгнанника ведетъ.

РЕПОЛЪ.

(*Глядя въ лѣсъ.*)

Какое зрѣлище! царь въ бѣдствьи духъ мой рветъ.
Клянусь помочь ему! — но кѣмъ да не узримся,
Здѣсь отъ свиданья съ нимъ скорѣе удалимся.

(*Уходятъ въ одну сторону.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Темный и Держава съ другой стороны ведетъ перваго за руку.

ДЕРЖАВА.

Ихъ нѣтъ.

ТЕМНЫЙ.

Ты правду рекъ, что сквозь ущелья горъ
Марію и дѣтей вдали твой видѣлъ взоръ,
Несенныхъ войнами въ сѣнь вашего жилища.
Попалась ястребу искомая имъ пища!
О злополучные и бѣдственные дни!
Почто всѣ за меня несчастны такъ они?
Страдалъ бы я одинъ, бывъ всѣхъ ихъ золъ причиной;
Но юношамъ младымъ и красотѣ невинной
Почто бы бѣдствовать и дѣтямъ и женѣ?
Сколь милы всѣмъ они и сколь любезны мнѣ!
Они бы цвѣсть должны для счастія несчастныхъ.
Мой вѣкъ уже померкъ, ихъ на зарѣ дней ясныхъ.
О Боже! не лиши меня ума лучей,
Когда уже лишенъ тѣлесныхъ я очей.
Да будетъ длань Твоя простерта надо мною,
Чтобъ бодрственно я несъ насланное Тобою,
И не престалъ Твоихъ судебъ вѣкъ обожать,
Отчаяньемъ мою кончину приближать.
Ужъ тотъ не бѣдствуетъ, кто на Тебя надеженъ.
Умѣющій терпѣть съ Твоимъ блаженствомъ смеженъ.

(*Державѣ.*)

Веди меня, мой другъ, ты къ хижинѣ твоей,
И смерть сладка съ своей любезной намъ семьей.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Реполъ, Ощеря, Русалко, Стрига, Руно, Бобръ, Ладья и Драница.

РЕПОЛЪ.

О храбрые вожди! душъ твердыхъ ополченье,
Московскія страны, полнощи огражденье,
Чрезъ коихъ страшенъ сталъ Шемяка всѣмъ мечомъ,

Digitized by Google

Какъ буря грозная, какъ мрачный нощи громъ!
На васъ кладетъ вину онъ въ Россахъ небывалу
И чрезъ меня на васъ шлетъ княжеску опалу,
Что будто, долгъ забывъ, подкупленны бывъ мы,
Къ свободѣ узникамъ отверзли дверь тюрьмы.
Онъ строго повелѣлъ всемѣрно намъ стараться,
Чтобъ Темный больше князь не могъ здѣсь укрываться
И въ сей же день къ его поверженъ былъ стопамъ,
Иль смерть намъ всѣмъ грозитъ.

ОЩЕРЯ.

Онъ угрожаетъ намъ!
Онъ подкупомъ винитъ, поноситъ насъ измѣной,
Забывъ, что мы, его ставъ жребія премѣной,
Безъ всякой мзды себѣ въ порфиру облекли
И за него на казнь главы свои несли,
Достойнымъ чтя его московской діадимы,
Къ отечеству одной любовію водимы.

РЕПОЛЪ.

Любовь къ отечеству всегда — священный долгъ;
Но отъ измѣнниковъ кто скиптръ пріять возмогъ,
Тотъ можетъ и себѣ подобной ждать измѣны
И всѣхъ подозрѣвать.

РУСАЛКО.

Народъ желаетъ премѣны.

РЕПОЛЪ.

Народъ вліяньемъ душъ коварныхъ упоенъ
И бунтомъ яростнымъ незапно воспаленъ,
Бываетъ пьяному неистовцу подобенъ,
Который яръ въ хмелю и во похмельѣ злобенъ,
На винныхъ мечется и правыхъ не щадитъ;
А вы отечества столпы избранны, щитъ.

СТРИГА.

Мы должны быть ему всегдашняя подпора, —
Въ трясеньяхъ цѣлость блюсть.

РЕПОЛЪ.

При всемъ томъ безъ укора
Отъ гласа совѣсти, какъ Богу, такъ царямъ
Курящс вѣрности и правды ѳиміамъ,
Лишь добродѣтели служить должны единой.

Digitized by Google

РУНО.

Щедроты чужды мы, Шемякою сулимой.

БОБРЪ.

Но видимъ напротивъ, каковъ онъ сталъ теперь.

ЛАДЬЯ.

Премѣненъ, будто вѣтръ; а злобенъ, будто звѣрь.

ДРАНИЦА.

Съ невинныхъ рветъ главы по тѣнямъ подозрѣнья.

РЕПОЛЪ.

Измѣнники сего достойны награжденья.
Тиранъ, къ желаніямъ достигнувшій своимъ,
Бываетъ холоденъ какъ къ добрымъ, такъ и къ злымъ.

ОЩЕРЯ.

Но бывъ съ тобою мы въ семъ подвигѣ пріязни
Для блага общаго, — чего достойны? —

РЕПОЛЪ.

Казни!

ВСѢ НАЧАЛЬНИКИ.

Какъ!

ОЩЕРЯ.

Ожидаетъ насъ неблагодарность, месть,
Что князя лучшаго на тронъ старались взвесть?
Или къ отечеству усердіе неправо?

РЕПОЛЪ.

Монарховъ избирать имѣетъ Небо право.
Но царь способенъ ли какъ добрый, такъ и злой?
Для честныхъ душъ равенъ какъ тотъ, такъ и другой.

ОЩЕРЯ.

Кому жъ воздерживать порывы самовластныхъ?

РЕПОЛЪ.

Единодушію вельможей безпристрастныхъ.

(Увидя идущаго Багрима.)

Но чтó, друзья, прошло, — не возвратить того;
Потщимся днесь поймать, велитъ намъ власть кого.

(Уводитъ въ одну сторону вождей и, оборотясь къ Багриму.)

Помедль, — поколь уйдемъ отсель.

ЯВЛЕНІЕ II.

Багримъ, Марія, Темный, Іоаннъ и Юрій съ противной стороны входятъ, изъ коихъ Темнаго ведутъ Марія и Іоаннъ.

БАГРИМЪ.

(*Осматриваясь, тихо.*)

Здѣсь все безгласно.

МАРІЯ.

Какъ въ хижинѣ для насъ, такъ ужъ и здѣсь опасно.
Не преминетъ всѣхъ жертвъ гонитель отыскать:
Извѣстныхъ мѣстъ ему намъ лучше убѣгать.
Пойдемъ, мой другъ, отсель сколь можно поскорѣе,
Сокроемся въ лѣсахъ, которые темнѣе.
Покроетъ, можетъ, Богъ тамъ насъ своей рукой,
А здѣсь виситъ бѣда надъ нашей головой.
Мнѣ предвѣщаетъ духъ несчастье неизбѣжно:
Гоняется за мной какое-то мятежно
Вслѣдъ привидѣніе, сонъ гонитъ прочь отъ вѣждъ.
Къ спасенью нашему не вижу я надеждъ.
О, какъ, драгой супругъ, мнѣ жизнь твоя безцѣнна!
Послушай твоего семейства гласа нѣжна:
Погибнешь ты, — и мы погибнемъ всѣ съ тобой;
Когда спасешься ты, — и насъ спасешь съ собой.
Послушайся, поди, укройся время строга.

(*Обнимаетъ его со слезами.*)

ЮРІЙ.

(*Тоже.*)

Молить мы за тебя, родитель, будемъ Бога,
Чтобъ милосердствовалъ на нашъ Онъ слезный токъ.

ІОАННЪ.

(*Тоже.*)

И мечъ скорѣе бъ кто въ защиту намъ извлекъ.
Внемли, о отче мой, стонъ матери любезной!

БАГРИМЪ.

Не множь, о государь! ихъ горести ты слезной.
Поди отсель, поди.

ТЕМНЫЙ.

(*Обнимая всѣхъ, также плачетъ.*)

Не рвите воплемъ грудь
И сердца моего не тщитеся тронуть:
Оно изорвано и такъ уже на части.

Смотрите, плачу я; но жизнь не въ нашей власти:
Почто о ней пещись, почто о ней жалѣть,
Когда я не могу уже и солнца зрѣть?
Когда сталъ подданнымъ и самъ себѣ постылымъ,
Не лучше ль умереть, чѣмъ вѣкъ влачить унылымъ?
Ахъ, оставайтеся благополучны вы
И помните меня, несчастнаго. . .

МАРІЯ.

Увы?
Мнѣ такъ супругъ сказалъ, супругъ мнѣ столь любезный!
Теперь я вижу, что души ко мнѣ ты нѣжной
И къ дѣтямъ никогда чувствъ отчихъ не имѣлъ,
Коль наши слезныя прошенія презрѣлъ
И, предая себя опасностямъ смертельнымъ,
Надъ бѣдствіемъ грозишь съ собою нераздѣльнымъ.
Ты знаешь, смерть твоя — и наша купно смерть,
Иль жесточайшую заставишь насъ терпѣть,
Коль дни твои прервутъ позорною кончиной.

ТЕМНЫЙ.

(*Рыдая.*)

Какой жестокою отягощенъ судьбиной!
Какую муку я въ душѣ моей терплю,
Что поражаюсь той, которую люблю!
Марія! ты меня стыдомъ покроешь вѣчнымъ,
Коль снизойду къ твоимъ стенаніямъ сердечнымъ.
Ты довела меня, что изъ тюрьмы убѣгъ,
Внушивъ тобою стонъ, Россіянъ вопли всѣхъ.
Но гдѣ жъ обѣщанна мнѣ помощь отъ народа,
Когда и днесь моя сумнительна свобода?
Ты знаешь, ищутъ насъ; почто жъ мнѣ убѣгать
И вѣкъ оставшій мой позоромъ покрывать?
Чтó скажетъ мой народъ, друзья, князья россійски,
Потомство, усмотря мои столь чувства низки,
Коль при концѣ моемъ я дамъ себя презрѣть
И не рѣшуся самъ безстрашно умереть?
Не постыжу ль я тѣмъ моей оставшей крови,
Что всѣхъ лишу ее почтенья и любови?
Никто тогда жалѣть не будетъ сирыхъ сихъ

(*Обнявъ дѣтей.*)

Digitized by Google

И не отретъ съ ланитъ текущи слезы ихъ;
Никто за нихъ тогда вступиться не помыслитъ,
И время княжескъ родъ мой въ смердовъ родъ причислитъ.

(*Обращаясь къ Маріи.*)

Сама, мой другъ, сама, скитаясь по домамъ,
Лишь хладныхъ зрителей узришь твоимъ слезамъ,
Которые твой плачъ насмѣшками умножатъ,
На грудь болѣзненну бальзама не приложатъ;
А если соблюду я благородный духъ,
То иногда и мнѣ какой найдется другъ,
Который, отомстивъ мои отъяты правы,
Вручитъ наслѣдіе въ мой родъ моей державы.
Вы видите, что благъ я не себѣ ищу.

ІОАННЪ.

О мой благій отецъ!

МАРІЯ.

Всего я трепещу,
Всего боюся я, судьба безъ мѣръ намъ строга

ТЕМНЫЙ.

А я, возверзши все надѣянье на Бога,
Тирана моего свирѣпство предварю,
Съ смиренной твердостью подъ муками умру.

БАГРИМЪ.

Нѣтъ, князь, хоть вышній перстъ кругъ движетъ всей природы,
Но твари умныя не лишены свободы.
Не хочетъ Богъ того, чего мы не хотимъ;
Надѣясь на Него, не дѣйствуя, грѣшимъ.
Итакъ до времени ты долженъ укрываться:
То не побѣгъ еще, кто мыслитъ защищаться.
Напрасно, впрочемъ, ты такъ мыслишь, что народъ
Для помощи тебѣ обѣщанной нейдетъ;
Придетъ сюда, придетъ рать вѣрныхъ силъ московскихъ
И съ ней союзничьихъ ордынскихъ и литовскихъ,
Передъ вечернею грядущею зарей
Полкъ вступитъ въ дебръ сію отъ нихъ передовой.
Предвозвѣстится намъ его сюда сближенье

(*Указывая на колокольню.*)

Тимпана голосомъ, зовущимъ на моленье.

Digitized by Google

ІОАННЪ.

(*Съ радостію.*)

О, если бы вручить кто могъ мнѣ острый мечъ
И мнѣ велѣлъ врагу родитель встрѣчу течь!

ТЕМНЫЙ.

Будь мудрымъ, Іоаннъ, и поспѣшай не спѣшно.

МАРІЯ.

Заставить мать рыдать льзя скоро безутѣшно.

(*Услышавъ звонъ колокола.*)

Но вотъ и благовѣстъ.

БАГРИМЪ.

Пришла передня рать!

ТЕМНЫЙ.

(*Воздѣвая руки.*)

Молитву нашу Богъ благоволилъ принять.

(*Слышится звукъ оружія.*)

Но чтó же слышу!

ЮРІЙ.

(*Съ робостью.*)

Что?

МАРІЯ.

Оружье раздается!

О Боже! насъ спаси.

ІОАННЪ.

Мнѣ въ душу огнь ліется!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Реполъ съ одной стороны, а съ другой Держава съ поспѣшностью.

РЕПОЛЪ.

(*Будто не видя, пробѣгаетъ мимо.*)

Несчастны! что вы здѣсь?

ДЕРЖАВА.

Вы вкругъ обойдены,
Не можете никакъ ужъ быть вы спасены.
Ужель не слышали вы близкаго сраженья?

МАРІЯ.

О, горе намъ!

Digitized by Google

ЮРІЙ.

(*Трепеща.*)

Куда, куда?

ТЕМНЫЙ.

Намъ нѣтъ спасенья;
Останусь здѣсь одинъ.

ІОАННЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, родитель мой!
Укрыться долженъ ты.

БАГРИМЪ.

Пойдемъ скорѣй со мной.

МАРІЯ.

(*Съ плачемъ отдавая дѣтей.*)

Поди, мой другъ, поди, и ихъ возьми съ тобою:
Пусть здѣсь пожертвую одна за васъ собою.
Простите, милыя!

(*Обнимаетъ.*)

Увы, лишаюсь силъ.

(*Упадаетъ въ безпамятствѣ на дерево, а Багримъ и Держава уводятъ насильно Темнаго и дѣтей.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марія, Шемяка, Рѣполъ, Ощеря, Стрига, Бобръ, Драница и Ладья, а послѣ и Багримъ, приближась, останавливается вдали межъ деревьевъ.

ШЕМЯКА.

(*Съ обнаженнымъ мечемъ.*)

О! какъ мой острый мечъ подзорну устрашилъ
Пришедшу вражью рать! Хоть всѣми пусть полками
Придутъ, — не убоюсь, сражу, друзья, ихъ съ вами!
Но чтó царицы нѣтъ, пристава и дѣтей
Ни въ хижинѣ, ни здѣсь? — и можно ль было ей
Какъ убѣжать отъ насъ въ подсыльный полкъ враждебный?
Знать, скрылась здѣсь она. — Гдѣ паче братъ мой, Темный?
Хоть мертваго его...

(*Увидя Багрима, про себя.*)

Но чтó приставъ мой здѣсь!

(*Вслухъ Багриму.*)

Измѣнникъ!

Digitized by Google

БАГРИМЪ.

Имени сего еще не несъ
Ни отъ кого я, князь.

ШЕМЯКА.

Въ присмотръ тебѣ царица
Мной отданная гдѣ?

БАГРИМЪ.

(*Показывая на Марію.*)

Угодно обратиться,
Царицу ты узришь. — Знай, нѣтъ во мнѣ льстеца;
Дѣтямъ она искать велѣла ихъ отца,
Чтобъ въ Угличъ по твоей явиться всѣмъ намъ волѣ.

ШЕМЯКА.

Коль такъ, блаженной ихъ споспѣшствовалъ ты долѣ,
Почто жъ недвижима царица и молчитъ
И блѣдность мертвую ея мнѣ кажетъ видъ?

БАГРИМЪ.

Подъ кровъ мой, государь, вслѣдъ твоего велѣнья
Какъ стражи принесли безъ чувства и движенья,
Ей помощь скорая нужна была моя.

(*Указывая на источникъ.*)

Жизнь возвратила ей сихъ хладныхъ водъ струя.
Ольстилъ я чадъ и мать, что ты о нихъ печешься,
Что въ дружбу ихъ, въ родство принять не отречешься,
И можешь тронъ отдать, ей мужа, имъ отца.

ШЕМЯКА.

Возвеселилъ ли сей ты лестью ихъ сердца?

БАГРИМЪ.

Добросердечная увѣрившись Марія,
Что мысли на нее ты не имѣешь злыя,
Пошла со мной къ тебѣ, велѣвъ быть и дѣтямъ,
Чтобъ совокупно всѣмъ имъ пасть къ твоимъ стопамъ;
Но здѣсь услышала какъ близкое сраженье,
Лишилась чувствъ она, и се въ изнеможеньѣ.

ШЕМЯКА.

Надежду далъ ты мнѣ.

(*Про себя.*)

Да испытаю вновь.

(*Взявъ за руку Марію.*)

Царица милая! коль нѣжная любовь

Digitized by Google

Взаимное въ сердцахъ вливаетъ ощущенье,
Услышь мое къ себѣ, Марія, приближенье;
Почувствуй, пробудись и взглядомъ хоть однимъ
Брось князю лучъ надеждъ, что палъ къ стопамъ твоимъ.

(Ставъ на колѣни, цѣлуетъ руку.)

МАРІЯ.

(Открывъ глаза.)

Шемяка! тщетно ты мою лобзаешь руку;
Съ супругомъ не дерзну и мыслью на разлуку;
Прочь отъ меня, отдай его мнѣ и дѣтей.

(Встаетъ.)

ШЕМЯКА.

(Отступивъ съ негодованіемъ.)

Вотъ какъ ты тронута щедротою моей?
Сама ты чадъ своихъ къ супругу удалила,
А просишь отъ меня... Мнѣ старецъ рекъ...

МАРІЯ.

(Съ замѣшательствомъ.)

Забыла.

БАГРИМЪ.

Царица! чтó рекла?

ШЕМЯКА.

(Грозно.)

О! зрю я вашъ обманъ.
Волшебный отъ моихъ ниспалъ очесъ туманъ.
Скажи, скажи, старикъ, — иль съ тѣломъ разлучися, —
Гдѣ Темный князь съ дѣтьми?

БАГРИМЪ.

Губи!

МАРІЯ.

Злодѣй!

(Невидимый изъ навѣса гласъ.)

Страшися!

ШЕМЯКА.

(Въ изумленьи.)

Чтó, Реполъ, слышу я?... гласъ скрытый вопіетъ.
Поди и осмотри!

РЕПОЛЪ.

(Осматриваясь.)

Нѣтъ, государь, здѣсь нѣтъ,
Не вижу никого.

Digitized by Google

ШЕМЯКА.

(*Успокоясь.*)

Иль то мечта пустая?

(*Багриму.*)

Поди же, лицемѣръ, — и, больше не скрывая,
Сыщи мнѣ бѣглецовъ. Поднявъ надъ нимъ мечи,
Идите, воины, съ нимъ; и смерть...

(*Воины поднимаютъ надъ головой Багрима мечи.*)

(*Еще голосъ изъ сарая.*)

Вострепещи!

ШЕМЯКА.

(*Про себя, въ сторону.*)

Еще я слышу гласъ, боязнь меня объемлетъ!

(*Вслухъ.*)

Чтó, Реполъ, чтó сіе!

МАРІЯ.

Ахъ!

РЕПОЛЪ.

Слухъ мой то же внемлетъ.
Не знаю, государь, чтó на сіе сказать;
Но скрытыхъ должно намъ безъ робости искать.

(*Реполъ и прочіе, бѣгая, ищутъ.*)

ШЕМЯКА.

(*Отшедши въ сторону.*)

Или ужъ мнѣ грозятъ незримы ада тѣни,
Что вышней я достигъ пронырствами степени?
Жметъ сердце нѣкій страхъ во мнѣ.

РЕПОЛЪ.

(*Ходя въ навѣсѣ по соломѣ.*)

Здѣсь кто-то есть.

ШЕМЯКА.

(*Кричитъ.*)

Являйтеся, иль вамъ неизбѣжима смерть.

ЮРІЙ.

(*Съ воплемъ подъ соломой.*)

Какъ, смерть!

(*Реполъ, разбрасывая солому, выводитъ Іоанна и Юрія.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

Шемяка, Реполъ, Марія, Багримъ, Іоаннъ, Юрій, Ощеря, Стрига, Руно, Бобръ, Драница и Ладья. Послѣдніе сбѣгаются отовсюду къ Реполу.

ШЕМЯКА.

Чтó вижу я?

МАРІЯ.

О лютый часъ, ужасный!

(*Къ дѣтямъ.*)

Почто отозвались, друзья мои несчастны?

ІОАННЪ.

(*Указывая на Багрима.*)

Онъ жизнь терялъ за насъ.

ЮРІЙ.

Угрозъ я снесть не могъ.

БАГРИМЪ.

Не ужасайтеся, нашъ покровитель — Богъ.

МАРІЯ.

(*Шемякѣ.*)

Чтó хочешь ты, тиранъ?

ШЕМЯКА.

Почто меня скрывались?
Щедроты ли мои на васъ не проливались,
Не охранялъ ли васъ немстительный нравъ мой?

ІОАННЪ.

Пощада хищника — ударъ мнѣ громовой.
Отъ рукъ я милостей твоихъ не принимаю,
Но лучше умертви!

ШЕМЯКА.

Марія! чтó внимаю?
За страсть мою упрекъ, за искренность обманъ.
Иль сынъ не знаетъ твой, что вашъ я князь?

ІОАННЪ.

Тиранъ!
Не князь, а хищникъ ты, родителя свергъ съ трона
И насъ съ нимъ обоихъ

(*Указывая на Юрія.*)

святыя церкви съ лона
Обманомъ, клятвами, имѣя гнусну цѣль,

Digitized by Google

Святитель для тебя взялъ на епитрахель[3].
Но ты насъ вмѣсто, чтобъ...

ШЕМЯКА.

Младенецъ дерзновенный,
Чей млечнымъ волосомъ еще неосѣненный
Женоподобный зракъ! ты дядю порицать
Такъ смѣлъ? О воины! возьмите ихъ карать.

МАРІЯ.

(Обнявъ дѣтей.)

Не дамъ, царица я!

(Воины не движутся, потупя внизъ головы.)

ШЕМЯКА.

(Съ яростію воинамъ.)

Какъ? что́? непослушанье!

РЕПОЛЪ.

(Съ поспѣшностью.)

Какое, государь, исполнить приказанье?

ШЕМЯКА.

Коль братъ не скажутъ гдѣ, то родъ ихъ дерзкій весь
Сейчасъ же истреби.

МАРІЯ.

Злой тигръ!

(Невидимый голосъ изъ скирда.)

Стой! братъ, я здѣсь!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Темный, вытолкнувъ изъ скирда снопы, выходитъ на сцену.

ТЕМНЫЙ.

Казни меня, казни, лишь ихъ не прикасайся.

ШЕМЯКА.

Ты здѣсь, слѣпецъ, ты здѣсь! такъ съ ними ужъ прощайся.
О радость! о восторгъ! днесь мой спокоенъ духъ,
Что я тебя нашелъ.

МАРІЯ.

(Съ воплемъ обнимая Темнаго.)

Зачѣмъ, драгой супругъ,
Явился ты сюда?

[3] Древній церковный обрядъ поручительства, который никто нарушить не осмѣливался. Д.

Digitized by Google

ІОАННЪ.

Зачѣмъ?

ЮРІЙ.

(*Обнимая его съ воплемъ.*)

Зачѣмъ?

ТЕМНЫЙ.

Какъ! злобы
Чтобъ я скрываться сталъ, свергающей васъ въ гробы?
Нѣтъ, казни всѣ меня не могутъ столь страшить,
Сколь клятвой чтобъ себя могъ вѣчной я тягчить.
О братъ! иль крестное забылъ ты цѣлованье,
Чтобъ межъ собою намъ оставить враждованье,
Мирились какъ съ тобой?

ШЕМЯКА.

Твоя кровь не нужна,
Коль мнѣ народомъ власть ужъ княжеска дана.
Но не повергнуть чтобъ отечество въ несчастье,
Мнѣ не безнужно бы и братское согласье,
Чтобъ право мнѣ на тронъ и самъ ты подтвердилъ
И дерзкаго сего

(*Указывая на Іоанна.*)

къ тому жъ бы преклонилъ.
Вели, отрекся чтобъ и братъ его отъ царства
И въ помыслахъ своихъ противъ меня коварства
Какого не питавъ, любили бъ свой покой.

ТЕМНЫЙ.

О братъ! и въ юны дни мой санъ я зрѣлъ мечтой.
Корона на главѣ, на раменахъ порфира
Казались тщетнымъ мнѣ очарованьемъ міра.
Повѣрь мнѣ, что они несноснѣйшій яремъ;
И скоро, скоро самъ признаешься ты въ семъ,
Что на себя навлекъ безумно ты ихъ тягость,
Но паче, что стяжалъ ты ихъ чрезъ лесть и наглость.
Хищенье всякое не есть добро, но зло,
И царствъ могущество нигдѣ зломъ не росло;
А если и росло, — то внутрь ихъ упадало;
Коварныхъ небо дѣлъ имъ въ прокъ не попускало.
Безъ свышняго ума, безъ доблести святой
На тронѣ властелинъ — лишь идолъ золотой.

Digitized by Google

Не знаетъ онъ цѣны ни доброму, ни злому,
Не грозенъ къ одному, не благъ и ко другому;
Не можетъ пользъ своихъ отъ траты отличать,
И долженъ все изъ рукъ рабовъ наемныхъ ждать;
Боясь зрѣть вѣрности и чести при престолѣ;
Имѣя очи, слѣпъ, хоть воленъ, но въ неволѣ,
Не знаетъ, правдѣ что, уму, труду царей,
Вслѣдъ ходитъ счастье лишь, что въ немъ ихъ блескъ лучей.
Увы! я знаю, братъ, по опытамъ собою,
Что былъ великій князь я тѣнію одною:
То захотѣлъ ли бы мечтой сей дорожить
И трона моего тебѣ не уступить?
Но онъ наслѣдственный, и мнѣ дарованъ Богомъ:
То въ самой скромности во любомудрьи строгомъ
Не долженъ, не могу отречься отъ него.
Такъ, такъ! покоље живъ, я скиптра моего
Не дамъ тебѣ. Ты взялъ его, — владѣй!

ШЕМЯКА.

Слѣпому
Нельзя ужъ имъ владѣть; но къ бунту коль ты злому
Не хочешь поводу малѣйшаго подать,
То дѣтямъ долженъ ты отречься приказать
Отъ сана царскаго отъ всего наслѣдства;
Или ужъ избѣжать не можете вы бѣдства, —
Я васъ предамъ на смерть.

ТЕМНЫЙ.

Я самъ ищу ее;
А дѣти, коль хотятъ, желаніе твое
Пусть сами совершатъ.

ІОАННЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, драгой родитель;
Пускай на мѣстѣ семъ казнитъ меня гонитель, —
Я права моего на тронъ не уступлю:
Даръ предковъ онъ моихъ.

ШЕМЯКА.

(Съ яростію.)

Какъ отъ тебя стерплю,
Сварливо отроча, желаніямъ препону?
Но я и безъ тебя могу дать твердость трону,

Digitized by Google

Который мнѣ народъ усердьемъ подклонилъ, —
И васъ чтобъ я теперь изъ рукъ моихъ пустилъ?...
Нѣтъ! воины, сейчасъ влеките ихъ на муки.

ТЕМНЫЙ.

(*Воздѣвъ руки.*)

Будь, Боже, власть Твоя!

МАРІЯ.

Отдай въ злодѣйски руки,
Губитель и тиранъ, меня ты поскорѣй!
Меня сперва карай, чѣмъ мужа и дѣтей.
Но страсть твоя ко мнѣ была коль справедлива,
У ногъ твоихъ теперь жена та горделива,

(*Упадаетъ на колѣни.*)

Которой нѣкогда ты былъ плѣненъ красой:
Тронися матери, супруги ты мольбой.
Подорожи ея рыданіемъ и кровью,
Той самой, что къ тебѣ взаимною любовью
Горѣла, и въ твоей груди рождала жаръ,
Та кровь въ моихъ дѣтяхъ. Взноси на нихъ ударъ
И на родившихъ ихъ, кѣмъ жизнь имъ дарованна,
Свирѣпствуй, варварска жжетъ месть коль несказанна;
Но не надѣйся ты безбѣдно скиптръ носить,
Когда небесъ себѣ не можешь преклонить,
Залога не имѣвъ въ рукахъ твоихъ священна!

(*Въ смущеніи.*)

Ахъ! что̀ несчастная!...

ТЕМНЫЙ.

Какая изреченна
Въ забвеньи рѣчь тобой!

ШЕМЯКА.

Я тщетно поспѣшилъ:
Марія! вѣсть твою правдивую внушилъ.
Вели ихъ, Реполъ, всѣхъ развесть въ вертепы розны.
Чрезъ часъ приду сюда; и здѣсь велѣнья грозны
Приди ко мнѣ принять.

(*Указывая на Марію.*)

Межъ тѣмъ ее храни!

(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Реполъ и Марія.

МАРІЯ.

Ужель въ душѣ твоей свирѣпости одни
Живутъ, вельможа злой и рабъ жестокосердый?
Сожженный совѣстью, безъ чувства камень твердый,
Кто могъ быть столько золъ, опричь временщика,
Льстеца гнуснѣйшаго, дерзнула чья рука
Влечь изъ закрытія дѣтей, ни въ чемъ не винныхъ,
И кто, кромѣ ехиднъ и челюстей звѣриныхъ,
Престола хищнику столь угождать посмѣлъ,
Что руки варварски вознесть не оробѣлъ
На жизнь наслѣдниковъ, князей порфирородныхъ
И въ поискахъ своихъ ихъ не укрылъ безбожныхъ.
Ахъ! искра коль въ тебѣ одна присяги есть,
Не будь гонитель нашъ; но вспомни долгъ и честь.

РЕПОЛЪ.

Повѣрь, царица, мнѣ, повѣрь въ томъ неотложно,
Я все творилъ, чтó лишь благоразумью должно.
Посѣянъ у кого Господень въ сердце страхъ,
Тотъ никогда царю законному не врагъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Шемяка и Реполъ.

ШЕМЯКА.

Ты удивляешься, что ихъ не предалъ казни;
Но не изъ прежнія ль любови и пріязни
Къ Маріи сдѣлался я такъ безуменъ, слабъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Шемяка былъ и есть женамъ не рабъ.
Хоть признаю въ себѣ порывы юной страсти,
Но сердце содержу въ моей владычной власти.
Се таинство тебѣ: будь мнѣ помощникъ въ немъ;
Наперсникъ возблеститъ щедротъ моихъ лучемъ,
Или жестокая измѣннику награда.
Вострепещи! она быть можетъ злѣе ада!
Послушай: знаешь ты, какимъ путемъ взведенъ
На братнинъ я престолъ, и какъ онъ ослѣпленъ;

Digitized by Google

Какъ изъ среды бояръ и изъ церковна лона
Лесть привлекла во власть наслѣдниковъ мнѣ трона.
Какъ корень изъ Москвы крамолъ чтобы известь,
Всю въ Угличъ братнину велѣлъ семью увезть.
(*Показывая на Угличъ.*)
И словомъ, знаешь ты главъ мудрыхъ ухищренье,
Чтобъ на народъ взводить самихъ ихъ преступленье.
По онымъ правиламъ я узниковъ моихъ
Тебѣ отдавъ въ присмотръ, самъ бѣгъ устроилъ ихъ,
На стражу возводилъ измѣну, подкупъ гласно,
Дабы сокрыть себя.

РЕПОЛЪ.

(*Съ удивленіемъ.*)

Такъ насъ винилъ напрасно!

ШЕМЯКА.

Не сѣтуй, не ропщи и знай, что завсегда
Съ плечъ сильнаго падетъ на слабаго бѣда.
Мнѣ было надобно прибѣчь къ сему коварству,
Чтобъ дать спокойствіе и безопасность царству.
Ко честолюбію меня ты поощрялъ:
То нужно, чтобъ слѣпецъ намъ больше не мѣшалъ;
Но на сіе затѣмъ я не рѣшился явно,
Чтобъ родственны князья, бояръ сословье главно,
Марія и сама не омерзила мной.
Итакъ мнѣ тайна кознь ласкаетъ сей мечтой,
Что страстію моей безъ брата наслаждуся
И на колеблемомъ престолѣ утверждуся.
На сей-то ухитрилъ я бѣгство ихъ конецъ,
Чтобъ пагубы своей виной былъ самъ слѣпецъ.
Когда по дебри нагъ скитаясь, тощъ и бѣденъ,
Звѣрями будетъ онъ иль гладомъ алчнымъ съѣденъ,
А я, невинности и кротости лицомъ
Покрывшись, сиротамъ содѣлаюсь отцомъ
И въ сердцѣ юныя вдовы такъ поселюся,
Что помощью отца съ ней бракомъ сопрягуся,
Со пасынками мой сораздѣлю престолъ,
Эдемъ имъ дамъ въ удѣлъ! вотъ, Реполъ, произволъ
И тайный замыслъ мой въ чемъ вѣдай дальновидный.
За обвиненія не обвиняй обидны.

Digitized by Google

РЕПОЛЪ.

Чтожъ, государь, тутъ я?

ШЕМЯКА.

Чертежъ мой не успѣлъ.
Ему противенъ рокъ; но я не ослабѣлъ.
При жизни братниной Маріино не льстило
Свиданье хоть меня, но сердце не уныло.

РЕПОЛЪ.

Хотя бы, государь, она склонна была,
Но власть бы Церкви съ ней тебя не сопрягла,
Для ближняго родства Василія съ тобою.

ШЕМЯКА.

Препятства нѣтъ тому, кто царства сталъ главою.
Не склонится она, и ей готова смерть.
Но бѣдъ чтобъ отъ сего и намъ не претерпѣть
Отъ брата и жены оставшагося рода,
Иль лучше отъ всего россійскаго народа,
Когда убійцей я открытымъ объявлюсь,
То лучше сбыть ихъ съ рукъ таинственно потщусь.
Но къ жертвѣ таковой потребна мнѣ личина.
Для блага общаго коль чья нужна кончина, —
То зло уже не зло. Къ кому жъ прибѣгнуть, другъ,
Какъ не къ тебѣ?

РЕПОЛЪ.

Ко мнѣ?

ШЕМЯКА.

Твой оборотливъ духъ.
Притомъ тебѣ сказать и то еще я долженъ,
Что былъ Маріею я сильно востревоженъ,
Какъ вспомнила она про чудный тотъ чреслецъ,
Безъ коего блистать не можетъ мой вѣнецъ.

РЕПОЛЪ.

Какой же, государь, въ томъ ждешь моей услуги?

ШЕМЯКА.

Узнать у Темнаго и у его супруги:
Въ чьихъ днесь рукахъ и гдѣ хранится тотъ клейнодъ?
Твой разумъ въ нихъ скорѣй довѣренность найдетъ.
Потомъ, какъ Шига къ намъ съ Софіей возвратится,
Сей родъ противный мнѣ весь пламемъ истребится.

Digitized by Google

А ты распустишь слухъ, что спящи бѣглецы
Въ семъ стали нарыщѣ
(*Указывая на овинъ.*)
и жертвы и жрецы.
Симъ средствомъ улетитъ и память всѣхъ ихъ съ дымомъ.
И будемъ правы мы.

РЕПОЛЪ.

Твой гласъ власы мнѣ дыбомъ
Вздымаетъ, государь; но да свершится казнь,
Какъ ты опредѣлилъ; лишь мню, что въ нихъ боязнь
Тѣмъ лучше ты вдохнешь, коль спросишь о безцѣнномъ
Сокровищѣ твоемъ, и въ видѣ устрашенномъ
Самъ тайну ихъ прочтешь. — Рабу не захотятъ
Они ее открыть.

ШЕМЯКА.

Да будетъ такъ, и братъ
Пусть мнѣ предстанетъ здѣсь; но лишь съ женою розно.

РЕПОЛЪ.

Исполню твой приказъ.
(*Въ сторону.*)
О, коль велѣнье грозно!

ЯВЛЕНІЕ II.

ШЕМЯКА.

(*Одинъ.*)

Нѐ принялъ на себя разспрашивать онъ ихъ
И съ трепетомъ внималъ о замыслахъ моихъ;
Другіе тожъ вожди творили не усердно
Мной данный имъ приказъ. Есть на меня ковъ вѣрно.
Есть ковъ? что́ жъ нужды въ томъ?… я ихъ предупрежду
И обращу на нихъ замышленну вражду.
Такъ власть насильственна надъ стражъ самихъ храненьемъ
Бдитъ тайно день и ночь своимъ недовѣреньемъ.
Царей колеблемыхъ лишь недовѣрье щитъ.
Кто хочетъ всѣхъ страшить, всего тотъ самъ дрожитъ.
Но я да вымышлю скорбь скрыту для несчастныхъ,
Какъ мнимо кротка власть жметъ кротостью подвластныхъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Темный и Іоаннъ вводятся къ Шемякѣ стражами.

ШЕМЯКА.

Братъ съ братомъ говоритъ, чтобъ въ царствѣ зло пресѣчь.
Но сынъ мѣшаться твой да не дерзнетъ намъ въ рѣчь.
Продерзостью его я пуще раздражаюсь,
Въ усердьи и къ тебѣ моемъ перемѣняюсь.
Вини меня, иль нѣтъ, что съ трона свергъ тебя;
Не объясняютъ намъ судьбы небесъ себя.
Но только то тебѣ въ довѣренность вѣщаю,
Что благъ отечеству всѣмъ сердцемъ я желаю.
При всемъ томъ не могу ему доставить ихъ,
Коль не захочешь ты; — они въ рукахъ твоихъ.

ТЕМНЫЙ.

Умилосердись, братъ, надъ братомъ ослѣпленнымъ
И не терзай меня привѣтствомъ ухищреннымъ.
Какое благо дать народу возмогу,
Коль въ изнуренномъ ужъ чуть тѣлѣ духъ брегу?
Когда не бармъ княжихъ, не титлъ лишенъ, но зрѣнья,
Къ чему тогда гожусь, къ чему твои прошенья?
Не множь, ахъ! болѣе моихъ несносныхъ мукъ,
Братоубійственныхъ поднять не медли рукъ
И не томи меня угрозами всечасно,
Но сердце изъ меня исторгнь скорѣй несчастно.

ШЕМЯКА.

Тотъ чудодѣйственный имѣешь ты клейнодъ,
Издревле росская порфира чѣмъ цвѣтетъ;
Подай сюда, представь сокровище безцѣнно:
Ты знаешь, безъ него нельзя владѣть безбѣдно.

ТЕМНЫЙ.

Нѣтъ у меня его.

ШЕМЯКА.

Не для меня отдай;
Но все отечество отъ гибели спасай,
И матери твоей мнѣ возврати хищенье.

ТЕМНЫЙ.

Отечеству готовъ я весь на приношенье;
Но материнскій даръ, прапрадѣдовъ залогъ

Digitized by Google

Отдать тебѣ нельзя: не я въ немъ властенъ,—Богъ.
Черезъ него, я мню, и ты сѣлъ на престолѣ.

ШЕМЯКА.

(*Съ злобою.*)

Коль такъ, то предпишу предѣлъ упорной волѣ.
Поди!

(*Даетъ знакъ, по коему воины отводятъ Темнаго и Іоанна въ сторону, а приводятъ Марію съ Юріемъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Шемяка, Марія, Юрій и Стража.

ШЕМЯКА.

(*Маріи.*)

Надѣюся, что ужъ не утаишь
И поясъ мнѣ отдашь, который ты хранишь,
Со братомъ прекратя вражду мою, Марія?

МАРІЯ.

Навѣты на меня ты вымышляешь злые.
Доспѣхи царскіе царицы не хранятъ;
Во оружейницахъ они ихъ царствъ лежатъ.

ШЕМЯКА.

Я перлы у тебя не отнялъ драгоцѣнны:
То могутъ быть они съ симъ поясомъ смѣненны.

МАРІЯ.

Какіе перлы тѣ?

ШЕМЯКА.

Они въ дѣтяхъ твоихъ.
Не сыщешь ты клейнодъ, ты жизнь погубишь ихъ.

МАРІЯ.

Кому, жестокій, ты свирѣпостью подобенъ?
Не сытъ потокомъ слезъ и столь еще ты злобенъ,
Что, насмѣхаяся, мое все сердце рвешь.
Ахъ! чтó безцѣннѣе чадъ матери найдешь!
Чего бъ она за нихъ отдать подорожила!
Но хочешь ты, чтобъ долгъ священный я забыла;
Воспомнь: царица я!... предательствомъ не льстись.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Шига, съ бумагою въ рукахъ.

ШИГА.

Софіи, государь, во срѣтенье стремись:
Она подъ стражею изъ Чухломы везется,
И у нея чреслецъ, я думаю, найдется,
Чтó мной изъ сысканной увидишь хартьи сей.

ШЕМЯКА.

(*Читаетъ письмо.*)

«Средь тысячи враговъ, средь тысячи смертей,
«Какъ были граблены сокровища престольныхъ
«Княжихъ палатъ, я сей клейнодъ, изъ рукъ крамольныхъ
«Едва спася, шлю вамъ, да Промыслъ соблюдетъ
«У васъ его, чтобъ васъ имъ сохранить отъ бѣдъ.»

(*Обращаяся къ Маріи и Темному.*)

Съ супругомъ разрѣшить вамъ узелъ сей вручаю.

(*Отдаетъ письмо Маріи, къ которой подводятъ Темнаго.*)

ТЕМНЫЙ.

Свидѣтель Богъ, что сей я хартіи не знаю.

МАРІЯ.

Не явственно: къ кому, къ Софіи ль, къ намъ она
Съ той утварью была и кѣмъ принесена?

ШЕМЯКА.

(*Съ злобою.*)

Не сплетай коварствъ, царица низложенна.
Краса ужъ не спасетъ твоя тебя смиренна;
Притворство мной твое проникнуто, и мечъ
Всю кознь твою готовъ и таинства пресѣчь.
Но ты караніемъ не льстись уже поспѣшнымъ;
Позоромъ томныхъ мукъ ты будешь мнѣ утѣшнымъ.

МАРІЯ.

Всѣхъ гадовъ, всѣхъ звѣрей, всѣхъ золъ, чѣмъ страшенъ адъ,
Рыгающій въ сей свѣтъ заразу, скорби, ядъ,
Чѣмъ казнь намъ отъ Небесъ бываетъ ниспосланна,
Неправеднаго нѣтъ гнуснѣй и злѣй тирана. —
Но знай, мучитель, знай, во снѣ и въявѣ жди,
Что не избѣгнешь ты отъ праведныя мзды.

ТЕМНЫЙ.

Не дремлетъ Божій судъ, всѣмъ будутъ воздаянья;
Нигдѣ не скроются, о братъ мой! злодѣянья.

Digitized by Google

ШЕМЯКА.

На мѣсто нѣжности въ кровь тартаръ мразъ мнѣ льетъ;
Дрожу, крѣплюсь,

(*Въ сторону.*)

поколь мнѣ время не придетъ.

ІОАННЪ.

Осмѣлься, дай мнѣ мечъ, — и я узрю, что́ можешь.
Такъ, тигръ, костей при мнѣ родительскихъ не сгложешь,
Не можешь кровь при мнѣ безцѣнну ихъ пролить;
Но безоруженъ я, — ты можешь намъ вредить.

ТЕМНЫЙ.

(*Возвыся голосъ.*)

Не бойся, сынъ, вреда, и бывъ въ рукахъ у злобы:
Невинности какъ медъ и ядъ среди утробы,
Но совѣсть чья черна, тѣмъ наслажденья нѣтъ.
Въ порфирѣ ль, въ рубищѣ ль, равно порокъ ту рветъ.
Пріобрѣти хотя престолы всей вселенной;
Но если страждетъ духъ, — горишь живой геенной.
Внемли теперь отцу, близъ гроба сущу, сынъ:
Напастьми высится персть смертныхъ въ горній чинъ,
Въ благополучьи плоть, — душа въ бѣдахъ свѣтлѣетъ,
Врагъ добродѣтели одинъ учить умѣетъ;
Не бывъ несчастными, не знаемъ нашихъ силъ.
Хочу, чтобъ въ братѣ зломъ ты недруга любилъ;
Хочу, чтобъ крови цѣпь была тебѣ священна
И подъ мечемъ его тобой благословленна.
Пади предъ нимъ.

ІОАННЪ.

Предъ нимъ? — нѣтъ, нѣтъ! лишь предъ тобой.

(*Упадаетъ предъ отцомъ.*)

ШЕМЯКА.

(*Въ сторону.*)

Какъ тронутъ ими я!

(*Реполу.*)

Пусть долгъ отправятъ свой,
Послѣдне изрекутъ другъ другу извѣщенье.
Пріѣдетъ Витовна и привезетъ вершенье.
Но скроютъ и тогда коль то, чего ищу, —
Жестокость всю мою на нихъ я истощу;

Digitized by Google

Не будетъ месть моя ничѣмъ уже смягченна.
Страшитесь испытать Шемяку раздраженна!
(Уходитъ съ прочими.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Темный, Марія, Іоаннъ, Юрій, Реполъ, и стража вдали.

ТЕМНЫЙ.
(Воздѣвая руки къ небу.)
Готовъ мой духъ Тебѣ, о Господи! предать.

МАРІЯ.
Ты можешь лишь, Творецъ, спасенье намъ послать.
(Темному.)
Какое, отъ кого онъ намъ читалъ писанье?

ТЕМНЫЙ.
Мню, изобрѣтено на насъ оклеветанье.

РЕПОЛЪ.
(Отходя въ сторону, печально.)
Отдай супругѣ долгъ и дѣтямъ долгъ отца.

ТЕМНЫЙ.
(Маріи и дѣтямъ.)
Придите, милыя, прижать ко мнѣ сердца,
Да васъ благословлю и распрощаюсь съ вами.
Впослѣдни, можетъ быть, я васъ кроплю слезами.

МАРІЯ.
(Она и дѣти обнимаютъ его.)
Любезнѣйшій супругъ! себя и насъ щади.

ЮРІЙ.
Въ насъ душъ не сокрушай.

ІОАННЪ.
Въ терпѣньи утверди.

ТЕМНЫЙ.
(Къ Маріи.)
Любезная жена, по доблестямъ почтенна!
Супруга своего напастьми удрученна!
Лобзаніе его прими въ присмертный часъ,
И слышь прощенія просящій сердца гласъ.

МАРІЯ.
Дражайшій мой супругъ, мнѣ Небомъ дарованный!
Когда одинъ твой взглядъ вливалъ въ сердечны раны

Digitized by Google

Цѣлебный мнѣ бальзамъ, то тщетно днесь смущенъ:
И въ самый гнѣвный часъ бывалъ ты мной прощенъ.

ТЕМНЫЙ.

Внемли, мой другъ, и ты мое благодаренье
За вѣрность, за любовь, за твердое терпѣнье,
Что должностью на бракъ хоть принужденной бывъ,
Но вышедъ за меня, свой прежній огнь забывъ,
Любила ты меня, душою обожая.

МАРІЯ.

Честь благонравныхъ душъ есть цѣпь сердецъ святая.

ТЕМНЫЙ.

(*Простирая руки къ дѣтямъ.*)

Проститеся теперь, и чада, вы со мной
И за сыновній долгъ, за нравъ покорный свой,
Благословеніе родительско примите.
Даю вамъ заповѣдь: другъ друга вы любите,
И не давайтесь въ сѣть васъ ссорящимъ льстецамъ:
Согласье братское пріятно Небесамъ.
Не вѣрьте вы, что власть есть страсть душъ благородныхъ.
Нѣтъ, истинная власть есть смертныхъ превосходныхъ
Не въ силахъ чуждыхъ силъ, не въ внѣшности отликъ;
Но правитъ кто собой, тотъ властенъ и великъ.
Подобный государь есть фениксъ рѣдкій въ свѣтѣ;
Блаженны дни его, — роса во знойномъ лѣтѣ;
Онъ образъ Божества, онъ сынъ благихъ небесъ.
Но ахъ! я чувствую льетъ сердце токи слезъ,

(*Плачетъ.*)

Что быть такимъ не могъ я на россійскомъ тронѣ,
Но пресмыкаясь ползъ во княжеской коронѣ.
О сынъ мой, Іоаннъ! твой бодрый, твердый нравъ
Надежду мнѣ даетъ, что если будешь здравъ
И Россовъ царь, твой лучъ мои облещетъ тѣни,
Ты доблестей взойдешь на вышнія степени,
Отечество свое возвысишь, вознесешь,
Съ раменъ россійскихъ странъ ярмо Татаръ стрясешь,
И стѣны сокрушишь кичливыя Казани.
Подъемлю я о томъ мои днесь къ небу длани.
Но знай, на высотахъ лавръ въ прочность не ростетъ, —
Межъ страшныхъ безднъ и скалъ премудрый мужъ идетъ;

Digitized by Google

Нѣтъ пользы никакой распространять владѣнье:
Полезнѣй малыхъ царствъ искусное правленье;
Пріятнѣй зрѣть на сонмъ ликующихъ дѣтей,
Чѣмъ на стенящи тьмы рабовъ среди цѣпей.
Возсѣвъ на тронъ земной, душой пребудь весь въ Богѣ,
Сердца всѣхъ подданныхъ имѣй въ твоемъ залогѣ;
Будь по законамъ строгъ, по милосердью благъ,
Для внѣшнихъ лишь враговъ да будетъ мечъ твой нагъ,
И ихъ не радуйся безъ винъ окровавленьемъ,
Чадъ наполняй уронъ чужихъ усыновленьемъ.
Не дѣлай перемѣнъ безъ крайнихъ въ царствѣ нуждъ,
Чтобъ только мудрымъ слыть: тщеславья мудрый чуждъ;
Законы, лишь смотри, чтобъ исполнялись строго:
Тотъ слабо царствуетъ, кто издаетъ ихъ много;
Твердѣютъ въ насъ они привычкою одной,
Примѣрами царей и вѣрою святой.
По человѣчеству прощай, гдѣ только должно,
На добродѣтели всѣхъ поощряй, какъ можно;
Обзорчивъ будь во всемъ, стремителенъ ни въ чемъ.
Вотъ, сынъ, чтó я тебѣ передъ моимъ концомъ
По долгу родшаго, по былямъ завѣщаю.
Богъ видитъ, сколько благъ Россіи я желаю.

МАРІЯ.

Престань крушить дѣтей, любезнѣйшій супругъ,
И умиленіе терзаетъ сильно духъ;
Возвергнемъ всю печаль на Промыслъ лучше вѣчный
И, передъ нимъ проливъ вздыханія сердечны,
Помолимся теперь.

ТЕМНЫЙ.

(Марія и дѣти становятся на колѣни; а Реполъ, стоя въ сторонѣ опершись на копье, плачетъ.)

Зри, Боже! предъ Собой
Не князя, не царя; но тлѣнъ, покрытый тмой.
Наполненъ гнусныхъ дѣлъ, щедротъ Твоихъ не стою
И въ вѣчности не жду желаннаго покою,
Когда не озаришь меня лучомъ Твоимъ,
Суда не изречешь по слабостямъ моимъ.
За кровь въ войнахъ людей, за слезы проліянны,
Безъ милосердія не мсти сердецъ за раны,

Digitized by Google

И гнѣва Твоего не умножай фіялъ,
Чтó за меня на мой народъ Ты низліялъ;
Но добрыхъ дѣлъ его когда я былъ виною,
На Россахъ утвердись ввѣкъ милостью одною.
Раскаянье мое, стенанія внуши
И брата моего свирѣпство утиши;
Но коль ужъ надо мной виситъ ударъ взнесенный,
Да будутъ сироты мои Тобой призрѣнны,
Да мать моя, жена примѣръ благихъ царицъ,
Какъ раннихъ, позднихъ зарь блескъ не прейдутъ зарницъ.

МАРІЯ.

(*Поднимая Темнаго вмѣстѣ съ дѣтьми*)

Возстань, драгой супругъ!

ЮРІЙ.

Возстань, драгой родитель!

ІОАННЪ.

Мы зримъ, и при концѣ ты нашъ благотворитель.

ТЕМНЫЙ.

(*Возставъ и преклоня къ себѣ главы дѣтей, воздѣваетъ къ небу руки.*)

О Боже! силъ Творецъ, Богъ вѣчный и святый!
Пріосѣни Своимъ ихъ свѣтлымъ кровомъ Ты,
Да во одномъ Тебѣ имѣютъ ихъ отраду, —
Тобой царятъ цари и сильны пишутъ правду, —
Пролей на нихъ Свой свѣтъ, духъ разума, духъ силъ,
Чтобъ въ бурной жизни сей лишь Ты ихъ кормчій былъ.
Да вѣдаютъ они, что всѣ земны владыки
Славны, блистательны, премудры и велики
Бываютъ лишь однимъ пособіемъ Твоимъ,
Когда послѣдуютъ заповѣдямъ святымъ.

РЕПОЛЪ.

(*Съ удивленіемъ смотря на Темнаго.*)

О сладостный позоръ, ужасный и любезный!
Какъ предъ Всевышнимъ царь раскаянья токъ слезный,
О слабостяхъ своихъ крушившися, ліетъ
И отъ Него себѣ и царству благъ всѣхъ ждетъ!
Великъ, несчастьемъ кто исправиться умѣетъ!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Шига.

ШИГА.

Державный князь на васъ грозою пламенѣетъ,
И ваше мнѣ велѣлъ свиданіе пресѣчь,
А сына старшаго къ нему во Угличъ влечъ;
Другихъ же, Реполъ, ты въ оковахъ разномѣстно
Всѣхъ разсадя, стереги, поколь на нихъ безчестно
Желѣзомъ не блеснетъ каранье палачей.

МАРІЯ.

Ахъ! сжальтесь, варвары, надъ горестью моей,
И дайте намъ еще минуту на прощанье
Съ любезными; увы!...

(Падаетъ дѣтямъ на руки.)

ЮРІЙ.

На слезное лобзанье.

ІОАННЪ.

Дозвольте, изверги! — да вмѣстѣ всѣ умремъ

(Обнимаются всѣ.)

РЕПОЛЪ.

Мы волѣ быть царя противны не дерзнемъ:
Покорствуйте его немедленно велѣнью.
Кому ужъ васъ спасать? предайтесь Провидѣнью.

ШИГА.

(Іоанна взявъ подъ руку.)

Ступай!

ІОАННЪ.

Какъ смѣетъ рабъ владыкѣ повелѣть?
Отъ свѣтлости порфиръ должна и злость блѣднѣть.

РЕПОЛЪ.

(Темному.)

Иди, несчастный князь, и не внимай ты сыну,
Упорствомъ вашу онъ не облегчитъ судьбину.

ІОАННЪ.

Пощады не прошу, не дорожу ничѣмъ.

РЕПОЛЪ.

(Темному.)

Иди.

Digitized by Google

ТЕМНЫЙ.

(Простирая руки.)

Куда идти?

ШИГА.

На казнь твою.

ТЕМНЫЙ.

Пойдемъ.

(Уводятъ: Реполъ Темнаго, а Шига Іоанна.)

МАРІЯ.

(Вслѣдъ имъ.)

О горестнѣйшій часъ! о скорбь неизреченна!
Съ супругомъ и съ дѣтьми ввѣкъ стала разлученна.
Постойте, лютые! постойте хоть на часъ,
И дайте внять имъ мой послѣдній смертный гласъ.
Но, ахъ! ужъ моему не внемлете вы плачу,
Не внемлете, что жизнь мою съ ихъ жизнью трачу.
Иль, стражи, вы хотя тронитесь мной!

(Къ стражамъ, ее ведущимъ.)

О! нѣтъ ни въ комъ тамъ чувствъ, гдѣ царствуетъ царь злой.

(Уводятъ всѣхъ въ разныя стороны.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На театрѣ ночь. Шемяка, Ощеря, Стрига, Русалко, Руно, Бобръ, Ладья и Драница.

ШЕМЯКА.

Сынъ князя Темнаго — безстрашное отродье:
Отъ Шиги убѣжалъ, чрезъ старческо пособье.
Народная притомъ разносится молва,
Что двинулась сюда съ боярами Москва,
И съ ними разныя иноплеменны войски.
Готовьтеся, друзья, на подвиги геройски.
Опасность ближится, ужасный спѣетъ часъ,
И опыты еще мнѣ надобны отъ васъ.
Не скрою я того, что слабымъ исполненьемъ
Вы словъ моихъ, мой духъ смутили подозрѣньемъ:
Когда повелѣвалъ, не двигалися вы;
Какъ гнѣвомъ я кипѣлъ, склоняли внизъ главы.

Digitized by Google

Но вспомните, что ужъ и Угличъ сей бунтуетъ
И вся на насъ вездѣ Россія негодуетъ.
Такъ если не моя, то ваша жизнь и честь
Велитъ со мною вамъ идти вобще на смерть,
Велитъ противъ всего безстрашно ополчаться,
Коль не хотите вѣкъ въ презрѣніи остаться.
Неробкій и злодѣй потомства славу жнетъ,
Лишь громъ одинъ дивитъ и устрашаетъ свѣтъ.
На князя зрите вы. — Се я не ужасаюсь:
Чѣмъ больше бѣдствіе, тѣмъ больше ободряюсь.
Награда будетъ вамъ съ заслугою равна,
Съ послѣдней прежняя со лихвой воздана,
Которыми поднесь претило безпокойство
Почтить отличныхъ въ васъ усердье и геройство.
При всемъ томъ вѣдайте, что сонмъ васъ вкругъ враговъ;
Отважить не хочу въ бой вашихъ въявь головъ.
Но полночь какъ придетъ, то спѣшно, сколько можно,
Стопами тихими, безмолвно, осторожно,
Сведите плѣнниковъ сюда изъ разныхъ мѣстъ
И всѣхъ казните ихъ подъ взоромъ блѣдныхъ звѣздъ;
Дабы до солнца намъ, до вражеска прихода,
Окончить разомъ брань и бунтъ смирить народа.
Потомъ вамъ нужно огнь разсѣять средь лѣсовъ,
Пролиту вспепелить изгнанна князя кровь
И тѣмъ остановить противныхъ наступленье.
Вотъ, вѣрные друзья, вамъ сердца изреченье,
Мысль къ благу вашему и купно моему,
Чѣмъ разженемъ на насъ стремящихся золъ тьму.
Откройтесь искренно, готовы ль къ сей отвагѣ,
И какъ поступите?

ОЩЕРЯ.

(*Прерывисто.*)

По истинной присягѣ.

ШЕМЯКА

(*Вполголоса, сухо.*)

Идите жъ мой принять отъ Репола приказъ.
Ему распорядить я повелѣлъ всѣхъ васъ.

(*Начальники уходятъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

ШЕМЯКА.

(*Одинъ.*)

Какъ молнья сей двойной отвѣтъ проникъ мнѣ кости!
Отъ доброй онъ души, или онъ былъ отъ злости?
Присяга истинна Василью, или мнѣ?
Въ наполненной себя туманомъ зрю странѣ.
Ужель въ сердцахъ рабовъ раскаянье родилось
И рвенье брату вновь служить въ нихъ обновилось?
О нѣтъ! во мрачну ночь неосторожный шагъ
Кого низринулъ въ ровъ, и солнца при лучахъ
Не скоро выйдетъ тотъ на прежнюю дорогу:
Въ сѣть нужно заманить одну звѣрину ногу.
Но еслибъ на меня и вздумали возстать, —
Засада тайная готова ихъ обнять.
По свѣточу они сквозь мракъ мой вознесенну,
Увидятъ вмигъ свою судьбину премѣненну.
Узрю и я сейчасъ, чтó Реполъ принесетъ.
Свершилъ ли мой приказъ? — но вотъ и онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Шемяка и Реполъ.

РЕПОЛЪ.

Исполнилъ, государь, твои распоряженья:
Возвысилъ зáсѣки, древесны огражденья
Вкругъ стражей укрѣпя, пресѣкъ проходъ врагамъ,
И узниковъ твоихъ по скрытнѣйшимъ мѣстамъ
Развелъ и разсадилъ. — Свирѣпостью же Шиги
Они повержены въ несносныя вериги,
Что съ нуждою едва возмогутъ и дыхать,
Стирать токъ слезъ съ ланитъ, съ свободою стенать, —
И привезенная въ заклепахъ тожъ Софія.

ШЕМЯКА.

Но чтó же говоритъ несклонная Марія?

РЕПОЛЪ.

Шлетъ къ небу жалобы.

ШЕМЯКА.

А братъ мой чтó?

Digitized by Google

РЕПОЛЪ.

Онъ рекъ:
На чувства смотритъ Богъ, на дѣйства — человѣкъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ въ грудь твою вползло коварство злое,
Онъ мнитъ, не вѣдаешь, что ты творишь дурное,
И что не виненъ онъ ни въ чемъ передъ тобой.

ШЕМЯКА.

Пусть такъ.

РЕПОЛЪ.

Не вѣдаешь, что рокъ премѣненъ злой.

ШЕМЯКА.

Всегда на сторонѣ коварно сильныхъ счастье.

(*Бьетъ 12 часовъ.*)

Се часъ. — Иди, веди.

РЕПОЛЪ.

(*Уходя, въ сторону.*)

Съ россійскихъ странъ ненастье,
О Боже! отврати и насъ спаси отъ бѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ШЕМЯКА.

(*Одинъ, въ ужасѣ оглядывается.*)

Ушелъ, иль возражать онъ мнѣ назадъ идетъ?
Нѣтъ! шопотъ листьевъ, шумъ, скрыпъ, шорохъ, древъ то трески,
Сверкающихъ огней зрю синихъ, красныхъ блески.
Не демоны ли то, или стада звѣрей
Обходятъ вкругъ меня, льютъ пламя изъ очей?
Софіи, брата, чадъ, Маріи вижу взоры,
Творятъ святители, бояры мнѣ укоры,
Что я невинныхъ жертвъ влеку сюда на смерть.
Шемяка! мнѣ кричатъ: стой, стой! какъ могъ ты смѣть
На брата возставать? — Но что, ужъ мѣдь звеняща
Рокъ провѣщала ихъ.

(*Отъ хижины показывается смертная церемонія.*)

Идетъ толпа блестяща!
Ряды зрю гробныхъ свѣчъ! какъ удержу сей ходъ?
Какъ взять мнѣ мой указъ? — Стыдъ, стыдъ, — нѣтъ, пусть идетъ,
Лишь уклонюсь отъ нихъ подъ свѣсъ древесный скромно,

Digitized by Google

Чтобъ разговоръ ихъ внять возмогъ я весь свободно.
Предъ смертью, можетъ быть, другъ другу объявятъ,
Гдѣ можно отыскать ихъ сокровенный кладъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Шемяка за деревьями, Темный, Марія, Юрій, Софія въ цѣпяхъ съ завязанными глазами, въ бѣлыхъ присмертныхъ одеждахъ, препровожденные Реполомъ, Ощерей, Стригой, Русалкомъ, Руномъ, Бобромъ, Ладьей, Драницей, палачами и множествомъ воиновъ, изъ коихъ послѣдніе, одни несутъ на плечахъ плахи съ воткнутыми топорами, другіе же въ лѣвыхъ рукахъ — блѣдно-свѣтящіеся факелы, а въ правыхъ обнаженные мечи, наклоня на себя; плахи кладутъ посрединѣ, узниковъ ставятъ подъ сверкающими мечами по сторонамъ, вдали, за деревьями. Темнаго одного выводятъ на сцену.

ТЕМНЫЙ.

(*Осязая вкругъ руками.*)

Гдѣ я? чтó пустоту одну вкругъ ощущаю?
Ни стражей, ни родныхъ глагола не внимаю.
Уже не мертвъ ли я? — Гдѣ блескъ превѣчныхъ зарь?
Ахъ! нѣтъ, — есть Богъ. Онъ зритъ, слѣпой какъ плачетъ царь;
Зритъ, какъ раскаялся въ своихъ онъ заблужденьяхъ;
Но не въ злодѣйственныхъ однако преступленьяхъ.
Онъ зритъ, — и милосердъ ко слабымъ смертнымъ Онъ.

(*Слышны отъ Темнаго, Маріи и Юрія вопль, плачъ и стонъ.*)

Но чтó? вкругъ звукъ цѣпей внимаю, плачъ и стонъ?

МАРІЯ.

(*Вдали за деревьями.*)

Ахъ! бѣдный мой супругъ, тамъ мать, тамъ сынъ стенаетъ.

СОФІЯ.

(*Тоже.*)

О сынъ! гдѣ ты? твой гласъ мнѣ сердце раздираетъ.

ЮРІЙ.

(*Тоже.*)

Увы! гдѣ вы, гдѣ, гдѣ родитель мой и мать?

ТЕМНЫЙ.

Придите, милые, скорѣй меня обнять.

СОФІЯ.

О варваръ злой!

МАРІЯ.

Подай хоть малую отраду.
Почтó томишь насъ такъ?

Digitized by Google

ТЕМНЫЙ.

Услышь всю нашу правду
И стоны бѣднаго, несчастнаго отца,
Супруговъ, сына, ахъ! и царственна слѣпца.

(*Тутъ снимаютъ съ нихъ повязки.*)

МАРІЯ, СОФІЯ И ЮРІЙ.

(*Увидя и Темнаго, всѣ вдругъ.*)

Увы! что̀ видимъ мы!

СОФІЯ.

(*Бредетъ къ нему тихо, а прочіе, съ рыданіемъ прибѣгая, молча обнимаютъ.*)

Въ какомъ ты состояньи?
Въ какомъ, любезный сынъ, несчастьи и страданьи?
Какому варвару и звѣрю должно быть,
Чтобы, отнявъ твой тронъ, и свѣтъ твой помрачить!

МАРІЯ.

Драгой супругъ!

ЮРІЙ.

Отецъ!

СОФІЯ.

Почто̀, почто̀ отмщенье
Не въ силахъ мы излить?

МАРІЯ.

Къ чему то раздраженье,
Когда насъ муки, смерть готовы ужъ терзать?

ТЕМНЫЙ.

(*Простирая руки къ Софіи.*)

И ты, о родша! здѣсь желаешь умирать!

СОФІЯ

Насильственно взята, быть не могла преслушна.

МАРІЯ.

Ужель рѣшилась быть ты столько малодушна,
Чтобъ препоясанье Шемякѣ возвратить?

ТЕМНЫЙ.

Онъ жаждетъ лишь его и всѣмъ намъ смерть сулитъ.

СОФІЯ.

Не получили вы сего небесъ залогу?
Онъ посланъ мною къ вамъ.

ТЕМНЫЙ.

Нѣтъ.

Digitized by Google

МАРІЯ.

Гдѣ жъ онъ, гдѣ?

СОФІЯ.

Дорогу
Такъ войсками вокругъ Шемяка заперъ злой,
Что свитокъ не дошелъ...

(Увидя на сценѣ явившагося Шемяку, съ смятеніемъ.)

Иль нѣтъ, ковчегъ къ вамъ мой...

ШЕМЯКА.

(Появясь на сценѣ изъ-за деревьевъ.)

Вотще уже своимъ сокровищемъ вамъ льститься.
Завременно вамъ съ нимъ даю совѣтъ проститься.
Мое оно, мое, у войновъ коль моихъ,
И скоро возблеститъ на чреслахъ князя сихъ.
Чтó льститесь имъ? —

МАРІЯ.

Злодѣй! такъ намъ ругаться смѣешь?
Знать, сердце каменно, желѣзно ты имѣешь.
А мнѣ еще любви своей являлъ ты знакъ,
И дерзко предлагалъ при жизни мужа бракъ.
Ахъ! еслибъ на сію я гнусность согласилась,
Я крокодила бы душою заразилась!
Умѣла бы, какъ ты, притворно слезы лить,
Всю кровь изъ жертвъ моихъ, какъ ты, мгновенно пить;
Зловоній вслѣдъ за мной струились бы потоки,
Мрачили издали мои бы всѣхъ пороки;
Подобный лютостью тебѣ была бъ я звѣрь —
На свѣтъ злодѣйствій всѣхъ исходище и дверь.
Земля подъ мной тряслась, надъ мной бы твердь пылала!
Такъ, такъ, коль сердце бы съ твоимъ дѣлить я стала.
Но знай, что злобу месть небесная найдетъ, —
Громъ на главу твою незапный упадетъ.

СОФІЯ.

Всѣ нечестивыя разсѣются мечтанья
И будутъ горестьми твои всѣ упованья;
Не долго ты престолъ удержишь подъ собой,
Въ змѣиное гнѣздо домъ превратится твой.
Слѣдъ будетъ поползкомъ твой аспида казаться,
Шемякинымъ судомъ всякъ будетъ устрашаться;

Digitized by Google

Такъ знай, что мой отецъ къ спасенью насъ летитъ,
Лѣсъ копьевъ Витовта вмигъ лѣсъ сей окружитъ.
Не уйдешь, лютый волкъ, ты изъ сего засада.

ТЕМНЫЙ.

Повѣрь, братъ, истина, не злоба, не досада
Тебѣ чрезъ нихъ гласитъ. — Богъ правды будетъ мстить.

ШЕМЯКА.

Не можешь ты, слѣпецъ, ни въ чемъ меня винить,
Не можешь угрожать перунами мнѣ неба
И примѣнять къ себѣ рокъ жалкій, слезный Глѣба.
Тронъ не хищеньемъ твой себѣ я притязалъ:
Ты неспособенъ былъ, народъ его мнѣ далъ.
Но если хочешь ты, предай себя отчету,
Невинности твоей представь доводы свѣту:
Ты дядины права къ престолу пренебрегъ,
Обручницу мою себѣ во бракъ увлекъ;
Ты вѣру постыдилъ нечестьемъ христіанску,
Что во Орду ходилъ къ сужденью мусульманску.
И, словомъ, многими дѣяньми ты навлекъ
На Русску землю стыдъ. — Чтó скажешь мнѣ?

ТЕМНЫЙ.

(*Тихо.*)

Ты рекъ...

ШЕМЯКА.

Признайся же и въ томъ, что къ скиптру неспособенъ;
Но только буйственъ, гордъ.

ТЕМПЫЙ.

Тебѣ я не подобенъ.
Но еслибъ гордостью тщеславиться хотѣлъ,
Отецъ бы твой коня въ Ордѣ подъ мною велъ;
Но я обряда толь кичлива уклонился
И по желанью лишь султана воцарился.

ШЕМЯКА.

А мнѣ бразды народъ мой на себя самъ далъ,
Такъ право ль присвоялъ себѣ ты тронъ?

ТЕМНЫЙ.

Мечталъ.

МАРІЯ.

Не хитростью онъ былъ, наслѣдствомъ, на престолѣ.

Digitized by Google

ШЕМЯКА.

Тѣмъ хитрость не нужна, чьей все покорно волѣ.

СОФІЯ.

Но ты его права чѣмъ вздумалъ отрицать?
Забылъ, что ты его двоюродный лишь братъ;
Что дядя твой, супругъ мой, смертнымъ завѣщаньемъ
Отца лишь твоего велѣлъ подъ надзираньемъ
Быть сыну моему, отдавъ ему свой тронъ;
А ты все презрѣлъ то, чтó узаконилъ онъ,
И началъ доходить пронырствами наслѣдства.
О, сколько причинилъ ты тѣмъ въ Россіи бѣдства!
Нельзя то описать, нельзя то перечесть.
Такъ виненъ ли твой братъ, что блюлъ свой тронъ и честь?
И мой небрегъ ты санъ, ни пола, ни сѣдины,
Чрезъ горы мчалъ меня, чрезъ блата, чрезъ трясины,
Чтобъ, въ ужасѣ всегда державъ въ рукахъ своихъ,
Достигнуть чрезъ меня намѣреній твоихъ.
И, словомъ, какъ тебя оправить ни хотѣли,
Безсовѣстно своей ты домогался цѣли,
Безбóжно пролилъ кровь, безчестно пренебрегъ
Священны всѣ права.

МАРІЯ.

(*Плача и указывая на Темнаго*)

У брата взоръ исторгъ.

ШЕМЯКА.

Желаньямъ низкихъ душъ когда гдѣ неудача,
Всегда винятъ другихъ средь безполезна плача.
Но знай, слѣпецъ себя чрезъ чтó теперь спасетъ:
Расторгни бракъ съ женой, на тронъ дай право.

ТЕМНЫЙ.

Нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, — Держава и Шига. — Первый съ одной стороны, испуганный, а другой съ противной, въ радости, поспѣшно вбѣгаетъ. — Вдали видны вспышки пламени.

ДЕРЖАВА.

(*Пробѣгая чрезъ театръ.*)

Пожаръ, пожаръ въ лѣсу! — о горе! помогите.
Отецъ мой, князь младой сгараютъ. Ахъ, спасите!

Digitized by Google

ШИГА.
(Шемякѣ.)
Разбитъ Софіинъ скарбъ, Татарами плѣненъ;
Ковчегъ лишь сей златой съ сокровищемъ спасенъ.
Зри надпись, государь, на немъ коль знаменита.

ШЕМЯКА.
(Принявъ золотую коробочку, читаетъ на ней надпись.)
«Здѣсь утварь княжеска священная сокрыта,
«Казнохранителемъ мнѣ прислана съ Москвы».

ТЕМНЫЙ.
Мой сынъ погибъ! Чреслецъ!...

МАРІЯ.
О злая вѣсть, увы!

ШЕМЯКА.
(Съ восторгомъ хочетъ сломить печать на коробочкѣ.)
Вашъ здѣсь клейнодъ?

ШИГА.
Стой, князь! печать вскрой всенародно,
Спрося у Витовны: ея ль? или безплодно
Мы трату обрѣли, какъ тутъ какой подлогъ...
(Слышенъ бой въ бубны.)
Громъ слышу бубновъ.

ШЕМЯКА.
Ахъ, бѣги! — се знакъ тревогъ.
(Шига уходитъ и съ нимъ нѣсколько воиновъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же кромѣ Шиги.

ШЕМЯКА.
(Поднявъ рукою вверхъ коробочку.)
Мое здѣсь торжество, а ваше униженье!

МАРІЯ.
О небо!

ЮРІЙ.
Ахъ!

ТЕМНЫЙ.
Творецъ!

СОФІЯ.
(Про себя.)
Подай ты имъ терпѣнье!

Digitized by Google

МАРІЯ.

Свершилась, наконецъ, свирѣпа наша часть;
У хищника въ рукахъ теперь надъ нами власть.
Мы все теперь, супругъ любезный, потеряли,
Желанья наши всѣ, утѣхи миновали;
Лишенъ ты трона, глазъ, лишилась сына я,
Лишился весь вашъ родъ надежды своея;

СОФІЯ.

Какою горестью и я чрезъ васъ сраженна!
При старости моей, ахъ! чѣмъ я сокрушенна!
Лишилась внука я, — въ цѣпяхъ заключена;
Несчастнѣй изъ царицъ кто въ свѣтѣ есть меня?

МАРІЯ

(*Шемякѣ.*)

Какимъ пронырствомъ ты на тронъ нашъ возгнѣздился?
Какими хитростьми на ономъ утвердился,
Какъ въ руки ты свои сей скрынъ достать возмогъ?

ШЕМЯКА.

Вы видите, что мнѣ самъ побораетъ Богъ,
Враждебный мнѣ вашъ сынъ истнился въ пламѣ яромъ.

ТЕМНЫЙ.

Какимъ несноснѣйшимъ я пораженъ ударомъ!
Нѣтъ силъ уже сносить. — О сынъ мой, Іоаннъ!
Ты былъ мнѣ отъ небесъ одинъ цѣлитель ранъ.

МАРІЯ.

Въ тебѣ была моя утѣха, упованье.

СОФІЯ.

Ты страсти моея былъ жезлъ и поддержанье.

МАРІЯ.

Гдѣ сынъ мой?

СОФІЯ.

Гдѣ мой внукъ?

ЮРІЙ.

Гдѣ мой любезный братъ?

ШЕМЯКА.

Уже вамъ плачъ и стонъ его не возвратятъ.
Чреслецъ сей не спасетъ васъ въ неизбѣжной долѣ.

(*Темному.*)

Супругу и престолъ моей пожертвуй волѣ
Иль будь готовъ на смерть.

Digitized by Google

СОФІЯ.

(*Обнявъ Темнаго, а Марія — Юрія.*)

Всѣхъ, всѣхъ насъ.

ТЕМНЫЙ.

Я готовъ.

ШЕМЯКА.

(*Воеводамъ.*)

Сей мигъ на плахи ихъ!

ОЩЕРЯ.

(*И всѣ прочіе, упадши на колѣни, преклоня головы и мечи оборотя рукоятками, подаютъ Шемякѣ.*)

Пролей всю нашу кровь.
Главы свои кладемъ мы подъ сѣкиры купно,
Но не простремъ своихъ рукъ на царя преступно,
И той вины своей не можемъ заслужить,
Что на тебя его дерзнули промѣнить.

(*Указывая на Темнаго.*)

ШЕМЯКА.

(*Реполу.*)

Чтó вижу, бунтъ?

ТЕМНЫЙ.

(*Простирая руки къ Шемякѣ.*)

Мой братъ!

РЕПОЛЪ.

(*Шемякѣ.*)

Нѣтъ, государь, напрасно
Ихъ такъ поносишь ты. — Они подобострастно
Усердья своего тебѣ являютъ знакъ,
Чтобъ не слѣпилъ тебя братоубійства мракъ.

ШЕМЯКА.

(*Съ яростью.*)

Противъ меня возстать, крамольники, хотите?

(*Схватываетъ у одного воина свѣточъ и возвышаетъ.*)

Се свѣточъ мой: скорѣй, засадные, спѣшите,
И поражайте всѣхъ мятежниковъ сихъ злыхъ.

ВСѢ ВОЖДИ.

(*Не приподнимая головъ.*)

Карай!

ОЩЕРЯ.

Но братомъ рукъ не обагряй твоихъ.

Digitized by Google

РЕПОЛЪ.

Не долженъ гнѣваться царь на вельможъ за правду,
Иль низкихъ душъ въ совѣтъ свой звать лишь для обряду.
Василью прежде мы клялися, чѣмъ тебѣ.

ШЕМЯКА.

Предатели, рабы, служащи лишь себѣ
Премѣною князей!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, и по свѣточу, возвышенному Шемякою на колокольнѣ, возжигается маякъ; слышенъ колокольный набатъ, а въ бубны тревога. — Являются войски: сперва Шемяки изъ засады, предводимыя Шигою; а нѣсколько спустя, Темнаго, состоящія изъ Татаръ, Поляковъ и Русскихъ, которые окружаютъ первыхъ, предводимы будучи облеченнымъ въ воинскіе доспѣхи Іоанномъ; за ними Дума московскихъ бояръ, несущая на золотыхъ блюдахъ княжескую порфиру, бармы, корону, скиптръ и поясъ въ свиткѣ бумажномъ, онизанный дорогими каменьями. Ими предводительствуетъ Багримъ. Народъ сбѣгается съ зажженною лучиною со всѣхъ сторонъ. Воеводы встаютъ. Плахи уносятся.

ШИГА.

(*Съ поспѣшностью, въ замѣшательствѣ.*)

О государь! ужасно
Намъ бѣдствіе грозитъ, вкругъ воинство престрашно
Враговъ насъ обошло. — Царевичъ Іоаннъ,
Который, мнили мы, въ лѣсу огнемъ пожранъ,
Убѣгши отъ меня съ пустынникомъ обманомъ,
Скрывъ слѣдъ свой, лѣсъ зажегъ. — И се, вождя вдругъ саномъ
Облекшись, рать привелъ.

ШЕМЯКА.

О, коль свирѣпъ мнѣ рокъ!
Но буду я врагамъ не такъ въ бою легокъ.
О храбры воины, Литва и мусульманы
И къ вѣрѣ русскіе усердны христіаны!
Оставьте рать слѣпца и зрите, что залогъ
Въ моихъ уже рукахъ, чѣмъ страшенъ въ браняхъ Богъ.

(*Показываетъ коробочку.*)

РЕПОЛЪ.

Яви его и зри ты наше поклоненье.

ШЕМЯКА.

(*Подошедъ къ Софіи.*)

Твое ль, Софія, здѣсь на скрынѣ печатлѣнье?

Digitized by Google

СОФІЯ.

Мое.

БАГРИМЪ.

(Шемякѣ.)

Открой.

ШЕМЯКА.

(Оторвавъ печать и вскрывъ коробочку.)

Чтó! иль въ очахъ моихъ темно?
Сокровища здѣсь нѣтъ!

БАГРИМЪ.

(Указывая на блюдо, боярами держимое.)

Въ рукахъ бояръ оно.

СОФІЯ.

(Указывая на свитокъ.)

Его спасть отъ тебя, я лесть употребила,
Таинственно въ Москву въ семъ свиткѣ проводила;
Ковчегъ же сей дала я стражѣ подъ призоръ,

(Указывая на ковчегъ.)

Чтобъ обольстить ея златой корыстью взоръ.

ШЕМЯКА.

О хитрая жена!

ІОАННЪ.

Нѣтъ нужды, кто хитрѣе;
Поди и испытай, чей мечъ у насъ острѣе.

ШЕМЯКА.

Продерзкое дитя! се твой молчитъ отецъ,
А ты оспаривать дерзаешь мой вѣнецъ.
О Шига ревностный! о воины усердны!
Разите, — се враги!

(Войски уставляютъ другъ на друга копья.)

БАГРИМЪ.

(Выступя впередъ.)

Постой! доколѣ вредны
Между князей войны и злой кипитъ раздоръ?
Доколь убійственный и смертный вамъ позоръ
Являть, цари, друзья и братія сокровны,
Преобращая міръ въ пустыни безприкровны?
Воспомните, князья, воспомните, кто вы:
Вы надъ народами верховныя главы, —
Вашъ долгъ есть сѣять миръ, рвать терны изъ пшеницы.

Digitized by Google

А вы, вы сдѣлались дѣтей своихъ убійцы,
И первые вожди къ порокамъ стали злымъ!
Шемяка! устыдись вѣщаніемъ моимъ!
И не прими мое усердіе въ досаду:
Тотъ истинно великъ, кто любитъ слушать правду.
О, такъ! коль ты премудръ, улику возлюби;
Но буйственъ если ты, виновенъ я, — губи.

(Шемяка при сихъ словахъ трепещетъ. Воины копья ставятъ къ ногѣ.)

ШЕМЯКА.

Дрожу!

ТЕМНЫЙ.

Познай, о братъ! днесь правый судъ Господень.

МАРІЯ.

Щади кровь подданныхъ...

СОФІЯ.

Когда ты благороденъ!

БАГРИМЪ.

(Вынявъ изъ свитка поясъ, препоясываетъ Темнаго, а бояре на него, на Марію и на Юрія надѣваютъ порфиры и подносятъ регаліи.)

Небесной силою опрепояшься, князь.

ШЕМЯКА.

Вы брату предались?

ТЕМНЫЙ.

Шемяка есть у васъ.

РЕПОЛЪ.

Лишенъ тѣлесныхъ глазъ, но зрящь души очами,
По опытамъ ставъ мудръ, правь по законамъ нами.

ТЕМНЫЙ.

Я не способенъ, слабъ.

ІОАННЪ.

Внуши всѣхъ гласъ сердецъ.

РЕПОЛЪ.

(Онъ и бояре, упадая на колѣни.)

Съ слезами просимъ, — будь, какъ былъ ты, нашъ отецъ.

ШЕМЯКА.

(Въ ярости.)

Какъ! больше я не князь? О мука душъ надменныхъ!
Предъ мною ползавшихъ, днесь вижу вознесенныхъ.

Digitized by Google

Но чтó? я живъ! при мнѣ мой мечъ.
(*Бросившись на Темнаго, схватываетъ его за воротъ.*)
Братъ, отрекись
Отъ всѣхъ ты правъ своихъ иль самъ съ собой простись.
(*Іоанну.*)
А ты лишь только шагъ, — узришь отца трупъ мертвый.

СОФІЯ.

О громъ небесъ!

МАРІЯ.

Спаси!

ІОАННЪ.

Какой, звѣрь, алчешь жертвы?
Вѣнчанную главу и въ бѣдствьи чтить умѣй.
Я сынъ его, зри мечъ...
(*Которымъ грозитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Держава, выбѣгая вдругъ изъ-за деревьевъ, выхватываетъ у Шемяки мечъ.

ДЕРЖАВА.

Се обезъяденъ змѣй.
(*Относитъ Іоанну, который вкладываетъ свой въ ножны.*)

ШИГА.

(*Шемякѣ.*)
Вотъ до чего тебя твои всѣ подозрѣнья
И хитрость довели.

ШЕМЯКА.

(Въ *бѣшенствѣ.*)
И ты мнѣ укоренья
Осмѣлился творить, о льстецъ страстей моихъ!
Но если въ вѣчности духовъ соборы злыхъ
Другъ друга въ ярости грызеньемъ истязуютъ,
Какъ зубы на тебѣ мои восторжествуютъ!
(*Скрежещетъ зубами.*)
Отмщу тебѣ, отмщу! — О мрачный тартаръ! адъ!
Чтó вашихъ нѣтъ здѣсь силъ со мной?

ТЕМНЫЙ.

(*Шемякѣ.*)
Кому, мой братъ,
Желаешь мстить, не мнѣ ль, твое что отнялъ царство?

ІОАННЪ.

(Хочетъ умертвить Шемяку.)

Его жъ орудіемъ препну его коварство.

ТЕМНЫЙ.

Жалѣй несчастнаго. — Дай мечъ ему назадъ.

(Подставляетъ грудь Шемякѣ.)

Возьми и поражай: вотъ грудь моя, мой братъ.
Владѣй Россіей, коль ей дать блаженство можешь,
Иль мнѣ повѣрь, что тѣнь того ты блага ловишь,
Которымъ Богъ души твоей не ублажилъ.

ШЕМЯКА.

(Принимая мечъ отъ Іоанна, роняетъ.)

Великодушіемъ меня ты побѣдилъ.

ТЕМНЫЙ.

(Обнимая Шемяку.)

Будь братъ по прежнему; во всемъ тебя прощаю.

ШИГА.

(Поднявъ мечъ и отдавая Шемякѣ.)

Пріими твой мечъ.

ШЕМЯКА.

(Принявъ.)

Подай, да жизнь скончаю,
Для блага общаго, злодѣйскихъ двухъ сердецъ.

(Закалаетъ Шигу и себя.)

БАГРИМЪ.

Тирановъ и льстецовъ достойнѣйшій конецъ!

Digitized by Google

АТАБАЛИБО,

или

РАЗРУШЕНІЕ ПЕРУАНСКОЙ ИМПЕРІИ,

ТРАГЕДІЯ СЪ ХОРАМИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Атабалибо, императоръ перуанскій.
Гуака, сестра его и супруга.
Капиллана, дочь его младая, вдова послѣ Кацика, любовница Пизара.
Пизаръ, адмиралъ гишпанскій.
Фернандъ, } его братья; первый изъ нихъ держитъ сторону
Гонзальвъ, } де Кастра, а второй Пизара.
Бако де Кастро, скрытый ценсоръ и послѣ вицерой.
Кацики, князья крови.
Жрецы, }
Юноши, } въ хорахъ.
Дѣвы солнца, }
Войски гишпанскія и перуанскія.

Дѣйствіе въ городѣ Куско, въ столицѣ перуанской.

АТАБАЛИБО[1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ большую пріемную залу императора перуанскаго, американскими драгоцѣнностями украшенную. Посреди, на разноцвѣтно-узор-

[1] Покойный С. Т. Аксаковъ въ своей статьѣ: *Знакомство съ Державинымъ (Сем. Хр. и Восп.*, М. 1856, стр. 381—383) называетъ эту трагедію въ числѣ пьесъ, читанныхъ имъ вслухъ у автора, и говоритъ по этому поводу: «*Аталиба**, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ хорами и велико-

* Въ извѣстномъ сочиненіи Мармонтеля: *Инки*, переведенномъ Маріею Сушковою (изд. 1782 г.), также *Аталиба*, а не *Атабалиба*, какъ по-настоящему слѣдуетъ писать это имя.

Digitized by Google

ной рогожкѣ подъ балдахиномъ, унизаннымъ рѣдкихъ птицъ перьями, возвышаются полукружіемъ златотканыя подушки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Атабалибо и кацики, окруженные поодоль воинами, сидятъ на подушкахъ. Когда Фернандъ съ свитою своею входитъ, императоръ встаетъ, беретъ его за руки и сажаетъ подлѣ себя. Прочіе стоятъ: кацики по одной, а Гишпанцы по другой сторонѣ.

ФЕРНАНДЪ.

Свѣтлѣйшихъ Инковъ[2] кровь, сынъ Солнца лучезарна,
О ты, Гесперія кому вся благодарна
За дружбу, что отъ бурь далъ въ пристани покровъ

лѣпнымъ, неисполнимымъ на сценѣ спектаклемъ, была любимымъ его произведеніемъ. Въ ней главный эффектъ основывался на солнечномъ затменіи: Пизарро, захваченный въ плѣнъ Мексиканцами со всей свитою и въ оковахъ ожидающій казни, предсказываетъ потемнѣніе солнца, какъ знаменіе гнѣва небеснаго; солнце въ предписанную минуту помрачается (все это происходитъ на сценѣ), и побѣдители упадаютъ къ ногамъ побѣжденныхъ, освобождаютъ ихъ и признаютъ своими повелителями. Помню я изъ этой трагедіи одинъ стихъ, который цѣнился Державинымъ выше всего. Аталиба, упрекая Пизарро въ жадности къ золоту, говоритъ длинный монологъ, который оканчивается такъ:

Вы преплыли моря, расторгнувъ крови связь,
Чтобъ изъ-подъ нашихъ ногъ увезть блестящу грязь.

Можетъ-быть, я что-нибудь и перепуталъ въ первомъ стихѣ, но второй вѣренъ буквально.»

Послѣдній стихъ дѣйствительно находится въ 3-мъ явл. III-го акта (см. ниже стр. 427). Впрочемъ, въ бумагахъ Державина сохранились только первыя три дѣйствія этой трагедіи въ единственномъ спискѣ двухъ разныхъ почерковъ съ собственноручными поправками поэта. Не смотря на свидѣтельство Аксакова (который писалъ свои *Воспоминанія* уже въ старости), сомнительно, чтобы даже во время его знакомства съ Державинымъ существовала полная рукопись этой трагедіи: печатаемыя здѣсь три первыя дѣйствія носятъ на себѣ явные слѣды недоконченности, и при обиліи дошедшихъ до насъ редакцій всѣхъ другихъ драматическихъ сочиненій нашего поэта, нѣтъ основанія думать, чтобы только отъ этой трагедіи, которую онъ, по словамъ Аксакова, особенно цѣнилъ, уцѣлѣло не все написанное. Такъ какъ Аксаковъ видѣлся съ нимъ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, то возможно, что Державинъ именно тогда занимался этой пьесой и не успѣлъ кончить ея. Въ его *Запискахъ* (1812 г.) она не названа при исчисленіи драматическихъ его сочиненій и переводовъ и потому, во всякомъ случаѣ, должна принадлежать къ позднѣйшимъ его трудамъ.

[2] «Инка, или Инкъ, Солнце, царь, богъ, родоначальникъ перуанскій». Д. Собственно, это былъ титулъ перуанскихъ царей и принцевъ.

Digitized by Google

И у твоихъ спасть жизнь позволилъ береговъ!
Пизаръ, тотъ вождь, что здѣсь снесъ кораблекрушенье,
Днесь изъ отчизны вновь приплывъ въ твое владѣнье,
О здравьи, государь, велѣлъ спросить твоемъ
И о прибытіи дать вѣдомость своемъ;
Сказать и то, что зритъ себя онъ удивленнымъ,
Пріязни прежній видъ нашедши премѣненнымъ.
Усыпанъ стражей брегъ, стоитъ стѣной народъ
И тучи стрѣлъ, свистя, претятъ намъ въ пристань входъ,
Едва прибѣгъ мой чолнъ. — Повѣждь сему причину.

АТАБАЛИБО.

Пусть сердца своего вопроситъ онъ пучину.
Фернандъ! ты мнѣ знакомъ, ты человѣковъ другъ,
Надѣюсь, другъ и мнѣ. Открытъ тебѣ мой духъ.
Вы прежде были въ край сей бурей занесенны;
Почто же къ оному днесь волей приближенны?
Для торга, скажете, для царствъ взаимныхъ нуждъ.
И я бъ быть не хотѣлъ такихъ союзовъ чуждъ;
Но слышу, торгъ какой вели вы на востокѣ,
Какъ въ Гайти, въ Мексикѣ, плывя кровей въ потокѣ,
Вы собрали себѣ и злато и сребро;
А заплатили чѣмъ? Злодѣйствомъ за добро:
То можно ль мнѣ желать торговли сей прекрасной
И мой народъ подвлечь подъ жребій толь ужасный?
Безмездно златомъ вамъ наполню корабли;
Лишь отъ моей скорѣй сокройтеся земли.

ФЕРНАНДЪ.

Колумбъ, Кортецъ, Пизаръ другъ другу не примѣры.
Послѣднему изъ нихъ обидны строги мѣры.
Но вождь гишпанскаго царя и безъ торговъ
Имѣетъ нѣсколько собщить за тайну словъ.
Атабалибу зрѣть онъ долженъ непремѣнно:
Повѣрь, свиданіе сіе тебѣ не вредно.
Я при дворѣ твоемъ жилъ годъ уже назадъ;
Здѣсь въ пристани корабль починивалъ мой братъ,
И въ нашемъ никакихъ золъ не случилось станѣ.
Извѣстна наша жизнь царевнѣ Капилланѣ;
Ты самъ меня твоей чтилъ дружбой, государь.

Digitized by Google

АТАБАЛИБО.

Сомнѣнья нѣтъ въ тебѣ, — сомнителенъ Пизаръ.
Но какъ тебѣ онъ братъ? и знаемъ онъ царевной?

ФЕРНАНДЪ.

Да спроситъ Инка самъ у сей жены почтенной.

АТАБАЛИБО.

Иди, скажи вождю, что дамъ ему отвѣтъ.

(Фернандъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Атабалибо и кацики (садятся по прежнему).

АТАБАЛИБО.

Въ семъ случаѣ, князья, мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ.
Изъ отдаленныхъ странъ, чрезъ нѣсколько ужъ годы,
Народы чуждые заходятъ въ наши воды.
Крылаты ихъ суда, ихъ образъ, рѣчь и взглядъ
Отличны суть во всемъ отъ перуанскихъ чадъ.
Сіе въ столицѣ сей ужъ и по стогнамъ гласно,
Но дружество намъ ихъ едва ли не опасно.
Мы много бы могли занять отъ нихъ искусствъ;
Лишь прелести ихъ ядъ для нашихъ чувствъ.
Окромѣ что о нихъ несутся злые слухи,
Что жадны къ злату ихъ и алчны къ власти духи,
Имъ дай одно зерно, — они запросятъ горъ;
Призри ихъ въ бѣдности, — къ престолу мещутъ взоръ,
Несытыми бывъ ввѣкъ возможна въ свѣтѣ блага;
На все ихъ мечется и хитрость и отвага,
А только бъ угодить ихъ пагубнымъ страстямъ.
Я, словомъ, не хотѣлъ пустить сихъ львовъ къ овцамъ;
Но дочь моя, посолъ когда за нихъ поруки,
Нельзя мнѣ отказать, не причинивъ имъ скуки.
Вѣщайте: что творить?

1-Й КАЦИКЪ.

Жизнь наша — скучный сонъ.
Торговлей, роскошью бываетъ славенъ тронъ.

2-Й КАЦИКЪ.

Мы жили безъ торговъ, намъ сродны скромны нравы.

Digitized by Google

1-й кацикъ.

Науками достичь и въ браняхъ можемъ славы.

2-й кацикъ.

Увы! какое въ томъ намъ благо можетъ быть,
Чтобы умѣть себѣ подобныхъ лучше бить?

ЯВЛЕНІЕ III.

Атабалибо, кацики и Гуака (При входѣ ея всѣ встаютъ).

АТАБАЛИБО.

Гуака! въ сонмъ и ты пришла къ намъ совокупный.

ГУАКА.

Что, мой драгой супругъ, и вы, князья, такъ смутны?
Не чужеземцы ль васъ страшатъ изъ дальнихъ мѣстъ?

АТАБАЛИБО.

Хотя ужъ во второй здѣсь вижу ихъ пріѣздъ;
Но лицы бѣлыя, обросши чернымъ мохомъ!...

(*Содрогается.*)

ГУАКА.

(*Съ трепетомъ.*)

Не предреченны ль то народы Виракохомъ[3],
Что придутъ низложить свѣтлѣйшихъ Инковъ тронъ,
Насъ богу новому подвергнуть подъ законъ?
О горе намъ!

АТАБАЛИБО.

Престань преданіемъ смущаться.

ГУАКА.

Нельзя, мой другъ, нельзя новизнъ не устрашаться,
И какъ не вѣровать пророчьихъ гласу словъ?
Вели во храмъ тотчасъ собрать волхвовъ, жрецовъ
И, принеся богамъ народное моленье,
По жертвамъ предузнать судьбы сихъ странъ свершенье.
О горе!

[3] «Виракохъ — древній царь и пророкъ перуанскій, который предсказывалъ о разрушеніи ихъ монархіи и о введеніи новой вѣры отъ пришедшаго къ нимъ бѣлаго народа». Д.

Digitized by Google

АТАБАЛИБО.

(*Со вздохомъ.*)

Тщетенъ трудъ;

(*Къ касикамъ.*)

но сей свершить приказъ;
И да предстанетъ здѣсь царевна сей же часъ.

(*Касики уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Атабалибо и Гуака.

АТАБАЛИБО.

(*Съ нѣжностью.*)

О свѣтъ моихъ очей, супруга безпримѣрна!
Смотри теперь, какъ вся душа моя смятенна!
Признаюсь, при князьяхъ я укрѣплялъ мой духъ,
Но Виракохомъ какъ ты мой сразила слухъ!
Предвѣстье мнѣ его въ умъ стало впечатлѣнно,
Что чрезъ двѣнадцато онъ Инко, рекъ, колѣно
Пріидетъ страшный къ намъ брадатый оный родъ,
Кой остріемъ меча моря кровей прольетъ
И покоритъ себѣ преславну нашу Перу,
Обычьи новы дастъ, законы, бога, вѣру. —
Я царь двѣнадцатый: виситъ надъ нами громъ.

ГУАКА.

(*Воздѣвая руки къ солнцу.*)

О лучезарный богъ! спаси твой свѣтлый домъ,
Иль больше приносить тебѣ мы жертвъ не будемъ.

АТАБАЛИБО.

На вышню власть роптать мы, другъ мой, позабудемъ,
Отчаяніе насъ къ добру не приведетъ.
Ты знаешь, что предъ симъ ужъ былъ здѣсь сей народъ,
Но друга мы сего или врага незвана
Тогда отправили...

ГУАКА.

(*Увидя входящую Капиллану.*)

Се здѣсь и Капиллана!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

Атабаливо, Гуака и Капиллана.

АТАБАЛИБО.

Любезна дщерь! вѣнецъ родительской главы!
Мы растревожены событьемъ той молвы,
Извѣстныя тебѣ изъ книгъ о тѣхъ людяхъ,
Что жили здѣсь въ твоихъ прошедшій годъ садахъ.
Отколь они? кто вождь ихъ, нравъ и поведенье?...
И тѣ ль, что днесь!

ГУАКА.

(*Съ торопливостью перехватя рѣчь.*)

Скажи.

КАПИЛЛАНА.

(*Приклонивъ голову и прижавъ руки къ груди.*)

Мой долгъ — повиновенье.
Послѣ того, какъ лучъ погасъ моихъ очесъ,
Нѣжнѣйшій мой супругъ взлетѣлъ во свѣтъ небесъ,
Для облегченія моей печали зѣльной
Въ приморскомъ домѣ я жила уединенной;
Томилъ меня въ одну ночь разныхъ мечтъ соборъ,
Я не спала и, вставъ, пустила смутный взоръ
На океана водъ неизмѣримость дальну,
И блескомъ лишь луны мысль тѣшила печальну.
Я зрѣла, какъ сія всѣхъ звѣздъ царя сестра
Сквозь нощи сѣяла въ понтъ блески серебра
И освѣщала міръ отъ высоты безмолвной.
Шло время быстрое стопой, казалось, томной
И усыпляло все, доколѣ Инки перстъ
Не отворилъ востокъ, не удалилъ въ мглу звѣздъ,
И скиптръ взявъ у сестры багряною рукою,
Не всшелъ на тронъ небесъ лазоревой тропою.
Прекрасный я себѣ предвозвѣщала день,
И вертоградъ ужъ мой бросалъ прохладну тѣнь;
Орелъ кружилъ, паря по высотѣ ѳѳирной,
Киты струили вверхъ шумящіе ключи,
Горѣли на водахъ отъ теремовъ лучи,
Какъ черное пятно вдругъ въ небѣ показалось,
Исшелъ изъ хлябей стонъ и море всколебалось....

Digitized by Google

ГУАКА.

(*Съ ужасомъ.*)

Что жъ сталося, ахъ! что?

АТАБАЛИБО.

Не прерывай ей словъ.

КАПИЛЛАНА.

Послыщалось вдали кипѣніе валовъ,
И буря, взвывъ, взбугря и вспѣня, ихъ помчала,
Кровава молнія сквозь тму чуть освѣщала.
Узрѣла я межъ ихъ: на крыльяхъ нѣкій домъ
То въ адъ, то въ твердь взлеталъ и, яры громы въ громъ
Бросая отъ себя, скакалъ чрезъ черны бездны;
Потомъ, казалося, какъ будто утомленный,
Крыла внизъ опустя, всего себя склубилъ,
И въ мракѣ и въ волнахъ невидимъ уже былъ.
Но издали явясь, вновь пѣны, мглы въ срединѣ,
Какъ жолудь выплывалъ, носился по пучинѣ
И наконецъ, на мель кремнистую взнесясь,
Въ днѣ, въ ребрахъ затрещалъ и, сокрушась, погрязъ.
Передо мной вода поверхъ его бѣжала;
Народъ, плывя, тонулъ. Я помощь имъ послала,
Законы знавъ твои, чтобъ въ бѣдствій помогать,
Успѣла и вождей на дскѣ изъ волнъ изъять
Едва живыхъ.

АТАБАЛИБО.

Кто жъ то. . .

ГУАКА.

Тобой чтó такъ спасенны?

КАПИЛЛАНА.

Гишпанцы, и одинъ къ тебѣ былъ провожденный
Просить твоихъ щедротъ, другой жилъ у меня.

ГУАКА.

Не тотъ ли сей народъ, кой такъ страшитъ меня?

АТАБАЛИБО.

И вождь тогда ихъ былъ не сей ли, что и нынѣ?

ГУАКА.

Дай, дщерь моя, покой въ сей страшной намъ railroadнѣ.
Потщися и узнай, тебѣ сей родъ знакомъ;

Digitized by Google

Не онъ ли, Виракохъ намъ предвѣщалъ о комъ,
И не сразитъ ли насъ предвѣстій тѣхъ ударомъ?

КАПИЛЛАНА.

Не знаю, кто здѣсь вождь, а тотъ звался Пизаромъ,
Былъ доблестный герой, былъ сердцемъ человѣкъ,
По росту, по лицу прекраснѣйшій въ свой вѣкъ;
Премудръ, благочестивъ, услужливъ и полезенъ,
И, словомъ, отче мой, онъ былъ, онъ былъ — любезенъ.
Когда его спасла и предъ меня предсталъ,
Онъ токи слезные ручьями проливалъ,
Клялся, что помощи моей не позабудетъ
И благодаренъ мнѣ, по гробъ свой вѣренъ будетъ.
Я искреннимъ его сей приняла обѣтъ,
И милостей твоихъ искать дала совѣтъ.
Безъ уваженія его онъ не оставилъ
И своего къ тебѣ совѣтника отправилъ.
Межъ тѣмъ старалася узнать его я нравъ.
Кастильцевъ склонности и ихъ законы царствъ
Узнала, храбры какъ, какъ дмятся благородствомъ,
Какъ въ самой бѣдности душъ горды превосходствомъ,
Скромны и набожны, страсть главна ихъ — любовь
И проливаютъ въ ней за женъ нерѣдко кровь.

ГУАКА.

(*Съ любопытствомъ.*)

Какъ, какъ за женъ льютъ кровь? Не съ тѣмъ ли мы рожденны,
Чтобы мущины всѣ, всѣ были нами плѣнны?

АТАБАЛИБО.

(*Къ Капилланѣ.*)

Но продолжай.

КАПИЛЛАНА.

Имъ честь пріятнѣй и богатствъ.

АТАБАЛИБО.

(*Съ удивленіемъ.*)

Какая честь?

КАПИЛЛАНА.

Чтобъ жить у всѣхъ съ отличіемъ пріятствъ.
И время сдѣлало мой домъ ему короткимъ;
Казался день отъ дня онъ болѣе мнѣ кроткимъ,
И скучны безъ него мнѣ стали ужъ часы;
Онъ оживлялъ мои на хартіяхъ красы,

Digitized by Google

Сводилъ съ небесъ огонь, дулъ изъ тростей перуны,
Со древа сладкій звукъ сзывалъ, брякая въ струны,
И кратко, — многія утѣхи мнѣ творилъ,
Училъ, прельщалъ мой взоръ и слухъ и сталъ такъ милъ,
Что, иногда къ нему восторгами влекома,
Мечтала бога въ немъ зрѣть свѣта или грома.

ГУАКА.

(*Съ удивленіемъ.*)

О дщерь моя! о дщерь! Чудесенъ твой восторгъ.
Какъ богъ въ страшилищѣ тебѣ казаться могъ?
Не волхвъ ли онъ какой, иль ада изверженье?

КАПИЛЛАНА.

Кастильцы всѣ ведутъ отъ солнца ихъ рожденье[4]
И покланяемый отъ нихъ всего Творецъ
И Инки нашего вѣщаютъ быть отецъ;
Въ Европѣ мнятъ его, что и въ Перу всѣ чада,
Что мудръ, могущъ онъ, благъ.

АТАБАЛИБО.

(*Въ изумленіи.*)

Ужель!...

ГУАКА.

О, сколь я рада,
Что Виракохова на насъ не снидетъ казнь!

АТАБАЛИБО.

Надежна ль на вождя, царевна, ты пріязнь,
Что бѣлый насъ народъ коварствомъ не погубитъ,
Коль онъ твой прежній другъ?

КАПИЛЛАНА.

Коль онъ меня такъ любитъ.

ГУАКА.

А ты не любишь?

КАПИЛЛАНА.

Я?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Атабалибо, Гуака, Капиллана и кацики.

1-Й КАЦИКЪ.

Исполненъ, государь,
Во храмѣ твой приказъ, пожерта всяка тварь

[4] «Древніе Гишпанцы считали себя рожденными отъ солнца». Д.

Digitized by Google

Съ благоуханіемъ богамъ тамъ въ всесожженье,
Народомъ всѣхъ чиновъ отправлено моленье,
И чары страшныя волхвы произвели;
Но, по словамъ жрецовъ, богъ неба и земли
Мольбы ихъ не пріялъ, ни ѳиміамъ, ни туки,
А съ моря вѣтръ взвывалъ, ревѣли съ неба звуки
И въ основаніи весь потрясался храмъ,
Что сводамъ, алтарямъ, самимъ даже богамъ
Мы ждали въ тотъ же часъ конечна разрушенья.
Признаки таковы повергли насъ въ волненье.
Трепещемъ, что правдивъ былъ вѣщій Виракохъ:
Низвержетъ Инковъ тронъ сильнѣйшій нѣкій Богъ!
Однако главный жрецъ надѣется мольбою
Рокъ строгій умягчить, заутра коль съ тобою
Во сонмѣ избранныхъ знатнѣйшихъ Перуанъ
Кѣмъ будетъ бѣлыхъ вождь предъ алтаремъ закланъ
И кровью коль его кумиры окропятся.

АТАБАЛИБО.

(*Отворотясь.*)

Я далъ обѣтъ давно ужъ жертвъ сихъ устраняться.

2-Й КАЦИКЪ.

Измѣна, огнь, ядъ, моръ, вредъ всякій на враговъ,
Жрецъ главный говоритъ, пріятенъ для боговъ.

АТАБАЛИБО.

(*Съ негодованіемъ.*)

Но лишь не для меня.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Атабалибо, Гуака, Капиллана, кацики и Гонзальвъ.

ГОНЗАЛЬВЪ.

От сильныхъ бурь порыву
Канаты прервались и корабли, приливу
Не могши выдержать морскихъ свирѣпыхъ водъ,
Отверзли силой къ вамъ себѣ во пристань входъ,
И Амарантъ[5] морей, — Гесперска ополченья, —
Пизаръ съ де Кастромъ мнѣ велѣли извиненья

[5] Изъ послѣдующаго видно, что названіе *амарантъ* служитъ здѣсь почетнымъ титуломъ Пизара, какъ адмирала.

Digitized by Google

Въ поступкѣ семъ просить, о Инка! у тебя
И лична допуска предъ твой престолъ себя.

ГУАКА.

(*Съ ужасомъ.*)

Ужъ въ пристани они?

АТАБАЛИБО.

(*Въ полголоса.*)

О дерзость своевольства!

(*Къ кацикамъ.*)

Но да устроится немедля чинъ посольства,
И оное ко мнѣ прѐдставьте вы.

(*Даетъ знакъ рукою, чтобъ вышли.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Атабалибо, Гуака и Капиллана.

ГУАКА.

О вѣтръ! о громъ!
О храмъ! вы какъ моимъ колеблете умомъ!
Се Солнца новый родъ, се нова Инки чада!
Ахъ нѣтъ! се демоны, пришедшіе изъ ада,
Принесшіе съ собой намъ Виракоховъ день!

(*Плачетъ.*)

АТАБАЛИБО.

Надежда лестная, исчезла ты какъ тѣнь!

КАПИЛЛАНА.

Почто, родители, напрасно такъ смятенны,
Что отъ перуновъ днесь тряслися въ храмѣ стѣны?
Вы слышали, былъ вѣтръ и былъ приливъ морской;
То громовъ ревъ ничто какъ крокодиловъ вой,
Бываемый съ судовъ въ часъ страшнаго волненья,
Зовутъ когда къ себѣ другихъ на вспоможенье.

ГУАКА.

Ужель намъ бѣлый родъ богами должно чтить?
И могутъ чудъ морскихъ они заставить выть?

АТАБАЛИБО.

Коль такъ, о мудра дщерь! то смѣемъ ли мы льститься,
Чтобъ съ молньеносцами отважиться дружиться?

КАПИЛЛАНА.

Я мню.

Digitized by Google

АТАБАЛИБО.

(*Обнимая съ трепетомъ.*)

Се длань моя. Но прежде ты о всемъ
Искусно испытай: Зачѣмъ они, зачѣмъ?...

(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ нощь. Покои Капилланы, украшенные перуанскими приборами и освѣщенные одною слабою лампадою. Трои двери, изъ коихъ двѣ противоположныя.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пизаръ и Капиллана съ рабою (входятъ съ противныхъ сторонъ: онъ въ невольничьемъ, а она въ простомъ платьѣ; раба остается у дверей).

КАПИЛЛАНА.

(*Про себя.*)

Въ толь необычный часъ невольникомъ я званна
Зачѣмъ?

(*Осматриваясь.*)

Кто, кто здѣсь?

ПИЗАРЪ.

(*Съ восторгомъ къ ней бросается.*)

Я, прекрасна Капиллана.

КАПИЛЛАНА.

Какъ! это ты, Пизаръ? ты, жизнь моей души?
Ты возвратился, ты! о солнце, не спѣши
Заутра освѣщать сего уже чертога;
Я вижу, вижу въ немъ милѣйшаго мнѣ бога.
О нѣжный, вѣрный мой любовникъ и супругъ!
Ты — вновь пріѣзжій вождь? Сколь восхищенъ мой духъ!
Я, ожидавъ тебя, считала всѣ минуты;
Сколь длинны были мнѣ часы разлуки люты!
Клялась: пройдетъ за срокъ хотя единый мигъ, —
Пизаръ мой не найдетъ меня уже въ живыхъ!

ПИЗАРЪ.

Я самъ, любезная, дражайшая царевна,
Какихъ мукъ не терпѣлъ! Вся мысль моя вседневна
Была лишь ты. Сколь вѣтръ въ стремленіи ни скоръ,
Быстрѣй мой духъ къ тебѣ летѣлъ сквозь пѣнныхъ горъ.

Digitized by Google

КАПИЛЛАНА.

Не обманулъ меня сердечный другъ въ надеждѣ.
Ты живъ! ты здѣсь!

(*Съ удивленіемъ.*)

Зачѣмъ въ невольничьей одеждѣ?
Но что мнѣ нужды въ томъ? Ты жизнь моя, ты свѣтъ,
Ты прежне возвратилъ собой мнѣ счастье.

(*Цѣлуетъ.*)

ПИЗАРЪ.

(*Уныло.*)

Нѣтъ!

КАПИЛЛАНА.

Какъ, нѣтъ?

ПИЗАРЪ.

Увы! Нельзя всегда мнѣ быть съ тобою;
Несчастно счастливой я отягченъ судьбою.
Въ сокрытомъ образѣ пришелъ къ тебѣ затѣмъ,
Чтобъ зрѣть тебя скорѣй и предварить о всемъ.

КАПИЛЛАНА.

Но что? кто воспретитъ съ тобой мнѣ обращенье?

ПИЗАРЪ.

Я Амарантъ, привелъ морское ополченье
Великаго царя царей.

КАПИЛЛАНА.

Мнѣ что до нихъ?
Будь Амарантъ, будь царь, самимъ будь богомъ ихъ;
Величія сихъ титлъ отнюдь не уважаю;
Обѣтовъ лишь твоихъ событія желаю,
Чтобъ ввѣкъ ты былъ со мной, меня не оставлялъ,
Какъ поклялся мнѣ въ томъ.

ПИЗАРЪ.

И я бъ того желалъ!
Но санъ, которымъ зришь меня днесь облеченна,
Мнѣ воспрещаетъ то.

КАПИЛЛАНА.

Такъ зрю тебя надменна!
Ты ль рекъ сіе, Пизаръ? ты тотъ ли прежде былъ?
Ахъ! такъ ли разсуждалъ ты, такъ ли говорилъ,
Когда меня влекъ въ сѣть твоей любовной страсти,
Пріучивалъ мой умъ къ твоей и сердце власти?

Digitized by Google

Ты такъ ли льстилъ меня, какъ свѣтъ вдыхалъ Христовъ
И блескомъ ослѣплялъ супружескихъ оковъ?
Какъ злато похищалъ мое своей рукою?
Какъ дорожилъ моей, людей моихъ молвою?
Какъ чрезъ меня искалъ щедротъ въ моемъ отцѣ,
Снабдившемъ всѣмъ тебя, не знавшемъ и въ лице?
Припомни самъ, когда отсель ты отъѣзжая
Въ отечество твое, не разъ твердилъ, вздыхая,
Что лишь на краткій срокъ въ твой отъѣзжаешь домъ,
Что съ состарѣвшимся увидишься отцомъ,
На бракъ испросишь нашъ отъ церкви утвержденье
И, получа его, оттоль по возвращеньѣ,
Останешься ль въ Перу, поѣдешь ли въ Мадритъ;
Но мужа какъ съ женой законъ вашъ не дѣлитъ,
То будешь жить со мной. Исполни жъ тѣ обѣты, —
Пребудь въ столицѣ сей, иль объѣзжай вновь свѣты, —
Но я съ тобой вездѣ. Бери, влеки въ ревъ волнъ,
Не устрашусь.

(Увидѣвъ равнодушіе.)

Но ахъ! о Инкъ!

(Рыдаетъ.)

ПИЗАРЪ.

Къ чему сей огнь?
И пламенное столь, царевна, въ путь стремленье,
Побѣгъ возбудитъ твой вездѣ на насъ гоненье:
Въ Гишпаніи, въ Перу возстанетъ злая месть.

КАПИЛЛАНА.

Царевна ль постыдитъ чѣмъ Амаранта честь?
Любовь и низкія равняетъ состоянья.

ПИЗАРЪ.

Но я ужъ рекъ, что здѣсь въ носимомъ мною званьи
Съ тобой быть не могу ни втай, ни на яву,
Супругой ли тебя, иль другомъ назову;
Доколь не совершу мнѣ данныхъ порученій,
Пріязнь твоя со мной возбудитъ подозрѣній.
Враги мои тотчасъ ее представятъ зломъ
И хитростно навѣкъ покроютъ насъ стыдомъ.
Послушай: ключь небесъ, и царь и пастырь Рима,
На чьемъ челѣ блеститъ вдругъ съ митрой діадима,

Digitized by Google

Нашъ потаенный бракъ не оправдалъ съ тобой,
Но паче страшный гнѣвъ мнѣ чувствовать далъ свой,
Что кровь я христіанъ слилъ съ идолопоклонной:
То буллою своей и объявилъ народной,
Чтобъ грѣхъ я заслужилъ, принесши злата даръ
Передъ престолъ его и предъ Христовъ алтарь;
Тогда на насъ сойдетъ его благословенье.
Великій жъ подтвердилъ и Карлъ какъ то рѣшенье,
И далъ мнѣ сильный флотъ, то и клялся я имъ
Исполнить волю ихъ всѣмъ тщаніемъ моимъ.
Какой же дастъ намъ плодъ безумно наше бѣгство,
Не ввергнетъ ли оно въ страданье насъ и бѣдство?
Ты своего симъ здѣсь прогнѣваешь отца,
Отринешь отъ себя народныя сердца.
О мнѣ же что возмнятъ главизны тѣ державны,
Которы мой обѣтъ внимали имъ недавный?
Склонна всегда къ тѣмъ власть, гдѣ, угождавъ ей, лгутъ:
Завистники меня подъ свой подвергнутъ судъ;
Сочтутъ предателемъ, отступникомъ отъ вѣры.
Съ Колумбомъ видѣлъ свѣтъ подобные примѣры.
Зачѣмъ же бѣдъ въ жерло летѣть намъ на крылахъ
И изувѣрамъ сжечь себя дать на кострахъ?
Но волѣ угожду владыкъ какъ исполненьемъ,
Какимъ не льститься мнѣ за трудъ мой награжденьемъ?
Но выше всѣхъ наградъ я славой вознесусь,
Съ тобой двухъ въ блескѣ царствъ какъ митрой осѣнюсь.

КАПИЛЛАНА.

Но Карла въ чемъ тебѣ и папы порученье?

ПИЗАРЪ.

Мы сдѣлаемъ о томъ посольствомъ представленье,
Какъ твой велѣлъ отецъ, лишь будь склонна къ намъ ты:
Сильна власть у царей ума и красоты.
Я предварить пришелъ.

КАПИЛЛАНА.

Вѣщай, чтобъ взять мнѣ мѣру,
Коль о народѣ то.

ПИЗАРЪ.

(*Съ робостью.*)

Ввесть въ христіанску вѣру.

КАПИЛЛАНА.

(*Отступя назадъ съ удивленіемъ.*)

Еще ли ты, Пизаръ, мнѣ не коварный другъ?
Еще ль очаровалъ ты мой не много духъ?
Жену ты юную прельстилъ и легковѣрну;
Теперь мой родъ влечешь и весь народъ ты въ бездну.
Легко развѣ мѣнять и вѣру и боговъ?
Мученье совѣсти не тягостнѣй ль оковъ?
Но въ глубину о томъ далеко не пускаюсь;
Того лишь трепещу, тому лишь удивляюсь,
Какъ бурей ты прибитъ на кораблѣ одномъ:
О просвѣщеніи лишь ты твердилъ моемъ,
Что страстію ко мнѣ пылая безпримѣрной,
Спокойно жить со мной не можешь какъ съ невѣрной.
Я убѣдилась симъ, какъ жизнь тебя любя,
Въ объятья предала и въ твой законъ себя.
Но днесь, какъ флотъ привелъ, ты дмишься амарантствомъ,
Не обличаешь ли себя ты самъ коварствомъ,
Что обладать не мной, но царствомъ хочешь всѣмъ,
А какъ боишься ты въ присутствіи моемъ
О томъ открытымъ быть, то грозы вымышляешь,
И свой обѣщанный отъѣздъ мнѣ отлагаешь?
Поди съ глазъ, льстецъ, и духъ мой больше не терзай.

(*Рыдаетъ.*)

ПИЗАРЪ.

Царевна! я готовъ, и флотъ, — но только знай,
Что съ якорей съ тобой мы не успѣемъ сняться,
Какъ будетъ жалкій слухъ по граду раздаваться,
Что во оковахъ я и осужденъ на смерть.
Де Кастру ввѣрено за мною строго бдѣть:
То онъ отъѣздъ мой счесть за бунтъ не усумнится
И смертный приговоръ въ минуту совершится.
Изъ честолюбія моихъ онъ ищетъ винъ.
Подъ рабскимъ видомъ симъ для сихъ къ тебѣ причинъ
Я ускорилъ, чтобъ ты взяла возможны мѣры
Родителя склонить къ принятью нашей вѣры,
Ласкавъ пословъ, что средствъ ужъ нѣтъ ни въ чемъ другомъ,
Отсель намъ плыть любви и чести подъ вѣнцомъ.

Digitized by Google

КАПИЛЛАНА.

(*Плачетъ.*)

Прибавь еще мнѣ мукъ и умножай препятства.
Но сила жъ твоего здѣсь въ чемъ начальства?

(*Съ негодованіемъ.*)

Нелѣпостямъ такимъ не вѣрю я, Пизаръ.

ПИЗАРЪ.

Не вѣрь, не вѣрь; но какъ сразитъ уже ударъ,
Изъ смертоноснаго оружія мнѣ данный,
О! вспомни, вобрази ліющу кровь изъ раны,
Мой блѣдный зракъ и что уже съ тобой
Я не увижуся. — Иду, прости.

(*Уходитъ.*)

КАПИЛЛАНА.

Постой!

ПИЗАРЪ.

(*Упадая на колѣни, цѣлуетъ руку.*)

Дражайшая!

(*Въ сіе время приближается раба.*)

РАБА.

Послы пришли.

(*Пизаръ и Капиллана удаляются поспѣшно.*)

КАПИЛЛАНА.

(*Уходя.*)

Чтобъ подождали.

ЯВЛЕНІЕ II.

Де Кастро, Фернандъ, Гонзальвъ и нѣсколько гишпанскихъ воиновъ вступаютъ въ ту самую минуту, какъ Пизаръ и Капиллана удаляются.

РАБА.

(*Посламъ.*)

Сейчасъ придетъ.

(*Уходитъ за Капилланой.*)

ДЕ КАСТРО.

Когда мнѣ взоры не солгали,
То показалось мнѣ, какъ бы Пизаръ здѣсь былъ.

ГОНЗАЛЬВЪ.

И мнѣ.

Digitized by Google

ФЕРНАНДЪ.

Не можетъ быть. Со мной онъ говорилъ,
Что идетъ обозрѣть скопъ черни чрезвычайный,
Но съ нами быть хотѣлъ у Капилланы.

ДЕ КАСТРО.

Не думаю, чтобъ вамъ его съ царевной связь
Извѣстна не была: то, кажется, отъ насъ
Свиданье скрытно съ ней (въ чемъ я подозрѣваю)
Едваль льзя похвалить, тѣмъ паче, что срѣтаю
Покой, гдѣ мы теперь, почти неосвѣщенъ.
Ужъ нѣтъ ли въ мракѣ семъ какихъ для насъ измѣнъ?
Испанецъ[6] въ страсти слѣпъ, лукава Перуанка
Подъ дружбой, можетъ быть, здѣсь скрыла ковъ, тиранка.

ФЕРНАНДЪ.

Де Кастро! Мыслью сей, толь черной, не спѣши
И честной тѣмъ своей не помрачай души.
Не охуждай, коль есть, любовнаго въ нихъ жара;
Онъ намъ полезнѣй, чѣмъ для самого Пизара.
Ты знаешь, что Колумбъ на островахъ Антильскихъ
Въ гладъ Индіянкой спасъ Гишпанцевъ къ смерти близкихъ;
Построилъ Сенъ-Домингъ любовницей Діэсъ;
Мариной Мексику завоевалъ Кортесъ,
И жены соблюли Французовъ въ Лузіанѣ:
То помощи искать постыдно ль въ Капилланѣ?
Жена высокой толь породы, красоты
Нужнѣй намъ можетъ быть, чѣмъ воображаешь ты,
И можно ль ожидать измѣны ухищренной
Отъ Амарантовыхъ любовныхъ узъ съ царевной?

ДЕ КАСТРО.

Но и довѣріе къ нимъ въ царственныхъ дѣлахъ,
А паче пылкая любовь гдѣ въ сердце тлится,
Едва ли не порокъ.

ГОНЗАЛЬВЪ.

Почто бы не открыться,
Царевну зрѣть желавъ, и тѣмъ насъ не почтить?

[6] Такъ и въ подлинной рукописи, вмѣсто обыкновенно употребляемой Державинымъ формы: *Гишпанецъ*.

Digitized by Google

ФЕРНАНДЪ.

На то у нихъ свои причины могутъ быть,
Но скоро, мню, ее увидите вы сами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Де Кастро, Фернандъ, Гонзальвъ и Пизаръ въ адмиральскомъ или амарантскомъ убранствѣ.

ПИЗАРЪ.

Я виненъ нѣсколько, друзья мои, предъ вами,
Что опоздалъ. Дошла мнѣ вѣсть, что сонмъ жрецовъ
Замышленный на насъ открыть мнилъ завтра ковъ:
Какъ градъ и дворъ придетъ въ день солнцеобращенья
Въ храмъ хлѣба праздновать священнаго вкушенье,
То въ шумѣ томъ хотятъ... Но знавъ планетный бѣгъ,
Мню, солнце само дастъ желанный намъ успѣхъ.
Всѣ обстоятельства и дѣйствія природы,
А паче гдѣ еще въ младенчествѣ народы,
Искусный знаетъ вождь въ тріумфъ свой обращать.

ДЕ КАСТРО.

Великодушіемъ нельзя сего назвать.

ПИЗАРЪ.

Но цѣли чтобъ достичь —

ЯВЛЕНІЕ IV.

Де Кастро, Фернандъ, Гонзальвъ, Пизаръ и Капиллана, въ великолѣпномъ уборѣ, въ препровожденіи многихъ придворныхъ съ возжженными подсвѣчниками.

КАПИЛЛАНА.

Царь ввѣрилъ порученье
Мнѣ дружески принять къ нему отъ васъ прошенье
И донести о томъ.

ПИЗАРЪ.

Почтенье и любовь
Монарха нашего монарху сихъ бреговъ.

ДЕ КАСТРО.

Причина нашего сюда пріѣзда главна
На семъ видна листѣ.

(Показываетъ на бумагу, держимую Фернандомъ.)

Digitized by Google

ПИЗАРЪ.

Премудра Капиллана,
Столь изученная языкамъ многихъ странъ!
Въ сей грамотѣ царя желанья Кастилланъ
Увидишь, коль почтишь ее своимъ прочтеньемъ.

(*Фернандъ подноситъ.*)

КАПИЛЛАНА.

(*Пробѣжавъ глазами, отдаетъ грамоту обратно.*)

Усердствуете намъ вы вашимъ просвѣщеньемъ
И вмѣсто множества, и лучшаго чѣмъ Инкъ,
Даете Бога намъ! Коль сей предлогъ великъ!
Но *да* иль *нѣтъ* сказать я не имѣю власти.

ДЕ КАСТРО.

Желаемъ истинно блаженной мы вамъ части.

КАПИЛЛАНА.

(*Съ усмѣшкою де Кастру.*)

Могу не вѣрить вамъ. Но ежели ужъ рокъ
Тотъ къ намъ приближился, что нашъ предрекъ пророкъ,
И Инковъ скиптръ къ инымъ народамъ премѣстится,
Желаю вашему я лучше покориться.
Но не сбылся еще поколь преданій гласъ,
Иду къ родителю принесть отвѣтъ для васъ.

(*Уходитъ и съ ней придворные.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Пизаръ, де Кастро, Фернандъ и Гонзальвъ.

ДЕ КАСТРО.

(*Съ восхищеніемъ.*)

Не можно не отдать хвалы женѣ достойной,
Разсудкомъ, красотой, осанкой благородной.
Я не воображалъ, чтобъ Индіянка такъ,
Съ пріятностьми души, имѣла милый зракъ.

ПИЗАРЪ.

(*Съ досадою.*)

Коль взглядомъ ты однимъ царевны сталъ сраженнымъ,
Вздыхателемъ ея ты можешь быть здѣсь нѣжнымъ,
Атабалибинъ вамъ поколь придетъ отвѣтъ.

(*Обратясь къ Гонзальву.*)

А мы, Гонзальвъ, пока мракъ нощи не пройдетъ,

Digitized by Google

Пойдемъ и низложить ковъ подвигъ усугубимъ.
Способный дорогъ часъ; плачевенъ, коль погубимъ.

ГОНЗАЛЬВЪ.

Пойдемъ! Сокровища, чѣмъ взоръ мой пораженъ,
Безумно промѣнять на тщетну прелесть женъ:
Я въ храмахъ и въ домахъ сребра зрѣлъ, злата горы.

(*Уходитъ съ Пизаромъ.*)

ДЕ КАСТРО.

(*Вслѣдъ ихъ.*)

Ихъ алчутъ хищничьи, а не геройски взоры!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Де Кастро и Фернандъ.

ФЕРНАНДЪ.

Не рѣдкость ли сія изъ всѣхъ царевна женъ?
Ты видѣлъ самъ теперь.

ДЕ КАСТРО.

Я ею пораженъ.

ФЕРНАНДЪ.

Признайся, что Пизаръ не слабою причиной,
Изъ чести ль принужденъ, изъ ревности ль единой
Предъ нами образъ крыть предмета своего.

ДЕ КАСТРО.

(*Со вздохомъ.*)

Какъ счастливъ онъ! и кто бъ не учинилъ сего?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе, Атабалибо, Капиллана, Гуака и кацики въ препровожденіи придворныхъ.

АТАБАЛИБО.

Вину я вашего теперь пріѣзда знаю
И дщери по словамъ

(*Указывая на Капиллану.*)

достойно уважаю.
Верховныхъ вашихъ главъ и васъ благодарю,
Что мните сѣять въ насъ лучей своихъ зарю;
Но глазъ моихъ возвесть къ пресвѣтлу предковъ богу
Да не дерзну, поколь я вашему предлогу

Digitized by Google

Безъ всенароднаго собранья честь воздамъ.
Съ явленьемъ завтра дня явитеся во храмъ.
(*Де Кастро и Фернандъ, поклонясь, уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Атабалибо, Гуака, Капиллана, кацики и придворные.

ГУАКА.

О люты, страшны львы, народъ лицекосматый,
Ножъ каменный кому, тукъ стрѣлъ костепернатый
Не дѣлаютъ ни язвъ и не вредятъ никакъ!
Ты вѣрно тотъ, о комъ прапрадѣдъ мой Гуакъ,
Пылавъ съ рожденіемъ къ отечеству любовью,
Предсказывалъ, рыдавъ не токомъ слезъ, но кровью.
О ужасъ! хоть тебя днесь вижу въ первый разъ,
Но чувствую, бѣжитъ по сердцу смерти мразъ.
(*Дрожитъ.*)

АТАБАЛИБО.

(*Тоже дрожитъ.*)

Не кроюсь ужъ и я, и я весь содрагаюсь,
И духомъ и умомъ и силами теряюсь!
Народъ, что по морямъ летаетъ на крылахъ,
Что въ воздухъ молнью шлетъ, что ѣздитъ на звѣряхъ,
Что знаетъ напередъ дни ведръ и непогоды,
Подобьемъ грома чтутъ кого мои народы,
И сыномъ солнцевымъ кого сей градъ зоветъ,
Законы новые и вѣру мнѣ даетъ,
Велитъ чтить одного, намѣсто многихъ, бога;
Неизреченная мятетъ меня тревога!
Съ одной страны страшитъ враговъ сихъ непріязнь,
Съ другой въ мечтахъ грозитъ мнѣ предковъ страшна казнь;
Я вѣрой пришлецовъ съ одной страны прельщаюсь,
Съ другой — ихъ жадности къ стяжанью опасаюсь,
По слуху зная, что на прочихъ островахъ
Они для злата все преобратили въ прахъ.
Но я безцѣнностей моихъ не сокрываю,
Напротивъ, къ онымъ ихъ алчбу всю предваряю,
Не хлѣбомъ ихъ звѣрей велѣлъ уже кормить,
Но златомъ и сребромъ, чтобъ только угобзить,

Digitized by Google

Жемчугомъ доверха насыплю имъ палаты,
Лишь демоны сіи ушли бъ отъ насъ брадаты.
Чего они хотятъ? Законъ нашъ премѣнить?
Но научаетъ онъ другъ друга намъ любить;
Чѣмъ вреденъ онъ, скажи, скажи мнѣ, Капиллана,
И требуетъ ихъ богъ какого ѳиміама?
Скажи, ихъ тотъ ли вождь, что былъ тебѣ знакомъ?

КАПИЛЛАНА.

Тотъ самый, государь! на Гаускара громъ
Который здѣсь бросалъ, какъ бывшая крамола,
Имъ предводимая, гнала тебя съ престола.

АТАБАЛИБО.

Какъ братъ мой и злодѣй симъ вождемъ истребленъ?

КАПИЛЛАНА.

Конечно.

ГУАКА.

Имъ? О Инкъ! тобой опредѣленъ,
Знать, новый намъ предѣлъ. И долженъ, знать, онъ сбыться!

КАПИЛЛАНА.

Чего, родители, Пизара вамъ страшиться?
Онъ мудръ и храбръ, онъ добръ и вамъ служить готовъ.

АТАБАЛИБО.

(*Воздъвъ руки.*)

Такъ будь самъ завтра, Инкъ, себѣ и намъ покровъ,
Съ супругой въ храмъ къ тебѣ и дщерью какъ предстану.

(*Уходятъ, но одинъ кацикъ, взявъ Атабалибо за руку и отведя къ сторонѣ.*)

КАЦИКЪ.

(*Тихо.*)

Блюдись, о государь! царевны сей обману:
Здѣсь на колѣняхъ зрѣлъ я вождя передъ ней.

АТАБАЛИБО.

(*Съ смущеніемъ.*)

Кому же вѣрить мнѣ? о жалкій санъ царей!

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ въ сумракѣ разсвѣтающаго дня великолѣпный храмъ солнца, украшенный златыми и серебряными бляхами. На возвышеніи кумиры, между коими всѣхъ высочайшій Солнца изъ прорѣзнаго золота; внизу тронъ, по сторонамъ четверы креслы, въ срединѣ треножникъ съ хлѣбами, накрытыми бѣлымъ полотномъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Жрецъ и кацикъ.

ЖРЕЦЪ.

Что возвѣстишь мнѣ, князь? о вѣтвь свѣтлѣйшей крови!
Столпъ трона, образецъ къ отечеству любови!
Отъ угрожающихъ спасемся ли мы бѣдъ?

КАЦИКЪ.

Народу мной внушенъ премудрый твой совѣтъ.
Толпившись съ вечера въ пространныхъ града стогнахъ,
Теперь онъ собрался на взморьѣ въ милліонахъ.
Ждутъ мановенія единыя руки
И храма вкругъ сего безчисленны полки.

ЖРЕЦЪ.

Но замысла повѣждь устройство мнѣ подробно.

КАЦИКЪ.

Внемли: положено, чтобъ скопище народно,
Въ щитахъ и въ шлемахъ скрывъ горючи вещества,
Подъ видомъ радостна во градѣ торжества
Наполнили бы брегъ и близъ-лежащи мели,
Тѣ свѣточми, а тѣ, обвивши паклей стрѣлы,
Пустили бъ на суда искръ дождь изъ облаковъ;
А тѣ бы, къ нимъ подплывъ, съ смолистыхъ ихъ боковъ
Зажгли въ единый мигъ, а въ то жъ бы само время
Здѣсь въ храмѣ пришлецовъ мечемъ все пало племя
По персту твоему.

ЖРЕЦЪ.

(*Выхватя изъ-за пояса ножъ.*)

Нѣтъ! по сему ножу.

КАЦИКЪ.

Но нѣчто въ ревности моей я весь дрожу.
Враги, увидя огнь, мелькающій межъ нами,
Отъ брега отвлеклись во глубину судами,
Оставя только горсть на немъ людозвѣрей,

Грызущихъ сталь во рту, дымъ плющихъ изъ ноздрей.
Ужъ не царевна ль то?...

ЖРЕЦЪ.

Уйди флотъ отъ пожара;
Но не уйдутъ вожди отъ острій сихъ удара.

(*Слышны бубны.*)

Внушаю бубновъ громъ. Поди, поди скорѣй,
Я Инку здѣсь пролью мольбы души моей.

(*Упадши на землю, молится.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Атабалибо, въ препровожденіи воиновъ, кациковъ, жрецовъ, юношей и дѣвъ Солнца, величественно входитъ въ храмъ, подъ звукомъ бубновъ и дудокъ. Первые, кромѣ императора и воиновъ, несутъ растянутые платки съ изображеніемъ разныхъ звѣрей и птицъ или ихъ гербовъ. Вторые,—большіе каменные ножи (къ которымъ и бывшій въ храмѣ жрецъ присоединяется). Третіи—на тростяхъ подобно круглымъ опахаламъ прозрачные фонари съ изображеніемъ солнца. Гуака и Капиллана съ прочими женщинами подъ бѣлыми покрывалами. Атабалибо съ благоговѣніемъ садится на тронъ, Гуака и Капиллана на кресла по обѣ стороны, прочіе становятся по своимъ мѣстамъ. По нѣкоторомъ молчаніи императоръ встаетъ, обращается къ солнечному кумиру, и всѣ жадные взоры свои туда обращаютъ. Пизаръ на обрядъ богослуженія смотритъ изъ предверія.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Возстань, блесни челомъ
Своимъ къ намъ лучезарнымъ,
О свѣтлый Инкъ! и сонмъ
Здѣсь съ сердцемъ благодарнымъ
Своихъ чадъ осѣни.
Возстань! блесни, блесни!

ХОРЪ ДѢВЪ.

Возстань и виждь соборъ
Твоихъ здѣсь дщерей вѣрныхъ,
Встрѣчающихъ твой взоръ
Въ молитвахъ умиленныхъ.
О Инкъ! насъ осѣни.
Возстань, блесни, блесни.

(*При восхожденіи солнца кумиръ его озаряется, фонари юношей и дѣвъ пускаютъ лучи, а на треножникѣ возгарается пламень и благоуханіе разливается.*)

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Возсталъ, блеснулъ намъ свѣтлый богъ!
О радость, о восторгъ!

Digitized by Google

Да ввѣкъ твое сіянье длится,
Отъ насъ сонмъ вражій удалится!
Будь счастья намъ залогъ,
О лучезарный богъ!

АТАБАЛИБО.

(*На тронѣ.*)

О Инка славный родъ! блаженны Перуаны,
Во управленье мнѣ симъ богомъ свѣта данны!
Вселенную призвать въ свидѣтельство могу,
Что какъ зѣницу васъ я ока берегу.
При всемъ томъ думаю, что царь тотъ не великъ,
Кто за дѣтей своихъ народъ чтить не обыкъ
И имъ не откровенъ всегда своей душою,
А дѣлаетъ, что въ мысль придетъ ему собою.
Напротивъ я того и въ днешне торжество,
Какъ наше облеклось въ дни юны божество,
О новизнѣ созвалъ вамъ сдѣлать извѣщенье
И требовать отъ васъ въ совѣтъ сыновне мнѣнье:
Тотъ самый чудный родъ, что въ прошломъ годѣ былъ,
Смирилъ здѣсь братнинъ бунтъ, насъ паки посѣтилъ
И проситъ въ мзду свою торговли позволенья
И нѣкія чинитъ еще намъ предложенья.
Хотите ль внять его?

(*Жрецы преклоняютъ головы и прижимаютъ руки къ персямъ, а воины и кацики копьями ударяютъ въ щиты въ знакъ согласія.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Пизаръ, де Кастро и Фернандъ съ отрядомъ войскъ, подъ громомъ тамбуровъ и музыки, вступаютъ въ храмъ, становятся въ противоположности Перуанъ, которые имъ на одной сторонѣ уступаютъ мѣсто. Гуака и Капиллана садятся по одной, а Пизаръ и де Кастро по другой въ креслы. Фернандъ, поддерживаемый духовнымъ и свѣтскимъ герольдами, несетъ на бархатной червленной подушкѣ, обшитой золотою бахрамою, грамоту императора и папы. Атабалибо, вставъ, указываетъ имъ креслы; они садятся, де Кастро и Пизаръ на одной, а Гуака и Капиллана на другой сторонѣ. Фернандъ становится въ срединѣ.

ФЕРНАНДЪ.

(*Читаетъ грамоту.*)

Всевышнею судьбой,
Мы, императоръ Карлъ, владѣющій страной
Иберьи древнія, славнѣйшей во вселенной,

Digitized by Google

Чрезъ Альпы, Гибралтаръ, мечемъ распространенной,
Вмѣщающей въ себѣ тьмы царствъ и городовъ
Европы, Азіи и Африки бреговъ
И новыхъ островъ, въ Америкѣ найденныхъ,
Неизмѣримыми морями окруженныхъ,
Гдѣ сильныхъ тысящи самодержавныхъ главъ,
Велѣнья наши чтутъ, подвластными намъ ставъ,
И словомъ, солнце гдѣ восходитъ и заходитъ,
Сіяньемъ нашихъ дѣлъ вкругъ блескъ на нихъ наводитъ,—
И мы, тѣхъ пастырь царствъ, Христовъ намѣстникъ, сынъ,
Духовный и мірской отецъ и властелинъ,
Первосвященство чье святится Рима въ храмѣ
И жезлъ чей властвуетъ во Мексикѣ, въ Панамѣ,
Божественный внявъ гласъ, съ небесъ внушенный намъ,
Чтобъ Перуанскимъ свѣтъ возжечь Христовъ странамъ,
Избрали переплыть ревъ океана яра
Любезныхъ грандовъ намъ де Кастро и Пизара
И, давъ имъ полну мочь на воинство и флотъ,
Велѣли отыскать въ столицу Инковъ входъ
И грамотою сей тебѣ, царю преславну,
И дружбу и любовь явить отъ насъ державну.

АТАБАЛИБО.

(*Вставъ и возведя глаза на небо.*)

Въ честь Инка. Но чего хотятъ пославши васъ?

ПИЗАРЪ.

Да утвердимъ предъ симъ начату нашу связь.
Отъ Инка происшелъ родъ древнихъ Перуанцевъ,
Отъ Солнца истекла порода и Гишпанцевъ.
На небѣ свѣта богъ есть вашъ и нашъ одинъ,
Златыя стрѣлы въ долъ бросающъ исполинъ:
То подъ его на насъ блистающимъ надзрѣньемъ
Сильнѣй мы и славнѣй пребудемъ съединеньемъ.
Державныя главы, пославшія насъ къ вамъ,
Сей чести никакимъ не дѣлали странамъ.
Ихъ мечъ всѣхъ покорялъ; вамъ миръ даемъ залогомъ,
Гишпанцы быть друзья съ самимъ достойны богомъ.

АТАБАЛИБО.

Не обличится ли сама собою лесть,

Digitized by Google

Коль Ласъ-Казаса трудъ возьмемъ письмо прочесть.
(*Взявъ у одного кацика письмо, подаетъ Пизару, но онъ отворачивается.*)
Сей пастырь пастырю въ немъ пишетъ христіанску,
Чтобъ столь не проливать вамъ кровь здѣсь перуанску,
Сколь пролили ея на прочихъ островахъ:
То какъ увѣриться на сладостныхъ словахъ,
Тобой намъ сказанныхъ? Несходны наши нравы:
Вы бѣлы, мы черны, мы просты, вы лукавы.
Да и къ чему себя намъ дружбою вязать?
Я ужъ велѣлъ мое все злато вамъ отдать.

ДЕ КАСТРО.

Не злата вашего, мы ищемъ вашей славы,
Прогнать въ васъ грубые, ввесть европейски нравы;
И сдѣлать васъ чрезъ умъ природы всей господъ,
Земель и воздуха и пламени и водъ.
Великій Карлъ, наукъ и знаній расширитель,
Изъ милосердья вамъ быть хочетъ просвѣтитель
И намъ подобными васъ сотворить людьми.

АТАБАЛИБО.

Дивимся, и боговъ въ васъ нѣкихъ чаемъ мы,
Но исчезаетъ вдругъ все наше удивленье,
Когда вообразимъ, что бурь и морь волненье
И бездны вы преплыть рѣшились, не страшась,
Чтобъ изъ-подъ нашихъ ногъ увезть блестящу грязь;
То признаемся, умъ вашъ не постиженъ нами,
А для того и быть мы не желаемъ вами,
Довольствуясь лишь тѣмъ, что вкругъ себя мы зримъ.

ФЕРНАНДЪ.

Животнымъ вы сходны понятіемъ своимъ:
То ваше мы явимъ предъ ими превосходство,
Достоинство и честь душъ вашихъ, благородство,
И какъ, очистя ихъ отъ земляныхъ пеленъ,
Отчизны васъ вознесть безсмертной на степень.
Вамъ Ласъ-Казасово письмо къ тому преддверье,
Что умоляетъ насъ онъ къ вамъ на милосердье.
Онъ, слѣдственно, за насъ ручается вамъ въ томъ,
Что бѣдствій никакихъ мы вамъ не принесемъ.
Христову вѣру мы вводить должны не кровью,

Digitized by Google

Но привлекать себѣ въ любовь сердца любовью.
Вотъ нашего прямой прiѣзда днесь предлогъ.

АТАБАЛИБО.

Такъ вы хотите, нашъ чтобъ премѣненъ былъ богъ
И бога бъ мы почли невѣдома, чужаго,
Который, говорятъ, вертепа самъ гробова
И смерти не избѣгъ.

ФЕРНАНДЪ.

Мы проповѣдуемъ живаго
Вамъ Бога истинна, безсмертнаго вовѣкъ,
Который для того былъ только человѣкъ,
Жестокость претерпѣлъ и мукъ и умерщвленья,
Чтобъ образъ намъ подать смиренья и терпѣнья,
Безъ коихъ тлѣнiя не просвѣтлѣетъ мракъ.

АТАБАЛИБО.

Я преклоняю мой предъ вашимъ богомъ зракъ:
Поправшiй смертью смерть быть долженъ чрезвычайнымъ!
Но дивомъ кажется мнѣ то необычайнымъ,
Чтобъ мертву быть и жить. Гдѣ жъ ваше божество?

ФЕРНАНДЪ.

Оно незримо, все сотворше Существо,
И Инкъ вашъ созданъ имъ.

АТАБАЛИБО.

Какъ? Инкъ! — Не понимаю.
Дрожу и сей предлогъ рѣшить я оставляю
Служителямъ боговъ.

ГЛАВНЫЙ ЖРЕЦЪ.

О дивiй, буйный родъ!
Изверженецъ на брегъ изъ океана водъ,
Какъ бога намъ давать дерзаешь ты другаго,
Окромѣ Инка всѣмъ премудраго, благаго,
Который намъ тепло и жизнь и свѣтъ всѣмъ льетъ,
И коего во всемъ прекраснѣй въ мiрѣ нѣтъ:
Златятся имъ поля и серебрятся воды;
Благотворитель онъ, питатель всей природы,
Въ лѣсахъ стада звѣрей, въ пучинахъ рыбiй родъ,
Имъ въ воздухѣ рой птицъ и червь въ пыли живетъ:
Кого жъ вмѣсто его ты дашь намъ въ обоженье?
Лишь лучезарный свѣтъ достоинъ поклоненья.

Digitized by Google

Такъ онъ, когда изъ насъ и излетитъ нашъ духъ,
Въ росахъ, въ туманахъ, въ мглахъ насъ вознесетъ въ свой кругъ
И съединитъ съ своимъ божественнымъ сіяньемъ.
Вы вѣрьте или нѣтъ; но мы другимъ мечтаньямъ
Не вѣримъ; а тому, что только сами зримъ
И можемъ осязать.

АТАБАЛИБО.
(*Къ народу.*)
Согласны ли вы съ нимъ?
(*Ударяютъ копьями въ щиты.*)
Се видите, богъ вашъ народу неугоденъ.

ПИЗАРЪ.
Невѣждамъ угождать премудрый царь не долженъ;
Но противъ воли ихъ творитъ имъ счастье онъ.

АТАБАЛИБО.
Единодушіемъ мой твердъ и свѣтелъ тронъ.

ФЕРНАНДЪ.
Но далъ уже отецъ святый благословенье
Къ имперьи Карловой въ потомственно владѣнье
Всѣ перуанскія селенія причесть.

АТАБАЛИБО.
(*Съ негодованіемъ.*)
Такъ нагло оскорблять мою вы смѣли честь
И царство присвоять, отъ мудра Манхапана
Доставшееся мнѣ по крови Инкъ издавна,
Которое къ тому я самъ распространилъ,
Привѣтствомъ, правотой, любовью утвердилъ
И чтить мои велѣлъ премудрые законы,
Сосѣдственные мнѣ и отдаленны тропы!
А вы — но папа кто, кто Карлъ вашъ и кто рѣчь
Вамъ дерзку столь велѣлъ мнѣ произнесть?

ПИЗАРЪ.
(*Надменно.*)
Мой мечъ.

КАПИЛЛАНА.
(*Вскрикиваетъ.*)
Пизаръ!

АТАБАЛИБО.
(*Обращаясь на всѣ стороны.*)
Насилье!
(*Воины и кацики потрясаютъ копьями.*)

Digitized by Google

ДЕ КАСТРО.
(Становясь между ними.)
Вождю ль такъ и владыкѣ
Прилично поступать при всенародномъ ликѣ?
(Пизару.)
Пизаръ! не мечъ, но умъ плѣняютъ въ вѣру духъ.
(Къ Атабалибѣ.)
Атабалибо, вѣрь: мой государь — твой другъ.

ЖРЕЦЪ.
(Къ Пизару.)
Къ чему преступное твое межъ насъ стязанье,
О чужеземный вождь! — Отъ Инка здѣсь сіянье
Въ кумирѣ, въ алтарѣ, ты окомъ зрѣлъ своимъ,
Какъ вдругъ вспылалъ, исшелъ благоуханный дымъ;
То пусть и вашъ намъ богъ явитъ чудотворенье:
Мы воздадимъ ему достойно поклоненье.

ФЕРНАНДЪ.
Въ всемірныхъ чудесахъ Его всякъ часъ мы зримъ,
Но духомъ вѣры лишь; а вамъ Онъ невидимъ.
Вашъ Инкъ предъ Нимъ ничто.

ПИЗАРЪ.
(Увѣрительно.)
Онъ скоро помрачится.

АТАБАЛИБО.
(Съ простосердечіемъ.)
Ужель вашъ на него богъ можетъ раздражиться?
Но по какой винѣ?

ПИЗАРЪ.
Не безсловесну тварь,
А кровь людей ему вы льете на алтарь:
Такія жертвы смрадъ предъ Существомъ верховнымъ.

ЖРЕЦЪ.
То Мексики порокъ; а нашимъ здѣсь безкровнымъ
Свидѣтель жертвамъ будь, поди кто хочетъ самъ.
(Снимаетъ съ хлѣба полотна.)

ПИЗАРЪ.
Пойдемъ, повѣримъ здѣсь своимъ только глазамъ.
(Идетъ, и всѣ за нимъ, и наклоняется на жертвенникъ.)

ГЛАВНЫЙ ЖРЕЦЪ.
(Заноситъ ножъ и другіе жрецы.)
Умри, пришлецъ!

Digitized by Google

КАПИЛЛАНА.

(*Удерживаетъ руку его.*)

Ахъ! что творишь ты злодѣянье?

ГУАКА.

(*Съ изступленіемъ.*)

Почто претишь?

АТАБАЛИБО.

(*Расталкивая жрецовъ.*)

Терплю ль я крови проліянье?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же; слышенъ громъ, затмевается солнце, сіяніе кумира исчезаетъ, огонь на алтарѣ и въ фонаряхъ гаснетъ, храмъ потрясается, всѣ Перуанцы съ трепетомъ упадаютъ на колѣни, и Гонзальвъ впослѣдствіи, при послѣдней рѣчи Пизара, съ поспѣшностью съ отрядомъ воиновъ вбѣгаетъ, имѣя въ рукахъ знамя.

ГУАКА.

(*Въ отчаяньи.*)

Что се? увы! вкругъ ночь! померкъ нашъ свѣта богъ.
Инкъ умеръ! ахъ, сбылся твой голосъ, Варакохъ!

ПИЗАРЪ.

(*Обнаживъ мечъ, выскоча изъ круга жрецовъ, схватываетъ Атабалибо за воротъ, стоящаго на колѣняхъ.*)

Не выпущу изъ рукъ, заплатишь мнѣ собою;
Ты хитростью твоей убить меня мнилъ злою.

ГОНЗАЛЬВЪ.

Какъ море, взволновавъ, шумя, ревя, течетъ,
Такъ яростный народъ бѣжитъ за мною вслѣдъ.
Виною, говорятъ, сей бурѣ Капиллана,
Не захотѣвша быть подъ властью Ватикана:
То бѣсновѣрныхъ въ сѣть свою ввлекла жрецовъ
Флотъ сжечь,

(*Взглядывая на Гишпанцевъ.*)

а васъ побить.

ПИЗАРЪ.

(*Взглядывая на Атабалибо и Капиллану.*)

Не обличенъ ли ковъ?

КАПИЛЛАНА.

(*Въ изумленіи.*)

Я умыслъ сдѣлала?

ГОНЗАЛЬВЪ,

(*Смотря на Гишпанцевъ.*)

Сквозь бурныхъ войскъ стремленье
Едва пробился я для вашего спасенья,
Не токмо злато намъ чтобъ снесть, но весь какъ звѣрь
Сбѣжался градъ со всѣхъ насъ странъ пожрать.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и кацикъ.

КАЦИКЪ.

(*Съ стремительностью вслушиваясь въ послѣднюю рѣчь Гонзальва, Атабалибѣ.*)

Не вѣрь,
О государь! его ты столь навѣтамъ лживымъ:
По даннымъ намъ тобой велѣньямъ прозорливымъ
Народъ лишь собрался для общаго добра
И горы для враговъ снесъ злата и сребра,
Какъ вдругъ изъ мѣдныхъ жерлъ съ судовъ на насъ драконы
Дохнули молньи, громъ и вихри какъ несомы,
Стальной полкъ на звѣряхъ препнулъ сюда намъ путь.
Мы въ ужасѣ; но коль велишь — поставимъ грудь.

АТАБАЛИБО.

(*Держимый Пизаромъ, томно.*)

Нѣтъ.

(*Пизару.*)

Ты дай мнѣ судъ.

ПИЗАРЪ.

(*Грозно.*)

Вели народу разойтись.

АТАБАЛИБО.

(*Тихо.*)

Ты самъ...

ПИЗАРЪ.

(*Вскрикивая.*)

Упорствуешь? такъ вѣрностью клянися
Сейчасъ подъ знамемъ симъ.

ГОНЗАЛЬВЪ.

И буллу облобзай.

(*Де Кастро и Фернандъ подводятъ Атабалибо къ знамени и грамотѣ, держимой Гонзальвомъ.*)

Digitized by Google

АТАБАЛИБО.

(*Въ смятеніи.*)

Не вижу, свѣтъ померкъ, что́ дѣлать?... ахъ! подай.

(*Простираетъ руку къ грамотѣ, которую Гонзальвъ умышленно бросаетъ.*)

ГОНЗАЛЬВЪ.

Что́ сдѣлалъ, варваръ, ты? О страшно преступленье!
Судить безбожника святыни за презрѣнье!
Судъ! судъ!

ДЕ КАСТРО.

Но какъ за то язычника винить,
Чего не вѣдалъ онъ?

ПИЗАРЪ.

Такъ цѣпи наложить
И весть сейчасъ въ нашъ станъ, подъ стражею въ плѣненье.

КАПИЛЛАНА.

Ты лютъ, Пизаръ, какъ тигръ; ахъ, ты какъ камень твердъ!

(*Обнимаетъ колѣна.*)

А мнѣ казался ты, какъ Богъ твой, милосердъ.
Ахъ! будь, де Кастръ, хоть ты для насъ днесь человѣкомъ.

ДЕ КАСТРО.

(*Пизару.*)

Покрытаго вѣнцомъ царя, маститымъ вѣкомъ,
Съ семьей въ позорный плѣнъ среди столицы влечь —
Озлобишь всѣхъ; — вели въ чертогахъ ихъ стеречь.

(*Уводитъ подъ стражу Атабалибо и всѣ за нимъ идутъ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Пизаръ и Гонзальвъ.

ПИЗАРЪ.

(*Указывая на великолѣпіе храма.*)

Зри блескъ богатствъ, Гонзальвъ! мое распоряженье:
Какъ въ пору возбудилъ народно я смятенье,
Весь дворъ сюда завлекъ, столпилъ весь градъ въ сей храмъ
И ужасомъ всѣхъ вдругъ повергъ къ моимъ ногамъ;
Но покореніе сіе чтобъ было твердо,
Съ царевной поступить, съ царемъ ли милосердо...
Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ быть изъ нихъ одинъ хоть мертвъ.

(*Про себя.*)

О честолюбіе! какихъ щадишь ты жертвъ!

(КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.)

ДУРОЧКА УМНѢЕ УМНЫХЪ.

КОМИЧЕСКАЯ НАРОДНАЯ ОПЕРА

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прохоръ Вахрамѣевичъ Старокопѣйкинъ, отставной ландмилицкій прапорщикъ.

Акулина Сидоровна, жена его, урожденная княжна Кудахтина.

Лукерья Ивановна, ихъ внучка.

Богданъ Любимычъ Фуфыркинъ, женихъ ея, гвардіи сержантъ.

Луппъ Лукояновичъ Хапкинъ, воевода пригородка Тетюшъ.

Елизаръ Варѳоломеевичъ Проныркинъ, съ приписью подъячій.

Наумъ Пивкинъ, отставной армейскій капралъ, ключникъ Старокопѣйкина.

Желѣзнякъ, атаманъ разбойничій.

Черняй, есаулъ.

Двое подъячихъ,
Сѣнныя дѣвушки,
Дворовые люди,
Разбойники,
Гарнизонные солдаты, } безъ рѣчей, а поютъ только въ хорахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ пригородѣ Тетюшахъ, въ домѣ Старокопѣйкина, между 1775 и 1780 годовъ.

ДУРОЧКА УМНѢЕ УМНЫХЪ[1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ въ сторонѣ пригородъ Тетюшъ, — ветхія стѣны, бойницы, башни, церковь и колокольню деревянныя. Прямо, на крутомъ берегу рѣки Волги садъ, въ коемъ подъ старымъ дубомъ скамьи и столъ;

[1] Объ этой въ первый разъ нами напечатанной пьесѣ Державинъ упоминаетъ въ концѣ своихъ Записокъ, исчисляя сочиненія, написанныя имъ по выходѣ въ отставку. Между дѣйствующими въ ней лицами мы находимъ извѣстныя въ исторіи Запорожцевъ имена—*Желѣзняка* и *Черняя*. Максимъ Желѣзнякъ, прежде находившійся послушникомъ въ Матренинскомъ мо-

Digitized by Google

на немъ два кулгана, нѣсколько стакановъ и ложекъ серебряныхъ, а на оловянныхъ тарелкахъ разныя ягоды. Лукерья, Фуфыркинъ и Сидоровна за столомъ; Пивкинъ предъ ними съ подносомъ, приплясываетъ и припѣваетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.
(*Изъ коихъ двѣ пляшутъ.*)

Не на яблонкѣ, не наливное
Яблочко мило блескъ издаетъ;
А у бабушки здѣсь родимое
Дитятко, внучка-роза цвѣтетъ.

настырѣ, былъ предводителемъ казаковъ въ знаменитой, такъ называемой *Коліивщинѣ*, или *Уманьской рѣзнѣ*, 1768 года. Объ этомъ событіи въ Записках Державина (см. томъ VI нашего изд.) сказано: «Извѣстно было изъ манифеста о турецкой войнѣ, что запорожскіе казаки, подъ предводительствомъ атамановъ ихъ Желѣзняка и Черняя, разграбили польскую украину и разорили за Днѣпромъ турецкую слободу Балту, отъ чего война началась: то и велѣно было выступившимъ въ походъ войскамъ тѣхъ Запорожцевъ переловить и послать въ Сибирь, чтó и исполнилъ графъ П. А. Румянцовъ. По приводѣ въ Москву нѣкоторыхъ изъ тѣхъ разбойниковъ и главныхъ ихъ предводителей, Желѣзняка и Черняя, послѣдній занемогъ, или притворился больнымъ; то до выздоровленія и посаженъ въ сыскной приказъ» и пр. Черняй разсказалъ содержавшемуся вмѣстѣ съ нимъ арестанту Серебрякову «о награбленномъ съ его артелью богатствѣ, а можетъ-быть и съ прикрасою, что ямы наполнены ими, покрытыя землею, серебряной посудой, и пушки жемчугомъ и червонцами». Серебряковъ и нѣсколько другихъ лицъ, которымъ онъ сообщилъ свой планъ, рѣшились воспользоваться этимъ богатствомъ. Они пригласили «къ сему промыслу довольно значущихъ чиновныхъ людей изъ господъ сенатскихъ и прочихъ благородныхъ людей, своихъ пріятелей, чрезъ коихъ бы высвободить Черняя и Серебрякова изъ тюрьмы. Они это сдѣлали такимъ образомъ: составили подложный вексель на Черняя, по которому произвели взысканіе, и какъ находился такой законъ, по коему должно было изъ всѣхъ правительствъ по требованіямъ посылать въ магистратъ колодниковъ для уплаты ихъ долговъ ихъ заимодавцамъ, а изъ магистрата дозволялось отпускать ихъ въ баню, въ церковь и къ родственникамъ подъ присмотромъ; — сего довольно крючкотворцамъ. Черняй отпущенъ въ баню подъ надзираніемъ одного гарнизоннаго солдата: на Царицыной площади отбитъ незнаемыми людьми» ... О дальнѣйшей судьбѣ его неизвѣстно; изъ Записокъ Державина видно только, что когда черезъ нѣсколько лѣтъ явился самозванецъ, выдававшій себя за Петра III, и «не знали еще заподлинно кто онъ таковъ, то и думали, что былъ то Черняй» ... Что касается до Желѣзняка, то онъ, при расправѣ, произведенной послѣ уманьской рѣзни генераломъ Кречетниковымъ, былъ вмѣстѣ съ другими Запорожцами отправленъ въ Россію, здѣсь еще разъ

Digitized by Google

Не ясенъ соколъ, перелетистый,
Перепорхнулъ къ намъ съ лѣсу на домъ, —
Гвардейскій сержантъ, прозументистый,
Розовый платокъ, въѣхалъ верхомъ.
Что не мѣсяцъ младъ, не за облакомъ,
Съ утренней, красной, свѣтлой звѣздой, —
Съ невѣстой женихъ сѣлъ за столикомъ,
Дитятко, внучка! Богъ ужъ съ тобой[2]!

СИДОРОВНА.

(*По окончаніи хора.*)

Такъ, голубушки, Господь съ нею. — Дѣвку, что пушной товаръ, долго держать въ домѣ дурно[3]. (*Въ сторону.*) По воспитаніи въ Петербургѣ, въ новодѣвичьемъ монастырѣ, поживъ у отца и матери съ полгода, осталась она послѣ смерти ихъ сущею горемычною, безпріютною сиротою. Я принуждена ее взять къ себѣ, и вотъ ужъ здѣсь три мѣсяца. Кто о ней, бѣдной, попечется, кромѣ бабушки? Ахти мнѣ! — Да только бы Вахрамѣичъ мой возвратился поскорѣе и привезъ кое-что на приданое. То, слава Богу! — домъ нашъ какъ полная чаша, не пиво варить, не вино курить, веселымъ пиркомъ да за свадебку.

ПИВКИНЪ.

(*Попивая самъ, подноситъ дѣвушкамъ.*)

Выкушайте, красныя дѣвицы, выкушайте.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Вставъ съ Лукерьей.*)

Справедливо разсуждаете, милостивая государыня, Акулина Сидоровна. Терпѣніе бѣднаго Фуфыркина истощилось! Около

наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь (*Русскій Вѣстникъ* 1863 г., № 5, «Народныя движенія въ Подоліи и на Волыни», II, Щебальскаго, стр. 337. О прежней жизни и разбояхъ Желѣзняка см. также *Исторію Новой Сѣчи*, А. Скальковскаго, Одесса, 1846, ч. II, стр. 338. и слѣдд.).

Въ пьесѣ Державина Желѣзнякъ и Черняй являются снова разбойниками на Волгѣ. Согласно ли это съ дѣйствительностію, или основано только на преданіи, не беремся сказать утвердительно.

Тетюши, гдѣ происходитъ дѣйствіе этой оперы, — съ 1802 года уѣздный городъ Казанской губерніи въ 116 верстахъ отъ Казани, на высокомъ и крутомъ мысѣ, образуемомъ рѣкою и оврагомъ.

[2] 1-й и 13-й куплеты этой пѣсни были уже напечатаны, подъ заглавіемъ: *Хоръ сельскихъ дѣвушекъ*, въ смирдинскихъ изданіяхъ сочиненій Державина.

[3] Здѣсь въ рукописи зачеркнуты слова: «моль прорѣшетитъ».

Digitized by Google

года уже стражду я неизреченною любовію къ прекрасной вашей внучкѣ. Пріѣхалъ сюда рѣшить мою судьбу. А ты, любезная моя Лукерья Ивановна! услади хотя единъ разъ горесть мою твоимъ пріятнымъ поцѣлуемъ.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Отсторанивается.*)

Бабушка прогнѣвается.

СИДОРОВНА.

Какъ? поцѣловать? что за нетерпѣніе? будетъ время, батька мой: нацѣлуетесь, — за этимъ не станетъ. (*Смѣется.*) Ха! ха! ха!

ФУФЫРКИНЪ.

Вамъ смѣхъ, сударыня, а мнѣ, право, не до того. (*Къ Лукерьѣ.*) Я думаю, и вы со мною согласны?

ЛУКЕРЬЯ.

Сердечно бы желала.

СИДОРОВНА.

Потерпите, потерпите. Вотъ, того и смотри, старикъ на дворъ; тогда сдѣлаемъ сговоръ, благословимъ, и цѣлуйтесь себѣ, какъ хотите. (*Про себя.*) Тьфу, окаянная! согрѣшила, проговорилась. (*Въ слухъ.*) До вѣнца еще не безъ грѣха.

ЛУКЕРЬЯ.

Что это, бабушка! ужъ будто и сговореннымъ грѣхъ цѣловаться?

ФУФЫРКИНЪ.

Когда жъ этотъ сговоръ будетъ?

ЛУКЕРЬЯ.

Послѣ Казанской уже три недѣли прошло.

СИДОРОВНА.

Да, такъ! — Ярмонка у Макарья на желтыхъ пескахъ около сего времени разъѣзжается. (*Въ сторону.*) Смотри, какъ у насъ дѣвушки нынѣ все знаютъ!

ДУЭТЪ.

Фуфыркинъ и Лукерья.

ФУФЫРКИНЪ.

Позволивъ себя видѣть,
Позволь поцѣловать.

ЛУКЕРЬЯ.

Какъ бабушку обидѣть!
Изволитъ запрещать.

Digitized by Google

ФУФЫРКИНЪ.

Изъ твоего велѣнья
Не выду я никакъ,

ЛУКЕРЬЯ.

Довольно утѣшенья
Смотрѣть на милый зракъ.

ФУФЫРКИНЪ.

Единая награда
Прижать уста къ устамъ.

ЛУКЕРЬЯ.

И я бы очень рада,
Да запрещаютъ намъ.

ФУФЫРКИНЪ.

Сердечные восторги
Влюбленнымъ сладко пить.

ЛУКЕРЬЯ.

Старухи въ этомъ строги,
Ихъ надо упросить.

ОБА ВДРУГЪ.

Такъ станемъ же просить,
Чтобъ нѣжно, страстно жить.

СИДОРОВНА.

Что за соблазнительныя пѣсни? годится ли это? Христосъ съ тобой, Луша! Въ наши времена и глазъ поднять невѣсты на жениха не смѣли. Это, знать, по-петербургски?

ПИВКИНЪ.

(*Смѣется.*)

Ха! ха! ха! чему дивиться? тогда, покрытыя фатами, и къ ставцу лицомъ сѣсть не умѣли.

СИДОРОВНА.

Такъ! ты говори.

ЛУКЕРЬЯ.

Нынѣ не почитается за преступленіе...

ФУФЫРКИНЪ.

Изъяснять чувства сердца своего.

ПИВКИНЪ.

У насъ, какъ прежде, такъ и нынѣ: хлопъ по плечу дѣвку,

Digitized by Google

поцѣловалъ, да и къ сторонѣ, будто ничего не бывало. (*Цѣлуетъ одну и прячется за другихъ.*)

СИДОРОВНА.

Пьяница! пьяница! ты смотри у меня, не обижай дѣвокъ! (*Между тѣмъ, видя, что Лукерья Фуфыркину даетъ знать рукою и мигаетъ.*) Ахти! у нихъ ужъ шуры да муры, да и перемигиваются. — Я не очень этого жалую.

КВАРТЕТЪ.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Кланяясь*).

Позволивъ ее видѣть,
Позволь поцѣловать.

ЛУКЕРЬЯ.

Не можетъ тѣмъ обидѣть,
Чѣмъ можетъ приласкать.

СИДОРОВНА.

Добра ужъ тутъ не выдетъ,
Гдѣ явно такъ грѣшатъ.

ПИВКИНЪ.

А кто это увидитъ,
Гдѣ двое захотятъ?

(*Всѣ вдругъ.*)

ФУФЫРКИНЪ.

Позволь поцѣловать.

ЛУКЕРЬЯ.

Немного приласкать.

ПИВКИНЪ.

Не надо запрещать.

СИДОРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ! прошу молчать.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, и Старокопѣйкинъ, въ синемъ сюртукѣ и въ черномъ картузѣ, съ нѣсколькими людьми, несущими за нимъ съ поклажею чемоданъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Людямъ.*)

Положите тутъ на скамью и подите отдыхать. (*Уходятъ.*) Тьфу пропасть! на силу дотащился; всѣ кости растрясла проклятая таратайка; а притомъ такая жара, что во рту, какъ въ печи, перегорѣло. (*Къ Пивкину.*) Дай-ко напиться, чтó у васъ есть?

Digitized by Google

ПИВКИНЪ.

(*Наливъ стаканы изъ обоихъ кумановъ.*)

Что вашему благородію по душѣ придетъ. Вотъ медъ и пиво.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Пьетъ.*)

Ай да, братъ, служивый! спасибо, напоилъ. Ужъ то-то питьецо! какъ медвяная роса, такъ и покатилось по всему животу. А ты здорова ли, мой другъ, Акулина Сидоровна! (*Здороваются.*) Что у тебя за пирушка?

СИДОРОВНА.

Развѣ ты не видишь, батька мой, женишка, о коемъ намъ неразъ сосѣди наши намекали?

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Въ сторону*)

На серебряную плотку много ловцовъ. (*Къ Фуфыркину.*) Не имѣю чести знать.

ФУФЫРКИНЪ.

Я не дальній отсюда помѣщикъ, Фуфыркинъ, пріѣхалъ въ отпускъ. Поручаю себя въ благосклонность вашу.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

А гдѣ изволишь служить?

ФУФЫРКИНЪ.

Въ лейбъ-гвардіи.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Чинъ вашей милости? По росту и по дородству, не мушкатеръ ли на старшемъ окладѣ?

ФУФЫРКИНЪ.

(*Надувшись.*)

Обижаете, г. Старокопѣйкинъ. Взгляните на прозументы.

СИДОРОВНА.

Ахъ, мой другъ, Прохоръ Вахрамѣичъ! ослѣпъ, что ли, ты? перекрестись, батька! посмотри: сержантъ, сударь, сержантъ!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Что дѣлать, мать моя? ошибся, не досмотрѣлъ. Въ этотъ чинъ встарину не такъ-то легко выскакивали.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Съ гордостію.*)

Я счастливъ по службѣ.

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

И мой покойный сынъ также не былъ безталаненъ, и изъ лейбъ-компаніи переведенъ въ кавалергарды, и насилу къ сорока лѣтамъ добился до корпораловъ.

СИДОРОВНА.

Дай Богъ всякому заслужить такую офицію, какъ ты, другъ мой, и покойный сынъ нашъ. И его милость, того и смотри, что оберъ-офицеръ.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Съ презрѣніемъ.*)

Не менѣе какъ капитанъ.

СИДОРОВНА.

Неужто такъ? Ахъ, соколъ! какъ этому я рада! (*Въ сторону.*) Но для меня не такъ-то, — Луша будетъ капитанша.

ФУФЫРКИНЪ.

Позвольте мнѣ съ Лукерьей Ивановной прогуляться въ саду вашемъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Жена! какъ ты думаешь?

СИДОРОВНА.

Для чего жъ нѣтъ, мой батька? Подите, Христосъ съ вами. Да только чуръ не цѣловаться! — А вы, дѣвушки, посмотрите за ними. (*Уходятъ и съ дѣвками, а она, смотря вслѣдъ.*) Дѣвку съ парнемъ покидать одну, какъ огонь съ соломой, — послѣ не угасишь.

ПИВКИНЪ.

(*Съ насмѣшкою.*)

Да и конвой-то такой: отъ эдакаго полымя въ минуту вспыхнетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Старокопѣйкинъ, Сидоровна, Пивкинъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Пивкину.*)

Пожалуй, чего добраго? (*Сидоровнѣ.*) Но ты запретила вѣдь имъ цѣловаться?

СИДОРОВНА.

Самъ знаешь, до сговора грѣшно. Мы съ тобой прежде вѣнчались, чѣмъ распалялись.

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Полно такъ ли, Сидоровна? а это ужъ я подлинно знаю, что поцѣлуй дѣвкинъ съ молодцомъ похожъ на капитуляцію самой неприступной крѣпости.

ПИВКИНЪ.

Ну, да какъ не прорвать подкопу такому инженеру? какъ ему не сдаться? Дѣтина, что кровь съ молокомъ! Давеча какъ въѣхалъ на дворъ верхомъ на иноходцѣ въ лакированномъ голубомъ картузѣ, въ гвардейскомъ зеленомъ мундирѣ, въ бѣломъ канифасномъ камзолѣ, въ черной бархатной исподницѣ, въ тальянскомъ аломъ платкѣ, пучекъ пропудренъ въ охапку, пукля на пуклѣ, въ золотой протупеѣ, въ коротенькихъ сапожкахъ, съ пестрыми шелковыми чулками, въ шпорахъ, какъ вы сами его теперь видите; то я хоть не дѣвушка, но сердце такъ и запалилось, не могъ налюбоваться; а слышу еще, что и во дворецъ онъ ходитъ на караулъ въ гранодерскомъ уборѣ; то какого лучше жениха нашей Лукерьѣ Ивановнѣ? молодецъ! есть за кого подержаться.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Право! и въ гранодерскомъ уборѣ?

СИДОРОВНА.

Такъ точно.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Ну, Сидоровна! гдѣ такое нѣщечко[4] подхватила?

ПИВКИНЪ.

Ужъ ты говори, Прохоръ Вахрамѣичъ.

СИДОРОВНА.

Такъ, знай нашихъ! Что теперь мелкая сошка, дворяне скажутъ?

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Да! чему не быть! это не шутка! очень не шутка! При блаженной памяти надежѣ-государѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, что значилъ гвардіи сержантъ, а особливо полку преображенскаго,—ты я думаю, слыхала? — Пріѣдетъ, бывало, куды, то все ходенемъ

[4] *Нѣщечко* — уменьшит. отъ нѣчто,—сокровище (см. Словарь акад. и Даля). Въ *Недорослѣ* (II, 6) Простакова: «Какъ скажу я тебѣ нѣщечко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится». Въ посланіи князя И. М. Долгорукаго *Сосѣду* (строфа 7): «О счастье, нѣщечко вселенной!» Во всѣхъ изданіяхъ этихъ писателей напечатано неправильно: «нещичко».

Digitized by Google

заходитъ. Суматоха ли гдѣ какая, неурядица ли въ городѣ, недоимка ли на уѣздѣ, того и смотри, что снѣгъ на голову. — Я еще былъ молодъ при покойномъ отцѣ моемъ, бывшемъ въ здѣшнемъ городѣ посадскимъ: какъ теперь гляжу, пріѣхалъ сюды гвардіи сержантъ изъ преображенскаго приказа, по какому-то бунтовскому дѣлу за справками; то воеводу тотчасъ заперъ въ судейскую; а съ приписью подьячаго[5] приковалъ на цѣпь къ стулу и не выѣхалъ, покудова всего не исправилъ. — То-то былъ царь! шутить не любилъ, да и зналъ, кому что приказывать. Меня тогда, какъ онъ шествовалъ въ Персію и заѣхалъ въ здѣшній городъ, отдали по очереди съ нашего посада въ солдаты и представили съ прочими новобранными къ нему на смотръ; онъ, приподнявъ мнѣ лызгачъ[6], поглядѣлъ въ глаза, ударилъ по плечу и сказалъ: «Небойсь, малой! служи хорошенько: въ тебѣ прокъ будетъ.» И подлинно, дослужиться до благородства и сравняться, мой сердечный другъ, Сидоровна, съ твоею сіятельною роднею не легко мнѣ было!

СИДОРОВНА.

Съ моею роднею? какъ это можно?

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Прибодрясь.*)

Чтожъ? я суть дворянинъ.

СИДОРОВНА.

(*Съ сердцемъ.*)

Тѣхъ же щей, да пожиже улей: дворянская кровь съ мѣщанскою — всегда какъ небо отъ земли.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Печально.*)

Не превозносись, сударыня! — все суета суетъ.

СИДОРОВНА.

Конечно такъ, — но кромѣ табели о рангахъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Полно же, полно, сіятельная моя помощница, княжна Кудахтина! Позабыла ты, что изъ моего взята ребра: смотри, чтобы я его назадъ не потребовалъ; а то ты ужъ очень развеличалась,

[5] *Подьячій съ приписью* — подьячій, скрѣплявшій дѣловыя бумаги и подписывавшій свое имя ниже подписи дьяка (Словарь акад.).

[6] *Лызгачъ*, (*лысгачъ*, отъ лысый); здѣсь, очевидно: волоса на лбу (Замѣч. В. И. Даля).

Digitized by Google

расфуфынилась, раскудахталась. — Скажи-ко лучше, откуда такого завиднаго жениха Лушенькѣ достала?

СИДОРОВНА.

Я тебѣ ужъ сказывала. — Скоро послѣ твоего отъѣзда пріѣхала сваха. Поклонившись по обыкновенію до земли, сказала: у тебя есть товаръ, а у меня купецъ. Слово за слово, я позволила жениху пріѣхать посмотрѣть невѣсты. А какъ Луша между тѣмъ, стоя за стѣной, насъ подслушала, то безъ дальнихъ церемоніевъ настежъ дверь, да и призналась, что его давно уже знаетъ; что въ Питерѣ ѣзжалъ онъ въ домъ ея отца и матери и что ей не противенъ. Я только руками врозь, говорить стало нечего. Пригласила обѣдать, положила на словѣ; но сговору безъ тебя не сдѣлала: хозяинъ голова въ домѣ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Знать, судъ Божій пришелъ. Чего ждать? часъ добрый!

СИДОРОВНА.

Въ такихъ лѣтахъ, дворянинъ, въ такомъ рангѣ и съ такимъ преимуществомъ!

ПИВКИНЪ.

Стережетъ царскіе чертоги!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Пивкину.*)

Поди же, братъ Наумъ, спроворь скорѣй сюды батьку: пусть благословитъ; а завтра и Исаія ликуй.

ПИВКИНЪ.

Хорошо, — промочу только горлышко. (*Пьетъ.*)

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Пей себѣ на радостяхъ, сколько хочешь. (*Пивкинъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Старокопѣйкинъ и Сидоровна.

СИДОРОВНА.

Покажи-ко теперь, Вахрамѣичъ, чтó ты купилъ на ярмонкѣ. Я не хотѣла давеча при людяхъ разсматривать чемодана: хотя у насъ, кромѣ этого серебра (*указывая на столъ.*), и нѣтъ ничего; но много лихихъ людей, которые распускаютъ слухъ, что мы ужасть богаты! глядя на покупки, и пуще бы глаза растаращили.

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Пожалуй, смотри. Я самъ, правду сказать, въ проѣздъ потрушивалъ, — слышно, пошаливаютъ.

СИДОРОВНА.

Боже насъ сохрани! (*Между тѣмъ, разбирая въ чемоданѣ, кропочется, а потомъ и перебранивается съ Старокопѣйкинымъ.*)

РЕЧИТАТИВЪ.

СИДОРОВНА.

Смотри, какіе вздоры!
Все ленты золотныя,
Жемчужные подзоры,
Камки, парчи драгія
Кутни, штофъ, изарбаты.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Невѣстины уборы,
Ей надобно такіе;
Не чепчики, не флеры,
Не кисеи гнилыя;
Прочны они, богаты.

СИДОРОВНА.

Прочны! — что мнѣ въ этомъ? — крѣпка тюрьма, да охотниковъ мало. — Я тебя просила на случай Лушенькиной свадьбы купить приданое, свойственное моему и ея благородному происхожденію; а ты накупилъ мѣщанскаго дрязгу, прапрадѣдовскихъ узорчатыхъ окладовъ, репейковъ въ разводѣ! Я не хочу и жива быть, чтобы осмѣяли мою внучку подъ вѣнцомъ высокородныя ея подруги и сіятельныя ея сестры, княжны Кудахтины. — Прочь съ твоимъ купеческимъ чесночнымъ благовоніемъ! (*Швыряетъ по полу товары.*)

ДУЭТЪ.

СИДОРОВНА.

Прочь съ парчами провалися!
Я дворянка, не забудь.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Да пожалуй, не сердися,
Дай съ дороги отдохнуть.

СИДОРОВНА.

Самъ ты, самъ въ нихъ нарядися;
Голью жмется барска грудь.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Но ихъ взять купцы взялися,
Коль по нраву не придутъ.

(*Оба вдругъ.*)

СИДОРОВНА.

Пусть себѣ возьмутъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

И бѣда вся тутъ.

Digitized by Google

СИДОРОВНА.
(*Успокоившись.*)

Хорошо, коли такъ. Самъ ты умный человѣкъ, Прохоръ Вахрамѣичъ: дѣвушкѣ, воспитанной въ благородномъ обществѣ, помолвленной за такого знатнаго жениха, какъ явиться подъ вѣнецъ какою-нибудь штофною куклою, кутафьей въ жемчужныхъ брызжахъ?—со смѣху всѣхъ поморишь, мой другъ. Довольно и того, что въ домашнемъ быту, въ твое угожденіе, ходитъ она въ такомъ дурацкомъ уборѣ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Опомнись, Сидоровна: и высокія персоны иногда такъ изволятъ одѣваться; встарину бы тотчасъ на тебя люди вспѣли кокореку, слово и дѣло сказали государево.

СИДОРОВНА.

Вотъ на! они только шуткою въ машкарадахъ, для угожденія простаго народа, въ русское платье наряжаться изволятъ; а послѣ, какъ и у насъ водится, по игрищахъ за разъ окропляются, ежели не святой, то вѣрно гуляфною водою. Имъ ли промѣнять нѣмецкое на русское? статочное ли это дѣло?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Лукерья и Фуфыркинъ.

ФУФЫРКИНЪ.
(*Вслушавшись въ послѣднюю рѣчь.*)

Что до меня касается, милостивая государыня, Лукерья Ивановна во всякомъ нарядѣ мнѣ хороша, какъ Ангелъ, — въ штофахъ ли, въ грезетахъ ли.

СИДОРОВНА.

Батька мой! я не узнаю тебя: отчего такъ вдругъ загрезилъ купеческими грезетами? Ужъ и впрямь не самозванецъ ли ты какой? картузецъ-отъ и платочекъ на шейкѣ, признаюсь, мнѣ не безсумнительны.

ФУФЫРКИНЪ.

Въ Петербургѣ, сударыня, не презираютъ купеческаго богатства. Мало смотрятъ на уборы, но болѣе на хорошее воспитаніе и доброе сердце. (*Появляется за Волгою косная лодка съ гребцами и слышна вдали бурлацкая пѣсня.*)

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

На закатѣ красна солнышка,
На восходѣ свѣтла мѣсяца,

Digitized by Google

Не черный воронъ по поднебесью, —
Атаманъ леталъ подъ Тетюшами
Съ удалой косной дружиною[7];
Онъ смотрѣлъ Волги на берегъ,
На широкъ дворъ Вахрамѣичевъ,
На его ли внучку милую.
Ахъ! вы спите ли, не спите ли,
О хозяева безпечные!
Отворяйте ваши теремы,
Подъ окномъ сидитъ гдѣ дѣвица;
Отмыкайте крѣпки закромы,
Гдѣ лежитъ сребро и золото.

СИДОРОВНА.

Что за чертовское оранье?

ФУФЫРКИНЪ.

Самый мрачный напѣвъ, ужасный.

ЛУКЕРЬЯ.

Словно, словно разбойники.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Охти мнѣ! ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ подъѣхали злодѣи? По дорогѣ, слышно, много селъ разграбили, сожгли. — Сердце не на мѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Пивкинъ, лѣпится около деревьевъ, пьяный, держа въ рукахъ почти опорожненную бутылку; а Чѣрняй изъ-подъ берега, вынимая изъ забора тычины, влѣзаетъ въ садъ.

ПИВКИНЪ.

(*Бормочетъ.*)

МЕЛОДРАМА.

Бѣда!
Пристали на Волгѣ косныя суда
Къ намъ ко брегу.
И просятъ съ угрозой себѣ здѣсь ночлегу,
Орутъ и кричатъ
И всѣхъ въ пухъ бранятъ.

[7] *Косная дружина.* Волжскіе разбойники хаживали на косныхъ лодкахъ: это косныя дружины (Зам. В. И. Даля).

Digitized by Google

Ихъ атаманъ — лобъ бритый съ хохломъ,
Съ турецкимъ ружьемъ;
А съ чернымъ, ужаснымъ, висячимъ усомъ
И съ острымъ копьемъ
У нихъ есаулъ. (*Допиваетъ бутылку.*)
Буль, буль, буль, буль.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Что ты тамъ, старая служба, разворчалась?

СИДОРОВНА.

Насандалилъ носъ, да и колобродитъ. Мерещится, видно, въ глазахъ; пьяному море по колѣно.

ПИВКИНЪ.

Такъ, родной мой Вахрамѣичъ и мать моя Сидоровна: я пьянъ! Очень пьянъ Наумъ, да беретъ на умъ. Оглянитесь-ко назадъ, такъ и сами увидите. (*Всѣ оглядываются. Черный подходитъ къ столу и, не говоря ни слова, кладетъ на оный бумагу и уходитъ.*)

СИДОРОВНА.

Что это?

ФУФЫРКИНЪ.

(*Смѣется.*)

Ха! ха! ха! приходилъ посолъ нѣмъ, приносилъ грамоту безсловесную[8].

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Посмотримъ, чтó такое. (*Ищетъ очковъ.*) Ба! со мною моихъ очесъ не имѣется. — Прочти, господинъ сержантъ.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Нехотя принимаетъ и тихо къ Лукерьѣ.*)

Я сержантъ съ именемъ; ежелибы не для васъ, сударыня, я бы не принялъ. (*Читаетъ.*) «Припасай, хозяинъ, хлѣбъ и соль: «мы къ тебѣ завтра въ гости будемъ поѣсть, попить, потѣшиться «и посчитать золотой казны.»

СИДОРОВНА.

(*Испугавшись*).

Ахъ, какая бѣда!

ФУФЫРКИНЪ.

Это кто-нибудь изъ вашихъ пріятелей шутитъ.

[8] *Приходилъ посолъ нѣмъ, приносилъ грамоту безсловесную*, или неписанную; это загадка: голубь съ Ноева ковчега (Зам. В. И. Даля).

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Призадумавшись.*)

Некошныя[9] это шутки.

ПИВКИНЪ.

Бездѣлица! разуютъ, раздѣнутъ, попарятъ, пожарятъ и спать въ сыру землю положатъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Съ трепетомъ.*)

И впрямь! здѣсь въ краю такое повѣрье.

СИДОРОВНА.

О Господи! спаси и помилуй.

ПИВКИНЪ.

Чортъ ихъ возьми! — хмель изъ головы выскочилъ.

ФУФЫРКИНЪ.

Въ проѣздъ мой чрезъ Новогородскую и Тверскую губернію, гдѣ учреждена градская и сельская полиція, подобныхъ злодѣйствъ не слышно.

СИДОРОВНА.

Здѣсь еще все старое по старому. — Сударикъ Наумъ! потрудись: сходи къ Елизару Варѳоломѣичу Проныркину.

КВАРТЕТЪ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Бѣги къ воеводѣ,
Команды проси,
Сули хоть и мзду.

ПИВКИНЪ.

Иду я, иду.

СИДОРОВНА.

Пусти слухъ въ народѣ,
Разбой разгласи,
Къ намъ близку бѣду.

ПИВКИНЪ.

Иду я, иду.

ФУФЫРКИНЪ.

Къ дворянской породѣ
Въ бой адъ пригласи,
На адъ нападу.

[9] *Кошной* — чистый, добрый, непоганый, годный. Болѣе употреб. *нѣкошный*, поганый, нечистый; сатана, бѣсъ (Словарь Даля).

Digitized by Google

ПИВКИНЪ.

Иду я, иду.

ЛУКЕРЬЯ.

Что въ этомъ походѣ?
Храбруй иль труси,
Жди бѣдъ и стыду.

ПИВКИНЪ.

Иду я, иду.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Бѣги къ воеводѣ,
Команды проси,
Сули хоть и мзу.

ПИВКИНЪ.

Иду я, иду.

ЛУКЕРЬЯ.

Храбрость хорошо; однакожъ и ей есть время. Стѣну лбомъ не пробить. — Злодѣевъ много, а насъ мало. — Не лучше ли подумать, какъ бы избавиться отъ этой напасти?

АРІЯ.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Постъ.*)

Въ избѣ есть казенки,
Въ подпольѣ потемки;
Не тамъ ли засѣсть,
Жизнь спасть намъ и честь?

ХОРЪ.

И впрямь такъ, пойдемъ,
Прогонимъ бѣду,
Скорѣе тряхнемъ,
Избѣгнемъ вреду.

ПИВКИНЪ.

Иду я, иду.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ людскую бѣлую избу. Посреди дверъ; вправѣ: русская бѣленая печь съ трубою до потолка, съ широкимъ жерломъ, запечкою, подпечкою, горнушками и казенкою, въ которую входъ окованъ желѣзною рѣшеткою; влѣвѣ: коникъ съ накладенными другъ на друга пе-

Digitized by Google

ринами, надъ коими между платьемъ виситъ на гвоздяхъ старая солдатская аммуниція: ружье, сумка и палашъ. Столъ, а на немъ двѣ въ подсвѣчникахъ горящія свѣчи.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Одна.*)

Смѣхъ съ ними и горе, — въ глазахъ явная трусость, а на словахъ чрезвычайная храбрость. Тотъ отпускаетъ палашъ, а тотъ приготовилъ фузею; бабушка отыскала древній портазанъ[10], и пожитки свои прибираетъ подалѣе; а безцѣнный мой женишокъ оправляетъ пистолеты. Пусть бы кто другой, а половину сердца моего я, право, не узнаю. Въ Петербургѣ совсѣмъ другой: одѣтъ пристойно, скроменъ, учтивъ, а здѣсь фуфырится себѣ не у мѣста, щеголяетъ, ломается невпопадъ предъ равными и грубитъ тѣмъ, которые его старѣе. Словомъ: въ странномъ своемъ нарядѣ мнѣ кажется онъ таковъ точно, какъ разноперый фазанъ на току. Что взглянешь, то и хочется помереть со смѣху; но потерпѣть! Чего любовь не дѣлаетъ? Ужъ не къ мелкотравчатымъ ли здѣшнимъ дворянамъ онъ поддѣлывается? Можетъ быть: гдѣ не достаетъ воспитанія, тамъ обыкновенно чудаковъ много; или не приноравливается ли онъ къ дѣдушкѣ, который, правду сказать, и понынѣ еще бредитъ мѣщанскимъ жеманствомъ и наряды жалуетъ, а бабушки дворянскую спесь и вертопрашество; коли такъ, такъ хорошо: я и сама имъ подлаживаю. Но теперь не до того, а подумать надобно, какъ бы отдѣлаться отъ гостей назойливыхъ, непрошеныхъ, которые, какъ слышно, съ хозяевами не очень честно обращаются. (*Стоитъ задумавшись.*) А! пришло мнѣ въ голову: — (*Поетъ.*)

АРІЯ.

Впрямь нельзя ли ухитриться
И злодѣевъ истребить?
Дай блажною притвориться
И ихъ въ яму заманить.
Злато мудрыхъ ослѣпляетъ,
Красота всѣхъ въ сѣть ведетъ;
Богъ невиннымъ помогаетъ,
Силу слабымъ подаетъ.

Подлинно, въ правомъ дѣлѣ Богъ всегда помощникъ.

---

[10] Родъ аллебарды, или пики; француз. pertuisane.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Лукерья, Старокопѣйкинъ, Фуфыркинъ и Сидоровна, изъ коихъ Старокопѣйкинъ въ бѣломъ ландмилицкомъ мундирѣ и въ красномъ камзолѣ, лосинныхъ штанахъ, въ парикѣ съ большою прусскою косою, перчаткахъ, ботфортахъ и шпорахъ съ предлиннымъ палашомъ; Фуфыркинъ, съ висящимъ на рукѣ на кожаномъ темлякѣ обнаженнымъ тесакомъ и съ парою пистолетъ, заткнутыхъ за патронташемъ, опоясаннымъ по кафтану; Сидоровна, съ большимъ подносомъ и штофомъ водки съ чарками, который ставитъ на столъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Лукерьѣ.*)

Что ты, моя милая кошурка, здѣсь помурныкиваешь! Знать, что про сонъ? — но теперь не до сна. — Видишь, въ какомъ мы парадѣ? Право, дешево не отдадимся.

ФУФЫРКИНЪ.

Побарахтаемся. — Черепъ-другой какъ размозжу, такъ и нехотя носъ отворотятъ.

ЛУКЕРЬЯ.

А ты, моя сердечная бабушка, знать, миролюбивая горлинка. Они съ оружіемъ, а ты съ дарами. Они для враговъ, а ты для пріятелей.

СИДОРОВНА.

Не прощелычь[11], дѣвушка: ты еще молода. Не холоднѣе отца твоего течетъ во мнѣ русская дворянская кровь; но надобно умѣть побѣждать не одной войной. Брось хлѣбъ и соль позади, — очутится впереди.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Трусу, Сидоровна, празднуешь! Политика политикой, а драться надобно. Привадь коршуновъ, такъ и черёвы растаскаютъ. — Да вотъ и Наумъ! что-то онъ намъ скажетъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Пивкинъ.

СИДОРОВНА.

Что́ воевода?

ПИВКИНЪ.

Говоритъ: когда соберу команду, такъ буду.

[11] *Прощелычить*, щелкать языкомъ, бойко болтать (Зам. В. И. Даля).

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

А скоро ли это?

ПИВКИНЪ.

Не знаю.

ФУФЫРКИНЪ.

Да есть ли какая команда? въ благоустроенныхъ губерніяхъ, которыя я проѣхалъ, штатныя роты всегда на лицо. Земскій коммисаръ по первому слуху преслѣдуетъ злодѣевъ и не престаетъ, покудова ихъ не переловитъ.

ПИВКИНЪ.

Куды къ чорту! у насъ нѣсколько разсыльщиковъ, и тѣ растыканы по всему уѣзду, котораго и въ мѣсяцъ на борзомъ скакунѣ не оскачешь. Слышенъ гдѣ-то съ гарнизонщиной сыщикъ, да его и самого у семи чертей на куличкахъ[12] не отыщешь. Пируетъ, да празднуетъ, вотъ тебѣ и все. Къ нему послали.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Плохо, плохо! — покудова сикурсъ не подоспѣетъ, могутъ наѣздники сорвать нашъ форпостъ.

ПИВКИНЪ.

Ба! да вы въ боевомъ порядкѣ. Надѣть было и мнѣ свою заслуженую аммуницію. (*Беретъ съ гвоздей и надѣваетъ.*)

ФУФЫРКИНЪ.

(*Съ смѣхомъ.*)

Надѣвай, надѣвай, чигиринскій рыцарь. Безъ тебя вѣдь дѣло-то не обойдется.

ПИВКИНЪ.

Не скалозубь, молодой господинъ! Ты еще былъ въ коноплянхъ, а я пули и ядра встрѣчалъ.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Поднявъ носъ.*)

Слушай, капралъ! ты позабываешь субординацію.

СИДОРОВНА.

Перестаньте теперь съ вашею титулаціею. Подумайте лучше: какъ не подоспѣютъ сыскные, то что намъ дѣлать? О Господи! прости меня, грѣшницу; это, видно, не Рѣдькино время. То-то былъ кавалеръ! горькая рѣдька для воровъ и разбойниковъ. Бы-

[12] *У семи чертей на куличкахъ*, на кулижкахъ, кулигахъ; кулига — росчисть въ лѣсу для посѣва (Ср. въ Областн. словарѣ: часть лѣса) (Зам. В. И. Даля).

Digitized by Google

вало, что̀ взглянешь, то и видишь: по Волгѣ внизъ плывутъ плоты съ висѣлицами да съ висѣльниками.

ФУФЫРКИНЪ.

Какой ужасъ!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Однакожъ, Сидоровна, разбои-то тогда не уменьшались.

СИДОРОВНА.

Хотя бы и нѣтъ. Но гдѣ грозно, тамъ честно. На нашихъ удальцовъ надобна крѣпкая узда. Громъ не ударитъ,—мужикъ не перекрестится.

ФУФЫРКИНЪ.

Позвольте, сударыня: это не правда. Жестокостію грубѣютъ сердца и портятся нравы, подобно нѣжнымъ растеніямъ въ то время, когда зловредныя вкругъ ихъ укореняются.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Но-безъ казней-то не плохо ли?

ФУФЫРКИНЪ.

Очень можно. Предварительное благоустройство и точное исполненіе законовъ есть твердое основаніе тишины и благоденствія.

СИДОРОВНА.

Чѣмъ, сударь, ты мнѣ это докажешь?

ФУФЫРКИНЪ.

Нынѣшнимъ правленіемъ.

ЛУКЕРЬЯ.

А особливо гдѣ начальники подаютъ въ томъ примѣры.

СИДОРОВНА.

Начальники! примѣры!

ФУФЫРКИНЪ.

точно, нѣгдѣ написано:
«Пусть въ розовы законъ сафьяны
«Переплетенъ въ судахъ градскихъ;
«Но всѣ суть люди обезьяны,
«И надобенъ примѣръ для нихъ»[13].

СИДОРОВНА.

(*Въ сторону.*)

Ай да умница! на виршахъ объ обезьянахъ бредитъ! (*Въ слухъ.*)

[13] Это четырестишіе, съ небольшимъ измѣненіемъ, находится между мелкими стихотвореніями Державина: см. томъ III, стр. 396.

Digitized by Google

Конечно, сударь, вы обучались въ какой-нибудь гвардейской школѣ или гимназіи?

ФУФЫРКИНЪ.

И читалъ кое-что.

ЛУКЕРЬЯ.

Безъ сумнѣнія, и Наказъ?

ФУФЫРКИНЪ.

Бывъ сочинителемъ[14] уложенной коммиссіи, я наизусть твердилъ эту божественнную книгу.

СИДОРОВНА.

Право? какая причина! я этого еще не знала. Унтеръ-офицеръ — риѳмачъ и сочинитель законовъ — рѣдкая вещь! ха, ха, ха! мудрецъ, батька мой, мудрецъ!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Не горячись, Сидоровна, не горячись. Знать, его милость былъ въ иншихъ земляхъ!

ФУФЫРКИНЪ.

И въ Архипелагѣ.

ПИВКИНЪ.

За тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ.

СИДОРОВНА.

Чужое видѣлъ, а своего ни зги.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Старокопѣйкину.*)

Что это, милостивый государь? афронтъ!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Не велемудрствуйте, не ссорьтеся, а лучше молитеся Богу, что половина ночи прошла, и у насъ еще тихо. (*Къ Фуфыркину.*) Не подосадуй, мой другъ: бабьи брязги ничего не значатъ.

ФУФЫРКИНЪ.

Такъ, я давеча сказалъ, что это пустая тревога. Хотѣли кто-то постращать!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Дай-ко Богъ! (*Слышенъ свистъ на улицѣ.*)

СИДОРОВНА.

(*Поблѣднѣвши.*)

Что это?

[14] Т. е. однимъ изъ редакторовъ въ коммиссіи составленія новаго уложенія.

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Робѣя.*)

Вотъ на! это разбойничій ясакъ[15]. (*Ободрясь.*) Не бойтесь.

ТРІО.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Я имъ дешево не дамся:
Я рубилъ Башкиръ, Татаръ.
Хоть умру, а не поддамся,
Покажу воинскій жаръ..

ФУФЫРКИНЪ.

Нѣтъ! ты, дѣдушка, не чванься:
Ужъ погасъ въ крови твой жаръ;
На меня ты полагайся,
Я имъ дамъ, — я ударъ.

ПИВКИНЪ.

(*Показывая, будто колетъ.*)

Я съ штыкомъ средь ихъ раздамся,
И задамъ пальбой имъ паръ;
Чортъ противъ меня упрямься,
Марширую: раръ, раръ, раръ!

(*Марширует.*)

(*Всѣ вдругъ.*)

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Я явлю свой жаръ.

ФУФЫРКИНЪ.

Я имъ дамъ ударъ.

ПИВКИНЪ.

Маршъ! маршъ! раръ, раръ! раръ!

СИДОРОВНА.

(*Ходя за Старокопѣйкинымъ.*)

Не вдавайся, другъ мой, въ опасность, или жизнь твоя тебѣ наскучила, что меня въ такихъ лѣтахъ хочешь оставить вдовою? Храбрость твоя довольно извѣстна. Побереги себя.

ЛУКЕРЬЯ.

Прежде времени, бабушка, безпокоитесь. Можетъ быть, свистъ этотъ былъ пустой, отъ проѣзжихъ.

[15] *Разбойничій ясакъ* (отъ татарскаго глаг. *ясамакъ*, дѣлать): сторожевой, опознательный кличъ, свистъ (Зам. В. И. Даля).

Digitized by Google

ХОРЪ.

СИДОРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ! лучше намъ уйтить.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! лучше кровь пролить.

ФУФЫРКИНЪ.

Нѣтъ! умреть иль побѣдить!

ПИВКИНЪ,

Нѣтъ! палить, колоть, рубить.

ЛУКЕРЬЯ.

Нѣтъ! тише, тише, — тить, тить!

(*Слышенъ свистъ болѣе прежняго.*)

Слышите ли? — пуще прежняго свищутъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Въ крайнемъ безпокойствѣ.*)

Вотъ тебѣ шутки! Зло всегда скорѣе сбывается.

СИДОРОВНА.

(*Также въ робости.*)

Что намъ дѣлать, окаяннымъ?

ФУФЫРКИНЪ.

Обороняться.

ПИВКИНЪ.

Да хоть бы за палисадникомъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

И впрямь, Наумъ! пойдемъ-ка, засядемъ въ шанцы.

ПИВКИНЪ.

И дадимъ оттуда залпъ. (*Идутъ и кладутъ въ подпечку ружья и палаши; а сами залѣзаютъ: Старокопѣйкинъ въ печь, а Пивкинъ въ трубу.*)

СИДОРОВНА.

Охъ, Лушенька! меня нѣкая скорбь изняла; пойду, отдохну. Поднеси проклятымъ гостямъ эту хлѣбъ-соль безъ меня; ты помоложе, они лучше отъ тебя примутъ. (*Прячется за печь, и тамъ надѣваетъ на себя премножество шубъ и всякаго платья.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фуфыркинъ и Лукерья.

ФУФЫРКИНЪ.

Итакъ мы съ тобою, Лукерья Ивановна, остались одни. Не подосадуй на меня, милый мой другъ, что я для тебя, въ угожденіе дѣдушки твоего и бабушки, проказничаю и въ такомъ шу-

Digitized by Google

товскомъ нарядѣ. Вѣдь ты знаешь, что одинъ любитъ помѣщаниться, а другая подворяниться, и оба между тѣмъ и чваны и трусы; а я умру близъ ногъ твоихъ.

АРІЯ.

(*Поютъ порознь, каждый по очереди.*)

ЛУКЕРЬЯ.

Страдаешь ты напастью злою,
Я муки чувствую твои;
И знай, что я моей душою
Въ твоемъ живу вся бытіи.

ФУФЫРКИНЪ.

Когда твой духъ по мнѣ томится
Взаимною любви тоской, —
Повѣрь, что всякій вздохъ стремится
И мой существовать съ тобой.

ЛУКЕРЬЯ.

Взгляни на двѣ свѣчи возжженны:
Онѣ хоть порознь и горятъ;
Но если будутъ совмѣщенны,
Сугубымъ пламемъ возблестятъ.

ФУФЫРКИНЪ.

О, сколько былъ бы я блаженнымъ,
Чтобъ совокупно намъ горѣть,
Хоть послѣ рокомъ раздраженнымъ
Пришло бъ и умереть!

ЛУКЕРЬЯ.

Умереть не долго: — для рѣшительнаго человѣка смерть только шагъ, — порогъ изъ свѣта въ другой; но природа и благоразуміе налагаютъ на насъ долгъ пещись о продолженіи жизни нашей и благоденствія.

ФУФЫРКИНЪ.

Какъ же?

ЛУКЕРЬЯ.

Не робѣть.

ФУФЫРКИНЪ.

Ты видишь, я не робѣю; но мы слабы обороняться противъ многочисленныхъ дерзкихъ сопостатовъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Прошу тебя, мой любезный, и заклинаю самою страстію

Digitized by Google

твоею не любопытствовать, а исполнить слѣпо, что я тебѣ только скажу.

ФУФЫРКИНЪ.

Что такое? душа моя, повелѣвай! нѣтъ для тебя невозможнаго.

ЛУКЕРЬЯ.

Даешь мнѣ вѣрное слово и утверждаешь его твоею клятвою?

ФУФЫРКИНЪ.

(*Цѣлуя руку.*)

Запечатлѣваю сею пламенною искрою сердца моего все исполнить, что прикажешь, хотя бы жизни мнѣ то стоило.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Указывая на коникъ и на творило.*)

Спрячься въ этотъ коникъ, и затвори тихонько это творило, когда въ подпольѣ услышишь голосъ мой.

ФУФЫРКИНЪ.

Какъ! ты дерзаешь на такую опасность и отдаешь сама себя въ руки губителей?

ЛУКЕРЬЯ.

Не заботься обо мнѣ.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Бросается на колѣни.*)

Умилосердись! (*Вынимаетъ пистолетъ и отдаетъ ей.*) Пронзи лучше грудь мою. (*Слышенъ свистъ въ третій разъ.*)

ЛУКЕРЬЯ.

Вотъ уже послѣдній разъ подаютъ злодѣи свой знакъ.

ДУЭТЪ.

(*Тихо.*)

ЛУКЕРЬЯ.

(*Показывая на коникъ.*)

Поскорѣй тутъ схоронися,
Не противься мнѣ, мой другъ.

ФУФЫРКИНЪ.

О себѣ ты попекися,
Прыгнемъ подъ полъ оба вдругъ.

(*Указывая на подполье.*)

ЛУКЕРЬЯ.

Нѣтъ, скорѣй ты тутъ ложися,
И перинъ заройся въ пухъ.

Digitized by Google

ФУФЫРКИНЪ.

Если такъ, то хоть простися.
Умираю, ахъ! ухъ! ухъ!

(*Опускается въ коникъ, а Лукерья заметываетъ его перинами и закрываетъ доскою; между тѣмъ слышенъ голосъ разбойниковъ за дверью.*)

Отпирай! (*Лукерья отпираетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Лукерья, Желѣзнякъ, Черняй и прочіе разбойники съ турками[16], копьями и ножами.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Рады ли хозяева гостямъ?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Притворяясь дурою.*)

Добро пожаловать.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Оглядывая ее съ ногъ до головы.*)

Ėа! хоть бы куда куница!

ЧЕРНЯЙ.

На ловца и звѣрь бѣжитъ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Но что ты, красавица, такъ принахохлилась?

ЛУКЕРЬЯ.

Боюсь.

ЧЕРНЯЙ.

Чего жъ ты боишься?

ЛУКЕРЬЯ.

Видишь, вы какіе озорные, страшные и съ такими большими ножами!

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Мы люди добрые.

ЧЕРНЯЙ.

Женихи: свататься за тебя пріѣхали.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Съ радостію.*)

А! вы люди добрые? не воры? женихи? свататься пріѣхали? Ахъ, какъ я рада! (*Прыгаетъ.*) очень рада! Давно мнѣ жениховъ-то

[16] «Казачьи ружья.» Д.

Digitized by Google

хотѣлось; бабушка всякому навязывала, да не брали; а вы такие молодцы пригожие. Садитесь, покушайте хлѣба и соли. (*Желѣзнякъ и Черняй садятся, а прочие, ставъ въ кружокъ, поютъ пѣсни.*)

ХОРЪ.

(*Плясовой съ ложками.*)

Дай зелена вина,
Дѣвка красна, пива пьянаго,
И напой насъ сама
Изъ устъ твоихъ меду алаго;
Ну, дай, подавай,
Съ Дону, най, най, най!

(*Лукерья пляшетъ съ однимъ изъ разбойниковъ.*)

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Ай да, хозяйка! самая ухорская.

ЧЕРНЯЙ.

Весельчакъ!

(*Хоръ продолжаетъ.*)

Распахнись, развернись!
Мы пришли къ тебѣ попраздничать.
Красотой подѣлись,
И дай душѣ пображничать.
Ну дай, подавай,
Съ Дону най, най, най!

ЛУКЕРЬЯ.

Пожалуй, сколько хотите,— вино самое крѣпкое, хорошее; дѣдушка недавно въ него сулемы подмѣшалъ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Отдвигая поднось.*)

Ну, къ черту!

ЧЕРНЯЙ.

Дай хоть пива.

ЛУКЕРЬЯ.

Тотчасъ, цѣлую ендову вамъ принесу; къ великому дню у насъ варили много, да никто не пьетъ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Для чего жъ?

ЛУКЕРЬЯ.

Гадина въ бочку попала

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Сморщась.*)

Тпфру!

ЧЕРНЯЙ.

Не надо. (*Встаютъ оба.*)

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Поцѣлуй же.

ЛУКЕРЬЯ.

А ночуешь ли у меня?

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Неужто! (*Въ сторону.*) Не дурочка ли она?

ЧЕРНЯЙ.

Есть у тебя отецъ и мать?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Подгорюнясь.*)

Я безъ отца, безъ матери, безъ роду, безъ племени, сирота горемычная.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Кто же у тебя есть? неужели ты здѣсь одна?

ЧЕРНЯЙ.

Я давеча видѣлъ кое-кого здѣсь. Гдѣ они?

ЛУКЕРЬЯ.

Бабушку и дѣдушку. Они всѣ тамъ въ свѣтлицѣ повалкой храпятъ. (*Мигаетъ и указываетъ на печь.*)

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Черняю тихо.*)

Чай, примѣчай, куды чайки летятъ. — Знать, мы ей прилюбились. (*Вслухъ.*) Обыщи. (*Лукерьѣ.*) Такъ ты думаешь, красная дѣвица, что мы воры?

ЛУКЕРЬЯ.

Провалъ васъ возьми! какъ же не воры? что пріѣхали, то и украли сердце. Оно тутъ (*Указывая на грудь:*), тутъ крѣпко заперто было.

ЧЕРНЯЙ.

(*Осмотрѣвъ въ печи и трубѣ.*)

Ба! что за дьявольщина! тутъ голова, а тутъ ноги; нѣтъ ли тамъ еще и брюха? (*Заглядываетъ въ печку.*) въ самомъ дѣлѣ, такъ и есть, претолстая утроба, цѣлая сѣнная копна! Вылѣзайте, вылѣзайте, сурки, изъ своихъ норъ. Такъ-то вы насъ угощаете?

Digitized by Google

ЛУКЕРЬЯ.

(*Тихо разбойникамъ.*)

Ништо. Они такіе скупые.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Подавай ихъ скорѣе сюды. Мы ихъ повыпотрошимъ.

ЧЕРНЯЙ.

(*Вытаскиваетъ Старокопѣйкина за голову, Пивкина за ноги, а Сидоровну за воротъ.*)

Ну, ну, поднимайте ноги, старыя крысы; а не то я вамъ придамъ рыси (*Старокопѣйкинъ, Сидоровна и Пивкинъ упадаютъ въ ноги Желѣзняку, изъ коихъ одинъ въ золѣ и парикъ на сторонѣ, а другой въ сажѣ и сума перевернута на грудь, а третья какъ куча.*)

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Ахъ, господинъ атаманъ!

СИДОРОВНА.

Пощади!

ПИВКИНЪ.

Пусти душу на покояніе!

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Экіе уроды!

ЧЕРНЯЙ.

Будто запечныя кикиморы!

СЕКСТЕТЪ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Чуръ, хрычи, не запираться.

ЧЕРНЯЙ.

Распростаться съ котомой.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Право можемъ въ томъ вамъ клясться...

СИДОРОВНА.

Не богаты мы казной.

ПИВКИНЪ.

Развѣ кладъ вамъ показаться...

ЛУКЕРЬЯ.

Можетъ, можетъ золотой.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

А! есть у этихъ кощеевъ кладъ? скажи, красная дѣвица.

ЧЕРНЯЙ.

Всю правду скажи.

Digitized by Google

ЛУКЕРЬЯ.

А женитесь ли на мнѣ?

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Взглянувшись съ Черняемъ, оба вдругъ.*)

Женимся, женимся.

ЛУКЕРЬЯ.

И, соколы мои ясные! Сударики! вы оба на мнѣ женитесь? Ахъ, какъ мнѣ любо! Иная весь вѣкъ ни одного жениха себѣ не найдетъ; а у меня не было, не было, да вдругъ два. Какіе же вы молодцы, дородные, хорошіе! (*Обертываетъ и цѣлуетъ, взявъ за уши, того и другаго.*) У тебя, мнѣ кажется, во лбу красно солнышко, а у тебя въ тылу свѣтелъ мѣсяцъ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Хорошо, хорошо! (*Черняю тихо.*) Право, она пошлая дура.

ЧЕРНЯЙ.

Развѣ теперь со страху съ ума сошла, а давеча была какъ вытная[17].

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Посмотримъ, что далѣе. (*Къ Лукерьѣ.*) Гдѣ же кладъ, красная дѣвица?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Показывая на Старокопѣйкина и Сидоровну.*)

У нихъ.

ЧЕРНЯЙ.

Что вы стоите, какъ пни неотесаные? говорите!

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Развертывайте дворянскіе засушины[18].

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Съ трепетомъ.*)

Напраслина!

СИДОРОВНА.

(*Съ плачемъ.*)

Небылица!

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Съ пронзительнымъ крикомъ и съ топотомъ.*)

Цыцъ! старое грибье! больше ни слова! (*Къ разбойникамъ.*) Раз-

[17] *Вытный* — умный, дѣльный, путный, толковый (Словарь Даля).
[18] Сухіе припасы, лежалый товаръ.

Digitized by Google

дѣвайте ихъ, ребята; взламывайте половицы, колите заслонку, щепайте лучину; огня! (*Разбойники исполняютъ приказаніе, и раздѣваютъ прежде Сидоровну, а Пивкинъ, взбѣжа на полати и схвативъ пукъ лучины:*)

ПИВКИНЪ.

Вотъ, вотъ вамъ лучина; но въ этомъ коникѣ много старой ветоши, которая какъ порохъ вспыхнетъ; только пожалуйте, меня не изжарьте. (*Кланяется имъ въ землю.*)

ЧЕРНЯЙ.

Ладно, ладно! что намъ въ твоей шкурѣ? И впрямь, дай-ко пощупать, чтó тутъ за поклажа. (*Поднявъ коничную доску, хочетъ рогатиной ударить въ перины.*)

ЛУКЕРЬЯ.

(*Бросаясь къ нему на шею.*)

Ай, ай! добрый молодецъ! не прокалывай мою дѣвичью перину. Я все скажу.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Отдергивая ее отъ Черняя за руку.*)

Поди же ко мнѣ, лебедка, коли что хочешь сказать.

ЧЕРНЯЙ.

Какъ, господинъ атаманъ? такъ поступать съ твоимъ товарищемъ и вырывать у него дѣвку, которая пришла ему по сердцу?

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

И мнѣ по душѣ.

ТРІО.

ЧЕРНЯЙ.

(*Грозя ножемъ.*)

Ножъ булатный мой въ печенкѣ
Прежде, въ сердцѣ сполощу,
Чѣмъ сей миленькой дѣвчонкѣ
Быть твоею допущу.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Тоже грозя съ яростію.*)

Не видалъ ты сердца львова,
Блескъ очей и скрыпъ зубовъ;
Развернись мнѣ тма гробова,
Чѣмъ твою къ ней зрѣть любовь.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Между ими.*)

Не рубитесь, не сѣкитесь,
Такъ животъ свой пламеня;

Digitized by Google

Но поденно хоть дѣлитесь
Вы любовью для меня.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Яда не боюсь змѣина.

ЧЕРНЯЙ.

Грозъ твоихъ я не страшусь.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Ставъ между ими.*)

Я межъ вами середина,
Я обѣимъ пригожусь.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Инъ бросимъ жеребій.

ЧЕРНЯЙ.

Давай.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Плачетъ.*)

Какъ же вы хотѣли оба на мнѣ жениться, а теперь вотъ и нѣтъ?

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Про себя.*)

Чѣмъ далѣе, тѣмъ глупѣе. (*Вслухъ.*) Не плачь, не плачь, женимся.

ЧЕРНЯЙ.

Оба женимся.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Прыгаетъ и бьетъ въ ладоши.*)

Оба! оба!

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Скажи же, гдѣ кладъ?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Указывая на Старокопѣйкина и Сидоровну.*)

Они на меня пуще разсердятся; и такъ лихи: ни денегъ мнѣ на орѣхи, ни на куклы не даютъ, и съ ребятами на улицу играть не пускаютъ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Мы все тебѣ дадимъ.

ЧЕРНЯЙ.

И увеземъ съ собою.

ЛУКЕРЬЯ.

Съ собою, съ собою? (*Щелкаетъ руками, пляшетъ и поетъ.*)

Digitized by Google

КВАРТЕТЪ.
(*Съ хоромъ разбойниковъ.*)

ЛУКЕРЬЯ.

О, какое мнѣ раздолье!
Кладъ у дѣдушки въ подпольѣ
Въ бочкахъ на цѣпяхъ виситъ.
Сребро, золото блеститъ.

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Надо, надо кладъ найтить.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Она мелитъ пустословье:
Тамъ не нужное снадобье
Въ старыхъ сундукахъ лежитъ
И хозяйскій ветхій бытъ.

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Надо, надо кладъ найтить.

СИДОРОВНА.

Развѣ бабье баснословье,
Ворожей, вралихъ размолвье
Къ вамъ дошло, что тамъ лежитъ,
Съ кладомъ рыцарь въ гробѣ скрытъ.

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Надо, надо кладъ найтить.

ПИВКИНЪ.

Правда, я слыхалъ съ надворья,
Какъ въ ключахъ хожу въ подгорье,
Что въ полночь тамъ свѣтъ блеститъ
И будто кто въ цѣпяхъ звучитъ.

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Надо, надо кладъ найтить.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.
(*И всѣ вдругъ.*)

Вѣрьте, братцы, вретъ.

СИДОРОВНА.

Небывальщину несетъ.

ПИВКИНЪ.

Воетъ песъ, мурлычетъ котъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Такъ пойдемъ со мной въ походъ
(*Схватываетъ свѣчу и уходитъ подъ полъ.*)

Digitized by Google

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Не спасетъ васъ самъ и чортъ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Что это? куды сумасшедшая провалилась? Но дуры лгать не умѣютъ. Идтить за ней! Однако осторожность не худо. Ребята! ветошь эту перевяжите и, разбросавъ по угламъ, стерегите порознь. Половина за мной, другая на дворъ. Есаулъ у дверей, — и смотрите: часы шатки, берегите шапки. Когда жъ бѣда, — вода[19]! (*Уходитъ въ подполье. Разбойники связываютъ Старокопѣйкина, Сидоровну и Пивкина, и трое съ ножами надъ ними остаются; остальные въ подполье, а другіе на улицу уходятъ. Есаулъ садится на коникъ съ копьемъ.*)

ЧЕРНЯЙ.

(*Поетъ.*)

Заунывно сердце молодецкое
Какъ черный воронъ крячетъ въ вѣтръ.
Ахъ! копье ль мое мурзавецкое,
Тускнешь ты? знать, ты вѣщунъ бѣдъ!
Но ужасна ль смерть мнѣ въ боѣ страшная
И тюрьма, что въ цѣпяхъ томитъ?
Нѣтъ! умора ты мнѣ, дѣвка красная,
Въ зной какъ солнце листъ сушитъ...

(*Слышно въ подпольѣ стукъ желѣза и голосъ Лукерьи.*)

ЛУКЕРЬЯ.

(*Въ подпольѣ.*)

Ай! ай! огонь угасъ.

ЧЕРНЯЙ.

(*Вскочивши.*)

Знать, кладъ, кладъ! Да и дѣвка-то одна стóитъ добраго сокровища! Молодцы! мы въ дуракахъ. Нечего бояться. (*Запираетъ двери на крюкъ.*) Ступайте за мною. (*Уходятъ въ подполье.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Старокопѣйкинъ, Сидоровна и Пивкинъ, по угламъ связанные, а Фуфыркинъ, вышедъ изъ коника, весь въ пуху.

МЕЛОДРАМА.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Заглядывая въ творило, тихо.*)

Всѣ туды сошли долой.

[19] «Когда жъ бѣда, — вода». Слово *вода* — крикъ, знакъ у разбойниковъ, по которому всѣ должны сбѣгаться на помощь (Ср. стр. 471: «Ступай! ступай! вода! вода!») (Зам. В. И. Даля).

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Охъ! неужли домовой...

СИДОРОВНА.

Пробѣжалъ межъ насъ избой!

ПИВКИНЪ.

Будто вихорь шемелой[20].

ВСѢ.

(*Кромѣ Фуфыркина.*)

Ахъ, такъ! ой! ой!

ФУФЫРКИНЪ.

Закрываетъ тихо и запираетъ творило задвижкою, становясь надъ нимъ, какъ часовой, съ палашемъ въ рукахъ.)

Тише, тише, не шепчите!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Охъ! охъ! кто тутъ? помогите!

СИДОРОВНА.

Рязвяжите, отпустите!

ПИВКИНЪ.

Жажду, жажду утолите!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Лукерья. (Тихо выбѣжавъ изъ казенки и взявъ въ горнушкѣ замокъ, запираетъ рѣшетку).

ЛУКЕРЬЯ.

(*Смѣется въ полголоса.*)

Ха! ха! ха! попались сомы въ вершу. Пусть ихъ посидятъ, покудова сыскная команда не придетъ. (*Къ Фуфыркину.*) Спасибо, милый часовой, крѣпко стережешь свой постъ.

ФУФЫРКИНЪ.

Ахъ! душа моя! какъ тебя Богъ спасъ? у меня сердце кровью обливалось.

ЛУКЕРЬЯ.

Стой-знай, а я развяжу плѣнниковъ. (*Подходя къ каждому:*) Живъ ли ты, дѣдушка? Жива ли ты, бабушка? И ты, пьянчуга, который накутилъ-было бѣдъ?

МЕЛОДРАМА И РЕЧИТАТИВЪ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Охъ! охъ! ахти мнѣ! я живъ чуть, чуть.

[20] *Шемела*, или *шемело* = помело, метла (Обл. Словарь).

Digitized by Google

СИДОРОВНА.

Едва могу дохнуть.

ПИВКИНЪ.

А мнѣ бъ хлебнуть чего-нибудь!

1-й ГОЛОСЪ.

(*Разбойничій изъ подполья.*)

Красная дѣвица! гдѣ ты теперь?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Развязывая Старокопѣйкина и припавъ лицомъ къ полу.*)

Здѣсь, здѣсь я, мой милый, сыскиваю дверь.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Охъ! охъ! ахти мнѣ! я живъ чуть, чуть.

СИДОРОВНА.

Едва могу дохнуть.

ПИВКИНЪ.

А мнѣ бъ хлебнуть чего-нибудь!

2-й ГОЛОСЪ.

(*Разбойничій изъ подполья.*)

Не завела ль ты насъ въ какую здѣсь ловушку?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Развязывая Пивкина и припавъ къ полу.*)

Нѣтъ, нѣтъ! мои друзья, пождите на минутку.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Охъ! охъ! ахти мнѣ! я живъ чуть, чуть.

СИДОРОВНА.

Едва могу дохнуть.

ПИВКИНЪ.

А мнѣ бъ хлебнуть чего-нибудь!

3-й ГОЛОСЪ.

(*Разбойничій изъ подполья.*)

Да скажи, пожалуй, намъ: отсель какъ выдти вонъ?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Развязавъ Сидоровну, припавъ къ полу.*)

Вотъ тотчасъ я приду и принесу огонь.

СИДОРОВНА.

(*Освободясь, бѣжитъ къ окну и кричитъ во все горло.*)

Разбой! разбой! — Народъ, сюда, сюда!

ВОРЫ.

(*Встревожась подъ поломъ.*)

Обманъ! обманъ! бѣда! бѣда!

Digitized by Google

НАРОДЪ.

(*На улицѣ.*)

Ступай! ступай! вода! вода!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Къ ружью! къ ружью!

СИДОРОВНА.

Къ дубью! къ дубью!

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ, бунтъ! ахъ, бунтъ!

ФУФЫРКИНЪ.

Во фрунтъ! во фрунтъ!

ПИВКИНЪ.

Изволь, изволь, готово;
Командуй кто хоть слово.

(*Вытаскиваетъ изъ-подъ печки свое ружье и палаши, и подаетъ одинъ Старокопѣйкину, а между тѣмъ слышна тревога, бой на колокольнѣ въ набатъ, по городу въ барабанъ и трещетки. Разбойники одни стучатъ въ творило, другіе ломаютъ рѣшетку копьями, производя изъ ружей стрѣльбу. Старокопѣйкинъ, Пивкинъ и Фуфыркинъ, выбѣгая изъ-за печки и отъ двери, защищаютъ рѣшетку палашами своими, изъ коихъ Пивкинъ и Фуфыркинъ стрѣляютъ иногда изъ ружья и пистолетовъ. Сидоровна и Лукерья, растворя двери, сзываютъ народъ.*)

Сюда! сюда!

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

(*За рѣшеткою.*)

Живы въ руки не дадимся,
Мы прольемъ всю нашу кровь;
Бѣда! бѣда!
Вода! вода!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ, ФУФЫРКИНЪ, ПИВКИНЪ, СИДОРОВНА И ЛУКЕРЬЯ.

Мы угрозы не боимся,
Ввергнемъ васъ во смертный ровъ.
Ура! ура!
Сюда! сюда!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ Старокопѣйкина горницу. Печь голландская изразчатая, муравленая зеленая. Столъ, накрытый персидскимъ ковромъ, нѣсколько деревянныхъ стульевъ и поставецъ съ напитками, и съ тою жъ

Digitized by Google

самою серебряною посудою, которая была въ 1-мъ дѣйствіи. Изъ нижняго жилья слышно глухое, заунывное бурлацкое пѣніе.

ХОРЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

(*Сидящихъ подъ карауломъ въ омшеникѣ.*)

Ужъ прошла черна ночь осенняя,
И туманъ возсталъ, заря блѣдная;
Говоръ птицъ говоритъ по Волгѣ вдаль,
И скрыпитъ верeевъ тюремныхъ сталь;
Пышетъ огнь отъ свѣчъ воску яровыхъ,
Топоры блестятъ въ рукахъ катовыхъ;
Смѣючись они ужъ на холмъ идутъ:
Знать, буйны головы положимъ тутъ
Не на мягкій пухъ, на жестки плахи,
Кои насъ просватаютъ, что свахи;
Не съ младой красотой, навѣкъ душой, —
Ахъ! съ сырой матерью всѣхъ, землей;
Грустно быть на позоръ протянутымъ,
Грустнѣй того, дѣвкой обманутымъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Проныркинъ и двое подъячихъ, съ книгами и кипами бумагъ подъ пазухами.

ПРОНЫРКИНЪ.

Насилу уняли собачій вой, чертовскую ермолафію[21]. Проклятые! и въ тюрьмѣ имъ покою нѣтъ. Ну, ужъ подлинно была баталія! Не дались бы никакъ адскія дѣти въ руки, ежелибы воструха, здѣшняго хозяина внука, подъ нихъ какую-то фельтъ не подпустила. Право, я и не знаю, что такое, а только видѣлъ, что гарнизонщина съ народомъ лишь на нихъ наступятъ, они гарк-

[21] *Ермолафія* (дребедень, шумная, многословная болтовня) — семинарское слово; вѣроятно, искаженное *ирмологій* (нотное собраніе ирмосовъ, поющихся отдѣловъ канона); точно такъ образовались слова: *евимоны* (μεϑ' ἡμῶν), *налой* (ἀναλογεῖον), *катавасія* (χατάβασις) и друг. Въ журналѣ *С-петербургскій Меркурій*, 1793 г., Крыловъ далъ осмѣянному имъ писателю имя: *Ермалафидъ* (см. *Полное собраніе сочиненій* Крылова, т. I, стр. 313: и *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1867, апрѣль, Приложенія къ статьѣ нашей «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка»).

Слова *ермолафія* до сихъ поръ нѣтъ ни въ одномъ словарѣ.

Digitized by Google

нуть: Сарынь на кичку[22]! — то всѣ врозь и разсыплются какъ дождь. Бились долго. Я было-велѣлъ уже домъ обложить соломою и зажечь (чтó дѣлать, хоть бы и хозяева сгорѣли!); но вдругъ пушечный выстрѣлъ такъ хватилъ меня въ грудь, что всѣ картечи по карманамъ и разсыпались. Я упалъ безъ памяти, очнулся, вижу, что тишина и говорятъ, что злодѣи отдались на милосердіе государское, — и такъ окаянныхъ побрали. Показанія ихъ въ допросахъ вы знаете и пересказывать вамъ нечего. Спасибо! потрудились, ребята, и вы. Безъ пытки скоро ли доберешься правды? Ну, да что дѣлать? запрещена. (*Махнувъ рукой.*) Такъ и быть, выпьемте-ко натощакъ по гапарухѣ[23] — вонъ, вижу я, въ поставцѣ кое-что есть, да и подите себѣ, отдыхайте съ Богомъ; а я, между тѣмъ, какъ воевода сюды прибудетъ, пересмотрю и перечерню ваше производство. (*Наливаетъ изъ штофа вино, пьетъ самъ и имъ подноситъ, которые, поклонившись, уходятъ; а онъ осматриваетъ комнату.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Одинъ.*)

Изрядная свѣтелка! хоть бы куды судейская. Да и секретная! Можно здѣсь въ уединеніи подумать, какъ бы однимъ швыркомъ, да два удара сдѣлать: исполнить должность и не забыть себя. Вертится кое-что на умѣ у меня. Дай-ко заглянуть въ указную книжицу. (*Перебирая листы.*) Ба! да вотъ, хоть бы куды и закóнецъ, — идетъ, право, идетъ. (*Смѣется.*) Ха! ха! ха! нашъ братъ, старый подъячій, окрещенный, вмѣсто воды, чернилами, осыпанный пескомъ, опеленанный бумагою, начиненный экстрактами и напоенный съ младыхъ ногтей кривою совѣстію, чего не выдумаетъ? Право, самъ чортъ съ нами не потягается! (*Пишетъ и, написавъ, смотритъ на бумагу.*) Вотъ дѣло и въ шляпѣ. Хоть бы куды мина подъ фортецію правды! ха! ха! ха!

---

[22] *Сарынь на кичку* — бурлаки на носъ, прочь, — обычный приказъ бывшихъ волжскихъ разбойниковъ: *кичка* — передъ, или носъ судна (Словарь В. И. Даля).

[23] *Чапаруха* — чарка (Зам. В. И. Даля).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Хапкинъ и Пронырвинъ.

ХАПКИНЪ.

Елизаръ мой Вареоломеевичъ уже не спитъ! ни свѣтъ, ни заря онъ за бумагами! Спасибо, братъ! Готово уже слѣдствіе?

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Кланяясь въ поясъ.*)

Готово, ваше высокоблагородіе. Согласно съ допросами. Вотъ и опредѣленьеце, чтобы удальцовъ, яко отдавшихся въ милость монаршую, отослать въ губернскую канцелярію къ гражданскому суду.

ХАПКИНЪ.

А не въ розыскной приказъ, какъ важныхъ преступниковъ?

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Кланяясь въ поясъ.*)

Нѣтъ, милостивѣйшій государь! есть кое-какія обстоятельства, требующія благоутробнаго вашего снисходительства.

ХАПКИНЪ.

Что такое?

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Осматриваясь, шепчетъ на ухо, потомъ вслухъ.*)

Вы сами теперь, милостивецъ, разсудите, что казусецъ этотъ зѣло рѣдкій, и такой, который, по мнѣнію моему, кажется, не долженъ быть разрѣшенъ безъ стяжанія отъ мамона неправды.

ХАПКИНЪ.

Подлинно, другъ мой! поймавъ курицъ, которыя несутъ золотыя яйца, глупо бы было оставить ихъ жировыми[24]. Здѣсь, можно говорить, никого нѣтъ: пушки, наполненныя червонцами, превеликіе котлы, набитые серебряною посудою, корчаги, насыпанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями... Тьфу пропасть! какъ съ эдакимъ добромъ разстанешься?

ПРОНЫРКИНЪ.

Сами вы, Луппъ Лукояновичъ, тертый колачъ: кому другому, а вамъ объяснять нечего. Вы сами съ нижнихъ чиновъ по статской службѣ происходили; такъ толковать вамъ тамъ излишне, гдѣ толкъ самъ по себѣ виденъ.

[24] Т. е. безплодными (*жировыя яица* — яица безъ зародыша).

Digitized by Google

ХАПКИНЪ.

(*Потирая руки.*)

Такъ, братецъ! Но въ чужой землѣ, въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, какъ это все сладить?

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Бѣгая вокругъ его.*)

Многодознанный благодѣтель! оксія, исо, камора[25], краткая, всякое у насъ дѣло будетъ гладко. Все, милостивецъ, мой, одумано, слажено, склеено по силѣ самихъ законцевъ.

ХАПКИНЪ.

(*Потирая лобъ.*)

Какихъ?

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Считая по пальцамъ.*)

Первый указецъ дозволяетъ и смертоубійцъ по долгамъ отсылать по требованіямъ въ магистратъ; второй — должниковъ отдавать на росписки, отпускать для свиданія съ родственниками, для прошенія милостыни, и прочая, и прочая, и прочая.

ХАПКИНЪ.

(*Задумавшись.*)

Знаю. Кому же они должны?

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Сложа руки и приложа къ груди.*)

Патронъ премилосерднѣйшій! у меня имѣется на сихъ зловредителей векселекъ на нарочитую сумму. Слѣдуетъ теперь только, чтобъ они его сознали въ присутствіи вашемъ.

ХАПКИНЪ.

(*Улыбаясь.*)

Итакъ у тебя, Елизаръ Варѳоломеевичъ, вижу, уже все на мази? хорошо! но я не пайщикъ въ векселѣ.

ПРОНЫРКИНЪ.

Отецъ родной! онъ ничего не значитъ, сирѣчь: плюнуть, но только необходимая стезя, которая ихъ выведетъ изъ пребеззаконнаго Вавилона.

ХАПКИНЪ.

Какого?

ПРОНЫРКИНЪ.

На прикладъ, изъ острога.

[25] Взятыя изъ греческаго языка названія надстрочныхъ знаковъ въ церковныхъ книгахъ.

Digitized by Google

ХАПКИНЪ.

И то хорошо. — А тамъ какъ?

ПРОНЫРКИНЪ.

А тамъ, присный мой и благоутробный покровитель! уже необходимо должно намъ будетъ попроситься въ отставку или, по крайней мѣрѣ, въ отпускъ на годъ, дабы самимъ съѣздить съ молодцами для вынутія поклажъ за границей.

ХАПКИНЪ.

(*Подумавъ.*)

Для пушекъ съ червонцами! такъ и быть, я и на сіе пущусь. Дѣлай, какъ знаешь, я все подпишу.

ПРОНЫРКИНЪ.

Благодареніе, второй отецъ, твоему неизреченному снисхожденію. Трынъ-трава теперь! (*Прыгаетъ и бьетъ въ ладоши.*) Фиръ, фаръ, фаръ, люди, еръ, арцы!

ДУЭТЪ.

ХАПКИНЪ.

(*Ударивъ по плечу Пронырквна.*)

То-то, братъ, поторжествуемъ,
Во столицахъ попируемъ,
Къ барамъ на обѣды брякъ,
По паркетамъ шаркъ, шаркъ, шаркъ!
И кареты не кареты,
И манжеты не манжеты,
И французскій модный фракъ.
Право, братецъ, право, такъ!

ПРОНЫРКИНЪ.

Мы и сами попируемъ,
По приказамъ похрабруемъ,
То въ трактиры, то въ кабакъ,
То на кстины [26], то на бракъ,
То ко истцамъ на конфеты,
На пиры и на банкеты,
А дѣла ползи какъ ракъ;
Что хотимъ, то будетъ такъ.

(*Оба вмѣстѣ.*)

ХАПКИНЪ.

Право, братецъ, право, такъ.

[26] *Кстины* (вологод.) — крестины (Словарь Даля).

Digitized by Google

ПРОНЫРКИНЪ.

Что хотимъ, то будетъ такъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Старокопѣйкинъ, въ шляпѣ, съ обнаженнымъ палашомъ, салютуя онымъ воеводѣ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Рапортую вашему высокоблагородію: непріятель безъ дальняго кровопролитія сдался на дискрецію; мы крѣпко было его атаковали, и конечно бы въ куски изрубили, ежелибы не послѣдовала г-ну сыщику (*указывая на Проныркина.*) сильная контузія, отъ чего и миръ заключенъ. (*Смѣется.*) Ха! ха! ха!

ПРОНЫРКИНЪ.

Трунишь, ваше благородіе. — Я воистину лежалъ въ безпамятствѣ, однакоже того не позабылъ, что у васъ нашлись взаперти воровскіе люди; и понеже сіе сумнительно, то и подлежательны вы къ безотлагательному допросу.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Струся, про себя.*)

Вотъ на! не тронь крапиву, такъ не обожжешься. (*Вслухъ.*) Спрашивайте у домашнихъ, а я былъ на ярмонкѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Фуфыркинъ и Пивкинъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Къ воеводѣ.*)

Рекомендую вашему высокоблагородію моихъ храбрыхъ сотоварищей: жениха моей внуки и стараго моего сослуживца.

ХАПКИНЪ.

Очень радъ познакомиться съ такими храбрыми воинами.

ПИВКИНЪ.

Я было только собралъ домашній гарнизонъ и хотѣлъ занять высоты...

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Какія, братъ Наумъ?

ПИВКИНЪ.

Какъ какія? полати, полавочники, печь.

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Подлинно! онѣ всѣ могли командовать казенкою.

ФУФЫРКИНЪ.

А вы позабыли, что отсиживались въ шанцахъ?

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(Ударя себя въ лобъ.)

Тьфу пропасть! изъ головы вонъ.

ПИВКИНЪ.

А хотя бы и такъ.

ХАПКИНЪ.

Не бойся, не бойся, храбрый служивый, и вѣдай, что подъ защитою высотъ и по штатской службѣ всегда не дурно.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Чуть было не задохся, подкатывая пороховую казну въ подкопъ.

ПИВКИНЪ.

А я, вися на лѣстницѣ съ моею петардою, *(указывая на суму)* того и смотрѣлъ, что взорвусь на воздухъ.

ФУФЫРКИНЪ.

Ты въ крайней опасности находился! Только не знаю, откуда бы забралась къ тебѣ искра? печь была не топлена.

ХАПКИНЪ.

Браво, браво, господинъ молодой сержантъ! Но полно, что́ и говорить: вы всѣ достойно заслужили рыцарскія почести.

ПРОНЫРКИНЪ.

Подлинно такъ. Ха, ха, ха! *(Къ Фуфыркину.)* Да самъ-то гдѣ ты сражался, удалой рыцарь?

ФУФЫРКИНЪ.

А тебѣ какое дѣло, господинъ Ерихонецъ?[27]

ПРОНЫРКИНЪ.

Ерихонецъ я? имѣющій оберъ-офицерскую патентацію? Послушай, номинатъ благородіе, кожаный темлякъ! Я сію минуту начеркаю челобитенку, такъ тотчасъ заплатишь у меня безчестіе. Неизвѣстно развѣ тебѣ, что я коллежскій регистраторъ и имѣю у себя патроновъ, благодѣтелей, которые за меня вступятся и не дадутъ въ обиду?

[27] *Ерихонецъ* — подьячій: ср. томъ I, стр. 179.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Отведши на сторону Проныркина и давая ему тихо ассигнацію.*)

Оставьте сему вѣтренику его неосторожный поступокъ. Онъ находился въ сокрытомъ мѣстѣ съ вспомогательнымъ корпусомъ и хорошо впрочемъ свое дѣло дѣлалъ.

ФУФЫРКИНЪ.

(*Въ сторону.*)

Ну его къ чорту, проклятаго крючкотворца! онъ того и мѣтитъ, чтобъ разгорячить. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хапкинъ, Проныркинъ, Старокопѣйкинъ и Пивкинъ.

ХАПКИНЪ.

Чѣмъ было дѣло дѣлать, а ты, Вор-ѳоломѣичь, затѣваешь такія кляузы! Отложи твою честь на сторону, которая не что иное, какъ тонкая хрустальная посуда, которую чѣмъ рѣже употребляешь, тѣмъ цѣлѣе бываетъ.

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Кланяется въ поясъ.*)

По совѣту вашего высокоблагородія, все учиню; да и его благородіе (*указывая на Старокопѣйкина*) настоятельно убѣждаетъ. (*Принимая за спиной ассигнацію, кладетъ въ карманъ.*)

ХАПКИНЪ.

За чѣмъ же стало?

ПРОНЫРКИНЪ.

Точію теперь утвержденьеце подлежательно рукѝ векселедавцевъ и дополненьеце къ его (*указывая на Старокопѣйкина*) преждереченному отрекательству.

ХАПКИНЪ.

(*Взглянувъ на Пивкина.*)

Да вотъ, я думаю, и онъ знаетъ.

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Пивкину.*)

Надобно тебѣ сказать, какъ сущему заслуженному капралу, всю правду.

ПИВКИНЪ.

Сказать правду? Сколько я ее знаю, во всемъ кудесила барышня.

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Барышня?

ПРОНЫРКИНЪ.

(Съ радостію.)

Барышня! *(Воеводѣ тихо.)* Не разсудите ли за благо, чрезъ сіе показаньеце, серебрецо-то изъ шкафа потребовать? Оно не излишно, коли не вамъ, такъ вашему слугѣ нижайшему. *(Кланяется въ поясъ.)*

ХАПКИНЪ.

Поступай по надлежащему.

КВАРТЕТЪ.

(Попарно въ полголоса и наконецъ всѣ вмѣстѣ повторяютъ.)

ХАПКИНЪ.

Чтó когда знаешь,
Въ томъ не трусь;
Мѣть лишь на усъ.

ПРОНЫРКИНЪ.

Коль ты прикажешь.
Я не страшусь,
Въ петлю пущусь.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(Пивкину.)

Чтó ты болтаешь
Такъ наизусть?
Умъ развѣ пустъ?

ПИВКИНЪ.

Коль запрещаешь,
Я въ томъ божусь,
Впредь остерегусь.

ПРОНЫРКИНЪ.

(Вслухъ Хапкину.)

Благъ совѣтецъ вашего высокоблагородія: всему есть пора, мѣра, вѣсъ и счетецъ. *(Почесывая ладонь.)*

ХАПКИНЪ.

Ну, чтó съ тобою говорить? Парень ты умный и свое дѣло знаешь.

ПРОНЫРКИНЪ.

(Къ Старокопѣйкину.)

Внучка вашего благородія потребна бы сюда на улику.

Digitized by Google

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

На одну доску съ ворами? Нѣтъ! нѣтъ!

ХАПКИНЪ.

Не опасайтесь, Прохоръ Вахрамѣичъ. Прерогативы вашего ранга всѣ сохранены будутъ.

ПРОНЫРКИНЪ.

Точію хотя по особливымъ пунктамъ тамъ у поставца объясниться со мною изволитъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Когда такъ, я не противникъ закону.

ХАПКИНЪ.

(*Пивкину.*)

Сходи, служивый.

ПИВКИНЪ.

По вашему ордеру я всю хоть вереницу притащу. (*Тихо.*) Только бы на самого меня не надѣли петли.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Сидоровна, одѣтая, сверхъ женскаго шушуна и чепчика, въ конный лосинный колетъ и шляпу, съ портазаномъ въ рукахъ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Ба, ба, ба! что за Маркобрунъ богатырь[28]? Супружница дорогая! это ты? что тебѣ сдѣлалось? Кой чортъ нарядилась такимъ военнымъ козырёмъ?

СИДОРОВНА.

Что за диковина? чѣмъ я васъ хуже? ни отцомъ, ни родомъ, ни племенемъ; вы сегодня отличились, а я чтобы осталась трусихою въ презрѣніи? Нѣтъ, батька мой! этому не бывать. Притомъ, я ли первая, я ли другая изъ боярынь, которыя скачутъ изъ любви къ мужьямъ своимъ на баталію? да притомъ, и всякій день въ очью у насъ совершается, что бабы и дѣвки провожаютъ колодниковъ.

ХАПКИНЪ.

Теперь, сударыня, есть здѣсь для того сыскная команда.

СИДОРОВНА.

Не изволишь ли, ваше высокоблагородіе господинъ воевода, самъ отправиться инспекторомъ и взглянуть на это ваше вино-

[28] Лицо въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ: ср. томъ III, стр. 95.

Digitized by Google

любивое воинство? Все мертво пьяно. Въ подвалѣ, гдѣ засажены теперь разбойники и стерегутся этою гарнизонщиною, стоятъ нѣсколько бочекъ вина: то всѣ они такъ перехлюпались, что лежатъ повалкой. Я для того, чтобъ не сдѣлали арестанты утечки, какъ хозяйка дому, принявъ мѣры, собрала мой гарнизонъ и ожидаю вашего повелѣнія. Что прикажете?

ВСѢ.

(*Смѣются.*)

Ха, ха, ха!

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Военная косточка! вся по князьямъ Кудахтинымъ.

ХАПКИНЪ.

Надобно бы сюды арестантовъ-то представить.

СИДОРОВНА.

Тотчасъ, ваше высокоблагородіе.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Поди, Наумъ, пожалуйста, и замыкай ея полкъ хотя намѣсто полуполковника; а то бабье правленіе весь строй перепортитъ. (*Сидоровна и Пивкинъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Лукерья и Фуфыркинъ, изъ коихъ первая одѣта въ праздничное русское платье, а второй опрятно, какъ должно, въ гвардейскомъ мундирѣ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Что́ такъ, любезная моя внучка, съ дорогимъ своимъ женишкомъ принарядилась, какъ будто изъ-подъ вѣнца?

ЛУКЕРЬЯ.

Здѣсь теперь господинъ воевода, а притомъ избавились отъ напасти.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Фуфыркину.*)

А ты, братъ, боевой кавалеръ! что́ отселѣ лыжи навострилъ?

ФУФЫРКИНЪ.

Былъ въ церкви съ Лукерьей Ивановной.

ХАПКИНЪ.

Зачѣмъ?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Взглянувшись съ Фуфыркинымъ, съ усмѣшкой.*)

Служили молебенъ.

Digitized by Google

ПРОНЫРКИНЪ.

Однакоже подлежательно тебѣ, красная дѣвица, воздать и царю царево.

ЛУКЕРЬЯ.

Что такое?

ПРОНЫРКИНЪ.

Вы слѣдуете къ нѣкоторому допросцу.

ЛУКЕРЬЯ.

Къ какому?

ПРОНЫРКИНЪ.

По подозрѣньецу, на васъ открывающемуся.

ХАПКИНЪ.

Будучи благородно воспитанною, какимъ вы образомъ водили компанію съ воровскими людьми и сокрывали ихъ у себя?

ЛУКЕРЬЯ.

Это-то и безъ меня узнаете. Я отвѣчать не хочу.

КВИНТЕТЪ.

ХАПКИНЪ.

Нѣтъ, должно вамъ сказать.

ПРОНЫРКИНЪ.

И невинность доказать.

ФУФЫРКИНЪ.

Прицѣпки презирать.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Запросамъ отвѣчать.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Отворотясь.*)

А я хочу молчать.

ХАПКИНЪ.

Слѣдуетъ, слѣдуетъ, любезная дѣвица, объяснить вашего дѣда и ключника общую на васъ ссылку, какъ что́ именно происходило.

АРІЯ.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Поетъ.*)

Все своею чередою
Должно въ свѣтѣ семъ идти;
Только волкомъ иль лисою
Надо жизнь свою вести;

Digitized by Google

Знать гдѣ хлопнуть въ часъ зубами,
А гдѣ хвостикомъ вильнуть;
Стать и сѣсть межъ дураками,
И смолчать и проболтнуть.

ПРОНЫРКИНЪ.

Сирѣчь: подлежитъ ереси знать.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

И ихъ не творить.

ХАПКИНЪ.

(*Въ полголоса.*)

Осторожно.

ФУФЫРКИНЪ.

Безъ нихъ развѣ нельзя?

ПРОНЫРКИНЪ.

Но вѣдь рубаха къ тѣлу ближе.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Прости Богъ! для меня это тарабарская грамота.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Сидоровна, Пивкинъ и разбойники, провождаемые пьяными солдатами, окруженные толпою дворовыхъ людей, крестьянъ, бабъ и дѣвокъ, съ разными свойственными имъ орудіями, какъ-то: ухватами, помелами, кочергами, граблями, вилами, метлами и т. п., изъ коихъ Сидоровна предводительствуетъ съ портазаномъ, а Пивкинъ замыкаетъ съ палашомъ. Разбойники въ оковахъ; изъ нихъ при Желѣзнякѣ и Чернякѣ по подъячему, въ уши имъ шепчущими; впереди барабанщикъ бьетъ походъ.

ХОРЪ.

Всѣ языцы,
Всѣхъ странъ лицы,
Восплещите,
Воскликните
Велегласно,
Согласно.
Сердца жаръ,
Боя даръ;
Раръ, раръ, раръ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Вотъ какая престрашная валитъ сила: мы, пожалуй, и нагайскую орду теперь съ Сидоровной завоюемъ; ха, ха, ха! (*Смѣется.*)

Digitized by Google

СИДОРОВНА.

Смѣйся! — Бабы не хуже иныхъ мущинъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Вы, бабушка, очень, очень въ духѣ.

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Къ воеводѣ.*)

Теперь намъ, кажется, отложить на нѣкоторое время военныя поведенціи; а примемся-ка, ваше высокоблагородіе, лучше за вексельное-то дѣльцо; оно, поистинѣ, для насъ вящшей авантажности.

ХАПКИНЪ.

Я тебѣ сказалъ, дѣлай что́ хочешь.

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Разбойникамъ.*)

Какъ это, атаманы молодцы, вы поддались подъ бабій караулъ?

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Слово указное крѣпко.

ЧЕРНЯЙ.

Будьте только къ намъ милостивы, царскій доброхотъ!

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Показывая сочиненный имъ вексель.*)

Ваше ли это обязательство?

ЛУКЕРЬЯ.

(*Съ усмѣшкою разбойникамъ въ полголоса.*)

Это самая бездѣлица на счетъ сокрытыхъ въ пушкахъ червонцевъ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

(*Взглянувшись съ товарищами.*)

Хемъ! признаемся: гдѣ рука, тутъ и голова.

ЧЕРНЯЙ.

Должны мы по сей бумагѣ.

ХАПКИНЪ.

Спасибо, ребята, что долго не задерживаете: говорите правду.

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Хапкину.*)

Теперь можно ихъ отпустить на поруки.

ХАПКИНЪ.

Отпускай себѣ.

Digitized by Google

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Пивкину.*)

Поручись.

ПИВКИНЪ.

На что и въ чемъ?

РЕЧИТАТИВЪ.

ПРОНЫРКИНЪ.

Съ брюхомъ ты и ртомъ.

ПИВКИНЪ.

Какое дѣло въ томъ?

ПРОНЫРКИНЪ.

Ты будешь пожирнѣе.

ПИВКИНЪ.

А буду ль веселѣе?

ПРОНЫРКИНЪ.

Тупица ты, болванъ.

ПИВКИНЪ.

За всякій день я пьянъ.

ДУЭТЪ.

ПРОНЫРКИНЪ.

Пить слаще будешь брагу,
Лишь руку только дай.

ПИВКИНЪ.

Возьми, а за бумагу,
Кто пишетъ, отвѣчай.

(*Даетъ подьячему руку, который за него росписывается.*)

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

(*Пожимая плечами.*)

Бездна премудрости и разума!

ФУФЫРКИНЪ.

Подьяческихъ плутней и душевредства!

ЛУКЕРЬЯ.

У нихъ нѣтъ на волосъ души, а нѣкакій вложенъ дьявольскій крючокъ.

ПРОНЫРКИНЪ.

Бойкая барышня! смотри, чтобы самой по строгости законовъ не согнуться крюкомъ.

ЛУКЕРЬЯ.

Врешь, подьячій.

Digitized by Google

ХАПКИНЪ.

Продолжайте, сударыня, начатое вами объясненіе.

ЛУКЕРЬЯ.

(*Поетъ.*)

АРІЯ.

Я исторію читала,
Я газеты разбирала,
Разны роли представляла,
И отъ стараго до мала
Души всѣхъ людей узнала,
Такъ и здѣсь я поступала.

ПРОНЫРКИНЪ.

Это отверница[29], — обиняки, пустословіе, которыя по законамъ къ принятію не подлежательны; а слѣдуетъ говорить, статья за статьею, пунктъ за пунктомъ, кратко, ясно, доказательно.

ФУФЫРКИНЪ.

Какъ ваша братья масть подъ масть подбираютъ.

ПРОНЫРКИНЪ.

Ты, господинъ, опять ко мнѣ на полозкахъ подъѣзжаешь? точію вѣдай, я съ именемъ, а ты и по сію пору еще не извѣстенъ ни мнѣ, ни его высокоблагородію (*указывая на Хапкина*). Кто ты таковъ?

ФУФЫРКИНЪ.

Я гвардіи сержантъ Фуфыркинъ.

ХАПКИНЪ.

(*Обернувшись къ нему.*)

А! прости меня, мой другъ. На имя твое вчерась я получилъ по почтѣ письмо, да и позабылъ по сіе время, за хлопотами, тебѣ отдать. (*Отдаетъ письмо.*)

ФУФЫРКИНЪ.

(*Принимая.*)

Покорнѣйше благодарю; сколько по надписи вижу, то оно отъ графа Добродушина.

ХАПКИНЪ.

Отъ графа Добродушина? а онъ вамъ. . .

ФУФЫРКИНЪ.

Не только благодѣтель, но и родня. (*Отходитъ въ сторону и читаетъ письмо.*)

[29] Ср. томъ III, стр. 508.

Digitized by Google

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Изогнувшись дугой, съ трепетомъ.*)

Родня?

ХАПКИНЪ.

(*Лукерьѣ.*)

Окончить бы, милостивая государыня, Лукерья Ивановна, какъ-нибудь ваше объявленіе попонятнѣе и ближе къ формѣ нашихъ безграмотныхъ приказныхъ (*указывая на Проныркина*).

ЛУКЕРЬЯ.

Когда надобно, извольте, сударь, слушать. Я воспитана подъ высочайшимъ покровительствомъ императрицы, въ благородномъ дѣвичьемъ монастырѣ. Учась исторіи, а особливо отечественной, узнала я хитрые поступки великія княгини Ольги, какимъ образомъ отвратила и уничтожила она дерзкія требованія Печенѣговъ. По газетамъ извѣстны мнѣ были хищничества въ польской Украинѣ славнаго разбойника Желѣзняка и товарища его Черняя, которые, будучи пойманы, отосланы въ Сибирь, а оттуда бѣжали и грабительствуютъ по берегамъ Волги. При нынѣшнемъ нападеніи на домъ моего дѣда, знавъ всѣ ихъ похожденія, а равно нравы и слабости моего семейства, и здѣшняго края правленіе, рѣшилась отвратить наше несчастье притворствомъ, взявъ на себя дурачество, посредствомъ коего представила себя влюбленною, и что у дѣдушки подъ поломъ кладъ, заманила я туда сихъ варваровъ; а какъ бабушка ихъ прежде времени, до прибытія команды, крикомъ своимъ встревожила, отчего по отчаянію ихъ и звѣрству легко могло бы быть ужасное кровопролитіе, то умѣла я въ суматохѣ дать злодѣямъ знать, чтобы они извѣстнымъ для алчныхъ сыщиковъ средствомъ ослабили ихъ жестокость. Они, бывъ догадливы, тотчасъ это поняли: сшибли мѣшкомъ съ ногъ этого подьячаго и предались на милосердіе судейское. Между же тѣмъ, какъ вы занимались окончаніемъ вашего судопроизводства, зашедъ съ моимъ женихомъ въ церковь, при свидѣтельствѣ всего народа обвѣнчалась; а что это правда, вотъ тому доказательство. (*Цѣлуетъ Фуфыркина и, оборотясь къ Сидоровнѣ:*) Я думаю, бабушка, вамъ теперь такой благословенный поцѣлуй уже не противенъ?

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Ай да проворъ дѣвка! Исполать!

Digitized by Google

СИДОРОВНА.

Проказница! голову съ меня сняла долой, окрутившись въ русскомъ платьѣ.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ.

Ну нѣтъ, ничего. Прости ей, пожалуй, другъ мой Сидоровна. Кому изъ дѣвушекъ замужъ не хочется?

ПИВКИНЪ.

А особливо за такого молодца.

СИДОРОВНА.

Ну чтожъ, когда уже то совершилось, быть тому такъ. Поздравляю васъ, милыя мои дѣти (*Обнимая, цѣлуетъ.*). Дай Богъ вамъ всякое благополучіе.

ФУФЫРКИНЪ.

Поздравьте же меня, бабушка, и еще съ радостію.

СТАРОКОПѢЙКИНЪ И СИДОРОВНА.

Съ какою, дорогой мой?

ФУФЫРКИНЪ.

(*Показывая на Хапкина.*)

Письмо, которое я отъ его высокоблагородія получилъ, извѣщаетъ меня, что скоро и здѣсь откроется губернія по новому образу управленія и что я назначаюсь сюда въ должность губернскаго прокурора.

ХАПКИНЪ.

Право? Имѣю честь рекомендоваться, милостивый государь, и препоручить себя въ благодѣтельное ваше покровительство.

ПРОНЫРКИНЪ.

(*Кланяясь рукою до земли.*)

И я, нижайшій, осмѣливаюсь испрашивать у васъ, Богданъ Любимычъ, себѣ высокой протекціи вашей и по долгу христіанскому прощенія въ вольныхъ и невольныхъ моихъ согрѣшеніяхъ.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Надѣясь на правосудіе, я долженъ теперь объявить, что мы никакому вексельному иску не подлежимъ.

ЧЕРНЯЙ.

Поклажа сокровищъ на польской Украинѣ нами вымышлена, дабы симъ средствомъ получить намъ свободу.

ХАПКИНЪ.

(*Пронырκину.*)

Вотъ, зловредный крючкотворецъ, въ какія ты меня впуталъ паутины!

Digitized by Google

ФУФЫРКИНЪ.

Какъ бы то ни было, злодѣи однако, кажется мнѣ, должны быть отведены подъ крѣпкую стражу, дабы всякій получилъ законное воздаяніе.

ХАПКИНЪ.

Конечно.

ПРОНЫРКИНЪ.

О горе мнѣ, грѣшнику сущу! всѣ беззаконія на главу мою упадутъ. (*Къ Хапкину.*) Точію какъ прикажете, ваше высокоблагородіе, записать въ журналѣ все оное происшествіе: допросцемъ или сказкою?

ПИВКИНЪ.

(*Съ насмѣшкою.*)

Такая сказка, кажется, лучше, чѣмъ отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей коурки.

ХАПКИНЪ.

(*Пронырскину.*)

Какъ хочешь, себѣ записывай, только не забудь того, что намъ не сдобровать со временемъ и что эта дурочка умнѣе умныхъ.

ДУЭТЪ.

ФУФЫРКИНЪ И ЛУКЕРЬЯ.

(*Поютъ.*)

Свѣтъ народамъ есть ученье,
Неученіе имъ тма;
Отъ губерній учрежденья
Въ Царствѣ Русскомъ тишина.
Святъ законъ и сей царицы,
Что воспитаны дѣвицы.
Умныхъ дурочка умнѣй.
Слава, слава, слава ей!

ХОРЪ ВСѢХЪ.

Въ родъ и родъ до позднихъ дней
Слава, слава, слава ей!

Digitized by Google

ГРОЗНЫЙ,

или

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

ОПЕРА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

1814.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Имѣя честь въ XIV бесѣдѣ любителей Россійскаго слова читать разсужденіе мое объ оперѣ * относительно ея свойствъ, правилъ и намѣренія, сказалъ я тамъ между прочимъ, что опера есть нѣкоторое подражаніе древней греческой трагедіи; поелику она возвышала духъ, то Ареопагъ, какъ политическимъ учрежденіемъ, поддерживалъ оною великодушныя чувствованія своего народа противъ могущественнѣйшихъ его враждебныхъ ему сосѣдей. Греки, превознося на театрахъ похвалами боговъ своихъ, благодѣтельныхъ государей и вождей, прелестями искусствъ впечатлѣвали въ сердца зрителей любовь къ отечеству, къ воинскимъ подвигамъ и прочимъ героическимъ добродѣтелямъ; а тѣмъ самымъ дали въ томъ примѣръ и послѣдующимъ за ними благоустроеннымъ народамъ. Въ позднѣйшія времена зрѣлища сіи появились сперва въ Венеціи и въ Италіи, а потомъ и въ прочихъ европейскихъ городахъ; при могущественныхъ государяхъ знатно преобразовались, или, лучше сказать, усовершенствовались какъ разнообразіемъ музыки, такъ и великолѣпными, частыми и многими украсительными перемѣнами театральныхъ представленій, чего въ древности почти не было. Тогда довольно было одного или нѣсколькихъ только видовъ. Но

---

* Это разсужденіе напечатано въ 14-й книжкѣ *Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова* (ч. III) и, судя по времени цензорской помѣты ея (7 апрѣля 1815), было читано въ 1814 году. Оно составляетъ одинъ изъ отдѣловъ *Разсужденія о лирической поэзіи* (см. томъ VII нашего изданія).

Digitized by Google

нынѣ достоинство большой героической оперы есть чудесные вымыслы поэзіи, не смотря на невѣроятность ихъ или несходство съ природою,— очарованіе взора живописью и зодчествомъ, слуха музыкой и пѣніемъ, вообще же ума и сердца самыми даже науками, согласно дѣйствующими къ единой трогательной, нравственной или забавной цѣли, которую предызбираетъ себѣ сочинитель.

Дабы сказанное мое разсужденіе доказать на самомъ опытѣ, каковы должны быть въ новѣйшемъ вкусѣ, по предначертаннымъ въ немъ правиламъ, отечественныя героическія оперы (каковыхъ у насъ, кромѣ двухъ г. Сумарокова *, и то баснословныхъ, не говоря о переводныхъ, на нашемъ языкѣ нѣтъ), осмѣлился я написать здѣсь предлагаемую. Я не выдаю ее за образецъ искусства но просто для нѣкотораго слабаго примѣра охотникамъ.

Содержаніе ея я взялъ изъ казанской исторіи и тамошняго края татарскаго баснословія. Къ нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ мнѣ показалось оное прилично. Ничего, кажется, нѣтъ подобнѣе кровожаждущимъ варварскимъ ордамъ нынѣшнихъ Французовъ; вождя ихъ — волшебнику Нигрину **, который болѣе обманомъ, обаяніемъ и хитростями своими, нежели истиннымъ мужествомъ хотѣлъ устрашить своихъ противниковъ; Змѣя — адскому демону, всю злобу на Россію изрыгавшему; Іоанна (кромѣ грознаго его нрава) — великодушному и прибѣжному къ Богу, Александру, побѣдившему враговъ всей вселенной и утвердившему свободу и блаженство не токмо Россіи, но и всей Европы.

Изъяснивъ вкратцѣ, такимъ образомъ, содержаніе и цѣль сей оперы, думаю, простятъ меня искусники театральныхъ представленій, когда найдутъ нѣкоторыя трудности, или самыя неудобства въ исполненіи перемѣнъ. Мнѣ желалось, сколько можно, во всей полнотѣ удержать разнообразіе и чудесность. Истинный талантъ все превозможетъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Грозный, царь россійскій.
Сумбека, вдова царя казанскаго Сафагирея и жена изгнаннаго Шигалея.
Шигалей, царь касимовскій, бывшій казанскій.

---

* «Цефалъ и Прокрисъ, Пирамъ и Тисбе». Д. — Державинъ видимо ошибся въ заглавіи второй оперы, приписываемой имъ Сумарокову. Въ собраніи сочиненій послѣдняго (ч. IV) дѣйствительно двѣ оперы; но *Пирама и Тизбе* между ними нѣтъ; вмѣсто ея мы находимъ у него *Альцесту*.

** Лицо Нигрина заимствовано Державинымъ изъ *Россіяды* Хераскова. О Змѣѣ Зилантѣ см. ниже собственное его примѣчаніе.

Османъ, царевичъ крымскій, } искатели казанскаго престола.
Эдигирей, царевичъ нагайскій, }
Эмира, царевна казанская, дочь Саина, сына Батыева.
Нигринъ, волшебникъ.
Аишь, наперсница Сумбеки.
Розмыслъ, инженеръ Грознаго.
Микулинскій, } князья и воеводы русскіе.
Серебряный, }
Бирючъ, или переговорщикъ татарскій.
Пѣвцы } Грознаго.
Трубачъ }
Пѣвцы Сумбекины.
Начальники } русскіе и татарскіе.
Воины }
Зилантъ, или Змѣй казанскій.
Тѣни мертвыхъ и проч.

Дѣйствіе въ Казани и въ окрестностяхъ оной.

ГРОЗНЫЙ[1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ по правую сторону рѣки Казанки обширные луга, на нихъ великолѣпный шатеръ Грознаго, въ немъ двои креслы, позади холмъ, близъ коего станъ войскъ русскихъ; въ отдаленіи наискось городъ Казань.

ЯВЛЕНІЕ I.

Грозный и Шигалей (въ вооруженіи).

ГРОЗНЫЙ.

Сядь, Шигалей, другъ, рабъ мой вѣрный!

ШИГАЛЕЙ.

(*Садясь.*)

Сколь милости безмѣрны
Подвластному царю!

ГРОЗНЫЙ.

Ты далъ мнѣ мысль идти къ Казани,
Благодарю.

ШИГАЛЕЙ.

О! да простреш свои мнѣ длани
Признательныя, государь,

[1] Печатается по рукописи, исправленной и приготовленной къ печати самимъ Державинымъ. По предисловію его и по времени изданія 4-й книжки *Чтеній въ бесѣдѣ л. р. сл.*, о которой тамъ упоминается, можно полагать, что опера *Грозный* написана въ 1814 году.

Digitized by Google

Когда бунтующую тварь
И имя ордъ здѣсь истребишь.

ГРОЗНЫЙ.

Ужъ слишкомъ гнѣвомъ къ нимъ кипишь,
А самъ зовешь меня ты Грознымъ.

ШИГАЛЕЙ.

(*Вставъ.*)

Названья по дѣламъ даются рознымъ:
Даешь коль правый судъ, —
Зовутъ тебя правдивымъ;
Щедроты очи льютъ, —
Зовутъ щедролюбивымъ;
Но днесь, когда карать
Ты только замышляешь,
Напрасно запрещаешь
Себя и Грознымъ называть.

ГРОЗНЫЙ.

Какъ хочетъ кто зови,
Будь только ревностнымъ къ отечеству въ любви. —
Но сядь и слушай, Шигалей.

(*Шигалей садится.*)

Извѣстны были всѣмъ мои младые нравы:
Я, бывъ игралищемъ страстей,
Не снискивалъ себѣ гремящей славы,
Довольствуяся тѣмъ,
Что роскоши ходилъ путемъ.
Бояре въ лоно нѣгъ влекли меня всечасно
И льстили въ томъ согласно,
Что былъ я кротокъ, тихъ
И невзыскателенъ для нихъ;
А тѣмъ они мой скиптръ почастно раздѣляли
И ни во что меня вмѣняли.
Я жъ, бывъ неопытенъ, несвѣдущъ, добръ, младъ, слабъ,
Былъ видомъ царь, а дѣломъ рабъ,
Бросаясь будто мячъ съ страны въ страну коварствомъ
И, должно какъ, не могъ браздами править царствомъ;
Но съ лѣтами, хвала Творцу! прозрѣлъ,
Отъ ужаса вздрогнулъ и стыдъ мной овладѣлъ,
Что передъ предками и предъ потомствомъ позднымъ

Digitized by Google

Себя такъ малымъ зрѣлъ.
Симъ воспарилъ мой духъ изъ путъ, какъ бы орелъ, —
И съ той поры я быть рѣшился Грознымъ.

АРІЯ.

Царемъ хочу днесь быть,
Достойнымъ Россовъ самымъ дѣломъ,
Отечеству служить
И день и ночь, душой и тѣломъ.
Громъ брошу силъ моихъ
На внутреннихъ враговъ, на внѣшнихъ.
И, возлюбя добросердечныхъ,
Искореню всѣхъ злыхъ.

(*Къ Шигалею.*)

Что скажешь ты о семъ, мой другъ?

ШИГАЛЕЙ.

Мой содрогаетъ духъ!
Какъ! хочешь быть равно ты гнѣвнымъ
Къ единоземнымъ
И иноплеменнымъ?

ГРОЗНЫЙ.

Вострепещи!
И винныхъ править не ищи.
Не лица, не народъ, но только за дѣянья,
Наградъ моихъ иль каръ увидишь воздаянья.
Отъ ближнихъ зло — вреднѣй тьмы вражьихъ золъ.
Я не пришолъ
Сюда, прошедшаго какъ приходили году
Бояре взять Казань, но дали ей свободу.
Ты самъ скажи про то:
Что? не измѣна ль то?

ШИГАЛЕЙ.

О Государь!

ГРОЗНЫЙ.

Такъ, такъ противу царской воли
Преступники жестокой доли
Должны ждать отъ царя.
Градъ сей,

(*Указывая на Казань.*)

О коемъ днесь идетъ военна пря,

Digitized by Google

Построенъ, вѣдаемъ, Саиномъ
Батыя сыномъ,
Чтобъ быть съ Россіей рубежомъ,
И прозванъ для того змѣинымъ онъ гнѣздомъ,
Чтобъ изъ него удобнѣй нападать,
Вдругъ на Россію огнь и мечъ и смерть бросать.
Ахъ! сколько пролилъ крови
Здѣсь дѣдъ мой и отецъ къ отечеству въ любови!
Чтобъ удалить отъ насъ гнѣздилище сіе,
Усердье зрѣлъ ты и мое;
Но, другъ мой! самъ не разъ былъ оклеветанъ
Ты по бояръ моихъ навѣтамъ,
И свой утратилъ царскій санъ.
Пожди, какъ градъ возьму, всѣмъ должное воздамъ.

ШИГАЛЕЙ.

Ужель безъ исключенья
Прострешь на всѣхъ свое ты мщенье?
Но милость на судѣ и милость на бояхъ
Монарховъ хвалится по свѣту
И царь тотъ царствуетъ въ сердцахъ
И богомъ чтится отъ людей,
О комъ и ложныя молвы жестокой нѣту.

ГРОЗНЫЙ.

Не вѣрю, Шигалей:
Царь, въ жизнь свою хвалимый, —
Кумиръ, льстецами только чтимый.
Не тотъ достоинъ хвалъ, кто днесь щедроты льетъ,
Но кто счастливые потомству дни куетъ;
И за свои труды,
Что путь къ хищенію пресѣкъ, къ неправдѣ, злобѣ,
Днесь не пріемлетъ мзды,
А похваляется во гробѣ.
О такъ! Еще тотъ не великъ,
О комъ гремитъ при жизни кликъ,
Кто славится однихъ вельможъ своихъ сіяньемъ;
Но тотъ, кто духомъ твердъ, народа благонравьемъ.

ШИГАЛЕЙ.

Но какъ возможешь ты достигнуть до сего
Въ обширныхъ племенахъ владѣнья твоего?

Digitized by Google

Народъ всегда порабощенный
Готовъ рвать цѣпи наложенны,
И скованный не твердъ изъ разныхъ рудъ сосудъ.

ГРОЗНЫЙ.

Но ежели его въ одинъ составъ сольютъ?

ШИГАЛЕЙ.

Ахъ, государь! ахъ! вѣръ, правъ, нравовъ перемѣну
Удобенъ предпринять одинъ только тиранъ.

ГРОЗНЫЙ.

Сей, духу слабому и лестью ослѣпленну
Куримый, можетъ быть пріятенъ ѳиміамъ;
Но я о будущемъ величьи помышляю
И не хочу прослыть ни мудръ, ни щедръ, ни благъ;
Въ моихъ единыхъ дняхъ
Россіянъ силу я въ потомствѣ созидаю,
Да будетъ всякъ изъ нихъ герой,
И тѣмъ начнемъ, сей градъ истнимъ крамолы злой.
Но не дивись, что мышлю такъ я грубо
И столь кажусь жестокъ:
Безстрашіе вельможъ, мнѣ мнится, зло сугубо,
Жестокость чѣмъ царя — порокъ.

ДУЭТЪ.

(*Порознь.*)

ШИГАЛЕЙ.

Но вспомни, что въ Казани, —
Иль, государь, забылъ? —
Предметъ моихъ желаній,
Давно мнѣ кой ужъ милъ.
Воспомни, тамъ Сумбека,
Съ ней скиптромъ я владѣлъ
И лучшаго дни вѣка
Въ блаженной жизни велъ.

ГРОЗНЫЙ.

Хочу, чтобъ наказаній
Ты зрителемъ Казанцевъ былъ
И зрѣлъ, какъ рушилъ зданьи,
Какъ градъ сей вспепелилъ,
Какъ въ немъ чтобъ человѣка

Digitized by Google

И слѣда ты не зрѣлъ
И пѣлаго дни вѣка
Въ развалинахъ лишь вѣтръ свистѣлъ.
(*Оба вмѣстѣ.*)

ШИГАЛЕЙ.

Помилуй, умоляю,
Не будь жестокъ таковъ!

ГРОЗНЫЙ.

Прошенья не внимаю
Толь слабыхъ я головъ.

ШИГАЛЕЙ.

Всѣхъ благъ тебѣ желаю
И плесковъ отъ вѣковъ.

ГРОЗНЫЙ.

Отважно приступаю
Карать моихъ враговъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, князья Микулинскій и Серебряный, Трубачъ, хоръ пѣвцовъ и войски появляются издали.

МИКУЛИНСКІЙ.

Къ осмотру рать твоя, великій царь, готова.

ГРОЗНЫЙ.

Вели, и гласъ трубы пошли намѣсто слова.
(*Даетъ знакъ трубачу, который трубитъ, и войски идутъ подъ слѣдующимъ маршемъ.*)

ХОРЪ.

Исполнить ревностно нашъ долгъ,
Сломить враговъ невѣрныхъ рогъ,
Идемъ, идемъ предъ царскимъ взоромъ,
Водимы вѣрою и Богомъ;
Идемъ щитомъ Россіи быть
Умреть иль побѣдить.
(*Войски остановляются, которыхъ по отдѣленіямъ Микулинскій представляетъ.*)

МИКУЛИНСКІЙ.

Подзорный — легкою бронею
Отрядъ сей Пронскаго одѣтъ,
Щенятевъ правою рукою,
Мстиславскій полкъ большой ведетъ,

Digitized by Google

Плещеевъ лѣвой, — съ стражевою
Вслѣдъ ратью Палицынъ идетъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

И прочіе князья стоятъ подъ знаменами,
Вожди твоихъ полковъ:
Князь Курбскій, князь Хилковъ
Идутъ на бой съ отважными душами.

ГРОЗНЫЙ.

Признательность мою за ревность ихъ являю
И ждать указа вамъ въ шатрахъ повелѣваю.

(*Войски, уходя, повторяютъ послѣдній стихъ хора.*)

Идемъ, идемъ тебѣ служить,
Умреть иль побѣдить.

ЯВЛЕНІЕ III.

Грозный, Шигалей, Микулинскій, Серебряный и караванъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, на верблюдахъ и ослахъ, молельщиковъ обоего пола, въ числѣ коихъ въ одеждѣ жреческой Нигринъ и Сумбека.

НИГРИНЪ.

Кумирище булгарско[2],
Вѣщаньемъ славное своимъ,
Приноситъ предъ твое лице пресвѣтло, царско,
И здравіе и миръ лицемъ моимъ,
И проситъ грознаго россійскаго владыку
Сквозь рать его велику
Молельщикамъ пройти въ кокшайску Черемись[3].

(*Въ полголоса Сумбекѣ.*)

Царица, преклонись!

(*Сумбека и всѣ за нею ставъ на колѣни.*)

[2] «Золотая, или кипчатская идолопоклонническая орда, пріявшая магометанство, имѣла въ городѣ Болгарахъ, лежащемъ между Камою и Волгою, славное предвѣщаніями своими капище, куда сбиралось множество молельщиковъ. — Остатки сего города съ довольно высокою каланчею и съ нѣкоторымъ отличнаго рода зданіемъ, на подобіе храма, понынѣ видны. Петръ Великій, проѣзжая въ Персію, приказалъ починить и подкрѣпить желѣзными обручами ту каланчу». Д.

[3] «Городъ Кокшайскъ лежитъ на луговой сторонѣ Волги. Около его обитала кокшайская Черемись, или народъ, называемый Черемисы». Д.

Digitized by Google

ХОРЪ.

Молельщиковъ моленье,
О бѣлый царь! внемли,
И наше ты прошенье
На сердце пріими:
Въ отчизну намъ безбѣдно
Сквозь рать позволь продтить
И вѣчно и вседневно
Тебя благодарить.

ГРОЗНЫЙ.

(Поставя копье на ногу Нигрину[4].)

Но возвѣсти, чета сумнѣнна,
Кто ты?

(Къ Сумбекѣ.)

Кто ты?

НИГРИНЪ.

Я жрецъ.

СУМБЕКА.

Я жрица всесмиренна.

ШИГАЛЕЙ.

Что проповѣдуетъ закамскихъ ордъ молва?

ГРОЗНЫЙ.

Вѣщай!

НИГРИНЪ.

Тамъ слухъ — Казань...

СУМБЕКА.

(Съ торопливостью перебивая рѣчь.)

Нѣтъ! нѣтъ! побьетъ Москва.
Такъ гласъ вездѣ гремитъ народный,
Что рокъ ужъ злой
Пришелъ Ордѣ Златой;
Повсюду рѣки кровны
Въ мечтаніяхъ видны
И въ нощи и во дни, —
Тамъ молньи зрятъ кругомъ, тамъ трескъ оружья слышенъ;
Съ тѣхъ поръ какъ сталъ Свіяжскъ[5] возвышенъ,

[4] «Царь Іоаннъ Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе ставить тому на ногу трость свою съ копьемъ, съ кѣмъ говорилъ, дабы онъ не лгалъ». Д.

[5] «Городъ Свіяжскъ, въ 20-ти верстахъ отъ Казани на нагорной сторонѣ, построенъ Грознымъ, дабы имѣть въ немъ твердую опору противъ Татаръ.» Д.

Digitized by Google

Инымъ взвѣваетъ ѳиміамъ
От русскихъ странъ;
Инымъ незримы лицы,
Вкругъ стѣнъ ходя поютъ казанскихъ чернорізцы;
И словомъ, множество является чудесъ.

НИГРИНЪ.

(*Указывая на холмъ.*)

А этотъ холмъ и лѣсъ,
Жилище страшнаго гнѣздящагся змѣя[6],
Когда не склонишь, царь, ты въ дружбу чародѣя,
Который бы его смирилъ,
Потратишь много силъ.

АРІЯ.

НИГРИНЪ.

(*Одинъ.*)

Змѣй этотъ страшенъ зѣло!
Зѣвъ его — ада жерло.
Зинетъ на звѣзды —
Звѣзды темнитъ;
Рыгнетъ на бездны —
Бездны варитъ.

СУМБЕКА.

(*Одна жъ.*)

И средствомъ бы это зло
Инымъ исчезнуть могло,
Средствомъ безвреднымъ;
Средство то — царь.
Дай его бѣднымъ
Ордамъ, государь!

ТРІО.

ГРОЗНЫЙ.

Что мнѣ до змѣя
И чародѣя?

[6] «По баснословнымъ казанскимъ преданіямъ, жило нѣкое чудовище (или змѣй въ холмѣ, по его имени названный Зилантовымъ), которое имѣло львиную и драконову голову, поѣдало людей и скотъ. — Оно выходило подъ вечеръ къ озеру Кабанью, для добычи, въ оврагъ, лежащій на большой казанской дорогѣ. Думать надобно, что это былъ какой нибудь разбойникъ.» Д.

Digitized by Google

Быть могутъ, не быть,
Могъ мечъ бы рубить.

НИГРИНЪ.

Безъ чародѣя
Не можешь ты змѣя,
О царь! побѣдить,
Казань покорить.

СУМБЕКА.

(*Приближась къ Грозному.*)

Кто дать разумѣя
Царя намъ милѣе,
Тотъ можетъ идтить
Казань покорить.

ГРОЗНЫЙ.

Но по вѣщаніямъ булгарскимъ
Кого почтить хотятъ у васъ названьемъ царскимъ?

КВИНТЕТЪ.

НИГРИНЪ.

Хотятъ Эдигирея.

СУМБЕКА.

Османъ всѣхъ храбрѣе.

ШИГАЛЕЙ.

Мню тѣнь Сафагирея[7]...

МИКУЛИНСКІЙ И СЕРЕБРЯНЫЙ.

Россійскаго злодѣя.

ГРОЗНЫЙ.

Забыли Шигалея?

(*Воеводамъ.*)

Велите ихъ пустить,
Да ѣдутъ въ путь безбѣдно.

НИГРИНЪ, СУМБЕКА И ВСѢ МОЛЕЛЬЩИКИ.

(*Кланяясь, повторяютъ послѣдніе стихи хора.*)

И вѣчно и вседневно
Тебя благодарить.

(*Нигринъ и Сумбека садятся на верблюдовъ, и весь караванъ проѣзжаетъ чрезъ театръ, который провожаетъ Микулинскій и Серебряный.*)

---

[7] «Сафагирей, славный царь казанскій, жестокій врагъ Россіи, по преданію былъ чародѣй и ѣздилъ на змѣѣ». Д.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Грозный и Шигалей.

ГРОЗНЫЙ.

Кумирамъ[8] отъ ханжей мнѣ странно поклоненье.

ШИГАЛЕЙ.

Но мню, что здѣсь не безъ ухищренья. —
Ты видѣлъ, государь, межъ ими прю?
Всякъ къ своему склонялъ тебя царю.
И въ томъ твое есть счастье:
Ты можешь обратить ихъ въ пользу несогласье.

АРІЯ.

А мнѣ, увы! о горе! ахъ!
Сумбека въ мрачной ризѣ жрицы
Въ моихъ здѣсь зрѣлася очахъ!
О хитрость лютыя царицы!
Какъ тихо, съ горъ катясь, вода
По малу, — капля упадаетъ
И твердый камень пробиваетъ:
Такъ сердце и мое всегда
Змія сія, ласкавъ, точила;
Но нынѣ, вижу, измѣнила!
Невѣрная жена!
Грудь мукъ моя полна.

(*Плачетъ.*)

ГРОЗНЫЙ.

Что льешься, Шигалей, такъ горькихъ слезъ ручьемъ?
Сберись съ твоимъ умомъ,
Престань, мужайся.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Бирючъ, держа въ рукахъ письмо, трубитъ въ рогъ, а вслѣдъ за нимъ Розмыслъ.

ГРОЗНЫЙ.

(*Посмотрѣвъ на печать письма, Бирючу.*)

Я послѣ дамъ отвѣтъ. — Не дожидайся.

(*Бирючъ уходитъ.*)

Что, Розмыслъ, скажешь мнѣ? Твоя мнѣ вѣсть нужна.

[8] Въ подлинной рукописи помѣщено здѣсь примѣчаніе, послѣ зачеркнутое: «Между ордой чипчацкой и татарской было смѣшанное тогда

Digitized by Google

РОЗМЫСЛЪ.

По волѣ, государь, твоей, сія страна
Мной вся осмотрѣна поганска:
Тверда стѣна казанска!
Къ тому жъ Казанка и Буланъ[9]
Вкругъ обтекаютъ такъ,
Что, кромѣ съ Арскихъ вратъ, ко граду нѣтъ проходу,
И онъ
Препятствій полнъ,
Что весь дубами заваленъ
И стражей вкругъ стрегомъ ногайскаго народу.

ГРОЗНЫЙ.

(*Поставя копье на ногу Розмыслу.*)

Иль Русскимъ, думаешь ты, ужъ проходу нѣтъ?
Иду хотя на цѣлый свѣтъ!

РОЗМЫСЛЪ.

(*Поетъ.*)

АРІЯ.

Ахъ! Грозный нашъ владыка!
Себя щади и рать.
Наукъ коль мощь велика:
Могу я городъ взять.
Вели — и башни возвышенны
На воздухъ подниму;
Рѣкамъ теченья дамъ премѣны
И горы брошу въ глубину.

ГРОЗНЫЙ.

Зрю, Розмыслъ, твоего всю важность я обѣта.
Честь должную воздамъ, иль смерть съ восходомъ свѣта.

(*Розмыслъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Слышенъ подземный стонъ, трясеніе и стукъ. Тѣ же, Микулинскій, и Серебряный въ смятеніи.

МИКУЛИНСКІЙ.

Все войско, государь,
Минутъ ужъ нѣсколько внимаетъ,

богослуженіе — идолопоклонническое и магометанское, да и теперь частію въ тѣхъ странахъ существуютъ оныя». Д.

[9] «Казанка рѣка, а Буланъ протокъ, или каналъ изъ озера Кабана въ сію рѣку текущій. Оли съ трехъ сторонъ почти окружаютъ Казань». Д.

Digitized by Google

Что подъ землею завываетъ
Какой-то стонъ, и вся окрестна,
Словесна тварь и безсловесна,
Безмолвствуетъ, дрожитъ.
Не знаемъ, ужасомъ природѣ кто грозитъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Слухъ идетъ: за Казанью,
Что къ озеру Кабанью [10],
Изъ горъ выходитъ нѣкій врагъ иль долъ
И тянется на версту
Въ пещеру сквозь лѣсовъ отверзту.
Подъ вечеръ, мнятъ, во весь сей долъ
Ложится волъ,
Иль змѣй, иль обликъ крокодила,
Котораго ужасна сила;
Бывъ гладенъ, воетъ онъ.

ШИГАЛЕЙ.

Знать, жрецъ вѣщалъ о немъ.

МИКУЛИНСКІЙ.

Во трепетѣ все войско.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Мы сердце зря въ царѣ геройско,
Не ужасаемся ни жалъ его, ни рогъ.

ГРОЗНЫЙ.

Намъ щитъ нашъ Богъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ударяютъ громы, блистаютъ молніи, окрестность вся освѣщается отъ безчисленныхъ змѣй огненныхъ, шипящихъ и падающихъ вокругъ чудовища, которое, выглядывая изъ мрачныхъ тучъ, зіяетъ головами льва и дракона. Въ бубны бьютъ тревогу. Воеводы, войски и пѣвцы бѣгутъ изъ разныхъ сторонъ на сцену.

ХОРЪ ПѢВЦОВЪ.

Видимъ мы зѣвы
Изъ облаковъ,
Слышимъ мы ревы
Бурь и громовъ

[10] «Озеро Кабанъ лежитъ за Казанью». Д.

ВОЕВОДЫ И ВОЙСКИ.

(*Бѣгая туда и сюда въ смятеніи.*)

Гдѣ царь нашъ? съ нами
Вождь будь вождей.

ГРОЗНЫЙ.

Дѣти! я съ вами
Грудью моей.

ВОЕВОДЫ.

Идемъ на змѣя!

ГРОЗНЫЙ.

Я впереди.

ВОЙСКИ.

Насъ не жалѣя,
Себя, царь, щади;
Смерть гдѣ страшнѣе,
Туда насъ веди!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ гаремъ (или дворецъ) царей казанскихъ, предъ коимъ садъ, разбросанный купами на пространномъ лугѣ, изъ коихъ слышится акордами изрѣдка перекличное тихое бряцаніе струнъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сумбека и Аишь.

СУМБЕКА.

Что, милая Аишь,
Здѣсь безъ меня происходило?

АИШЬ.

Коль правду говорить велишь,
Тебѣ не очень будетъ мило.

СУМБЕКА.

Что такое, что? скажи.

АИШЬ.

Не очень ты своимъ Османомъ дорожи:
Тебѣ онъ измѣняетъ.

СУМБЕКА.

Какъ! и что мнѣ твой языкъ вѣщаетъ?

Digitized by Google

АИШЬ.

Но не вини, постой,
А выслушай меня ты прежде,
Потомъ какъ хочешь, такъ ропщи.

СУМБЕКА.

Скорѣе сообщи.
(*Содрогается.*)
Я трепещу, я въ страхѣ, я въ надеждѣ!
Но нѣтъ, не можетъ онъ невѣрнымъ быть.

АИШЬ.

А ежели они условились ходить
Отъ тайно нашего надъ ними надзиранья
Сюда для ихъ свиданья,
Что скажешь ты тогда?

СУМБЕКА.

Увы! Бѣда.
Но отъ Османа я измѣнъ не ожидаю.

АИШЬ.

И я тебѣ того желаю. —
Но, можетъ быть, въ сей красный день
Придутъ сюда деревъ подъ тѣнь.
Се, слышишь, цитръ тамъ въ струны ударяютъ.
(*Слышится бряцаніе цитръ.*)
Чрезъ сей другъ другу сообщаютъ
Они прибытье въ рощи знакъ.

СУМБЕКА.

(*Въ смятеніи.*)
Ужели такъ!
(*Бряцаніе утихаетъ.*)
Нѣтъ! нѣтъ! тебѣ такъ мнится.

АИШЬ.

Что прежде времени сумниться?
Сокроемся въ кусты,
Узнаемъ, правда что и что мечты.

СУМБЕКА.

(*Взглянувъ на небо.*)
О Магометъ! Золъ отврати ненастье!
(*Скрываются въ купу деревъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Османъ и **Эмира** изъ противоположныхъ рощей по переклячному брящанію струнъ тихо выходятъ, имѣя въ рукахъ цитры, озираются вокругъ; увидя другъ друга, стремительно сбѣгаются.

ОСМАНЪ.

Какое счастье!
Какой восторгъ!
Безцѣнная, любезная Эмира!

ЭМИРА.

Едва Эдигирей оставилъ мой чертогъ,
Любовь дала крыло Зефира
Къ тебѣ летѣть, Османъ.
О царь! о богъ! моихъ всѣхъ чувствій истуканъ!

ДУЭТЪ.

(*Оба вмѣстѣ.*)

Есть ли лучшее блаженство,
Какъ, любя, любимымъ быть?
Всѣхъ сокровищъ совершенство
Въ взглядѣ миломъ находить?

(*Обнимая другъ друга.*)

(*Порознь.*)

ОСМАНЪ.

О дражайшая Эмира!
Всѣ богатства, троны мира!

ЭМИРА.

О любезнѣйшій Османъ!
Всѣхъ земныхъ утѣхи странъ...

(*Оба вмѣстѣ.*)

Съ тѣмъ возмогутъ ли сравниться,
Что любовью намъ дарится?
Сладость душъ, сердецъ, очесъ,
Восхищеніе небесъ!

ОСМАНЪ.

Но какъ Сумбека насъ преслѣдуетъ ужасно!
И какъ ты отъ нея могла уходъ твой скрыть?
Всечасно
Ищетъ насъ винить;
За кажду рѣчь, за взглядъ, за вздохъ нашъ негодуетъ!

Digitized by Google

ЭМИРА.

Къ тебѣ меня ревнуетъ.
Но въ русскій только станъ отъѣхала она,
Оставшися одна,
Тебя я зрѣть не упустила.
(*Обнимаются.*)

ОСМАНЪ.

Но что за мысль ее вскружила
Станъ вражій навѣщать?
Туда, въ прикрытіи дервишска чина,
Эдигирей Нигрина
Послалъ о всемъ узнать.

ЭМИРА.

Едва ли и царю сіе извѣстно.
Но то же явно всѣмъ, что дружбой тайной, тѣсной
Она сопряжена съ волхвомъ.

ОСМАНЪ.

Не можно ль розыскать загадку ту умомъ?
Ужъ не на тронъ ли вновь Сафагирея мыслитъ,
И происками мнитъ
Достичь, чтобъ русскій царь вошелъ въ ея сей видъ?

ЭМИРА.

Потерянно добро своимъ напрасно числитъ.
Такъ, вѣрь: Эдигирей
И Шигалей
И я
Въ томъ спорники ея.
Отъ правъ своихъ никакъ Казанцы не отстанутъ,
Вдовѣ покорствовать не станутъ,

ОСМАНЪ.

Она супруга изберетъ.

ЭМИРА.

О нѣтъ!
Коль Алкорана чтутъ уставы здѣсь святые,
Казанскій скипетръ мнѣ приходитъ отъ Батыя,
И съ тѣмъ сюда Эдигирей
Народомъ призванъ, чтобъ былъ царь рукой моей;
Но узъ невольныхъ ненавижу —

Digitized by Google

Для брака моего другой предметъ здѣсь вижу.
А кто жъ Сумбекой въ сей предызбранъ санъ?

ОСМАНЪ.

Османъ.

ЭМИРА.

(*Встревожившись.*)

Какой Османъ?

ОСМАНЪ.

Ты на него взираешь.

ЭМИРА.

(*Трепеща.*)

Какъ! дѣвѣ юной ты жену предпочитаешь,
Которая раздоръ здѣсь возгнела,
Супруга изгнала,
И кознями различными чаруетъ,
Противъ отечества воюетъ?
Ахъ, мой Османъ! ждала ли я сего
Отъ сердца твоего,
Когда тебѣ свое на вѣчность сочетала
И жизнь свою всеё тебѣ я посвящала?

АРІЯ.

Тебѣ только, Османъ!
А ты, неблагодарный,
Повѣря злоковарной
Женѣ, дался въ обманъ,
И сердце нѣжно, страстно,
Которое всечасно
Дышитъ, горитъ тобой,
Пожертвовалъ другой!

ОСМАНЪ.

(*Обнимая нѣжно.*)

Напрасно рвешь себя безмѣрной толь тоской.
Повѣрь, царевна, я невиненъ предъ тобой:
Хоть друженъ прежде былъ я съ хитрой сей женою;
Но, нравъ ея узнавъ, разстался какъ съ змѣею.
А искренняя твоя любовь
Велитъ бѣжать совсѣмъ мнѣ гнусныхъ тѣхъ оковъ;
Такъ, предъ тобой ничто мнѣ вся теперь вселенна!

Digitized by Google

АРІИ.

ОСМАНЪ.

(*Съ жаромъ.*)

Эдемъ отдай своихъ мнѣ дѣвъ,
Съ тобой не промѣнюся;
Разверзи адъ свой зѣвъ,
Съ тобой не разлучуся.

(*Нѣжно.*)

Такъ! вѣрь, Эмира, вѣрь,
И мнѣ *люблю* скажи,
На грудь мнѣ руку возложи,
И въ ней мой жаръ измѣрь.

ЭМИРА.

(*Страстно и со слезами.*)

Люблю, Османъ, люблю. —
Смотри изъ тока слезна,
Какую скорбь терплю,
Мня быть тебя невѣрна.
Но лучше знать о томъ
Изъ сердца можешь бою,
Какимъ оно тобою,
Любя, горитъ огнемъ.

(*Кладетъ его руку на свое сердце.*)

ДУЭТЪ.

(*Оба вмѣстѣ.*)

ОСМАНЪ.

Ничто мой пламень зѣльной
Къ тебѣ не погаситъ;
Движенья крови нѣжной
Слышь, какъ она горитъ.

ЭМИРА.

Ничто съ тобой, любезной,
Меня не раздѣлитъ;
Души моей влюбленной,
Смотри, какъ пламень чистъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, и изъ рощей вдругъ выходятъ Сумбека и Аишь.

АИШЬ.

(*Съ усмѣшкой.*)

Познать, какъ влюблена изъ бою сердца нѣжна,
Любовь не холодна!

СУМБЕКА.

Царевна!
Здѣсь одна,
И такъ съ царевичемъ ты обращаться смѣешь,
И не краснѣешь?
О стыдъ! о срамъ!

ЭМИРА.

(*Съ робостію.*)

Что непристойнаго въ насъ показалось вамъ?
Иль говорить мнѣ съ нимъ не можно?

ОСМАНЪ.

Мое почтенье къ ней не ложно.

СУМБЕКА.

Ты мнѣ, ты мнѣ такъ говорить, Османъ,
Теперь дерзаешь?
Но ты меня узнаешь!

КВАРТЕТЪ.

СУМБЕКА.

Иду, иду къ Эдигирею,
Скажу, скажу о всемъ ему;
И сколько мстить врагамъ умѣю,
Отмщу за царскую вину.

ЭМИРА.

И я скажу Эдигирею
Твоихъ пронырствъ всѣхъ глубину;
Но коль не дастъ суда, — умѣю
Надти защиту я ину.

АИШЬ.

И я скажу Эдигирею,
Съ царевной что царевичъ въ тму
Зашедъ здѣсь рощъ одинъ былъ съ нею;
Не быть вамъ правымъ никому.

Digitized by Google

ОСМАНЪ.

И я скажу Эдигирею,
Въ уединенну что страну
Зашедъ съ невѣстою моею,
Виновенъ не былъ ничему.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Пойдемъ, пойдемъ къ Эдигирею
И перескажемъ все ему;
Мы всѣ, съ невинностью своею,
Ему предстанемъ самому.

(Уходятъ въ разныя стороны.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Театръ перемѣняется и представляетъ теремъ Сумбекинъ, въ азіатскомъ вкусѣ убранный и устланный богатыми коврами. Окна на рѣку Казанку, за которой виденъ русскій станъ (лагерь.) Сумбека одна лежитъ на возвышенномъ тюфякѣ (или диванѣ), испускаетъ изрѣдка тяжкіе вздохи. Изъ-за рѣшетки слышенъ хоръ Дѣвъ.

ХОРЪ.

Престань вздыхать, царица!
Сей перемѣненъ свѣтъ:
Поутру свѣтится зарница,
Подъ вечеръ ея нѣтъ;
Потомъ къ намъ солнце вновь сіяетъ.
И съ милымъ сердцу такъ бываетъ:
Уйдетъ, — не унывай,
Люби — и уповай.

СУМБЕКА.

(Вскакивая съ бѣшенствомъ.)

Какъ! мнѣ стерпѣть обманъ?
Какъ! мнѣ любить и уповать?
Нѣтъ! мразу пламемъ не бывать.
Нѣтъ! стыдъ мой долженъ отомститься.

ЯВЛЕНІЕ V.

Сумбека, Аишь и Нигринъ въ волшебническомъ (или шаманскомъ) одѣяніи.

АИШЬ.

Царица! нечего страшиться:
Предубѣжденъ Эдигирей,
И волхвъ по волѣ здѣсь твоей.

Digitized by Google

СУМБЕКА.

О другъ мой! другъ Сафагиреевъ,
Чту коего себѣ я за отца,
Который мнѣ противъ моихъ злодѣевъ
Не разъ блескъ возвращалъ вѣнца,
Которому, какъ духи злые,
Покорны страсти такъ людскія!
Ты держишь счетъ всему, мѣрило, вѣсъ,
О мудрый волхвъ Нигринъ! будь помощь мнѣ и днесь.

НИГРИНЪ.

Что хощешь, возвѣсти, царица, мнѣ скорѣе!

СУМБЕКА.

Ты знаешь, что Эдигирея
Народъ возводитъ здѣсь на тронъ;
Но съ тѣмъ, чтобъ онъ
Въ супружество вступилъ съ Эмирой; —
По праву жъ двухъ мужей
Сама я мышлю сей украситься порфирой
И властвовать на родинѣ моей
Со избраннымъ въ супруга мнѣ Османомъ.
Но ахъ! поражена незапнымъ ихъ обманомъ!
Такъ, онъ влюбленъ въ нее, она въ него,
Въ разрывъ чувствъ сердца моего!
Помилуй, отврати сей вредъ мнѣ неисцѣльный:
Его ей остуди, затми ему красы Сирены;
Иль смерть пришла моя!

НИГРИНЪ.

Не властенъ я
Надъ страстными сердцами:
Любовь всемощными цѣпями,
Какъ хочетъ, ихъ вертитъ;
А паче, какъ царямъ претитъ любить?
Въ сердечны склонности я ихъ не замѣшаюсь.

СУМБЕКА.

Что жъ дѣлать мнѣ? ахъ! что? я громомъ поражаюсь!

(*Взглянувъ въ окошко.*)

Но что я вижу за рѣкой?
Царь съ пышною, мнѣ кажется, толпой
Изъ стана своего сбирается подняться!

Digitized by Google

НИГРИНЪ.
Коль на молву народа полагаться,
То будетъ иногда
Онъ самъ сюда,
Въ прикрытіи пословъ, для обозрѣнья града.

СУМБЕКА.
(*Съ удивленіемъ.*)
Ужели такъ!
(*Подумавъ нѣсколько съ восторгомъ.*)
О, какъ я рада!
(*Нигрину.*)
Поди теперь, Нигринъ, и мнѣ услужливѣй впредь будь.

НИГРИНЪ.
Готовъ на всякій трудъ;
Но только, чтобъ владыкъ съ страстьми мнѣ не сражаться!
(*Уходитъ.*)

СУМБЕКА.
(*Посмотря вслѣдъ ему.*)
Не лучше ль намъ, Аишь, по-женски ухитряться,
И разорвать красой красы намъ вредной страсть?
(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Театръ перемѣняется и представляетъ диванъ (или совѣтъ) царей казанскихъ; они сидятъ вокругъ на тюфякахъ, въ числѣ которыхъ и Османъ. Эдигирей посрединѣ. Казанцы, Кубанцы и Ногайцы вдали у дверей.

ЭДИГИРЕЙ.
Диванъ, въ которомъ ордъ вся власть,
Цари! князья! мурзы! подпора стѣнъ казанскихъ,
Заволжскихъ и закамскихъ
Мечи градовъ, степей и щитъ!
Къ отечеству любовь мнѣ вамъ открыть велитъ,
Что нѣдрится внутрь насъ крамолы зарожденье.
Внемлите тѣмъ мое сердечно сокрушенье:
Что перемирія просилъ у Русскихъ я,
И просьба какъ сія уважена моя,
Царь шлетъ ужъ къ намъ пословъ для переговоровъ[11];

[11] Здѣсь нѣтъ стиха; но такъ въ рукописи.

Digitized by Google

То вновь, поколь не вспыхнула война,
Хочу узнать вину мной сказанныхъ раздоровъ.

ОСМАНЪ.

(Вставъ съ важностію.)

Эдигирей! ты мѣтишь на меня, —
Изъ твоего то вижу взгляда.
Скажу не токмо здѣсь, но и на стогнѣ града,
Что на тебя роптал ъ — и не одинъ ужъ разъ,
Да и на все сіе собранье;

(Взглянувъ на диванъ.)

Но бунту замышлять на васъ,
Повѣрьте, — то оклеветанье.
Мнѣ нѣтъ въ томъ нужды никакой.

ЭДИГИРЕЙ.

Ты сей столицы ищешь трона.

ОСМАНЪ.

Мой дѣдъ Батый, я царь страны другой:
Тавриды не свѣтлѣй казанская корона.

ЭДИГИРЕЙ.

За что же ропщешь ты?

ОСМАНЪ.

Во принужденный бракъ, невинны красоты,
Влечете вы Эмиру.

ЭДИГИРЕЙ.

Ей надобенъ супругъ, — и съ ней порфиру
Народъ мнѣ отдаетъ.

ОСМАНЪ.

На сердце правъ насильныхъ нѣтъ.

АРІЯ.

(Поютъ порознь, одинъ по другомъ.)

ЭДИГИРЕЙ.

Ты вѣдаешь, какъ намъ обычно
Въ супружество женъ брать;
Красотъ не видѣвъ прежде лично,
Утѣхи ихъ вкушать.
И что въ любви тамъ и свободѣ,
Гдѣ должно долгъ давать природѣ?

ОСМАНЪ.

Единымъ варварамъ прилично
Такъ женщинъ оскорблять,

Digitized by Google

Что, не платя любовью лично,
Въ бракъ силой принуждать.
Нѣтъ, эта власть противъ природы:
Тамъ нѣтъ любви, гдѣ нѣтъ свободы.

ЭДИГИРЕЙ.

Диванъ, народъ!...

ОСМАНЪ.

Дивлюсь въ царѣ сему реченью,
Почтеніе храня.

ЭДИГИРЕЙ.

Кого жъ съ собой царевна къ съединенью
Въ супруги избрала?

ОСМАНЪ.

Меня.

ДУЭТЪ.

(*Оба вдругъ.*)

ЭДИГИРЕЙ.

(*Съ бѣшенствомъ.*)

Какъ дерзновенно,
Кубанецъ, язвишь!
Хлада царевны
Взоръ мой не зрѣлъ.
Лжешь ты,—отмщу!
Ногайцы! Ногайцы!

ОСМАНЪ.

(*Неуступчиво.*)

Вѣрь несумнѣнно,
Нагаецъ, и слышь:
Жаръ въ ней вседневно
Мною горѣлъ.
Честь защищу!
Кубанцы! Кубанцы!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Бирючъ, трубитъ въ рогъ. Шумъ перестаетъ.

БИРЮЧЪ.

Послы, самъ русскій царь, мнѣ мнится, ѣдетъ къ граду.

Digitized by Google

ЭДИГИРЕЙ.

(*Осману.*)

Османъ! оставь теперь досаду.
Въ общественныхъ дѣлахъ ссоръ частныхъ нѣтъ.

(*Къ предстоящимъ.*)

Спѣшите возвѣстить царицѣ и царевнѣ,
Что царь Москвы идетъ.
Да встрѣченъ будетъ онъ на стогнѣ древнѣ
Среди замочной той
Рѣшетки золотой [12],
Межъ велелѣпнѣйшимъ, чудеснымъ зданьемъ,
Гдѣ покорялся свѣтъ ордынскимъ приказаньямъ.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Театръ перемѣняется и представляетъ огромную въ азіатскомъ вкусѣ площадь, минаретами и каланчами наполненную. Въ срединѣ круглая золотая рѣшетка, за которою множество обоего пола разряженныхъ серальскихъ прислужниковъ и прислужницъ. Эдигирей, Османъ, члены дивана, окруженные вооруженными узденями (дворянами), воинами и народомъ. Сумбека, Эмира и Аишь съ ичогланами (юношами) и дѣвами встрѣчаютъ Грознаго, который переодѣтъ въ боярское платье. За нимъ многочисленный поѣздъ чиновниковъ и опричныхъ (гвардія), между коими князь Микулинскій и Серебряный. Вдали по улицѣ видна пристань рѣки Казанки и стругъ, украшенный разноцвѣтными флюгерами и раздувающимися парусами.

МИКУЛИНСКІЙ.

Исполнили твое, о царь! мы приглашенье.

ЭДИГИРЕЙ.

Россіи всей главѣ являя честь,
Чиню вамъ предложенье:
Враждебную оставя месть,
На вѣчно обладанье
Мнѣ утвердить Казань;
А я, давъ дань,
Всѣмъ возвѣщу ордамъ царю Москвы признанье.

МИКУЛИНСКІЙ.

Царь русскій къ вамъ прислалъ
На царство Шигалея;

[12] «Золотая замочная рѣшетка, — торговая площадь, которая удержала и понынѣ послѣднее свое названіе». Д.

Digitized by Google

Но вашъ диванъ его изгналъ!
То Грозный, честь свою возставить пламенѣя,
Изгнанника на тронъ желаетъ возвратить
Или достойнаго другаго помѣстить,
Но только бъ утвержденъ онъ былъ согласьемъ,
А не казанскихъ мурзъ единымъ лишь пристрастьемъ,
И въ вѣрности бъ клялся ему.

ЭДИГИРЕЙ.

Не быть сему,
Чтобъ раболѣпнымъ намъ унизиться покорствомъ.
Достоинства жъ познать
Онъ могъ желать,
Но какъ и чѣмъ?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Единоборствомъ.

СУМБЕКА.

(*Подошедъ къ Эдигирею.*)

Не соизволится ль царю
Начать сихъ рыцарствъ прю
Сперва увеселеньемъ?

ЭДИГИРЕЙ.

Царицы повелѣньемъ.

(*Сумбека даетъ знать платкомъ серальскимъ юношамъ и дѣвамъ. Начинается балетъ, подъ исходъ коего Эмира и Аишь, порознь каждая, пляшутъ и поютъ, играя на цитрахъ; Сумбека имъ вторитъ, влюбляя знаками Грознаго въ Эмиру.*)

ТРІО.

ЭМИРА.

Громкая слава
Витяземъ слыть.
Роскошь — отрава,
А не забава
Въ нѣгѣ вѣкъ жить;
Честь и почтенье,
Всѣхъ уваженье —
Доблесть любить.

АИШЬ.

Что въ томъ за слава
Биться и бить?
Лучше забава
Битвъ безъ устава

Digitized by Google

Спокойство хранить.
Честь и почтенье,
Всѣхъ уваженье —
Кротость любить.

СУМБЕКА.

Можетъ ли слава
Слаще той быть,
Мила какъ нрава,
Сердца забава,
Краса гдѣ насъ льстить?
Честь и почтенье,
Всѣхъ уваженье —
Милыхъ любить.

(*Всѣ вмѣстѣ.*)

ЭМИРА.

Честь и почтенье —
Доблесть любить.

АИШЬ.

Честь и почтенье —
Кротость любить.

СУМБЕКА.

Честь и почтенье —
Милыхъ любить.

ГРОЗНЫЙ.

(*Пристально смотря на Эмиру, съ восторгомъ.*)

Нигдѣ такихъ красотъ не зрѣлъ!

МИКУЛИНСКІЙ.

Но ты достоинствъ здѣсь стязанье зрѣть хотѣлъ.

ГРОЗНЫЙ.

(*Вздрогнувъ, Эдигирею.*)

Ожидаю.

ЭДИГИРЕЙ.

(*Оборотясь къ узденямъ.*)

Повелѣваю.

(*Представляются Русскими и Татарами воинскія игры, борьба, кулачный бой, мечами и палицами, скаканье чрезъ людей, и проч., въ которыхъ Микулинскій и Серебряный всѣхъ побѣждаютъ, кромѣ Османа, который иногда побѣды у нихъ оспориваетъ.*)

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Должно отдать Осману честь.

Digitized by Google

МИКУЛИНСКІЙ.

Онъ можетъ скипетръ несть.

ГРОЗНЫЙ.

(*Эдигирею.*)

Но что съ тобой, о царь! Ни силы, ни искусства
Не испытаемъ мы ни въ чемъ?

ЭДИГИРЕЙ.

(*Надменно.*)

Я избранъ ужъ царемъ,
И подлы для меня забавъ народныхъ чувства.

ЭМИРА.

(*Бросившись предъ послами на колѣни и указывая на Эдигирея.*)

Хоть низость онъ свою
Такъ обличилъ постыдно и нескромно;
Но вольность отягчилъ мою,
И въ бракъ меня влечетъ съ собой невольно.

АРІЯ.

Прошу я русскаго царя,
Да, слезъ моихъ потоки зря,
Во свой покровъ меня пріиметъ,
Изъ рукъ отъ хищника отыметъ.
Я не могу терпѣть сего
Несноснѣйшаго мнѣ тирана;
Люблю, люблю Османа:
Онъ сердце сердца моего.

ЭДИГИРЕЙ.

(*Съ яростію.*)

Какъ, царевна, ты
Меня такъ посрамляешь!
Диванъ! толь злобны красоты
Мнѣ ты, ты избралъ въ бракъ. Ты долгъ свой знаешь.

(*Члены дивана хотятъ Эмиру схватить.*)

ГРОЗНЫЙ.

(*Принявъ царскую осанку, застановляетъ Эмиру.*)

Нѣтъ! — прочь, прочь! — Спасать
И защищать
По праву рыцарей мы должны красоту невинну.

(*Опричнымъ.*)

Ввѣряю вамъ, друзья, ее беречь.

(*Они, подъявъ ее на руки, уносятъ.*)

Digitized by Google

ОСМАНЪ.

(Обнажа мечъ.)

И мнѣ вліялъ ты душу львину, —
Хочу костьми у ногъ царевны лечь.

(Смятеніе и сѣча у Ногайцевъ съ Кубанцами, а у Русскихъ съ Казанцами.)

ХОРЪ.

(Сперва тревожный, бѣшеная фуга, потомъ умѣренный и тихій. Поютъ всѣ вмѣстѣ, всякъ свое.)

ЭДИГИРЕЙ, ДИВАНЪ, СУМБЕКА И АИШЬ.

Не въ примиренье,
А въ похищенье
Были здѣсь женъ.

ГРОЗНЫЙ, МИКУЛИНСКІЙ, СЕРЕБРЯНЫЙ И ОПРИЧНЫЕ.

Громъ не въ плѣненье
Женъ, мы въ спасенье,
Мещемъ мечемъ.

(Сѣкутся мечами и отступаютъ отъ нападающихъ Татаръ.)

ЭДИГИРЕЙ И ДИВАНЪ.

Вслѣдъ имъ бѣгите,
Держите,
Рубите.

ГРОЗНЫЙ И ВОЕВОДЫ.

(Опричнымъ.)

Въ станъ нашъ ведите,
Спѣшите,
Летите.

(Русскіе съ шумомъ, а за ними Татары, сражаяся, уходятъ.)

ЭДИГИРЕЙ.

(Бѣгая въ смятеніи туда и сюда.)

Что мнѣ въ несчастьѣ
Съ зломъ симъ творить?
Какъ самовластье
Русскихъ смирить?

СУМБЕКА.

Можешь оружьемъ
Градъ защитить.
Царевну жъ какъ въ дружній
Бракъ намъ склонить?

АИШЬ.

Чары Нигрина,
Сила волшебствъ —

Digitized by Google

Помощь едина
Въ бурѣ сихъ бѣдствъ.

ЭДИГИРЕЙ.

Горе, ахъ! горе!
Что мнѣ начать?

ДИВАНЪ.

Надобно вскорѣ
Мѣры всѣ брать.

СУМБЕКА.

Дайте мнѣ волю
Къ Русскимъ сходить,
Мрачную долю
Въ блескъ обратить.

ЭДИГИРЕЙ И ДИВАНЪ.

Плачь, ухищряйся,
Просьбами льсти,
Въ опасность вдавайся,
Но возврати
Эмиру съ Османомъ
Грозой иль обманомъ.

СУМБЕКА.

Ѣду я волей
Къ грозну царю;
Можетъ быть, болѣй
Васъ не узрю.
Прости, царь казанскій!
Аишь, садъ серальскій!

(*Обнимается съ Эдигиреемъ, Аишей и дѣвами.*)

АИШЬ И ДѢВЫ.

Мила царица,
Сумбека, прости!
И возвратиться
Съ любовникомъ ты
Скорѣй къ намъ спѣши,
Печаль утиши.

(*Сумбека уходитъ и садится съ частію дѣвъ на стругъ, откуда часъ отъ часу тише на берегъ, а съ берегу на воду отзывается эхо: простите, прости!*)

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ ввечеру русскій лагерь съ разведенными огнями. Грозный, Эмира и Османъ въ кругу Микулинскаго, Серебрянаго и прочихъ воеводъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Шигалей и Сумбека приходятъ, изъ коихъ первый съ подобострастіемъ подходитъ къ царю, а другая съ робостію останавливается между воеводъ.

ШИГАЛЕЙ.

О мой хранитель и отецъ!
(Указывая на Сумбеку.)
Се виждь, моя змѣя здѣсь и супруга,
Раскаясь наконецъ,
Какъ плѣнница стоитъ среди героевъ круга.
Прости ее, прости
Во всѣхъ ты преступленьяхъ
И мнѣ въ объятья возврати;
И я простилъ ее во всѣхъ ужъ огорченьяхъ.

СУМБЕКА.
(Преклонивъ голову.)
Османъ, Эдигирей, съ Эмирой согласясь,
Разрушили мою съ супругомъ связь.

КВАРТЕТЪ.
(Речитативъ скорый.)

СУМБЕКА.
(Указывая на Эмиру.)
Она Батыя роду,
Казань своею чтетъ.

ЭМИРА.
(Указывая на Сумбеку.)
Она тебѣ невзгоду
И намъ всѣмъ вредъ куетъ.

ОСМАНЪ.
(Указывая на Сумбеку.)
Она съ царевной ходу
Мнѣ къ браку не даетъ.

ШИГАЛЕЙ.
(Указывая на всѣхъ ихъ.)
Она мнѣ съ трона сходу,
Была виною бѣдъ.

Digitized by Google

СУМБЕКА.

(*Указывая на Эмиру.*)

Насъ съ Шигалеемъ гонитъ,
Нашъ присвояетъ тронъ.

ЭМИРА.

(*Указывая на Сумбеку.*)

Въ свой бракъ Османа клонитъ,
Хоть не желаетъ онъ.

ОСМАНЪ.

(*Указывая на Сумбеку.*)

Въ свою меня сѣть ловитъ
И мурзъ смущаетъ сонмъ.

ШИГАЛЕЙ.

(*Указывая на Османа.*)

Не зря, что духъ мой стонетъ,
Мой тронъ грозитъ отнять мечемъ.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

(*Поютъ.*)

Внемли, о царь! моленье,
И судъ правдивый дай,
Возьми Казань въ владѣнье
И нами управляй.

ГРОЗНЫЙ.

(*Гнѣвно Шигалею.*)

Ужъ мы не разъ ихъ видѣли коварство,
А ты еще имъ вѣришь, Шигалей!

(*Оборотясь къ прочимъ.*)

Безъ васъ возьму я ваше царство
Одной рукой моей.
И помощи себѣ не жду и не желаю
Я никакой отъ васъ;
Измѣну презираю.
Подите прочь съ моихъ всѣ глазъ.

(*Уходитъ, и всѣ за нимъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ перемѣняется и представляетъ въ ночной тишинѣ спальный Грознаго шатеръ подъ Зилантовымъ холмомъ. У входа часовой, на столѣ свѣча. Грозный дремлетъ, сидя на дерновой скамьѣ. Розмыслъ, Микулинскій и Серебряный подходятъ.

РОЗМЫСЛЪ.

(*Въ полголоса.*)

Онъ спитъ.

МИКУЛИНСКІЙ.

Такъ тихо...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Что жаль будить.

РОЗМЫСЛЪ.

Но нужно съ нимъ поговорить.

ГРОЗНЫЙ.

(*Проснувшись.*)

Кто тамъ?

РОЗМЫСЛЪ.

Твой Розмыслъ нарушаетъ,
О государь! покой.

ГРОЗНЫЙ.

(*Вышедъ изъ шатра.*)

Покою царь не знаетъ.
Что возвѣститъ приходъ мнѣ твой?

РОЗМЫСЛЪ.

(*Съ трепетомъ.*)

Твои препорученья
Худой нашли успѣхъ...

ГРОЗНЫЙ.

(*Вспыльчиво.*)

Какъ такъ?

МИКУЛИНСКІЙ.

Ему премножество помѣхъ.

ГРОЗНЫЙ.

(*Съ негодованіемъ.*)

Какихъ?

РОЗМЫСЛЪ.

Повсюду чудятся явленья
И у работниковъ упалъ весь духъ.

(*Слышны перекликающіеся голоса филиновъ на казанскихъ башняхъ.*)

Digitized by Google

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Слышь, государь! и здѣсь какой гулъ ходитъ вкругъ.

МИКУЛИНСКІЙ.

Мнѣ стража доносила,
Что ночь чуть только наступила,
Изъ-за кабаньихъ дебрь[13] змѣй огненный явясь,
Летѣлъ къ сему холму[14] простертъ главою
И, пламенной стрѣлою
Упадши на него, погасъ;
Искръ дождь съ него лился кровавый
Въ подобіе ужасной лавы
И нѣкій какъ пожаръ
До Волги всю окрестность освѣщалъ.
Казанка и Булатъ кровями протекали.

ГРОЗНЫЙ.

(*Холодно.*)

Что мнѣ?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Отъ ужаса работы стали.

ГРОЗНЫЙ.

(*Съ превеликимъ гнѣвомъ.*)

Какъ! не исполняется царевъ указъ?
Я васъ!

ТРІО.

РОЗМЫСЛЪ, МИКУЛИНСКІЙ И СЕРЕБРЯНЫЙ.

(*Съ трепетомъ.*)

Что намъ дѣлать, какъ намъ быть?
Рвы потоки потопили.
Мы донесть о томъ спѣшили
И приказъ твой получить.

ГРОЗНЫЙ.

Лжешь, Розмыслъ, лжешь. Мнѣ ты хвалилъ твои науки;
Не сильны жъ коль онѣ, то сильны царски руки.

[13] «Съ сихъ мѣстъ, когда подкопъ подорванъ, городъ былъ взятъ приступомъ». Д.

[14] «По сему холму называется построенный на немъ монастырь Зилантовымъ, и нынѣ только, по завѣщанію царя Іоанна Васильевича, надъ могилами вождей, подъ Казанью убіенныхъ, сооружается повелѣніемъ царствующаго государя Александра 1-го памятникъ. Имена сихъ героевъ можно видѣть въ цѣновникѣ сего монастыря». Д.

Digitized by Google

Заплатишь головой,
Что смѣлъ играть такъ мной.

КВАРТЕТЪ.

ГРОЗНЫЙ.

Самъ работы осмотрю,
Робкихъ воиновъ ободрю
И запру прорывы рѣкъ.

РОЗМЫСЛЪ, МИКУЛИНСКІЙ И СЕРЕБРЯНЫЙ.

Коль смиришь стихіевъ прю, —
Можно въ свѣтѣ все царю:
Царь всесильный человѣкъ.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Театръ перемѣняется и представляетъ мрачную пещеру, въ Зилантовомъ холмѣ изсѣченную и арабскими буквами исписанную, въ которой устроена волшебная дѣльня (или лабараторія); видны разныя чародѣйственныя орудія, чучелы, остовы звѣрей, гадовъ, рыбъ и птицъ плотоядныхъ, по полкамъ разставленныя. Слышны со всѣхъ сторонъ: глухой стукъ пестовъ, скрыпъ снастей, трескъ машинъ и шумъ жерноновъ, между которыми раздаются стоны и унылые гласы человѣческіе. Нигринъ сидитъ посреди пещеры предъ горящимъ очагомъ, мѣшая лопаткою въ котлѣ кипящее снадобье. Вкругъ его множество живыхъ, ползающихъ, а болѣе мертвыхъ змѣй; передъ нимъ лежитъ огромный крылатый драконъ, едва челюстями зіяющій и хвостомъ шевелящій. Османъ и Эмира, къ стѣнамъ прикованные въ противоположныхъ пещерахъ, она за ступою, а онъ за жерновами. Сумбека изъ прямолинейнаго ущелья выглядываетъ. Музыка сображается предметамъ.

НИГРИНЪ.

(*Печально.*)

Сафагирея конь крылатый,
О мой Зилантъ, любезный другъ!
Стальночешуйныя царемъ россійскимъ латы
Пробиты сквозь твои.
Ты кровью истекаешь
И испускаешь духъ!
И ахъ! меня во плачѣ оставляешь!
Не дѣйствуютъ мои
Ни снадобья, ни чаръ всѣхъ врачеванье,
И близко ужъ мое съ тобою разставанье!

Digitized by Google

Арія.

Гнѣзда теперь змѣина[15]
Тронъ рушился Саина.
Не будетъ ужъ кому
По сердцу моему
Россію въ сердце жалить,
Ея величье малить!
Златой орды прешли молвы.
Увы! увы!

Дуэтъ.

(*Перекличный изъ противоположныхъ пещеръ.*)

ЭМИРА.

Слышу жалобы Османа!
Неужто здѣсь любезный мой?

ОСМАНЪ.

Власть Нигрина чрезвычайна
Въ плѣнъ меня повергла свой.

ЭМИРА.

Вкругъ меня змѣи шипящи
Жалами мнѣ кажутъ смерть.

ОСМАНЪ.

Узы слышь на мнѣ звенящи,
Змѣй съ тебя претятъ мнѣ стерть.

ЭМИРА.

Мощь въ тебѣ бывала львина.

ОСМАНЪ.

Вся исчезла отъ Нигрина.

ЭМИРА.

Приди, любезный, и спаси.

ОСМАНЪ.

О семъ ты у волхва проси.

НИГРИНЪ.

(*Вслушавшись въ послѣднюю рѣчь.*)

Что у волхва просить?
Меня, меня, молить?
О! это суща правда.
Надежнѣе я всѣхъ ордамъ сихъ странъ ограда.

[15] «Въ гербѣ казанскомъ изображается змѣй нѣкоего страннаго вида». Д.

И подлинно, ихъ жалокъ вѣкъ.
(Смотря въ ту и другую сторону.)
Хотя измѣнники несть должны наказанья,
Но для Батыя вспоминанья
И для пролитыхъ имъ
(Указывая на змѣя.)
Кровавыхъ рѣкъ
Сумбеки лично мщенье
Быть можетъ въ послабленье;
Я долженъ градъ сей защитить.
(Беретъ волшебный жезлъ.)

СУМБЕКА.

(Выступаетъ на сцену.)
Какъ можетъ чародѣй неправо такъ судить
И за меня не мстить?
Но слушай! на Москву злость вящшу ощущаю
И узниковъ моихъ прощаю.
Ихъ отпусти сейчасъ,
Пускай поборствуютъ по насъ.
(Нигринъ машетъ жезломъ, оковы съ Эмиры и Османа спадаютъ.)
Царь презрѣлъ красоту мою и покоренье,
Идетъ на разоренье:
То, сильный волхвъ! ты сей обиды не сноси,
Отечество спаси.

НИГРИНЪ.

Не женскимъ прихотямъ внемлю теперь, царица,
Когда въ опасности столица
И вся въ крови орда:
Такъ не одной тебѣ, а всѣмъ ужъ намъ бѣда.
Но прежде ты поди на гробъ къ Сафагирею,
Благоуханье принеси
И въ помощь тѣнь его моихъ волшебствъ проси.

СУМБЕКА.

Давно сама тѣмъ пламенѣю.

КВАРТЕТЪ.

НИГРИНЪ, СУМБЕКА, ОСМАНЪ, ЭМИРА.

(Послѣдніе вышедъ изъ пещеръ.)

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Пойдемъ, прольемъ моленье
На праотцевъ гробахъ,

Digitized by Google

Да въ наше защищенье
На Русь нагонять страхъ.

НИГРИНЪ.

Истню россійску силу.

СУМБЕКА.

Мое презрѣнье отомщу.

ОСМАНЪ.

Любезну мнѣ и милу...

ЭМИРА.

Скорбь сердца облегчу.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Пойдемъ, прольемъ моленье,
Врагамъ испросимъ казнь,
Дохнемъ въ ихъ станъ смятенье
И свободимъ Казань.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Театръ перемѣняется и представляетъ на Арскомъ полѣ густой боръ, объятый пламенемъ. — Деревья, одни горящія ходятъ, а другія, съ корня до вершинъ вспыхивая, погасаютъ. — Сумбека, поддерживаема Нигриномъ, а Эмира — Османомъ, приходятъ и останавливаются, изъ коихъ послѣдніе показываютъ на лицахъ ихъ ужасъ.

СУМБЕКА.

Что зрю?
Та роща злачная предъ праотцевъ кладбищемъ,
Въ которой для вѣнцовъ,
Усопшимъ въ честь, цвѣтовъ
Мы ищемъ,
Вся въ пламени, — и я какъ бы горю!

НИГРИНЪ.

(*Таинственно.*)

АРІЯ.

Бурно бурей буреванье
И бореевъ въ семъ бору,
Съ свистомъ сосенъ съ корней рванье
И свистанье искръ въ жару, —
Да не смѣетъ шагъ невѣрныхъ
Нарушать покой тѣней,

Digitized by Google

Спящихъ во гробахъ священныхъ
Внутрь волшебной рощи сей.

(*Машетъ жезломъ, но огни не погасаютъ.*)

Но что?

(*Съ ужасомъ.*)

Не внемлетъ огнь жезлу могущу!
Иль душу зритъ невѣрну сущу,
Ахъ! здѣсь межъ насъ?

(*Смотря на Сумбеку, Османа и Эмиру.*)

Признайтеся сейчасъ!

СУМБЕКА.

Невѣренъ мнѣ Османъ и недругъ мнѣ Эмира.

НИГРИНЪ.

Прочь, нечестивые! виталище здѣсь мира.

(*Эмира и Османъ уходятъ въ сторону; Сумбека и Нигринъ въ глубину рощи Огнь погасаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Театръ перемѣняется и представляетъ каменные, мрачные своды, или кладбище царей казанскихъ съ двумя рѣшетчатыми чугунными дверями. — Видны падающія изъ стѣнъ съ шумомъ воды и сѣдящія на могилахъ въ бѣлыхъ саванахъ дремлющія тѣни. Посреди, на высокомъ подножіи, гробъ Сафагиреевъ, освѣщенный слабою лампадою. Сумбека съ урною въ рукахъ, благоухаиный дымъ испущающею, а Нигринъ съ волшебнымъ жезломъ входятъ въ одни двери; а сквозь другихъ, съ зажженными факелами видны: Грозный, Розмыслъ, Микулинскій и Серебряный.

ХОРЪ ТѢНЕЙ.

(*Тихій, полутонный теноровъ и басовъ.*)

На могилахъ хоть сонно сидимъ,
Къ намъ на вошедшихъ грозно глядимъ.
Прочь поскорѣе бѣгите отъ насъ,
Смерть не постигнетъ покуда здѣсь васъ.

НИГРИНЪ.

(*Поднявъ жезлъ.*)

Умолкните!

(*Тѣни сдѣлались неподвижны и воды умолкаютъ*)

Царица! прослезись
Предъ гробомъ — и молись.

СУМБЕКА.

(*Поставя урну на землю, плачетъ и поетъ.*)

Digitized by Google

АРІЯ.

О прахъ драгій Сафагиреевъ,
Супруга, друга моего!
Слышь гласъ полсердца твоего:
Молю слезами, пламенѣя,
Будь щитъ намъ отъ Россій,
Проснись, возстань, спаси!

(*Упадаетъ ницъ и въ безмолвіи молится.*)

НИГРИНЪ.

(*Въ безпокойствіи.*)

Что слышу? — въ дверяхъ стукъ!
Такъ, такъ, отъ Русскихъ онъ исходитъ рукъ.
Я радъ, я радъ сему сердечно,
Что сами, межъ тѣней, здѣсь погребутся вѣчно.
Но насъ
Отъ вражьихъ глазъ
Да скроетъ поскорѣй, царица,
Сія гробница.

(*Уходятъ за гробъ, рѣшетка отворяется.*)

ГРОЗНЫЙ.

(*Обозрѣвъ своды и тѣней.*)

Я камни только здѣсь среди могилъ срѣтаю.

(*Открывается гробъ Сафагиреевъ и тѣнь его встаетъ.*)

ТѢНЬ.

Я живъ, повелѣваю:
Оставь мой градъ.

ГРОЗНЫЙ.

(*Обнажа мечъ и замахиваясь.*)

Ты живъ иль нѣтъ, того не знаю;
Но мной не смѣй повелѣвать.

НИГРИНЪ.

(*Вышедъ изъ-за гробницы.*)

Устремляйтесь!

(*Тѣнь изъ гроба и прочія съ могилъ вскакиваютъ и, выхватя изъ-подъ савана сабли, бросаются на Грознаго и прочихъ.*)

ГРОЗНЫЙ.

(*Безстрашно.*)

Не ужасайтесь.

(*Выхватываютъ всѣ мечи, а межъ тѣмъ входятъ въ дверь опричные. Увидя ихъ, тѣни, Нигринъ, и Сумбека убѣгаютъ. Грозный и прочіе вслѣдъ за ними.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VI.

Театръ перемѣняется и представляетъ разсвѣтъ мрачнаго зимняго дня. Дымъ отъ огней вьется высоко; трещатъ зданія; горы, лѣсъ и земля покрыты снѣгомъ. Въ лагерѣ бьютъ воловой подъемъ (или генеральный маршъ), войски движутся. Грозный въ вооруженіи раздаетъ приказы Микулинскому, Серебряному, Розмыслу и прочимъ. По стѣнамъ казанскимъ бѣгаетъ туда и сюда народъ въ смятеніи. Нигринъ и Сумбека въ бѣлыхъ широкихъ ризахъ съ сѣдыми волосами, летая на облакѣ, бросаютъ, первый изъ чалмы, а вторая изъ мохнатой муфты (или рукава) иней на воздухъ и на землю, напуская тѣмъ на Русскихъ стужу и метель.

ДУЭТЪ.

НИГРИНЪ И СУМБЕКА.

Ясни, ясни, неба сводъ,
Мерзни, мерзни, русскій родъ,
И метели, разсыпайтесь,
И сугробы, поднимайтесь...

СУМБЕКА.

Симъ волшебнымъ рукавомъ.

НИГРИНЪ.

Симъ магическимъ чалмомъ.

(*Улетаютъ изъ виду.*)

ГРОЗНЫЙ.

(*Воеводамъ.*)

Къ Тайницкимъ вы вратамъ,
А вы на Арско поле,
А вы — Булака къ берегамъ, —
И съ Богомъ, — нечего ждать болѣ.

МИКУЛИНСКІЙ.

(*Своей колоннѣ.*)

Впередъ!

СЕРЕБРЯНЫЙ.

(*Своей.*)

Впередъ!

РОЗМЫСЛЪ.

(*Своей.*)

Впередъ!

(*Войски идутъ скорою ступью, везутъ огнестрѣліе [или артиллерію], перекидывая мосты, лѣстницы и прочія нужныя градоприступныя орудія. Слышится скрыпъ колесъ, ржаніе коней и проч.*)

ХОРЪ ВОЙСКЪ.

Русски ужаса не знаютъ,
Мразъ и стужу побѣждаютъ,

Digitized by Google

Презираютъ смерть и гробъ,
И зима отъ нихъ уйдетъ.

(*Хлопаютъ руками.*)

НАЧАЛЬНИКИ.

Впередъ! впередъ! впередъ!

(*Уходятъ и за ними Грозный.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ перемѣняется и представляетъ наискось на одной сторонѣ кремль казанскій, а на другой Зилантовъ холмъ, на которомъ подъ вѣтвистымъ дубомъ, едва видимый, Грозный, окруженный опричными, молится. Бирючъ татарскій дожидается. — На подножіи зрительная труба.

ДУЭТЪ.

(*Альта и дишканта изъ-за дуба, тихо.*)

Услышь, Творецъ, моленье,
Тронись моей мольбой,
Простри благословенье
Небесное надъ мной!
Да врагъ падетъ кичливый
Подъ мечъ благочестивый
Народа моего,
Въ честь имя Твоего.

(*Грозный, вышедъ изъ-подъ дуба, смотритъ вдали на войски въ трубу. Бирючъ къ нему съ подобострастіемъ подходитъ.*)

БИРЮЧЪ.

Царь ордъ царю Москвы мной бьетъ челомъ
И проситъ городъ взять, но только не на сломъ;
Освободить его и войски.

ГРОЗНЫЙ.

(*Гнѣвно.*)

Еще обманъ!

(*Отворотясь.*)

Я взять хочу геройски.

(*Даетъ знакъ рукою. Поднимается ракета. Слышно вдали отъ войскъ ура! Летятъ вверхъ шапки. Грозный и окружающіе сходятъ съ холма. Взрывается подкопъ. Упадаютъ стѣны: бьютъ тревогу и городъ берутъ приступомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Театръ перемѣняется и представляетъ торжественное вшествіе Грознаго въ Казань чрезъ Тайницкія ворота на кремлевскую площадь. Онъ сидитъ на богато-убранномъ конѣ, окруженный великолѣпнымъ поѣздомъ, въ

Digitized by Google

числѣ котораго Шигалей, Микулинскій, Серебряный и Розмыслъ со множествомъ бояръ и опричныхъ. Османъ и Эмира ведутъ его коня подъ уздцы, послѣдуемы, первый — юношами, украшенными позлащенными колчанами, дротиками и бубнами; а вторая — дѣвицами, держащими посребренныя струнницы (балалайки) и корзины съ цвѣтами. Сумбека и Эдигирей, въ царскомъ, а Нигринъ, въ волшебническомъ одѣяніи, ведутся въ оковахъ. Османъ съ юношами становится по одной, а Эмира съ дѣвицами по другой сторонѣ. Сводятъ Грознаго съ коня бояры подъ руки. Онъ становится посрединѣ. Плѣнники нѣсколько позади.

ХОРЪ РУССКИХЪ, ВО ВРЕМЯ ШЕСТВІЯ.

Грядетъ царь славы, побѣдитель,
Всесильну простирая длань,
Грядетъ царствъ многихъ повелитель,
Пади предъ нимъ Казань
И, мудрые принявъ уставы,
На жребій свой не негодуй,
Что стала дщерь его державы,
И, въ плѣнѣ бывши, торжествуй!

(*Финалъ трубами.*)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ, КОГДА СТАНУТЪ НА МѢСТО.

Пришелъ царь славы, побѣдитель:
Сердца ему приносимъ въ даръ.
Орды златыя покоритель!
Привѣтствуетъ тебя Османъ:
Ты, прежни премѣня здѣсь правы,
Народы грубы образуй;
Заставь идти твоей вслѣдъ славы
И съ ними міръ весь завоюй!

(*Финалъ бубнами.*)

ХОРЪ ДѢВЪ НА МѢСТѢ.

Пришелъ царь славы, побѣдитель,
Какъ въ зной намъ дождь благоуханъ,
Какъ солнце — розъ, лилей живитель,
Какъ ангелъ, съ небеси посланъ.
Эмиры защитилъ ты правы
И всѣхъ любовью насъ связуй;
Серальски мрачны рушь заставы,
И дѣвъ и женъ въ сердцахъ ликуй!

(*Финалъ цитрами.*)

ГРОЗНЫЙ.

Преодолѣвъ толь множество препонъ,
Твой, Шигалей, тебѣ я возвращаю тронъ.

Digitized by Google

ШИГАЛЕЙ.

(Указывая на Сумбеку.)

Но, государь! я безъ нея сихъ благъ не ощущаю.

СУМБЕКА.

(Упадаетъ на колѣни.)

Прости!

ШИГАЛЕЙ.

Царь! для меня.

ГРОЗНЫЙ

(Шигалею.)

Ты хочешь?

ШИГАЛЕЙ.

Ахъ!

ГРОЗНЫЙ.

Прощаю.

Но сердце ты ея и ордъ всѣхъ переплавь:
Бывъ христьянинъ самъ, быть христьянами заставь.
Нигрина накажи за чары;
Эдигирей пускай идетъ въ свои Уралы
Подвластнымъ мнѣ царемъ.
Зилантовъ холмъ
Подъ храмомъ Богу брани
Да будетъ вѣчный мавзолей
Моихъ здѣсь кровiю вѣнчавшихся вождей;
А зракъ змѣинъ внеси во гербъ Казани
Для памяти моихъ торжествъ
Надъ тьмой Татаръ и суевѣрствъ.
И да не сѣтуетъ Османъ и съ нимъ Эмира,
Что здѣшнихъ странъ порфира
Мной Шигалею отдана:
Его была она;
Но сопрягаетъ коль сердца ихъ пламень нѣжный,
Имъ будетъ одръ простой какъ бы престолъ вселенны:
То пусть, довольствуяся имъ,
На царство идутъ въ Крымъ.

КВАРТЕТЪ.

ШИГАЛЕЙ, СУМБЕКА, ОСМАНЪ И ЭМИРА.

(Всѣ вмѣстѣ.)

Намъ какъ благодарить, не знаемъ,
Толь справедливаго царя?

Digitized by Google

Тебѣ быть вѣрны обѣщаемъ,
На распри нашихъ ордъ не зря.
Орелъ коль птицу поимаетъ
И во когтяхъ ее не рветъ,
Хранитъ, на волю отпускаетъ:
Она ему хвалы поетъ.

(*Порознь.*)

ШИГАЛЕЙ И ОСМАНЪ.

Ты, страхъ и смерти презирая,
Примѣры мужеству давалъ.

СУМБЕКА И ЭМИРА.

Ты, сердца прелесть удаляя,
Себя собою побѣждалъ.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Ты благость всѣмъ являлъ;
Достоинъ всѣхъ похвалъ.

ГРОЗНЫЙ.

Но благостей царю единыхъ недовольно;
Онъ долженъ зло карать, хотя бы и невольно:

(*Шигалею.*)

Будь ввѣкъ мнѣ въ дружбѣ твердъ, а Богу вѣрный рабъ,
Но никогда не слабъ.
Да идетъ слухъ о мнѣ въ потомки поздны,
Что былъ царь Грозный,
Который вкругъ сосѣдей усмирилъ,
Россію расширилъ;
Торгъ внѣшній окрыля, онеподвижилъ нивы [16],
Законы написалъ
Стоглавы и правдивы,
И такъ ихъ строго исполнялъ,
Что сѣверъ, югъ, востокъ въ едину слилъ державу,
И Россовъ утвердилъ величіе и славу
Надъ полвселенной тѣмъ,
Что правятся они однимъ царемъ [17],

[16] «Царь Іоаннъ Васильевичъ открылъ съ Англіею заморскій торгъ и привязалъ къ землѣ хлѣбопашцевъ, запретя имъ вольный переходъ, чтó сдѣлало Россію сильною». Д.

[17] «Съ его временъ удѣльныя княжества совершенно уже исчезли и существуетъ единодержавіе, начатое дѣдомъ его, учиня Россію толь страшною и благополучною». Д.

Digitized by Google

ТРІО.

МИКУЛИНСКІЙ, СЕРЕБРЯНЫЙ И РОЗМЫСЛЪ.

(*Поднося на колѣняхъ дубовый вѣнецъ.*)

За подвиги твои толики
Прими усердія вѣнецъ,
И назовись съ сихъ поръ: великій
Монархъ! отечества отецъ!

ХОРЪ ОБЩІЙ.

И вся съ сихъ поръ да чтитъ вселенна
Молнье-россійскаго орла,
Безсмертной славой одаренна
Благословеннаго царя!
Кой духомъ, вѣрою святою
Всѣхъ царствъ врага попралъ пятою.
Хвала Творцу! Тебѣ хвала!

НАРОДЪ.

Ура! ура! ура!

Digitized by Google

РУДОКОПЫ.

ОПЕРА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Златогоръ, владѣлецъ рудныхъ заводовъ и почетный членъ горнаго начальства.
Лиза, его воспитанница.
Матвѣевна, управительница дома.
Миловзоръ, горный ассессоръ, ея сынъ.
Глупиловъ, сосѣдственный помѣщикъ.
Соломонида, дочь его.
Хитролисъ, земскій коммиссаръ.
Яковъ, повѣренный Златогора (заика).
Давыдъ, горный староста.
Голяковъ, отставной капитанъ.
Горные работники и служители Златогора.

Дѣйствіе происходитъ частію на заводѣ, частію въ рудникѣ Златоговомъ, въ Перми.

РУДОКОПЫ[1].

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ на разсвѣтѣ дня зáмокъ Златогора, окруженный высокими, дымящимися горами, съ которыхъ вправѣ низвергается шумящій источникъ, приводящій въ движеніе вододѣйствующія машины; а влѣвѣ виденъ входъ въ пещеру (или шахту), близъ котораго по обѣ стороны скамьи. Слышенъ колоколъ и на оный сходятся со всѣхъ сторонъ работники, всякій со своимъ орудіемъ, надѣвая на себя горныя платья.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ РАБОТНИКОВЪ.

Ну, братцы! прочь дремоту,
Богъ помочь на работу!

[1] Эта опера сохранилась въ одной только рукописи, писанной дурнымъ писарскимъ почеркомъ, съ многочисленными поправками и пере-

Digitized by Google

Онъ насъ блюдетъ
Въ трудахъ отъ бѣдъ.
Чу! чу!
Звонокъ звенитъ, звенитъ ужъ не одинъ;
Чу! тинъ, тонъ, тинъ, тонъ, тинъ.
Пойдемъ, друзья, и потрудимся,
Помучимся и потомимся,
Чтобъ хлѣбъ достать: не страшенъ гробъ.
Ну, ну, скорѣй! топъ, топъ, топъ, топъ,
Чтобъ въ рудникахъ мараться,
Съ цвѣтнымъ платьемъ намъ разстаться,
И съ лопаткой и съ киркой
Покряхтимъ мы подъ землей.

ДАВЫДЪ.

(*Съ спискомъ.*)

Сюды! на переклички зовъ,
И отвѣчать, кто здѣсь таковъ.

(*Перекликаетъ.*)

Симонъ Котъ. — Я.
Тимонъ Скотъ. — Я.
Фофонъ Кротъ. — Я.
Трифонъ Мотъ. — Я.
Ступайте, ройте руды.

РАБОТНИКИ 1-Й АРТЕЛИ.

Готовы мы повсюды.

ДАВЫДЪ.

Андрюшка Сокъ. — Я.
Ѳедюшка Рокъ. — Я.

дѣлками руки Державина. Трудно опредѣлить съ точностью время сочиненія этой пьесы: но, судя по тому, что въ *Запискахъ* Державина, при исчисленіи драматическихъ трудовъ его, упоминается «комическая опера», подъ которой онъ, конечно, разумѣлъ именно пьесу *Рудокопы*, надобно заключить, что она такъ же, какъ и *Дурочка умнѣе умныхъ*, написана до 1813 года (ср. наше предисловіе къ настоящему тому). Знакомство съ горнозаводскимъ дѣломъ, замѣтное въ основѣ пьесы, было пріобрѣтено Державинымъ во время его управленія Олонецкой губерніей, въ которой, какъ извѣстно, есть нѣсколько желѣзныхъ и мѣдныхъ рудниковъ. Другъ его, Ярцовъ, женатый на сестрѣ Н. А. Львова, былъ начальникомъ горныхъ заводовъ сперва въ этой же губерніи, а потомъ въ Екатеринбургѣ (о немъ см. т. II, стр. 348).

Digitized by Google

Евсюшка Скокъ. — Я
Матюшка Бокъ. — Я.
Ступайте, камни сверлить вамъ.

РАБОТНИКИ 2-Й АРТЕЛИ.

Готовы, чтó бъ ни дѣлать намъ.

ДАВЫДЪ.

Сидоръ Мошкинъ. — Я.
Викторъ Блошкинъ. — Я.
Федоръ Кошкинъ. — Я.
Яковъ Крошкинъ. — Я.
А вамъ въ подставщики идти.

РАБОТНИКИ 3-Й АРТЕЛИ.

Готовы всякій трудъ нести.

ДАВЫДЪ.

Ванька Сукинъ. — Я.
Ганька Скукинъ. — Я.
Янька Букинъ. — Я.
Панька Хлюпинъ. — Я.
Идите вы къ отливкѣ водъ.

РАБОТНИКИ 4-Й АРТЕЛИ.

Готовы слушаться господъ.

ДАВЫДЪ.

Теперь чего жъ вамъ ждать?
Покстясь[2], и работать!

РАБОТНИКИ.

Молитва наша въ томъ,
Чтобъ хлѣба быть съ кускомъ.

ХОРЪ.

ГОРНАЯ МОЛИТВА.

(*Всѣ вообще поютъ.*)

Хвалите Бога, славьте:
Онъ горъ, долинъ Творецъ.
Ему вашъ хоръ составьте:
Онъ нѣжный нашъ Отецъ.

(*Становятся на колѣни.*)

Сребра и злата жилы,
Сокрытыя въ землѣ,

[2] *Покстясь* вмѣсто покрестясь: ср. выше, стр. 476, слово *кстины*.

Digitized by Google

Премудрости и силы
Органъ къ Его хвалѣ.
(*Уходятъ всѣ въ шахту.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляетъ садъ Златогоровъ, огражденный рѣшеткою, въ которомъ видна изъ древесъ сплетенная бесѣдка, а въ ней дерновая софа и нѣсколько стульевъ; Матвѣевна и Лиза, вяжучи чулки, входятъ.

МАТВѢЕВНА.

Теперь, Лизанька, мы здѣсь однѣ. Старикъ въ лабораторіи, люди пошли на работу; а мы, въ такое прекрасное утро, сядемъ-ка здѣсь на скамейку. (*Садятся.*) Такъ, моя милая, дядя твой привезъ тебя сюды сущимъ младенцемъ, съ большимъ достаткомъ, который, по смерти своей, проча тебѣ, поручилъ во управленіе здѣшнему хозяину, твоему опекуну; а онъ на него купилъ себѣ сію деревню и дворянство.

ЛИЗА.

Любезная Матвѣевна, да вѣдь здѣсь ни одного нѣтъ такого человѣка, который бы могъ это доказать.

МАТВѢЕВНА.

Это-то и плохо; но онъ самъ, мучась иногда совѣстью, про себя объ этомъ говоритъ. Яковъ, добрый его повѣренный, подслушавъ однажды у дверей, мнѣ о томъ сказывалъ.

ЛИЗА.

Собственныхъ людей въ свидѣтельство представлять не можно.

МАТВѢЕВНА.

Но ты, правосудіемъ или хитростію, какъ-нибудь до этого добейся. Послушай, пожалуй, моего совѣта и не упусти, хоть для переду, стараться о твоемъ благосостояніи.

ЛИЗА.

Да, еслибы можно было отъ него что ни есть вывѣдать; но отъ сего упрямца и бездѣлицы не вымозжишь.

МАТВѢЕВНА.

О, я очень его хорошо знаю. Безчувственный человѣкъ! За мое доброе сердце столько лѣтъ ложнымъ обѣщаніемъ женитьбы меня проводитъ, и въ это самое время, когда всѣмъ хозяйствомъ управляя, поддерживаю я его состояніе, расточаемое суетностію и мотовствомъ единственно для того, чтобъ, выдавая себя за богача, хвастаться предъ здѣшними мелкими дворянами, которые

Digitized by Google

его, опивая, объѣдая, осмѣхаютъ, какъ простяка. Гордится онъ предо мною своею высокодворянскою честію, являя нерѣдко презрѣніе, такъ что уже и несносно становится.

ЛИЗА.

Я сама это замѣтила.

МАТВѢЕВНА.

Недавно давалъ онъ пиръ на весь міръ, гдѣ шампанское изъ бутылокъ фонтанами шумѣло и пробки въ потолокъ летали. Чванился онъ такъ глупо своими серебряными и золотыми рудниками, что всѣмъ былъ посмѣшищемъ. Скоро, скоро такіе пиры доведутъ его до нищенской сумы, да и насъ за собою вслѣдъ пуститъ онъ по-міру. Поздно будетъ тогда утолять жажду изъ изсякшаго источника.

ЛИЗА.

Послушай, Матвѣевна, мнѣ нѣчто пришло въ голову.

МАТВѢЕВНА.

Ну, что такое?

МЕЛОДРАМА.

ЛИЗА.

Итакъ, что здѣсь, то все мое?

МАТВѢЕВНА.

Все твое.

ЛИЗА.

Сей за́мокъ мой? имѣнье старика мое?

МАТВѢЕВНА.

Да! — все твое.

ЛИЗА.

Нѣтъ, не мое!

МАТВѢЕВНА.

Сумнишься ты?

ЛИЗА.

И впрямь: такъ, — вѣрно все сіе:
(Разсчитываетъ по пальцамъ.)
Тому пятнадцать лѣтъ, какъ дядя мой меня
Наслѣдницей призналъ; отъ смерти жъ дня
Его, — тринадцать; двѣнадцатый же годъ,
Какъ хрычъ вшелъ въ барскій родъ,
И такъ, обманъ весь ясенъ!

Digitized by Google

АРІЯ.

МАТВѢЕВНА.

О, какъ твой рокъ злосчастенъ,
И мой во всемъ съ твоимъ согласенъ!
Кто жъ дастъ тебѣ совѣтъ?
Доказы есть ли? — нѣтъ.
Тебѣ всѣ уши прокричатъ:
Вздоръ, дѣвка! полно врать!
Ты богачемъ не грезь, не льстися,
Не сватъ онъ твой, не братъ: простися.

ЛИЗА.

Это правда: Златогоръ, какъ безсовѣстный мытарь, меня обманулъ.

МАТВѢЕВНА.

Конечно.

ЛИЗА.

(*Встаетъ торопливо.*)

Прекрасна эта мысль! себя, тебя спасти, —
Исполнить ли?

МАТВѢЕВНА.

Исполнь...

ЛИЗА.

Чтобъ рабства не нести.
Прочь, прочь, постыдна цѣпь!

МАТВѢЕВНА.

Такъ, такъ!

ЛИЗА.

Себѣ, другимъ помочь къ спасенью
Не токмо лестно, но и долгъ.

МАТВѢЕВНА.

Такъ! долгъ.

ДУЭТЪ.

ЛИЗА И МАТВѢЕВНА.

(*Обѣ вмѣстѣ.*)

ЛИЗА.

Такъ, твердъ да будетъ замыслъ мой:
Прерву я узы лести,
Явлю отмщенье чести.
Мучь совѣсти его червь злой,
Тряси лихая лихорадка!...

Digitized by Google

Но нѣтъ, о Боже! нѣтъ,
Избавь его отъ бѣдъ!
Вдохни мнѣ мысли благородны,
Да не явлю я чувства злобны.

МАТВѢЕВНА.

Такъ, твердъ да будетъ замыслъ твой:
Прерви ты узы лести,
Яви отмщенье чести.
Мучь совѣсти его червь злой,
Иль демонъ чернаго припадка!...
Ну, что это за бредъ?
Себѣ творишь ты вредъ,
Коль чувства въ немъ съ твоимъ не сходны,
А только къ мести лишь способны.

МАТВѢЕВНА.

Что такое, Лизанька, пришло тебѣ въ голову, что ты свое предпріятіе скоро отмѣняешь?

ЛИЗА.

Ахъ! я не знаю, отъ чего у меня сердце щемитъ! Мнѣ такъ не хорошо, такъ дурно, такъ грустно! — А правду коль сказать, то я не могу быть столь жестокою, дабы предпринять что ни есть противъ опекуна моего; не могу причиной быть его несчастія, лучше сама всего лишуся.

МАТВѢЕВНА.

А что тогда ты, милое дитя мое, сдѣлаешь, когда онъ вздумаетъ еще жениться? тогда-то обѣ мы пропали!

ЛИЗА.

Кто пойдетъ за такого чумазу, который весь вѣкъ свой провелъ въ кузницѣ?

МАТВѢЁВНА.

Ахъ, сердечная моя! я вижу, голодный Хитролисъ лазитъ за двумя зайцами и, кажется, нашелъ уже къ нимъ слѣдъ. Въ сосѣдствѣ живетъ какой-то господинъ Глупиловъ, жадный корыстолюбецъ, который имѣетъ у себя дочь, дѣвку простенькую. — Его-то увѣрилъ сей хитрякъ, что будто Златогоръ изъ своихъ рудниковъ гребетъ серебро и золото лопатой; а тѣмъ самымъ и склонилъ дочь его съ богатымъ приданымъ выдать за нашего хрыча.

Digitized by Google

ЛИЗА.

Такъ, подлинно. Недавно слышала я сама, какъ они разговаривали между собой. Хитролисъ совѣтовалъ моему опекуну жениться на богатой, примолвя: Гдѣ златомъ блещетъ домъ, льютъ запахъ яства, Тамъ узы я тебѣ, мой другъ, готовлю брачны.

МАТВѢЕВНА.

О безсовѣстный обманщикъ! изъ этого-то я навѣрное заключаю, что отъ всего имѣнія моей любезной Лизы, а купно и отъ его собственнаго, не много уже остается.

ЛИЗА.

Я объ этомъ и не думаю.

МАТВѢЕВНА.

Въ твои лѣта обыкновенно женщины мало думаютъ о будущемъ, пока наступившая бѣдность не заставитъ ихъ глодать сухари. Со мною то же случилось. *(Беретъ Лизу за руку.)* Послушай-ка, милая, я тебѣ открою за тайну весьма рѣдкое приключеніе; но ты обѣщайся мнѣ о немъ никому не сказывать.

ЛИЗА.

Ахъ, Матвѣевна! ты меня пужаешь! Что такое, скажи? — Я обѣщаю тебѣ быть скромною.

МАТВѢЕВНА.

Назадъ тому двадцать два года, какъ сей Златогоръ назывался еще откупщикомъ Тяпкинымъ и женился на покойной своей женѣ. Я съ нею еще въ школѣ была крайняя пріятельница. Мы любили другъ друга, какъ сестры. Насъ иначе не называли, какъ прекрасная двойчатка милыхъ дѣвушекъ. Три дня спустя послѣ ихъ свадьбы, бѣдная его жена, а моя подруга, впала въ тяжкую и долговременную болѣзнь. Безъ всякой надежды на смертной постели лежала она полтора года. Я почасту ее навѣщала, и всякій разъ сердце мое разрывалось съ горести, видя ее въ толь жестокомъ страданіи. Наконецъ она и мужъ ея упросили меня жить съ ними вмѣстѣ. — А это-то и было причиною моего несчастія.

ЛИЗА.

Что изъ сего мнѣ заключать должно?

МАТВѢЕВНА.

Слушай далѣе: болѣзнь ея день-отъ-дня умножалась. Чувствовала она, что уже не встанетъ, безпокоилась только о томъ,

Digitized by Google

чтобы за мою къ ней приверженность оказать мнѣ какую-либо свою услугу. Однажды между разговорами спросила меня и своего мужа, можемъ ли мы любить другъ друга. Мы, потупя глаза, молчали. Отъ сего родилось въ ней сильное желаніе видѣть насъ сговоренными. Я сперва тому противилась, стараясь, сколько было возможно, отъ того ее отвесть; — но напрасно. Она не хотѣла прежде быть покойною, пока не удовлетворитъ своему желанію. Мужъ ея былъ тѣмъ доволенъ, обращался со мною ласково и мнѣ былъ не противенъ. И такъ сговоръ нашъ свершился у ея постели. Она благословила насъ трепещущею рукою. Исполнивъ же такимъ образомъ добродѣтельное свое ко мнѣ расположеніе, была крайне довольною.

ЛИЗА.

Дыханіе мое остановляется, слыша такое чудное приключеніе.

МАТВѢЕВНА.

О добрая моя Лизанька! дослушай же мое несчастіе. Больная моя пріятельница пролежала еще нѣсколько времени въ такомъ состояніи, ни жива, ни мертва. Я была молода, безъ опыту, безъ призору, и отчасу болѣе входила въ короткую связь съ ея мужемъ. Наконецъ, въ одну несчастную минуту забылась... Больная съ того времени начала поправляться и, вскорѣ выздоровѣвъ, стала прекраснѣе прежняго. Супругъ ея радовался ея выздоровленію, а наипаче, когда увидѣлъ, что она стала прелестнѣйшею. Въ глазахъ моихъ ее ласкалъ, миловалъ и цѣловалъ. Чувства мои меня оставляли, трепетали всѣ члены, и ахъ! тогда-то познала я всѣ горестныя слѣдствія моего легкомыслія и неосторожнаго съ нимъ обращенія.

ЛИЗА.

Ужасно! но что же далѣе съ тобой случилось?

МАТВѢЕВНА.

Ангелъ-хранитель мой привелъ меня въ столицу, гдѣ вѣтреность молодости и преступленія невинности великодушнымъ монаршимъ учрежденіемъ защищаются отъ стыда и насмѣшекъ. Тамъ родила я сына... Сама кормилась и его питала работою рукъ своихъ; а по прилежности моей и нѣкоторому искусству взята я ко двору въ кастелянши. Сына отдала въ училище и жила довольно счастливо.

ЛИЗА.

Но какъ же ты очутилась опять здѣсь?

Digitized by Google

МАТВѢЕВНА.

Тому назадъ около десяти лѣтъ, какъ я въ одинъ жаркій лѣтній день стояла у окна въ моей горницѣ. Вдругъ ударилъ сильный громъ, земля и небо затряслись. Я испугалась и, взглянувъ назадъ, увидѣла предъ собою похитителя моей невинности. Нечаянностію сею, какъ громовымъ ударомъ пораженна, упала я въ обморокъ; а онъ вскрикнулъ изо всей силы такъ громко, что я, пришедъ въ себя, почувствовала его у ногъ моихъ лежащаго. Онъ, раскаяваясь въ своей слабости, просилъ у меня прощенія, примолвя, что жена его умерла, что онъ меня любитъ по прежнему, и заклинался по прибытіи сюда немедленно на мнѣ жениться. Я этому повѣрила и живу здѣсь понынѣ въ надеждѣ и въ отчаяніи; однако долѣе уже уничиженія чести сына моего сносить не хочу.

ЛИЗА.

Ахъ, душа моя, Матвѣевна! ты имѣешь сына? я бы очень желала его узнать.

МАТВѢЕВНА.

Ты бы желала узнать его?

ЛИЗА.

Да, хотѣла бы.

МАТВѢЕВНА.

Ты давно ужъ его знаешь?

ЛИЗА

Не помню, чтобъ я его гдѣ видала.

МАТВѢЕВНА.

Ахъ! материнское сердце скрывать не можетъ сына: я разрѣшу тебѣ сію загадку. Это тотъ молодой человѣкъ, который, подъ именемъ моего сродственника, иногда меня втайнѣ здѣсь посѣщаетъ, и который на тебя такъ пристально смотритъ.

ЛИЗА.

На меня смотритъ?

МАТВѢЕВНА.

Да, тотъ самый, что называется Миловзоромъ.

ЛИЗА.

(*Испугавшись.*)

Миловзоръ!

МАТВѢЕВНА.

Онъ мой сынъ, пожалованъ нынѣ коллежскимъ ассессоромъ и опредѣленъ въ здѣшнее горное начальство членомъ.

Digitized by Google

ЛИЗА.

Онъ твой сынъ? — О! я его искренно уважаю.

МАТВѢЕВНА.

Вотъ, душа моя, Лизанька! теперь извѣстна тебѣ внутренняя сердца моего горесть. Я полагаюсь на твою скромность, какъ въ моей собственной чести, такъ и сына моего. Сіе должно быть непроницаемою тайною не токмо передъ свѣтомъ, но и предъ самимъ отцомъ, что сынъ его живъ, потому что когда онъ пріѣхалъ за мною въ столицу, то не спросилъ о немъ ни однимъ словомъ; для чего и оставила я его въ забвеніи, будто умершаго, надѣясь, что при бракосочетаніи нашемъ отцу его представлю; но какъ надежда сія не сбывается, то и долженъ онъ быть вѣчно для него умершимъ.

ЛИЗА.

(*Въ смущеніи.*)

Но онъ вѣдь живъ еще?

МАТВѢЕВНА.

Конечно живъ; но, по неизвѣстности своего происхожденія, не смѣетъ наименовать отца своего, будучи законами лишенъ права на свою породу. Вотъ его участь! при одной мысли сей схожу я съ ума.

ЛИЗА.

Что же въ таковыхъ обстоятельствахъ дѣлать должно?

МАТВѢЕВНА.

Что меня спрашивать о томъ, о чемъ всякая дѣвица и женщина знаетъ? надобно стараться мстить, и мстить жесточайшею местію. Я попекусь объ этомъ прежде, нежели богатая невѣста войдетъ въ домъ вѣроломца. Это будетъ цѣлительнымъ бальзамомъ оскорбленной душѣ моей. Такъ! я твердо рѣшилась, — всѣ демоны ада помогутъ мнѣ исполнить мое предпріятіе. (*Въ ярости уходитъ.*)

ЛИЗА.

(*Одна.*)

Бѣдная! она внѣ себя.

МАТВѢЕВНА.

(*Возвращается.*)

Да, я думаю подойти къ нему съ веселымъ лицомъ, съ притворнымъ дружествомъ, съ ласкательною усмѣшкою, пожелать счастія въ новомъ его супружествѣ... Не такъ ли, Лиза? (*Дѣлаетъ насмѣшливые поклоны.*)

Digitized by Google

ЛИЗА.

Я жалѣю тебя, Матвѣевна.

МАТВѢЕВНА.

Я съ восхищеніемъ превознесу соединеніе ихъ высокородныхъ гербовъ.

ЛИЗА.

(*Про себя.*)

Мнѣ, право, страшно быть съ нею.

МАТВѢЕВНА.

Блистаніе ума его прославлю,—и потомъ счастливый путь... (*Дѣлаетъ знакъ, что ею закалываетъ.*)

ЛИЗА.

(*Беретъ ее за руку.*)

Дражайшая, искренняя моя пріятельница, оставь мнѣ сыграть эту драму. Я беру одна ее на себя: вся кровь во мнѣ кипитъ противъ похитителя моего имѣнія... Но довольно, если онъ образумится.

МАТВѢЕВНА.

Но хорошо ль ты надѣешься сыграть свою ролю?

ЛИЗА.

Положись на меня: я соберу всѣ силы свернуть его высокородную голову.

МАТВѢЕВНА.

Коли такъ, хорошо. Поцѣлуй меня, безцѣнное дитя! Старый хрычъ скоро возвратится изъ своей лабораторіи: мнѣ надобно для него приготовить сперва чай, потомъ завтракъ. И мы такъ начинимъ его желудокъ, что онъ уже вѣчно ѣсть не захочетъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛИЗА.

(*Одна.*)

Что изъ всего этого выйдетъ? Ахъ! чѣмъ я, бѣдная, согрѣшила предъ Богомъ, что должна, безъ родителей, безъ друзей и безъ всякаго призору, между столь гнусными людьми, въ пустынѣ, окруженной страшными горами, отъ самаго дѣтства моего провождать горестные дни мои? О Господи! почто мой дядюшка такъ рано скончался? Едва спасся отъ пожара и злодѣйскаго возмущенія, прибывъ сюда, отдалъ онъ меня къ мнимому своему другу, и смерть его похитила. Я осталася одна, сиротою. Онъ,

Digitized by Google

какъ отецъ, какъ благодѣтель, имѣлъ о мнѣ попеченіе и въ послѣднюю минуту жизни своей сказалъ:

АРІЯ.

Бѣдная моя Лизета!
Сирота въ нѣжнѣйши лѣта,
Сколько стоишь ты мнѣ слезъ!
Мать, отца ты потеряла,
И друзей найдешь ты мало:
Жди лишь помощи съ небесъ.

Кто будетъ въ дни тебѣ младые
Совѣты подавать благіе?

(*Удаляется.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИЛОВЗОРЪ.

(*Оглядываясь вокругъ, бѣжитъ за нею и машетъ рукою*.)

АРІЯ.

Лиза! Лиза! — подь сюда вновь!
Никто, какъ ты, вдохнуть любовь
Не можетъ мнѣ:
Милѣй ты розы въ сей странѣ.
О, какъ твой взоръ палитъ мнѣ кровь!
Нѣтъ тебя нигдѣ милѣе,
На земли и въ небесахъ;
Сердце въ радости живѣе
Бьется при твоихъ очахъ.
Нѣтъ тутъ мукъ!
Радость вкругъ,
Гдѣ мой плѣненъ страстью духъ.

(*Лиза возвращается.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Лиза и Миловзоръ.

МИЛОВЗОРЪ.

(*Дружески.*)

Здравствуй, Лизанька!

ЛИЗА.

Ахъ! ты здѣсь, любезный Миловзоръ?

Digitized by Google

МИЛОВЗОРЪ.

Я получилъ отпускъ на три дня, всталъ сегодня очень рано и пріѣхалъ сюды изъ города верхомъ. Искалъ тебя вездѣ,—мнѣ сказали, что ты въ саду; но отъ чего такъ печальна?

ЛИЗА.

Я раздумалась о моемъ бѣдственномъ состояніи и объ опекунѣ моемъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Для чего тебѣ безпокоить себя такими мрачными размышленіями? Кто истинно любитъ, тотъ не знаетъ никакихъ опасностей и страха. Я для тебя ничего не боюсь и готовъ на все пуститься; скажи только, милая моя, чего ты хочешь, что ты меня любишь: мнѣ нужно одно твое слово, и опекунъ не будетъ намъ помѣхою. Я не требую приданаго, а только одного твоего сердца, одной руки твоей. Удостой меня сими безцѣнными залогами и осчастливь восхитительнымъ твоимъ признаніемъ въ любви твоей.

ЛИЗА.

Итакъ я должна тебѣ открыться, дражайшій мой Миловзоръ! Судьба наша одинакова: матушка твоя мнѣ все открыла. Ты меня любишь, а я взаимно тебя. Провидѣніе, знать, благоволитъ на наше соединеніе. Признаюсь въ искренней моей тебя любви. (*Подаетъ ему руку, а онъ, ее цѣлуя, прижимаетъ къ своей груди.*)

МИЛОВЗОРЪ.

О милая моя! — теперь-то я совершенно счастливъ!

ЛИЗА.

Однакожъ я должна тебѣ признаться, что къ нашему счастію еще чего-то недостаетъ. О, какъ горестно лишиться по праву себѣ принадлежащаго.

МИЛОВЗОРЪ.

Успокойся, оно не уйдетъ. Какъ скоро опекунъ твой меня сыномъ своимъ признаетъ, то я, послѣ его смерти, буду ему наслѣдникомъ.

ЛИЗА.

Но если онъ опять женится?

МИЛОВЗОРЪ.

Вздоръ, это только шутка. Кто будетъ такая дура, чтобъ отдала ему свою руку?

Digitized by Google

ЛИЗА.

Вотъ идетъ Яковъ, повѣренный моего опекуна; онъ мнѣ открылъ его душевредство, и теперь надѣюсь, что лучше другихъ разрѣшитъ наше недоумѣніе.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніе и Яковъ.

ЯКОВЪ.

(*На ходу надѣваетъ на себя кафтанъ, чиститъ пыль и, заикаясь:*)

Тьфу! какая пыль! Едва успѣлъ выдти изъ подземелья, такъ опять новая работа. Нѣтъ ни на одинъ часъ покою: то отправляй должность дворецкаго, то камердинера, то лакея, а наконецъ и самаго работника: нѣтъ ужъ мочи болѣе терпѣть.

ЛИЗА.

(*Тихо Миловзору.*)

Поговоримъ съ нимъ. (*Якову.*) Здравствуй, Яковъ! ты, кажется, сегодня не веселъ?

ЯКОВЪ.

Чортъ развѣ можетъ здѣсь быть веселъ, а не я. Отъ самаго разсвѣту долженъ былъ перетолочь столько золотой и серебряной руды, что рукъ не могу поднять.

МИЛОВЗОРЪ.

Ты вѣдь, знать, алхимистъ; а это хорошо: подъ старость можешь быть богатымъ.

ЯКОВЪ.

Куды къ чорту! вижу я, сколько и господинъ-то мой разбогатѣлъ. (*Оглядываясь вкругъ себя.*) Эй, барышня! Ты съ молодчикомъ здѣсь одна: видно, съ нимъ подружилась.

МИЛОВЗОРЪ.

Развѣ тебѣ непріятно это, мой другъ?

ЯКОВЪ.

Почемужъ? напротивъ, мнѣ очень это пріятно.

ЛИЗА.

Миловзоръ — мой другъ.

ЯКОВЪ.

Какъ, сударыня! только что вашъ другъ?

ЛИЗА.

Развѣ ты думаешь что-нибудь другое?... Но пусть такъ,

Digitized by Google

добрый Яковъ! Зная твою честность, признаюсь тебѣ, что онъ мнѣ болѣе нежели другъ: онъ мой женихъ.

ЯКОВЪ.

Я бы хотѣлъ, чтобъ вы сказали: онъ вашъ мужъ. То-то бы тогда потрясъ я старыми костями.

МИЛОВЗОРЪ.

Быть можетъ, что и скоро ты будешь имѣть сей случай.

ЛИЗА.

Но прежде того мы имѣемъ надобность въ твоемъ совѣтѣ.

ЯКОВЪ.

Въ моемъ совѣтѣ? Ахти! развѣ я такой умникъ?

ЛИЗА.

Ты однажды разсказывалъ мнѣ по довѣренности, что опекунъ мой, въ то время, какъ былъ еще откупщикомъ сего завода, находился иногда въ такой крайности, что не могъ даже вносить и откупныхъ денегъ; но по смерти моего дяди вдругъ такъ разбогатѣлъ, что купилъ себѣ дворянство и здѣшніе рудники на мой капиталъ, ввѣренный ему отъ моего дяди. — Не такъ ли?

ЯКОВЪ.

Точно такъ, — какъ и то правда, что онъ мой господинъ, и я долженъ быть ему вѣренъ; но истина остается всегда истиною. Для того-то я теперь его и не очень долюбливаю.

МИЛОВЗОРЪ.

Ахъ! какое несчастіе, что вашъ дядюшка скончался преждевременно и оставилъ васъ во власти столь безчестнаго опекуна. (*Якову.*) Ты зналъ дядюшку ея, Яковъ?

ЯКОВЪ.

Какъ не знать? То-то былъ прямо честный и богатый баринъ, изъ всѣхъ совѣтниковъ старшій въ нашемъ городѣ. Я съ моимъ господиномъ бывалъ у него въ домѣ и часто отъ него нашивалъ мѣшки съ серебромъ и золотомъ, такъ что нивѣсть какъ бывало радъ, когда ихъ дотащишь до коляски.

ЛИЗА.

Но правда ли, Яковъ, что господинъ твой опять женится?

ЯКОВЪ.

Къ несчастью, очень правда. Всякій день ношу я письма къ ея высокородію, его невѣстѣ Соломонидѣ Глупиловнѣ.

Digitized by Google

ДАВЫДЪ.

(*Вбѣгаетъ въ бесѣдку.*)

Скорѣй, скорѣй, Яковъ! свези это письмо на почту въ городъ (*Уходитъ.*)

ЯКОВЪ.

Еще время для сего довольно будетъ. (*Осматривая письмо.*) Вотъ на! Голова его такъ занята, что онъ позабылъ и запечатать.

МИЛОВЗОРЪ.

Покажи-ка сюда, мы его прочитаемъ. (*Разсматриваетъ надпись.*) Право, оно написано къ его будущему тестю. Послушай-ка, Лизанька, я его тебѣ прочту.

ЛИЗА.

Хорошо, прочитайте.

МИЛОВЗОРЪ.

(*Читаетъ.*)

«Милостивый государь мой, будущій предражайшій батюшка! Гдѣ я ни хожу, гдѣ ни стою, что ни дѣлаю, вездѣ и всегда въ мысляхъ моихъ вижу вашу высокородную дочь, мою безцѣнную невѣсту Соломониду Глупиловну. Въ доказательство сего посылаю вамъ стихи, внушенные мнѣ нѣжными моими чувствованіями. Вотъ они:

«Божокъ любви предерзкій
Въ мое невинно сердце
Со пламенемъ своимъ
Прокрался невзначай,
И, на меня взложивъ
Свою тихонько цѣпь,
Теперь смѣется онъ
Надъ грустію моей
И шутитъ надо мной».

ВСѢ ТРОЕ.

(*Смѣются.*)

Ха, ха, ха!

МИЛОВЗОРЪ.

Въ какомъ высокомъ штилѣ выражаетъ онъ свою любовь! (*Смѣется.*)

ЛИЗА.

И вы можете его себѣ взять примѣромъ. (*Смѣется.*)

МИЛОВЗОРЪ.

Это — уморительное любовное посланіе. (*Смѣется.*)

Digitized by Google

ТРІО.

Божокъ любви прелестный...
Но какъ зовутъ плутишку?
Да, такъ! Ку — Ко — Купидонъ
Прокрался изъ-подтишку
Со пламенникомъ вдругъ
Въ его свѣтлѣйшу грудь
И цѣпь ему сперва
Легонько наложилъ;
А днесь смѣется онъ
Надъ бѣднякомъ безъ силъ
И не щадитъ его.

ВСѢ ТРОЕ.

Помилуй Богъ такого насъ грѣха,
Чтобъ такъ ловить невѣстъ! Ха, ха! ха, ха!

(*Смѣются.*)

ЛИЗА.

Не надобно намъ теперь терять времени. Сегодня же должна я выманить у него признаніе въ его обманѣ, чего бы то мнѣ ни стоило.

МИЛОВЗОРЪ.

Да, это нужно намъ.

ЯКОВЪ.

И я отъ этого не прочь.

МИЛОВЗОРЪ.

Да какъ же? и какимъ образомъ?

ЛИЗА.

Я и сама еще того не знаю; но соберу весь свой умъ, дабы кое-что придумать, и тогда я вамъ открою; а вы мнѣ оба должны въ томъ помогать.

МИЛОВЗОРЪ.

Охотно. Положитесь на меня.

ЯКОВЪ.

И на честнаго старика Якова.

ЛИЗА.

Вотъ идетъ и наша любезная матушка.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе и Матвѣевна.

МАТВѢЕВНА.

(*Приноситъ на подносѣ самоваръ, чайникъ, чашки и ставитъ въ бесѣдкѣ на столъ.*)

А, Миловзоръ! ты здѣсь? Чѣмъ было сперва ко мнѣ зайти, а я нахожу тебя у Лизы! Такъ-то всегда стариковъ помнятъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Дражайшая матушка! отложите теперь все ваше притворство. Я васъ отъ сердца моего благодарю, что вы освободили меня отъ тяжкаго сего бремени и открыли мой родъ и состояніе Лизѣ. А какъ къ тому жъ и она меня любитъ, то сколько я счастливъ.

МАТВѢЕВНА.

Милыя мои дѣти!

ЛИЗА.

(*Беретъ ее за руку.*)

Такъ, любезная матушка! Я его люблю.

МАТВѢЕВНА.

А, а! вы такъ скоро уже объяснились въ вашихъ чувствахъ!

ЯКОВЪ.

Это добрая будетъ чотка.

МАТВѢЕВНА.

И ты, Яковъ, имъ преданъ?

ЯКОВЪ.

Почему же не такъ? добрымъ людямъ всегда должно быть преданнымъ.

ЛИЗА.

Онъ насъ любитъ, и хочетъ во всемъ намъ помогать.

МАТВѢЕВНА.

Мнѣ весьма пріятно, что вы, дѣти мои, уже во всемъ согласны; но скрывайте это до времени и крайне будьте осторожны.

ЛИЗА.

Хорошо, матушка! Но какъ бы это намъ сдѣлать, чтобъ любезный мой Миловзоръ нѣсколько дней здѣсь пробылъ? А! да вотъ есть къ тому случай: опекунъ мой его еще не видалъ и его не знаетъ: то и выдадимъ мы его за пріѣзжаго минералога, который будто пріѣхалъ нарочно осмотрѣть его заводы, наслышась о нихъ много хорошаго. Но для этого ему надобно переодѣться, напримѣръ, въ черное высокоученаго алхимиста платье и тому подобное.

Digitized by Google

МАТВѢЕВНА.

Очень, очень хорошо: мы это сдѣлаемъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Превосходная мысль.

ЯКОВЪ.

Дѣвушки на любовныя выдумки великія хитрицы. (*Смѣется.*) Это будетъ весьма забавно.

МИЛОВЗОРЪ.

Какую же я странную чучелу представлять буду! (*Смѣется.*)

ЛИЗА.

Нѣтъ, ничего: по мнѣ будь ты на нѣкоторое время какъ хочешь дуренъ, лишь послѣ былъ бы для меня хорошъ. — Да! привезъ ли ты съ собой музыку, о которой мнѣ сказывалъ?

МИЛОВЗОРЪ.

Привезъ.

ЛИЗА.

Прекрасно! прекрасно! ты можешь ему ее пропѣть; а мы составимъ хоръ. Люди почти всѣ здѣсь умѣютъ нѣсколько скоморошничать.

МАТВѢЕВНА.

Очень хорошо, любезныя дѣти. Эта шутка пусть добрымъ будетъ наставленіемъ пустой головѣ, набитой пышными дворянскими дипломами.

МИЛОВЗОРЪ.

Я согласенъ на это, и все то сдѣлаю, что̀ могу, дабы привести только въ состояніе его высокодворянскую спесь къ здравому разсудку.

ДАВЫДЪ.

(*Оглядываясь назадъ сквозь рѣшетки, приказываетъ стоящимъ тамъ людямъ.*)

Баринъ скоро сюды будетъ: подите, скиньте скорѣе съ себя рабочіе ваши армяки и надѣньте парадную ливрею, чтобъ его встрѣтить.

МАТВѢЕВНА.

Слышь, онъ идетъ: удалитесь отсюда, дѣти.

ЯКОВЪ.

О! когда бы онъ меня здѣсь засталъ, то бы надежно ласкался я получить отъ него нѣсколько преизрядныхъ оплеушинъ.

Digitized by Google

ЛИЗА.

(*Миловзору.*)

Пойдемъ туда, гдѣ ты переодѣваться станешь.

МИЛОВЗОРЪ.

Счастливъ, кто имѣетъ такого любезнаго камердинера. (*Цѣлуетъ ея руку, и всѣ поспѣшно уходятъ, кромѣ Матвѣевны и Давыда.*)

МАТВѢЕВНА.

Вотъ и старый брюзга нашъ тащится.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежніе и Златогоръ съ нѣсколькими служителями въ разныхъ ливрейныхъ платьяхъ: какъ-то егерскихъ, гайдукскихъ, скороходскихъ и лакейскихъ, которые скидаютъ съ него рабочій его кафтанъ и останавляются передъ бесѣдкою.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Держа въ рукѣ аршинный маштабъ.*)

Лѣнтяй Яковъ поѣхалъ ли въ городъ?

МАТВѢЕВНА.

Уѣхалъ, сударь! — прикажете ли наливать?

ЗЛАТОГОРЪ.

Готова ли карета?

МАТВѢЕВНА.

Не угодно ли вамъ чаю?

ЗЛАТОГОРЪ.

Долго ли мнѣ приказывать? — Что же роспись кушаньямъ?

МАТВѢЕВНА.

Готова.

ЗЛАТОГОРЪ.

Пріѣхалъ ли надсмотрщикъ?

МАТВѢЕВНА.

Нѣтъ, сударь... да, я ошиблась. — Пріѣхалъ, сударь.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Передразнивая.*)

Ошиблась! нѣтъ, сударь! — да, сударь! — Что это за глупые отвѣты? Я совѣтую добромъ, и всѣмъ наикрѣпчайше подтверждаю, чтобъ вы меня признавали вашимъ господиномъ, почитали и уважали, якоже надлежитъ, а не то я васъ проучу. *Грозя маштабомъ.*) Бойтесь моего гнѣва и мщенья!

Digitized by Google

АРІЯ.

(Во время которой Златогоръ сердится, а люди отъ страху представляютъ шутовскія рожи.)

Какъ вихрь крутится вкругъ,
Ярясь противу волнъ:
Такъ мой бурюетъ духъ,
Досады, злобы полнъ.
Страшитеся меня
Средь ночи и средь дня,
Пока не брошу въ васъ я громъ
И опрокину все вверхъ дномъ.

МАТВѢЕВНА.

Ахъ, милостивый государь! ваше высокородіе,—превосходительство!

ЗЛАТОГОРЪ.

(Садится за столикъ.)

Подавай чай.

МАТВѢЕВНА.

Премилосердый государь! не взыскивайте на насъ такъ строго, я постараюсь... постараюсь все по высокому приказанію и высокопревосходительному мановенію вашему исполнить. *(Наливаетъ чай.)*

ЗЛАТОГОРЪ.

Слишкомъ ужъ много.

МАТВѢЕВНА.

Развѣ это не нравится?

ЗЛАТОГОРЪ.

Ну, да знаете ли вы прямо решпектовать и почитать высокую мою породу и знаменитый чинъ?

ВСѢ ЛЮДИ.

(Кланяются.)

Знаемъ, сударь!

ЗЛАТОГОРЪ.

Я только по заслугамъ и хочу быть уважаемъ.

ВСѢ ЛЮДИ.

Такъ, государь, слышимъ!

ЗЛАТОГОРЪ.

Слушайте меня и высокопочитайте.

ВСѢ ЛЮДИ.

Очень хорошо, высокородный господинъ.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Якоже высоконадлежитъ по высокому дворянскому моему патенту признавать меня и почитать.

ВСѢ.

Такъ, такъ, ваше превосходительство!

МАТВѢЕВНА.

(Въ сторону.)

Дворянскій титулъ его съ ума свелъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Кто мнѣ здѣсь равенъ? а особливо, когда открою въ моихъ рудникахъ богатыя золотыя и серебряныя жилы, кто со мною верстаться смѣетъ? Все здѣшнее дворянство пристанетъ ко мнѣ, какъ репейникъ, и между тѣмъ, какъ пузыри, сами съ досады полопаются. *(Лиза непримѣтно входитъ.)* Ты, госпожа кастелянша, слышала, я думаю, что всѣ сосѣди, все дворянство, всѣ здѣшняго города чиновники о моей учености безпрестанно толкуютъ. *(Выходитъ изъ бесѣдки, важно декламируя.)*

Слушай всякій, примѣчай,
Какъ откупщикъ вошелъ въ бояре невзначай:
О чудо пречудесно!
Пилъ брагу, пьетъ вино небесно.
Есть деньги, есть и дарованья,
И всѣ исполнены желанья.
О чудо пречудесно!
Пилъ брагу, пью вино небесно.

(Матвѣевнѣ.)

Что же ты на это мнѣ скажешь, домоуправительница моя? не увеличилъ ли я чего?

МАТВѢЕВНА.

(Про себя.)

Да если бы могла я все изъяснить, чтó чувствую! *(Увидя же Лизу, съ жаромъ:)* Но вотъ и Лиза! она еще болѣе меня, милостивый государь, имѣетъ причину обнаружить свѣту ваше высокое достоинство.

ЛИЗА.

(Въ сторону.)

Это опекуну моему изрядная пилюля.

ЗЛАТОГОРЪ.

Ну, милая дѣвушка, слышала ли, чтó обо мнѣ свѣтъ говоритъ?

Digitized by Google

ЛИЗА.

Какъ же не слышать? Я могу даже воспѣть вашу славу.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Обрадовавшись.*)

Что ты говоришь, Лизанька? Сердце у меня прыгаетъ отъ радости! пой, пой, моя голубушка, вотъ тебѣ. (*Даетъ кошелекъ съ деньгами.*) Возьми, пожалуй, лишь дай мнѣ услышать похвалу изъ миленькихъ твоихъ губокъ.

ЛИЗА.

Чтобы пѣснь моя достойна была своего предмета, нужна мнѣ подмога.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Показывая на людей.*)

Выбери изъ нихъ любаго.

ЛИЗА.

Изъ нихъ я не могу никого употребить, а прибылъ сюда, сказываютъ, какой-то великій минералогъ, вашего горнаго начальства членъ, весьма искусный и въ музыкѣ.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Съ восторгомъ.*)

Минералогъ! горный членъ? стало, товарищъ мой?

ЛИЗА.

Онъ, наслышась о громкой славѣ вашихъ богатыхъ рудниковъ и высокихъ вашихъ дарованіяхъ, пріѣхалъ сюды...

ЗЛАТОГОРЪ.

Гдѣ жъ онъ? попросите его сюды въ садъ.

ЛИЗА.

Онъ горитъ желаніемъ засвидѣтельствовать вашему высокородію свое глубокое высокопочитаніе, и привезъ съ собой на высокое происхожденіе рода вашего стихи, сочиненные всею архиминералогическою коллегіею, которой вы почтенный членъ, дабы ихъ поднести вамъ въ достопочтительномъ его пѣснопѣніи. Отъ него-то желала бы я быть акомпанированною; но вы сами уже его попросите, чтобы онъ на сіе согласился. (*Идетъ къ воротамъ, чтобъ привесть Миловзора.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ онъ и тебѣ въ томъ отказалъ.

ЛИЗА.

(*Приводитъ Миловзора.*)

Вотъ онъ здѣсь. (*Тихо Миловзору.*) Теперь вы свою сыграйте хорошенько ролю; а мы свою сыграли.

Digitized by Google

МИЛОВЗОРЪ.

Симпатическій геній магическою силою принесъ сюда меня подобно быстрой молніи, дабы могъ я вамъ, превосходительный господинъ, во удивленіи моемъ изъявить то глубокое мое признаніе, которое возбуждаютъ ваши знанія во всѣхъ концахъ свѣта.

ЗЛАТОГОРЪ.

А, государь мой! неужто такъ и вездѣ говорятъ о моихъ заводахъ?

МИЛОВЗОРЪ.

Всѣ превозносятъ чрезвычайные таланты ваши и удивительные успѣхи въ сокровенныхъ химическихъ наукахъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Это мнѣ весьма пріятно — и сколько-нибудь награждаетъ посильные труды мои.

МИЛОВЗОРЪ.

Удивляются высокой вашей чести, въ которую вы облечены, и будьте увѣрены, что никто не беретъ въ томъ такого живаго участія, какъ я, вашъ близкій сродственникъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Удивляясь.*)

Какъ! сродственникъ? —

МИЛОВЗОРЪ.

(*Спохватясь.*)

По нашей учености.

ЗЛАТОГОРЪ.

А! это иное дѣло.

ЛИЗА.

(*Тихо Матвѣевнѣ.*)

Чуть-было онъ не проболтался.

МИЛОВЗОРЪ.

Все дворянство, помраченное сіяніемъ вашихъ достоинствъ, хотя впрочемъ съ завистію возводитъ на васъ взоры свои; но не можетъ удержать справедливыхъ похвалъ своихъ великимъ вашимъ дарованіямъ, посредствомъ коихъ вы всѣхъ ихъ далеко превзошли. (*Въ сторону къ прочимъ.*) Такъ ли я говорю?

ЛИЗА.

(*Тихо.*)

Ты сдѣлаешь то, что скоро его высокопревосходительный черепъ лопнетъ.

Digitized by Google

МАТВѢЕВНА.

(*Тихо же.*)

Продолжай! продолжай!

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Людямъ.*)

Слышите ли вы это? (*Миловзору.*) По чести, вы меня преисполнили величайшею радостію, господинъ членъ.

МИЛОВЗОРЪ.

На меня возложено поднести вамъ похвальные стихи. Мой долгъ осмѣлиться ихъ предъ вами пропѣть и узнать высокое ваше объ нихъ мнѣніе.

ЗЛАТОГОРЪ.

Сердечно радуюсь, какъ вашему присутствію, такъ и намѣренію: для меня очень будетъ пріятно слышать ваши прекрасные стихи. Лиза и люди мои будутъ вамъ акомпанировать.

МИЛОВЗОРЪ.

(*Лизѣ.*)

Если вы, сударыня, удостоите меня вашею помощію...

ЛИЗА.

Это будетъ для меня величайшимъ удовольствіемъ, если только въ состояніи найдусь со вкусомъ желаніе ваше исполнить.

МИЛОВЗОРЪ.

Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. (*Вынимаетъ ноты и раздѣляетъ ихъ по людямъ.*) Вотъ мастерское произведеніе съ полнымъ хоромъ.

ЛИЗА.

(*Тихонько Миловзору.*)

Мнѣ не нужны ноты: я знаю мой голосъ наизусть.

МИЛОВЗОРЪ.

(*Тожъ тихо.*)

А мой — въ моемъ сердцѣ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Ну, такъ исполняйте же всякъ свое дѣло; я горю нетерпѣніемъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Если угодно.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Послѣ начала, въ восторгѣ.*)

Прекрасно, великолѣпно, божественно! несравненное начало! Но погодите немного. (*Даетъ знать, чтобъ подали ему стулъ, на который садится; а одинъ изъ людей близъ его становится къ нему спиною на колѣни, на плеча коего онъ облокачивается.*) Теперь прошу продолжать.

Digitized by Google

ХОРЪ.

Дивися цѣлый свѣтъ!
Мытарь днесь баринъ сталъ.
Кто думалъ бы сіе,
Что денегъ лишь на счетъ
Онъ счастіе снискалъ свое?
Великъ богатствомъ, родомъ малъ.
Ему гласите въ честь!
Онъ былъ и нынѣ есть
Отличный, знатный человѣкъ,
И будетъ, будетъ, о! имъ ввѣкъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Бьетъ въ ладоши.*)

Славно! славно! это прерѣдкая, превосходная, пребожественная музыка! Ахъ, дражайшій, предостойный мой членъ! я васъ не отпущу отъ себя: вы непремѣнно должны остаться въ моемъ домѣ. Все будетъ въ немъ къ вашимъ услугамъ.

ЛИЗА.

(*Въ сторону.*)

Я умираю со смѣху!

МИЛОВЗОРЪ.

(*Въ сторону жъ.*)

Я не могу своему удальству надивиться.

ЗЛАТОГОРЪ.

Кабы еще разъ! тутъ есть одно мѣсто превосходное, которое еще желалъ бы я слышать. Какъ бишь оно? да,—да: «Ему гласите въ честь» и проч.

ХОРЪ.

Ему гласите въ честь!
Онъ былъ и нынѣ есть
Отличный, знатный человѣкъ,
И будетъ, будетъ, о! имъ ввѣкъ.

Да истина вовѣкъ живетъ!
Она награда всѣхъ трудовъ,
Она лишь счастье намъ даетъ
И тѣшитъ насъ среди оковъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ галлерею Златогора со шкафами, наполненными частію минеральными штуфами, одна на другую накладенными, а частію книгами, въ безпорядкѣ разставленными. Наверху шкафовъ глобусы, телескопы и разныя модели мебели. Столы для письма и для завтрака. На хорахъ музыкальный оркестръ. Въ прикосновенныя побочныя комнаты видны растворенныя двери.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАТВѢЕВНА.

(*Приноситъ и ставитъ завтракъ на столъ.*)

Итакъ теперь сынъ мой въ домѣ безсовѣстнаго отца своего, который въ измѣнническомъ восхищеніи души своей не предвидитъ для себя никакихъ непріятностей, вымыслами Лизы ему приготовляемыхъ; напротивъ того, онъ на нее скалитъ зубы. Ха, ха, ха! Прекрасный любовникъ! Но теперь надобно такъ мастерить, чтобъ не испортить хорошаго начала. (*Смотритъ на часы.*) Пора уже. Сѣдой волокита скоро придетъ, и если завтракомъ моимъ недоволенъ будетъ, то, по обыкновенію своему, изъ особливой дружбы конечно не оставитъ наградить свойственными ему величаньями. Правду сказать, я ихъ по своему терпѣнію и заслужила. О мущины! мущины! неблагодарнѣйшія для насъ животныя! Пока мы молоды, милы, прекрасны, то и вы пляшете по нашей дудкѣ; а когда пора наша пройдетъ, то скидаете съ себя личину, и мы чувствуемъ во всей силѣ ту истину, которая въ пѣснѣ поется:

Добра ночь! добра ночь!
Мнѣ спать пора, прочь! прочь!
Добра ночь, другъ мой, добра ночь!

ЯВЛЕНІЕ II.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Входя въ двери, останавливается и въ отвѣтъ поетъ.*)

Не шпыняй, не шпыняй,
Клеветы не слагай;
А лучше мущинъ ты узнай.

МАТВѢЕВНА.

Пока прекрасны, юны мы,
Покорны намъ мужски умы,

Digitized by Google

Они лелѣютъ насъ;
Но цвѣтъ лишь нашъ увялъ,
Нашъ другъ намъ недругъ сталъ
И гонитъ прочь отъ глазъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Своею вы винны виной:
Плѣнимся вашей лишь красой;
Кинемъ взглядъ только къ вамъ,
Тотчасъ ведете насъ
Подъ вашу цѣпь и власть
Въ адъ мукъ, въ рядъ къ дуракамъ.

МАТВѢЕВНА.

Все остаюсь я при своемъ:
Мущинамъ не вѣрить ни въ чемъ.

ХИТРОЛИСЪ.

О, коль гласъ мудрый изреченъ
Нравоучительницей женъ!

ХИТРОЛИСЪ.

(Входитъ совсѣмъ въ галлерею, держа подъ мышкою бумаги.)

Доброе утро, Матвѣевна! *(Осматривается повсюду.)* Гдѣ высокородный вашъ хозяинъ? Я его ищу по всему дому и не найду.

МАТВѢЕВНА.

(Про себя.)

Проклятая рожа! зачѣмъ она сюда появилась? *(Вслухъ.)* Здравствуйте, г. Хитролисъ! вы вѣрный другъ нашего старичка, и принесли ему конечно что-нибудь новенькое?

ХИТРОЛИСЪ.

Да! я имѣю нѣчто сказать ему.

МАТВѢЕВНА.

(Указывая на бумаги подъ его пазухой.)

Не бумагами ли вашими?

ХИТРОЛИСЪ.

Точно такъ. *(Въ сторону.)* Бумага все терпитъ: на ней можно нивѣсть чего накуролесить.

МАТВѢЕВНА.

О! это, вѣрно, опять какая-нибудь родословная князей и графовъ, подобная той, какая у него валяется въ кабинетѣ!

Digitized by Google

ХИТРОЛИСЪ.

Можетъ быть. Все достанешь, только бъ не устали руки; (*Дѣлаетъ знакъ, что будто отсчитываетъ деньги*) съ такими любезными документами все возможно.

МАТВѢЕВНА.

Итакъ все бездѣлица, а только бъ деньги были; поэтому вы, человѣкъ, превосходительно знающiй минералогiю и химiю, и легко монетъ надѣлать можете. Знавъ расположенie заводовъ г. Златогора, безъ сомнѣнiя лучше найдете и то мѣсто, гдѣ ихъ сыскать; а ему что-то худо удается.

ХИТРОЛИСЪ.

Пусть прилежнѣе ищетъ.

МАТВѢЕВНА.

Знать, придется ему прокапывать насквозь весь шаръ земной.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Въ сторону.*)

Это дьяволъ, а не баба! Надобно мнѣ прекратить съ ней разговоръ. (*Вслухъ.*) А! да вотъ и прекрасный завтракъ на столѣ. Я уже на дорогѣ слышалъ его запахъ.

МАТВѢЕВНА.

Всѣмъ извѣстно, что вы имѣете хорошее чутье и всегда востри́те зубы на жирную дичину. Не правда ли?

ХИТРОЛИСЪ.

Напрасно вы меня тѣмъ обвиняете: я Златогору и всему его дому истинный прiятель. Вмѣсто того, чтобъ взять изъ вашего стада овцу, я хочу привесть ему прекрасную ярочку. Вы скоро ее увидите.

МАТВѢЕВНА.

Понимаю. Знаю я эту двуногую скотинку, за пригонъ которой, думаю, получите вы изрядную плату. Вы видите, что мнѣ все извѣстно. Изъ дружбы къ Златогору вы стараетесь вскружить его голову женитьбою.—Но я клянусь вамъ, это не удастся; вы меня короче знаете. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНIЕ III.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Одинъ.*)

Прости Богъ мое окаянство! Эта баба взбѣсилась. Я еще никогда не видывалъ ее таковою. Что это значитъ? Я, кажется,

Digitized by Google

отгадываю: между Златогоромъ и его ключницею, видно, есть какія-нибудь шашни. Она ревнуетъ чему нибудь. Курица не легко согласится уступить своего пѣтуха; но нашъ братъ во всякомъ случаѣ не долженъ забыть себя. Иначе: выучись,—дадутъ мѣсто, отъ котораго не разжирѣешь, если не затвердишь дѣлать низкіе поклоны и ползать по паркетамъ. Да полно, я уже взялъ свои мѣры и сказалъ единожды самому себѣ: «Не робѣй, пользуйся случаемъ. Сила солому ломитъ: наживай что-нибудь, иль во весь свой вѣкъ будешь нищимъ дуракомъ.» Хорошо: я уже нынѣ дѣла свои такъ устрою, чтобъ на обѣ стороны наложить капцунъ[3], а тамъ и посмотрю, которую изъ овечекъ удобнѣе остричь можно будетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хитролисъ и Златогоръ въ пышныхъ нарядахъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Пріятнѣйшаго дня желаю милостивому государю.

ЗЛАТОГОРЪ.

И я вамъ того же. Вы мнѣ сдѣлали великое удовольствіе вашимъ посѣщеніемъ, тѣмъ больше, что я не прежде ожидалъ васъ, какъ завтра.

ХИТРОЛИСЪ.

Любезный другъ! если во мнѣ имѣете какое дѣло, то дремать не должно.

ЗЛАТОГОРЪ.

Вы правду говорите. Но какую же вы мнѣ приносите вѣсть отъ будущаго моего тестя?

ХИТРОЛИСЪ.

Все ту же, что я вамъ прежде сказывалъ и какъ мы съ вами условились. (*Вынимаетъ двѣ рядныя изъ-за пазухи.*) Вотъ здѣсь всѣ описаны подробности касательно вашего супружества.

ЗЛАТОГОРЪ.

Ахъ, мой любезный пріятель! уже вы все и сдѣлали? Прочитайте-ка!

ХИТРОЛИСЪ.

Я вамъ еще повторяю: при столь важномъ дѣлѣ не должно

[3] Въ акад. словарѣ и у Даля *капцукъ*, но у Рейфа *капцунъ*, что́ правильнѣе (отъ нѣмецк. Kappzaum, намордникъ). Въ рукописи Державина очень явственно капцунъ.

Digitized by Google

спать. (*Читаетъ.*) «Я нижеподписавшійся, помѣщикъ Глупиловъ, отъ сего числа впредь чрезъ девятнадцать дней, подъ нижеписанною неустойкою обязуюсь г. Златогору поставить Богомъ мнѣ данную здравую, крѣпкотѣлесную, дородную и никѣмъ не осязаемую дщерь свою, именованную при ея рожденіи Соломониду Глупилову, и кромѣ ея, получитъ онъ ходячею монетою 199,000 рублей.»

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Беретъ рядную и читаетъ.*)

А! 199,000 рублей, хотя бы я на ней и не женился, онъ долженъ мнѣ заплатить; не правда ли?

ХИТРОЛИСЪ.

Нѣтъ! безъ нея нельзя: приданое относится къ невѣстѣ, такъ и поставлено при ней.

ЗЛАТОГОРЪ.

Да вѣдь, я думаю, эдакъ въ рядныхъ не пишется.

ХИТРОЛИСЪ.

Это все равно.

ЗЛАТОГОРЪ.

Вы, господа приказные, всегда изобильны крючками: либо чего недопишете, либо что перепишете, (*въ полголоса:*) да и пустите волчка въ голову. Но если уже однѣхъ денегъ нельзя; то пусть хоть и она будетъ написана при нихъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Точно такъ, подпишите же эту бумагу. (*Подкладываетъ вмѣсто рядной вексель.*) Ее я отдамъ Глупилову; вы же, намѣсто оной, получите вотъ это обязательство за его подписаніемъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Такъ и быть! для 199,000 рублей подписывать будемъ. (*Лиза и Миловзоръ изъ боковыхъ дверей подслушиваютъ.*)

ХИТРОЛИСЪ.

А вотъ здѣсь и для меня тотъ вексель, о которомъ мы съ вами условились. Я, право, моими трудами его заслужилъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Подписываетъ.*)

Вотъ тебѣ и онъ подписанъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Итакъ, вами подписанную я ему отдамъ, а онъ вамъ свою, которую вы теперь видите. (*Между тѣмъ вексель свой кладетъ въ карманъ.*)

Digitized by Google

Это добрая овечка: загнать поскорѣе въ хлѣвъ; (*Бьетъ по карману рукой.*) посидитка тутъ лучше, миленькая.

ЗЛАТОГОРЪ.

Теперь дѣло сдѣлано. Послѣ трудовъ не худо позавтракать. (*Садится за столъ.*) Покушайте, что вамъ угодно, и въ знакъ дружбы (*наливая вино*) стаканъ объ стаканъ!

ХИТРОЛИСЪ.

(*Тоже садится.*)

Выпьемъ, милостивый государь, за выгодную женитьбу вашего высокородія и дражайшей вашей невѣсты!

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Опять наливаетъ.*)

А это за ваше здоровье (*Въ сторону*) и за мои 199,000 рублей! (*Пьетъ.*)

ХИТРОЛИСЪ.

Теперь могу я вамъ сказать по пріязни, что будущій вашъ тесть до чрезвычайности радъ, что вы дочь его берете за себя.

ЗЛАТОГОРЪ.

Право? А милая моя лебедушка Соломонида Глупиловна радуется ли, что за меня выходитъ?

ХИТРОЛИСЪ.

Какъ же!

ЗЛАТОГОРЪ.

О! кабы ее поскорѣе здѣсь увидѣть, я бы страстно въ нее влюбился, — (*Въ сторону*) въ ея денежки.

ХИТРОЛИСЪ.

Да, это лакомый кусокъ: не одна кожа да кости. (*Ѣстъ куричью ногу.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

Подлинно, мой любезный другъ! Сорадуйтесь со мною: все идетъ по вашему плану хорошо. Рудокопство мое удачливо. Вы сдѣлали изъ меня химика, физика, минералога, алхимиста и дворянина; а наконецъ, снабжаете меня и женою съ 199,000 тысячами рублями. Съ ними скоро процвѣтетъ и хлѣбопашество мое; а между тѣмъ открою богатыя жилы. Посмотри-ка, (*Показываетъ штуфы*) не прекраснѣйшая ли это серебряная руда?

ХИТРОЛИСЪ.

(*Продолжаетъ ѣсть.*)

Очень, очень хороша.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

А вотъ и золотая. Какіе слои густые! (*Показываетъ другую штуфу.*)

ХИТРОЛИСЪ.

(*Смотря на кушанье.*)

Вижу, вижу.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Отворяетъ шкафъ.*)

А здѣсь сколько драгоцѣнныхъ камней! Угодно ли вамъ, то хотя цѣлымъ возомъ услужу; пришлите только за ними.

ХИТРОЛИСЪ.

На что мнѣ? За ними пропасть хлопотъ: прежде разбери, распили, ошлифуй, оправь и потомъ уже на что-либо годятся. (*Пьетъ и въ сторону:*) Подобьюсь лучше стараго дурака къ женѣ, такъ и дастъ — яичко совсѣмъ облупленное.

ЗЛАТОГОРЪ.

Право, у меня только и на умѣ, что золотыя и серебряныя жилы. О! какъ бы мнѣ ихъ открыть! Тогда-то бы я зажилъ и посмотрѣлъ бы на пресмыкающееся предо мною бѣдное дворянство, какъ бы оно стало надо мною скалозубить. Я бы тогда самъ во все горло надъ нимъ смѣялся. (*Встаетъ изъ-за стола.*) Пойдемъ-ка теперь въ мои рудники, и тамъ сдѣлаемъ еще нѣсколько опытовъ при найденныхъ мною признакахъ. Мнѣ бы желалось знать, что вы объ нихъ мнѣ скажете.

ХИТРОЛИСЪ.

Извините меня, мой милостивецъ! я долженъ теперь отправиться къ г. Глупилову и отдать ему вашу рядную.

ЗЛАТОГОРЪ.

Еще будетъ время; а пойдемъ-ка, пойдемъ въ мою лабораторію: въ ней провождаю я наиприятнѣйшимъ образомъ мое время. Она мнѣ служитъ горницею, конторою, столовою и всѣмъ, что только мнѣ надобно. Въ ней я цѣлый день толку, плавлю, и проч. Она моя единственная стихія. Примите участіе и вы въ моихъ успѣхахъ: дайте совѣтъ достигнуть цѣли, къ которой стремлюся. Откройте мнѣ золотыя и серебряныя руды и докажите вашу дружбу.

Когда бъ счастливъ я былъ,
О! сколь тебя бъ любилъ.
Наполнилъ златомъ твой карманъ
Въ досаду нашихъ всѣхъ дворянъ!

Digitized by Google

ХИТРОЛИСЪ.

Это все прекрасно сказано; но поистинѣ теперь не могу: мнѣ непремѣнно должно ѣхать къ вашему тестю. Онъ и любезная ваша невѣста съ нетерпѣніемъ ждутъ моего возвращенія.

ЗЛАТОГОРЪ.

Ступайте жъ, коли такъ, и поклонитесь отъ меня дражайшей моей половинѣ: скажите, что я отъ любви къ ней сгораю,— (*Въ сторону.*) къ ея деньгамъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Хорошо, я все исполню. Прощайте!

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Ворочаетъ его и говоритъ въ полголоса.*)

Послушайте! не говорите ничего моей домоправительницѣ.

ХИТРОЛИСЪ.

Когда это вамъ надобно, я остерегусь. (*Хочетъ идти.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

Между нами сказано: она надѣлаетъ шуму.

ХИТРОЛИСЪ.

Почему?

ЗЛАТОГОРЪ.

Я такъ и сякъ думаю; родныхъ у меня нѣтъ, а она хорошая хозяйка и баба добрая.

ХИТРОЛИСЪ.

Я знаю, что она правая рука ваша.

ЗЛАТОГОРЪ.

Но какъ вы думаете, уживется ли она съ молодой женой моей?

ХИТРОЛИСЪ.

Что мнѣ на это вамъ сказать?

ЗЛАТОГОРЪ,

Мнѣ приходитъ въ голову, любезный другъ: вы холосты и здоровы, то не женитесь ли на ней?

ХИТРОЛИСЪ.

На ней? Сохрани, Боже!

ЗЛАТОГОРЪ.

А для чего бы не такъ?

ХИТРОЛИСЪ.

Она мнѣ выцарапаетъ глаза. Нѣтъ! этотъ конь не по моему сѣдлу. Прощайте, до свиданья!

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Что вы такъ торопитесь? Позвольте, чтобы я васъ хотя проводилъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Не безпокойтесь. (*Оба хотятъ уйти.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Златогоръ, Хитролисъ и Голяковъ.

ГОЛЯКОВЪ.

Не вы ли господинъ Златогоръ?

ЗЛАТОГОРЪ.

Такъ, государь мой: я. (*Про себя.*) Что ему надобно? (*Въ слухъ.*) Чѣмъ могу вамъ служить?

ГОЛЯКОВЪ.

Я слышалъ, что вы, государь мой, намѣрены жениться на дѣвицѣ Глупиловой. Правда ли это?

ЗЛАТОГОРЪ.

Правда; но къ чему такой вопросъ?

ГОЛЯКОВЪ.

И я намѣренъ вступить съ ней въ супружество; а какъ ее долженъ имѣть только одинъ изъ насъ, то я и пришелъ съ вами перевѣдаться. Выбирайте любое. (*Подаетъ ему пистолетъ и саблю.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Испугавшись.*)

Что это, государь мой! я васъ не знаю; кто вы таковы? Господинъ Хитролисъ! не знакомъ ли онъ вамъ?

ХИТРОЛИСЪ.

Какъ не знакомъ? это г. отставной капитанъ Голяковъ изъ города Самохвалова. (*Къ Голякову.*) Вашъ искъ, государь мой, удовлетворенъ быть не можетъ: ибо свадебный договоръ уже заключенъ подъ неустойкою, что тотъ, кто своего слова не сдержитъ, заплатитъ сопернику 199,000 рублей; а потому, если г. Златогоръ согласится отъ своего намѣренія отступиться, а вы ему отдадите ту сумму, тогда можете начать вашъ искъ.

ГОЛЯКОВЪ.

199,000 рублей! Легко, государь мой, выговорить.

ЗЛАТОГОРЪ.

Не правда ли, что эта сумма не по кошельку отставнаго капитана?

Digitized by Google

ГОЛЯКОВЪ.

Что мнѣ дѣла до вашего условія и вашей проклятой неустойки? Вотъ мой капиталъ! (*Показывая на свое оружіе.*) Я его умѣю обращать въ свою пользу.

ЗЛАТОГОРЪ.

Но я не умѣю. (*Хитролису въ полголоса.*) Что намъ дѣлать съ этимъ головорѣзомъ? Стащи, братецъ, пожалуй, его съ моей шеи.

ГОЛЯКОВЪ.

Долго ли вы будете объясняться и скоро ли я получу мою сатисфакцію?

ХИТРОЛИСЪ.

(*Отводя Златогора въ сторону.*)

Послушай-ка, мой другъ: вздумалось мнѣ при этомъ случаѣ сбыть съ рукъ вашу домоправительницу. — Этотъ бы мужъ по ней.

ЗЛАТОГОРЪ.

О, какъ бы это сдѣлалось!

ХИТРОЛИСЪ.

Погодите жъ, я поговорю съ нимъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Хорошо.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Голякову.*)

Итакъ вы, почтенный г. капитанъ Голяковъ, неотмѣнно задумали жениться?

ГОЛЯКОВЪ.

Тьфу къ чорту! Конечно такъ.

ХИТРОЛИСЪ.

И вамъ, я думаю, все равно, на комъ бы то ни было, только бы жениться? (*Показываетъ, что считаетъ деньги.*)

ГОЛЯКОВЪ.

Это правда. Лишь бы была добрый человѣкъ и имѣла довольно жиру. Это наши братья, служивые, любятъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Я могъ бы предложить вамъ весьма знатную невѣсту, еслибъ вы ее взять согласились.

ГОЛЯКОВЪ.

Какую? только поскорѣе! Я не могу долго ждать.

Digitized by Google

ХИТРОЛИСЪ.

(*Златогору въ полголоса.*)

Онъ какъ чортъ наступчивъ. (*Голякову въ слухъ.*) Здѣсь у хозяина живетъ одна добрая женщина, весьма хорошая домоправительница, которую онъ весьма почитаетъ, и даетъ ей богатое приданое: то чтó вы на это скажете? Она бы, право, была по васъ.

ГОЛЯКОВЪ.

Подите къ чорту! Домоправительница? и вѣрно, старая, мерзкая?

ХИТРОЛИСЪ.

Сохрани Богъ! она не стара и не дурна и принесетъ съ собою коку съ сокомъ. Не думайте-ка долго, а согласитесь: вы съ ней будете жить, какъ сыръ въ маслѣ.

ГОЛЯКОВЪ.

Какъ это можно? ни она меня, ни я ее не знаю.

ХИТРОЛИСЪ.

Тѣмъ лучше! Таковыя-то женитьбы и бываютъ счастливы.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Въ полголоса.*)

Тутъ надобна какая-нибудь уловка.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Также въ полголоса.*)

Мнѣ уже нѣчто пришло въ голову: упросите его пробыть у насъ нѣсколько дней, такъ и найдется случай имъ познакомиться.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Въ полголоса.*)

Въ самомъ дѣлѣ. (*Вслухъ.*) Прошу васъ, г. капитанъ, погостить у меня въ домѣ дня два-три: такъ, можетъ быть, и пойдетъ дѣло на стать.

ГОЛЯКОВЪ.

Пожалуй, если вамъ этого хочется, мнѣ все равно, здѣсь ли, или въ другомъ мѣстѣ довольствоваться земскимъ провіантомъ. Я останусь, коли такъ, во время перемирія, здѣсь для рекогносцировки.

ЗЛАТОГОРЪ.

Дайте мнѣ, г. Голяковъ, руку въ увѣреніе слова вашего.

ГОЛЯКОВЪ.

(*Даетъ руку.*)

Изволь! инъ будемъ друзьями.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Будемъ, — и таковыми навсегда останемся. (*Въ сторону.*) Хитролисъ всему пособить умѣетъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Теперь отведите г. капитана въ такую горницу, гдѣ бъ онъ, покойно проживая, могъ имѣть случай познакомиться съ своимъ предметомъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Милости прошу, а случай найдется.

ГОЛЯКОВЪ.

Тьфу пропасть! да полно, скоро ли! (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Лиза входитъ со смѣхомъ, а за ней Матвѣевна и Миловзоръ.

ЛИЗА.

(*Оборотясь къ дверямъ.*)

Матушка, пожалуйте сюда!

МАТВѢЕВНА.

Что такое?

МИЛОВЗОРЪ.

Что съ вами случилось?

ЛИЗА.

Послушайте-ка! послушайте... но не могу отъ смѣху выговорить.

МАТВѢЕВНА.

Говори: чтó съ тобою сдѣлалось?

ЛИЗА.

Безцѣнный мой опекунъ хочетъ васъ выдать за-мужъ!

МАТВѢЕВНА.

Меня! за-мужъ?

ЛИЗА.

Да, за стараго и мерзкаго наглеца. Какъ бы вы думали? за того самаго, который только что теперь сюда на заводъ пріѣхалъ.

МАТВѢЕВНА.

Что ты говоришь! но хорошо ли ты слышала?

ЛИЗА.

Какъ же не такъ? Я сама ихъ подслушала. Онъ васъ формально ему предложилъ.

Digitized by Google

МИЛОВЗОРЪ.

Жестокосердый отецъ!

ЛИЗА.

Хитролисъ изобрѣлъ сей прекрасный планъ.

МАТВѢЕВНА.

Ахъ, проклятый человѣкъ! Я бы ему желала отъ всего сердца глаза выцарапать. Но не думаетъ ли обо мнѣ Златогоръ, что я первому, кто мнѣ въ глаза попадется, на шею навѣшусь? Такъ, вижу я это, что онъ меня только хочетъ съ рукъ сбыть. О я, несчастная! О сынъ мой, дѣти мои! помогите мнѣ избавиться отъ стыда, меня ожидающаго. Ахъ, Боже мой! Я и въ гробѣ не могла бъ быть спокойною, ежели бы тебя, любезный мой сынъ, оставила страдать подъ бременемъ такого ужаснаго предразсудка.

МИЛОВЗОРЪ.

Я не могу долѣе видѣть, любезная матушка, твоей горести. Вся душа моя волнуется. Ахъ! я удалюсь лучше отсель; ибо чувствую, что въ ярости могу забыть долгъ сына къ отцу: я пожертвую собой. (*Убѣгаетъ.*)

МАТВѢЕВНА.

Ахъ! ради Бога, постой! что ты предпринимаешь? (*Убѣгаетъ вслѣдъ за нимъ.*)

ЛИЗА.

(*Одна.*)

Оставьте, пожалуйте, на мое попеченіе. Я уже нѣчто выдумала. Сегодня же сдѣлаю опытъ, и коли удастся, то кончится наше несчастіе. Что это? (*Смотритъ вдоль галлереи.*) Онъ опять показался! Уйти лучше отъ него; ибо ему все равно, на комъ бы ни жениться. Пожалуй, вздумаетъ и на мнѣ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГОЛЯКОВЪ.

(*Входитъ поспѣшно.*)

Клянусь всею артиллеріею, бомбами и пушками, что здѣсь была прекрасная дѣвка! Не эта ли самая фортеція, которую мнѣ взять надобно? Подлинно, побѣда надъ нею стоила бы штурма. Я бы остался съ большимъ авантажемъ при размѣнѣ съ жирною моею гусынею, Соломонидою Глупиловой. Ха, ха, ха! Такъ-то бываетъ счастье въ ремеслѣ военномъ: напади только на крѣ-

Digitized by Google

пость храбро, такъ она и твоя. Но теперь долженъ я еще въ моемъ лагерѣ быть покойнымъ и ждать удобнаго случая къ атакѣ. Ха! ха! ха! Это не уйдетъ. Стараго солдата не объѣдутъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Златогоръ, а вскорѣ послѣ съ другой стороны и Лиза.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Про себя.*)

Вотъ идетъ и Лиза. Дай, вывѣдаю у нея, что въ домѣ о моей женитьбѣ поговариваютъ. (*Къ Лизѣ.*) Послушай, Лизанька, поди сюды: я хочу тебя удостоить моею довѣренностію. (*Садится.*)

ЛИЗА.

Меня? ай! ай! какою это?

ЗЛАТОГОРЪ.

Объяви повару, кучеру, дворецкому, садовнику, управителю, секретарю и, кратко, всѣмъ моимъ придворнымъ, что я возымѣлъ намѣреніе жениться.

ЛИЗА.

Вы шутите?

ЗЛАТОГОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! клянусь моею высокодворянскою честію, что это истинная правда.

ЛИЗА.

Позволите ли быть столь дерзновенной и спросить о имени той счастливой особы, которую вы удостоиваете высокознаменитою своею рукою?

ЗЛАТОГОРЪ.

Имя невѣсты моей? — Соломонида Глупиловна.

ЛИЗА.

Соломонида Глупиловна! какое ангельское имя, и отчество удивительное! но при всемъ томъ, кто бы подумалъ, что вы опять женитесь? Ха, ха, ха!

ЗЛАТОГОРЪ.

Что же ты находишь тутъ чуднаго?

ЛИЗА.

Ничего; я удивляюсь только вашему молодеческому предпріятію: еслибъ могли осмѣлиться узнать о вашихъ лѣтахъ, то вѣрно нашлось бы, что вы добрыхъ шестьдесятъ пережили.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Для чего же не скажешь триста?

ЛИЗА.

Извините, я хотѣла сказать сорокъ, да — сорокъ!

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Про себя.*)

Проклятая дѣвчонка! съ ея вопросами въ тупикъ станешь. (*Вслухъ.*) Слушай, Лиза, совѣтую тебѣ добромъ, не разсерди меня.

ЛИЗА.

Кто можетъ такого великодушнаго, добраго разсердить господина?

ЗЛАТОГОРЪ.

Молчи! я не хочу болѣе отъ тебя ни слова слышать.

ЛИЗА.

А я такъ все любуюсь прекрасной вашей жениховой осанкѣ, вѣдая, что въ двадцать тысячъ дней вы, мущины, еще не такъ стары, для того что это только дни, а не годы.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Встаетъ и беретъ со стола трость.*)

Напомнить ли тебѣ долгъ твой, наглая дѣвчонка?

ЛИЗА.

Какъ вы такъ сердиться можете? вѣдь это, сударь, не здорово и обезображиваетъ любезныя черты вашего личика.

ЗЛАТОГОРЪ.

Послушай, Лизка, еще ли ты не перестанешь бѣсить меня?

ЛИЗА.

(*Поетъ.*)

АРІЯ.

Ахъ! вы шутите со мной:
Женихъ, вы полны жаромъ,
Умомъ, богатства даромъ,
Дворянствомъ, чиномъ и красой;
А мнѣ хотите бѣдъ?
Нѣтъ, нѣтъ! — коль любишь, нѣтъ!

ЗЛАТОГОРЪ.

Такъ, такъ! — сдержу обѣтъ,
Тебѣ устрою вредъ.

ЛИЗА.

(*Продолжаетъ.*)

Займутъ ли вмѣстѣ сердце страстно

Digitized by Google

Любовь и гнѣвъ согласно?
Нельзя тому быть, нѣтъ!
Любовь кому предметъ,
Овечкой тотъ живетъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

О, шутишь! — это бредъ.

ЛИЗА.

(*Продолжаетъ.*)

Блеститъ вашъ взоръ, какъ солнца лучъ,
А видъ — какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ;
Толь баринъ славою гремучъ,
Толь свѣтелъ родомъ и чинами,
Какъ можетъ золъ быть и словами?
О нѣтъ! клянусь въ томъ, нѣтъ:
Такимъ не зналъ васъ свѣтъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Ужъ слишкомъ сей привѣтъ...

Но хорошо: быть такъ, останься здѣсь; на этотъ разъ я тебя прощаю! А если впередъ когда услышу, что ты столь дерзко надо мною и моими лѣтами прощелычить станешь, то я тебя проучу.

ЛИЗА.

Извините, я никогда надъ вами не шутила. Сохрани меня Богъ, чтобъ я когда-нибудь стала надъ старостью издѣваться. Напротивъ, я всегда сѣдины почитаю: пожилой и достойный мужъ любезнѣе молодаго вѣтреника.

ЗЛАТОГОРЪ.

Вотъ теперь я вижу, что ты таки дѣвка не безъ ума. Старость всегда почтенна, по пословицѣ: старый рубль новаго цѣннѣе.

ЛИЗА.

Неужто и старые младыхъ дубы тверже?

ЗЛАТОГОРЪ.

А! я вспомнилъ что ты умѣешь стихи дѣлать: сдѣлай-ка, пожалуй. Я тебѣ задамъ задачу; вотъ она: старыхъ курицъ похлебка вкуснѣе.

ЛИЗА.

Вы издѣваетесь; а я вамъ скажу: цыплята младыя куръ старыхъ нѣжнѣе.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Ну, такъ сдѣлай же, коли такъ, стихи уже на старость.

ЛИЗА.

(*Ласкаетъ и потрепываетъ Златогора.*)

Сейчасъ, сейчасъ, мой дражайшій опекунъ: желѣзо старое отъ ржавчины слабѣе.

ЗЛАТОГОРЪ.

Этотъ стихъ не годится: все-таки желѣзо какъ желѣзо. (*Закусываетъ губы.*) Теперь я тебѣ другую задамъ задачу; а притомъ и съ голосомъ. (*Поетъ, показывая рукою, что акомпанируетъ себя на цитрѣ.*)

Чѣмъ старѣй вино,
Тѣмъ лучше оно:
Пить слаще, пріятнѣй,
Вкуснѣй, ароматнѣй.

ЛИЗА.

Да — это для меня трудненько.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Дѣлая ей насмѣшливую мину.*)

Ну, такъ спой, чтó тебѣ самой вздумается.

ЛИЗА.

Благоволите-ка повторить вашъ стихъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Еще поетъ.*)

Чѣмъ старѣй вино,
Тѣмъ лучше оно:
Пить слаще, пріятнѣй,
Вкуснѣй, ароматнѣй.

ЛИЗА.

(*Поетъ, показывая рукою, что прядетъ.*)

Чѣмъ млаже руно,
Ходчѣй вертено,
А старо слабѣе
И въ пряжѣ хилѣе.

(*Убѣгаетъ.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Гонится за ней.*)

Змѣя, ящерица, крокодилъ!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Возвратившись одинъ.*)

Счастлива, что ушла. Какая дерзкая! я отъ досады внѣ себя. (*Садится.*) Но что бы эта наглость значила? (*Задумывается.*) Ахти! ужъ не домоправительница ли моя подожгла ее противъ меня, или лучше, противъ моей женитьбы? Не имѣетъ ли Лиза на меня подозрѣнія, что я болѣе нежели 180,000 рублей, получа отъ ея покойнаго дяди въ сохраненіе, прижалъ къ себѣ? Полно, какой благоразумный человѣкъ оставитъ молодымъ людямъ такое множество денегъ? Я лучше ихъ употребилъ. Этотъ заводъ продавался за 200,000 рублей. Я имѣлъ на покупку его недостатокъ и дополнилъ ея имѣніемъ. Но отъ кого ей это узнать? Вѣдь никто свидѣтелемъ при томъ не былъ, кромѣ покойной моей жены, какъ добрый ея дядя вручилъ мнѣ свою шкатулку. (*Пужается и вскакиваетъ.*) Ужасъ на меня нападаетъ, какъ только вспомню о ея смерти! Я обѣщалъ ей съ клятвою возвратить въ цѣлости имѣніе Лизѣ, когда только минетъ ей 18 лѣтъ. Но не исполняя того по сіе время, часто съ трепетомъ вижу покойницу передъ собою, увѣщевающую меня исполнить мое обѣщаніе. Но скоро, скоро я его исполню. Да, я поправлю мой проступокъ тѣмъ болѣе, что оказывается теперь къ тому удобный случай. Ожидаемое мною близкое открытіе золотыхъ и серебряныхъ рудъ, да и богатое приданое Соломониды Глупиловны дадутъ мнѣ къ тому способъ. На 199,000 рублей ископаю я всѣ горы и вѣрно въ нихъ найду рѣдкія сокровища: то и все заплачу. (*Развеселясь.*) Не должно только измѣнять моего плана и не скидать веселаго лица. Но что бишь я хотѣлъ? Да! да! (*Кличетъ.*) Гей! гей! люди! люди!

ЯВЛЕНІЕ X.

Златогоръ и многіе изъ дворовыхъ его людей, каждый одѣтъ по его званію.

ЗЛАТОГОРЪ.

Слушайте, ребята! подите сюда поближе. Объявляю вамъ, что вскорѣ намѣренъ я сочетаться вторымъ бракомъ; а потому и повелѣваю вамъ, чтобъ все потребное къ тому непремѣнно было изготовлено.

Digitized by Google

ЛЮДИ.

Слышимъ, сударь!

ЗЛАТОГОРЪ.

Припасите лучшихъ винъ, рѣдчайшей дичи, паштетовъ, фазановъ, шеколаду, лимонаду, пуншу, ликеровъ, дынь, картъ, арбузовъ, бильярдъ, театръ, музыку и курительнаго табаку, а при томъ не забудьте новаго праздничнаго серебрянаго сервиза и моего параднаго парика.

ЛЮДИ.

Слышимъ, сударь!

ЗЛАТОГОРЪ.

Будьте расторопны, проворны, услужливы; смотрите за порядкомъ, и если изъ гостей кто въ чемъ вами будетъ недоволенъ, божусь, что всѣ кости перещупаю.

ЛЮДИ.

Слышимъ, сударь!

ЗЛАТОГОРЪ.

Ступайте жъ и помните, чтó я вамъ приказалъ. (*Они хотятъ уйти, а онъ вслѣдъ имъ:*) А лѣнивецъ Яковъ еще не возвратился?

ЛЮДИ.

Нѣтъ еще, сударь.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Про себя.*)

Куда онъ провалился? Съ нетерпѣніемъ ожидаю я письма отъ моего ангела. Ахъ! чуть я не позабылъ самаго нужнѣйшаго. (*Вслухъ.*) Гей! вытвердили ли вы пѣсню Кукушку, нарочно для моей свадьбы на музыку положенную?

ЛЮДИ.

Вытвердили, сударь!

ЗЛАТОГОРЪ.

Такъ спойте жъ мнѣ ее. Но вы вѣдь глупы, какъ лошади: не растолкуй вамъ, такъ вы не знаете придать ей силы въ вашемъ пѣніи; итакъ вамъ надобно напередъ объяснить. Вы знаете, что кукушка — моя любимая птичка. Она самку свою нѣжно къ себѣ приманиваетъ. Я хочу ей подражать. А для того и велѣлъ я вамъ изъ пѣсни ея составить хоръ. Но вы не должны потерять характеру сей птицы. Смотрите на меня прилежнѣе. Я вамъ ее живо представлю. (*Всѣ окружаютъ его, разиня ротъ, и подражаютъ комическимъ его тѣлодвиженіямъ.*) Когда кукушка начинаетъ пѣснью своею

Digitized by Google

звать свою самку, то встрепетываетъ своими крылышками, вертитъ головою (*Ставитъ руки свои въ пахи, двигаетъ взадъ и впередъ локтями, поворачиваетъ головою.*) и нѣжно кричитъ вотъ такъ: ку! ку! ку! Вы также подражайте ей: пусть руки ваши замѣнятъ ея крылья, и такъ далѣе, какъ я вамъ теперь показывалъ. Ну, ну, начинайте жъ.

ЛЮДИ.

(*Дѣлаютъ всѣ тѣ движенія, какія онъ показывалъ, и кричатъ.*)

Ку! ку! ку!

ЗЛАТОГОРЪ.

Хорошо, хорошо, я доволенъ. Не забудьте жъ, я хочу этимъ концертомъ, въ день свадьбы моей, послѣ кушанья, какъ подадутъ закуски, нечаянно невѣсту мою позабавить. О, какъ она обрадуется! Такая выдумка никогда никому въ голову не входила. Теперь, приставя кукушачьи берестовые носы, которые я вамъ велѣлъ сдѣлать, пропойте-ка всѣмъ хоромъ. Я буду самъ вашимъ уставщикомъ, и первый начну.

ЛЮДИ.

(*Приставляя ко рту поддѣланные кукушачьи носы, начинаютъ пѣть; а Лиза тихо показывается въ то время при входѣ въ галлерею вдалекѣ.*)[4]

. . . .

ЯВЛЕНІЕ XII.

Театръ представляетъ въ другой части сада, между мрачныхъ кедровъ, гротъ изъ дикаго камня, чрезъ который проходятъ сквозь подземный ходъ въ лабораторію. Двое слугъ приносятъ горное платье и чистятъ его при входѣ въ гротъ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Это платье довольно принесло мнѣ денежекъ на пропой.

ДРУГОЙ СЛУГА.

А мнѣ вотъ это. На прошедшей недѣлѣ получилъ я отъ чужаго барина, который рудники наши осматривалъ, цѣлый рубль за труды.

[4] За этимъ слѣдуетъ въ рукописи арія, которая, по множеству поправокъ, не могла быть вполнѣ разобрана. Далѣе явленіе XI, также не довольно ясно написанное. Можно было однакожъ извлечь изъ неотдѣланнаго дуэта Златогора съ Лизой, что онъ предлагаетъ ей кошелекъ съ деньгами; но она его не принимаетъ и тѣмъ сердитъ Златогора.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Нынѣ къ господину на свадьбу много гостей пріѣдетъ: то-то мы пощечимся!

ДРУГОЙ СЛУГА.

Конечно, и намъ что-нибудь перевалится.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Хитролисъ и прежнія.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Людямъ.*)

Здравствуйте, друзья мои.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Спасибо, баринъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Гдѣ Златогоръ?

ВТОРОЙ СЛУГА.

Онъ пошелъ въ свою лабораторію.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Въ сторону.*)

Ну, къ чорту! туды мнѣ идти не хочется: того и смотри, что шею сломишь. (*Даетъ слугѣ.*) Передай, братъ, это письмо твоему господину и скажи, что посланникъ отъ будущаго тестя принесъ его сюды.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Хорошо, исполню ваше приказаніе. (*Уходитъ и товарищъ его съ нимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Одинъ.*)

Почто мнѣ туда ходить? Послалъ я теперь съ письмомъ къ Златогору Глупилово условіе, а ему здѣсь Златогоровъ вексель отдамъ: такъ и дѣло съ концомъ. Лишь бы Матвѣевну сжить намъ съ шеи; а то, по его словамъ, прежде жениться онъ не можетъ, пока съ нею не раздѣлается. Право, хоть бы куды пара! Притомъ старикъ даетъ ей изрядную сумму. (*Задумывается.*) А ежели ветхій капитанъ отъ нея откажется, то надобно же мнѣ и за нее замолвить словечко. Да вотъ и она идетъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XV.

Хитролисъ и Матвѣевна, вдалекѣ тихо.

МАТВѢЕВНА.

Эта проклятая лиса опять здѣсь.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Въ сторону.*)

Что бы мнѣ ей сказать?

МАТВѢЕВНА.

Какъ онъ пристально на меня поглядываетъ!

ХИТРОЛИСЪ.

Начать бы мнѣ ей мое предложеніе.

МАТВѢЕВНА.

Я, право, думаю, что этотъ безстыдный съ чѣмъ-нибудь хочетъ ко мнѣ подъѣхать.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Продолжая глядѣть на нее, про себя.*)

Какъ мнѣ досадно, что я всегда съ женскимъ поломъ застѣнчивъ! право, самому бы себѣ надавалъ оплеухъ.

МАТВѢЕВНА.

(*Про себя.*)

О! еслибы могла, я бы ему всѣ ребра переломала.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Покушается говорить.*)

Чортъ меня побери, ни слова не могу промолвить.

МАТВѢЕВНА.

(*Про себя.*)

Надобно чѣмъ-нибудь кончить наше свиданіе. (*Кланяется ему съ насмѣшкою.*)

ХИТРОЛИСЪ.

(*Также кланяется.*)

Милостивая государыня!

МАТВѢЕВНА.

(*Еще кланяется.*)

Государь мой!

(*Молчатъ, покудова приходитъ Глупиловъ съ Соломонидою.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Прежніе, Глупиловъ и Соломонида.

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Выводя дочь свою.*)

Слуга покорный. — Они въ комплиментахъ своихъ и не видятъ, кто къ нимъ взошелъ. (*Громче.*) Покорный слуга!

СОЛОМОНИДА.

Къ услугамъ вашимъ!

ХИТРОЛИСЪ И МАТВѢЕВНА.

(*Увидя ихъ вмѣстѣ.*)

А, господинъ Глупиловъ! и вы, сударыня!

ГЛУПИЛОВЪ.

Здравствуйте, друзья мои, я привелъ къ вамъ невѣсту, дочь мою, которая скоро будетъ вашею госпожею.

ХИТРОЛИСЪ.

Ахъ! любезный мой господинъ Глупиловъ, это вы? добро пожаловать! (*Цѣлуются.*) и вы, сударыня, очень, очень намъ пріятны.

(*Подходитъ къ рукѣ.*)

СОЛОМОНИДА.

(*Подаетъ и Матвѣевнѣ руку.*)

Что же ты не цѣлуешь?

МАТВѢЕВНА.

(*Въ сторону.*)

Безстыдная! какъ мнѣ это перенесть?

СОЛОМОНИДА.

Чтожъ стала?

МАТВѢЕВНА.

Я не привыкла у равныхъ себѣ цѣловать руки

СОЛОМОНИДА.

У равныхъ тебѣ?

ХИТРОЛИСЪ.

(*Тихо въ сторону.*)

Ну, что вижу? грянетъ громъ. Надобно это позамять. (*Громко*) Какъ это случилось, что мы наслаждаемся сегодня счастіемъ видѣть васъ здѣсь, господинъ Глупиловъ, съ дражайшею вашею дочкою Соломонидою Глупиловною? Вѣдь вы вчерась мнѣ ни слова о семъ не сказали.

ГЛУПИЛОВЪ.

Сегодня пришло мнѣ на мысль побывать въ деревнѣ моей, въ здѣшнемъ сосѣдствѣ находящейся: я взялъ съ собою дочь, чтобы

на возвратномъ пути посѣтить жениха ея и выпить у него чашку шеколаду.

СОЛОМОНИДА.

А гдѣ же, папенька, мой женихъ?

ГЛУПИЛОВЪ.

Да, гдѣ господинъ Златогоръ?

ХИТРОЛИСЪ.

Онъ въ своей лабораторіи.

СОЛОМОНИДА.

Ахъ, папенька! мнѣ ужъ скучно, что я его не вижу.

ГЛУПИЛОВЪ.

Посмотрите на ея невинное желаніе. Знаешь ли, моя любезная дочь, что мы лучше удивимъ его своимъ нечаяннымъ приходомъ, когда всѣ къ нему нагрянемъ вмѣстѣ. Я еще и самъ не бывалъ въ его лабораторіи.

СОЛОМОНИДА.

И я еще нѣтъ.

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Хитролису.*)

Я очень по словамъ вашимъ любопытенъ видѣть его богатыя золотыя и серебряныя руды, которыя онъ здѣсь открылъ. (*Къ Соломонидѣ.*) Ахъ, мое счастливое дитятко! Смотри только, отъ блеску злата и сребра не ослѣпни. Не такъ ли, господинъ Хитролисъ?

ХИТРОЛИСЪ.

(*Сквозь зубы.*)

Можетъ быть.

МАТВѢЕВНА.

(*Въ сторону.*)

Безсовѣстный! теперь-то обнаруживается весь его обманъ.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Въ сторону.*)

Ну, я теперь пропалъ; однакоже съ ними идти надобно.

МАТВѢЕВНА.

Пойду и я, чтобъ видѣть его плутни.

ГЛУПИЛОВЪ.

Что, дитятко, задумалась? пойдемъ въ гротъ.

СОЛОМОНИДА.

(*Смотря въ оный.*)

Нѣтъ, любезный папенька, я не пойду, не пойду, тамъ темно.

Digitized by Google

ГЛУПИЛОВЪ.

Небойся, мы свѣчъ съ собой возьмемъ и проведемъ тебя сами.

СОЛОМОНИДА.

Ахъ, нѣтъ! я замараюсь.

ХИТРОЛИСЪ.

Надѣнемъ горное платье. — Пожалуйте въ галлерею, тамъ извольте переодѣться.

СОЛОМОНИДА.

Это горное платье? Папенька! я боюсь до смерти.

ГЛУПИЛОВЪ.

Не бойся, дитятко; мы вѣдь съ тобой вмѣстѣ. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Матвѣевна, Лиза, Миловзоръ и нѣсколько людей съ платьями.

МАТВѢЕВНА.

Подите сюды, дѣти! поскорѣй!

ЛИЗА.

Мы всѣ ихъ проказы издали слышали.

МИЛОВЗОРЪ.

Надобно теперь подумать, чѣмъ бы помѣшать ихъ предпріятію.

ЛИЗА.

Пойдемъ-ка и мы за ними.

МАТВѢЕВНА.

Хорошо.

МИЛОВЗОРЪ.

Пойдемъ, пойдемъ; тамъ увидимъ лучше, что́ намъ дѣлать.

МАТВѢЕВНА.

(*Людямъ.*)

Дайте же и намъ платье, мы его здѣсь поскорѣе надѣнемъ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Хитролисъ, Глупиловъ и прочіе возвращаются, переодѣтые въ горное платье, съ надѣтыми на головы капишонами.

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Къ Соломонидѣ.*)

Пойдемъ, дитятко, ты тамъ увидишь твоего жениха. (*Слуга одинъ впередъ идетъ со свѣчою.*)

Digitized by Google

ЛИЗА.

(*Тихо подвертываясь къ Глупилову.*)

Дай-ка, вмѣсто ея я съ нимъ пойду. (*Беретъ его за руку и уходятъ внутрь грота.*)

ХИТРОЛИСЪ.

Пожалуйте мнѣ руку вашу, Соломонида Глупиловна, я хочу имѣть честь проводить васъ.

МАТВѢЕВНА.

(*Подскакиваетъ.*)

Я вмѣсто ея. (*Беретъ его за руку, и уходятъ вслѣдъ Хитролиса.*)

СОЛОМОНИДА.

Папенька, папенька, гдѣ же вы остались?

МИЛОВЗОРЪ.

Вмѣсто его, я васъ провожу, сударыня, ежели позволите. (*Подаетъ ей руку, и идутъ туда же.*)

СОЛОМОНИДА.

Вы мой женихъ?

МИЛОВЗОРЪ.

(*Въ сторону.*)

Помилуй меня отъ того, Господи!

СОЛОМОНИДА.

(*При входѣ въ гротъ.*)

Ай! ай! свѣча погасла.

МИЛОВЗОРЪ.

Не бойтесь, сударыня: я и ощупью доберусь. (*Уходятъ въ гротъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Театръ представляетъ лабораторію Златогора съ горнами, мѣхами, плавильными горшками, ретортами и со всякими другими инструментами, въ которой Яковъ и Златогоръ, въ рабочемъ платьѣ, занимаются работой: первый толчетъ руду, разсматривая ее почасту на ладони, второй при горнѣ дуетъ мѣхами. Слуга стоитъ при входѣ съ письмомъ, подъ пространною темною аркою; по сторонамъ, въ падинахъ, видны ходы въ пещеры.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Оставя мѣхи.*)

Не такъ ли, Яковъ? эта руда, кажется мнѣ, содержитъ въ себѣ больше серебра, чѣмъ прежняя, а въ этой много золота.

ЯКОВЪ.

Я не знаю, сударь, которая серебряная, которая золотая.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Экой безмозглый баранъ! да вѣдь это видно. Подлинно, чѣмъ глубже иду я въ гору, тѣмъ лучшую достаю руду.

СЛУГА.

(*Подаетъ письмо Златогору.*)

Господинъ Хитролисъ велѣлъ мнѣ вручить вамъ, сказавъ, что оно отъ вашего тестя.

ЗЛАТОГОРЪ.

Письмо отъ моего тестя! Поди сюды. (*Беретъ.*) Ба! Это при письмѣ давишняя подписанная мною рядная. (*Надѣвая очки, читаетъ про себя письмо, потомъ вслухъ:*) Умереть надобно со смѣху. Не такъ-то легко у кореннаго дворянина получить въ супружество дочь. Послушай-ка, Яковъ, какъ мой господинъ будущій тесть отпотчевалъ многихъ жениховъ; ты удивишься, сколько онъ и прекрасная моя Соломѣюшка всѣмъ другимъ меня предпочитаютъ. (*Смѣется, читая письмо вслухъ.*) «Уже около тридцати жениховъ сва- «тали мою дочь; но я имъ отказалъ: нѣтъ, этому не бывать; а «ежели вы сейчасъ же отъ меня не уберетеся, то я васъ про- «вожу по зашейкамъ». Ха, ха, ха! Вотъ, Яковъ, каковъ я. Вѣдь это все за меня.

ЯКОВЪ.

(*Съ лукавой миной.*)

Господинъ Глупиловъ хорошо сдѣлалъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Гдѣ тотъ человѣкъ, который бы со мной потягался? (*Читаетъ далѣе.*) «Итакъ они ушли со стыдомъ и горестью; ибо моя любез- «ная Соломонида всякому умѣетъ вскружить голову. Иные изъ «нихъ клялись отмстить мнѣ, другіе, если вы ее не возьмете, — «насильно увезти. Но я тотчасъ принялся за мечъ мой и копье, «и господа любовники въ минуту направиша вспять стопы своя, «подобно зайцамъ, которыхъ собаки преслѣдуютъ». (*Смѣется.*) Что, полно пустое говорить, со смѣху и читать болѣе не могу.

ЯКОВЪ.

Ахъ, милостивый государь! позвольте и мнѣ надъ вашимъ Глупиловымъ и его заячьей травлей похохотать.

ЗЛАТОГОРЪ.

Пожалуй себѣ смѣйся, сколько хочешь.

Digitized by Google

ЯКОВЪ.

(*Смѣется, а Златогоръ ему вторитъ.*)

Ха, ха! ха, ха!
Чуть живъ я съ смѣху только,
Ха, ха! ха, ха!
Глупиловъ всѣхъ отбрилъ,
Его кто овцу мнилъ
Изъ пасти взять у волка.
Мой мозгъ и шея,
Грудь, лобъ, потѣя,
Весь животъ трещитъ,
Ха, ха! ха, ха!

ЯВЛЕНІЕ XX.

При входѣ въ лабораторію, подъ аркою, въ темнотѣ появляются, закутанные въ горное платье, Глупиловъ, Лиза, Хитролисъ, Матвѣевна, Соломонида и Миловзоръ попарно, ведя по стѣнамъ ощупью другъ друга; ихъ провожаетъ нѣсколько слугъ.

ЯКОВЪ.

(*Подшедъ подъ арку и глядя внутрь оной, поетъ, а потомъ и другіе попарно и хоромъ.*)

Вашъ тесть, сосѣдъ и господинъ
Идетъ сюда, и не одинъ,
Съ невѣстой вашей; а у ней
Любовь блистаетъ изъ очей.

(*Глупиловъ съ Лизой входятъ въ лабораторію.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Бѣжитъ имъ съ горнымъ фонаремъ на встрѣчу.*)

Пожалуй, пожалуй: какое восхищенье,
Что васъ я вижу у себя
Съ невѣстой дорогой моей!

ГЛУПИЛОВЪ.

Вотъ ваша, вотъ ваша невѣста. О зрѣнье!

(*Озираясь вкругъ.*)

Она, васъ сильно полюбя,
Зрѣть алчетъ вашихъ блескъ очей.

ЗЛАТОГОРЪ.

О! какъ я радъ, счастливъ теперь!
Завидна жениха рука!

Digitized by Google

ГЛУПИЛОВЪ.

Цвѣти въ вѣнцѣ, любезна дщерь,
Какъ вѣтвь, обвившись вкругъ пенька.

ВМѢСТѢ ВСѢ.

Какъ рады мы! Цвѣти, живи
Невѣста и женихъ въ любви!

ГЛУПИЛОВЪ, ЛИЗА И ЗЛАТОГОРЪ.

ГЛУПИЛОВЪ.

Какъ любятъ, — пламенѣютъ всѣмъ.

ЛИЗА.

Когда лишь въ вѣрности живемъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Клянусь въ томъ въ сердцѣ я моемъ.

ГЛУПИЛОВЪ.

О мужъ по моему желанью,
И вотъ тебѣ рука ея!

(*Складываетъ Лизы и Златогора руки вмѣстѣ.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Цѣлуетъ руку, и обнимая ее:*)

Залогъ любви, конецъ вздыханью,
Безцѣнна мнѣ рука сія!

ЛИЗА.

(*Открывается.*)

Мой опекунъ, не прогнѣвися;
Вѣдь вамъ не обрученна я.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Подноситъ фонарь къ лицу и, разсматривая Лизу:*)

Кой чортъ! — ахъ, вижу я: ошибся!
Невѣста! — Лиза! рѣчь твоя?

ГЛУПИЛОВЪ.

Ахти! гдѣ мы? — или зашли къ тѣнямъ?
Ужъ впрямь, не вѣрю я моимъ глазамъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Къ Якову.*)

Гей, Яковъ! подь подъ сводъ и посмотри,
Невѣсты нѣтъ ли тамъ, пещеръ внутри.

ЯКОВЪ.

(*Идетъ подъ арку и тотчасъ возвращается.*)

А, вотъ пришла! — ужъ предъ дверьми
Идетъ, со всѣми и гостьми.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Увидя Хитролиса.*)

Пожалуй, Хитролисъ, дружище!
Сюда ко мнѣ: такъ ты привелъ, чтó сердце ждетъ?

ХИТРОЛИСЪ.

Вотъ та тебѣ, что сердце ищетъ,
Что красотой и прелестьми цвѣтетъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

О, какъ я радъ, счастливъ теперь!
Завидна жениха рука!

ХИТРОЛИСЪ.

Цвѣти въ вѣнцѣ, любови дщерь,
Какъ вѣтвь, обвившись вкругъ пенька!

ВСѢ.

Какъ рады мы! Цвѣти, живи
Невѣста и женихъ въ любви!

ЗЛАТОГОРЪ, ХИТРОЛИСЪ И МАТВѢЕВНА.

(*Вмѣстѣ.*)

ХИТРОЛИСЪ.

Какъ любятъ, — пламенѣютъ всѣмъ...

МАТВѢЕВНА.

Когда лишь въ вѣрности живемъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Клянусь въ томъ въ сердцѣ я моемъ.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Подводя Матвѣевну.*)

Вотъ та тебѣ, что по желанью,
И вотъ тебѣ рука ея.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Цѣлуя руку и обнимая ея.*)

Залогъ любви, конецъ вздыханью,
Безцѣнна мнѣ рука сія.

МАТВѢЕВНА.

(*Открываясь*)

Мой господинъ, не прогнѣвися:
Вѣдь вамъ не обрученна я!

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Освѣщая ее фонаремъ.*)

Кой чортъ! опять ужъ я ошибся:
Въ невѣстѣ ключница моя!

Digitized by Google

ХИТРОЛИСЪ.

Ахти! гдѣ мы, — или зашли къ тѣнямъ?
И впрямь, не вѣрю я моимъ глазамъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Гей, Яковъ! подь, прилежнѣй посмотри:
Невѣста гдѣ? пошарь въ горахъ внутри.

ЯКОВЪ.

(*Вбѣгая подъ арку и возвращаясь.*)

Ну, точно, здѣсь вотъ предъ дверьми
Стоитъ она ужъ и съ гостьми.

(*Соломонида съ Миловзоромъ входятъ.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

Пожалуй, пожалуй, членъ мой предражайшій:
Такъ ты невѣсту ужъ мою
Ко мнѣ приводишь наконецъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Привелъ, привелъ я красавицу сладчайшей
Стезей любви къ тебѣ твою
Въ цвѣточну, нѣжну сѣнь сердецъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

О, какъ я радъ, счастливъ теперь!
Завидна жениха рука!

МИЛОВЗОРЪ.

Цвѣти въ вѣнцѣ, дворянска дщерь,
Какъ вѣтвь, обвившись вкругъ пенька!

ВСѢ.

(*Кромѣ Златогора и Соломониды.*)

Какъ рады мы! Цвѣти, живи
Невѣста и женихъ въ любви!

ЗЛАТОГОРЪ, МИЛОВЗОРЪ И СОЛОМОНИДА.

МИЛОВЗОРЪ.

Какъ любятъ, — пламенѣютъ всѣмъ...

СОЛОМОНИДА.

Когда лишь въ вѣрности живемъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Клянусь въ томъ въ сердцѣ я моемъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Вотъ та тебѣ, что по желанью,
И вотъ тебѣ рука ея.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

(Осматривая съ фонаремъ Соломониду.)

Залогъ любви, конецъ желанью,
Безцѣнна мнѣ рука сія.

(Цѣлуетъ Соломониды руку и обнимаетъ ее.)

СОЛОМОНИДА.

Невѣста я вамъ, сударь, не была,
А руку я ему вѣдь подала.

(Указываетъ на Миловзора.)

МИЛОВЗОРЪ.

Какъ! руку мнѣ дала?
И въ умъ такая мысль мнѣ не пришла.

ЗЛАТОГОРЪ.

Гей, Яковъ! посмотри, гдѣ бъ тамъ дѣваться ей.

(Яковъ хочетъ идти.)

ГЛУПИЛОВЪ И ХИТРОЛИСЪ.

(Якову.)

Постой, постой: его невѣста въ ней.

ЗЛАТОГОРЪ.

Не она по красотамъ.

ГЛУПИЛОВЪ И ХИТРОЛИСЪ.

Да! да! она невѣста вамъ.

СОЛОМОНИДА.

Ахъ, милый папенька: вѣдь этотъ не хорошъ.
Коль дать мнѣ муженька, такъ этотъ вотъ пригожъ.

(Указывая на Миловзора.)

ЗЛАТОГОРЪ.

Кто? что это, какъ?

ВСѢ.

(Указывая на Миловзора.)

Онъ!

МИЛОВЗОРЪ.

(Съ удивленіемъ.)

Я!

СОЛОМОНИДА.

Онъ, папенька! такъ.

ВСѢ.

Ахъ!

ЗЛАТОГОРЪ.

Въ моемъ дому меня злодѣйски такъ обидѣть!

Digitized by Google

ВСѢ.

Весь духъ такъ нашъ стѣсня! изъ этого что выдетъ?

АЛЛЕГРО.

Какое смущенье межъ насъ, кутерьма!
Бродимъ, какъ куры; объяла насъ тма.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Не покидая изъ рукъ фонаря.*)

Хотите вы, глупцы, смѣяться?
Ищите же межъ васъ его.

ГЛУПИЛОВЪ И ХИТРОЛИСЪ.

Кто свѣтитъ, можетъ имъ казаться.
Прилично это для него.

ЛИЗА И МАТВѢЕВНА.

Женой быть хочетъ, — дерзка! — Миловзора.

МИЛОВЗОРЪ.

Мнѣ хочетъ быть женою? — ахъ, умора!

ЛИЗА, МАТВѢЕВНА И МИЛОВЗОРЪ.

Чтобъ чортъ отъ нашего ее взялъ взора!

ХОРЪ.

Какое смущенье! какой здѣсь содомъ!
Вскружился здѣсь всякій и мозгомъ и лбомъ:
Того и смотри, ряхнется что домъ.
Такъ лучше скорѣе отсель мы уйдемъ.

(*Всѣ разбѣгаются въ разныя стороны по пещерамъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ ту же лабораторію; но только съ той стороны, съ которой по перспективѣ виденъ узкій подземный ходъ, освѣщенный фонарями.

ЯВЛЕНІЕ I.

Златогоръ, Глупиловъ, Соломонида, Хитролисъ и Яковъ входятъ.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Златогору.*)

Благодаримъ почтеннаго хозяина за хлѣбъ и соль; но за что же вы давеча такъ разсердилися? Я не хотѣлъ за столомъ вамъ объ этомъ вспомнить.

ГЛУПИЛОВЪ.

Что вамъ сдѣлалось?

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Такъ насмѣхаться надо мною развѣ хорошо? Всякаго чорта ко мнѣ приводятъ вмѣсто невѣсты, да и не сердись! Я, право, усталъ отъ однихъ поклоновъ.

ХИТРОЛИСЪ.

По чести, я не могу сказать, какъ это сдѣлалось, что въ темнотѣ я подхватилъ вашу ключницу. Но это ничто, какъ ошибка. Вамъ показалось, будто мы надъ вами смѣялись; вмѣсто того вотъ истинная здѣсь дочь г. Глупилова. (*Показываетъ на Соломониду.*) Загляните только въ вашу рядную, и вы увидите тамъ въ подробности описанное все ея дородство.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Осматриваясь.*)

А!—здѣсь она? (*Про себя.*) То есть, сумма въ 199,000 рублей? (*Къ Соломонидѣ.*) Я вижу, сударыня, что это точно вы.

ГЛУПИЛОВЪ.

Конечно, любезнѣйшій мой зятюшка: это дочь моя, Соломонида Глупиловна, ваша невѣста. (*Къ Соломонидѣ.*) А ты что ничего не говоришь, мое дитятко?

СОЛОМОНИДА.

Ахъ, любезный папенька! Я не знаю, чтó вамъ сказать; но когда вы прикажите, я согласна; однакожъ давешній женихъ мнѣ все-таки лучше нравится.

ХИТРОЛИСЪ.

(*Въ сторону.*)

Вотъ прямое чистосердечіе. Да она и не совсѣмъ несправедлива.

ГЛУПИЛОВЪ.

И этотъ, мой другъ, придетъ по душѣ тебѣ, лишь только будь его женою. (*Къ Златогору.*) А вы, милый женишокъ, чтó такъ призадумались? Скажите-ка лучше невѣстѣ вашей какое-нибудь ласковое словцо; такъ и дѣло пойдетъ на ладъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Повѣрьте, моя возлюбленная, моя дражайшая, что я всѣ употреблю силы вамъ понравиться. Между тѣмъ позвольте теперь поцѣловать прекрасную вашу ручку. (*Цѣлуетъ руку.*)

ХИТРОЛИСЪ.

Онъ, вѣрно, нѣжными своими поступками вамъ полюбится, сударыня.

Digitized by Google

СОЛОМОНИДА.

Когда онъ мнѣ прилюбится, то я за него и выду.

ЯКОВЪ.

(*Хитролису тихо.*)

Послушай-ка, она хочетъ разомъ за двухъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Эдакая невинность!

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Соломонидѣ.*)

На первый случай, другъ мой, будь имъ довольна. Впрочемъ я мою дочь въ такой воспиталъ непорочности, что не издержалъ ни копѣйки ни на школу, ни на аптеку для нея. Каждый изъ благородныхъ нашихъ предковъ умѣлъ женѣ своей самъ преподавать науку и имѣлъ ее только для себя.

ЗЛАТОГОРЪ.

И въ тѣ времена сверстники мои счастливѣе были, нежели нынѣ, когда всякій на вышину лѣзетъ. (*Указывая на лобъ.*)

ХИТРОЛИСЪ.

Помилуй Богъ всякаго православнаго христіанина, чтобы имѣть жену по нынѣшнему свѣту!

ЗЛАТОГОРЪ.

Яковъ! подай-ка стулья. (*Подаетъ.*) Покорнѣйше прошу сѣсть, милая моя Соломонида Глупиловна.

СОЛОМОНИДА.

Благодарствую; мнѣ бы желалось осмотрѣть удивительныя ваши здѣсь рѣдкости.

ЗЛАТОГОРЪ.

Милости прошу: это моя лабораторія; здѣсь-то дѣлаю я опыты, напримѣръ: какая руда сколько въ себѣ какихъ частицъ содержитъ и сколько изъ нея какого металлу получить можно.

ГЛУПИЛОВЪ.

Прекрасно! хотѣлось бы мнѣ видѣть золотыхъ и серебряныхъ вашихъ жилъ. Я объ нихъ слышалъ. (*Смотритъ на Хитролиса.*) Думаю, что вы уже ихъ совершенно открыли. Извѣстно, что это должно быть тайною: а то могутъ выдти непріятности... Но это между нами.

ЗЛАТОГОРЪ.

Такъ, любезный другъ, между нами. Я нашелъ признаки, и тотчасъ ихъ вамъ покажу. Яковъ! подай-ка сюды золотую и се-

Digitized by Google

ребряную руду, что ты теперь толокъ. Я дѣлалъ пробу, и поистинѣ—чистое золото. (*Между тѣмъ Яковъ приноситъ на ладони толченую руду.*)

ГЛУПИЛОВЪ.
(*Къ Соломонидѣ.*)

Посмотритко, дитятко: вотъ чистое золото.

СОЛОМОНИДА.

Это, папенька? какая-то глина, которою у насъ чистятъ лошадиные приборы!

ЗЛАТОГОРЪ.

Когда очиститъ огонь, то выдетъ тутъ золото.

СОЛОМОНИДА.

Развѣ ее прежде жарить надобно?

ХИТРОЛИСЪ.

Плавить, сударыня.

ЯКОВЪ.
(*Въ сторону.*)

Барышня, видно, любитъ лучше жареное, чѣмъ руды.

ГЛУПИЛОВЪ.

У меня въ головѣ только что и вертятся золотыя и серебряныя жилы. Я бы желалъ поскорѣй видѣть, какъ онѣ лежатъ въ горахъ и какъ ихъ выкапываютъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Хорошо, я тотчасъ вамъ это покажу! Яковъ, вели ударить въ звонокъ, чтобъ поскорѣе были готовы рудокопы съ ихъ свѣчами, и прикажи взорвать мину на счастье и въ особливую честь моихъ почтенныхъ посѣтителей. Давыдъ пусть повелѣваетъ ими. (*Яковъ хочетъ уйти.*) Но послушай-ка, Яковъ: попроси отъ меня господина коллежскаго моего сочлена, чтобъ онъ съ Лизою пособилъ спѣть горную молитву: онъ давеча рѣдкое искусство показалъ въ музыкѣ. Теперь поди съ Богомъ. (*Яковъ уходитъ.*)

ГЛУПИЛОВЪ.
(*Къ Соломонидѣ.*)

Вотъ теперь-то, дитятко, мы все увидимъ.

СОЛОМОНИДА.

А что такое увижу я, папенька?

ГЛУПИЛОВЪ.

Рудники жениха твоего, господина Златогора, гдѣ видна, сказываютъ, и толстая золотая жила.

СОЛОМОНИДА.

Жила? — о! ее мнѣ давно очень хочется посмотрѣть.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Пойдемте, коли такъ, сударыня: руды здѣсь недалеко. Только стоитъ пройти нѣсколько шаговъ.

ГЛУПИЛОВЪ.

Пойдемъ-ка, дитятко. (*Уходятъ сквозь освѣщенный подземельный ходъ.*)

ХИТРОЛИСЪ.

(*Въ сторону.*)

Я много нахвасталъ. Такъ теперь встанетъ пыль столбомъ. О бѣдная моя голова! Ну, да какъ-нибудь вывернусь. (*Уходитъ вслѣдъ за ними.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляетъ во внутренности рудника простирающіяся по камнямъ блестящіе слои золотыхъ и серебряныхъ жилъ. Сверху видно нѣсколько висячихъ веревочныхъ лѣстницъ. Въ три яруса на подмосткахъ, другъ надъ другомъ, стоятъ работающіе рудокопы; а внизу разные инструменты,-какъ-то: водяныя колеса, насосы, вброты и на канатахъ бадьи, поднимающіяся съ рудами вверхъ: словомъ, все дѣйствіе, какое обыкновенно бываетъ въ рудникахъ. Колоколъ звенитъ; другіе работники поартельно выходятъ изъ боковыхъ пещеръ, каждый съ своею горною свѣчкою и инструментами. Давыдъ имъ распредѣляетъ мѣста, и между ними въ каждой артели по одному мальчику съ балалайками.

ХОРЪ РАБОТНИКОВЪ.

(*Выходящихъ изъ шахтъ.*)

ПЕРВОЙ АРТЕЛИ.

Насъ колоколъ сюда сзываетъ,
Да огнь горы разрываетъ.
Мы ночь и день живемъ
Въ шахтахъ здѣсь съ огнемъ.

(*Голосъ, мальчиками повторяемый балалайкою и хоромъ.*)

Мы горы можемъ разрубать,
Доставать
Сребро, мѣдь, злато добывать,
Все копать
И, на Бога положась,
Въ подземну тѣнь
И въ ночь и въ день
Ничего лѣзть не страшась.

ВТОРОЙ АРТЕЛИ.

Насъ колоколъ сюда сзываетъ,
Да огнь горы разрываетъ.

Digitized by Google

Мы ночь и день живемъ
Въ шахтахъ здѣсь съ огнемъ.
(*Голосъ, мальчиками повторяемый балалайкою и хоромъ.*)
Пусть горы могутъ сталью стать:
Не устать
Намъ ломать ихъ, разбивать,
Разсыпать,
Сѣрой, порохомъ все рвать;
Когда жъ тамъ вдругъ
Громъ грянетъ, бухъ!
Сколь всякій изъ насъ радъ!

ТРЕТЬЕЙ АРТЕЛИ.

Насъ колоколъ сюда сзываетъ,
Да огнь горы разрываетъ.
Мы ночь и день живемъ
Въ шахтахъ здѣсь съ огнемъ.
(*Голосъ, мальчиками повторяемый балалайкою и хоромъ.*)
Какъ станутъ руды расплывать,
Клокотать,
Тогда, брось на нихъ кто взглядъ,
Какъ блестятъ!
Когда жъ злато станетъ течь,
Его тотчасъ
Въ одинъ мы разъ
Въ прутья лить ну, вскрывши печь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе работники, Златогоръ, Матвѣевна, Глупиловъ, Соломонида, Лиза, Миловзоръ, Хитролисъ, Давыдъ и Яковъ.

ХОРЪ ЗЛАТОГОРА И ПРОЧИХЪ ПОСѢТИТЕЛЕЙ.

Здорово, братцы, добры люди,
Богъ помочь здѣсь трудиться вамъ!
Мы зрѣть хотимъ добыты руды
И вашимъ мзду отдать трудамъ.

ХОРЪ РАБОТНИКОВЪ.

И мы желаемъ господамъ
Съ благодарностью сердецъ,
Да лучшее здѣсь злато вамъ
Поможетъ намъ сыскать Творецъ.

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Давыду.*)

Ну, Давыдъ, вели работать,
Машины въ ходъ пускать —
Съ Богомъ!

ДАВЫДЪ

(*Работникамъ.*)

Вамъ, братцы, воротъ, помпы качать,
Свой долгъ отправлять —
Съ Богомъ!

РАБОТНИКИ.

Ну, ребята! ну! дружно мы всѣ, взглянь лишь глазъ,
Всѣ въ разъ!

ГОСТИ.

(*Со смѣхомъ.*)

Эдакой рёвъ
Будто коровъ —
Ха, ха, ха, ха!

ЛИЗА И МИЛОВЗОРЪ.

(*Про себя.*)

Чуръ не шумѣть,
А лишь глядѣть.
Да, да, да, да!

ХИТРОЛИСЪ.

(*Гостямъ, указывая на машину.*)

Машиной льетъ въ желобья вода
Здѣсь для работъ легчайша труда.

ДАВЫДЪ.

Носильщики! руду вамъ таскать,
Свой долгъ отправлять —
Съ Богомъ!

РАБОТНИКИ.

Ну, ребята! ну! дружно мы всѣ, взглянь лишь глазъ,
Всѣ въ разъ!

ГОСТИ.

(*Со смѣхомъ.*)

Вотъ еще на!
Русь мудрена!
Ха, ха, ха, ха!

Digitized by Google

ЛИЗА И МИЛОВЗОРЪ.

(*Про себя.*)

Намъ не гамѣть,
А лишь глазѣть.
Да, да, да, да!

ХИТРОЛИСЪ.

Дѣлится отъ глыбъ злато съ сребромъ
Здѣсь печкой иль плавильнымъ горшкомъ.

ДАВЫДЪ.

Вамъ, братцы, идти скалы бурить
И ихъ зарядить —
Съ Богомъ!

РАБОТНИКИ.

Порохъ намъ здѣсь осторожно носить,
Забойки вложить,
Крѣпчай вколотить,
Фитиль подводить.

ГОСТИ.

Вотъ еще, вотъ
Огонь всѣхъ взорветъ!
Ха, ха, ха, ха!

ЛИЗА И МИЛОВЗОРЪ.

Намъ не робѣть,
А лишь смотрѣть.
Да, да, да, да!

ДУЭТЪ.

ХИТРОЛИСЪ И ЗЛАТОГОРЪ.

Какъ камни пламень здѣсь громко рветъ,
Будь славенъ такъ и Глупиловъ родъ.
Кому кладъ Богъ дастъ, тотъ и найдетъ,
Сама невѣста пусть и мину зажжетъ.

ДАВЫДЪ.

Ребята! теперь со скалъ вы прочь,
Прочь! прочь!

СОЛОМОНИДА.

Ахъ, папенька милый! я очень боюсь.

ГЛУПИЛОВЪ.

Ай! знай, зажигай, ничего ты не трусь.

Digitized by Google

СОЛОМОНИДА.

Какъ! что мнѣ должно тутъ зажечь?

ЗЛАТОГОРЪ, ХИТРОЛИСЪ И ПРОЧІЕ.

Поближе....

СОЛОМОНИДА.

Мнѣ?

ЗЛАТОГОРЪ.

Фитилемъ къ затравкѣ прилечь.

ВСѢ.

Да! да!

СОЛОМОНИДА.

(*Зажигаетъ штапинъ*[5], *и когда взрывается мина, она отскакиваетъ.*)

А! а! а!

ВСѢ.

Жилы богатыя злата, сребра,
Ура! ура!

РАБОТНИКИ.

Примите опытъ здѣсь
Счастливѣйшихъ трудовъ,
И вѣкъ живите весь,
Являя къ намъ любовь.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*И всѣ даютъ имъ деньги.*)

Вотъ на вамъ на пропой,
Чтобъ наше здравье пить.
Прилежны бывъ душой,
Трудъ можете свершить.

РАБОТНИКИ.

Спасибо господамъ
И добрымъ ихъ гостямъ!
Желаемъ здравья, благъ
Во всѣхъ вашихъ дѣлахъ!

ГОСТИ.

Мы тожъ благодаримъ;
Всякъ хвальный трудъ вашъ чтимъ,

[5] *Штапи́нъ*, или, собственно, *стопи́нъ* (съ итальян. stoppino), — тонкая веревка, крученая изъ хлопчатой бумаги и пропитанная растворомъ горючихъ веществъ, употребляемая для передачи огня при взрывѣ минъ. Теперь во многихъ случаяхъ замѣняютъ ее электричествомъ.

Digitized by Google

Успѣха вамъ хотимъ,
И Богъ васъ да хранитъ!

РАБОТНИКИ.

О добры господа!
Ура! ура! ура!
(*Машутъ шапками.*)

ГОСТИ.

Мы вамъ хотимъ добра:
Ура! ура! ура!
(*Машутъ шляпами.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

Теперь провозгласитъ вамъ часъ
Мольбы вечерней Богу гласъ.

РАБОТНИКИ.

Готовы пѣть Его сто разъ.

ХОРЪ РАБОТНИКОВЪ.

Хвалите Бога, славьте:
Онъ горъ, долинъ Творецъ;
Ему вашъ хоръ составьте:
Онъ нѣжный намъ Отецъ.
Сребра и злата жилы,
Сокрытыя въ землѣ,
Премудрости и силы
Органъ къ Его хвалѣ.
(*Лиза и Миловзоръ тихо уходятъ, а Соломонида, смотря вслѣдъ за Миловзоромъ, показываетъ, что хочетъ упасть въ обморокъ.*)

СОЛОМОНИДА.

Ахъ, папенька! мнѣ дурно теперь.

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Испугавшись.*)
Сошла ты съ ума, любезна дщерь!

СОЛОМОНИДА.

Ахъ, умираю!
(*Упадаетъ въ обморокъ, а Глупиловъ поддерживаетъ.*

ХИТРОЛИСЪ.

Что я взираю?

ЗЛАТОГОРЪ.

Весь содрагаю!

ВСѢ.

Ахъ, помогайте!
Что-нибудь дайте.

Digitized by Google

ХИТРОЛИСЪ.
Стулъ принесите.
ЗЛАТОГОРЪ.
Да посадите.
ХИТРОЛИСЪ.
Осторожнѣй быть
И дать лишь ей пить.
ЗЛАТОГОРЪ.
Дай, Яковъ, воды.
(Яковъ уходитъ.)
ВСѢ.
Принесите сюды
Воды ей! воды!
ГЛУПИЛОВЪ.
Покой бы ей дать,
Махать, оттирать.
(Машетъ Златогоръ шляпой, а Глупиловъ оттираетъ.)
ХИТРОЛИСЪ.
Спиритумъ, маньякумъ!
Оцетумъ, филакумъ!
ЯКОВЪ.
(Приноситъ ведро воды.)
Ну, вотъ вамъ вода.
ВСѢ.
Минетъ авось бѣда.
ХИТРОЛИСЪ.
Пустить бы руда.
ГЛУПИЛОВЪ.
Не вышло бъ вреда!
ВСѢ.
(Увидѣвъ, что приходитъ въ чувство.)
А! да вотъ, вотъ
Въ себя вмигъ придетъ.
ГЛУПИЛОВЪ.
(Соломонидѣ.)
Что? какъ находишь ты себя,
О милое дитя!
СОЛОМОНИДА.
Ахъ! ахъ! я чуть жива,
Чуть помню, едва,

Digitized by Google

Другаго я здѣсь жениха:
Какъ онъ прекрасно пѣлъ!
Меня забила комоха[6],
Какъ только онъ ушелъ.

ВСѢ.

Насъ бѣсъ съ ума всѣхъ свелъ.

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Златогору.*)

Что сдѣлали вы вотъ
Со членомъ-то своимъ?

ХИТРОЛИСЪ.

(*Про себя.*)

Ахъ! пропадать придетъ,
Знать, векселькамъ моимъ!

ЗЛАТОГОРЪ.

Не будетъ ужъ гостить
Сей дьяволъ завтра здѣсь.

СОЛОМОНИДА.

Почто его бранить?
Въ моемъ онъ сердцѣ весь.

(*Указываетъ на сердце.*)

ЯКОВЪ.

(*Про себя.*)

Приданый, знать, что кладъ
Не будетъ намъ впопадъ.

ХОРЪ ВСѢХЪ.

Ахъ! какой здѣсь разладъ!

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Къ Златогору.*)

Онъ дочь мою прельстилъ
И въ дуры посвятилъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Мой трудъ ползетъ, какъ ракъ;
Осмѣянъ я, — дуракъ!

ЗЛАТОГОРЪ.

Онъ съ дочерью у насъ
Весь отнялъ свѣтъ изъ глазъ!

[6] *Комоха́, комуха́* — лихорадка (Обл. Словарь).

СОЛОМОНИДА.

Я не сошла съ ума,
А влюблена сама.

ЯКОВЪ.

(Съ смѣхомъ.)

Съ казной жену кто взялъ,
Тотъ, право, паномъ сталъ.

ХОРЪ ВСѢХЪ.

Насъ мракъ здѣсь всѣхъ объялъ!

ГЛУПИЛОВЪ.

(Дочери.)

Ты спятила, мой другъ, съ ума;
Вотъ твой передъ тобой женихъ.

СОЛОМОНИДА.

Нѣтъ! нѣтъ!—кого люблю сама,
Здѣсь нѣтъ того: умру я вмигъ.

ГЛУПИЛОВЪ.

Вонъ, вонъ отсюда: ужъ я не приду назадъ,
Коль вашъ пріѣзжій членъ такъ будетъ намъ мѣшать.

ХОРЪ.

СОЛОМОНИДА И ВСѢ.

О! что за смятенье здѣсь?
Ажъ мозгъ во лбу вертится весь!
О! что за смятенье здѣсь?
Насъ всѣхъ перекутилъ, знать, бѣсъ.

ГЛУПИЛОВЪ.

(Выгоняетъ дочь.)

Вонъ! вонъ! скорѣй отсюда вонъ!

СОЛОМОНИДА.

Пожалуй, папенька, постой.

ВСѢ.

(Къ Глупилову.)

Нѣтъ! нѣтъ! пожалуй, ты съ собой
Не объяснясь, ея не тронь.

(Глупиловъ съ Соломонидой уходятъ, а прочіе за ними.)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Театръ представляетъ спальню Златогора, въ которой видна кровать подъ павильйономъ, посрединѣ столъ съ двумя свѣчами и кресла. Миловзоръ и Матвѣевна.

МАТВѢЕВНА.

Миловзоръ! это ты?

МИЛОВЗОРЪ.

Я, матушка.

МАТВѢЕВНА.

Поди-ка ко мнѣ, дражайшій сынъ мой! теперь здѣсь никого нѣтъ, я тебѣ важное нѣчто скажу. Добрый Яковъ сказалъ мнѣ, что старый нашъ хрычъ завтра хочетъ тебя отсель выслать, чтобъ удалить отъ своей невѣсты, которую охота беретъ выдти за тебя лучше нежели за него.

МИЛОВЗОРЪ.

Какъ бы намъ это отвратить и какое намѣренье исполнить?

МАТВѢЕВНА.

Все къ тому готово. Сосѣдній шаманъ уже здѣсь и преподаетъ Лизѣ свою магію. Силою травъ можетъ онъ сзывать разныхъ гадовъ, птицъ, звѣрей и всякія дѣлать чудеса, а ты искусенъ въ химіи, механикѣ и оптикѣ. Яковъ и люди всѣ съ нами согласны: то мы можемъ, кажется, надежно свершить наше намѣреніе и все сегодня кончить. А когда планъ нашъ удастся, то чтобъ развеселить неудачнаго куромшу [7], мы сдѣлаемъ праздникъ, въ которомъ пускай явятся горные духи и попляшутъ на радостяхъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Хорошо, матушка: я все сдѣлаю, что только по моей наукѣ могу.

МАТВѢЕВНА.

Чу! знать, старикъ послѣ ужина идетъ ужъ спать. Лучше будетъ, какъ мы съ нимъ здѣсь не встрѣтимся. Поди, поди сюды, окаянный: часъ твой приближается. (*Уходятъ въ разныя двери.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Въ шлафрокѣ, одинъ.*)

Мой нареченный тесть, кажется мнѣ, сердитъ; обвиняетъ моего члена въ причиненіи болѣзни его дочери. Напротивъ того,

[7] *Куромша* — курмахеръ. Ср. глаголъ *куромшить*, т. III, стр. 309 и 357.

Digitized by Google

сей молодой химикъ могъ бы тотчасъ ее и магнизированіемъ однимъ вылѣчить. О, какъ мнѣ пріятно, что невѣста моя не могла не признаться и ко мнѣ въ ея склонности! И потому нужно любовь ее ко мнѣ усугубить. Дай-ко, посижу на просторѣ нѣсколько и, воспламенивъ мое стихотворческое воображеніе, напишу ей стихи, которые вѣрно ее тронутъ и привлекутъ ко мнѣ, даже противъ воли, ея сердце. — Гей, Яковъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Златогоръ и Яковъ, входитъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Гдѣ вы, скоты, живете? Принеси изъ лабораторіи мой бумажникъ, перо и чернильницу.

ЯКОВЪ.

(*Про себя.*)

Онъ ничего не скажетъ безъ брани. Наскучилъ уже я такими почетными титулами. (*Уходитъ.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Кричитъ ему вслѣдъ.*)

Гей! принеси мнѣ и табакерку. Хорошая потяжка табаку рождаетъ высокія мысли; такъ, когда Пегасъ притупѣетъ, то крѣпкое сіе зелье его подшпориваетъ. — Но какъ начну я воспѣвать мою любезную? (*Думаетъ.*)

ЯКОВЪ.

(*Про себя, принося бумажникъ, чернильницу, перо и табакерку съ разгорячительнымъ или чихательнымъ порошкомъ.*)

Попотчевать тебя за твои ласки отуревомъ, ошмаревомъ [8]...

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Вынявъ изъ бумажника бѣлую бумагу, отдаетъ оный обратно Якову.*)

Отнеси назадъ туда, гдѣ взялъ. Мнѣ теперь уединеніе потребно: есть надъ чѣмъ поломать голову. (*Яковъ съ лукавою улыбкою уходитъ, а Златогоръ, задумавшись, беретъ перо и говоритъ.*) Да, да, такъ хорошо. О блещуща планета! (*Въ сіе время тихо изъ-за кровати появляются за нимъ два горные духа и свѣчу одну послѣ другой задуваютъ; но онъ опять ихъ одну отъ другой зажигаетъ.*) Сквозной вѣтръ откуда-то выходитъ. На чемъ бишь я остановился? (*Открываетъ табакерку, беретъ табакъ, оставляя ее незакрытою.*) Да...

[8] *Отура*—пьяное пиво (Обл. Слов.); *ошмара*—родъ палицы (Слов. Даля).

Digitized by Google

МЕЛОДРАМА.

О блещуща планета!
Коль мрачностью одѣта
Моя душа вся безъ тебя...

Прекрасная мысль! (*Пишетъ.*)

Пылаю я, — тебя любя.

(*Еще нюхаетъ и задумывается, а между тѣмъ столъ отъ него отодвигается, и онъ нечувствительно съ креслами за нимъ ѣдетъ и пишетъ:*)

Твоей красой возжженна,
Я мышлю, вся вселенна
И въ свѣтѣ что тебя милѣй?...

(*Столъ далѣе движется, а онъ въ восторгѣ еще нюхаетъ.*)

О! что бъ сказать мнѣ въ риѳму къ ней?
Да! да!

Твоихъ цвѣтъ щекъ всѣхъ звѣздъ алѣй.

Прекрасно; но, кой чортъ, отодвигается у меня столъ? (*Беретъ свѣчу и заглядываетъ съ оною подъ столъ, отъ которой парикъ, будучи подожженъ непримѣтно духами, загорается. Онъ вскакиваетъ съ кресель, сбрасываетъ его съ себя; духи исчезаютъ, а онъ въ превеликомъ изступленіи:*) Ахти! ахти! самъ дьяволъ, знать, меня здѣсь хочетъ изжарить. Я право, думаю, что здѣсь какая-нибудь нечистая сила! Это, вѣрно, горные духи? Ужасъ меня объемлетъ! морозъ подираетъ по кожѣ, глаза помрачаются. Трепещу! (*Начинаетъ чихать.*) Я хочу писать о любовномъ пламени, а въ головѣ моей уже кажется весь адъ пылаетъ; не лучше ли будетъ, какъ сяду? (*Садится и продолжаетъ безпрестанно чихать.*)

АРІЯ.

Проклятые чохи —
Ахъ, чохъ!
Перхота, вздохи —
Ахъ, чохъ!
Я не могу глонуть —
Ахъ, чохъ!
Съ напойки отдохнуть —
Ахъ, чохъ!
Чертовской табаку —
Ахъ, чохъ!
Пришло, какъ дураку —
Ахъ, чохъ!

Digitized by Google

Упасть или ползти —
Ахъ, чохъ!
О! какъ бы помочь мнѣ найти!
(*Выбившись изъ силы, бросается на кровать.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ представляетъ прежніе рудники, но только въ глубокомъ мракѣ. Лиза выскакиваетъ изъ земли въ подобіи тѣни первой Златогора жены, а онъ, бродя, руки врозь, осязаетъ вокругъ себя тму.

ЗЛАТОГОРЪ.

Гдѣ я? куды во снѣ зашелъ?

ХОРЪ.

(*За кулисами.*)

Трясись, дрожи, бѣда тебѣ!

ЛИЗА.

(*Притворнымъ тихимъ голосомъ.*)

РЕЧИТАТИВЪ.

Мщенье, мщенье надъ тобой!

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Остановляется.*)

Увы!

ЛИЗА.

О плутъ! знакома ль я тебѣ?

ЗЛАТОГОРЪ.

Ахъ, нѣтъ! — кто ближится ко мнѣ?

ЛИЗА.

Жена твоя.

ЗЛАТОГОРЪ.

Стой, тише, стой!
Трепещетъ вся душа моя.

ХОРЪ.

(*За кулисами.*)

Такъ, такъ, злодѣй! къ суду иди,
Достойну казнь себѣ найди:
Ты отнялъ нашъ покой, —
Дрожи кривой душой.

ЛИЗА.

Твои преступны заклинанья
Мнѣ вѣчныя сулятъ страданья:
Освободи меня съ тобой
Отъ адской, вѣчной муки, злой.

Digitized by Google

ХОРЪ.

(*За кулисами.*)

Освободи ты насъ съ собой
Отъ адской, вѣчной муки, злой.

ЛИЗА.

Невѣрный! преступилъ,
Мужъ, клятву ты святу.

ХОРЪ.

(*За кулисами.*)

Невѣрный! преступилъ,
Мужъ, клятву ты святу.

ЛИЗА.

Имѣнія лишилъ
Ты бѣдну сироту.

ХОРЪ.

(*За кулисами.*)

Имѣнія лишилъ
Ты бѣдну сироту.

ЗЛАТОГОРЪ.

Помилуй! помилуй! что хочешь ты? скажи!

ХОРЪ.

(*За кулисами.*)

Дрожи, дрожи!

ЗЛАТОГОРЪ.

Я слово содержу,
Имѣнье возвращу.

ЛИЗА.

(*Въ сторону.*)

Теперь достигла цѣли я.

ЗЛАТОГОРЪ.

Смягчилася душа моя.

ЛИЗА.

Быть такъ. Послѣ сего признанья
Ты можешь жить;
Но коль не сдержишь обѣщанья,
Тогда еще приду тебѣ я страшно мстить.

РЕЧИТАТИВЪ.

ЛИЗА.

Въ священномъ мракѣ я пришла

Digitized by Google

Ко твоему спасенью.
Внемли! — и горе, коль
Мои глаголы презришь!
Оставь обманъ и лесть.
Когда исправиться лишь только можешь ты,
Проси, чтобъ былъ прощенъ ты Лизою скорѣй.
Знай! сердцемъ сопряженъ
Твой сынъ ужъ бракомъ съ ней.
Прощай! я возвращуся вспять
Въ отчизну земнородныхъ всѣхъ.
За гробомъ мы, мой другъ,
Свидимся опять.
Но, доблестей не ставъ врагомъ,
Раскайся — и впредь будь добръ, честенъ.
Слышь, знай, и не забудь,
Чтобъ твой исполнить долгъ,
Не трать твоихъ минутъ.

АРІЯ И ХОРЪ ДУХОВЪ.

(За кулисами.)

Прочь отъ него! прочь! — обѣту
Коль не сдержитъ, съ свѣту
Ждетъ его ужъ адъ,
Мстить, жечь, терзать...

АРІЯ ЛИЗЫ.

Иду — мой гробъ меня ужъ ждетъ:
Ахъ, слезная судьбина!
Скопъ демоновъ ко мнѣ идетъ;
Слышишь свистъ ты ихъ, трески,
Звукъ оковъ, хохотъ, плески?

ХОРЪ ДУХОВЪ.

(За кулисами.)

Брось, брось его въ отверзтый ровъ!

АРІЯ ЛИЗЫ.

Слышь! адъ весь радъ
Тебя пожрать.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

(За кулисами.)

Возьмемъ, возьмемъ его, въ разверзтый бросимъ гробъ!

Digitized by Google

АРІЯ ЛИЗЫ.

Чу! слышишь ты трубный ревъ?
Се зовъ меня, се гулъ бѣсовъ.
Мой гласъ тебя да научаетъ,
И горе, — мнѣ кто не внимаетъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Слышенъ звукъ цѣпей, свистъ вѣтровъ, журчаніе водъ, удары по мѣднымъ доскамъ; страшныя чудовища и звѣри показываются, шипящія змѣи по стѣнамъ ползаютъ, совы и филины взадъ и впередъ перелетываютъ, а наконецъ вдали гремитъ громъ, блещутъ молніи. Златогоръ сперва отъ ужаса стоитъ какъ окаменѣлый, потомъ въ отчаяніи:

МЕЛОДРАМА.

Ахъ! что вижу я, что слышу?
Въ груди со страху сердце бьется.
Пропалъ! пропалъ! свершилось все со мной!
Что за зраки, привидѣнья? — во снѣ иль въ явѣ!
Что, вкругъ себя, что вижу?
Увы! — хватаютъ, ловятъ,
Железы ужъ на мнѣ звучатъ,
Иль въ адъ меня тащатъ.
Ну, такъ! — такъ, виненъ я — иду.

АРІЯ.

Ахъ! ахъ! они идутъ
Со ужасомъ всѣмъ ада.
Ужъ когти на меня кладутъ!
Что за орда
Бѣсовская хохочетъ? — да,
Вкругъ грохотъ слышу, шумъ — да, да.
Вся дьявольска сонмица
Добычей веселится.
Погибъ! погибъ я весь!
Такъ жизнь мою кончаю,
Въ край мертвыхъ я вступаю.
Я умеръ, — ахъ! — исчезъ.

(Упадаетъ въ обморокъ. Сильный громъ и молнія близъ его ударяютъ; онъ опамятывается, ощупываетъ вокругъ себя и встаетъ веселье прежняго.)

Ужель я тотъ самый, который былъ? Что со мною сдѣлалось? Отъ чего дышу я теперь свободнѣе? Какой небесный огнь стремится по моимъ жиламъ?

Digitized by Google

(*Сквозь горную расщелину слышенъ голосъ.*)

Исправься, несчастный! Три года уже прошло сверхъ сроку, какъ ты обѣщалъ возвратить Лизѣ ея наслѣдіе; послушай моего увѣщанія. Честолюбіе и гордость навлекли на тебя сіе несчастіе; но ты исполнь твой обѣтъ: отдай обиженной сиротѣ ей принадлежащее, и сынъ твой да будетъ ея супругомъ, а мать его твоей женою. Возврати спокойствіе твоей совѣсти, избавишься ты вѣчныхъ мукъ и будешь съ потомствомъ твоимъ благополученъ.
(*Громъ перестаетъ, но видно изрѣдка между скалъ сверкающія молніи.*).

ЗЛАТОГОРЪ.

О Боже всесильный! неисповѣдимы пути Твои. Такъ, честолюбіе было моимъ демономъ; я изгоню его изъ себя и возвращу то, чѣмъ несправедливо обладаю.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тотъ же, Матвѣевна съ Лизой и Яковомъ вбѣгаютъ съ разныхъ сторонъ съ фонарями.

ЯКОВЪ.

Ахъ, сударь! страшный громъ весь домъ вашъ разбилъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Какъ же быть? — Божья власть!

МАТВѢЕВНА.

(*Съ трепетомъ.*)

Мы не знали, куды укрыться. Знать, послѣдній часъ пришелъ.

ЗЛАТОГОРЪ,

Отъ послѣдняго часа никуды, мой другъ, уйти не можно.

ЛИЗА.

О горе, горе! погибаю!
Я слышала, мнѣ духъ кричалъ:
Твой опекунъ теперь пропалъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Ахъ, любезная моя Лиза! ты только мнѣ можешь возвратить мое спокойствіе. Я чувствую, чувствую, что душа моя проснулась отъ того ужаснаго сна, которымъ я лишенъ былъ пріятнѣйшаго сердцу моему чувствованія. Я былъ жертвою честолюбія и гордости, въ которыя вовлекли меня мечты превзойти мое состояніе. Я хотѣлъ возвысить и украсить мои горные заводы, чтобъ свѣтъ имъ удивлялся. Для сего, расточивъ мое имѣніе, захватилъ и твое, которое мнѣ дядя твой поручилъ на сохраненіе

Digitized by Google

до твоего совершеннолѣтія. (*Беретъ изъ бумажника бумагу и отдаетъ Лизѣ.*) Вотъ тебѣ, другъ мой, вексель на все мое имѣніе, который я давно на твое имя приготовилъ и теперь ввѣряю твоей честности. (*Смотря на небо съ простертыми руками:*) Блаженный духъ покойной жены моей! взгляни на меня и виждь: я исполняю мой обѣтъ и твое приказаніе.

ЛИЗА.

О почтенный мужъ! могу ли я то присвоить себѣ, что вы толь долговременнымъ трудолюбіемъ нажили? Нѣтъ! нѣтъ! таковымъ поступкомъ не отягчу я моей совѣсти. (*Кладетъ бумагу.*) Возьмите вашъ вексель. Я отказываюсь отъ всѣхъ правъ моихъ и признаюсь вамъ чистосердечно, что я была тотъ духъ, который васъ устрашалъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Во удивленіи.*)

Какъ это возможно?

ЛИЗА.

Точно такъ, любезнѣйшій мой Златогоръ. Я та, которая посредствомъ искусствъ и случайнаго грома представляла видимыя вами чудеса. Цѣль моя единственно была, чтобы отвлечь васъ отъ несчастливаго супружества и возвратить спокойствіе вашему сердцу.

ЗЛАТОГОРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! ты не могла сама собою этого произвесть. Высочайшее Провидѣніе вложило въ тебя эту мысль. Оно часто, вопреки нашимъ замысламъ, нами управляетъ. Подлинно, нѣкая въ душѣ моей дремлющая сила употреблена была для извлеченія меня изъ напасти. Чувствую, что освободился я теперь отъ адскаго мученія, всюду меня преслѣдовавшаго и побуждавшаго къ безчестнымъ поступкамъ, которыми сердце мое гнушалось. (*Падаетъ на колѣни.*) Боже мой! благодарю Тебя за мое избавленіе и спокойствіе. (*Всѣ стоятъ во удивленіи и смотрятъ на него съ радостными лицами.*)

ЛИЗА.

Я внѣ себя!

МАТВѢЕВНА.

Кровь остановилась въ моихъ жилахъ!

ЯКОВЪ.

Всѣ члены мои трепещутъ отъ радости!

Digitized by Google

ЗЛАТОГОРЪ.

Другъ мой, Яковъ! Скажи всѣмъ въ домѣ, чтобъ пришли сюды взять участіе въ истинномъ моемъ благополучіи. Скажи, что я нашелъ самое богатѣйшее въ свѣтѣ сокровище: я возвратилъ вѣрную, милую сердцу моему супругу. (*Яковъ уходитъ.*)

МАТВѢЕВНА.

Коли такъ, все позабываю: молитвы мои къ Богу и мое единственное было желаніе, чтобъ только дожить до сей блаженной минуты. Теперь благодарю Провидѣніе! оно исполнено.

ЗЛАТОГОРЪ.

Такъ, мой другъ! соединимъ сердца наши и руки съ тобою навѣки.

МАТВѢЕВНА.

(*Подаетъ руку.*)

Я согласна.

ЗЛАТОГОРЪ.

Но гдѣ же тотъ сынъ мой, о которомъ духъ мнѣ сказывалъ? Я его не знаю.

МАТВѢЕВНА.

До примиренія нашего не смѣлъ тебѣ показаться. Онъ тотчасъ сюды будетъ.

(*Златогоръ съ Матвѣевною цѣлуется.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Глупиловъ, Соломонида, Хитролисъ, Голяковъ, Яковъ, Давыдъ и множество слугъ со свѣчами; а въ то же время всѣ шахты и машины освѣщаются плошками и разноцвѣтными фонарями. Чрезъ нѣкоторыя изъ нихъ вода, падая на колеса, шумитъ и производитъ очаровательный блескъ.

ГЛУПИЛОВЪ.

(*И прочіе про себя; увидя Матвѣевну съ Златогоромъ цѣлующихся, останавляются въ дверяхъ.*)

Ба, ба! высокородіе съ ключницею цѣлуется!

ХИТРОЛИСЪ.

Что это значитъ?

ГОЛЯКОВЪ.

Мою квартиру занимаютъ!

СОЛОМОНИДА.

Папенька! поэтому и мнѣ можно съ другимъ, давешнимъ женихомъ цѣловаться?

Digitized by Google

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Тихо.*)

Молчи, дитятко; посмотримъ.

МАТВѢЕВНА.

(*Усмотря ихъ вошедшихъ.*)

Боже мой! чего они хотятъ?

ЛИЗА.

(*Про себя.*)

Что-то будетъ?

ЗЛАТОГОРЪ.

А! господинъ Глупиловъ! я думалъ, что ты уже давно съ горъ моихъ скатился.

ГЛУПИЛОВЪ.

Сильная гроза удержала.

ХИТРОЛИСЪ.

Боже сохрани! я думалъ, чтобъ чего съ вами не сдѣлалось: такой былъ сильный ударъ, что, кажется, вся земля провалилась!

ГОЛЯКОВЪ.

Я вскочилъ благимъ матомъ съ постели, думая, что подкопъ какой подорвало.

ГЛУПИЛОВЪ.

А притомъ и Соломѣюшка моя захотѣла еще разъ увидѣть горнаго вашего члена, не желая ни за кого другаго выйти.

СОЛОМОНИДА.

Если вы, папенька, меня за него отдадите, то я очень, очень буду рада; а за старика не хочу.

МАТВѢЕВНА.

Какъ откровенна!

ЛИЗА.

Не поздно ли это?

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Къ Соломонидѣ.*)

Наша съ вами свадьба разошлась: я ей слово далъ. (*Указывая на Матвѣевну.*)

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Златогору.*)

Какъ! (*Хитролису.*) Что жъ съ моимъ будетъ обязательствомъ?

ХИТРОЛИСЪ.

Я свое дѣло сдѣлалъ. (*Смотря на Златогора и Глупилова.*) Межъ

Digitized by Google

васъ условія размѣнялъ. (*Голякову.*) А тебѣ квартиру отвелъ. Впрочемъ, какъ угодно: я не виноватъ, когда обстоятельства перемѣнились.

ЗЛАТОГОРЪ.

Какъ такъ?

ХИТРОЛИСЪ.

Ну, да такъ: вѣдь ты далъ ему вексель на 199,000 рублей; а онъ тебѣ въ рядной написалъ неустойку въ той же суммѣ. Теперь размѣняйтесь по прежнему, и всякій будетъ при своемъ.

ЗЛАТОГОРЪ И ГЛУПИЛОВЪ.

(*Вдругъ.*)

А векселя-то наши?

ХИТРОЛИСЪ.

Я ихъ не отдамъ: что взято, то свято. Это указный куртажъ, эксиденція.

ЗЛАТОГОРЪ.

Что съ нимъ сдѣлаешь? На все у него законы.

ГЛУПИЛОВЪ.

Быть такъ: съ нимъ не развяжешься.

МАТВѢЕВНА.

Онъ своей овечки не упуститъ.

ЛИЗА

Нигдѣ себя не забудетъ.

ХИТРОЛИСЪ.

Такъ-то и надобно. Волки сыты и овцы цѣлы.

ГОЛЯКОВЪ.

А мнѣ неужто и контрибуціи никакой нѣту?

ХИТРОЛИСЪ.

Побей развѣ челомъ у Соломониды Глупиловны.

СОЛОМОНИДА.

(*Указывая на Голякова.*)

Нѣтъ, папенька! Я этого старика не хочу, а дай мнѣ молодаго.

ГЛУПИЛОВЪ.

Выбери, мой другъ, выбери кого хочешь: у тебя много жениховъ будетъ за деньги.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Миловзоръ.

СОЛОМОНИДА.

Вотъ, вотъ его же я и выбрала.

Digitized by Google

МИЛОВЗОРЪ.

Жалѣю, сударыня, что я не могу быть къ услугамъ вашимъ.

МАТВѢЕВНА.

(*Взявъ Миловзора за руку, который сбрасываетъ съ себя платье алхимиста, подводитъ къ Златогору.*)

Вотъ это тотъ, о которомъ вы давеча спрашивали и который двадцать два года былъ отъ васъ скрытымъ.

ЗЛАТОГОРЪ.

Боже мой! возможно ли это? Сердце мое мнѣ сказывало, что въ немъ кровь моя, что онъ сынъ мой. (*Обнимаетъ Миловзора.*)

МИЛОВЗОРЪ.

Батюшка! Какой для меня восторгъ неизреченный, что я за всѣ мои страданія васъ обнимаю и тѣмъ самымъ ощущаю толь сладчайшую награду въ душѣ моей.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Прижимая его къ себѣ.*)

Дай на себя, мой другъ, насмотрѣться. Ты былъ моимъ товарищемъ, будь теперь моимъ сыномъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Природа! коль пріятно и восхитительно первое родительское прикосновеніе!

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Матвѣевнѣ.*)

Ангелъ-хранитель мой и сына моего! такъ это ты, которая намъ даешь обоимъ новое бытіе и новую жизнь? Благодарю тебя, Боже мой, за сіи нѣжнѣйшія чувствованія сердца моего, которыхъ я прежде никогда не зналъ! Прости мнѣ, душа моя, за то долговременное оскорбленіе, которое я причинялъ матери и супругѣ моимъ безчувствіемъ.

МАТВѢЕВНА.

Я тебѣ сказала, что все позабываю. Печали цѣлаго вѣка одна минута усладила. Богъ тебя, мой другъ, проститъ. (*Обнимаетъ и цѣлуетъ Златогора.*)

ГОЛЯКОВЪ.

(*Смотря на Хитролиса, тихо.*)

Видно, мирная капитуляція подписана.

ХИТРОЛИСЪ.

Знать, что такъ.

ГЛУПИЛОВЪ.

Не лишнее ли ты здѣсь бревно?

Digitized by Google

СОЛОМОНИДА.

Нѣтъ, папенька, ты меня приладь къ этому. (*Указывая на Миловзора.*)

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Матвѣевнѣ.*)

Послушай, милая моя: мнѣ давеча духъ говорилъ, чтобъ сынъ нашъ былъ супругомъ Лизы: такъ чего ждать? надобно это исполнить.

МИЛОВЗОРЪ.

Она давно мила сердцу моему.

ЗЛАТОГОРЪ.

(*Оборотясь къ Миловзору и Лизѣ.*)

Итакъ, дѣти мои, теперь ваша очередь. (*Беретъ ихъ за руки.*) Сынъ мой! дочь моя! я исполняю волю Всевышняго. Сочетавая васъ, основываю и утверждаю взаимное наше благоденствіе. Благословляю васъ: будьте другъ другомъ счастливы! (*Складываетъ ихъ руки.*)

МАТВѢЕВНА.

О любезныя мои дѣти! и мать ваша, днесь осчастливленная, васъ благословляетъ.

СОЛОМОНИДА.

(*Хныкаетъ.*)

Ахъ, папенька! что это такое?

ГЛУПИЛОВЪ.

Что дѣлать? видно, и безъ насъ дѣло слажено.

ГОЛЯКОВЪ.

Знать, подписано всѣми воюющими державами мирное согласіе.

ХИТРОЛИСЪ.

Видно, такъ.

ЛИЗА.

Да будетъ благословенно божественное Провидѣніе! Оно никогда сиротъ не оставляетъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Оно награждаетъ ихъ страданіе.

ЯКОВЪ.

Отъ чистой радости и мнѣ какъ будто хочется плакать.

ДАВЫДЪ.

И я этому празднику нивѣсть какъ радъ. Да посмотритетко и на всѣхъ, въ какомъ удовольствіи.

Digitized by Google

СОЛОМОНИДА.

(*Куксить глаза.*)

Неправда.

ГЛУПИЛОВЪ.

(*Соломонидѣ.*)

Не плачь, моя сердечная: выбери еще себѣ жениха.

СОЛОМОНИДА.

Выбрать, папенька, хорошо; но только не этого. (*Указывая на Голякова.*)

ГОЛЯКОВЪ.

Поэтому мнѣ ни одна фортеція не хочетъ на дискрецію сдаться. Гдѣ же мой фуражъ? гдѣ лагерь? гдѣ контрибуція?

ЗЛАТОГОРЪ.

Останься-ка, братъ, лучше у меня въ домѣ. Я дамъ тебѣ теплую горницу, да хорошее блюдо; такъ и живи себѣ припѣваючи.

ГОЛЯКОВЪ.

Коли такъ, инъ ладно. Дай-ко руку! (*Златогоръ даетъ руку.*) Теперь расположусь на непремѣнныя квартиры.

МАТВѢЕВНА.

Эдакой чудакъ!

ЛИЗА.

Чего онъ хочетъ?

МИЛОВЗОРЪ.

Неужели и это былъ женихъ?

ЗЛАТОГОРЪ.

Я вамъ послѣ это растолкую. Теперь, кто мой другъ, тотъ порадуется моему благополучію и возьметъ въ немъ участіе. Сей день я почитаю счастливѣйшимъ въ моей жизни: возвратилъ супругу, нашелъ сына, пріобрѣлъ достойнѣйшую дочь; въ сей день открылъ неисчерпаемые источники радости и удовольствія въ душѣ моей и предпочитаю ихъ всѣмъ богатствамъ, чинамъ и суетамъ свѣта. Вы были всему тому свидѣтели: то прошу раздѣлить и удовольствіе наше въ моемъ праздникѣ, который, правду сказать, готовилъ-было я для другаго случая.

ЛИЗА.

Мы, батюшка, принаровили его къ нынѣшнему.

ЗЛАТОГОРЪ.

Хорошо, друзья мои.

Digitized by Google

МАТВѢЕВНА.

(*Съ Лизою обнимая Златогора.*)

О, какъ мы счастливы!

ХОРЪ.

Не злата блескъ, не знатный родъ
Счастье въ жизни сей даетъ;
Но дружба и любовь сердецъ —
Блаженства нашего творецъ.
Любовь сла́дка, дружба ми́ла!
Будьте нашимъ вѣкъ добромъ:
Ваша цѣпь кого плѣнила,
Тотъ богатъ въ себѣ самомъ.

КОНЕЦЪ ОПЕРЫ.

ПРОГРАММА БАЛЕТА.

(*Послѣ оперы, ежели разсудится, можетъ быть слѣдующій приличный балетъ.*

Театръ представляетъ Рифейскій хребетъ, или Уральскія горы, во всемъ природномъ ихъ ужасномъ великолѣпіи. Сибирь, во образѣ величавой древней жены въ серебряной одеждѣ, опушенной соболями, имѣющая на шеѣ изъ драгоцѣнныхъ самородныхъ кристаловъ ожерелье, на главѣ златый вѣнецъ, въ правой рукѣ того же металла скиптръ, а лѣвою облокотившись на свой щитъ, сидитъ на превознесенномъ выше всѣхъ горъ прозрачномъ зеленоватомъ яшмовомъ холмѣ, подъ навѣсомъ блистающихъ снѣговъ и мрачныхъ густыхъ кедровъ, окруженная нѣсколькими сѣдыми женами, изъ аматистныхъ фіолетовыхъ урнъ своихъ великія съ шумомъ рѣки проливающими. По горамъ, между скалъ, въ разнообразныхъ пещерахъ видны гномы обоего пола, богатство изъ нѣдръ земли добывающіе. Иные, на оленяхъ, въ нартахъ возятъ руды; другіе мѣхами раздуваютъ пламенѣющіеся горны; третіи плавятъ и выпущаютъ изъ нихъ ручьями металлы; четвертые куютъ ихъ на наковальняхъ, и такъ далѣе. Нѣсколько шамановъ, въ волшебномъ, имъ свойственномъ одѣяніи, съ разныхъ сторонъ выбѣгаютъ. Пляшутъ дикія, иступленныя пляски съ неистовыми и страшными оборотами, помавая таинственными жез-

Digitized by Google

лами и ударяя въ свои бубны. Гномы и ихъ подруги по гласу ихъ съ горъ къ нимъ сбѣгаются и участвуютъ въ ихъ плясках. Шаманы просятъ позволить придти къ нимъ для отысканія ихъ богатствъ Россіянамъ. Гномы не соглашаются. Шаманы падаютъ на колѣни и простираютъ съ благоговѣніемъ руки свои къ Сибири. Она помаваетъ скипетромъ. Гномы ударяютъ съ шаманами по рукамъ и убѣгаютъ въ свои пещеры. Является Россіянинъ и играетъ на свирѣли. Шаманы со вниманіемъ его слушаютъ; а увидя, что на гласъ его собираются соболи и прыгаютъ по деревьямъ, сходятся лѣшіе и русалки, а потомъ и разныхъ племенъ сибирскіе народы, одѣтые въ разновидныя платья, какъ-то: иные въ листья, другіе въ перья, кору, рыбьи и оленьи кожи и т. п., и уходятъ на горы, и даютъ жезлами своими гномамъ знать, чтобъ они вышли изъ пещеръ и отдали Русскимъ ихъ богатства. Гномы въ берестовыхъ кузовенькахъ и мѣхахъ приносятъ куски золота и серебра и разсыпаютъ оные передъ ногами Россіянина, который раздаетъ ихъ сибирскимъ народамъ. Они, въ знакъ благодарности, сажаютъ его на мшистый камень, и угащеваютъ плодами и выносятъ между тѣмъ изъ-лѣсу дерновую пирамиду, посрединѣ которой является въ лучахъ вензеловое имя перваго отыскателя въ Сибири рудниковъ, или въ честь того, для кого учрежденъ праздникъ. Предъ сею пирамидою нѣсколько еще пляшутъ разнородныхъ сибирскихъ танцевъ, и завѣса опускается.

Digitized by Google

БАТМЕНДІЙ[1].

ОПЕРА.

(НЕКОНЧЕННАЯ.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Батмендій, волшебникъ.
Ураза, дочь его.
Полканъ, богатырь } великіе князья славянскіе, родные братья.
Судоправъ, царевичъ, }
Простолюдъ, царевичъ, }
Дядька Синбалда.
Слуга Личарда.
У каждаго царедворцы, вельможи, воины и прочая свита, безъ словъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ волшебный замокъ вида готическаго, весь въ огнѣ горящій, въ срединѣ котораго виденъ отверзтый храмъ и въ немъ три кумира, изсѣченные изъ бѣлаго мрамора.

БАТМЕНДІЙ.

Рокъ приближился. Да разрушится очарованіе сего ужаснаго мѣста, и сіи кумиры, дѣти моего древняго друга Истинослава, магическою силою Чернобога, врага ихъ родителя, полторы ты-

[1] Такъ называется небольшая персидская повѣсть Флоріана, изданная по-русски первоначально въ 1788 году*. Оттуда Державинъ почерпнулъ основную идею своей оперы. У Флоріана розорившійся бассор-

*) Въ двухъ видахъ: отдѣльно, въ переводѣ Ник. Иванова (въ Москвѣ) и въ книжкѣ: *Шесть новостей* г. Флоріана (въ С. Петербургѣ). Позднѣйшій переводъ этой повѣсти, Н. Мамонтова, явился въ Петербургѣ въ 1819 году.

Digitized by Google

сячи лѣтъ въ безмолвномъ и неподвижномъ человѣкоподобіи пребывающія, да получатъ нынѣ прикосновеніемъ жезла моего паки бытіе свое, чувство и жизнь! Но при самомъ ихъ рожденіи нарекшись ихъ покровителемъ, а по смерти отца ставъ вмѣсто она-

скій купецъ, умирая, велитъ четверымъ сыновьямъ своимъ явиться въ лѣсъ къ генію Альзиму, который посылаетъ ихъ отыскивать какое-то таинственное существо Батменди. Старшаго брата, Бекира, отправляетъ онъ для этого полководцемъ въ армію; втораго, Месру, придворнымъ въ Испагань; третьяго, Саддера, въ Агру съ тѣмъ, чтобъ онъ сдѣлался поэтомъ; а четвертый, Тай, затыкаетъ себѣ уши и, не слышавъ наставленія Альзима, покупаетъ у братьевъ наслѣдственный домъ ихъ, въ которомъ и остается, женившись на сосѣдкѣ. Три старшіе брата достигаютъ въ короткое время успѣховъ и славы, но такъ же скоро теряютъ ихъ, и наконецъ, сошедшись другъ съ другомъ, съ удивленіемъ находятъ Тая въ его скромномъ жилищѣ посреди многочисленнаго семейства, а вмѣстѣ съ ними и почтеннаго старца Батменди. Оказывается, что это—Счастіе: по примѣчанію Флоріана въ концѣ его повѣсти, *батменди* по-персидски значитъ *счастіе*.

По объясненію В. В. Вельяминова-Зернова, имя *Батменди* есть искаженное персидское слово بخت مند, *бахтмендъ* счастливый (отъ *бахтъ* счастье).

Имена дѣйствующихъ лицъ: *Синбалда* и *Личарда* встрѣчаются въ сказкѣ о *Бовѣ Королевичѣ*. Объясненіе перваго (Sinibaldo) см. въ изслѣдованіи г. Пыпина о старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ русскихъ (*Учен. Записки 2-го отд. Ак. Наукъ*, кн. IV, стр. 247).

Въ заглавіи оперы Державина означено пять дѣйствій, но написано только два. Они остались въ единственной черновой рукописи со множествомъ поправокъ и помарокъ. Очевидно, что это первая, еще вовсе не обработанная редакція. Она набросана съ такою поспѣшностію, что нѣсколькихъ мѣстъ не возможно было разобрать, почему они въ нашемъ текстѣ и означены точками. Судя по характеру почерка, тетрадь эта писана не позже 1790-хъ годовъ. Въ оперѣ только три брата; ихъ окружаютъ лица, заимствованныя изъ русскаго сказочнаго міра, какимъ онъ является въ сказкахъ Попова, Чулкова и другихъ старинныхъ сборникахъ этого рода (т. II, стр. 132, 421; т. III, стр. 94, 137, 138.)

Московскаго перевода мы не могли здѣсь найти; старѣйшій петербургскій (*Баѳменди, новость персидская*) отличается тѣмъ, что въ началѣ и въ концѣ его прибавлены слѣдующіе стихи:

1) «Въ чемъ счастье состоитъ, судить о томъ всякъ воленъ;
Тотъ счастливъ для меня, кто малымъ всѣмъ доволенъ».

2) «Министръ, герой, піитъ Баѳменди не сыскали,
Гонялся старичокъ и самъ онъ за сохой.
Мильйоны молодцовъ въ погонь за нимъ скакали,
И кто жъ его нашелъ? крестьянинъ Тай съ женой».

Digitized by Google

го и сохраня до сего времени ихъ невредимыми, обязанъ я, прежде нежели оживотворю ихъ, помыслить и о ихъ жребіи. (*Размышляетъ.*) Они должны быть счастливы.

АРІЯ.

Счастье смертнымъ всѣмъ природно,
Всѣмъ оно дано,
Не привязано, свободно
И у всѣхъ равно!
Счастье всѣмъ принадлежитъ,
И отъ всѣхъ оно бѣжитъ.

Такъ, Ураза! я вѣдаю, ты ни къ кому не привязана. Всѣмъ ты свою благопріятность показываешь, и отъ всѣхъ ты удаляешься, а прилѣпляешься только къ тому и водворяешься у того, кто умѣетъ искать тебя и заключать въ своемъ сердцѣ. Вознамѣрясь воскресить моего друга въ сихъ его чадахъ, въ пламенномъ семъ замкѣ скрытыхъ, безпрерывнымъ горящихъ желаніемъ быть благополучными, но окаменѣвъ и безъ тебя быть таковыми не могущихъ, хочу ихъ соединить съ тобою. Но да познаемъ прежде врожденныя ихъ склонности и въ которомъ кто состояніи обрѣсти тебя восхощетъ. Въ твоей тогда будетъ волѣ дать кому преимущество.

УРАЗА.

Для меня все равно. Я во всякой участи сотовариществовать готова. Лишь бы былъ меня кто достоинъ.

АРІЯ.

Мнѣ бы кто, Истинославу,
Подражалъ всегда лишь нраву,
Хоть вельможа, хоть пастухъ,
Тотъ плѣнитъ навѣкъ мой духъ.
Съ нимъ на тронѣ,
Съ нимъ въ коронѣ,
Съ нимъ въ пустынѣ,
Наединѣ.
Жить вовѣкъ я стану,
Не отстану, не отстану.

БАТМЕНДІЙ.

Однакоже...

УРАЗА.

Да будетъ твоя воля.

Digitized by Google

БАТМЕНДІЙ.

Становись же на семъ мѣстѣ и пребудь неподвижною. Силою жезла моего приведу я сихъ царевичей изъ окаменѣнія сперва въ слабое чувствованіе и погружу въ сонъ. Потомъ, преобращая тебя въ разные виды, представлю имъ сновидѣнія, свойственныя тѣмъ состояніямъ, въ которыхъ ты имъ мечтаться будешь. Тогда посмотримъ изъ ихъ минъ и движеній, въ которомъ ты кому понравишься.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ураза становится на показанное ей мѣсто, Батмендій машетъ жезломъ. Кумиры показываютъ движеніе и дремлютъ.

БАТМЕНДІЙ.

Видишь ли, они уже спятъ.

УРАЗА.

Вижу.

БАТМЕНДІЙ.

Превратись въ браноносицу!

ЯВЛЕНІЕ III.

Слышенъ гласъ трубъ. Ураза превращается въ образъ Паллады.

УРАЗА.

(*Въ величественномъ видѣ.*)

РЕЧИТАТИВЪ.

Уже я въ образѣ Паллады.

БАТМЕНДІЙ.

Величественна рѣчь и взгляды!

УРАЗА.

Вотъ шлемъ, копье и щитъ.

БАТМЕНДІЙ.

Се громъ побѣдъ твоихъ гремитъ!

(*При семъ словѣ слышенъ вдалекѣ громъ.*)

УРАЗА.

АРІЯ.

Я тучу навожу,
Я молніей блистаю,
Въ страхъ Зависть привожу
И Гордость покоряю.

Digitized by Google

За мной кто пойдетъ вслѣдъ,
Мы потрясемъ съ тѣмъ свѣтъ,
Накажемъ Злобу дерзновенну;
Блеснемъ,
И потрясемъ
Вселенну.

(*Во время сей аріи одинъ кумиръ протягиваетъ руки къ Уразѣ и показываетъ страстныя движенія*)

БАТМЕНДІЙ.

Вотъ и вижу уже одного я склонности.

УРАЗА.

Конечно, онъ будетъ полководецъ.

БАТМЕНДІЙ.

Великій, великій!

УРАЗА.

Посмотримъ.

БАТМЕНДІЙ.

Прими видъ Правосудія.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Слышенъ позвонокъ судейскій. Ураза превращается въ образъ Ѳемиды, имѣя въ рукѣ вѣсы.

УРАЗА.

Я судить и царствовать готова.

БАТМЕНДІЙ.

Какая божественная пріятность въ семъ преображеніи!

ДУЭТЪ.

И судъ и милость сопрягу,
Повинныхъ смертію казню,
Построю грады,
Населю степи,
Пропущу сквозь горы рѣки,
Чтобъ жили счастливо
Человѣки.

(*Во время дуэта второй кумиръ показываетъ страстныя движенія къ Уразѣ.*)

БАТМЕНДІЙ.

Вотъ и другаго вижу я склонности.

УРАЗА.

Конечно, будетъ онъ судья, вельможа и мужъ совѣта.

Digitized by Google

БАТМЕНДІЙ.

Да. Устроитель гражданства: имъ процвѣтутъ царства, возвысятся грады; злоба получитъ месть, а добродѣтель — награду.

УРАЗА.

Да даруютъ небеса!

БАТМЕНДІЙ.

Будь поселянкой.

ЯВЛЕНІЕ V.

Слышна пастушья свирѣль и мелодія пѣсни русской. Ураза превращается въ прекрасную пастушку, держитъ подъ рукою снопъ и корзину съ плодами.

УРАЗА.

Вотъ во мнѣ и пастушка.

БАТМЕНДІЙ.

Какъ тебѣ, любезная моя дочь, и это состояніе пристало! Какъ ты въ немъ прелестна, какъ ты въ немъ хороша! Мнѣ, кажется, и само божество сіяетъ лучше въ простотѣ.

ДУЭТЪ.

Вдовы и сироты,
Бѣдные и немощные
Получаютъ отъ него пищу,
Покровъ. Онъ
Осчастливитъ, украситъ
Вселенную.

(*Во время дуэта послѣднее подобіе показываетъ также пріятную мину къ Уразѣ.*)

УРАЗА.

Конечно, будетъ скопидомъ.

БАТМЕНДІЙ.

Да, онъ будетъ селеніямъ покровитель и ободритель хлѣбопашества.

УРАЗА.

Это состояніе для меня кажется лучше всѣхъ. Оно — душа гражданства.

БАТМЕНДІЙ.

Хорошо, Ураза: мы теперь видимъ ихъ склонности. Такъ, Небо никогда предвозвѣстія своего тщетно не показывало, ежели смертные съ благоговѣніемъ оное примѣчали. При самомъ рожденіи сихъ принцевъ видѣлъ уже я, что старшій, родшися при

Digitized by Google

концѣ жатвы, будетъ строитель, средній, при знакѣ вѣсовъ, — мужъ совѣта, а младшій, когда по прошествіи зимы воины готовятъ свои орудія и выходятъ въ поля, — полководцемъ быть предзнаменованъ. Вотъ теперь и показали они, всякій, свои природныя дарованія. Избирай теперь, Ураза, съ которымъ ты сочетаться намѣрена.

УРАЗА.

Родитель мой, ты вѣдаешь мое равнодушіе: во всякомъ состояніи я быть могу. Но ежели должна я избирать, надобно мнѣ узнать ихъ поведеніе и постоянство.

БАТМЕНДІЙ.

Хорошо. Ты видѣла страстныя ихъ къ себѣ движенія. Они, тебя видя во снѣ, въ тебя влюбились, образъ твой впечатлѣлся въ сердцахъ ихъ. Я ихъ оживлю, а ты скройся; пусть они тебя ищутъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Батмендій стучитъ въ полъ жезломъ; пламень потухаетъ и представляется простой царскій чертогъ. Статуи разваливаются, и являются изъ нихъ три юноши. Батмендій, отступя, стоитъ въ сторонѣ.

ПОЛКАНЪ, СУДОПРАВЪ, ПРОСТОЛЮДЪ.

(*Всѣ вдругъ.*)

Какіе сны, какія привидѣнія! Какъ они прелестны!

ПОЛКАНЪ.

И вы видѣли сны?

СУДОПРАВЪ.

Я видѣлъ великолѣпный сонъ.

ПРОСТОЛЮДЪ.

Я — чрезвычайно прелестный.

ПОЛКАНЪ.

А я — толико величественный, что сіяніе и слава его и теперь всю душу мою наполняютъ. Я видѣлъ мужественную богиню.

СУДОПРАВЪ.

Меня кротость ея восхитила.

ПРОСТОЛЮДЪ.

А мнѣ полюбилась ея непорочность.

ПОЛКАНЪ.

Небесныя очи!

СУДОПРАВЪ И ПРОСТОЛЮДЪ.

Да, да.

Digitized by Google

ТРІО.

ПОЛКАНЪ.

Сердце славою пылаетъ,
Обольщаетъ звукъ его,
Побѣдить оно алкаетъ,
Не страшася ничего.
Я пойду богинѣ вслѣдъ,
Побѣжду я съ нею свѣтъ.

СУДОПРАВЪ.

Разумъ . . . .
Правота плѣнитъ его.
Учреждаетъ, разсуждаетъ,
Милъ порядокъ для него.
Я пойду богинѣ вслѣдъ.

ПРОСТОЛЮДЪ.

Духъ спокойствія желаетъ;
Непорочность льститъ его;
Безмятежно пребываетъ
Миръ пріятный для него.
Я пойду богинѣ вслѣдъ.

. . . .

(*Бросаются въ разныя стороны, хотятъ бѣжать, но не знаютъ, въ которую сторону.*)

ПОЛКАНЪ.

Да куды же мы пойдемъ, братцы? Дороги не знаемъ, и не знаемъ, гдѣ пребываетъ видимое нами божество.

СУДОПРАВЪ.

(*Усмотря въ сторонѣ Батмендія.*)

Кто ни есть, скорѣе. . .

ПРОСТОЛЮДЪ.

Покажи намъ путь.

БАТМЕНДІЙ.

Куды?

ПОЛКАНЪ, СУДОПРАВЪ И ПРОСТОЛЮДЪ.

(*Всѣ вмѣстѣ.*)

Мы видѣли сонъ.

БАТМЕНДІЙ.

Знать, мало трудились и много спали.

ПОЛКАНЪ.

Нѣтъ, это не простой сонъ: мы видѣли нѣкое божество.

Digitized by Google

БАТМЕНДІЙ.

Боговъ смертнымъ видѣть не возможно. Это мечта.

СУДОПРАВЪ.

Нѣтъ, не можетъ мечта такъ живо представиться.

ПРОСТОЛЮДЪ.

Небесныя очи!

ПОЛКАНЪ.

Величавый видъ!

СУДОПРАВЪ.

Одежда, какъ снѣгъ!

БАТМЕНДІЙ.

Такъ вы всѣ трое порознь одну мечту видѣли? Каждый въ свой путь къ одному или порознь къ тремъ привидѣніямъ идти хотите?

ПОЛКАНЪ.

Мы сами не знаемъ.

СУДОПРАВЪ.

Только покажи намъ путь къ башнѣ...

ПРОСТОЛЮДЪ.

Которую мы видѣли.

(*Всѣ вмѣстѣ.*)

Которою сердца наши и мысли наполнены.

БАТМЕНДІЙ.

Ну, исполню вашу просьбу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Батмендій ударяетъ въ полъ жезломъ. Выходитъ изъ земли четвероугольный столпъ, на которомъ на всѣхъ сторонахъ видны надписи: *воину*, *гражданину*, *селянину*, а къ сторонѣ зрителей — *всѣмъ*.

ПОЛКАНЪ, СУДОПРАВЪ И ПРОСТОЛЮДЪ.

(*Всѣ вмѣстѣ.*)

БАТМЕНДІЙ.

Туды, туды, туды, туды.

(*Обходя кругомъ столпа и указавъ жезломъ на надпись, уходитъ прочь.*)

ПОЛКАНЪ.

На всѣ четыре стороны.

СУДОПРАВЪ.

Изрядно показалъ.

Digitized by Google

ПРОСТОЛЮДЪ.

Я пойду прямо.

СУДОПРАВЪ.

Я вправо.

ПОЛКАНЪ.

На семъ пути да обрѣту я блистательное мое божество, которое меня плѣнило.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ вдали великолѣпный городъ, новѣйшимъ вкусомъ архитектуры воздвигнутый, окрестъ котораго пріятныя рощи и долина, а на ней военный лагерь.

ЛИЧАРДА.

Чудная вездѣ перемѣна! куды ни погляжу, все новость. Даже городъ преобразилъ свой видъ: домы, башни, мосты, пристани, все — каменное и великолѣпное. Изъ хижинъ выросли палаты. И это сотворилось все въ одну ночь! Тотъ ли, полно, я, что былъ вчерась? Вечеромъ легъ въ постель, какъ водится; но сегодня проснулся, а одѣяло съ меня, какъ камень, въ мелкія части разлетѣлось. Не въ другомъ ли уже я свѣтѣ? Не вижу Истинослава! Дѣти его, кромѣ облика, совсѣмъ не похожи на бывшихъ моихъ царевичей, бѣгаютъ подобно изступленнымъ за какой-то богиней, о которой, сказываютъ, ни въ сказкахъ пересказать, ни перомъ описать не можно. Вельми прекрасна! Не Царя ли дѣвицу они ищутъ, у которой сквозь сорочки тѣло видно и какъ изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается[2]? Но то удивительно, что одну всѣ красавицу ищутъ, а розное всѣ дѣлаютъ.

АРІЯ.

Одинъ кричитъ: въ походъ пора.
Тара, та, тра.
Другой . . . . . поутру пишетъ.
. . . . .
Туру, туру, туру.

[2] Ср. то же самое выраженіе въ *Эскизъ Видѣнія Мурзы*, томъ III, стр. 487. Объ этомъ сказочномъ выраженіи распространяются Шишковъ въ своихъ *Разговорахъ о Словесности* (Спб., 1811, стр. 73 и сл.) и Каченовскій въ разборѣ этой книги (*Вѣстн. Евр.*, ч. LVII, № 13, стр. 54).

Digitized by Google

Но жизнь третьяго плоха:
Пашетъ, полетъ рука ленъ. (?)
Хаха, хаха!

ЯВЛЕНІЕ II.

СИНБАЛДА.

Не шуми, Личарда, и удались отселѣ прочь. Полканъ нашелъ свою богиню и возвратился теперь въ свой станъ съ побѣдою, съ славою, съ тріумфомъ. Я послалъ оттого провозвѣстить его пришествіе.

ЛИЧАРДА.

А я думалъ, что ты у Судоправа, и для того хотѣлъ здѣсь въ лагерѣ предложить мои услуги Полкану.

СИНБАЛДА.

Удались, говорю. Тебѣ ли пристало служить герою? Поди самъ къ нему или, лучше, къ Простолюду.

ЛИЧАРДА.

Простолюдъ самъ вездѣ смотритъ и самъ работаетъ; такъ и безъ насъ обойдется: я пойду къ Судоправу.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Слышенъ гласъ трубъ, литавръ и барабана, музыка играетъ маршъ.

СИНБАЛДА.

Вотъ уже Полканъ и приближается.

(*Отходитъ къ сторонѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Полканъ и Ураза въ воинскомъ платьѣ на великолѣпной колесницѣ, которую, вмѣсто зонтика, осѣняетъ простертыми крылами парящій орелъ. Колесницу везутъ плѣнники, окованные узами. За колесницей чиновники несутъ бунчуги и значки непріятельскіе съ обороченною внизъ луною. Воинство Полканово шествуетъ по шатру вдоль лагеря четырьмя каре, между которыми въ промежуткахъ знамена и музыка. Колесница останавливается въ срединѣ, а каре — два у оркестра, а другія два въ глуби театра. Полканъ копьемъ даетъ знакъ воинству, которое вдругъ по обѣимъ сторонамъ составляетъ двѣ линіи. Музыка умолкаетъ. плѣнники преклоняютъ главы свои, и бунчуги повергаются къ колесницѣ, съ которой Полканъ и Ураза сходятъ.

ПОЛКАНЪ.

Тебѣ, несравненная героиня, долженъ я толь славными побѣдами надъ врагами моими.

Digitized by Google

УРАЗА.

Твое мужество...

ПОЛКАНЪ.

Нѣтъ, богоподобная и прекрасная Ураза! ежелибъ не счастіе, ежелибъ не ты, тщетны бы были мои подвиги, и моя неустрашимость не могла бы стереть гордыни рогъ моимъ супостатамъ. Браноносная твоя десница меня предводительствовала. Разумъ твой подавалъ мнѣ совѣты и мужественное твое сердце въ самыхъ опасностяхъ вливало въ сердце мое бодрость.

УРАЗА.

Такъ ты, Полканъ, доволенъ мною?

ПОЛКАНЪ.

Такъ, несравненная! Удивленіе мое неизреченно. Величество и слава меня окружаютъ; все противное падаетъ къ ногамъ моимъ, все трепещетъ, все ожидаетъ моего мановенія. Зри воинство мое! Зри моихъ плѣнниковъ! На тѣхъ сіяетъ радость, а на другихъ отчаяніе, и все сіе безмѣрно душу мою восхищаетъ.

УРАЗА.

Не должно никогда предаваться безмѣрному восхищенію. Счастіе непостоянно и превратно.

ПОЛКАНЪ.

Какъ, несравненная и божественная Ураза! Неужели я могу посреди такого могущества и власти быть несчастливымъ? Неужели ты меня когда оставишь?

УРАЗА.

Я тебѣ отдала мою руку: отъ тебя зависитъ удержать вѣчно оную. Признаюсь тебѣ въ моемъ самонравіи: и малѣйше неспокойство сердца меня раздражаетъ. Хотя мало будешь недоволенъ мною, нетерпѣливъ въ прихотяхъ моихъ, неравнодушенъ въ моихъ . . . . . . , ежелибъ я тебя на малое время когда удалилась, тотчасъ увидишь меня. Я требую таинства, я требую всего твоего сердца, всѣхъ мыслей твоихъ. Гордая и нѣжная супруга желаетъ занять все твое воображеніе, всѣ твои склонности, и не смотря на ее самонравіе, ести ты не будешь вѣрить, что ты счастливъ, не могу я вѣчно быть съ тобою.

ПОЛКАНЪ.

Ахъ! несравненная и нѣжная дѣва, которую столь любятъ витязи, которой желаютъ цари, которую всѣ народы во вселенной обожаютъ! Возможно ль какому смертному, удостоясь твоего

Digitized by Google

благопріятства, получа твою неоцѣненную въ залогъ руку, быть столько нечувствительну, неблагодарну и до того забыться, чтобъ не сохранить къ тебѣ всей своей привязанности, не исполнить всѣхъ своихъ желаніевъ, не заключить тебя въ своемъ сердцѣ и не упасть къ ногамъ твоимъ? (*Упадаетъ на колѣни.*)

УРАЗА.

Не уничижайся столь много.

ПОЛКАНЪ.

Такъ, прекрасная! я плѣнникъ твой, и вѣчно таковымъ буду.

УРАЗА.

Клянись мнѣ твоею вѣчною вѣрностью.

(*Полканъ даетъ знакъ знаменамъ, которыя изъ рядовъ воинствъ выходятъ на средину театра и становятся по обѣ стороны предъ колесницею, не закрывая ея отъ зрителей. Ураза садится величественно на колесницу.*)

ПОЛКАНЪ.

Провозвѣсти, Синбалда, мой героичный бракъ, мою славу, мое блаженство, даруемое мнѣ божественною Уразою.

(*Синбалда становится по лѣвую сторону впереди, а Полканъ по правую.*)

РЕЧИТАТИВЪ.

СИНБАЛДА.

Народы, внемлите...

ПОЛКАНЪ.

Мой бракъ, мою славу.

УРАЗА.

Его клятвы.

СИНБАЛДА.

Услышь, молніеносный Перунъ...

ПОЛКАНЪ.

Любовь мою ко славѣ.

УРАЗА.

Къ Уразѣ вѣрность.

СИНБАЛДА.

Благоволи, Громовержецъ...

ПОЛКАНЪ.

Продолжить счастіе.

УРАЗА.

Удовольствіе и постоянство.

СИНБАЛДА.

Да вѣчно съ Полканомъ пребудетъ!

Digitized by Google

ПОЛКАНЪ.

Да подастъ мнѣ вѣнецъ свой и руку.

УРАЗА.

Сотвори прежде клятву!

СИНБАЛДА.

Клянись Перуномъ.

ПОЛКАНЪ.

Клянуся.

(*Въ сіе время сверкаетъ молнія и слышенъ громъ: Полканъ и Синбалда падаютъ на колѣни и снимаютъ шишаки. Уразa сходитъ съ колесницы, подходитъ къ Полкану, беретъ у него шишакъ, накладываетъ на него лавровую вѣтвь и подаетъ ему свою руку.*)

УРАЗА.

Вотъ тебѣ моя рука и мой вѣнецъ. Помни свою клятву, угождай моему самонравію.

ПОЛКАНЪ.

О, какъ я благополученъ!

УРАЗА.

Зависитъ отъ тебя всегда быть таковымъ.

ДУЭТЪ.

ПОЛКАНЪ.

Коль такъ же ты ко мнѣ пылаешь,
Какова къ тебѣ любовь моя,
Какой восторгъ въ меня вливаешь,
О, какъ благополученъ я!

УРАЗА.

Коль ты то клятвой обѣщаешь,
Чего желаю я,
Свое блаженство утверждаешь,
Пребуду я всегда твоя.

(*Въ то время, какъ они поютъ, входитъ Батмендій.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЛКАНЪ.

Что вижу я? Почтенный старецъ! это ты, который мнѣ показалъ путь, на коемъ обрѣсти божественную Уразу, мое счастіе!

БАТМЕНДІЙ.

Ты доволенъ?

ПОЛКАНЪ.

О, безконечно!

Digitized by Google

БАТМЕНДІЙ.

Благодарю боговъ.

ПОЛКАНЪ.

Я долгъ имѣю Перуну изъявить мою благодарность. (*Къ Синбальдѣ.*) Возвѣсти во градѣ, чтобъ народъ къ торжеству изготовлялся, чтобъ отверзты были храмы, чтобъ курились жертвенники, чтобъ по стогнамъ и домамъ огни блистали, чтобъ дѣвы выходили съ цвѣтами на срѣтеніе мое.

ЯВЛЕНІЕ VI.

БАТМЕНДІЙ.

(*Взявъ на сторону Уразу и тихо.*)

Искуси его постоянство.

УРАЗА.

Въ сей часъ.

БАТМЕНДІЙ.

(*Къ Полкану.*)

Я тебѣ показалъ четыре пути къ божеству, которое тебя въ сновидѣніи плѣнило: ты избралъ изъ нихъ тотъ, который тебѣ показался лучшимъ. Ты нашелъ на немъ Уразу, ты нашелъ на немъ твое счастіе. Отъ тебя зависитъ теперь владѣть и наслаждаться онымъ.

(*Въ то время, какъ Полканъ разговариваетъ съ Батмендіемъ, Ураза приближается къ одному молодому воину, глядитъ на него умильно и усмѣхается.*)

УРАЗА.

(*Къ Полкану.*)

Умѣй всегда быть доволенъ, не раздражайся нетерпѣніемъ.

ПОЛКАНЪ.

(*Подстрекаемый ревнивостію, схватывая Уразу за руку, приближаетъ къ себѣ.*)

Ты едина составляешь мое блаженство, жизнь мою, радость мою. Ты пребудешь всегда со мною. Терпѣнію некогда огорчать меня. (*Къ воинамъ.*) Отыдите.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Воины, оружіе свое и знамена ставя въ пирамиды, уходятъ въ палатки; колесница съ плѣнниками отъѣзжаетъ.

УРАЗА.

(*Съ неудовольствіемъ.*)

Почто это?

Digitized by Google

ПОЛКАНЪ.

До колѣ во градѣ пріуготовляется торжество, пусть успокоится побѣдоносное наше воинство; а мы съ тобою, божественная Ураза, наединѣ, безъ шума, безъ великолѣпія, безъ свидѣтелей, ... , да вкусимъ прежнее блаженство наше.

УРАЗА.

(*Съ усмѣшкою къ Батмендію.*)

Отыди же и ты отсель, почтенный и незнакомый старецъ, и если не обременю твоей ослабѣвающей долголѣтіемъ силы, то прошу тебя повѣдать Судоправу, что я не укосню посѣтить его. (*Батмендій отходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПОЛКАНЪ.

(*Съ безпокойствомъ.*)

Старца, показавшаго мнѣ путь сыскать тебя, изгоняешь и обѣщаешь посѣтить Судоправа: и то и другое странно.

УРАЗА.

Ты желалъ быть безъ свидѣтелей: то къ чему же здѣсь сей старецъ? Судоправъ меня ищетъ; для чего жъ не посѣтить его?

ПОЛКАНЪ.

Ты мнѣ сочеталася вѣчно.

УРАЗА.

Ты обѣщалъ творить волю мою.

ПОЛКАНЪ.

Я обѣтовъ моихъ не перемѣняю.

УРАЗА.

Я не перемѣняю моего самонравія.

ПОЛКАНЪ.

Жестокосердая!

УРАЗА.

Ревнивецъ!

ПОЛКАНЪ.

Я признаю мою вину, дражайшая, слабость мою, отъ любви происходящую.

УРАЗА.

Признаніе — надежное средство къ примиренію. Но помни, Полканъ: ежели ты будешь нетерпѣливъ, неспокоенъ во всѣхъ случаяхъ, то мною обладать не будешь.

Digitized by Google

ПОЛКАНЪ.

Я вѣчно обѣтовъ моихъ не забуду. Блаженства моего ничто нарушить не можетъ.

ДУЭТЪ.

Когда, Ураза, ты со мною,
Благополученъ я тобою
И громкая слава
За мною идетъ вслѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гонецъ приноситъ письмо и отдаетъ Полкану.

ПОЛКАНЪ.

(*Раскрываетъ письмо и, съ безпокойствомъ прочитавъ, кричитъ:*)

Къ ружью! къ ружью!

УРАЗА.

Новыя тревоги, новое безпокойство! Я не могу жить непрестанно въ таковомъ смутномъ состояніи. (*Уходитъ.*)

ПОЛКАНЪ.

Гдѣ она? куды сокрылась, неблагодарная? Ураза удалилась, счастіе мое исчезло. Неизреченныя фуріи терзаютъ мое сердце. Ступай, строй!

(КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.)

Digitized by Google

ИЗЪ ПЕРЕВОДА РАСИНОВОЙ ТРАГЕДІИ «ФЕДРА».

РАЗСКАЗЪ ТЕРАМЕНА [1].

(Дѣйствіе V, явленіе VI.)

Едва мы за собой оставили Трезенъ,
На колесницѣ онъ, бывъ стражей окруженный,
Стопами тихими уныло провожденный,
Задумчиво сидя, къ Меценѣ путь склонялъ
И пущенныхъ изъ рукъ возжей не напрягалъ.
Прекрасные кони, бывъ прежде горделивы,
По голосу его и кротки и ретивы,
Шли, преклоня главы, и тускомъ ихъ очей
Казались сходны съ нимъ печалію своей.
Тутъ вдругъ ужасный шумъ сквозь моря влагу бурну
Возсталъ и возмутилъ всю тишину лазурну;
Стонъ, гулами изъ нѣдръ подземныхъ отразясь,
Вкругъ глухо отвѣчалъ на волнъ ревущихъ гласъ.
Проникъ намъ мразъ сердца, застыла кровь симъ дивомъ,
У смѣтливыхъ коней возстали гривы дыбомъ.
Изъ черныхъ безднъ тогда средь блѣдна лона волнъ
Поднявшися, возсталъ огромный водный холмъ;
Предъ нимъ бѣгущій валъ скача, плеща, стремился,

[1] Отрывокъ этотъ изъ переведенной Державинымъ трагедіи Расина (см. Предисловіе къ настоящему тому) помѣщается здѣсь только потому, что онъ уже былъ напечатанъ, при жизни поэта, въ *Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова*, въ 3-й книжкѣ этого изданія, помѣченной цензоромъ 31 іюля 1811 года (стр. 130). Въ концѣ рукописи полнаго перевода трагедіи означено: «Кончена августа 27 дня 1809 года». Для этого труда подстрочный переводъ сдѣланъ былъ Державину старшею племянницей его, Елисаветой Николаевной Львовой. Пьеса была играна на домашнемъ его театрѣ.

Digitized by Google

И въ пѣнистыхъ клубахъ въ немъ чудный звѣрь явился:
Широкое чело, рогастое, грозитъ,
Какъ мѣдна чешуя, блестя, на немъ горитъ;
Подводный былъ то волъ, или драконъ ужасный;
Крутя, горбя хребетъ и ошибъ вьющій страшный,
Завылъ, — и со бреговъ вдругъ отгласился вой;
Померкли небеса, его зря подъ собой,
Земля содрогнулась, весь воздухъ заразился;
Принесшій валъ его вспять съ ревомъ откатился;
Бѣжало въ страхѣ все, не смѣя противъ стать,
И всякъ искалъ себя въ ближайшемъ храмѣ спасть;
Но только Ипполитъ, достойный сынъ героя,
Коней остановя, какъ бы среди покоя,
Беретъ свое копье, къ чудовищу летитъ
И въ чревѣ язву имъ широкую творитъ;
Страшилище, съ копья вспрянувъ, остервенѣло;
Но падши подъ коней, трепещущи ревѣло,
Каталось по песку, зѣвъ рдяный разверзавъ,
Рыгало кровь и дымъ и, пламенемъ дыхавъ,
Коней страшило, жгло. — Тутъ кони обуяли
И въ первый разъ еще внимать его престали;
Не слушаютъ, летятъ, сталь въ зубы закуся,
Кровь съ пѣной съ броздъ ліютъ, чрезъ все его неся;
И даже, говорятъ, что въ страшномъ семъ разсказѣ
Богъ нѣкій ихъ чрева бодалъ во пыльномъ мракѣ;
Съ размаху вринулась упряжка между скалъ.
Ось хряснула, сломясь, — и твой безстрашный палъ
Со колесницы сынъ, ее зря раздробленной;
Помчался вслѣдъ коней, возжами заплетенный.
Прости мнѣ, государь, мой плачь! — Сей страшный видъ
По гробъ мой жалости слезъ токи источитъ!
Самъ видѣлъ, государь, — иначе бъ не повѣрилъ:
Твой влекся сынъ коньми, которыхъ онъ лелѣялъ;
Хотѣлъ остановить; но гласомъ ихъ пужалъ,
Поколь, самъ кровью весь облившись, трупомъ сталъ
Стенаньми нашими окрестность оглашалась;
Но ярость конская отнюдь не уменьшалась.
Остановилися ужъ сами близъ гробницъ,
Гдѣ древнихъ прахъ царей почіетъ и царицъ.

Digitized by Google

Бѣгу туда, воплю, — и стража вся за мною;
Истекша кровь струей вела насъ за собою;
Покрыты камни ей, обвитъ власами тернъ,
По коему онъ былъ порывисто влеченъ.
Пришедъ, его зову. Онъ, длань простря мнѣ блѣдну,
Открылъ полмертвый взоръ и ниспустилъ духъ въ бездну,
Сказавъ: «Безвинно рокъ мои отъемлетъ дни...
«Арисію по мнѣ, любезный другъ, храни;
«И выдетъ мой отецъ когда изъ заблужденья,
«Къ сыновней злой судьбѣ окажетъ сожалѣнье,
«Проси, печальну тѣнь спокоилъ чтобъ мою,
«Ко плѣнницѣ явилъ щедроту бы свою
«И ей бы возвратилъ.....» При сихъ словахъ мгновенно
Оставилъ намъ герой лишь тѣло обагренно, —
Печальнѣйшій предметъ свирѣпости боговъ, —
Кого бы не позналъ и самый взоръ отцовъ.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПЕРЕВЕДЕННЫХЪ И ЗАИМСТВОВАННЫХЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ ПЬЕСЪ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ЗЕЛЬМИРА»*.

—

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Антеноръ, Рамнесъ, воины ѳракійскіе и лесбосскіе; а Зельмира и Эмма въ отдаленіи.

Антеноръ За смерть Азорову благодарю я вамъ,
Что вы хотите мстить, и тучная богамъ

* Дѣйствующія лица: Полидоръ, король лесбосскій; Зельмира, дочь его; Иллюсъ, принцъ троянскій, супругъ ея; Антеноръ, лесбосскій принцъ крови; Рамнесъ, полководецъ арміи лесбосской; Эмма, наперсница Зельмиры; Эвріалъ, начальникъ троянскій; воинъ ѳракійскій. Дѣйствіе въ Лесбосѣ. Полидоръ свергенъ съ престола сыномъ своимъ Азоромъ и скрывается въ гробницѣ между горами; но Азора умерщвляетъ Антеноръ, который также стремится къ верховной власти и хочетъ устранить отъ престола малолѣтнаго сына Зельмиры. При открытіи 2-го дѣйствія убійца Азора еще не извѣстенъ. — Подлинную французскую трагедію «Zelmire» можно найти въ 4-й части многотомнаго драматическаго сборника, напечатаннаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ С.-Петербургѣ (см. томъ II нашего изданія, стр. 158). Авторъ *Зельмиры* Де-Беллуа (Pierre Laurent Buirette de Belloy), род. 1727, ум. 1775 г., сдѣлался по страсти къ театру актеромъ и при Елисаветѣ Петровнѣ пробылъ въ этомъ званіи долгое время въ Петербургѣ, гдѣ императрица осыпала его своими милостями*. Извѣстнѣйшая трагедія его, *Осада Калè* (Le siège de Calais), появившаяся въ 1765 г., доставила ему въ Парижѣ блестящій успѣхъ и замѣчательна особенно какъ первый опытъ разработки, во французской драмѣ, предметовъ изъ отечественной исторіи. Другая трагедія его, *Титъ*, подражаніе знаменитой операѣ Метастазія, переведена на русскій языкъ Як. Благодаровымъ и

* *Энцикл. Лексиконъ* Плюшара. О пребываніи Де-Беллуа въ Россіи мы нигдѣ не нашли болѣе подробныхъ свѣдѣній, ни даже въ «Nouvelle Biographie universelle», гдѣ лучшая о немъ статья.

Предъ алтаремъ отъ васъ что принесется жертва,
Когда повергнете царсубійцу мертва.
На подвигъ сей вамъ вождь въ Рамнесѣ избранъ мной *(указывая на Рамнеса)*.
Пусть кровь преступника течетъ его рукой.
Онъ храбръ, премудръ, сего достоинъ права
Отмщать за смерть царя ему прилична слава.
Пойдемъ виновника преслѣдовать и мы,

напечатана въ Москвѣ Типографической компаніей въ 1787 году. Въ *Зельмирѣ* Де-Беллуа подражалъ также Метастазію *. Рукопись полнаго перевода Державина начинается слѣдующимъ, начерно собственной его рукой набросаннымъ обращеніемъ *Къ читателямъ:* «Трагедія сія во угожденіе одного изъ моихъ пріятелей переведена наскоро подражательно и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращенно. Я не ручаюсь также и за красоту моихъ стиховъ; но дѣло уже сдѣлано. При первомъ представленіи въ Парижѣ принята она публикою благосклонно. Вольтеръ въ письмѣ своемъ къ автору изъяснялся слѣдующимъ образомъ: «« Вы, говоритъ онъ, любите слогъ басенный и на то можете имѣть свои причины. Вы къ красотѣ стиховъ присоединили достоинство театральныхъ дѣйствій, чего я весьма желалъ, ибо иностранные насъ слишкомъ много упрекали, что трагедіи наши ничто иное, какъ любовные или политическіе разговоры »». Сочинитель (продолжаетъ Державинъ) въ подтвержденіе того ссылается самъ на театръ древнихъ, какъ-то Еврипида и прочихъ. Въ ученыхъ журналахъ 1762 года ** не упоминается ничего о погрѣшностяхъ, въ *Зельмирѣ* находящихся; но находятъ ее весьма занимательною. Но г. Лагарпъ въ своемъ *Лицеѣ* много находитъ въ ней погрѣшностей. Онъ говоритъ, что характеры главныхъ лицъ совсѣмъ не вѣроятны, что кинжальные удары, выжидающіе удобнаго часа, зрителей не возмущаютъ, злодѣи безъ страсти и минутныя опасности производятъ болѣе удивленія нежели ужаса. Замѣчаетъ онъ и красоты, подражательныя однако Метастазію, по которымъ и принята была *Зельмира* хорошо. Первое: когда царица, обвиняемая предъ супругомъ въ убійствѣ отца ея, не смѣетъ оправдать себя въ сей ужасной клеветѣ, ибо подвергла бы тѣмъ погибели отца своего. Второе, гдѣ Зельмиринъ супругъ, бывши увѣренъ разными обстоятельствами въ умерщвленіи ею отца ея, увидѣвъ Полидора, вскрикиваетъ: Зельмира невинна! Сіи два положенія находитъ Лагарпъ истинно трагическими, но при всемъ томъ, при тщательномъ разсмотрѣніи читателемъ, — такими, которыя произошли изъ многихъ невѣроятностей, и проч. Я скажу, что вообще вся сія трагедія натянута какъ по мѣсту дѣйствія, такъ и по происшествіямъ, которыя въ виду города при мавзолеѣ не могли совершиться правдоподобно». Таковъ безпристрастный судъ самого Державина надъ переведенною имъ трагедіею, которая въ свое время пользовалась однакожъ большимъ уваженіемъ; ее переводилъ также Хмельницкій (*Отеч. Зап.* 1855, ч. XCIX, «Дневникъ Чиновника», стр. 393).

Переводъ Державина сдѣланъ былъ, какъ видно изъ его Записокъ, до 1813 года.

---

* Именно нѣкоторымъ сценамъ его оперы Issipile (Hypsipyle).

** Трагедія «Zelmire» въ первый разъ представлена и напечатана въ Парижѣ 1762-го года; въ слѣдующемъ году она съ похвалою разобрана въ Journal des Savans. Подробныя замѣтки объ этой пьесѣ см. въ Chefs-d'Oeuvres de De Belloy. Paris. 1789.

Digitized by Google

Насъ боги просвѣтятъ средь сей ужасной тмы. (*Уходитъ съ послѣдователями. Зельмира и Эмма появляются и, глядя на всѣ стороны:*)

ЗЕЛЬМИРА. Храмъ затворенъ вокругъ, и всѣ стремятся къ граду.
Я стерегла его какъ пристань и ограду.
Ужъ нѣтъ здѣсь никого. Благодарю боговъ,
Что отъ отеческихъ укрылася враговъ.
Ахъ! если бъ, вопреки всѣхъ нашихъ уклоненій,
Кто насъ изъ воиновъ узрѣлъ здѣсь въ сокровеньи?
Но добродѣтельный насъ спасъ бы Антеноръ. (*Даетъ знать рукою Эммѣ, чтобъ надзирала около, а сама, отворивъ гробницу, возглашаетъ:*)
Родитель мой! яви изъ мрачности твой взоръ. (*Про себя:*)
Я разскажу ему все днешне приключенье.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗЕЛЬМИРА и ПОЛИДОРЪ.

ЗЕЛЬМИРА. Надежды раздѣли со мной хотя мгновенье.
Тотъ Антеноръ, кого ты сердце чтилъ и умъ,
Не помрачилъ и днесь своихъ изящныхъ думъ.
Отъ царскаго вѣнца отказываясь нынѣ,
Желаетъ зрѣть его на юномъ моемъ сынѣ.
Суди же ты о немъ, какъ будетъ восхищенъ,
Когда узнаетъ то, что мною ты спасенъ.
Благоволишь ли, чтобъ во время столь смятенно
Повѣрила ему я жребій нашъ.

ПОЛИДОРЪ. Безбѣдно
Въ немъ упованіе мы можемъ полагать;
Онъ первый мнѣ открылъ, что умышлялъ твой братъ;
Но самъ, къ несчастію, узналъ о томъ ужъ поздно.
Чтожъ онъ по мнѣ служилъ Азору въ время грозно,
Какъ вѣрный подданный хоть могъ душей страдать;
Но предержащу власть былъ долженъ исполнять.
Поди, вручи ему жизнь нашу, скорбей полну,
Его лишь честности храненія достойну.
Коль сына онъ вѣнчалъ, отца ли твоего...

ЯВЛЕНІЕ III.

ПОЛИДОРЪ, ЗЕЛЬМИРА и ЭММА, подшедъ къ ПОЛИДОРУ.

ЭММА. Ты знаешь, государь, Ѳракіяна того,
Чей смѣлый духъ тебѣ отверзъ врата темницы;
Чрезъ множество преградъ дошедъ до сей гробницы,
Онъ хочетъ нѣкое событіе открыть.

ПОЛИДОРЪ. Какимъ злосчастьемъ рокъ еще насъ поразитъ?

ЗЕЛЬМИРА. Пускай придетъ сюда. Мой духъ весь въ трепетаньи. (*Эмма уходитъ и машетъ рукою, чтобъ подошелъ воинъ.*)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Зельмира, Полидоръ и ѳракійскій воинъ.

Воинъ (*Зельмирѣ*). Давъ небо мнѣ узрѣть твое отцепитанье,
Велѣло, чтобъ я твой свидѣтельствовалъ плачъ,
Повергшій въ скорбь народъ. Убійца и палачъ
Азора — Антеноръ.
Зельмира. Какъ! Антеноръ?
Полидоръ. Онъ?
Воинъ. Вѣрно,
Усердье, государь, мое къ тебѣ безмѣрно.
Ты видѣлъ самъ, какъ скрылъ я твой побѣгъ
И стражу воиновъ какъ ослѣпилъ я всѣхъ,
Что предъ начальствомъ всю оплошность ихъ оправилъ,
И съ ними самъ себя отъ бѣдствія избавилъ.
Я, слѣдуя стезямъ твоимъ, такой далъ видъ,
Что будто бы меня Азорово стремитъ
Велѣнье отыскать убѣжище то мрачно,
Въ которомъ скрылся ты. Дворъ, воинство ужасно
Прошелъ и никому я не открылъ себя,
Позналъ и мысли всѣхъ къ услугамъ для тебя.
Межъ тѣмъ присматривалъ и всѣхъ я войскъ движенье
До времени того, какъ наше удаленье
Могли мы предпріять съ тобой въ Пріамовъ градъ.
Но въ нощь сію пришедъ къ Азору я назадъ,
Чтобъ дать ему отчетъ мнѣ дѣла порученна,
Узрѣлъ лежаща близъ одра окровавленна,
Тремя ударами его пронзенна въ грудь.
«Коль я прошу, мой другъ, средь смертныхъ сихъ минутъ
«Мнѣ помощи какой», — онъ рекъ мнѣ гласомъ томнымъ:
«То въ память лишь хощу измѣнамъ вѣроломнымъ,
«Я кровію моей на хартьи начертать
«То сердце адское, то остріе назвать,
«Которое меня свирѣпо столь сразило».
Послѣднее его такъ мужество скрѣпило,
Что написалъ письмо и, мнѣ вручивъ, сказалъ:
«Спѣши, что Иллюсъ бы мою отомщевалъ
«На Антенорѣ смерть». Потомъ, сливъ крови съ токомъ
Онъ слезъ ручьи, тебя именовалъ со вздохомъ.
Но я какъ рекъ ему, что ты еще въ живыхъ,
Въ восторгѣ радостномъ онъ, внявъ меня, утихъ
И, преклоня главу на перси мнѣ, скончался.
Неизреченнымъ тутъ я ужасомъ объялся,
И обвиненнымъ чтобъ въ злодѣйствѣ семъ не быть,
Чрезъ силу могъ оттоль трепещущи уйтить.
Полидоръ. О сынъ мой, сынъ! ахъ, чья рука тебя сгубила,
И добродѣтели и жизнь твою затмила?

Digitized by Google

Сколь мнѣ ты, Антеноръ, въ сихъ ранахъ двухъ жестокъ!
Взоръ мрачный, проливай отцовской скорби токъ.
Зельмира. Творецъ толикихъ золъ лишь могъ столь лицемѣрить,
Я, отче мой, тебя ему хотѣла ввѣрить.
Полидоръ (*воину*). Вручи Азора мнѣ ты хартію кроваву,
Да Антенора ей предъ войскомъ кознь лукаву
Одной рукой открывъ, всю гнусность покажу;
Другою жъ — грудь его желѣзомъ симъ пронжу.
Зельмира. Родитель, удержись...
Воинъ. На что ты могъ рѣшиться!
Не можешь, государь, ничѣмъ ты оправдиться:
Не выслушавъ, тебя безвинно обвинятъ.
Я, соглядательми вездѣ бывъ самъ объятъ,
Страшился при себѣ имѣть сіе писанье;
Оно сокрыто мной во мрачномъ нѣкомъ зданьѣ.
Въ полнощь сыскавъ его, Зельмирѣ я отдамъ.
Но, впрочемъ, развѣ то еще безвѣстно вамъ,
Что Антеноръ и съ нимъ Рамнесъ во преступленьи
Всѣхъ обвиняютъ тѣхъ, кто съ вами былъ въ сношеньи
По дружбѣ и родству! Вездѣ кричатъ они,
Что мстители отца присѣкли сына дни.
И такъ, воскресша зря тебя средь ихъ собора,
Не будутъ ужъ искать другихъ убійцъ Азора.
Зельмира. Ты мнишь, родитель мой, что врагъ твой хитрымъ быть
Не смѣетъ и тебя безгласно обвинить?
Изъ слабыхъ рукъ твоихъ похитивъ начертанье,
Онъ на тебя жъ взведетъ безстыдно клеветанье,
Лжесоставнымъ сочтя письмо рукой твоей;
И брата хитростью чтобъ обольстя моей,
Клятвопреступно я и тайно измѣнила
И изъ оковъ его отца освободила,
Давъ стороной ему ударъ сей самому.
Благоволи внушить совѣту моему
И взять обдуманны, надежны лучши мѣры
Дать мнѣніямъ моимъ усерднымъ больше вѣры.
Письмомъ снабденны симъ мы къ Иллюсу уйдемъ,
Который въ Троѣ днесь всѣхъ устрашитъ мечемъ,
Доставя царствамъ миръ, побѣдъ сіяетъ славой;
То возвратясь сюда, мы подъ его державой
Всѣ силы обратимъ злодѣйство обличить
Полидоръ (*Зельмирѣ*). Ты мыслишь, сей побѣгъ легко намъ совершить?
Воинъ Съ моею помощью. Хоть низка часть и слезна,
Но иногда она въ несчастіи полезна.
Въ готовыхъ корабляхъ Зельмирѣ на отъѣздъ
Отряду велѣно воинскому возсѣсть
И проводить ее. Какъ воинъ, въ немъ со мною
Ты можешь, государь, приплыть безбѣдно въ Трою

Digitized by Google

И счастливо свершить тобой пріятный путь.
Успѣхъ намъ небеса и недруги даютъ.
Хотя бъ мнѣ умереть въ семъ подвигѣ случилось,
Но счастіе мое тѣмъ паче бъ совершилось,
Что, воинъ бывъ простой, я жизнь царя сберегъ,
Боговъ бы на себя, всѣхъ смертныхъ взоръ привлекъ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Полидоръ и Зельмира.

Полидоръ. Сколь благородный духъ въ столь низкомъ состояньи!
Вотъ для вельможъ урокъ, но тщетенъ въ ихъ блистаньи.
Въ злосчастьи къ нищему подъ кровъ приходитъ царь;
А зрѣлъ ли онъ съ высотъ сію во прахѣ тварь,
Не мстящую ему за прежнее презрѣнье,
Являющу любовь, услугу, сожалѣнье,
Дѣлящу съ нимъ напасть? А твой, Зельмира, сынъ —
Прельщеніе очесъ и цвѣтъ моихъ сѣдинъ —
Ужель останется во власти у тирана,
До зрѣлыхъ лѣтъ его къ правленію избранна,
Какъ мы съ тобой уйдемъ? Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣе самъ
Повергнуть соглашусь гіеннамъ злымъ и львамъ
Безцѣнну плоть его на снѣдь въ лѣсахъ лесбійскихъ
И въ нѣжныхъ чувствіяхъ другъ къ другу въ сердцѣ близкихъ:
Ужель твой долгъ къ отцу сильнѣй къ дѣтямъ любви?
Зельмира (*указывая на грудь*). Не мнишь ли, отче мой, что здѣсь въ твоей крови
Любовью матерней не можетъ сердце биться?
Природа! ты на то ль судила мнѣ родиться?
Кого я предпочту межъ сыномъ и отцомъ?
О выборъ тягостный въ бореньи чувствъ съ умомъ!
Люблю супруга я, люблю и сына страстно,
Готова жертвой быть за обоихъ всечасно.
Единаго на свѣтъ я сей произвела,
Другаго черезъ бракъ тебѣ въ сыны причла;
А ты у насъ одинъ, нашъ корень нами чтимый,
Въ любови и въ родствѣ союзъ неразрѣшимый.
Полидоръ. И сына за меня ты въ жертву мнишь принесть!...
Зельмира. За нимъ ужъ не страшна и самая мнѣ смерть.
Полидоръ. Возможно ль промѣнять остатки дней несчастныхъ
На нить развитую дней юныхъ и прекрасныхъ?
Ступить отъ гроба шагъ, мигъ жизни мнѣ сберечь,
И въ колыбели вѣтвь, надежду царства ссѣчь?
Ахъ! такъ ли ты сама природу чтила прежде?
Знай, въ внукѣ всѣ права ея, въ моей надеждѣ,
А мой предѣлъ коль мнѣ ужъ время совершить,
Зачѣмъ мнѣ отъ меня рожденныхъ пережить?

Зельмира. Родитель! Горесть насъ обоихъ тмитъ напрасно.
Возможемъ ли спасти мы то дитя несчастно,
Которое тиранъ, ища меня карать,
Какъ жертву, для себя лишь хочетъ увѣнчать?
Какъ ты погибнешь здѣсь, его спасть средствъ не знаю.
Ковъ Антенора весь вполнѣ я проникаю.
Боится, чтобы какъ въ немъ не былъ кѣмъ открытъ,
Въ залогѣ моего держать онъ сына мнитъ.
О сынъ мой! даже имъ ты будешь сохраняемъ,
Жестокой хитростью къ притворству побуждаемъ.
Но Иллюсъ какъ сюда съ мечемъ въ рукахъ придетъ,
Страшилище сіе прямой свой видъ возьметъ.
Тогда, о государь! и мы, птенца къ спасенью,
Пойдемъ противъ врага, приложимъ рвенье къ рвенью.
Измѣна, пламень, мечъ, позволится все намъ,
И злато, что ко всѣмъ находитъ путь сердцамъ,
Послужитъ намъ сыскать орудія избранны.
Съ надеждой сей лечу къ супругу въ путь желанный.

ИЗЪ ОПЕРЫ «ТИТЪ»*.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ чертогъ Вителліи. Вителлія идетъ скоро, за ней Секстъ.

Вителлія. Умолкни, Секстъ, прошу тебя:
Доколь одно и то жъ мнѣ слышать?
Давно ужъ знаю наизусть,
Что Лентулъ въ заговоръ вписался,

* Вителлія — дочь прежде бывшаго императора Вителлія; Секстъ — римскій патрицій. Дѣйствіе въ Римѣ. Это переводъ «Clemenza di Tito» Метастазія, съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ что три акта подлинника замѣнены двумя. Сверхъ этой передѣлки Державина, на русскомъ языкѣ есть три Тита. Въ первый разъ переведена была ко дню коронаціи Елисаветы Петровны (1742) названная опера Метастазія; переводъ этотъ, подъ заглавіемъ: *Милосердіе Титово*, тогда же напечатанъ въ Москвѣ (*Зап. Ак. Наукъ*, т. VIII, кн. II, статья П. Пекарскаго «Дополнит. свѣдѣнія для біографіи Ломоносова», стр. 18 и 19). Потомъ, по желанію Екатерины II, Княжнинъ, въ подражаніе той же italіянской оперѣ, написалъ трагедію (съ хорами и балетами) *Титово Милосердіе*, нашедшую мѣсто въ XXXII-й части «Россійскаго театра». Наконецъ Благодаровъ перевелъ трагедію Де-Беллуа *Титъ*, напечатанную въ Москвѣ въ 1787 г. (см. выше примѣчаніе наше къ отрывку изъ *Зельмиры*). Кромѣ оперы, изъ которой здѣсь предлагается одна сцена, въ бумагахъ Державина нашлось начало трагедіи *Титъ*, вѣроятно также заимствованной изъ Де-Беллуа. Почеркъ Державина въ послѣднемъ отрывкѣ заставляетъ думать, что этотъ трудъ былъ предпринятъ имъ еще въ 1780-хъ годахъ.

Digitized by Google

Что изготовлено ужъ все,
И капитолія какъ вспыхнетъ,
Низвержется съ престола Титъ.

Секстъ. Вителлія!...

Вителлія. Ужель хотите
Вы съ Береписой допустить
Бракъ императора столь слаба,
И должно ль, Римляне, мнѣ ждать,
Поколѣ иностранка сядетъ
На тронъ, отъятый у меня?
О стыдъ! а васъ зовутъ мужами:
Зачѣмъ же медлите? скажи.

Секстъ. Ахъ, Зевсъ! —

Вителлія. Вздыхаешь, лишь вздыхаешь!

Секстъ. Любезная! какъ можешь ты
Надъ нашимъ мужествомъ смѣяться,
Пожертвовать желая тѣмъ,
Отца отечества въ комъ видимъ,
Кто благодѣтель нашъ и другъ?
О! приведи себѣ на память
Красотъ, величія, добротъ
И полна доблестьми героя,
Котораго вся жизнь соборъ
Дѣяній славныхъ, благородныхъ:
Такъ, такъ, заслугамъ ли воздать
Онъ мнитъ, — его сокровищъ мало!
Карать ли преступленье, — онъ
До тѣхъ поръ жалостливъ и медленъ,
Покуда чѣмъ не извинитъ,
И словомъ, день пропадшимъ числитъ,
Не сдѣлалъ если онъ добра.

Вителлія. Прочь отъ меня! Врага смертельна
Хвалить въ глаза мнѣ, милый Секстъ!
Забылъ ли ты, что онъ на тронѣ,
Его отцомъ у моего
Похищенномъ, сидитъ коварно?
Или не знаешь и того,
Какъ онъ манилъ меня, лаская,
До тѣхъ поръ (признаюсь теперь),
Что я его почти любила;
А тутъ-то Беренису вдругъ
Онъ, вызвавъ изъ угла вселенной,
Мнѣ смѣетъ нынѣ предпочесть, —
Римлянкѣ древней, благородной,
Дочь императора презря.

Секстъ. Сама ты знаешь: Берениса
Пріѣхала безъ зва, безъ встрѣчъ.

Digitized by Google

Вителлія. Такъ какъ и то, что сей лукавецъ
Намедня слезы нѣжны лилъ,
Зря отъ себя ее идущу,
Сегодня жъ съ радостью встрѣчалъ.
Иль то все ничего не значитъ?
Не правда ль? И Вителья что
Кружитъ свой умъ, грустить напрасно,
Въ нихъ видя нѣжную любовь?
Не такъ ли?
Секстъ. Ревность что ль, княжна?
Вителлія. Да, ревность. — Не терплю презрѣнья.
Ты любишь, говоришь, меня?
Секстъ. *(взявъ ее за руку)*. Ахъ, сердце бъ ты мое коль зрѣла!
Вителлія. И ты не смѣешь моего
Открытой пріобрѣсть цѣною
И раздѣлить со мной престолъ?
Поди жъ, мой Секстъ, смиренный, мудрый,
Свободенъ отъ обѣтовъ будь.
Дѣятельнѣй тебя, быть можетъ,
Найду отмстителя себѣ *(хочетъ уйти)*.
Секстъ. Вителлія! одно лишь слово.
Вителлія. Прости.
Секстъ. Постой, — но признаюсь,
Что я медленію причиной;
Но днесь, внемлите клятвы вновь,
О боги! сдѣлаю, что хочешь. *(Музыка переходитъ въ дуэтъ; въ продолженіе риторнеля Вителлія возвращается назадъ и, лаская его, обнимаетъ)*.

ДУЭТЪ.

Секстъ. Требуй, вели, рѣшаюсь,
Властвуй надъ моей душой.
Ты жизнь моя, ты судьба:
Все, все исполню я.
Вителлія. До солнечна заката
Сбрось хищника мнѣ съ трона;
Носима имъ корона —
Наслѣдственно моя.
Секстъ. Зри, какъ меня вспаляешь.
Вителлія. Чтожъ его не пронзаешь?
Секстъ. Взгляда только ожидаю,
Что будешь ты моя.
Оба вмѣстѣ *(каждый въ свою сторону)*.
Страшныхъ мученій адъ
Грудь мою разрываетъ.
Ахъ! что не прилетаютъ
Дни спокойствія назадъ?

Digitized by Google

ИЗЪ ОПЕРЫ «ѲЕМИСТОКЛЪ»*.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ксерксъ, Аспазія, Неоклъ, Роксана, Лизимахъ, Ѳемистоклъ и Севастъ подъ присмотромъ **.

Ксерксъ. И такъ ты, Ѳемистоклъ, рѣшился
Быть другомъ наконецъ моимъ?
Приди, — да царь тебя обниметъ *(хочетъ обнять)*.
Ѳемистоклъ *(удаляясь съ почтеніемъ)*. Постой.
Ксерксъ. Зачѣмъ?
Ѳемистоклъ. Не смѣю я,
Да прежде учинюсь достойнымъ.
Ксерксъ. Священна чаша предстоитъ,
На жертвенникѣ ужъ готова:
Желанну мнѣ присягу дай,
И бѣдства Грѣковъ да начнутся.
Ѳемистоклъ. Изыдь изъ заблужденья, Ксерксъ;
Я слово далъ придти, — не клясться.
Ксерксъ. Но ты...
Ѳемистоклъ. Внемли, о государь!
И вы, стоящи съ Лизимахомъ!
Всѣ купно Ѳемистокла рѣчь:
Рокъ непріязненный доводитъ
Меня неблагодарнымъ быть
Или предателемъ отчизны;
Изъ золъ сихъ выберу ль одно?
Нѣтъ! Смерть отъ нихъ спасти лишь можетъ.
Жизнь наша есть небесный даръ,
И состоитъ онъ въ нашей волѣ:
Путь мною избранный есть — гробъ.
Лизимахъ *(про себя)*. Что слышу!
Ксерксъ *(тоже)*. О превѣчны боги!
Ѳемистоклъ *(вынимая изъ-за пазухи ядъ)*. Вотъ въ ссылкѣ вѣрный спутникъ мой.
Онъ въ чашѣ все свершитъ священной.
О божества всѣхъ думъ моихъ!

---

* Переводъ изъ Метастазія. См. предисловіе къ настоящему тому.

** Аспазія и Неоклъ — дѣти Ксеркса; Роксана — царевна персидская; Лизимахъ — посолъ аѳинскій; Севастъ — царедворецъ Ксеркса. Дѣйствіе въ Сузѣ.

Digitized by Google

Ты, вѣрность сердца, благодарность,
Въ сей вольной жертвѣ будьте мнѣ
Вездѣ вы соприсущны славой.

Аспазія *(про себя)*. Кончаюсь.

Ксерксъ *(также)*. Въ изумленьи я!

Ѳемистоклъ. Увѣрь, о Лизимахъ! Аѳины,
Мой другъ, ты въ вѣрности моей
И испроси благоволенье
Ихъ къ праху моему; а я
Прощаю ихъ въ моемъ изгнаньи
И въ бѣдствахъ, кои снесъ отъ нихъ,
Коль тамъ моя гробница будетъ,
Гдѣ прежде колыбель была.
А ты, царь, не раскаявайся
Въ благодѣяніяхъ твоихъ.
Ты воздапъ будешь удивленьемъ
За нихъ потомства; я же, какъ
Ужъ отслужить другимъ безсиленъ,
То долгъ мой — молча чтить тебя
И умирать. О рогъ жестокій!
Но милосерды боги! Коль
Мольбы невинности послѣдни
Идутъ до васъ, услышьте ихъ,
И сохраняючи Аѳины,
Подъ кровь примите свой сего
Царя и всѣ его вы царства,
Да, къ Грекамъ Ксерксъ склонясь душою,
Имъ будетъ другъ, и гнѣвъ его
На нихъ съ моей да пройдетъ смертью.
Царь, дѣти, другъ, народъ, прости! *(подноситъ чашу къ устамъ)*.

Ксерксъ. Что дѣлаешь? Остановися,
Да чаша не коснется устъ!

Ѳемистоклъ. А чтожъ?

Ксерксъ *(отнимая чашу)*. Мнѣ снесть сего не можно.

Ѳемистоклъ. Зачѣмъ?

Ксерксъ. Причины многи суть,
И ихъ изречь вдругъ не умѣю.

Ѳемистоклъ. Нельзя смерть у меня отнять;
Царей она не подъ начальствомъ.

Ксерксъ *(бросая чашу)*. Живи, великій мужъ, честь дней
Моихъ и вѣчно прославленье!
Люби отечество, и я
Съ тобою въ томъ согласенъ.
И можно ль ненавидѣть край
Счастливый, въ свѣтъ гдѣ происшелъ
Такой великій мужъ, какъ ты?

Digitized by Google

Өемистоклъ. Могла ль, о боги! столь высоко
Моя надежда воспарить?
Ксерксъ. Внемли, и позавидуй власти
Моей тебѣ соревновать:
На томъ же алтарѣ, гдѣ клясться
Ты противъ Грековъ долженъ былъ,
Клянусь днесь самъ имъ въ вѣчномъ мирѣ;
Да будутъ, вѣрный гражданинъ,
Великодушный ихъ изгнанникъ,
Обязаны они тебѣ
Единственно своимъ спокойствомъ.
Өемистоклъ. Какое ты, изящный царь,
Обрѣлъ торжествовать искусство!
Столь смертный могъ ли быть великъ?
О, сколько Греки и Аөины
Вы счастливы, меня изгнавъ!
Аспазія. О радостный!
Неоклъ. О день желанный!
Лизимахъ. Позвольте же и мнѣ летѣть
Дать Грецьи вѣсть о состязаньи
Толь величайшихъ душъ. Она
Признательной, конечно, будетъ
И миродавцу и тебѣ,
Великій за нее ходатай.
Севастъ (*бросаясь къ ногамъ Ксеркса.*) За преступленье мнѣ изречь
Прошу, Ксерксъ, казнь, — жизнь бремя.
Ксерксъ. Возстань, Севастъ! Я днесь хощу
Дышать лишь радостью единой:
Прощенъ ты мной. Даю въ любви
Свободу и тебѣ, Аспазья,
Какъ должну мзду. Тебѣ жъ мою,
За вѣрность мнѣ, Роксана, руку,
Аспазія. Ахъ, Лизимахъ!...
Роксана. Ахъ, Ксерксъ! ты мой!
Өемистоклъ. Благопріязненные боги!
Даруйте средство изъявить
Мою вы Ксерксу благодарность.
Ксерксъ. Молю и я ихъ блюсть тебя:
Что въ доблесть ты меня влюбивши,
Далъ больше мнѣ, чѣмъ мной пріялъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ОПЕРЫ «ЭСФИРЬ»*.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ассуръ, Эсѳирь, Мардохей, Гаій, Ѳомарь, дѣвы, евнухи и царедворцы.

Ассуръ (*обнимая Мардохея*) О, небесамъ любезный смертный!
Подпора трона, честь моя!
Какимъ обязанъ я признаньемъ
И благодарностью тебѣ,
Что, жизнь и скиптръ мнѣ сохраняя,
Прогналъ ты мглу съ очей моихъ,
Коварствомъ вкругъ меня лежавшу;
Что дѣву милу, какъ Эсѳирь,
Ты воспиталъ мнѣ, возлелѣялъ,
Котора славу и блаженство
Мое составить можетъ ввѣкъ.
О, такъ! великимъ хоть я чтуся
Побѣдой Франковъ, Сиріянъ;
Но внутреннихъ враговъ побѣда
Сильнѣйшимъ дѣлаетъ царя;
А благонравная супруга
Смиренною ея душой
Свѣтлѣе всѣхъ ему вѣнцовъ.

Мардохей. Благополучнѣе считаться
Она должна всѣхъ въ свѣтѣ женъ,
Что сдѣлалась благоугодной
Столь сердцу мудраго царя;
А паче, коль она на милость
Его преклонитъ спасть нашъ родъ.

Ассуръ (*взявъ скиптръ и прикасаясь имъ къ Эсфири*). Да предковъ жезлъ сей мой священный
Законовъ силою отдастъ
Тебѣ не только безопасность,
Но и всему народу жизнь,
Права, свободу, какъ и Персамъ,

* Трагедія Расина *Эсфирь* еще въ 1780-хъ годахъ была два раза переведена на русскій языкъ. Впослѣдствіи она явилась еще разъ въ переводѣ Катенина. Но *опера* того же имени по видимому заимствована не оттуда; по крайней мѣрѣ, лица въ обѣихъ пьесахъ не совсѣмъ тѣ же, и ходъ дѣйствія въ каждой особый. Оперы *Эсфирь* на другомъ языкѣ намъ не удалось отыскать.

Digitized by Google

И да цвѣтетъ Юдея такъ,
При Кирѣ какъ цвѣла она.

Мардохей (*упадая въ ноги*). Нѣтъ словъ изречь благодаренье...

Ассуръ (*поднимая Мардохея*). Возстань! та мзда еще мала,
Коль вѣрный рабъ благословится;
Но царь довѣренность свою
Да дѣлитъ съ нимъ на самомъ дѣлѣ,
Давъ власть счастливыми творить (*отдаетъ Мардохею скиптръ.*)
Вотъ скиптръ, будь соправитель царства
Мнѣ моего, какъ былъ Аманъ.

Мардохей (*не принимая скиптра*). Нѣтъ, царь! владѣй ты имъ съ царицей,
Да будетъ тайною тебѣ
Она помощницей, подпорой,
Прибѣжище сиротъ и вдовъ,
Невинныхъ щитъ и притѣсненныхъ
И общая народа мать.

Ассуръ. Совѣтъ твой мудрый я пріемлю:
Да соцаритъ со мной Эсѳирь.

Эсфирь (*съ смиренномудріемъ*). О тяжкій долгъ супруги царской
И купно сладостный притомъ,
Чтобъ управлять его душою,
Своей ему подвластной бывъ!

ДУЭТЪ.

Ассуръ и Эсѳирь.

Любви къ отечеству и правды
Орудьемъ быть благимъ богамъ,
Другія не желать награды,
Какъ благоденствія людямъ,
Да будетъ нашимъ общимъ долгомъ
И въ томъ другъ другу мы залогомъ.

ТРІО.

Ассуръ, Мардохей (съ арфою) и Ѳомаръ.

Да славится великодушна,
Смиренномудрая Эсфирь,
Что, небу ставъ послушна,
Не для сіянія порфиръ,
Но для людей своихъ спасенья
Пріяла бодро дерзновенье
Себя на жертву принести,
На гнѣвъ царя, на смерть идти!

КВАРТЕТЪ.

Да славится великодушный
Благій и кроткій Артаксерксъ,
Что гласу правды сталъ послушный,
Отеръ народныхъ токи слезъ

Digitized by Google

И, злость отъ трона удаляя,
Клеветъ оковы расторгая,
Въ блескъ доблестей себя облекъ,
Въ царѣ ставъ богъ и человѣкъ!

НАЧАЛО ОПЕРЫ «СЧАСТЛИВЫЙ ГОРБУНЪ»*.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ великолѣпную царскую палату, въ которой Царь-добрый человѣкъ возсѣдаетъ на престолѣ для правосудія своего народа. Совѣтъ его составляющіе бояре сидятъ по обѣ стороны престола. За ними предстоятъ во множествѣ придворные и стража съ аллебардами. Кругомъ, на хорахъ, мусикійскіе лики.

Хоръ Какъ полный мѣсяцъ среди звѣздъ
На голубомъ небесъ пространствѣ
Обширность освѣщаетъ мѣстъ:
Царь-добрый человѣкъ въ убранствѣ
Такъ здѣсь среди бояръ сидитъ,
Сердца народа веселитъ,
Всѣхъ гонитъ мракъ, рѣшитъ всѣхъ прю.
О, слава доброму царю!

Царь. Провозгласи, бирючъ, страны моей народу,
Что видѣть я себя даю теперь свободу.

Бирючъ (*трубитъ и потомъ возглашаетъ*). Слушай, народъ православный! я кличу кличъ по повелѣнію царскому. Кто хочетъ видѣть пресвѣтлыя его очи, слышать его слова медоточныя и видѣть его милость, судъ и правду, — ступайте, бѣгите: двери всѣмъ къ нему отверзты!

ЯВЛЕНІЕ II.

Съ обѣихъ сторонъ выходятъ челобитчики разнаго состоянія, богатые и убогіе, старые и младые, здоровые и увѣчные, имѣя на головахъ своихъ грамотки, и кланяются.

Хоръ. Видя въ тебѣ отца втораго,
Бьемъ челомъ до лица земнаго.

* Въ рукописи къ заглавію прибавлены слова: «опера въ пяти дѣйствіяхъ». Эта пьеса была задумана Державинымъ въ подражаніе повѣсти Карамзина: «Прекрасная царевна и счастливый карла», напечатанной въ *Московскомъ Журналѣ* (августъ 1792). Дѣйствующими лицами предназначились: Царь-добрый человѣкъ; царевна Прекраса, дочь его; четыре царевича, женихи Прекрасы; колдунъ; бирючъ; Счастливый Горбунъ, любовникъ Прекрасы; дядька Синбалда; слуга Личарда; вѣстникъ; вельможи и воины. За помѣщаемымъ здѣсь отрывкомъ слѣдуютъ въ рукописи еще два куплета, очевидно имѣющіе связь съ предметомъ предположенной пьесы, но написанные такъ торопливо, что ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, разобрать невозможно.

Digitized by Google

Слезы отри ты изъ глазъ;
Выслушай, выслушай насъ.
Царь. Гой еси, милый мой дядька Синбалда
И вѣрный мой слуга Личарда!
Просьбы ихъ примите
И мнѣ ихъ разскажите.
(Дядька Синбалда и слуга Личарда, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ совѣта, выходятъ на середину, и каждый съ своей стороны отбираетъ прошенія у челобитчиковъ, становится предъ царемъ и совѣтомъ.

Digitized by Google

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ ДЕРЖАВИНА,

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ НАПЕЧАТАННЫХЪ

ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ АКАДЕМИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ ПО ОДНѢМЪ РУКОПИСЯМЪ.

(всего **274** пьесы.)

ТОМЪ I.

ТОМЪ III.

Digitized by Google

Приписанныя Державину:

ТОМЪ IV.

Digitized by Google

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ ДЕРЖАВИНА,

которыя

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВОШЛИ ВЪ СОБРАНІЕ ТРУДОВЪ ЕГО,

НО БЫЛИ УЖЕ ПРЕЖДЕ ПОМѢЩЕНЫ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ И СБОРНИКАХЪ ИЛИ ОТДѢЛЬНО ИЗДАНЫ.

(всего **55** пьесъ.)

ТОМЪ I.

Стр.

ТОМЪ II.

ТОМЪ III.

Digitized by Google

Приписанное Державину:

ТОМЪ IV.

Digitized by Google

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ I, II, III и IV ТОМАМЪ

СОЧИНЕНІЙ ДЕРЖАВИНА.

Въ этотъ Указатель вошли главнымъ образомъ собственныя имена лицъ; но въ немъ можно найти и другія названія, частью мѣстъ, частью предметовъ Само собою разумѣется, что онъ относится столько же къ примѣчаніямъ, сколько къ тексту. При именахъ, по большей части, означены и предметы, о которыхъ всякій разъ идетъ рѣчь. Этого не дѣлалось только тогда, когда обозначить предметъ въ немногихъ словахъ было затруднительно или когда такое обозначеніе казалось излишнимъ по малому числу ссылокъ. Относительно *Объясненій* Державина считаемъ нелишнимъ напомнить, что въ нихъ всѣ подробности могутъ быть легко отыскиваемы съ помощію одного указанія, находящагося вездѣ въ нашихъ примѣчаніяхъ: именно, при каждомъ стихотвореніи, въ примѣчаніи 1-мъ означенъ нумеръ этого стихотворенія по изданію 1808 г. (если оно тамъ помѣщено); этимъ же самымъ нумеромъ отмѣчено стихотвореніе въ *Объясненіяхъ*. Напр. въ 1-мъ примѣчаніи къ одѣ *Водопадъ* сказано, что она напечатана въ изданіи 1808 года, ч. I, XLIII: поэтому примѣчанія къ ней самого Державина тотчасъ могутъ быть найдены, если читатель обратится къ *Объясненіямъ*, въ концѣ III-го тома нашего изданія, и тамъ по заголовкамъ вверху страницъ, отыщетъ ч. I, XLIII.

Въ настоящемъ Указателѣ большая римская цифра означаетъ томъ, маленькая же римская и арабская — страницу.

Сокращенія: Тж. = тамъ же; сл. = слѣдующая; слл. = слѣдующія (страницы.)

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

ВЪ I ТОМѢ:

Стр.

65 Во 2-мъ прим. слова о рисункѣ въ скобкахъ излишни.

335 Въ концѣ примѣчанія вмѣсто Озерцовскій читай Озерецковскій.

ВО II ТОМѢ:

114 На 2-й строкѣ вмѣсто Мишецкой читай Мышецкой.

— Въ выноскѣ вмѣсто Н. А. Львовъ читай Н. А. Львова.

152 Во 2-мъ примѣчаніи вмѣсто Евгеній Бугларъ читай Евгеній Булгаръ.

292 Въ 8-мъ примѣчаніи вмѣсто 118 должно быть 269.

322 Въ 14-мъ стихѣ св. вмѣсто мой читай пой.

ВЪ III ТОМѢ:

269 Въ 1-мъ примѣчаніи вмѣсто 445 читай 316.

345 Въ концѣ примѣчанія вмѣсто А. И. Кожевниковой читай А. П. Кожевниковой

391 Въ 1-мъ примѣчаніи при имени гр. Хвостова вмѣсто 301 читай II, 307. III, 406 и сл.

631 Въ Общемъ алфавитномъ спискѣ между *надписями* опущена *Надпись на положеніе медали на гробъ Петра В. по случаю столѣтія С.-Петербурга* III, 468.

Тж. на стр. 641, при названіи *Эпитафія завоевателю*, вмѣсто цифръ I, 97 должно быть III, 97.

5140 019

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google